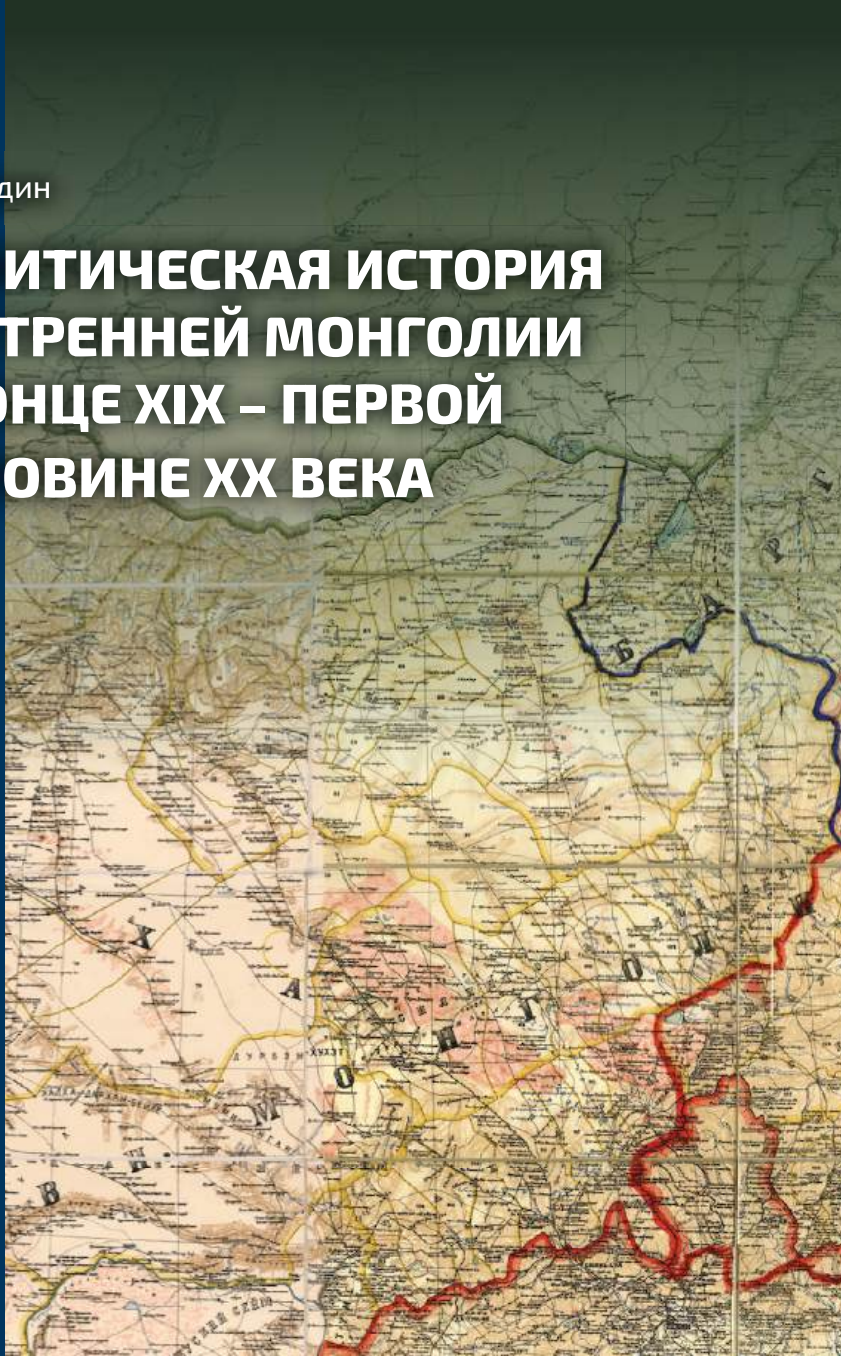


П. Н. Дудин

# ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА





П. Н. Дудин

## **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

В монографии исследуется политическая судьба Внутренней Монголии, дается характеристика процесса становления государственности в контексте геополитических сценариев и исторических процессов в конце XIX — первой половине XX в., которые привели ее к статусу автономного района в составе Китайской Народной Республики.

Книга адресована ученым-востоковедам, историкам, политологам, социологам, студентам вузов, обучающимся по специальности востоковедение, а также всем, кто интересуется историей монголоязычных народов Внутренней и Восточной Азии.



**НАУКА**

— 1727 —

ISBN 978-5-02-041552-2



9 785020 415522





**КОНКУРС**  
ТРУДОВ МОЛОДЫХ  
УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ

П. Н. Дудин

# **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ**

**в конце XIX — первой половине XX века**



Новосибирск  
«Наука»  
2024

УДК 32.001(517.3)  
ББК 66.033(5Кит)  
Д812

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *С.Г. Лузянин*  
доктор исторических наук *С.Л. Кузьмин*  
доктор исторических наук, профессор *В.Г. Дацышен*

Научный редактор

доктор исторических наук, академик РАН, профессор *Б.В. Базаров*

**Дудин П.Н.** Политическая история Внутренней Монголии в конце XIX — первой половине XX века. — Новосибирск: Наука, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-02-041552-2.

В монографии исследуется политическая судьба Внутренней Монголии, дается характеристика процесса становления государственности в контексте геополитических сценариев и исторических процессов в конце XIX — первой половине XX в., которые привели ее к статусу автономного района в составе Китайской Народной Республики.

Книга адресована ученым-востоковедам, историкам, политологам, социологам, студентам вузов, обучающимся по специальности востоковедение, а также всем, кто интересуется историей монголоязычных народов Внутренней и Восточной Азии.

ISBN 978-5-02-041552-2

© Дудин П.Н., 2024

© ФГБУ Издательство «Наука», редакционно-издательское оформление, 2024

© Палей П.Э., оформление, 2024

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики (далее — Внутренняя Монголия) занимал и продолжает занимать в китайском государстве и системе международных отношений Восточной Азии важное положение, обусловленное историческими, культурными, географическими, экономическими и другими стратегическими факторами. Став первым среди пяти автономных районов обновленного социалистического Китая, сегодня это третья по размеру административно-территориальная единица (после Синьцзян-Уйгурского и Тибетского автономных районов) с населением свыше 25 млн чел., из которых монголы составляют около 6 млн (9-е место среди национальных меньшинств КНР). Экономика региона в течение полутора десятков лет стала самой быстрорастущей по объему валового регионального продукта. Своеобразное географическое положение и протяженность границ (включая и государственную границу КРН) предопределили его влияние как на соседние провинции, так и на Монголию и ряд российских субъектов, это сделало автономный район одним из важных субъектов в геополитических процессах не только в Восточной Азии, но и на всем Азиатском континенте, а инициатива руководства КНР «Один пояс и один путь» обеспечила новые экономические и политические перспективы для Внутренней Монголии и ее населения.

Несмотря на обилие в мировом научном поле трудов, посвященных исследованию Внутренней Монголии в самых различных областях, сегодня приходится констатировать, что общественно-политическая сторона жизни автономного района, ее развитие в ретроспективе, место региона в структуре Китая как в прошлом, так и в настоящем, другие аспекты государственной системы и государственности в целом изучены не в полном объе-

ме. Остается большое количество «белых пятен», что не позволяет дать объективную оценку современным событиям или построить научный прогноз. Именно это обстоятельство заставляет нас еще раз обратить пристальное внимание на историю Внутренней Монголии и подойти к этому вопросу с междисциплинарных позиций.

Российская историография также не богата на научный материал, несмотря на то что Внутренняя Монголия играла весьма существенную роль в становлении и китайской, и монгольской (имеется в виду современная Монголия, Монгол Улс) государственности, равно как и государственности народов на территории Сибири и российского Дальнего Востока в первой половине XX в. Будучи предметом ожесточенных споров и противостояния различных государств, она регулярно появляется в международных договорах, соглашениях, государственных докладах и секретных записках, определяющих региональный порядок и направленных на обеспечение стратегического присутствия этих стран в Восточной Азии.

Ввиду географической, исторической и культурной близости Маньчжурии, развитие и статус которой также породили геополитическое противостояние, судьба Внутренней Монголии тесным образом оказалась связана с судьбой маньчжурского региона и его населением, связь эта не прекращается и поныне. Схожесть статуса Внутренней Монголии в составе империи Цин, Китайской Республики и КНР, формирование идей о собственной политической судьбе, попытки претворения их в жизнь, а также способность к рефлексии и объективному переосмыслению своего места в монгольском мире подводят нас к мысли о ее самостоятельности. А знание этих аспектов в научной среде современных историков, востоковедов, юристов, политологов и специалистов в области международных отношений позволит более эффективно оценивать современную геополитическую ситуацию в Восточной Азии в целом и осуществлять ее прогноз.

Поэтому, не претендуя на всестороннее исследование, мы предпримем попытку дать ответы на некоторые из обозначенных выше вопросов и рассмотреть историю Внутренней Монголии в русле истории ее государственности с опорой на имеющиеся



архивные данные, научные труды и источники. Одновременно с этим, учитывая огромный фактический материал, находящийся в Китае, Японии, России и других государствах, до сих пор не введенный в научный оборот, мы оставляем место для других исследований в данном направлении, которые позволят более детально и предметно достроить картину в отношении как самой Внутренней Монголии, так и Северо-Восточного Китая и сопредельных государств.

В настоящей работе исследовано развитие государственности Внутренней Монголии в противоречивый и малоизученный период истории Восточной Азии. В современной научной литературе, имеющейся в публичном доступе, о событиях, происходивших в империи Цин и Китайской Республике, Внутренняя Монголия затрагивается поверхностно, и хотя сложный и интересный путь развития этой части монгольских земель находит свое отражение в научных статьях и монографиях отечественных и зарубежных ученых, их явно недостаточно. Сложившаяся научная традиция предполагает рассмотрение монгольской государственности в строго очерченном пространстве и государственных границах, тогда как мы в своей работе анализировали государственные институты Внутренней Монголии в их тесной взаимосвязи с другими монгольскими государственными образованиями, а также государственностью империи Цин и Китайской Республики. Это вызвано тем, что разносторонний, многовекторный процесс политической трансформации и огосударствления не избежал внешнего влияния. Помимо этого, нами предложен подход к рассмотрению процесса становления государственности Внутренней Монголии как составляющей развития государственности не только китайского, но и всех монголоязычных народов Восточной Азии.

Учитывая, что многие источники, в том числе архивные, освещающие рассматриваемые нами события, незаслуженно выпали из исследовательского поля, введение их в оборот дало новые сведения об истории Внутренней Монголии. Особую роль здесь сыграли средства массовой информации Европы, Северной Америки, Азии и Австралии — именно с их помощью удалось реконструировать ряд процессов и событий, определяющих развитие

монгольской государственности, а также установить между ними причинно-следственную связь.

Дополнения и структурирования потребовали знания о китайской колонизации монгольских земель и ее механизмах, что позволило прийти к выводу о существенном влиянии этого процесса на формирование монгольской государственности, включая движение за независимость, трансформацию статусов монгольских территорий, консолидацию монгольских земель и наступившие политические последствия. В результате было сформировано собственное понимание колонизационных процессов в их связке с присутствием в регионе российских и японских интересов, и как следствие, — конкуренции моделей политий, находящихся под влиянием этих держав. Также осуществлен анализ трансформации государственных институтов Внутренней Монголии и их включения в государственный механизм Китайской Республики посредством создания особых районов/провинций. Это, в свою очередь, позволило выявить легальный способ соблюдения интересов монгольских элит при встраивании хошунов и сеймов Внутренней Монголии в государственную систему Китая.

Выявленные нами конкуренция сфер влияния и механизмы его обеспечения потребовали переосмысления роли и значения российской дипломатии в вопросах трансформации статусов монгольских земель после Синьхайской революции, учитывая, что японская сторона также активно использовала официальные и неофициальные каналы, включая и общественную дипломатию.

Доступ к новым материалам позволил предложить новую трактовку причин провала движения за независимость Внутренней Монголии после Синьхайской революции. Было установлено, что эти причины не ограничивались лишь тесной интеграцией с китайской государственностью и военным давлением нового республиканского руководства, а сводились к соглашательской позиции части монгольских князей, не желавших терять свои привилегии в случае создания единого монгольского государства под властью Богдо-гэгэна.

Исследование национальной политики Маньчжоу-Го и ее последствий для развития монгольской государственности способствовало введению в научный оборот новых данных об авто-

номиях и государствовподобных образованиях, претендующих на самостоятельный статус в 1930–1940-е годы, благодаря чему удалось сформировать понимание японской политики по созданию Великой восточноазиатской сферы взаимного процветания в этой части Восточной Азии.

Наконец, изучение государствовподобных образований на территории Внутренней Монголии после окончания Второй мировой войны и их политической судьбы позволило выявить закономерности успеха Коммунистической партии Китая в деле объединения этой части монгольских земель, приведшего к созданию автономного района Внутренняя Монголия.

Следует оговорить, что некоторые конструкции, термины и позиции, используемые нами исходя из междисциплинарного характера исследования, могут вызывать вопросы и нарекания у представителей различных гуманитарных наук, однако в сложившихся условиях подобный подход оказался необходимым.

Во-первых, мы не изучали непосредственно военные действия, операции, сражения, когда речь идет о периодах военных действий на территории бывшей империи Цин — японско-китайского конфликта 1931–1945 гг., Второй мировой или гражданской войны 1947–1949 гг. в регионе, — они служат только фоном и упоминаются тогда, когда это необходимо для общей характеристики ситуации. А поскольку научная литература по этому поводу изобилует фактологией и имеется в свободном доступе, о подобных обстоятельствах мы упоминаем лишь отсылкой к ним, предоставляя читателю возможность ознакомиться с материалами самостоятельно.

Во-вторых, перевод англоязычных текстов осуществлен нами, имена, названия географических объектов даны в авторском переводе и интерпретации. Перевод с восточных языков, включая имена и названия городов, областей, провинций, сеймов, хошунов, иных населенных пунктов, органов власти и управления, является авторским, осуществленным с участием профессиональных переводчиков. Поскольку речь идет о людях и территориях, равно относимых к монголосфере и собственно Китаю, то возникает проблема двойных имен и названий. Часть имен, например

Дэмчиг Донров / Дэмчигдонров, Алтан-Очир, Мэрсэ / Мэрсээ и другие, используются в общепринятом произношении и написании. Монгольские имена употребляются в тексте с учетом системы пиньинь, что позволяет транслитированное имя Юньдуаньвангчхукэ преобразовать в монголизированное Юньдуань Ванчук или Юнь Ван, Токхэтоху — в Тогтох и т.д. Однако подобное «упрощение» в основном касается имен тех государственных деятелей и участников событий, которые известны специалистам-ученым: князь Юнь, Содномравдан, Шагдуржав и др. В остальном написание имен ориентировано на китайскую традицию употребления, поэтому наиболее важные или знаковые персоны мы дополнительно снабжаем китайским вариантом имени, дающимся в скобках: Нямасор (кит. имя — Ни Гуаньчжоу); или наоборот, общеупотребительное и более известное китайское имя сопровождается монгольским аналогом: Бай Юньти (монг. имя — Цэрэн Донров). В ряде случаев, когда в научной литературе имеется англоязычный аналог, мы склонны придерживаться точного перевода, соотносимого со звучанием и написанием, даже если при этом имеются расхождения с общеупотребительным: имя *Shagdurjab*, созвучно переводящееся как Шагдуржаб, согласно монгольской традиции уместно произносить и употреблять как Шагдуржав; *Darjaya* — Даричжая, используем как Дали Чжая; *Jodbajab* — Джодбажаб, используем как Жодовжав и т.д.

В-третьих, для удобства восприятия и унификации текста в большинстве случаев, там, где это допустимо, мы используем привычные названия вместо официальных: не Урга, а Улан-Батор, не Бэйпин, а Пекин, не Синьцзин, а Чанчунь и т.д. К этому добавляется проблема использования топонимов, переименования части географических объектов (городов, поселков, уездов и др.), в связи с чем сведения источников (например, газетных статей) могут не всегда точно соотноситься с современными объектами. Возможно воспроизведение их названий с ошибками (англ. *Pailingmiao* вместо *Bailingmiao*, поскольку европейцы, американцы и австралийцы того времени были слабо знакомы или совсем не знакомы с публикуемыми именами собственными). Некоторые применялись ранее, но в настоящее время вышли

из употребления (рус. Бутхалка вместо Байлинмяо). Там, где это возможно, мы используем общеупотребимые современные названия или даем пояснения об их переименовании.

В-четвертых, официально признаваемое международным сообществом китайское руководство нами именуется как центральное правительство, центральное руководство, руководство Китая, тогда как, если речь идет о государственных образованиях и правительственных структурах коллаборационистов, мы делаем оговорку или название структуры берем в кавычки. Под термином «нанкинское правительство» мы также имеем в виду официально признаваемое международным сообществом китайское руководство, несмотря на то что на определенном этапе формально оно перестало быть «нанкинским» и стало «чунцинским».

В-пятых, в тексте работы написание названий органов управления, государственной власти, иных публично-властных и государственных институтов, нормативных правовых актов дано в авторской редакции.

В остальном мы придерживаемся устоявшейся научной традиции.

*С благодарностью  
моей маме*

*Дудиной Ирине Павловне,  
моим наставникам*

*Михалеву Алексею Викторовичу  
и Курасу Леониду Владимировичу,  
моему единомышленнику  
Кобелеву Сергею Вениаминовичу*

## **ВВЕДЕНИЕ**

Цель нашей работы — раскрыть историю Внутренней Монголии в конце XIX — первой половине XX в. через характеристику процесса становления ее государственности в контексте геополитических сценариев и исторических процессов, которые привели ее к статусу автономного района в составе КНР, обозначив тем самым эту сферу научного знания как политическую историю заявленного региона.

Объектом исследования выступает автономный район Внутренняя Монголия как составная часть Китайской Народной Республики, претерпевающий различные трансформации своей государственности. Предметом исследования являются закономерности и особенности исторического процесса политического развития Внутренней Монголии на рубеже конца XIX — первой половины XX в., включая ее статус и позицию в отношении мировых держав — России и Японии.

Нижней границей хронологических рамок исследования следует определить активизацию процесса колонизации монгольских земель, совпавшую с ослаблением империи Цин из-за ряда военных поражений как на международной арене, так и внутри страны. Поскольку данный процесс происходил не одномоментно, а неэффективность государственного аппарата проявлялась постепенно, то и монгольская колонизация происходила постепенно и стихийно. Ключевые исторические события, к которым привязана нижняя граница, — поражение в Японо-китайской войне (1894–1895) и утрата вассальной зависимости Кореи, серия новых неравноправных договоров относительно Цзяо-Чжоу (Киао-Чао), Ляодуна (Квантуна) и Вэйхайвэя, а также восстание

ихэтуаней 1898–1901 гг., не только породившие фактический политический вакуум, но и вызвавшие всплеск националистических идей и во Внутреннем, и во Внешнем Китае, что наглядно демонстрировали ослабление государственного аппарата и вступление империи в завершающую стадию своего развития. Верхняя временная граница обусловлена ликвидацией провинций Жэхэ, Чахара и Суйюани, включением их территорий в состав автономного района Внутренняя Монголия и переносом его столицы в Хух-Хото, после чего становление государственности Внутренней Монголии осуществлялось в обновленном виде в русле социалистической модели государственностроительства.

Территориальные рамки исследования охватывают современный автономный район Внутренняя Монголия КНР, провинции Хэйлунцзян, Цилинь и Ляонин, а также части провинций Шаньси (городские округа Датун, Шоучжоу и часть Синьчжоу), Хэбэй (городской округ Чжанцзякоу) и Нинся-Хуэйский автономный район. При этом в своей работе мы не касаемся политической истории Барги / Хулун-Буира, поскольку полагаем, что ее исторические, культурные и политические взаимоотношения до середины XX в. в большей степени связаны с Маньчжурией, чем с Внутренней Монголией, несмотря на то что в настоящее время эта область включена в состав исследуемого нами автономного района.

Прежде чем перейти к исследовательской, основной, части нашей работы, остановимся на тех подходах, которые помогли нам сформировать целостную картину относительно государственности Внутренней Монголии и ее исторического пути с конца XIX до середины XX в. Эти подходы основываются на научных концепциях, ряд которых носит междисциплинарный характер и потому нуждается в некотором пояснении.

Методология исследования в целом определялась неoinституциональным подходом, где наиболее важным для нас является понятие «институт» как социальная система, содержащая формальные и неформальные нормы и установления. Согласно новой институциональной теории, институты — это наборы правил, процедуры соответствий, моральное и этическое поведение индивидумов в интересах максимизации богатства. Это разработанные людьми формальные (законы, конституции) и неформальные (дого-

воры и добровольно принятые кодексы поведения) ограничения (установления), а также факторы принуждения, структурирующие их взаимодействие. Д. Норт в структуре институтов выделил три главные составляющие: неформальные ограничения, формальные правила и механизмы принуждения, обеспечивающие соблюдение правил<sup>1</sup>. Таким образом, неоинституциональный подход позволяет отойти от изучения легальных институтов и сосредоточить внимание на фактической ситуации, конструируемой в регионе, на тех нормах и правилах, которые задавались властными центрами даже при непринятии их международным сообществом.

Поскольку мы неоднократно используем категорию «полития», поясним, что под ней понимаем охарактеризованную П.В. Пановым политическую единицу, где происходит институционализация политического порядка<sup>2</sup>, иными словами — такие единицы, которые представляют собой организованные политические сообщества. Для нас интересны не всякое организованное политическое сообщество и не любая полития, а только политическая единица в границах монгольских земель, обладающая свойствами государственности.

В ходе исследования мы опираемся на ряд правовых или околоправовых концепций, актуальных для своего времени. Обращаясь к теориям, использованным в качестве инструментов исследования, следует отметить, что после окончания Второй мировой войны миропорядок претерпел значительные изменения, и, с нашей точки зрения, возникла необходимость обратиться к научным позициям, близким по времени к рассматриваемым событиям, с последующей их экстраполяцией на современную политическую и международно-правовую действительность.

Ранее в нашей работе<sup>3</sup> было выведено определение монгольской государственности, которое в основе своей не может и не должно отличаться от определения государственности вообще и монгольской в частности: государственность, по нашему мнению, необходимо рассматривать не только как категорию, включающую разномасштабные понятия «статусность» (statehood) и «состоятельность» (stateness), но прежде всего как результат исторической, экономической, политической и внешнеполитической деятельности определенного общества, объединенного единой



территорией, историческим прошлым, культурной и этнической общностью по созданию относительно устойчивой, прочной политической организации, обеспечивающей территориальное, институциональное и функциональное единство; свойство и важнейший элемент общественной структуры, включающий в себя те или иные государственные учреждения, а также значительно более широкие категории, такие как идеология, взаимоотношения государства и общества, связи с другими государствами и т.п. Изучение государственности предполагает исследование исторических предпосылок, условий и факторов, в рамках которых формируется новая политическая организация; структуры государственно-правовых организаций и институтов; содержания национально-государственной идеи и практики ее реализации; принципов отношений государства и человека, государства и общества, государства и природной среды, государства и мирового сообщества. Именно на это определение мы и будем опираться при характеристике государственности Внутренней Монголии.

Далее в концепциях государственного суверенитета, субъектов международных отношений (международных лиц), государственной территории, населения (как и в вопросах соотношения международного и национального права, юрисдикции, государственных сервитутов, цессии) будем опираться на интерпретацию профессора международного права Кембриджа Лассы Фрэнсиса Лоуренса Оппенгейма<sup>4</sup>. В рамках заявленных концепций формулируется категориальный аппарат, обобщается международная и международно-правовая практика применения исследуемых норм, обычаев и обыкновений, а также дается содержательная оценка проблемы с позиций состояния науки международного права и международных отношений изучаемого периода. Это имеет большое значение для исследования, поскольку в контексте институционализации государственного механизма Внутренней Монголии в заданный период времени в северо-восточном сегменте Восточной Азии вопрос приобретения государственного суверенитета монгольских земель, за исключением Халха-Монголии, так и не получил окончательного разрешения.

При этом было учтено замечание О. Латтимора о том, что применительно к Монголии идеологические и категориальные уста-

новки «не работают однозначно в привычном восприятии западной политической терминологии»<sup>5</sup>. Поэтому всякое упоминание об автономии, суверенитете, государстве и государственности мы использовали в привычном понимании, но с учетом регионального, национального и исторического контекста.

Наиболее точный и всесторонний анализ обеспечивают научные разработки Л. Оппенгейма, О. Латтимора, Б.Э. Нольде, В.А. Овчинникова, М.В. Ильина и некоторых других.

Понятие «государство» Л. Оппенгейм трактует как «признающее существующим» — когда некоторая часть населения проживает в стране под властью своего собственного суверенного правительства, а для наличия статуса государства требуются: 1) население, т.е. совокупность лиц обоего пола, живущих совместно в обществе; 2) страна, в которой это население проживает; 3) правительство, т.е. одно или несколько лиц, представляющих население и правящих согласно праву данной страны; 4) суверенитет как высшая власть, не зависящая ни от какой другой земной власти, подразумевающий независимость как внутри страны, так и за ее пределами<sup>6</sup>. Приводимая научная позиция абсолютно совпадает с определением государства, которое дано в Конвенции Монтевидео 1933 г.<sup>7</sup>, поэтому мы и опираемся на нее как на наиболее убедительную и единственно легальную.

Л. Оппенгейм выделяет категорию международных лиц в качестве субъектов международного права и участников международных отношений и презюмирует ее источником само международное право, соблюдение которого является юридически обязательным и обеспечивает членство в семье народов, т.е. получение статуса «международное лицо»<sup>8</sup>.

Нам следует также обращать внимание на то, что при любых исторических обстоятельствах конфуцианство оставалось доминирующей идеологией в Китае до 1949 г.<sup>9</sup> И даже те территории, которые провозгласили независимость, не исключали учения Конфуция из организации системы государственного управления. Так, в Декларации о создании Маньчжоу-Го от 1 марта 1932 г. в качестве главных принципов, на которых строилось государственное управление, определены воля Неба и Ван-Дао (царский путь)<sup>10</sup>.

Следует уделить внимание вопросу международного признания, согласившись с Л. Оппенгеймом, что государственность сама по себе еще не подразумевает статуса суверенного государства и членства в семье народов. Государства, состоящие, по мнению Л. Оппенгейма, членами семьи народов, являются таковыми либо изначально, либо в силу признания, и для каждого государства признание — необходимое условие сосуществования, и только в этом случае государство становится международным лицом<sup>11</sup>. Ученый не поясняет, насколько необходимо для государства-претендента получение статуса международного лица, но мы допустим, что оно необходимо, хотя и имеет во многом символический характер. Л. Оппенгейм говорил в несколько более смягченной формулировке, что признание — это дело дискреционной власти государства, но при этом подчеркивал, что это не акт произвола. Так или иначе, но международное признание до сих пор играет важную, но не определяющую роль в статусности государств.

С понятием международного признания тесно связана категория государственного суверенитета, которую в русской государственно-правовой школе поддерживали В. Ивановский<sup>12</sup>, Н. Папиенко<sup>13</sup> и Г. Шершеневич, писавший о том, что, будучи независимой извне, государственная власть является высшей, или верховной, внутри<sup>14</sup>. В Советской России А.Я. Вышинский говорил о суверенитете как о фактической и юридической способности государства сделать свою волю обязательной для всех, на кого эта власть простирается. А если государство не способно себя защитить, значит, оно не суверенно<sup>15</sup>. Г. Еллинек характеризовал суверенитет как политическую идею, которая позднее становится юридической<sup>16</sup>. Л. Оппенгейм рассматривал суверенитет с точки зрения внутреннего права государства как наивысшую непроеизводную власть и исключительную компетенцию в определении границ своей юрисдикции, совместно с нормальным функционированием и развитием международного права и международной организации<sup>17</sup>. Таким образом, нам показана концепция как внутреннего, так и внешнего суверенитета.

Также мы опираемся на категорию государствоподобного образования, до настоящего времени не устоявшуюся ни в юриди-

ческой, ни в политической науке, ключевыми признаками такого образования выступают: 1) временный статус в качестве одного из субъектов международного права как мера временного урегулирования спорного вопроса или конфликта на обозначенной территории; 2) обладание некоторыми признаками государства<sup>18</sup>; 3) наличие международного признания<sup>19</sup> хотя бы одним государством — полноценным субъектом международного права (с оговоркой о том, что речь не идет о признании в качестве государства<sup>20</sup>); 4) самостоятельность имеет четко выраженные пределы<sup>21</sup> (в экономических, административных и культурных международно-правовых отношениях)<sup>22</sup>; 5) суверенитет и самостоятельность не тождественны; 6) правосубъектность вторична / производна по отношению к государству / государствам<sup>23</sup>.

Кроме того, мы будем учитывать позицию О. Латтимора относительно концепции сателлитов<sup>24</sup>, даже несмотря на то что позднее он подверг ее критике и в значительной мере отказался от своих первоначальных установок<sup>25</sup>. Суть и содержание этого термина нам важны по следующим причинам. В организации общественных и государственных структур Халха-Монголия и Внутренняя Монголия с начала 1920-х годов постепенно отдаляются друг от друга, а к началу 1930-х в их общественно-государственном укладе прослеживалось больше различий, чем общих черт. Тем не менее политическая судьба этих стран во многом оказалась схожей, различия лишь «патроны» и их методы, а цель оставалась идентичной — использовать занятые территории и их потенциал, с одной стороны, в качестве буфера, с другой — в качестве плацдарма. О. Латтимор писал: «...Внешняя Монголия никогда не была и не станет партнером первостепенной важности ни в военной стратегии, ни в качестве экспериментальной модели революционных методов для СССР. В краткой, но сокрушительной войне России против Японии Внешняя Монголия использовалась для фланговых маневров, главный же удар из Сибири был сосредоточен непосредственно на Маньчжурии. Нет никаких признаков того, что русские организовали линию снабжения именно через Монголию, чтобы помочь китайским коммунистам; и безусловно, это можно сказать совершенно определенно, китайские коммунисты никогда не создавали свои ячейки схожими по структуре или процедурам с анало-

гичными во Внешней Монголии. Во Внутренней Монголии нынешняя структура управления и организация коммунистической партии полностью обеспечена китайскими коммунистами, а не монголами из Внешней Монголии»<sup>26</sup>. Еще одним фактором формирования модели сателлита советского образца ученый называл национализм, который в случае с обеими моделями регионального политического порядка играл если не определяющую, то и не последнюю роль.

На примере данные процессы государственностроительства в ходе нашего исследования мы могли наблюдать и в Монгол-Го / Мэнцзяне — стране, которая выступала буфером от коммунистической угрозы и плацдармом для нападения на Советский Союз. Япония не рассматривала Внутреннюю Монголию (как и Советский Союз Халха-Монголию) в качестве своих приоритетов, это был лишь ресурс для достижения других, более важных, целей. Как СССР возлагал надежды на Китай, так Япония делала упор на Маньчжурию, и даже организация монгольских национальных провинций осуществлялась без деятельного участия лидеров Внутренней Монголии. А национализм стал именно той движущей силой, которая выступила катализатором сначала автономизации, а затем и суверенизации Внутренней Монголии. И хотя термин «сателлит» обладает в большей степени идеологическим, нежели юридическим, содержанием, восприятие тех или иных государств в качестве сателлитов, как ничто другое, отражает реальную, а не декларируемую ситуацию на международной арене.

Идеологический контекст предполагает понятие марионеточного государства, активно используемое представителями советской научной мысли в отношении занятых японцами территорий. В противовес сложившемуся в научном дискурсе представлению о «марионеточных государствах»<sup>27</sup>, воспроизводящему заданное еще социалистической пропагандой клише<sup>28</sup>, необходимо признать тот факт, что дефиниция «марионеточный» не является научной, а лишь транслирует политическую позицию, в связи с чем ее использование в научном обороте мы считаем нецелесообразным.

Значительный интерес вызывает концепция «квазигосударство», которая впервые вводится в научный оборот Р.Х. Джек-

соном и К. Росбергом<sup>29</sup> применительно к постколониальным политическим организациям неевропейской формации. Однако ограничиваться лишь послевоенным периодом нецелесообразно, поскольку имеющийся довоенный категориальный аппарат оказывается не настолько совершенным, чтобы позволить однозначно характеризовать Монгол-Го / Мэнцзян, а новый до настоящего момента окончательно не сложился.

И наконец, в отдельных моментах мы будем опираться на нашу концепцию буферных зон<sup>30</sup>, буферных государств<sup>31</sup> и автономных государств<sup>32</sup>.

В завершение описания категорий, позиций и подходов, используемых в настоящей работе, следует определить точку зрения автора по отношению к правовой характеристике взаимоотношений между властным центром и подконтрольными японцам территориями. В нашей работе это необходимо осуществить прежде всего в отношении японской и китайской (когда мы ведем речь о коллаборационистах), а также монгольской (когда мы говорим о монголах Внутренней Монголии) сторон, которые большинство ученых как в прошлом, так и сейчас описывают с позиций оккупации. Ознакомившись с основными научными взглядами по данному вопросу, констатируем, что использование в отношении японцев и их политики в Азии термина «оккупанты» носит скорее эмоциональный и фактический, чем правовой и формально-юридический, характер<sup>33</sup>. Советская правовая мысль под оккупацией понимала один из способов приобретения — первичное завладение «ничейной» (применительно к местному, туземному населению) территорией<sup>34</sup>, а под военной оккупацией — временное занятие территории войсками противника и констатировала не только фактическую оккупацию, при которой победитель вводил на соответствующей территории собственное законодательство, гражданскую администрацию, организовывал присягу и военный призыв в отношении местного населения<sup>35</sup> и т.д., но и наличие буржуазной научной доктрины, согласно которой имела место лишь временная фактическая замена законной государственной власти на данной территории государственной властью занявшего ее неприятеля, что предполагало сохранение общественного строя, законодательства,

правосудия. Авторы выделяли при этом так называемые колониальные войны, допускавшие аннексию, слом социально-экономического уклада, экспроприацию земли и т.д.

Европейская научная мысль также различала невоенную и военную оккупацию. Так, Л. Оппенгейм, перечисляя пять способов приобретения или завладения территорией (цессия, приращение, покорение, давность и оккупация<sup>36</sup>), писал, что оккупация — акт присвоения государством территории, не находящейся под чьим-либо государственным суверенитетом, и установления над ней своего суверенитета, а объектом оккупации может быть только никем не населенная и никому ранее не принадлежавшая территория<sup>37</sup>. Далее он отграничивает эту категорию от покорения (на основании того, что покоренная территория ранее принадлежала другому государству), цессии (добровольная передача права на территорию) и говорит о том, что оккупация есть основной способ приобретения территорий, в отличие от остальных, являющихся производными. Поэтому любая территория, принадлежащая до акта перехода на нее суверенных прав какому-либо государству, не могла рассматриваться как объект оккупации, соответственно, не могла быть оккупирована.

Ч.Ч. Хайд писал, что всякая оккупация иностранной территории и установление над ней контроля посредством вооруженных сил воюющего государства представляют собой оккупацию военную<sup>38</sup>. Оккупация вне зависимости от правового положения оккупанта рассматривается не как юридический, а как фактический акт (или эффективное господство<sup>39</sup>). Он влечет за собой установление военной или гражданской администрации<sup>40</sup>, ее начало либо объявляется публично, либо может не объявляться, но начинается при достаточном количестве вооруженных сил для разоружения населения и прекращения местного сопротивления в результате поражения вооруженных сил неприятеля, а прекращается при его вытеснении с занятой территории, эвакуации вооруженных сил и восстановлении власти прежнего правительства<sup>41</sup>. Далее автор приводит выдержки из заявления советника Государственного департамента США Хэворса, сделанного 7 мая 1936 г., в котором признаются верховная власть оккупанта над занятой территорией и его суверенитет над ней в течение всего

периода оккупации, хотя сам Хайд предлагает рассматривать оккупанта лишь как «временного владельца того, что он контролирует, а не как завоевателя, намеревающегося присоединить к своим владениям оккупированную область»<sup>42</sup>. Но в любом случае оккупированная территория не рассматривалась как вышедшая из-под государственного суверенитета потерявшего ее государства, а лишь переходящая под временное управление государства-оккупанта. Этот тезис подтверждали ст. 42–56 Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, которая не использовала термина «оккупация», он же в общем виде присущ и современной правовой научной мысли<sup>43</sup>.

Завоевание, близкое по характеру к оккупации, в самом общем виде понималось как завладение неприятельской территорией военной силой во время войны<sup>44</sup>. Здесь Л. Оппенгейм выделяет два способа завоевания: *ipso facto*, или завоевание как способ удержания, который носит временный характер и не предполагает автоматического установления государственного суверенитета над завоеванной территорией; завоевание как способ приобретения<sup>45</sup> — именно этот способ назывался покорением и предполагал как юридический, так и фактический акты. Юридический акт осуществляется при этом либо в форме соответствующего договора передачи права суверенитета, либо путем аннексии<sup>46</sup>. Акт аннексии в отношении суверенного государства юридически прекращает его государственный суверенитет, а в отношении части территории — его государственный суверенитет над данной частью территории. Под аннексией понимается односторонний юридический акт перехода суверенных прав на территорию от одного государства к другому, которое ранее фактически установило контроль над этой территорией. Именно акт аннексирования, по мнению Л. Оппенгейма, превращает завладение в покорение<sup>47</sup>. При этом условия, включенные в мирный договор между враждующими государствами, по которым завоеванная (приобретенная путем завладения) территория переходит от проигравшего войну государства под суверенитет выигравшего, лишают территорию статуса покоренной и придают ей характер цессии. Фактический акт требует прочного утверждения на данной территории и опережает аннексию.



И наконец, под аннексией советская правовая мысль понимала средство прямого вмешательства одного государства (интервента) в жизнь другого<sup>48</sup>, которое могло носить военный характер при сохранении с этим государством у интервента «нормальных» мирных отношений<sup>49</sup>. Европейская точка зрения предполагала «принудительное вмешательство одного государства в дела другого государства в целях сохранения или изменения фактического положения вещей»<sup>50</sup> либо участие третьей стороны (государства) в споре двух сторон, при котором интервент навязывает свою волю участникам спора с целью разрешения спора в желательном для него направлении<sup>51</sup>. Ситуация, возникшая между Японией и Китаем в отношении Северного, Северо-Восточного и Восточного Китая и Внутренней Монголии, с точки зрения международного права, на наш взгляд, попадала под данную категорию. Поскольку этот вопрос, равно как и дальнейшие правовые состояния (война, воюющие стороны, вооруженные силы и т.п.) и процедуры (переговоры, согласительные процедуры и т.п.), относится к отрасли международного права, детализация его изучения сместила бы акценты настоящей работы, поэтому мы не будем углубляться в научные измышления и намерены исходить из обозначенных выше собственных позиций.

## **Глава 1**

# **ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ О ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.**

### **1.1. Место исследований о Внутренней Монголии в отечественной и зарубежной историографии**

Прежде чем дать характеристику историографии работ о Внутренней Монголии, следует обратить внимание на ряд важных моментов.

Во-первых, становление и развитие монголоведческой науки, по крайней мере до 1945 г., нецелесообразно рассматривать по территориальному принципу в отношении земель, входивших в состав империи Цин, а затем и Китайской Республики, так как в приведенных ниже работах зачастую термин «Монголия» используется как для Внешней, так и для Внутренней Монголии.

Во-вторых, исходя из предыдущего, периодизация исследований в отношении становления государственности Внутренней Монголии в обозначенных нами хронологических рамках, на наш взгляд, должна строиться с учетом развития государственности Внешней Монголии и других территорий проживания монгольязычных народов Восточной Азии.

В-третьих, несмотря на обилие монголоведческих работ, мы будем исходить из того, что и в отечественной, и в зарубежной науке исследованиям Внутренней Монголии уделялось сравнительно меньше внимания, чем Халхе, объяснение чему мы дадим в заключении настоящего параграфа, поэтому опустим в основ-

ной своей массе те труды, которые напрямую касаются Внешней Монголии / МНР, и сконцентрируем внимание на обозначенном во введении предметно-объектном поле.

В-четвертых, Внутренняя Монголия, а конкретнее — ее центральные и восточные территории, по крайней мере в трудах отечественных исследователей, именуется Восточной, а иногда — Северо-Восточной Монголией, что заставляет нас быть более внимательными к географическим названиям и событиям вокруг них.

### *Отечественная историография*

В российской историографии избранной нами проблематики можно выделить четыре периода. **Первый период** — так называемый период имперской и постимперской этнографии, охватывает конец XIX в. — 1920-е годы. Появление работ по Монголии вообще и по Внутренней Монголии в частности в это время обусловлено тем, что Россия расширяет свои дальневосточные рубежи, активно взаимодействует с империей Цин как посредством торговли, так и заключая различного рода соглашения и договоры, прокладывая транспортные пути и среди них — Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), что требует знания основ права, государственного устройства, быта и других внутренних вопросов не только самой империи, но и ее окраин, соприкасающихся с нашей границей. Именно поэтому в Китай и в зону российско-цинского приграничья, значительную часть которой занимали монгольские земли, направляются различные миссии: духовные, дипломатические, военные представители Генерального штаба и других структур, зачастую подобные экспедиции собирают пограничные учреждения. *Первую группу* исторического материала составляют работы, где впервые дано политическое описание монгольских земель, сюда же следует отнести труды представителей русской эмиграции в Китае в пред- и послереволюционные периоды, поскольку русские эмигранты продолжали имперскую исследовательскую традицию, были носителями и продолжателями соответствующей идеологии. Несмотря на все обилие исследовательских экспедиций, материалов

и отчетов по их завершении, в основном они касались географических характеристик исследуемых территорий, рельефа местности, состояния дорог и путей сообщения, пограничной инфраструктуры, торговли, данных о военном состоянии цинской стороны и т.д.<sup>1</sup>, при этом вопросы политической организации, государственного устройства и правовой регламентации жизни населения практически не затрагиваются, а значительная часть подобных трудов имеет отчетно-справочный характер при отсутствии авторства, поэтому нами они отнесены в раздел источников.

В числе классических работ по истории монгольской государственности следует отметить прежде всего труды о. Иакинфа (Бичурина)<sup>2</sup>, в деталях описывающего политическое устройство Монголии и ее административно-территориальную структуру, институты власти, характер взаимоотношений с центральными органами управления в Пекине. Кроме того, о. Иакинф перевел основную нормативно-правовую базу, регулиующую статус Монголии в составе империи Цин. Несмотря на то что его работы выходили в свет в первой половине XIX в., они сохранили свою актуальность для исследуемого нами периода.

Наравне с о. Иакинфом можно поставить дипломата и исследователя, посла нашей страны в Китае Дмитрия Дмитриевича Покотилова, чей объемный труд об истории восточных монголов<sup>3</sup>, по скромному сообщению автора, лишь «пополнял существующий в этом отношении пробел»<sup>4</sup>, однако в действительности открывал неизвестные ранее науке источники, описывал границы, населенные пункты и территории, вводил в научный оборот новые имена, события и факты. Также нельзя не упомянуть полковника Зиновия Лавровича Матусовского, который в одной из своих знаковых работ дает перечисление и описание всех современных ему монгольских сеймов, аймаков и хошунов<sup>5</sup>.

Не только описательный, но и аналитический характер имеют работы, созданные военными, в первую очередь полковником Русской императорской армии, востоковедом и путешественником, одним из ведущих специалистов-монголоведов своего времени Алексеем Михайловичем Барановым. Значительная часть его трудов вошла в серию Штаба Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи под названием «Материалы по Маньчжурии

и Монголии» и касалась описания как социальной, так и политической жизни Халхи, Барги, восточных сеймов Внутренней Монголии, системы их управления, вопросов наследования власти, полномочий князей; содержала их личные характеристики, освещала отдельные аспекты правового регулирования тех или иных внутренних отношений с соответствующими весьма ценными рекомендациями русской стороне по принятию необходимых мер для упрочнения своих позиций в регионе и улучшения отношений с местными органами власти и населением, а также порицанием ошибок, совершаемых при продвижении на монгольские территории.

Особый интерес для нас представляет работа «Северо-восточные сеймы Монголии»<sup>6</sup>, в которой дается подробный исторический экскурс и объясняется природа современной автору монгольской автономии, проводится анализ так называемого монгольского вопроса для империи Цин на начало XX в., автор раскрывает механизмы китайской колонизации монгольских территорий и обращает внимание на обход, а зачастую и прямое нарушение автономного статуса Внутренней Монголии, разграничивает понятия аймака и хошуна, дает описание полномочий князей, княжеской администрации и ее должностных лиц, характеризует бюджет и экономику хошунов и т.д. Сильной стороной работы является описание и анализ ситуации в отношении именно хошунов Внутренней Монголии, что особенно важно для исследуемого периода, поскольку многие современные ему авторы не отграничивают Внутреннюю Монголию от Внешней, что зачастую затрудняет понимание специфики государственности — в Халхе и Внутренней Монголии они различались. Весьма полезным, с точки зрения характеристики взаимоотношений империи Цин на закате ее существования (первое десятилетие XX в.) со своими подданными — малыми народами русско-китайского фронта, является труд «Урянхайский вопрос»<sup>7</sup>, в котором А.М. Баранов рассматривает урянхов (тувинцев) как часть монгольских народов — с единой религией, культурой и ценностями, стремящихся к поиску своего места в обновленном мире, лояльных к России и обеспокоенных китайской колонизацией. Указанная работа дает описание правового положения края, историю установления его границ и отмежевания тем самым от

Халхи при формировании русско-цинской границы; автор приводит ряд договоров и документов по их отнесению в качестве данников русских царей, монгольских властителей и цинских богдо-ханов. В целом работа интересна для исследования процесса делимитации и демаркации русско-цинской государственной границы. Наконец, определенный интерес представляет его труд «Состояние транспорта в Монголии»<sup>8</sup>. Несмотря на то что работа посвящена логистическим путям и связанным с ними экономическим отношениям в МНР, в ней дается небольшой, но обстоятельный ретроспективный анализ места и роли Урги в качестве религиозного центра не только Халхи, но и всех монгольских народов.

Еще одной яркой фигурой в исследовательском поле этого периода являлся поручик Заамурского округа Коншин, ему принадлежит серия работ, а также ряд докладов о монгольских сеймах и хошунах, среди которых одним из знаковых является труд «Княжество Дурбет»<sup>9</sup>, где автор подробно показывает географическое положение хошуна, состав населения, процесс колонизации, в результате которого княжество позднее исчезнет с политической карты страны, и многое другое. Ключевое значение имеет описание управленческой структуры княжества, быта князя, характеристика его личности и окружения, а также роли и значения Дурбета во взаимоотношениях с нашей страной, труд содержит рекомендации по улучшению отношений и избеганию ошибок при дальнейшем продвижении в регион.

Здесь же необходимо отметить уникальный 400-страничный труд в то время полковника (позднее — генерал-лейтенанта) Василия Федоровича Новицкого<sup>10</sup>, в котором он подробно описывал среди прочего административное устройство, религиозную и властную структуру; ставки, правовое и имущественное положение князей, а также характер их взаимоотношений между собой и с центральными органами в Пекине и т.д.

*Вторую группу* составляют труды экономического характера, созданные торговыми и коммерческими агентами Российской империи либо видными экономистами, работающими на КВЖД. Первое поколение этих исследователей концентрировало внимание на колонизационных аспектах и ресурсах исследуемых территорий. Среди авторов ведущее место принадлежало агенту

Министерства торговли и промышленности Российской империи в Монголии, а позднее — коммерческому агенту КВЖД Андрею Павловичу Болобану. Уделяя значительное внимание экономическим вопросам<sup>11</sup>, он проявляет определенный интерес в отношении как Внешней<sup>12</sup>, так и Внутренней Монголии, особенно ее части, которая относилась к Маньчжурии<sup>13</sup>. Работа «Будущее Маньчжурии» содержит ценные сведения об административно-территориальном устройстве монгольских земель, входивших в состав Маньчжурии, влиянии китайской колонизации и японского присутствия в регионе на его государственное и социальное устройство, а также отдельные цифры по экономическому и промышленному развитию региона, полезные для оценки состояния монгольских территорий. В работе «Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии и Монголии» А.П. Болобан обстоятельно подходит к анализу колониационной политики цинской администрации, делая обширный исторический экскурс по региону с обзором договорных и нормативных условий недопущения колонизации в предшествующем исследуемому нами периоде и причин изменения ситуации. Связывая усиление колониационной активности с продвижением России в регион, автор указывает стратегические шаги имперского руководства по преобразованию транспортных артерий и крупных населенных пунктов Халхи и Внутренней Монголии в резервные военные объекты — для возможного применения их в случае боевых действий с Россией, упоминает и естественные объекты, пригодные для противостояния русской колонизации региона. Работу отличает крайняя скрупулезность в географическом описании, оценке численности населения, земельных угодий, ставших предметом китайских притязаний, и прочих данных относительно колонизации. Помимо этого, приведены сведения о политике отдельных князей и их действиях в реализации колониационной политики.

Продолжая исследование темы китайской колонизации монгольских земель, нельзя не упомянуть единственную из доступных работ Б. Фрозе «Восточная Монголия и ее колонизация»<sup>14</sup>, в которой автор подробно характеризует политическое и административное устройство монгольских земель, показывает взаимосвязь монгольских властных институтов с цинскими органами

управления, прежде всего с Лифаньюань, определяет место цзяньцзюней и амбаней в системе управления монгольскими территориями. Ту часть Внутренней Монголии, которая преимущественно фигурирует в нашем исследовании, он именует Восточной Монголией, дает ее географическое описание, приводит климатические данные. Б. Фрозе погружает читателя в прошлое, выстраивая событийный ряд с момента включения монгольских земель в состав империи Цин и до 1911 г. При этом он рассматривает Восточную Монголию не как китайскую провинцию, а как автономное государство, связанное с империей вассальными отношениями, это выводит работу на новый уровень и позволяет открыть научную дискуссию не только о внутреннем, но и международном положении монгольских земель, что позднее было развито в работах юристов, таких как Б.Э. Нольде или В.А. Овчинников. Далее автор подробно описывает систему стимулов и подкупов, введенную цинским двором для монгольских князей, и показывает ее эффективность, заявляя, что именно она позволила сделать монгольских князей легко управляемым орудием без изменения условий вхождения Внутренней и Внешней Монголии в состав империи Цин в XVII в. Весьма интересной представляется позиция автора относительно собственности на землю у монголов и китайцев, которая объясняет трепетное отношение к ней первых и потребительское — вторых. Особую значимость работе придает исследование колонизационной политики в каждом из восточных сеймов и их аймаков, поскольку позволяет сравнить как шаги, предпринимаемые центральным правительством на каждой из территорий, так и их последствия. К сожалению, работа не снабжена сколько-нибудь значимыми выводами и рекомендациями в отношении цинских властей и российской политики на территориях ее интересов, тем не менее набор сведений о восточных сеймах Внутренней Монголии сохраняет свою важность и по сей день.

Второе поколение исследователей этого блока представляли эмигранты из числа экономического и юридического сообщества, которые покинули Россию в период Гражданской войны (1918–1920), будучи причисленными к так называемому Белому движению. Перебравшись в Китай, они создали уникальную научную,



образовательную и исследовательскую востоковедческую структуру — русский Юридический факультет г. Харбина (1920–1937). Позднее часть из них приняли решение получить советское гражданство и вернуться на Родину, где большинство ждала печальная судьба. В связи с заключением соглашения между СССР и Китайской Республикой в 1924 г. положение и статус факультета изменились: китайские власти относились враждебно к иностранным учебным заведениям, мотивируя это плохим влиянием на молодежь. А в 1931 г. произошел так называемый Мукденский инцидент. Японское присутствие изменило конфигурацию сил, между СССР и Маньчжоу-Го было заключено соглашение о продаже КВЖД, в результате чего многие сотрудники и факультета, и железной дороги либо получили с 1 июля 1934 г. советское гражданство, либо уехали. Среди них упоминаемые ниже В.А. Рязановский и В.И. Сурин (в СССР так и не вернулись, эмигрировали в США), Н.А. Сетницкий (расстрелян в 1937 г.).

Одним из исследователей колонизационных проблем Внутренней Монголии был известный историк, экономист и общественный деятель Евгений Евгеньевич Яшнов. Его труды ориентированы на раскрытие экономических и хозяйственных вопросов<sup>15</sup> — метрических систем и денежного обращения, социального положения крестьян и демографии, обращения с землей и налоговых отношений, логистики и районирования, что позволяет нам сформировать соответствующие представления по данным вопросам о монгольских землях, кроме того, он уделял значительное внимание истории и специфике региона. В отличие от многих своих соотечественников, ограничивающихся констатацией фактов, Е.Е. Яшнов не боится поднимать остросоциальные вопросы, характеризуя элементы социального кризиса в виде неравномерного распределения благ и ресурсов между деревней и городом, роль в этом вопросе государства, многочисленные гражданские войны и разгул бандитизма, бесконтрольное ростовщичество и ненаказуемое взяточничество, а также распространяемую в регионе наркоманию.

Большое значение для понимания масштабов колонизации имеет его труд «Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы»<sup>16</sup>. В нем автор не только поступательно описывает шаги по китайскому заселению, в том числе и монгольских терри-

торий, с приведением соотношений прежних районов с новыми, но и опирается при этом на ценные китайские первоисточники (например, официальный «Вестник промышленности Хэйлунцзянской провинции» за 1919 г., «Статистические отчеты пекинского Министерства земледелия и торговли за 1920 г.», «Программа колониационного исследования от 1924 г.» и др.), что выгодно отличает эту работу. Автор смело указывает на то, что в тех районах, где проходила КВЖД, колонизация осуществлялась усиленными темпами, поэтому особое внимание им уделено Барге и районам вокруг Хингана. Несмотря на то что территориальные рамки ограничены Северной Маньчжурией, работа демонстрирует используемую китайским республиканским правительством модель, характерную для заселения всей Восточной Монголии.

Объемы природных богатств восточных сеймов Внутренней Монголии, контроль над которыми позднее пыталась установить Квантунская армия, подробно описаны в трудах бывшего коммерческого атташе в Китае, а позднее — приглашенного лектора Пекинского национального университета Бориса Павловича Торгашева<sup>17</sup> и генерал-майора императорской армии, впоследствии — военного министра в правительстве верховного правителя России А.В. Колчака, агента Экономического бюро КВЖД, крупного специалиста в области геологии и логистики Виктора Ильича Сурина<sup>18</sup>. Считаю необходимым упомянуть еще ряд востоковедов:

1. Преподаватель Восточного института во Владивостоке Д.А. Давидов, сосредоточивший свое внимание на монгольских территориях, именуемых Северо-Восточной Монголией<sup>19</sup>, он детальнейшим образом исследовал предпосылки и условия необходимости заселения северных монгольских территорий с оговоркой об усилении российского присутствия в регионе, принципы колонизации, конкретные шаги и меры, предпринимаемые цинским правительством, размеры поселений и пути движения переселенцев из так называемого Внутреннего Китая. Автор перечисляет колониационные районы, дает цифры по их заселению, сопоставляет различные схемы заселения, а также впервые упоминает об административных округах, образованных на колонизируемых территориях, на базе которых позднее возникнут Жэхэ, Суйюань и Чахар. Работа представляет собой ценный материал

для изучения восточных районов Внутренней Монголии на рубеже XIX–XX вв.

2. Экономист А. Свечников, обращающий в работах<sup>20</sup> внимание на русские торговые интересы как во Внешней, так и во Внутренней Монголии.

3. Публицист и журналист Н.П. Штейнфельд, освещающий отдельные аспекты организации торговых отношений в Барге и других монгольских территориях<sup>21</sup>, а также проблему международно-правового статуса Внешней Монголии после заключения русско-монгольского соглашения 1912 г.<sup>22</sup>

4. Йоханнес Юлиус Кооль-Эстивенд — ветеринар, на основе накопленного опыта написал интереснейшее демографическое исследование о монгольском населении, причинах изменения его численности, составив прогноз<sup>23</sup>.

5. Драгоман миссии в Пекине, затем секретарь миссии в Гирине, вице-консул Генерального консульства Российской империи в Харбине Артур-Карл Юльевич фон Ландезен<sup>24</sup>, после эмиграции в 1921 г. стал российским консульским агентом на общественных началах в Сан-Франциско (США).

6. Крупный экономист Николай Александрович Сетницкий, из-под пера которого вышли работы о земельных, налоговых и финансовых отношениях в регионе, включая и монгольские территории<sup>25</sup>.

*Третью группу* составляют труды юридического характера, принадлежащие исследователям в области международного права и вытекающих из его норм договоров, соглашений и других форм взаимодействия России, империи Цин / Китайской Республики и Монголии, а также правового положения Монголии, соответствующего международному праву, — видные ученые Российской империи, сотрудники Экономического бюро КВЖД, профессорско-преподавательский состав русского Юридического факультета г. Харбина Особого района Восточных провинций (ОРВП), а также исследователи, работавшие с нормативным материалом в отношении Монголии накануне или после Синьхайской революции.

Сюда мы относим работы, раскрывающие вопросы пролонгации имеющихся соглашений с Китаем и связанных с этим

проблем русской торговли в регионе. Так, историк, востоковед Б.М. Гурьев, упоминая о праве беспошлинной торговли в Монголии<sup>26</sup>, обращает внимание на преждевременность установления таможенного тарифа, несмотря на учреждение русских консульств в Улясутае и Кобдо. Он рассматривает проблему монгольской автономии в составе империи Цин<sup>27</sup>, отчасти затрагивая тему колонизации, но основное внимание уделяет нормативному материалу, в том числе уже нашедшему свое отражение на страницах трудов наших соотечественников в XIX в. — о. Иакинфа (Бичурина) и С. Липовцева. Однозначная позиция автора относительно колонизационной политики и нарушения тем самым центральным правительством установленных им же ранее законов подтверждается подробнейшей отсылкой к первоисточникам, сохраняющим свою юридическую силу на момент написания работы, приведением выдержек из текстов нормативно-правовых актов и объективным комментарием. В другой работе об экономическом состоянии Монголии, включая Халху, Баргу, Шилин-Гол и др. территории, заслуживает внимания упоминание об огромном количестве скота, которым, как «доказала нам минувшая [Русско-японская] война, ...одна небольшая часть Монголии снабжала все три наших армии, а также и японцев»<sup>28</sup>, объясняющее интерес к этому региону со стороны японцев в 1930–1940-е годы. Наконец, ценность имеют работы автора о российско-<sup>29</sup> и китайско-монгольских отношениях<sup>30</sup> в переходный для монгольской государственности период. В труде «Монголия и Китай и их политические взаимоотношения» Б.М. Гурьев обращается к истории вхождения Внутренней (или Южной, как именует ее сам автор) Монголии в состав Маньчжурской империи и обозначает характер ее современных отношений с новыми властителями Китая как вассальный. Не обходит стороной автор и правовую сторону вопроса, тему внутреннего законодательства монголов, а также их военную (знаменную) организацию. Преимущественно уделяя внимание развитию государственности Халхи в составе новой империи, Б.М. Гурьев подчеркивает контрастные различия в политике маньчжуров по отношению к Халхе и сеймам Внутренней Монголии, что позволяет лучше понять характер их взаимоотношений в исследуемый нами период.

Коммерческий агент, а позднее начальник коммерческой службы КВЖД Павел Николаевич Меньшиков, блестяще знающий историю Маньчжурии<sup>31</sup>, представил обширный доклад — ответы на вопросы, предложенные международным совещанием по пересмотру Петербургского договора<sup>32</sup>. В нем дается обстоятельная историческая справка обо всех существовавших до этого соглашениях с китайской стороной о торговле и пояснение, что право торговли распространяется на ту часть Монголии, которая лежит к востоку от Хингана (Восточную Монголию) с перечислением городов, таких как Калган, Хайлар и Цицикар, где, хотя и не было русского консульства, право торговли признавалось и поддерживалось соответствующими гарантиями. В другой своей работе<sup>33</sup> Павел Николаевич, в резкой форме отзываясь о политике затягивания пересмотра договора со стороны цинских властей, подчеркивает право русских торговцев приобретать в Калгане землю и возводить постройки, приводит некоторые примеры конфликтов с местными властями в Хулун-Буире и дает интереснейшие сведения о специфике торговых отношений в регионе.

Заслуживают внимания работы крупного ученого-китаеведа и переводчика Ипполита Гавриловича Баранова, выпускника китайско-маньчжурского отделения Восточного института Санкт-Петербургского университета, долгое время работавшего сначала переводчиком на КВЖД, а затем преподавателем харбинских коммерческих училищ КВЖД и приват-доцентом Юридического факультета г. Харбина. В одной из своих ранних работ о ситуации вокруг международно-правового статуса Внешней Монголии<sup>34</sup> Ипполит Гаврилович приводит цитаты из китайской прессы, представители которой активно спекулировали на том, что Внутренняя Монголия «отходит от Китая». Автор объясняет появление такого рода «сенсаций» активностью японских агентов, которые подбрасывали их малобюджетным китайским газетам, чтобы нарастить напряженность и сформировать негативное отношение к России. Динамичное освещение этих событий с разных точек зрения, словное воспроизведение журналистской риторики делают работу ценным источником информации относительно общественного мнения о так называемом монгольском вопросе, а также политики Японии в регионе до начала ее активных агрессивных действий.

Еще одну работу выдающего исследователя — «Административное устройство Северной Маньчжурии»<sup>35</sup>, следует отметить в связи с подробными сведениями об административно-территориальном устройстве региона, где отдельный раздел посвящен Барге с приложением цветной карты Северной Маньчжурии и Особого района Восточных провинций.

Обстоятельный анализ взаимоотношений республиканского Китая и Внешней Монголии содержится в серии работ «Письма из Монголии» Михаила Воллосовича<sup>36</sup>. Примечательны специфические оговорки автора, например: «...Таким образом, Монголия, или, по крайней мере, Внешняя Монголия, сделалась независимой страной — с объявлением о своей независимости 18 ноября 1911 года...»<sup>37</sup>, вероятно, подспудно признававшего аналогичный статус и за Баргой, как и упоминание о военной помощи Халхи поставками оружия во Внутреннюю Монголию. В целом автор упрекает российскую сторону в излишне осторожной политике как в отношении самой Халхи, так и Барги и Внутренней Монголии, независимости которых от «разваливающегося Китая» при достаточности политической воли, по его мнению, можно было бы добиться без труда. Аргументированное вскрытие противоречий на местах отличает эту статью от хвалебных в адрес нашей страны публикаций. В работах М. Воллосовича, похожих скорее на путевые заметки, можно найти характеристику транспортных артерий монгольских территорий и отдельных торговых центров Внутренней Монголии; оценку влияния военных действий во Внутренней Монголии на торговлю Халхи, что, по мнению автора, способствовало снижению хождения китайских банкнот и количества китайских товаров<sup>38</sup>; описание внешнего вида и образа жизни китайцев и внутренних монголов (чахаров) в Урге<sup>39</sup>; сведения о трансформации государственного аппарата молодого государства и борьбе за власть и влияние вокруг хутухты<sup>40</sup>, роли при дворе хутухты ламства и советников из числа князей из Внутренней Монголии, автор делит их на русо- и китае- / -филов и -фобов, отмечая, что «Монголия управляется людьми, а не учреждениями», таким образом автор подчеркивает конъюнктурный и малопрофессиональный характер новой власти<sup>41</sup>. В целом в своих трудах М. Воллосович полон скепсиса относительно политики нашей страны в Монголии, а также вну-

тренней и внешней политики монгольских лидеров, что подвигает исследователей к более пристальной оценке фактов и обстоятельств, установленных ранее.

Более выдержанный взгляд на международное положение Монголии и становление монгольской государственности принадлежит профессиональным юристам — выпускникам ведущих университетов Российской империи. Среди авторитетных в этом вопросе ученых, эмигрировавших в Европу, можно назвать автора объемного исследования о международно-правовом положении Монголии после подписания в 1915 г. Кяхтинского соглашения Бориса Эммануиловича Нольде<sup>42</sup>, ставшего деканом русского Юридического факультета при отделении славяноведения Университета Сорбонны в Париже и профессора Юридического факультета г. Харбина Валентина Александровича Овчинникова<sup>43</sup>. Значимость этих работ заключается в том, что они обозначили в научном дискурсе Внешнюю Монголию в качестве признанного субъекта международного права и дали возможность для аналогичного шага в отношении Восточной (Внутренней) Монголии. Также следует упомянуть две публикации в «Вестнике Азии» без указания авторства<sup>44</sup>, которые в общих чертах описывали экономическую значимость Внешней Монголии и ошибки во внешней политике нашей страны.

Среди выдающихся специалистов в области монгольского права, выстраивающих исследовательскую деятельность вокруг внутренней организации монгольского общества и государства, почетное место принадлежит выпускнику юридического факультета Московского университета Валентину Александровичу Рязановскому<sup>45</sup>, возглавлявшему юридическую службу на КВЖД, а позднее ставшему деканом Юридического факультета г. Харбина. Его перу принадлежит ряд работ по монгольскому праву, в которых он раскрывает особенности регулирования тех или иных правоотношений, генезис нормативной базы, затрагивает вопросы управления монгольскими землями, захватывая период после провозглашения независимости (1911–1925). Несмотря на то что большинство аспектов, раскрываемых ученым, носит универсальный характер и для Халхи, и для Внутренней Монголии, в ряде случаев имеются оговорки об особенностях регулирования тех или иных отношений для Южной Монголии.

Несколько работ посвятил месту Внешней и Внутренней Монголии в структуре китайской республиканской государственности<sup>46</sup> профессор Владимир Викторович Энгельфельд. Он обращался скорее к формальной, конституционно закреплённой, но законодательно не урегулированной стороне проблемы, а также внутреннему государственному и политическому укладу Халхи после Синьхайской революции и провозглашения независимости<sup>47</sup>. Харбинский профессор поступательно описывает каждый из этапов развития государственности Внешней Монголии и подробно останавливается на высших органах государственной власти уже социалистической Монголии. Учитывая, что ни у китайской стороны, ни у большинства представителей иностранных капиталистических держав не было возможности проникнуть в МНР в современный автору период, работа Владимира Викторовича служит едва ли не единственным авторитетным источником информации о ситуации в этой части монгольского мира.

К *четвертой группе* мы относим исследования в области административно-территориального устройства монгольских земель.

Прежде всего это работа военного этнографа, действительно члена Общества русских ориенталистов в Харбине, коллекционера предметов быта Михаила Аркадьевича Полумордвинова, который в статье «Эволюция местного административного управления в Китае»<sup>48</sup> исследовал и обобщил сведения о глобальных административно-территориальных преобразованиях, изменивших характер провинциального управления и отразившихся на Внутренней Монголии. Помимо исторического обзора условий и предпосылок реформы, анализа основного в этом вопросе нормативно-правового акта — Положения от 6 июля 1914 г. «Об управлении областями Жэхэ, Чахар и Суйюань-чэн», автор приводит перевод этого документа с перечнем областей и уездов, вошедших в новые территориальные единицы, снабдив комментариями. Его же перу принадлежит работа о судьбе некоторых народов, ранее входивших в состав империи Цин<sup>49</sup>. обстоятельному анализу подверглась ситуация вокруг прошлого и настоящего Халхи и Внутренней Монголии (автор убежден в их праве на независимость после падения династии Цин). Примечательна работа



этого автора о чжеримских монастырях<sup>50</sup> как центрах не только религии, но и культуры, политики и экономики региона со ссылкой на малоизвестные (и тогда, и сейчас) работы о религиозной организации восточной части Внутренней Монголии.

В продолжение исследований территориальной организации монгольских земель особый интерес вызывают короткая заметка неизвестного автора «Восстановление Чжеримского княжества»<sup>51</sup> о попытках китайской стороны примириться с монголами после неудачного восстания под руководством князя Удая, а также труд Э.Л. Теслера «Уцзумучин»<sup>52</sup> о географическом положении, границах, системе управления, населении, экономике и логистике одноименного аймака Шилин-Гольского сейма. Работа позволяет сопоставить положение хошунов и роль их органов управления в начале XX в. и в период правления партии Гоминьдан (1928–1949), а также дополняет уже имеющуюся картину некоторыми сведениями о хошунной системе восточных аймаков Внутренней Монголии.

Безусловно, ценным источником знаний о Барге является комплекс трудов известного экономиста, сотрудника Экономического бюро КВЖД Владимира Алексеевича Кормазова. Одни его работы посвящены хозяйственным, этническим и культурным особенностям региона<sup>53</sup>, другие в полной мере раскрывают историю образования округа, объясняют природу его исконной и гарантируемой центральной властью автономии, описывают систему управления и т.д. Весомым вкладом в изучение Барги стало его сочинение «Барга: Экономический очерк»<sup>54</sup> — объемное издание, своеобразная энциклопедия округа, сведения в которой и по сей день сохраняют свою актуальность и значимость. Еще одна уникальная работа — «Хинганская провинция»<sup>55</sup> — рассказывает о монгольской провинции, созданной в качестве модельной площадки для демонстрации взвешенной национальной политики, реализуемой японцами на подконтрольных им территориях в рамках недавно созданного государства Маньчжоу-Го. К моменту написания статьи Харбин входил в состав Маньчжоу-Го, и сотрудники КВЖД оказались в весьма неустойчивом положении, поэтому работа носит сдержанный, нейтральный, описательный и сугубо научный характер, без комплиментарности и критики. В ней автор поступательно, от одной субпровинции к другой, описывает их

географическое положение и природу, демографический состав и социальную организацию, состояние транспорта и систему управления. Ее ценность заключается в том, что на сегодня это едва ли не единственный труд на русском языке, дающий подробную характеристику указанной части региона в период японского присутствия.

К *пятой группе* мы относим исследования, касающиеся функционирования железных дорог и их инфраструктуры<sup>56</sup>, содержащие отрывочные сведения о территориях хошунов и сеймов, находящихся в них населенных пунктах, фрагментарную характеристику взаимоотношений с российской стороной и т.п. Отдельные данные по истории региона, а также описание образа жизни населения можно встретить в работах по итогам отечественных и зарубежных экспедиций<sup>57</sup> и в хрониках, авторство которых не установлено<sup>58</sup>.

Завершая обзор исследований, отнесенных нами к первому периоду, следует отметить, что в указанных работах Монголия зачастую рассматривается как единое этнокультурное пространство, в связи с чем на первый план выходило изучение географии и истории ее районов, а политико-правовые аспекты упускались из вида или им уделялось недостаточное внимание. Укажем ряд позитивных особенностей научной литературы периода имперской и постимперской этнографии. Во-первых, данные работы не идеологизированы, особенно до 1921 г., поскольку они решают иную задачу — формирование и восполнение сведений, необходимых для стратегического (не военного, не политического, а скорее инфраструктурного и экономического) закрепления и продвижения в регион. Отсутствие идеологизации придает им, на наш взгляд, большую объективность и достоверность, поскольку нет потребности в фальсификации данных и ее обосновании. Во-вторых, значимость этих источников — в их предметности, нюансах, касающихся этнического состава территорий, истории и традиций, княжеской власти, природы управления хошунами и т.д. В-третьих, наши соотечественники той эпохи — едва ли не единственные европейские исследователи в этой части Азии, способные к эффективному сбору, обработке материала и его транслированию, что делает их труды во многом уникальными для современной науки.

Однако мы имеем и ряд негативных моментов, присущих данным работам. Во-первых, поднимаемые вопросы, раскрывающие проблемы колонизации, ее механизмы и последствия, изучались исключительно с точки зрения полезности для нашей страны. Таким образом, остаются неисследованными важные аспекты, касающиеся причин, предпосылок и условий формирования резко негативного отношения к китайцам со стороны монголов, вылившегося в переход на сторону японцев при их вторжении на континент в 1930-е годы. Вместе с тем подобная лояльность складывалась на рубеже XIX–XX вв. и была вызвана именно колонизацией. Во-вторых, монгольские земли не рассматриваются как политически единый монгольский мир — это лишь поле для взаимодействия более значимых игроков. Подобный подход не учитывает взаимозависимость монгольских территорий, их наблюдение друг за другом, готовность к объединению и способность сплотиться при наступлении удобной ситуации, что и произошло в 1911–1912 гг. В-третьих, управление монгольскими территориями на низовом (сеймовом и хошунном) уровне не рассматривается с точки зрения развития монгольской государственности, это создает иллюзию незначительности традиционных институтов, которые пережили несколько веков относительно стабильного существования и сохранились к началу XX в., что указывает на их эффективность. В-четвертых, по крайней мере до 1911–1912 гг. Монголия не воспринимается как полноценный субъект международных отношений. При этом в предшествующие периоды, например в Европе, уже имеются подобные политии<sup>59</sup>, в связи с чем мы в очередной раз наблюдаем недооценку реальной ситуации и восприятие Монголии скорее как географического и культурного, нежели политического пространства. Таким образом, не умаляя ценности рассмотренного и изученного материала, мы склонны констатировать имеющиеся пробелы и попытаться компенсировать их.

Выделение **второго периода**, охватывающего 1921–1945 гг., обусловлено созданием второго в мире социалистического государства — Монгольской Народной Республики, и завершается признанием его независимости со стороны гоминьдановского Китая.

В отличие от предыдущего, научная литература данного периода четко разделяет Внешнюю и Внутреннюю Монголию, поскольку отныне это не только географическое, а в первую очередь идеологическое пространство; концентрирует исследовательское внимание на Внешней Монголии, ставшей в 1924 г. Монгольской Народной Республикой (МНР). Подобный подход представителей социалистического лагеря вызван стратегической задачей показать возможности социалистических идей в области государственного и национального строительства и доказать их эффективность. Внутренняя же Монголия в данную идеологему не вписывается из-за прагматизма основной части ее политических элит, которые предпочли поддержать республиканскую власть в Китае для сохранения своих привилегий, а также из-за фактического отсутствия политической целостности Внутренней Монголии, что заставляет и в теории, и на практике обращаться к отдельным лидерам и управляемым ими политиям. Поскольку на данном историческом этапе главный геополитический конкурент нашей страны в Восточной Азии — Япония, борется не только за гегемонию, но и за китайские окраинные территории, регион отражен в научной литературе: 1) как придаток Китая или Маньчжурии; 2) как объект японских интересов. Поэтому Внутренняя Монголия не воспринимается в качестве самостоятельной политической или исторической единицы.

Так, в предисловии к сборнику документов «От Вашингтона до Генуи» советский публицист и востоковед Михаил Петрович Павлович (Михаил Лазаревич Вельтман) описывает пропагандистскую политику Японии относительно ее интересов на континенте, подчеркивая первоначальную поддержку Японии со стороны США в противостоянии с Россией в монгольском вопросе после Русско-японской войны. Автор приводит примеры того, как по окончании Первой мировой войны, не удовлетворившись достигнутым, Япония «наложила лапу» не только на бывшие немецкие колонии, но и на Восточную Монголию и разными способами приучает мировую общественность к своему доминированию в регионе<sup>60</sup>. Сопровождающееся соответствующей риторикой повествование о том, что Японская империя, «...воспользовавшись тем, что Англия и С. Штаты были заняты евро-

пейской войной, пыталась захватить гегемонию над всем Китаем в свои руки и превратить 400-миллионную Срединную империю в японскую колонию»<sup>61</sup>, дополнялось уточнениями М.Я. Зеликмана о том, что «Япония предлагает японский протекторат над Маньчжурией и Монголией так же, как и над Кореей»<sup>62</sup>.

Советский историк Эрвин Давидович Grimm в предисловии к «Сборнику договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925)»<sup>63</sup>, анализируя политику Японии в регионе после Русско-японской войны, обращает внимание на ее особые интересы во Внутренней Монголии; рассматривая политику США на Дальнем Востоке после Первой мировой войны, отмечает успехи Японии в отдельных моментах, касающихся Внутренней Монголии и Маньчжурии, интересами в которых ей пришлось поступиться в недавнем прошлом под давлением мировой общественности.

Аналогичной позиции придерживается в одной из своих работ<sup>64</sup> советский дипломат, востоковед, крупный специалист по Японии, профессор Хаим Тевелевич Эйбус (литературный псевдоним — У. Хаяма). Так, ученый не выделяет различия между Маньчжурией и Внутренней Монголией. Со ссылкой на ряд соглашений между Россией и Японией автор констатирует «...разделение между ними сфер влияния в Маньчжурии и Монголии...»<sup>65</sup>, обрисовывает событийный ряд китайско-японского конфликта, попутно с антиимпериалистических позиций комментирует Меморандум Танаки и действия по его воплощению в жизнь в конце 1930-х годов.

Ряд работ известного советского правоведа, академика Ильи Павловича Трайнина косвенно затрагивают Внутреннюю Монголию. Так, в статье «Антиимпериалистические аванпосты на Дальнем Востоке»<sup>66</sup> он обозначает МНР как дружественное СССР государство, приводит соответствующую характеристику социальной и экономической базы, историческую справку, описание государственного устройства, в то время как о Внутренней Монголии упоминает, лишь цитируя доклад Гиити Танаки от 25 июля 1927 г., в котором тот уверяет японского императора в скорейшем захвате и Внешней, и Внутренней Монголии, для чего предполагалось ассигновать миллион иен «из секретных фондов» военного министерства и отправить 400 отставных офицеров во Внешнюю и Внут-

треннюю Монголию. В другой статье «СССР — союз народов, строящих социализм»<sup>67</sup> Илья Павлович ведет речь об идеологической борьбе против СССР, интервенционистском характере «взращенного в японской империалистической колыбели панмонголизма, пропагандирующего объединение так называемой Внутренней Монголии, Монгольской Народной Республики и Советской Бурят-Монголии под руководством Японии»<sup>68</sup>.

В статье известного юриста, профессора Ленинградского университета Михаила Яковлевича Рапопорта «Интервенция чужими руками и троцкистско-бухаринские наймиты фашизма»<sup>69</sup> указывается, что интервенция японцев как в отношении Маньчжурии, так и северных провинций Внутренней Монголии зачастую осуществляется при активном сотрудничестве местных политических элит с командованием Квантунской армии, что, безусловно, соответствовало действительности.

Таким образом, в исследуемый период Внутренняя Монголия в трудах отечественных ученых присутствует исключительно как сфера японских интересов и устремлений в неразрывной связи с Маньчжурией и без сколько-нибудь осязаемых перспектив на самостоятельную политическую судьбу. Нельзя сказать, что они не представляют научной значимости. Наоборот, скрупулезность, точность и внимательность советских исследователей позволяют нам увидеть перечень, объемы и распределение ресурсов региона, определить взаимосвязи с другими регионами Китая, а также четко проследить интересы Японии и ее силы в соотношении с силами других контрагентов. Безусловно, о государственности Внутренней Монголии не просто не ведется речи — она даже не подразумевается, поэтому отсутствует хотя бы скромное описание органов власти и управления, их взаимоотношений с китайскими государственными структурами.

Единственным исключением можно считать работы крупнейшего исследователя Центральной Азии Николая Константиновича Рериха<sup>70</sup>, который приводит весьма полезные данные относительно границ китайских провинций, описывает монгольских князей, их быт, события, связанные с текущим состоянием недавно провозглашенной монгольской автономии, однако его повествование излагается не столько научным, сколько художествен-

ным языком путешественника, что, без сомнения, не умаляет его научной значимости, но заставляет относиться к нему несколько критично.

В целом же исследовательский интерес к Внутренней Монголии значительно уступал интересу к Внешней Монголии, где победила социалистическая революция, советским ученым нужно было конвертировать эту победу в научный результат, что они с успехом сделали, заложив традиции современного монголоведения.

**Третий период** охватывает вторую половину XX в., когда при формировании послевоенного мироустройства в Восточной Азии появляются новые политические акторы — признанная со стороны Китая в 1946 г. Монгольская Народная Республика и созданная в октябре 1949 г. Китайская Народная Республика.

Поскольку опыт создания монгольского социалистического государства оказался настолько успешен, что получил международное признание, перед отечественной наукой сохранялась задача по его транслированию как образцового. Внутренняя Монголия, получившая в это же время статус автономного района, не могла восприниматься учеными равной МНР. Именно в таком ключе, с позиции «чистого листа», рассуждают ученые, труды которых мы относим к *первой группе*. Так, об автономии Внутренней Монголии ведет речь тогда еще кандидат юридических наук, будущий профессор Леонид Дмитриевич Воеводин: «За шесть с лишним лет своего существования автономная область Внутренняя Монголия добилась значительных успехов в политической, экономической и культурной областях. За этот короткий исторический срок сделано то, о чем мечтали монголы, проживающие на территории Китая, и за что они боролись в течение сотен лет. Осуществлением своих чаяний монголы и другие народности, населяющие Внутреннюю Монголию, обязаны победе народно-демократической революции»<sup>71</sup>. В такой интерпретации говорить о какой бы то ни было политической истории и целостной государственности региона было невозможно.

Внутренняя Монголия выступает как объект политических взаимоотношений, в том числе и в качестве предмета манипуляций в стремлении западных стран посорить СССР и молодую

Китайскую Народную Республику. Отражая подобные попытки, в одной из своих статей<sup>72</sup> советский юрист Константин Абрамович Багинян со ссылкой на позицию А.Я. Вышинского, изложенную им в газете «Правда» от 21 января 1950 г., утверждал, что у СССР отсутствует стремление к присоединению Внутренней Монголии, которая продолжает «пребывать в составе территории Китая, являясь его органической частью»<sup>73</sup>. Эту позицию разделяет юрист и дипломат Николай Георгиевич Судариков, некоторое время состоявший советником советского посольства в КНР, а затем — послом в КНДР. В одной из своих работ<sup>74</sup> он упоминает Внутреннюю Монголию как самостоятельный автономный район со столицей в Калгане, представленный в составе 58 знамен, подчеркивая, что наравне с Тибетом и Тайванем он является неотъемлемой частью КНР. Известный специалист по конституционному праву Олег Александрович Артуров имеет ряд крупных публикаций относительно КНР, применительно к Внутренней Монголии использует наименование административно-территориальной единицы «автономная область», указывая дату ее образования — 1953 г.<sup>75</sup> В работе «Гражданское право стран народной демократии» при описании послевоенных событий в Китае упоминается о ликвидации в этот период феодального строя во Внутренней Монголии, приводятся ссылки на труды Уланьфу (например, «Десять лет Внутренней Монголии», опубликована 4 и 5 мая 1957 г. в газете «Дружба» Общества советско-китайской дружбы), а также Ли Цзун-хай («Результаты социалистических преобразований», опубликована 30 апреля 1957 г. в газете «Дружба»)<sup>76</sup>. Наконец, нужно упомянуть серию исследовательских работ известного монголоведа С.Д. Дылыкова, кандидатская и докторская диссертации которого были посвящены сложному периоду послевоенного лихолетья во Внутренней Монголии. В 1953 г. выходит его работа «Демократическое движение монгольского народа в Китае: Очерк истории»<sup>77</sup>, а уже в современную эпоху — обобщающий труд «История образования автономного района Внутренняя Монголия в Китае (1947–1957 гг.)»<sup>78</sup>.

*Вторую группу* трудов данного периода по региону составляют работы, посвященные Японии и ее роли в формировании регионального политического порядка в Восточной Азии, который кон-



струировался посредством занятия стратегически важных для нее территорий, прежде всего Маньчжурии и Внутренней Монголии. Определенные идеологические рамки здесь задавал изданный в двух томах «Дипломатический словарь» под редакцией советского юриста и дипломата, академика Андрея Януарьевича Вышинского, историка и дипломата Соломона Абрамовича Лозовского. В разных статьях издания прослеживается мысль о том, что Внутренняя Монголия всегда была предметом и сферой японских интересов, исходя из этого выстраивалось отношение к ней и проводилась оценка ее роли в исторических процессах региона. Первый том в этом плане очень содержателен. Так, в статье «Витте, Сергей Юльевич»<sup>79</sup> дана объективная оценка предпосылкам Русско-японской войны и планам Японии относительно Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии. В статье «Богдо-геген»<sup>80</sup> освещены раздел сфер влияния между Российской империей и Японией в Восточной Азии и колониционная политика республиканского Китая, имевшего намерение укрепить приграничное с Россией пространство. Упоминание Внутренней Монголии — опять же в контексте движения за независимость Халхи, к которому присоединилась значительная часть хошунов южных земель. Проблема панмонголизма затрагивается с позиций его использования японской стороной для расширения своего влияния. Вопросы японской экспансии и защиты соответствующих сфер выводятся на первый план в статье «Двадцать одно требование Японии»<sup>81</sup>, содержащей перечень требований Бэйянскому правительству в отношении Внутренней Монголии, и в статье «Ван Цзин-Вэй»<sup>82</sup>, где показаны условия контроля над Внутренней Монголией, на которых японская сторона оказывала поддержку будущему главе альтернативной Китайской Республики. Весьма содержательной является статья «Даурская конференция 1919»<sup>83</sup>, равным образом раскрывающая панмонголистские планы японцев по созданию «Великой Монголии» и причины их провала. В статье «Дэ Ван»<sup>84</sup> о главе монгольских автономистов Дэ Ване он ошибочно назван Дэмчик-Гонроб и в духе советской пропагандистской риторики обозначен правителем марионеточного правительства Мынцзяна. Подчеркивая искусственный характер автономистского движения, в статье ведется отсчет с 1937, а не с 1933–1934 гг., однако в остальном весьма верно описано слияние

трех правительственных структур в октябре 1937 г., очерчены территориальные границы, показаны взаимоотношения с правительством Ван Цзинвэя и политические последствия до 1945 г., сведения о дальнейшей судьбе и жизни в КНР не приводятся. Второй том содержит статьи, касающиеся соглашений — либо русско-китайских, так или иначе затрагивающих Монголию (например, право беспошлинной торговли, постройка и эксплуатация КВЖД и т.п.)<sup>85</sup>, либо русско-японских, воспроизводящих описанные выше условия о разделе сфер влияния<sup>86</sup>, но в основном внимание сосредоточено на МНР — международных соглашениях, политических лидерах, ее участии во Второй мировой войне<sup>87</sup>.

Отметим, что в этот период не происходит существенных изменений в отношении к Японии и ее политике на континенте. Более того, после победы в войне советская сторона могла вполне свободно использовать жесткие клише и выражения в отношении агрессора без опасений осложнить дипломатические отношения. Подобная риторика имеет место при упоминании о Суйюаньской операции, организованной «японской военщиной»<sup>88</sup>, и при характеристике действий «правительства Танака и его захватнической “позитивной” политики»<sup>89</sup>. Появляется возможность более свободно трактовать предпосылки и условия выдвижения «21 требования» Японии к Китаю в 1915 г., при этом Внутренняя Монголия упоминается как зона интересов Японии, чьи требования особых прав в отношении нее приводятся коротко, без предметного погружения во внутриполитическую жизнь региона<sup>90</sup>. Отельные аспекты англо-японских отношений и ослабление позиций Японии в Манчжурии и Внутренней Монголии анализируются в работе советского историка, востоковеда и япониста Александра Львовича Гальперина «Англо-японский союз: 1902–1921 годы»<sup>91</sup>, однако без глубокого погружения в вопрос о статусе и освещения темы использования ресурсов монгольских земель.

Среди переводных работ, так или иначе затрагивающих Внутреннюю Монголию в ракурсе японской политики, следует упомянуть широко известный труд знаменитого американского адвоката, профессора Северо-Западного университета г. Чикаго и Колумбийского университета Чарльза Чейни Хайда «Международное право, его понимание и применение Соединенными

Штатами Америки», изданный в СССР в 1950–1954 гг. Касаясь взаимоотношений Внешней Монголии и Китая (Т. 1), а также положения и привилегий Японии в Маньчжурии и Восточной Монголии (Т. 4, 6), автор описывает события 1915–1924 гг. в сдержанном тоне, без свойственных эпохе штампов и лозунгов, излагая только событийный ряд и основные факты<sup>92</sup>. Также следует отметить работу Вэй Цзы-чу<sup>93</sup>, в которой проанализированы объемы финансовых и материальных ресурсов, израсходованных европейскими странами со времен опиумных войн для обеспечения своего присутствия на территории Китая и Внутренней Монголии.

Кризис советско-китайских отношений в конце 1950-х — начале 1960-х годов не добавил Внутренней Монголии значимости в качестве объекта советских исследований, однако дал повод для научной критики реализуемой в регионе политики Мао Цзэдуна. Так, в работе «Опасный курс: По поводу событий в Китае»<sup>94</sup> напрямую говорилось о сопротивлении маоистам, которое нередко выливалось в крупные конфликты, в том числе и во Внутренней Монголии, а правящий режим характеризовался как «армейский контроль»<sup>95</sup> с элементами великодержавной политики в национальном вопросе<sup>96</sup>, что автономия Внутренней Монголии постепенно превращается в фикцию<sup>97</sup>, автор затрагивает тему трансформации государственных институтов и формирования новых в 1947–1955 гг. Но в целом коррективы во внешней политике СССР в отношении КНР не изменили общего ракурса научных изысканий: Внутренняя Монголия — по-прежнему лишь объект японских интересов и противостояния держав.

Некоторое внимание региону в своих трудах уделял советский историк, в 1963–1965 гг. — ректор МГИМО, а 1968–1973 гг. — заместитель Генерального секретаря ООН Леонид Николаевич Кутаков. Так, в книге о последствиях Русско-японской войны ученый исследует предпосылки и последствия заключения Портсмутского мирного договора, условия разделения сфер влияния между Россией и Японией, их интересы во Внутренней Монголии, а также планы Японии по превращению ее и МНР в плацдарм для будущего нападения на СССР<sup>98</sup>. В «Истории советско-японских дипломатических отношений» Л.Н. Кутаков рассматривает

приграничные проблемы, сотрудничество белоэмигрантов с Японией, работу японской разведки в Западной Монголии, а также освещает планы командования Квантунской армии разделить Китай на пять «самостоятельных» государств, одним из которых в качестве японской сферы влияния должна была стать Внутренняя Монголия во главе с князем Дэ Ваном<sup>99</sup>. О некоторых тайных договорах России и Японии со ссылкой на труды Э.Д. Гримма ведет речь Наталия Васильевна Захарова в работе «Влияние социальной революции на силу международного договора»<sup>100</sup>, контекстно затрагивая Внутреннюю Монголию.

Наконец, *третья группа* трудов рассматривает субъектность Внутренней Монголии в период китайско-японского конфликта и Японско-китайской войны (1937–1945). Так, А.С. Титов в работе «Борьба за единый национальный фронт в Китае в 1935–1937 гг.»<sup>101</sup> уделил внимание захвату провинции Суйюань японскими военными. Автор в нескольких абзацах касается «так называемого автономного политического совета в качестве высшей административной инстанции для всех монголов провинций Чахар и Суйюань», однако работа содержит неточности и клишированные оценки, поэтому ценность ее для нашего исследования незначительна.

Гораздо больший интерес вызывает «Новейшая история Китая: 1928–1949», выпущенная Институтом Дальнего Востока АН СССР под руководством экономиста и китаевода, члена-корреспондента АН СССР Михаила Иосифовича Сладковского<sup>102</sup>. Работа, построенная на обширной базе западных источников и китайских СМИ (преимущественно «The China Weekly Review»), содержит обстоятельный и в целом объективный анализ предпосылок отрицательного отношения монголов к китайским имперским колонизаторам и их республиканским преемникам, зарождения автономистских идей, роли монгольских лидеров и значения в вопросе их мотивации японской стороной. Оценка действиям князей как в центральных районах, так и в Барге оставляет им шанс на реабилитацию в связи с их неразборчивостью и доверием к японской политике. Также упоминается создание провинции Ханган (Синань) в Маньчжоу-Го. Пристальное внимание уделено главным действующим лицам — Дэ Вану, Юнь Вану, Ли Шоуси-

ню и другим политическим лидерам. События в провинции Суйюань показаны как ключевые с точки зрения окончательного закрепления японцев в регионе. В работе обширно представлены факты о Внутренней Монголии, и, хотя государственные институты не анализируются (автономистское движение показано как повстанческие действия), сам регион рассматривается в качестве особого объекта интересов центрального правительства Китая и японской стороны, что существенно отличает ее от других публикаций.

Одним из наиболее содержательных является труд известных советских востоковедов Василия Алексеевича Богословского и Алексея Алексеевича Москалева «Национальный вопрос в Китае (1911–1949)»<sup>103</sup>. Авторы рассматривают автономистское движение в контексте неудачной в целом национальной политики гоминьдановского правительства. Именно поэтому события во Внутренней Монголии встроены в хронологию развития китайской государственности, которая включает четыре этапа на заданном историческом отрезке (1911–1927, 1928–1937, 1937–1945 и 1945–1949). На каждом из них подробно раскрывается положение Внутренней Монголии: изучаются предпосылки автономистского движения, анализируются решения, принимаемые центральными властями в области административного деления монгольских земель, государственной политики расчленения территорий и заселения их ханьскими народами и т.д. Вместе с тем авторы по-прежнему не рассматривают Внутреннюю Монголию до 1947 г. как способную ко внутренней хозяйственной или политико-административной консолидации, что влечет за собой подспудное отрицание возможности существования государственных институтов, предпринимающих попытки к объединению, и представление их как сепаратизм и действия марионеток в руках противоборствующих сил. Работа написана с точки зрения традиционно классовых позиций, авторы ограничиваются лишь общим описанием событий без объективной оценки деятельности политических и государственных личностей, характеристики управленческого аппарата и освещения других важных вопросов, что снижает ее объективность и, как следствие, научную ценность.

Среди множества работ конца 1970-х — начала 1990-х годов определенный интерес вызывают две. Во-первых, это труд востоковеда и библиографа Ирины Сергеевны Ермаченко «Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в.»<sup>104</sup>. Несмотря на многообещающее название, автор уделяет Южной Монголии несравнимо меньше внимания, чем Халхе. В то же время весьма подробно описываются предыстория и условия вхождения интересующей нас территории в состав империи Цин, освещаются отношения южномонгольских князей с маньчжурскими властителями, дается характеристика месту Лифаньюань в структуре этих отношений, его организационной и правовой основе. Поскольку эти отношения сохранили свою актуальность и в интересующий нас период, работа И.С. Ермаченко закрывает собой ряд пробелов в исследуемой теме.

Во-вторых, следует упомянуть труд Галины Сергеевны Городовой «Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX в.)»<sup>105</sup>, в котором подробно исследована и описана система взаимоотношений центральной власти и монгольских князей, их положение, а также статус монгольских территорий, определенный в начальный период маньчжурского господства и сохранившийся на начало XX в. Также следует сказать о работе коллеги Галины Сергеевны, выдающегося востоковеда Евгения Ивановича Кычанова «Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.)», в которой ученый упоминает о вышедшем в 1828 г. переводе с маньчжурского языка С. Липовцовым «Лифаньюань цзэли» («Уложение китайской палаты внешних сношений»). Автор выражает надежду на то, что его труд станет началом «...большой и необходимой серии исследований традиционного китайского права в нашей стране, а также права японского, корейского, вьетнамского, монгольского (или принадлежавших к дальневосточной — китайской — семье права, или испытавших значительное ее влияние). Это необходимо как для более глубокого изучения истории стран Дальнего Востока и Центральной Азии, так и для того, чтобы наша наука стала в один ряд с проводящимися в последние 30 лет работами по истории права стран Востока в США (Гарвардская

школа права и исследования в других университетах США) и странах Западной Европы»<sup>106</sup>. С сожалением приходится констатировать, что по прошествии 35 лет отечественная наука ближе к этим устремлениям не стала.

В период перестройки материалы, посвященные Внутренней Монголии, почти отсутствуют, а упоминания о регионе встречаются только в свете изучения китайской истории<sup>107</sup>.

Таким образом, возрастающий интерес к Внутренней Монголии и попытки рассмотреть ее не только в качестве объекта великодержавных интересов не восполнили пробелов относительно ее государственности, оставив обширные лакуны в исследовательском поле.

**Четвертый период** — современное российское монголоведение, формируемое в условиях многополярного мира и многовекторности интересов стран Восточной Азии.

В 1990-е годы отечественное монголоведение переживает подъем, связанный с исчезновением идеологических рамок, доступностью иностранной литературы и увеличением числа организаций, готовых осуществлять финансирование научных изысканий. Значительная часть этих организаций располагалась в западных странах, а выделяемые ими гранты имели целевое назначение, что в итоге отразилось на содержании научных работ, зачастую имеющих явно прозападный характер. В первую очередь это коснулось исследований в отношении бывшей МНР, заменившей с принятием новой Конституции в 1992 г. название на «Монголия» или «Монгольское государство» (Монгол Улс).

Но Внутренней Монголии по-прежнему уделяется крайне мало внимания, ее истории касаются либо при изучении истории Маньчжурии в первой половине XX в.<sup>108</sup>, либо при обращении к более ранним работам<sup>109</sup>. И только с началом 2000-х годов регион становится полноценным объектом исследований, а труды о нем занимают достойное место в монголоведческой литературе. Особенностью данного периода является открывшаяся перед учеными возможность доступа к архивным материалам, а также перераспределение государственного финансирования научных исследований между отечественными научными фондами (прежде всего РГНФ, РФФИ), что существенно увеличило объем работ, касающихся

Внутренней Монголии, однако при этом не повлияло на их фрагментарность и сегментированный характер исследований.

В *первую группу* следует выделить труды, авторы которых определяют и раскрывают мироустройство монгольского общества, его генезис, трансформацию и переход к современному состоянию, а также исследуют историю вопроса. К их числу следует отнести академика РАН Бориса Вандановича Базарова<sup>110</sup>, посвятившего ряд работ вопросам управления как Внешней, так и Внутренней Монголии и их месту в государственной системе империи Цин, где он привел новые факты с опорой на новые источники<sup>111</sup>. Также необходимо отметить вклад в современное монголоведение Владимира Викторовича Грайворонского<sup>112</sup>, Владимира Доржиевича Дугарова<sup>113</sup> и Александра Сергеевича Железнякова<sup>114</sup> — монгольская мир-система, присутствующая на страницах их трудов, показана как неотъемлемая часть не только региона Восточной Азии, но и мировой цивилизации. Заслуга этих ученых состоит в умении показать способность различных частей монгольского мира к модернизации — эта часть мирового сообщества всегда отличалась крайней консервативностью, слабой склонностью к преобразованиям, устойчивыми социальными и правовыми нормами, подкрепленными вековыми традициями, что объясняло поведение политических элит и простых подданных / граждан в переломные моменты истории монгольской государственности, особенно в первой половине XX в.

Геополитические аспекты двух-, трех- и многостороннего сотрудничества, выстраивание регионального политического порядка в Восточной Азии с участием России, Китая и Монголии как в исторической ретроспективе<sup>115</sup>, так и на современном этапе<sup>116</sup> находят свое отражение в работах Сергея Геннадьевича Лузянина. Среди исследователей, чьи труды посвящены российско-монгольским отношениям, следует отметить крупного ученого и популяризатора монголоведческой науки профессора Юрия Васильевича Кузьмина, его коллег и учеников, в течение длительного времени системно исследующих эту тему и вовлекающих в нее широкий спектр представителей отечественной и зарубежной науки<sup>117</sup>.

*Вторая группа* — работы о маньчжурской государственности, включая империю Цин и место в ней Монголии, а также



Маньчжоу-Го. Последнее интересно тем, что, во-первых, изначально называлось Маньчжу-Монгольским государством (1932–1934), признавая тем роль и значение монгольских народов как государствообразующих в этом регионе, а во-вторых, в его пределах была создана «модельная» монгольская автономная провинция Хинган.

Ведущее место в данном направлении исследований принадлежит Владимиру Григорьевичу Дацышену, который в ряде трудов в соавторстве с Николаем Семеновичем Модоровым уделяет пристальное внимание маньчжурско-монгольским отношениям и вопросу планомерного лишения монгольских политий независимости<sup>118</sup>. Значимой представляется работа о маньчжуро-корейской войне 1636–1637 гг.<sup>119</sup>, учитывая интерес с корейскому государству в конце XIX — начале XX в. со стороны России и Японии, приведший в итоге к войне (как негативному фактору) и разделению сфер влияния (относительно позитивный момент) между этими государствами. В связи с этим важное место занимают отношения СССР и Японии<sup>120</sup> — двух ключевых акторов региона в заданной временной рамке. Анализ данных о составе земель Южной Монголии, включенных в маньчжурское государство, сопоставление этих данных с ситуацией в начале XX в. и описание административного устройства региона приведены в работе «Монголия в составе Цинской империи в начале XX века и Синьхайская революция»<sup>121</sup>. В своей оценке места и роли Маньчжоу-Го на международной арене В.Г. Дацышен показывает сдержанную позицию и рациональный характер политики нашей страны в отношении и с Китаем, и с Маньчжоу-Го<sup>122</sup>, с учетом того что «монголо-маньчжурский конфликт стал одним из основных фронтов советско-японского военного противостояния»<sup>123</sup>. Ученый обращался в своих исследованиях к событиям в Монголии во время Боксерского восстания<sup>124</sup>, некоторые работы посвящены КВЖД, ее роли в развитии региона и его политической судьбе<sup>125</sup>.

Крупным специалистом по региону, чьи труды снабжены уникальными архивными данными, является Леонид Владимирович Курас. Общее направление его исследований — Внутренняя Монголия и прилегающие регионы в русле японских интересов и политики этой страны на континенте. Месту Внутренней Мон-

голии и ее органам власти после включения этих территорий в состав маньчжурского государства посвящена работа «Внутренняя Монголия в составе империи Цин: Власть и общество (XVII — начало XX в.)»<sup>126</sup>, в которой показаны взаимоотношения на разных уровнях системы управления — с центральными (столичными) органами власти и внутри северных и южных земель.

Ряд исследований посвящены Маньчжоу-Го. В работе «Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: Подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе)»<sup>127</sup>, помимо событийного ряда и описания государственных структур, включая располагавшихся на территории Хинганской провинции силовых органов, нашли отражение неизвестные широкой аудитории факты, люди и решения. О некоторых из воинских формирований, в том числе структур военного образования, созданных в предвоенный и военный периоды и курируемых Г.М. Семеновым, идет речь в статье, посвященной биографии одиозного атамана<sup>128</sup>. В целом труды Л.В. Кураса отличают детальное изучение выбранного предмета, внимание к другим монгольским территориям в заданный временной промежуток, что выгодно выделяет их из ряда подобных работ. Следует отметить его работы о панмонголистских настроениях в регионе и о конструируемом Г.М. Семеновым «Велико-монгольском государстве»<sup>129</sup>, в котором Внутренняя Монголия — не абстрактный объект чьих-либо интересов, а потенциальный участник важных геополитических процессов. Данная работа стала одной из первых, где отдельные монгольские территории по разные стороны государственных границ рассматривались как взаимозависимые элементы единого монгольского мира. В статье «Монгольский мир в условиях революционного процесса в первой четверти XX в.»<sup>130</sup> Внутренняя Монголия — элемент композиции многомерного и пестрого полотна монголоязычных народов, автором показаны причины формирования так называемого особого типа общественно-политических отношений, которые в итоге не позволили региону ни повторить судьбу Внешней Монголии, ни присоединиться к ней.

*Третью группу* трудов составляют работы ученых, предметно исследующих Внутреннюю Монголию на разных этапах становления ее государственности. Как и Л.В. Курас, к проблеме пан-

монголизма в качестве научной категории и геополитического фактора в развитии государственности Внутренней Монголии периодически обращается Марина Намжиловна Балдано<sup>131</sup>. В ее работах рассматриваются отдельные аспекты стремления к возрождению Монгольской империи на закате империи Цин и после установления в Китае республики, а также в переломные исторические моменты (в зоне российско-китайского приграничья). Ряд работ этого автора посвящен непосредственно Внутренней Монголии. В коллективном труде о ранней истории обособившихся южномонгольских земель<sup>132</sup> дается подробное описание процесса формирования институтов управления Южной Монголии на рубеже XVI–XVII вв., приводятся карты со сведениями о первоначальных сеймах, аймаках и зонах монгольского влияния прилегающих территорий. Данные о создании новых аймаков, происхождении их названий, а также иные сведения позволяют проследить процесс их трансформации с экстраполяцией на исследуемый нами период. В другой работе<sup>133</sup>, посвященной преобразованиям в организационной и территориальной сферах, с которыми регион столкнулся после падения династии Цин, формируется событийный ряд с акцентом на ключевые институциональные изменения между 1912 и 1949 гг. Основные исторические этапы в заданный временной промежуток (по С. Манжинскому) коррелируют с этапами национального движения (по У. Булагу), а их сопоставление — один из методологических приемов, к которым прибегает автор. Помимо этого, выделяются этапы национально-освободительного движения, связанного с деятельностью Коммунистической партии Китая (КПК). До 1945 г. оно совпадает с национальным, а далее следует в русле гражданской войны между сторонниками КПК и партией Гоминьдан.

О Внутренней Монголии в 1920–1930-е годы, опираясь на обширный архивный материал, пишет Сергей Львович Кузьмин. Часть его работ посвящена тем или иным событиям в регионе, которые могут служить точками преломления в развитии государственности или изменить ее вектор. Наиболее интересными представляются статьи о Баргинском восстании 1928 г.<sup>134</sup>, в которых не только реконструируется событийный ряд, но и обозначается роль Коминтерна, показаны политические последствия

восстания как для региона, так и для коммунистического движения во Внутренней Монголии. Некоторые работы автора посвящены выдающимся религиозным и политическим деятелям, так или иначе связанным с Внутренней Монголией. Один из них — Бабуджав, с именем которого ассоциируются неудачные попытки борьбы с новой республиканской властью. В биографических статьях об этом князе<sup>135</sup> С.Л. Кузьмин детально реконструирует малоизвестные события, связанные с участием Китая в Первой мировой войне, развернувшимися диверсионными действиями в Маньчжурии. Автор анализирует мотивы и действия Бабуджава по отношению к России и Германии, ситуацию, сложившуюся в монгольском повстанческом лагере после его гибели, численность и вооружение отрядов, отношения с японской стороной, позицию официальных властей Хулун-Буира, приводит данные о семье князя и т.п. Другой объект исследования ученого — Панченлама IX, оставивший заметный след в истории монгольского мира, чья деятельность на стороне китайского правительства стала предметом одной из работ<sup>136</sup>, написанной вслед за более ранними<sup>137</sup>. В своем труде С.Л. Кузьмин шаг за шагом восстанавливает хронологию событий и характеризует тибетского иерарха как радетеля за судьбы своих прихожан и активного пропагандиста борьбы с японцами. Проблема статуса монгольских земель в качестве вассальных империи Цин территорий затрагивается в отдельных работах<sup>138</sup>, автор придерживается радикальной и однозначной позиции о прекращении любых обязательств монголов после Синьхайской революции и необоснованности претензий республиканского правительства Китая на суверенитет в отношении как Внешней, так и Внутренней Монголии. Работы С.Л. Кузьмина отличают чрезвычайное внимание к деталям при реконструкции малоизвестных (или неизвестных) событий в регионе, а также однозначность в высказывании собственной позиции, аргументация с опорой на нормы международного права и международные обычаи исследуемых периодов.

Пожалуй, единственной крупной работой, которая посвящена именно Внутренней Монголии как обособленной политической единице, является диссертация и сопутствующие ей публикации Станислава Витальевича Мажинского<sup>139</sup>. Труд содержит обстоя-

тельный обзор предпосылок обособления Внутренней Монголии, административного деления и основ управления, а также различий с Халхой после включения в состав империи Цин. Важными составляющими исследования являются данные о дугуйланском движении, колониационной политике и ее масштабах; анализ причин, хода и последствий автономистского движения 1933–1936 гг., создания и существования Мэнцзяна, послевоенного хаоса и безуспешных попыток гоминьдановских властей навести порядок. Кроме того, представляет интерес авторская оценка деятельности КПК и результатов ее работы. В целом труды ученого являются значимыми в изучении Внутренней Монголии и проливают свет на малоизвестные события и факты.

Необходимо упомянуть об изучении национально-освободительного движения в Хух-Хото — будущей столице Внутренней Монголии и некоторых других крупных городах региона в постреволюционный период<sup>140</sup>. Интерес представляют работы Е.В. Сундуевой, посвященные атрибутивным характеристикам монгольских элит<sup>141</sup> и сопутствующей этому инфраструктуре<sup>142</sup>.

Наконец, *четвертая группа* — работы по изучению отдельных территорий в пределах Внутренней Монголии и образуемых на их пространстве политий. Признанным авторитетом в изучении Барги и Хулун-Буира является Базар Догсонович Цыбенев, чьи работы о родовой организации<sup>143</sup>, миграционных процессах<sup>144</sup>, взаимодействии с цинской администрацией<sup>145</sup> и новыми республиканскими властями<sup>146</sup>, об участии в освободительном движении в первые годы республики<sup>147</sup>, о послевоенной судьбе Хулун-Буира<sup>148</sup>, а также о выдающихся политических деятелях региона<sup>149</sup> позволяют лучше понять особенность административно-территориального устройства и управленческого уклада Барги в исследуемый нами период. Отдельный блок трудов посвящен периоду японского присутствия в регионе. Так, в ряде совместных работ Б.Д. Цыбенев и Л.В. Курас раскрывают малоизвестные факты, важные для понимания функционирования маньчжурской государственной системы в регионе и ее краха. Например, в статье «Антаяпонская освободительная борьба дауров и баргутов в годы Второй мировой войны»<sup>150</sup> приводятся сведения об образовании партизанских округов, их организационной работе, о выдающихся

ся людям, их участию в работе органов власти Маньчжоу-Го и подрывной деятельности; о японско-маньчжурской политике в отношении даурского населения и соответствующих структурах, обеспечивавших контроль над занятыми территориями. В статье «Новые данные о разведывательной деятельности Японии и СССР в Монголии и Хулун-Буире в годы Второй мировой войны»<sup>151</sup> приводятся сведения о мерах, принимаемых японской стороной для планируемого развертывания военных действий в отношении МНР, с подробным описанием населенных пунктов, призванных служить опорными точками, об организационной структуре, численности и специфике вооруженных сил и агентов. В статье «Судьбы даурских офицеров — участников антияпонских мятежей в армии Маньчжоу-Го в августе 1945 г.»<sup>152</sup> раскрывается драматизм ситуации, в которой оказалось население входящих в состав Маньчжоу-Го монгольских районов, и их стремление к избавлению от японцев. Как и в предыдущих работах, авторы приводят обширный список имен, биографии деятелей освободительного движения, факты, которые до недавнего времени были известны лишь узкому кругу специалистов. Особую ценность представляют данные о дальнейшей судьбе офицеров — участников освободительного движения.

Труды Даримы Цыбиковны Бороноевой посвящены как общим вопросам миграции бурятского населения во Внутреннюю Монголию<sup>153</sup>, так и отдельным историческим аспектам<sup>154</sup>. Значительный интерес представляет работа «Миграция и сакрализация нового жизненного пространства в традиционной культуре: Опыт бурят Внутренней Монголии КНР»<sup>155</sup>, в которой автор исследует процесс переселения бурят в Баргу в начале XX в. и обрядовые традиции, выступающие механизмами освоения нового жизненного пространства, статья снабжена важными данными об исторических личностях, географических и религиозных объектах исследуемого региона.

Следует упомянуть отдельные работы о военно-административной<sup>156</sup> и религиозной организации<sup>157</sup> баргутов и колониционных проблемах округа<sup>158</sup>.

Таким образом, в 2000-е годы произошло существенное увеличение объема научных изысканий в отношении Внутренней

Монголии, ее места в составе империи Цин и Китайской Республики, внутренней организации, влияния японской стороны на развитие ее государственности, а также деятельности КПК по интеграции региона в новую государственную систему — КНР.

### *Зарубежная историография*

Монгольская историография за рубежом весьма неоднородна и подразделяется нами на китайское монголоведение, монгольскую научную литературу и труды западных ученых.

Прежде чем охарактеризовать китайскую историографию по Внутренней Монголии, следует обратить внимание на ряд факторов, влияющих на состояние научного знания в этой области. Во-первых — практически отсутствует доступная научная литература докоммунистического периода. Данный факт может объясняться тем, что подобные исследования, опубликованные в Китае до 1949 г., являются библиографической редкостью не только из-за их относительно небольшого количества — Внутренняя Монголия воспринималась в китайском научном обществе того времени как периферия и не представляла серьезного научного интереса, но и потому, что к трудам, имеющимся в архивах или библиотечных фондах, иностранным исследователям доступ закрыт. Во-вторых — материалы в публичном доступе имеют цензурируемый характер, исследования выполнены и изложены в утвержденном ракурсе идеологического соответствия, поэтому и воспринимать их надо сугубо с позиций достоверности исторических данных и спорности трактовок и выводов.

По этим причинам мы ограничимся лишь общей характеристикой доступной литературы, разделив ее на четыре периода. **Первый** охватывает научные знания о Внутренней Монголии, сформированные до 1949 г., когда скудные сведения об этом регионе размещались преимущественно в периодической печати<sup>159</sup>. Тем не менее в них есть богатый этнографический и фактологический материал.

**Второй период** ведет свой отсчет от провозглашения КНР в 1949 г. и заканчивается так называемой великой культурной революцией в 1976 г. Традиционно китайская система образования

уделяла огромное внимание преподаванию и изучению истории. Во время культурной революции исторической науке был нанесен тяжелый урон: занятия в вузах прекращались, профессорско-преподавательский состав учебных заведений высылался в горные и сельские районы, затрагивать вопросы политической жизни, тем более проблемы японского присутствия, было опасно. В связи с этим китайская научная литература указанного периода была немногочисленна и однотипна. Внутренняя Монголия в этот период изучается в контексте присутствия в составе империи Цин либо в разрезе общей китайской истории<sup>160</sup>.

**Третий период** характеризуется завершением культурной революции и переосмыслением собственной истории, поэтому он относительно короткий по времени (1976–1985), но весьма насыщенный по содержанию. В ходе переосмысления событий и пересмотра ценностей появляется целая серия работ об истории монгольской аристократии<sup>161</sup>, о взаимоотношениях с Японией<sup>162</sup> и противостоянии ей, об истории Маньчжоу-Го<sup>163</sup>, революционных событиях во Внутренней Монголии<sup>164</sup> и Мэнцзяне с описанием биографий и деятельности ключевых политических фигур<sup>165</sup>. После смерти Дэ Вана в 1966 г. выходят в свет воспоминания его самого<sup>166</sup> и его сподвижников о нем на английском, японском, а позднее и на китайском языках<sup>167</sup>. Общий фон работ этого периода — классовое противостояние, общая содержательная канва — обличение совершенных японцами и коллаборационистами преступлений. Вместе с тем мы уже можем видеть не только лозунги и призывы, но и скрупулезный анализ событий и фактов, пусть даже с заранее известным результатом и «историческим приговором».

**Четвертый период** берет свое начало в середине 1980-х годов — к этому времени культурная революция практически завершилась, и правительство КНР принимает необходимые меры для нивелирования ее последствий, в том числе путем формирования патриотично настроенной нации и реставрации исторических традиций. Объем научного материала в этот период значительно возрастает, здесь можно выделить основные категории трудов. Во-первых, это новые общие архивные данные по истории империи Цин<sup>168</sup>, Синьхайской революции<sup>169</sup>, истории Китая Бэйянского и Нанкинского периодов<sup>170</sup>, документы специального



ведомства по делам окраинных земель в цинский и республиканский периоды<sup>171</sup>, материалы по истории монголов или маньчжурско-монгольских отношений<sup>172</sup>, истории Монголии в составе Китайской Республики<sup>173</sup> и конкретно — Внешней Монголии<sup>174</sup>. Во-вторых, материалы по истории автономного района Внутренняя Монголия<sup>175</sup>, его центральных хошунов<sup>176</sup> и окраин<sup>177</sup> в первой половине XX в.<sup>178</sup>, партийному строительству (Народно-революционная партия Внутренней Монголии — НРПВМ)<sup>179</sup>. В-третьих, новые работы по периоду японского присутствия в Маньчжурии<sup>180</sup>, созданию Маньчжоу-Го<sup>181</sup> и Внутренней Монголии, Мэнцзяна<sup>182</sup>, а также труды, посвященные национально-освободительному движению и сопротивлению японской агрессии<sup>183</sup>. В-четвертых, биографические данные монгольских князей<sup>184</sup>, чиновников Маньчжоу-Го и японских агентов<sup>185</sup>, а также революционеров<sup>186</sup>. Важность данного периода и публикуемых в нем работ — в уникальности сведений относительно событий, фактов, лиц, имеющих отношение к региону. В настоящее время объем архивных, исследовательских и обзорных материалов значительно вырос, они по-прежнему сохраняют социалистическую и анти-японскую риторику. Изысканиями занимаются либо монгольские и маньчжурские университеты, либо научные центры Пекина, Тяньцзиня и Шанхая. Исключением является труд о репрессиях в регионе во время культурной революции «Трагедия степи: Внутренняя Монголия под властью Мао Цзэдуна. Свидетельства очевидцев»<sup>187</sup>, написанный уроженцем Ордоса, профессором университета Сидзуока в Японии Огонуsom Цогту (известен как Ян Хайин и Акира Оно). Книга содержит сведения о НРПВМ, Восточно-Монгольском народном автономном правительстве, автономном движении Внутренней Монголии, а также богатый биографический и фактологический материал периода 1930 — 1940-х годов.

Изучая Внутреннюю Монголию, нельзя обойти вниманием труды монгольских авторов, имеющие отношение к теме нашей работы. Некоторые из них посвящены общей истории монголов<sup>188</sup> и предпосылкам разделения Монголии на Северную, Южную и Западную, другие — взаимоотношениям с маньчжурским двором<sup>189</sup>. Особый интерес вызывают труды монгольского исследователя Н. Алтанцэцэг, затрагивающие как общее состояние монгольских

земель в составе империи Цин<sup>190</sup>, так и предметно — Внутреннюю Монголию во второй половине XIX — начале XX в.<sup>191</sup> Их значимость состоит в том, что, несмотря на социалистический контекст, они снабжены богатым фактическим материалом и данными из малоизвестных монгольских источников. После крушения социалистической системы отдельные авторы возвращаются к истории взаимоотношений между Внешней и Внутренней Монголией<sup>192</sup>, а также к истории разделения страны в XVI–XVII вв.<sup>193</sup> Не обходят они вниманием и события, связанные с японским присутствием в регионе. Так, в исследовании «Монголия и Япония в первой половине XX века»<sup>194</sup> Ц. Батбаяр воспроизводит общий ход автономистского движения. Автор книги «Дэ Ван»<sup>195</sup> Доржийн Зоригт, используя большой объем архивных данных, материалов СМИ, фотографий и других источников, не только приводит жизнеописание монгольского лидера, но и выделяет объективные факторы, способствовавшие успеху и поддержке обеих кампаний государственностроительства (в Чахаре в начале 1930-х и в Нинся в конце 1940-х годов). Однако он не анализирует изучаемые события, в результате книга способна удовлетворить скорее интерес к биографическим сведениям, нежели к политическим и тем более геополитическим событиям. Опубликованы работы, раскрывающие развитие государства и права Монголии как в указанный период, так и в ретроспективе<sup>196</sup>. Отметим, что общий настрой научных трудов, выходящих из-под пера монгольских авторов, совпадает с позицией советской науки — государственность Внутренней Монголии развивалась не столь активно, как государственность Халха-Монголии, была тесно вплетена в маньчжурскую государственную систему, а в период японского доминирования она носила искусственный характер, что объясняется конкуренцией за лидерство в монголоязычном мире и преемственностью государственности Чингисхана, актуальность которой не исчерпана и в наши дни.

Перейдем к западной научной монголоведческой литературе. Преимуществом исследований, сделанных в США, Великобритании и других государствах, была возможность работать с вывезенным из Китая во время отступления японской армии (а позже — при бегстве гоминьдановцев на Тайвань) обширным архивным материалом о китайско-японских отношениях в первой половине

XX в. Однако большинство крупных исследователей, заложивших основы монголоведческой науки в 1950–1970-е годы, во-первых, не работали с китайскими архивами и не могут делать это в настоящее время, а во-вторых, никогда не были в Китае — ни в республиканском, ни в коммунистическом, о чем классик зарубежного востоковедения О. Латтимор писал: «Эта книга о Монгольской Народной Республике, где мы с женой провели почти два месяца в 1961 г., и в ней упоминаются лишь случайные отсылки на Внутреннюю Монголию, которую наше правительство запрещает посещать американцам, поскольку она является частью Китая»<sup>197</sup>. Даже с учетом подобных обстоятельств работы О. Латтимора до сих пор остаются самым подробным, объективным и ценным источником познаний о регионе.

В целом западные гуманитарные науки относились к Внутренней Монголии весьма поверхностно. Так, исследователи касались ее истории преимущественно в контексте: решения национального вопроса<sup>198</sup>; взаимоотношений с Тибетом (в том числе в ракурсе китайской религиозной политики<sup>199</sup>) и МНР<sup>200</sup>; развития китайско-японского конфликта и роли участвующих в нем высших политических фигур страны, места Японии в системе регионального порядка в Восточной Азии<sup>201</sup>. Также ими рассматривались становление китайской государственности в имперский, республиканский периоды и эпоху КНР<sup>202</sup> и место Китая в системе международных отношений<sup>203</sup>.

Предметно затрагивает Внутреннюю Монголию в аспекте решения национального вопроса в первой половине XX в. Джастин Тай в работе «Создание Суйюаня: Политика в отношении северо-западных территорий и их развитие в начале двадцатого века»<sup>204</sup>. Весьма ценные сведения содержат труды, касающиеся организации и обеспечения японцами наркотрафика на территории Северо-Восточного Китая и Внутренней Монголии<sup>205</sup>, а также работы с участием видных монголоведов современности К. Этвуда<sup>206</sup> и У. Булага<sup>207</sup>.

Подводя итог обзору научной литературы, приходится констатировать, что, несмотря на обилие отечественных и зарубежных работ, предметного изучения Внутренней Монголии и ее го-

сударственных институтов в переломную для региона эпоху на рубеже XIX — первой половине XX в. до настоящего времени не осуществлялось. Что касается большого числа трудов, изучающих место Внутренней Монголии в государственной системе как империи Цин, так и республиканского Китая, то, во-первых, исследования истории монгольских земель, как правило, отражают отдельные аспекты государственности в ущерб другим. Во-вторых, имеющиеся работы носят фрагментарный характер по отношению к тем или иным политиям — зачастую они концентрируются на одной из них, при этом не изучается влияние происходящих событий на другие территории. В-третьих, хронология и исторические этапы связаны с развитием китайской государственности, правомерность чего у нас вызывает сомнения: Синьхайская революция хоть и дала толчок национально-освободительному движению, но непосредственно на государственных институтах Внутренней Монголии это событие, как и смена характера китайской государственности, не отразилось. Несмотря на заявления представителей большинства хошунов, они остались в составе Китайской Республики, а в организации внутреннего управления изменений не произошло; аналогичная ситуация наблюдается и в 1927 г., когда центральная власть концентрируется в руках партии Гоминьдан. Для Внутренней Монголии более важным является 1928 г. — произошло преобразование особых монгольских районов в провинции.

В связи с этим приходится отдать должное советской монголоведческой школе, когда государственность Халха-Монголии изучалась с большей ответственностью, усердием и результативностью. Приведем слова известного востоковеда, одного из крупнейших монголоведов современной науки Оуэна Латтимора. Владея русским, китайским и монгольским языками, имея многочисленные контакты как с монгольскими князьями, так и с гоминьдановским руководством Китая, о советской монголоведческой науке он отзывался в высшей степени уважительно: «У нас здесь, в Лидсе, в нашем новом отделе китайских исследований и в других местах, есть возможность использовать советские материалы, и мы будем использовать их с должным признанием их важности»<sup>208</sup>. Хотя научная литература советского периода

практически не анализирует государственные институты Внутренней Монголии в заданный нами хронологический период, она так или иначе затрагивает монгольский мир в целом.

Традиционно с начала 1920-х и вплоть до 1980-х годов в научных работах Внутренняя Монголия рассматривается и как арена противостояния держав, и как ресурс, за который идет борьба, но ни в одной работе указанного периода регион не является субъектом политики или каких-либо отношений (экономических, международных и т.д.). Научный интерес сосредоточен на ресурсах Японии и ее претензиях на гегемонию, в связи с чем упоминаются тайные договоры царской России, сама же политика нашей страны дореволюционного периода представлена как империалистическая, антинародная, наносящая ущерб интересам своей страны и интересам народов, населяющих страны Восточной Азии.

Современное монголоведение сохраняет фрагментарность. При наличии данных о китайской колониационной политике отсутствует связка с конечным результатом, выразившимся в создании национальных монгольских провинций Жэхэ, Чахара и Суйюани, не исследовано место в провинциальном механизме монгольских управленческих институтов, внесеймовых и ламских хошунов. При обильном материале о независимости Халхи и регулярном упоминании о том, что хошуны Внутренней Монголии признавали власть Богдо-хана, нет работ о внутренней ситуации в этих хошунах, о настроениях князей, механизмах и результатах их привлечения на свою сторону как Халхой, так и Китаем. Имея значительное количество данных о провозглашении независимости Халха-Монголии в 1911 г. и дальнейшем участии в ее судьбе российской стороны, исследователи упускают из виду имевшиеся противоречия, зачастую ставившие успех данного предприятия под угрозу. В работах, касающихся Барги и ее политической судьбы после Синьхайской революции, практически не уделяется внимание ее международно-правовому статусу, лишь вскользь упоминается об автономии, не раскрывается суть ее состояния, гарантий и взаимных обязательств с новым республиканским правительством, а также механизмов их обеспечения. Выпадают из научного поля взаимоотношения князей

и центральной власти в Пекине, породившие уникальное сочетание монархических и республиканских институтов, нет исследований о Лифаньюань, или Бюро / Комиссии по делам Монголии и Тибета.

Аналогичная ситуация сложилась в отношении Маньчжоу-Го: при регулярном упоминании о «марионеточности» его государственности ни один из авторов не дал развернутого объяснения этого клише, равно как и не пояснил сам термин, его ключевые и второстепенные признаки, а также допустимость применения к тем или иным политиям. Кроме того, в современной исторической науке отсутствуют сведения о национальной политике в отношении монгольских территорий и новых административных единиц Хингана и Чадуна.

Автономистское движение князей в 1933–1934 гг. и его развитие продолжает рассматриваться в духе советской историографии как сепаратизм, а сведения о формируемых политических образованиях — Монгольской автономии, Военном правительстве, южно-чахарском и северо-шансийском режимах, Мэнцзяне, Алашаньской Республике — отсутствуют. Также весьма поверхностны сведения о государственности и государственных институтах Внутренней Монголии до 1949 г., попытках сформировать новые территориальные единицы и придать им соответствующий внутригосударственный или международно-правовой статус. И, безусловно, имеется пробел в изучении деятельности государственных и политических деятелей Внутренней Монголии (помимо Мэрсэ, Фу Минтая, Дэ Вана, Ли Шоусиня, Уланьфу и некоторых других), которые внесли весомый вклад в развитие монгольской государственности.

Настоящая работа призвана хотя бы отчасти заполнить эти пробелы.

## 1.2. Источниковедческая база исследования

К неопубликованным историческим источникам на русском языке относятся архивные документы. *Архив внешней политики Российской империи* (АВПРИ) хранит документы, относящиеся к КВЖД, работе различных ведомств, а также деятельности на-

ших соотечественников в регионе. Интерес представляют документы из фонда «Китайский стол», содержащие переписку с российскими дипломатами и агентами, доклады, отчеты и другие материалы, которые позволяют пролить свет на многие аспекты, связанные с попытками различных монгольских территорий получить независимость.

В *Российском государственном архиве социально-политической истории* (РГАСПИ) находятся шесть коллекций фондов, относящихся к предмету нашего исследования. Прежде всего это фонд 514 «Коммунистическая партия Китая (1919–1946)» (Оп. 1 «Документы КП Китая», 1919–1946 гг.; Оп. 2 «Документы Народно-революционной партии Внутренней Монголии», 1925–1943 гг.; Оп. 3 «Коллекция документов Мао Цзедуна», 1923–1940 гг.), где находятся агентская переписка, доклады и записки, личные сведения и т.д. Наибольший интерес представляет Оп. 2, содержащая обширную коллекцию документов по НРПВМ (машинописные и рукописи, на русском и китайском языках, авторство многих не установлено, часть документов за авторством или записаны со слов лидеров НРПВМ Мэрсэ и Фу Минтая). Одни документы касаются дугийланского движения с середины XIX в., другие освещают организационные моменты создания партии и ее молодежного крыла и содержат проекты уставов и других учредительных документов с рукописными правками.

Большое значение имеет фонд 495 «Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) (1919–1943)», Оп. 152 «Монгольская народно-революционная партия (МНРП)», 1918–1937 гг. и Оп. 242 «Компартия Монголии. Личные дела», в которых содержатся записки, доклады, проекты документов об агентурной деятельности в МНР и во Внутренней Монголии, данные о НРПВМ, ее руководящем составе и бывших лидерах Бай Юньти, Мэрсэ и Фу Минтае, отдельные документы касаются Панчен-ламы IX (Банчен-Богдо) и его деятельности в регионе.

Из зарубежных архивов для российских исследователей доступны прежде всего монгольские, в отличие от архивов КНР. Среди всего обилия фондов следует выделить *Архив Института истории Академии наук Монголии* в Улан-Баторе (Түүхийн хүрээлэнгийн архив, Монгол Шинжлэх Ухааны академи — ТХА),

в котором особый интерес представляют коллекции академика Б. Ширендыба относительно преемственности верховной императорской власти<sup>209</sup> и маневров князей Внутренней Монголии по поводу предполагаемого провозглашения независимости<sup>210</sup>, а также *Центральный национальный архив Монголии* в Улан-Баторе (Монгол Улсын Үндэсний төв архив — МУУТА), в котором для нашего исследования интересны коллекции Монгольской народной партии относительно ситуации в хошунах Внутренней Монголии, выразивших лояльность Богдо-хану и готовых признать суверенитет<sup>211</sup> нового монгольского монарха, а также военных<sup>212</sup> и гражданских<sup>213</sup> кадровых назначениях в отношении южных хошунов.

Опубликованную базу источников можно разделить на несколько групп, каждая из которых уникальна тем, что содержит тот объем информации по предмету исследования, который, как правило, отсутствует в широком или свободном доступе для отечественных исследователей.

Опубликованные исторические источники на русском языке содержат:

- сборники договоров и соглашений, документы и материалы по истории советских отношений с другими странами, документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг.;
- секретные донесения, издаваемые Штабом Заамурского округа пограничной стражи (среди авторов был упоминаемый выше А.М. Баранов и др.), а также сборники дипломатических документов, отчеты и донесения представителей государственных органов Российской империи, уполномоченных на ведение внешнеполитической деятельности, и подразделений КВЖД;
- документы правительственных органов Внешней Монголии и Китайской Советской Республики, Коминтерна и Токийского международного трибунала;
- документы Госплана Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики (БМАССР);
- уникальный юбилейный сборник «Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею»;
- мемуары Пу И и Н.К. Рериха об их участии в событиях исследуемого периода.



Данный блок документов позволяет лучше представить реакцию международного сообщества на те или иные процессы, происходившие в регионе, а также детали внутренней хошунной, аймачной и сеймовой организации монгольских территорий.

Опубликованные источники на китайском языке содержат архивные материалы по истории империи Цин, Синьхайской революции и Китайской Республики, выступления и письма Уланьфу в адрес ЦК, выступления членов НРПВМ, директивы ЦК КПК, данные по мирному восстанию 19 сентября 1949 г. в провинции Суйюань, автобиографический материал революционеров и лидеров автономистского движения, данные относительно режима Ван Цзинвэя и Маньчжоу-Го, протоколы собрания по обсуждению первой китайской Конституции. Значимость этих источников заключается в сведениях о лицах, событиях и фактах, отсутствующих или весьма поверхностно отраженных на страницах трудов представителей отечественной или западной науки из-за отсутствия доступа в китайские архивы и хранилища.

Опубликованные нормативно-правовые акты содержат тексты основных законов БМАССР, РСФСР и СССР, постановления Первого съезда Советов БМАССР, полный текст маньчжурского законодательства «Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке» в 10 т., соглашение с Монголией 21 октября 1912 г., опубликованное в «Известиях Министерства иностранных дел», а также «Уложение Китайской палаты внешних сношений» в переводе С. Липовцева, что позволяет дополнить имеющиеся сведения данными о государственной системе исследуемого региона.

Справочная литература на русском языке представлена словарями, информационными сборниками различной направленности (в том числе статистическими), издаваемыми КВЖД, что помогает оценить широту знаний и пределы исследовательского поля наших соотечественников на разных этапах развития монголоведческой науки, их точность и достоверность.

Справочная литература на китайском языке, представленная биографическими словарями и справочниками, аристократическими списками Внутренней Монголии и материалом о народах Китая, ценна наличием сведений не только о ключевых государ-

ственных и политических деятелях, но и о второстепенном составе администраций — их происхождении, образовании и прочих сведениях, во многом определяющих поведение и политические действия участников событий.

Справочная литература на монгольском языке представлена сборником материалов об органах государственной власти Монголии в 1911–2012 гг., что дает возможность проследить генезис государственных институтов Халха-Монголии и МНР.

И наконец, отдельным блоком представлены публикации средств массовой информации США, Европы, Азии и Австралии, благодаря которым удалось реконструировать или существенно дополнить новыми данными большинство событий, ранее неизвестных даже специалистам по региону или известных в общих чертах. Следует подчеркнуть, что сообщения о событиях в Восточной Азии в целом и во Внутренней Монголии в частности регулярно появлялись в печати, однако интенсивность их размещения, характер преподносимого материала, его содержание и прочие факторы, безусловно, разнились.

Западная пресса, находясь на значительном удалении от мест событий, была весьма активна. В нашей работе представлены данные из таких американских общенациональных газет, как «Вашингтон Пост», «Лос-Анджелес Таймс», «Чикаго Дэйли Трибьюн», а также из журнала «Тайм». Традиционно наиболее активными и насыщенными по содержанию оказываются нью-йоркские СМИ. При этом речь идет не только о таких гигантах индустрии, как издания мирового уровня «Нью-Йорк Таймс», «Нью-Йорк Пост» и «Нью-Йорк Сан» (современная «The Sun»), но также о нью-йоркских изданиях меньшей тиражности, пользующихся определенным влиянием, например «Лидер Републикан» («The Leader-Republican») или «Монинг Геральд» («The Morning Herald»), на страницах которых описываются события в Чахаре и Суйюани, появляется Дэ Ван или публикуются карты монгольских земель. К ним также следует отнести «Сиракьюз Джорнал» («Syracuse Journal») — одно из старейших изданий, выходящее в г. Сиракьюз центральной части штата Нью-Йорк с 1839 г. под названием «Вестерн Стейт Джорнал» («Western State Journal»), в 1939 г. объединившееся с «Сиракьюз Геральд» («Syracuse Herald»),

в результате чего газета получила название «Сиракьюз Геральд-Джорнал» («Syracuse Herald-Journal») и выходила под ним до 2001 г. Также следует упомянуть газету «Ром Дэйли Сэнтинэл» («Rome Daily Sentinel»), которая ежедневно издавалась с 1881 до 1976 г. в г. Ром (Рим) в центральной части штата Нью-Йорк; ежедневную газету «Найагра Фоллс Газэт» («The Niagara Falles Gazette»), основанную в 1854 г.; газету «Поукипзи Игл-Ньюз» («The Poughkeepsie Eagle-News»), издававшуюся в г. Поукипзи на востоке Нью-Йорка в 1915–1942 гг. ежедневно, кроме воскресенья.

В число источников вошли газеты Великобритании: «Таймс», «Манчестер Гардиан» (сменившая в 1959 г. название на «Гардиан») и «Обсервер», влившаяся в 1993 г. в холдинг «The Guardian». Особенность этих источников — наличие большого количества аналитического материала, привлечение в качестве экспертов именитых востоковедов того времени, детальное повествование и обязательная позиция британского правительства относительно тех или иных шагов японской, китайской или советской стороны.

Хронологические рамки полученного материала охватывают конец XIX — середину XX в., что позволяет получить доступ к данным, как предшествующим исследуемому периоду, так и сопутствующим ему; география материалов охватывает Халху, Внутреннюю Монголию, Северо-Восточный и Северо-Западный Китай. Доступ к их архивам был возможен через официальные сайты, после регистрации на которых и уплаты определенной суммы исследователь получает возможность ознакомиться с материалом или скачать его, используя в дальнейшем по своему усмотрению со ссылкой на издание.

Особый интерес вызывает пресса Азии, а именно малайские и сингапурские издания, где наибольшее число материалов представлено на английском языке. Выделение их в отдельную группу объясняется несколькими причинами — именно газеты Азии освещали события на северо-востоке Китая и во Внутренней Монголии наиболее часто, максимально полно и незамедлительно (в день их совершения либо на следующий день), так как имели собственных корреспондентов в Китае; публикации не только излагали факты, но и содержали прогноз развития событий, зачастую подтверждавшийся спустя определенное время.

Так, ежедневная газета «Стрэйтс Таймс» («The Straits Times»), которая с июля 1845 г. и по сей день выходит в Сингапуре, в исследуемый нами период уделяла значительное внимание скорости отклика и достоверности представленной информации. Аналогичной позиции придерживалась еженедельная газета «Сингапур Фри Пресс Энд Мэркантайл Адвэтайзер» («The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser»), издаваемая с октября 1884 по январь 1942 г. Существенный объем информации размещался на страницах еженедельной воскресной «Малайя Трибьюн» («Malaya Tribune»), вышедшей в свет с января 1914 по январь 1951 г. в г. Куала-Лумпур и распространяемой в Пераке и Пинанге. Данное издание к середине 1930-х годов представляло собой крупный концерн, в состав которого входили сингапурские «Сандэй Трибьюн» («Sunday Tribune» (Singapore) — еженедельная газета, издаваемая с мая 1933 по январь 1951 г.) с субботним приложением «Малайан Сатадэй Пост» («The Malayan Saturday Post»); ежедневная газета «Монинг Трибьюн» («Morning Tribune»), издаваемая с 1927 г. и вошедшая в концерн в феврале 1936 г.

Указанные источники переводили с японского языка некоторые материалы газеты «Асахи Симбун» (Токио), а также с китайского сводки из китайских газет. Так, «Стрэйтс Таймс» и «Сингапур Фри Пресс Энд Мэркантайл Адвэтайзер» регулярно ссылаются на материалы газеты «Син Гомиг Пресс» («Sin Kuo Min Press») или «Син Гомин Жибао» («Sin Kuo Min Jit Рао», выходила в Сингапуре с 1 октября 1919 г.), имела в качестве приложения бюллетень «Го Мин Жибао» («Kuo Min Jit Рао»). Газета «Син Гомин Жибао» основана Сунь Ятсеном и Чэнь Синчжэнем в 1914 г. и выходила на континенте до 6 августа 1919 г., после чего издательство было вынуждено переехать в г. Куала-Лумпур, где два месяца спустя издание газеты возобновилось, а в 1941 г. прекратилось окончательно<sup>214</sup>. Сходная судьба у другой газеты — «Синчю Жибао» («Sin Chew Jit Рао»). Оба издания признавались наиболее влиятельными среди официальных газет и журналов, которые выпускал Гоминьдан в иностранных населенных пунктах, где жили китайские граждане. До сих пор они являются уникальным источником для изучения китайской революции, социальной и политической жизни китайцев-эмигрантов, а также предвоенного и военного периодов в жизни Китая.

Прессу на китайском языке представляют издания Правительственного вестника Маньчжоу-Го за 1932–1943 гг., где публиковались основные нормативные правовые акты и другая официальная информация, а также послевоенные издания «Новая газета Восточной Монголии» и «Жэньминь Жибао», в которых освещались происходящие в регионе политические события.

Хронологические рамки полученного материала охватывают 1930–1940-е годы, охватываемая территория — Внутренняя Монголия и Северо-Восточный Китай.

Доступ к архивам этих СМИ был возможен через специальные ресурсы, создаваемые под эгидой правительства по оцифровке исторического материала и обеспечению к нему свободного доступа. В отличие от западных СМИ доступ к азиатским изданиям преимущественно бесплатный, однако используемый формат не позволяет скачивать материал, а лишь читать его с экрана компьютера или гаджета.

Материалы западной и азиатской прессы, изученные по проблеме нашего исследования, можно условно разделить на две группы — данные информационных агентств и авторский материал. Источником информации для первой группы статей выступали сообщения крупнейших международных информационно-новостных агентств «Ассошиэйтед Пресс» («Associated Press») и «Юнайтед Пресс Интернэшнл» («United Press International»). Материалы второй группы написаны собственными корреспондентами, работавшими в Северо-Восточной Азии, а также привлекаемыми экспертами. Так, наиболее подробно процесс автономизации освещали корреспонденты: Халлет Абенд (Hallett Abend, 1884–1955), после работы в «Лос-Анджелес Таймс» приглашенный на работу в качестве корреспондента «Нью-Йорк Таймс» в Пекин и проработавший там до 1941 г.; Арчибальд Стилл (Archibald Steele, 1903–1992), с 1932 г. работавший от «Нью-Йорк Таймс» в Китае и получивший в 1950 г. премию Джорджа Полка за серию статей о Китае для издания «Нью-Йорк Хэральд Требьюн» («The New York Herald Tribune») <sup>215</sup>; Фрэнк Тилман Дурдин (Frank Tillman Durdin, 1907–1998) работал для «Нью-Йорк Таймс» и «Ассошиэйтед Пресс» и одним из первых описал зверства японских военных во время Японско-китайской войны, в частности захвата Нанкина <sup>216</sup>.

Среди тех, кто пережил заключение в японской тюрьме и писал об этом, был корреспондент «Чикаго Трибьюн» Джон Б. Пауэлл (John B. Powell, 1886–1947), работавший в еженедельном шанхайском издании «Миллардс Ривью оф зэ Фар Ист» («Millard's Review of the Far East») <sup>217</sup>. Отдельные изученные статьи написаны Кимпеем Шибой (Kimpei Shiba, 1903–1996), который многие годы представлял «Чикаго Трибьюн» в Токио в преддверии Второй мировой войны. Родившийся на Гавайях, он окончил Канадскую академию в г. Кобэ (Япония) и в 1924 г. начал работать в «Джапан Таймс» («Japan Times»), а с 1929 г. стал сотрудничать с «Чикаго Трибьюн». После войны Шибата работал в «Ивнинг Ньюз Асахи» («Evening News Asahi» — англоязычный отдел национальной газеты «Асахи Симбун»), сначала редактором, управляющим, затем директором, исполнительным директором, президентом и председателем правления (до выхода в отставку в 1986 г.). В 1977 г. Шибата получил премию Nippon Kisha Club (Японский национальный пресс-клуб) за серию статей о Японии <sup>218</sup>.

В качестве экспертов и обозревателей привлекались Георгий (Джордж) Эрхаим Сокольский (George Ephraim Sokolsky, 1893–1962), политический советник и друг Сунь Ятсена, после 14 лет пребывания в Китае считавшийся одним из самых крупных экспертов по азиатским вопросам; Генри Мисселвитц (Henry Misselwitz, 1900–1953), работавший в течение трех лет корреспондентом в издании «Джапан Адвтайзер» («Japan Advertiser»), после чего два года — в качестве иностранного корреспондента в Китае для «Нью-Йорк Таймс», а затем — в «Юнайтед Пресс»; Эдвард Хантер (Edward Hunter, 1903–1978), корреспондент «Нью-Йорк Таймс» и «Нью-Йорк Пост», одним из первых сообщивший о вторжении японцев в Маньчжурию <sup>219</sup>; а также Людвиг Лор (Ludwig Lore, 1875–1942), корреспондент «Нью-Йорк Пост» (и позднее «Нью-Йорк Таймс»), где в своей колонке «Бихаинд зэ Кэблз» («Behind the Cables») освещал международные события на северо-востоке Китая и во Внутренней Монголии. Одним из наиболее заметных авторов газеты «Таймс» был экономический обозреватель Е.М. Гулл (E.M. Gull), который служил на китайской таможне в качестве секретаря Шанхайской торговой палаты, а затем в Китайской ассоциации в Лондоне.

Менее известными авторами были Хью Байес (Hugh Byas), журналист и японовед, работавший сначала редактором «Джапан Адвтайзер» («Japan Advertiser»), а затем корреспондентом «Лондон Таймс» и «Нью-Йорк Таймс», возглавлял отдел газеты «Таймс» в Токио; Дуглас Робертсон (Douglas Robertson), обозреватель «Нью-Йорк Таймс» и эксперт в области китайско-японских отношений; критик и библиограф Кэтрин Вудс (Katherine Woods); обозреватель «Вашингтон Пост» Бэн Миллер (Ben H. Miller); обозреватель «Вашингтон Пост» и эксперт в области китайско-японских отношений Марк Гинзбург (Mark J. Ginsbourg); Йоханнес Алерс (Johannes Ahlers) — признанный авторитет в вопросах экономики на Дальнем Востоке, чьи статьи публиковались во многих известных изданиях не только в Азии; Фрэнк Хэджес (Frank H. Hedges), а также К. Стэнли Джонс (C.H. Stanley Jones), писавший для «Сандэй Трибьюн» в Сингапуре.

Среди китайских авторов, чьи статьи регулярно появлялись на полосах некоторых из указанных выше изданий, был Кун Сянси (Kung Hsiang-hsi, отсюда присутствующая над текстами авторская подпись — Н.Н. Kung, 1881–1967) — известный китайский банкир и политик, председатель Исполнительного Юаня в 1938–1939 гг., муж одной из сестер Сун — Айлин.

Отличительными признаками использованных источников являются, во-первых, относительная близость от описываемых событий корреспондентов (если речь идет о западной прессе) или офисов (когда речь идет о восточной) и возможность непосредственного получения достоверной информации. Во-вторых, они издавались на английском языке, что расширяло охват читательской аудитории. В-третьих, использовали данные только авторитетных информационных агентств, что повышало достоверность изложенных в их статьях сведений, например западных — «Рейтер» («Reuter»), «Юнион Таймс» («Union Times»), или юго-восточных, таких как «Наньян Сяньбао» («Nanyang Siang Pau»).

Австралийская пресса, используемая в настоящем исследовании в качестве источника информации, также имела свою специфику. Большинство изданий были таблоидами с соответствующим внешним оформлением и, что еще более важно, внутренним

содержанием, например, следует отметить значительное количество иллюстраций, преимущественно карт, которые не отличались точностью и детальностью, но давали относительно верное представление о месте описываемого события; информация подавалась коротко, что позволяло читателю ознакомиться с материалом за небольшое время. Большинство статей имели броские заголовки, выполненные очень крупным кеглем с последующим, более мелким, подзаголовочным разъяснением, с данными о количестве жертв, именами фигурантов событий, географическими названиями и т.п. Часто газета прибегала к приему привлечения читательского внимания с помощью заголовка и нескольких описательных фраз, отсылая к основному материалу в середине издания. Очевидно, это было продиктовано целесообразностью: события во Внутренней Монголии вряд ли вызывали большой интерес австралийского обывателя, но публикация подобной информации демонстрировала уровень издания, а материалы заполняли пространство газеты, что также было важно, потому что на континенте происходило не слишком много событий. В таких изданиях аналитический материал отсутствует, внимание уделяется описанию событий и фактов, именам и цифрам. Статьи, как правило, не подписаны, в ряде случаев имеется лишь отсылка к собственному корреспонденту из Пекина / Шанхая. Часть материала дублировалась, «перекочевывая» из крупной газеты в более мелкие, зачастую без существенных изменений.

Описание происходящих событий появлялось одновременно на страницах прессы всех административно-территориальных единиц Австралии, т.е. информация распространялась как в крупных населенных пунктах, так и на периферии, что повышало уровень информированности населения. Для иллюстрации обратимся к самим изданиям, их статусу, истории (что, безусловно, влияет на достоверность данных) и объему освещаемой ими информации по географическому принципу.

Среди регионов, чьи СМИ освещали исследуемые нами события наименьшее количество раз: Северная территория — «Нортэн Станэрд» («Northern Standard»), г. Дарвин; штат Виктория — «Бордер Уатч» («Border Watch») и «Аргэс» («The Argus»),



г. Мельбурн; Австралийская столичная территория — «Канберра Таймс» («The Canberra Times»), г. Канберра.

Далее следуют регионы с относительно регулярным (от половины до полутора десятков статей) освещением событий во Внутренней Монголии и широким диапазоном СМИ: штат Тасмания — «Адвокат» («Advocate»), г. Берни; «Экзаменар» («Examiner»), г. Лонсестон; «Меркьюри» («The Mercury»), г. Хобарт; штат Южная Австралия — «Рекодер» («Recorder»), г. Порт-Пири; «Кроникл» («Chronicle»), «Мэйл» («The Mail») / «Сандэй Мэйл» («The Sunday Mail») и «Адвэтайзер» («The Advertiser») / «Саут Аустрэлиан Авэтайзер» («The South Australian Advertiser»), г. Аделаида; штат Новый Южный Уэльс — «Синглтон Аргэс» («The Singleton Argus») / «Синглтон Аргэс энд Аппэ Хантэр Дженерал Адвокат» («The Singleton Argus and Upper Hunter General Advocate»), г. Синглтон; «Голулберн Ивнинг Пенни Пост» («Goulburn Evening Penny Post») / «Гоулберн Ивнинг Пост» («Goulburn Evening Post») / «Гоулберн Пост» («Goulburn Post»), г. Гоулберн; «Барьер Майнер» («Barrier Miner»), г. Брокен-Хилл; «Нортэн Стар» («Northern Star»), г. Лисмор; «Сиднэй Херальд» («Sydney Herald») / «Сиднэй Мониинг Херальд» («The Sydney Morning Herald»), г. Сидней.

Наибольшее количество СМИ, освещавших события в азиатском регионе, было сосредоточено в штате Западная Австралия — «Мирор» («Mirror»), «Спортсмен» («The Sportsman»), «Сандэй Таймс» («The Sunday Times»), «Инкуайэр» («The Inquirer») / «Дэйли Ньюз» («The Daily News»), «Уэстерн Мэйл» («The Western Mail»), «Уэст» («The West») / «Уэст Аустрэлиан» («The West Australian»), г. Перт; «Калгурли Майнер» («Kalgoorlie Miner»), «Уэстерн Аргэс» («The Western Argus»), «Калгурли Майнер» («Kalgoorlie Miner») в г. Калгурли; «Гардиан» («Guardians») / «Джералдтон Гардиан энд Экспресс» («Geraldton Guardian and Express») и «Джералдтон Экспресс» («Geraldton Express») / «Джералдтон Гардиан» («Geraldton Guardian»), г. Джералдтон; «Нортэн Таймс» («Northern Times»), г. Карнарвон. В штате Квинсленд — «Курие Мэйл» («The Courier-Mail»), «Сандэй Мэйл» («The Sunday Mail») и «Куинсландер» («The Queenslander»), г. Брисбен; «Мониинг Бюллетень» («Morning Bulletin»)

и «Сентрал Куинслэнд Херальд» («The Central Queensland Herald»), г. Рокгемптон; «Таунсвилл Дэйли Бюллетен» («Townsville Daily Bulletin»), г. Таунсвилл; «Кэрнс Пост» («Cairns Post»), г. Кэрнс; «Уэст Стар энд Рома Адвэтайзер» («Western Star and Roma Advertiser») / «Уэст Стар» («Western Star»), г. Тувумба; «Норэн Майнер» («The Northern Miner»), г. Чартерс-Тауэрс.

Хронологические рамки полученного материала охватывают 1930–1940-е годы, а предметно материал касается Внутренней Монголии и Северо-Восточного Китая.

Доступ к архивам этих СМИ оказался возможен через портал «Тров» («Trove») — наиболее авторитетный австралийский интернет-ресурс на базе Национальной библиотеки Австралии (бесплатный), содержащий обширные базы данных и онлайн-библиотеку с удобным инструментом поиска и конвертации в любой приемлемый формат, он уникален тем, что обеспечивает доступ к тем изданиям, которые сложно или невозможно найти в открытом доступе.

Таким образом, приведенный материал позволил дополнить, а в ряде случаев восстановить и сконструировать событийный ряд, выявить общественных и политических деятелей, осветить и сопоставить их мотивы, решения и действия и тем самым сделать научное знание о Внутренней Монголии более полным, объективным и достоверным.

## Глава 2

### МОНГОЛЬСКИЙ МИР ИМПЕРИИ ЦИН И РОССИЙСКО-ЦИНСКОГО ФРОНТИРА В ПЕРИОД РЕСПУБЛИКИ (КОНЕЦ XIX в. — 1931 г.)

#### 2.1. Колонизационная политика цинских и республиканских властей и ее последствия для Внутренней Монголии и монгольских районов Маньчжурии. Дуальность государственных институтов управления монгольскими территориями

##### *Монгольская администрация*

На рубеже XIX–XX вв. управление монгольскими территориями в составе империи Цин по-прежнему соответствовало системе административного и военного контроля, которая была установлена в XVII в. В ее основе лежала военная единица — знамя (*ци*), или хошун (дивизия, *гуса*), они объединялись в шесть корпусов (*чулхань*). Дивизии делились на полки (*цзалан*), каждый включал шесть более мелких единиц — эскадронов (*сомон*) по 150 солдат во главе с начальником (*занги*), из которых 50 отправлялись на военную службу, а остальные числились свободными. Распределение сомонов по монгольским землям было следующим: Южная Монголия — 1293; Халха — 169; Ордос — 9; Чжунгария — 94; Кукунор (ныне Цинхай) — 100 ½; чахарские пастухи — 120; тумэты в Гуйхуа-чене (Гуйсуе) — 49. «Следовательно, во всех эскадронах считается в количество 274 275 чело-

век мужского пола, исключая малолетних, устарелых, больных, невольников, женщин и лам»<sup>1</sup>.

Административно-территориальное деление Внутренней Монголии, описанное нами в одной из работ<sup>2</sup>, нашло свое отражение на уникальных картах И.Я. Коростовца (1914) и В.И. Сурина (1925), где регион делился на 24 аймака, объединенных в 6 сеймов, каждый из которых являлся не только своеобразным военным округом, но и высшим институтом управления (см. рис. 1 вклейки).

*Сопоставление названий  
монгольских княжеств (аймаков, хошунов)  
из разных источников*

Таблица 1

<b>Улан-Цабский (Улан-Чаб, Уланцаб) сейм</b>			
И.Я. Коростовец (1914, карта)	З. Матусовский (1888)	о. Иакинф (1828)	Коншин (1907) <sup>3</sup>
[Аймак-хошун] Халха Дархан Бэйлэ	Хошун халхаского правого крыла цзасака туруйн-дархан-бэйле	Халха правого крыла	Барун-биль Барунь-биль- второй Барун-третий Биль-бис Биль-второй Биль-третий
[Аймак-хошун] Дурбэн Хухэт	Дурбэн-хухэтский хошун цзасака дархан- цзорикту-хэ-цзюнь- вана	Дурвэнь-Хубут / Дурбэнь-Хухет	
[Аймак-хошун] Муминган	Мао-миньганский хошун цзасака гайчжия 1-й степени	Муминган	
Урат	Оратский (северный) хошун цзасака улусун- туше-гуна Оратский (средний) хошун цзасака улустур- тусалукчи-гуна Оратский (южный) хошун цзасака улусун- туше-гуна	Урат (правое)  Урат (среднее)  Урат (левое)	

*Примечание.* Сейм включал 3 аймака-хошуна и 1 аймак, в состав которого входили 3 хошуна. Ставка председателя сейма в 1906 г. — Барун-биль.

Таблица 2

**Их-Чжуский сейм**

В.И. Сурин (1925, карта)	И.Я. Коростовец (1914, карта)	А.В. Маракуев (1927)	Коншин (1907)
<i>Ордос (Хэ-Гао)</i>		<i>Аймак Ордос</i>	
Границы не обозначены	Далат	Далат левого крыла передний хошун	Кукур-ван Ордас-ван-биль Ордас-ван-бис Ордас-ван-гун Джунгар-бис Джунгар-биль
	Джунгар	Чжунгар левого крыла средний хошун	
	Хангин	Хангин левого крыла тыльный хошун	
	Ушин	Ушин правого крыла передний хошун	
	Оток	Оток правого крыла средний хошун	
	Ван Эджен Хоро	Ван правого крыла тыльный хошун	
	Чжасан	Дзацан в арьергарде	

*Примечание.* Сейм состоял из одного аймака, в состав которого входили 7 хошунов. Ставка председателя сейма в 1906 г. — Кукур-ван.

Таблица 3

**Шилин-Гольский сейм**

В.И. Сурин (1925, карта)		И.Я. Коростовец (1914, карта)	З. Матусовский (1888)	Коншин (1907)
№ в легенде карты	название			
<i>Сунитский аймак</i>				
97	Барун-сунит	Барун-Сунит	Барун-Сунитский хошун цзасака туруйн-дурун-хэ-цзюнь-вана	Барун-сунит-ван
98	Цзун-сунит	Цзун-Сунит	Цзун-Сунитский хошун цзасака туруйн-хэ-цзюнь-вана	Зун-сунит-ван
<i>Абага-Царский аймак</i>				
99	Барун-Абага-ван	Барун Абага	Барун-Абагаский хошун цзасака туруйн-зорикту-хэ-цзюнь-вана	Абага-гун
100	Цзун-абага	Цзун Абага	Цзун-Абагаский хошун цзасака туруйн-хэ-цзюнь-вана	Абага-да-ван

Окончание табл. 3

В.И. Сурин (1925, карта)		И.Я. Коростовец (1914, карта)	З. Матусовский (1888)	Коншин (1907)
№ в легенде карты	название			
<i>Абага-Норский аймак</i>				
101	Барун-Абаганор	Абаганар	Барун-Абаганарский хошун цзасака туруйн-бэйлэ Цзун-Абаганарский хошун цзасака хошунай-бэйсэ	Абага-билл
102	Цзун-Абаганор			Абага-бесс
<i>Хучитский аймак</i>				
103	Барун-Хучит	Барун Хучит	Хучитский хошун цзасака туруйн-эрдэни-хэ-цзюнь-вана Хучитский хошун цзасака туруйн-хэ-цзюнь-вана	Барунъ-хочет-ван
104	Цзун-Хучит	Цзун Хучит		Зун-хочет-ван
<i>Уцзумчинский аймак</i>				
105	Барун-Уцзумчин	Барун Уцзумчин	Учжумуцинский хошун цзасака хошой-сэцэн-цинъ-вана Учжумуцинский хошун цзасака туруйн-эрдэни-бэйлэ	Ехе-узумшин-ван
106	Цзун-Уцзумчин	Цзун Уцзумчин		Бага-узумшин-бесс

*Примечание.* Сейм включал 5 аймаков, объединяющих 10 хошунов. Председатель сейма в 1906 г. находился в 600 верстах к югу от ст. Турчиха — Абага-да-ван.

Таблица 4

**Чжодаский (Чжу/о-Уда) сейм**

В.И. Сурин (1925, карта)		И.Я. Коростовец (1914, карта)	З. Матусовский (1888)	о. Иакинф (1828)	Коншин (1907)
№ в легенде карты	название				
115	[Аймак-хошун] Кишиктэн	Кишиктэн	Кэшиктэнский хошун цзасака тайчжия 1-й степени	Хэшигтэн	Хышегтен-дзасак
117	[Аймак-хошун] Ару-Хорчин	Ару Хорчин	Ару-хорчинский хошун цзасака-туруйн-бэйле		Арахарчин

## Продолжение табл. 4

№ в легенде карты	В.И. Сурин (1925, карта)	И.Я. Коро- стовец (1914, карта)	З. Матусовский (1888)	о. Иакинф (1828)	Коншин (1907)
	название				
122	[Аймак- хошун] Аохань	Аохань	Аоханьский хо- шун цзасака ту- руйн-хэ-цзюнь- вана		Охон-ван
123	[Аймак- хошун] Найман	Найман	Найманский хошун цзасака туруйн- дархан-хэ- цзюнь-вана		Немен-ван
124	[Аймак- хошун] Цохор- Халха	Цохор Халха	Хошун хал- хаского левого крула цзасака туруйн-бэйлэ	Халха левого крыла	Чохор-хал- ха-дзасак

*Байринский аймак*

116	Байрин	Байрин	Байринский хо- шун цзасака, состоящего в звании цинь- вана, туруйн- хэ-цзюнь-вана Байринский хо- шун цзасака хо- шунуй-бэйсэ	Барун-Байрин  Цзун-Байрин	Ехе-байрен- ван  Бага-бай- рен-бесс
-----	--------	--------	--	---------------------------------	---

*Чжародский (Джарудский) аймак*

118	Барун- Чжарод	Чжарод	Чжарутский хошун цзасака туруйн-бэйлэ	Барун-Джаруд	Южный Жа- род (Барун- гар-жарод или за-шик-бейль- жарод) (Жа- род правой руки)
119	Цзун- Чжарод		Чжарутский хо- шун цзасака ту- руйн-дар- хан-бэйлэ	Цзун-Джаруд	Северный Жа- род (Джунь- гар-жарод или дид-бейль-жа- род) (Жарод левой руки)

Окончание табл. 4

В.И. Сурин (1925, карта)		И.Я. Коро- стовец (1914, карта)	З. Матусовский (1888)	о. Иакинф (1828)	Коншин (1907)
№ в ле- генде карты	название				
<i>Оннютский (Оннюдский) аймак</i>					
120	Цзун- Оннют	Цзун Оннют	Оннютский хошун цзасака туруйн-дархан- дайчин-бэйлэ	Цзун-Оннюд	Зун-онгнут- билл
121	Барун- Оннют	Барун Оннют	Оннютский хо- шун цзасака ту- руйн-дурэн-хэ- цзюнь-вана	Барун-Оннюд	Барун- онгнут- ван
				Ташдавардских олетов пастби- щенский хошун; бывшие Вэйчан- ские император- ские охотничьи урочища	

*Примечание.* Сейм состоял из 5 аймаков-хошунов, 3 аймаков (по 2 хошуна в каждом), а также 2 особых пастбищных территорий. Ставка председателя сейма в 1906 г. — Ара-рарчин.

Таблица 5

**Чжосотуский (Чжасату) сейм**

В.И. Сурин (1925, карта)		И.Я. Ко- ростовец (1914, карта)	З. Матусовский (1888)	о. Иакинф (1828)	Коншин (1907)
№ в ле- генде кар- ты	название				
<i>Харачинский аймак</i>					
125	Барун-ха- рачин	Харачин Ван	Харачинский хошун цзасака дурэн-хэ- цзюнь-вана	Харачин левого крыла	Монгол- ди-да-ван Тушут Харши-ван Харши- ху-бесс Харши-магун
126	Дунда-ха- рачин	Дунда Харачин	Харачинский хошун цзасака хошунай-бэйсэ	Харачин средне- го / цент- рального крыла	
127	Цзун-хара- чин	Цзун Харачин	Харачинский хошун цзасака хошунай-бэйсэ	Харачин правого крыла	



Окончание табл. 5

В.И. Сурин (1925, карта)		И.Я. Коростовец (1914, карта)	З. Матусовский (1888)	о. Иакинф (1828)	Коншин (1907)
№ в легенде карты	название				
<i>Тумэтский аймак</i>					Монгол-ди-да-ван Тушут Харши-ван Харши-ху-бесс Харши-магун
128	Барун-Тумет	Барун Тумет	Тумэтский хошун левого крыла	Тумэт Барун / левого крыла	
129	Цзун-Тумет	Цзун Тумет	Тумэтский хошун правого крыла	Тумэт Цзун / правого крыла	
				Бывшие пастбищенские земли Ширату Ургинского ламы — хошун ближайших пастбищ. К ним примыкали кочевые хошуны: Тангут Халха левого кочевого крыла Силку Хурээ	

*Примечание.* Сейм состоял из 2 аймаков, делившихся на 5 хошунов, а также 3 особых пастбищных территорий. Ставка председателя сейма в 1906 г. — Монгол-ди-да-ван.

Таблица 6

**Чжеримский сейм**

В.И. Сурин (1925, карта)		И.Я. Коростовец (1914, карта)	З. Матусовский (1888)	о. Иакинф (1828) / Фрозе (1911)	Коншин (1907)
№ в легенде карты	название				
Б/н	[Аймак-хошун] Чжалайт	Чжалайт	Чжалайтский хошун цзасака Туруйн-бэйлэ		Джалайт
Б/н	[Аймак-хошун] Дурбет	Дурбет	Дурбетский хошун цзасака хошундай-бэйсэ		Дурбет-бесс

Окончание табл. 6

В.И. Сурин (1925, карта)		И.Я. Коростовец (1914, карта)	З. Матусовский (1888)	о. Иакинф (1828) / Фрозе (1911)	Коншин (1907)
№ в легенде карты	название				
<i>Хорчинский аймак</i>					
130	Дархан-ван	Дархан Ван	Хорчинский хошун цзасака хошой-дархан-цинъ-вана	Хорчинский левого крыла средний хошун (Дархан-вана)	Дарховань
131	Тушету-ван	Тушету Ван	Хорчинский хошун цзасака хошой-тушету-цинъ-вана	Хорчинский правого крыла средний хошун (Тушету-вана)	Тушету
132	Чжасакту-ван	Чжасакту Ван	Хорчинский хошун цзасака туруйн-цзасату-хэ-цзюнь-ван	Хорчинский правого крыла передний хошун (Чжосокту / Чжасайту-вана)	Часту
133	Туше-гун	Тушегун	Хорчинский хошун цзасака улусун-тушэ-гуна	Хорчинский правого крыла тыльный хошун (Туше-гуна / Шэ-гуна / Сэ-гуна)	Ра-Гун
134	Бо-ван		[очевидно] Хорчинский хошун цзасака туруйн-хэ-цзюнь-вана, бывш. Туруйн-бэйлэ	Хорчинский левого крыла тыльный хошун (Бо-вана)	Бован
135	Бинту-ван		Хорчинский хошун цзасака туруйн-бин-ту-хэ-цзюнь-вана	Хорчинский левого крыла передний хошун (Бинту-вана)	Бинту
<i>Горлосский аймак</i>					
Б/н	Южный Горлос		Хорлосский хошун цзасака туше-гуна	Хото-Горлос (по Фрозе)	Барун-Горлос
Б/н	Северный Горлос		Хорлосский хошун цзасака тайчжия 1-й степени	Урдо-Горлос (по Фрозе)	Зун-Горлос

*Примечание.* Сейм состоял из 2 аймаков-хошунов и 2 аймаков, в состав которых входили 8 хошунов. Ставка председателя сейма в 1906 г. — Барун-Горлос.

Помимо этого, существовали два аймака, объединявшие монгольские племена, не образуя традиционных хошунов во главе с дзасаками, а подчиняясь непосредственно Пекину, — Чахарский аймак в составе 8 хошунов (табл. 7) и Тумэтский аймак, представленный на картах И.Я. Коростовца и В.И. Сурина как единое пространство (см. рис. 2 вклейки).

Хошуны в свою очередь подразделялись на сомоны, а сомоны — на баги.

Административное деление Барги предполагало 6 родов, 18 хошунов; Внешняя Монголия состояла из 4 сеймов (совпавших границами с 4 аймаками), включавших 86 хошунов; Алашань состояла из 6 аймаков, включавших 32 хошуна. К Внешней Монголии были при-

числены Илийская и Алтайская области, Кукунор (ныне Цинхай), делившийся на 5 аймаков, включавших 29 хошунов<sup>4</sup>, а также одно знамя в Тибете, в районе проживания цайдамских монголов.

На сеймовых съездах, проходивших раз в три года, князья из своей среды избирали председателя сейма (*чигулгану-дарга*), осуществлявшего надзор за деятельностью князей, состоянием аймаков, имевшего право обжаловать распоряжения маньчжурских властей в Палате внешних сношений (Лифаньюань). Избрание председателя утверждала Лифаньюань. Сейм разрешал судебные дела, вел учет населения. У председателя был заместитель (*дэд-чигулгану-дарга*). Также существовало сеймовое управление (*ямунь*) при председателе.

Таблица 7  
**Чахарский аймак**

В.И. Сурин (1925, карта)		А.В. Маракуев (1927)
№ в легенде карты	Название	
<i>Четыре хошуна правого крыла (по о. Иакинфу)</i>		
107	Хуботу-хуху	Кувот-хуху
108	Хуботу-улан	Кувот-улан
109	Гули-улан	Гуль-улан
110	Гули-шара	Гуль-шара
<i>Четыре хошуна левого крыла (по о. Иакинфу)</i>		
111	Хуботу-шара	Кувот-шара
112	Гули-Цаган	Гуль-цаган
113	Хуботу-цаган	Кувоту-цаган
114	Гули-хуху	Гуль-хуху
		Бывшие Далиханские казенные пастбища
		Бывшие Шандудабсинорские казенные пастбища

Наиболее важные и достоверные факты о регионе в начале XX в. — его быте, организации власти князей и т.д. — можно почерпнуть из изданий отчетного отделения Штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, которое опубликовало несколько десятков докладов участников и руководителей экспедиций в Монголию и Маньчжурию. Так, на примере труда Коншина о Дурбете<sup>5</sup> можно рассмотреть особенности как монгольской, так и китайской систем управления, создаваемых на этих землях, а также механизмы колонизации, которые хотя и позволили подчинить их китайской администрации, но вместе с тем спровоцировали серию ответных протестных действий, имевших в начале 1930-х годов существенный успех.

Например, председателем Чжеримского сейма, в состав которого входило 4 аймака (8 хошунов), был князь Южного Горлоса Цзаймутэз Мубилай, «проживающий в своей ставке, в 35 вер. к югу от г. Бодунэ» и, как указывает поручик Коншин, являвшийся «лишь передатчиком сеймовым князьям распоряжений китайского правительства и судьей в делах общих нескольким хошунам или по жалобам жителей на своего князя. Кроме того, на его обязанности лежит доносить китайскому правительству о всех происшествиях в сейме, как, напр., появление хунхузов, проход иностранных войск и пр., о чем в свою очередь князья сейма должны доносить ему. За действительным же исполнением в княжествах сейма распоряжений правительства председатель сейма не наблюдает и за них не отвечает. Поэтому фактически председатель сейма никакой власти над княжеством Дурбет не имеет и лично сам вмешиваться в дела княжества по собственной инициативе не может»<sup>6</sup>.

По территории Дурбета, как и в ряде других хошунов, проходила КВЖД, станции которой Коншин описывал, давая примерную ориентацию на местности: «...за ст. Цицикар, именно не доезжая 5 вер. до ст. Янтуньтунь, тянется 135 вер., включая станции: Янтуньтунь, Сяходзы, Ламадьандзы, Сарту и Анда и еще далее 20 верст — все время по землям княжества Дурбет Чжеримского сейма Монголии...»<sup>7</sup>. Более точно о границах княжества: «С северо-запада, севера и северо-востока это княжество соприкасается с землями Хейлунцзянской провинции, именно с

Цицикарским фудутунством, а на юго-востоке, юге и юго-западе оно прилегает к землям своего сейма, именно к княжествам Северному Горлосу и Чжалайту. Границы княжества Дурбет до сих пор не нанесены точно ни на одну из существующих русских или иностранных карт. Между тем они вполне определенно обозначены, отчасти, искусственными знаками»<sup>8</sup>. Автор подробно описывает приграничные населенные пункты, в которых знающему человеку было относительно легко ориентироваться, констатируя в итоге, что «княжество это представляется как бы в виде четырехугольника, стороны которого равны: западная — 120 вер., северная — 115 вер., восточная — 122 вер. и южная — 180 вер., т.е. княжество это занимает площадь земли, равную приблизительно 14 тыс. квадр. верст, причем линией ж. дороги она разделяется на две части: большую к югу от ж. д[ороги] и меньшую к сев. от линии»<sup>9</sup>.

Во главе хошуна стоял владетельный князь (дзасак), обладающий весьма значительной гражданской, военной и судебной властью, монополией на сбор государственных и хошунных податей и распределение повинностей. Коншин писал: «Княжество управляется своим наследственным князем, в лице коего сосредоточивается вся безграничная власть князя, включительно до права конфискации имущества и распоряжения над жизнью и смертью каждого подданного»<sup>10</sup>. Однако в действительности князь не был наследным, а выбирался из родовой аристократии и утверждался в качестве руководителя маньчжурским императором по представлению Лифаньюань<sup>11</sup>. Он осуществлял административное и военное управление на вверенной ему территории, определял границы сомонов и багов, назначал и смещал их начальников, регулировал пользование пастбищами, возглавлял хошунное ополчение, а также санкционировал поселение у себя на территории или проход через нее<sup>12</sup>.

Существование выборных должностей позволило Цинской империи окончательно ликвидировать власть аймачных ханов, а ряд сопутствующих мер — нейтрализовать сильную княжескую власть и сепаратизм. Чтобы снизить влияние монгольских князей, цинская администрация делила аймаки на все новые хошуны (в 1691 г. их было 8, а в начале XX в. — уже 49).

Коншин красноречиво описывает личность князя и образ его жизни, характерный для многих хошуновых правителей того времени: «...во главе княжества Дурбет стоит князь Шираб-Лоопил, ведущий свое происхождение от брата Чингис-хана Хабуту-Хасара. Он живет в своей ставке — д. Пейзефу, расположенной в 115 вер. к югу от ст. Цицикар, в 10 вер. к востоку от р. Нонни. Князь Шираб-Лоопил уже десять лет на княжеском престоле; ему теперь 57 лет от роду; он имеет двух жен, из которых первая его жена Дугима, происходящая из дворовых, — она дочь Отхон-мейрена — не принесла ему наследника, а на второй, Монгон-Сысык, дочери харачин-монгола Тахелту из кн. Сев. Горлоса, он женился только два года тому назад, и она также еще бездетна. Если наследник не родится, то по смерти Шираб-Лоопила княжеская власть перейдет в очень отдаленное колено, т.к. ближайших родственников по мужской линии у князя нет. Сам по себе Шираб-Лоопил — мало способный к управлению княжеством человек. Он сильно увлекается спиртными напитками и злоупотребляет опиумом, отчего часто болеет; под влиянием алкоголя иногда впадает в буйные припадки, во время которых от него достается всем приближенным. Все это, вредно влияя на здоровье князя, его способности и ум, безвременно старит его, делает его апатичным к делам княжества, которыми он почти не интересуется»<sup>13</sup>.

Китайское правительство присваивало монгольским дзасакам почетные титулы шести степеней: 1-я — *чин-ван*, 2-я — *цзюнь-ван*, 3-я — *бейл* (или *бейле*), 4-я — *бейс*, 5-я — *туше-гун* и 6-я — *тусалакчи-гун*. Коншин указывает, что князьям Дурбета была дарована 4-я степень, таким образом, князь Дурбета был в статусе бейса<sup>14</sup>. Каждому титулу соответствовали определенный уровень дохода — одеждой, рисом или деньгами и право обладателя титула на свиту и другие почести и привилегии. В свою очередь князья должны были являться в Пекин на годовые торжества.

Особенностью бюрократического аппарата многих хошунов начала XX в. было то, что князья, несмотря на их безграничную власть в пределах своих владений, фактически отошли от дел и утратили нити управления, которое сосредоточилось в ру-

ках их администрации, превратившись, по мнению Коншина, в «обыкновенный произвол одного или двух наиболее оборотливых, деловитых или образованных чиновников»<sup>15</sup>. Эти должностные лица назначались князем, их состав был одинаков в каждом из хошунов соответствующей степени, за исключением председателя сейма, который имел чуть большее количество служащих.

Дзасаку полагалось от одного до трех помощников по гражданским делам (*тусалакчи*), являющихся управляющими хошуна, которые назначались из тайджи хошуна, или неслужащих князей. Обычно это были весьма зажиточные монголы, поскольку, «с одной стороны, с него можно всегда получить большую взятку за это назначение, а с другой стороны, тусалакчи часто приходится посылать по делам княжества в Пекин, следовательно, они должны быть в силах нести при этом неизбежные и очень значительные расходы»<sup>16</sup>. В обязанности тусалакчи входило решение административных вопросов, ведение совместно с князем судебных разбирательств, заведование одним из княжеских войск, борьба с хунхузами. Для обозначения своего отличия они имели красный шарик на головном уборе. В Дурбете в описываемый период их было трое: «Даморанджаб из деревни Янтуньтунь, Белекту из деревни Голын-Шибэ и Бинту из деревни Лаха»<sup>17</sup>.

Другой чин, указанный Коншиным, — «цзахиракчи», в его обязанности входил контроль над исполнением княжеских приказов и выполнение особых поручений, тогда как В.А. Рязановский писал, что «захиракчи был особым командующим чиновником по военным делам»<sup>18</sup>. В Дурбете обязанности захиракчи исполнял Джимбашэн из д. Цзун-сумэ, имевший двоих помощников: старшего — *цзалана*, и младшего — *мейрэна*. В небольших хошунах (меньше шести сомонов) обычно значился один помощник — мейрэн<sup>19</sup>.

Среди более мелких служащих Коншин выделил двоих *хошу-мейренов* со светло-синим шариком и хвостом на головном уборе, каждый заведовал делами багов на одной из половин территории княжества (в Дурбете — Сокто из д. Янтуньтунь и Тумун Улзы из д. Цзун-сумэ); *тамага-мейрена* (в Дурбете — Буян

Жаргал) с синим шариком на головном уборе, его обязанности — хранение и использование княжеской печати; и *тамага-цзалан* (в Дурбете — Чжиргасун) с темно-синим шариком и хвостом на головном уборе, в обязанности которого входило составление документов для князя<sup>20</sup>. Все вместе они (*тусалакчи, захиракчи, цзалан, мейрэн*) образовывали совет управления (*тамга*). Кроме них существовали пять *сомон-цзаланов* и семь улусных *да-ноенов*.

Характеризуя функционирование администрации князя, Коншин отмечал, что среди кажущегося разнообразия чинов и должностей всегда выделялся один, наиболее талантливый и умный, который и осуществлял фактическое управление хошуном. В Дурбете таковым с 1906 г. был Тумун Улзы: «небольшого роста типичный монгол, 44-х лет от роду, с умными пронизательными глазами, человек бывалый, отлично осведомленный во всех делах своего княжества и, по-видимому, добросовестный»<sup>21</sup>.

Значительное влияние на управление хошуном оказывали ламы, о месте и роли которых на примере Чжеримского сейма рассказывал М. Полумордвинов<sup>22</sup>. Многие княжества имели своего высшего духовного иерарха — *гэгэна*. В Дурбете гэгэн отсутствовал, а наибольшей популярностью пользовались Ачжа-лама, проживающий в кумирне Хошу-сумэ вблизи ставки князя, Аха-лама и Ширетуй-лама. Общее же количество монастырей и численность священников Коншин указывал в следующем соотношении: Хошу-сумэ — 60 монахов, Нойон-сумэ — 40, Душин-Нютугын-сумэ — 30, Баянтала-сумэ — 30, Далан-сумэ — 30, Арбан-Нютагын-сумэ — 40, Улобар-сумэ — 25 «и еще два монастыря с 40 монахами в каждом»<sup>23</sup>.

В двух хошунах Уцзумчина ламы принимали активное участие в управлении внутренними делами. Э.Л. Теслер пишет, что их число доходило до 5 тыс. чел., поясняя это наличием «...обычая монголов отдавать в монастыри каждого 3-го сына. Весь этот район имеет до 28 сумэ — монастырей, крупнейшие из которых — Ламаин-суме, Нурэн-сумэ и Баин-хошу-сумэ. Население этих монастырей можно считать почти оседлым, так как ламы живут здесь постоянно. Поступая в монастырь с раннего возраста, монгол проводит в нем большую часть своей жизни»<sup>24</sup>.



*Механизмы китайской колонизации*

Процесс изучения колонизации нашими соотечественниками на рубеже XIX–XX вв. вряд ли можно назвать системным. По крайней мере на начальном этапе он, скорее всего, представлял собой сбор данных — фактов, цифр, имен и названий, фиксируемых одновременно с выполнением военных<sup>25</sup>, гражданских<sup>26</sup> или торговых<sup>27</sup> поручений командированными специалистами приграничных учреждений, а также научными экспедициями<sup>28</sup>. И лишь после осознания проблемы, которую новые китайские поселения и их администрация могли создать российским интересам и присутствию нашей страны в регионе, наблюдения переросли в комплексные исследования. Тем не менее этот материал содержит уникальные данные, позволяющие воспроизвести картину колониальной политики на монгольских территориях: он конкретен, релевантен и достоверен, поэтому нам следует опереться на него.

Отметим, что в начале XX в. Монголия по-прежнему сохраняла свой статус территории, ассоциированной с империей Цин и входящей в нее на особых условиях, однако на рубеже XVIII–XIX вв. императоры постепенно начинают отходить от взятых на себя их предками обязательств в отношении неприкосновенности Монголии. Зачастую это происходит с помощью юридических предписаний, известных в отечественной историографии как Уложение Китайской палаты внешних сношений, перевод которого осуществил С. Липовцев<sup>29</sup>. Так, Б. Гурьев со ссылкой и на С. Липовцева, и на о. Иакинфа<sup>30</sup> не только подробнейшим образом воспроизводит эти нормы, давая им пространный комментарий, но и приводит предпосылки выработки Уложения — Уложение Лифаньюаня, или так называемое Уложение Китайской палаты внешних сношений, которое впервые было составлено в царствование императора Цянь-луна (1736–1796)<sup>31</sup>.

При этом императоре все отдельные решения и разного рода указы были собраны в одно целое и составили так называемые монгольские законы, изданные у нас в переводе о. Иакинфа как «Записки о Монголии» (Ч. 4).

«Но Уложение Цянь-луна, — пишет Степан Липовцев, — составленное наскорю из разных указов, какие только были изданы по

делам монголов, и содержащее в себе только 209 статей, разделенных на 12 глав в четырех небольших книжках, тогда же оказалось неудобным для производства суда и расправы, а потому оставлено без употребления»<sup>32</sup>. Б. Гурьев считает, что «вследствие этого в царствование следующего императора Цзя-цина (1796–1820) особой комиссией, образованной при Палате внешних сношений, было составлено новое Уложение, состоящее уже из 715 статей, которое Степан Липовцев и перевел, озаглавив “Уложение Китайской палаты внешних сношений”. Это Уложение сохраняет до настоящего времени силу основных законов относительно Монголии, в которых изложены все права, установившиеся исторически за Монголией и признанные за таковые Китаем, а также те обязанности, которые Монголия должна нести по отношению к Китаю как вассальное ему государство»<sup>33</sup>.

Однако в рассматриваемый нами период действительное положение вещей было далеко от прописанного юридически, поэтому мы исследуем историческую реальность, в которой Монголия и ее народ больше не имели возможности сохранить свою неприкосновенность. Е.Е. Яшнов писал о том, что заселение региона (китайская колонизация) как во время маньчжурского завоевания, так и на финальном этапе правления династии Цин «не могло принять устойчивых форм и явилось лишь случайным эпизодом, вызванным чисто политическими причинами»<sup>34</sup>. По его мнению, вопрос о необходимости продолжить заселение приграничных районов был вызван, во-первых, заключением Айгуньского и Пекинского договоров и последовавшей за этим передачей России «пустынных пространств левого побережья Амура и Уссурийского края»; во-вторых, «окитаиванием» правительственного аппарата; в-третьих, «давлением аграрной перенаселенности» из Внутреннего Китая<sup>35</sup>.

Эта точка зрения довольно спорная, однако она дала нам повод рассмотреть процесс колонизации исходя как из внутренних потребностей правительства ассимилировать окраинное население и интегрировать в «государственный организм» эти территории, так и из стратегических интересов защиты от внешней угрозы, исходящей на тот момент не только от Японии, но и от России.

Агент Министерства торговли и промышленности в Урге А.П. Болобан, рассказывая об истории колонизации севера Маньч-

журии, пишет, что первые значительные поселки китайцев в Хэйлунцзяне «были основаны одновременно с учреждением провинции из числа ссыльных “казенных фермеров и матросов”»<sup>36</sup>, тогда как приток крестьян стал заметным с 1831 г. «В 1860 г. цзяньцзюнь Тэбцин предоставил доклад, прося разрешения приглашать... китайцев для распахания новых земель, чтобы путем новых обложений получить средства на содержание войск. Разрешение было получено, и 2 000 000 шан земли... были открыты для свободной колонизации. Вслед за этим хлынула настолько сильная волна переселенцев, что последующие цзяньцзюни не могли справиться с упорядочением переселения, и потому оно время от времени то запрещалось, то разрешалось снова. В 1878 г. был отменен запрет китайцам переходить за Великую стену, и с этого времени колонизационная волна китайцев полилась в эти районы еще в больших размерах»<sup>37</sup>. В конце XIX в. многие подданные, спасаясь из этих мест от банд хунхузов, «бросили эти новые земли и вернулись на свои старые места»<sup>38</sup>. Таким образом, первоначальный этап колонизации монгольских земель не отличался ни системностью, ни последовательностью. Ситуация резко изменилась в начале XX в., и снова Россия играет не последнюю роль, но уже обусловленную строительством КВЖД и своим стратегическим присутствием вдоль полосы отчуждения.

Рубежной датой в процессе колонизации можно считать декабрь 1901 г., когда «цзяньцзюнь Сабао представил трону доклад о необходимости и важности заселения железнодорожной полосы от Харбина до Хайлара», утвержденный императором весной 1902 г. В соответствии с докладом под колонизацию отводились земли хошунов Дурбет, Северный Горлос, Чжалайт и Чжасакту (Хорчинский правого крыла передний хошун) в количестве 1 млн шан. Этим же документом чахарским и харачинским монголам было вменено в обязанность выкупать земли, которые ранее принадлежали им по праву, что фактически означало ликвидацию этих княжеств ввиду вывода из-под власти местных князей значительной части земель.

А.В. Маракуев пишет: «В 1902 году было образовано особое Правительственное колонизационное бюро, подчиненное Главноначальствующему колонизационным делом (Ду-бань кэн-эу да-

чэнь), каковым по совместительству был назначен Суйюаньский цзян-цзюнь (военный губернатор, командир провинциального знаменного гарнизона). Главное колонизационное управление (Гуйхуа кэнь-ву цзун-цзуй) было открыто в Гуйхуачене, а отделения (Кэнь-ву фынь-цзюй) открывались в г. Фынь-чжэне, Нин-юане и других. Все эти колонизационные управления работали сначала как агенты для монгольских землевладельцев, в направлении сдачи их земельных участков китайским арендаторам и в собирании с последних арендной платы и налогов, делившихся поровну между китайской казной и монголом-землевладельцем. Вслед за Суйюанем началась колонизация и Чахара, где в 1904 году было основано Калганское главное колонизационное управление Чахарского левого крыла (Ча-ха-эрр цзо-и кэнь-ву чжан-цзя-коу цзун-цзюй). С началом революции колонизационные управления были переданы под контроль Министерства земледелия и торговли; обычно начальником их по совместительству назначался провинциальный комиссар земледелия и торговли»<sup>39</sup>.

По мнению Коншина, колонизационная волна не докатилась до Дурбета, хотя именно это княжество в дальнейшем и станет одним из немногих субъектов противостояния данной политике цинской администрации. Пока же это было «...наименее населенное из всех прочих княжеств Чжеримского сейма. В противоположность всем им, где недостаток коренного населения восполнен сильным притоком с юга колонистов-китайцев и харачин-монгол, в кн. Дурбет как тех, так и других еще почти нет. Однако в самом близком будущем с этой окраиной должен совершиться полный экономический переворот. Эти бесконечные поля еще на наших глазах наполнятся цветущими селами и деревнями так скоро, как единственно в целом мире способен один Китай их быстро образовывать. Колонизационная волна в своем естественном и неудержимом движении с густозаселенного юга к пустынному северу пробила уже дорогу через все южные княжества, заняв там огромные площади земли, и обрушилась теперь на княжество Дурбет. Здесь все земли, лежащие к северу от жел. дороги, т.е. почти половина земель княжества уже отмежеваны китайским правительством, разбиты на тысячи участков и распроданы китайским колонистам. С весны этого года новоселы должны приступить к распашке полей и постройке фанз.

Несомненно поэтому, что в скором времени, когда эти огромные площади пустопорожных монгольских земель, почти десять лет тщетно как бы взывавшие к нам: приди и возьми, обратятся в обильные земледельческими злаками нивы и покроются цветущими селами и городами, — коммерческое благосостояние этой части Кит. Вост. жел. дороги значительно подымется, так как явятся районы, которые будут ее питать, а экономическое и политическое положение самого края совершенно изменится»<sup>40</sup>. Прогноз оказался верным.

Поручик Коншин не усматривал в прокладке линии КВЖД усиления колонизационной политики со стороны Пекина. Это, безусловно, было лукавством, на что справедливо, хотя и довольно резко, местами с помощью клише, указывал О. Латтимор, прямо заявляя: «...русские, управляли Китайской Восточной железной дорогой в Северной Маньчжурии с 1898 года и были ответственны за то, что подвергли богатый пояс монгольской территории китайской колонизации»<sup>41</sup>. Оставление населением княжества земель традиционного кочевья и уход вглубь страны Коншин связывал с непримиримостью дурбетов к посягательству на свои территории со стороны, а также «нетерпимостью и наименьшей способностью к ассимиляции», в чем офицер видел «залог их будущего самоуничтожения и исчезновения»<sup>42</sup>. Коренное население княжества насчитывало до 4 тыс. взрослых мужчин в возрасте от 18 до 45 лет — дети, старики и женщины учету не подлежали. Кроме того, «присутствовали харачинские монголы-переселенцы в количестве до 50 дворов и китайские колонисты в количестве до 40 дворов». Большая часть населения характеризовалась крайним обнищанием из-за набегов хунхузов и нескольких неурожаев, вызванных суровыми зимами, при сохранении традиционных форм скотоводства и невосприятии земледельческой культуры. Переселенцы, напротив, обеспечили себе контроль над торговлей и соляной добычей, «заняли удобные места для земледелия в разных местах княжества, без особого труда превратили поля в пашни, быстро освоились с новыми местами и очень скоро разбогатели. Их поселения все без исключения отличаются зажиточностью, а постройки фундаментальностью»<sup>43</sup>.

Крайнюю нужду монгольского населения, вызванную падежом скота, княжескими тратами при императорском дворе, высокими процентами по долгам и, как следствие, задолженностью перед китайскими торговцами и банкирами, подтверждали и другие русские исследователи<sup>44</sup>. В итоге ситуация вылилась в противостояние цзяньцзюня с монгольским населением, которое возглавили князья Дурбета и Северного Горлоса, слухи о чем быстро дошли до столицы.

«Основываясь на прежних указах, решительно запрещавших даже входить с представлениями о заселении китайцами Монголии, князья просили отмены последнего указа и выставляли на вид, что стеснение традиционного скотоводства монголов может повести к волнениям и открытому их сопротивлению»<sup>45</sup>. Движение принимало весьма опасный характер: «Среди монголов образовалась даже сильная партия во главе с князем хошуна Чжасаку, стоявшая за переход в русское подданство. Но предложение партии в этом направлении было отклонено русским правительством, и монголам ничего не оставалось, как покориться настойчивым приказаниям из Пекина»<sup>46</sup>.

Например, один из китайских чиновников, бывший дипломатический представитель цзяньцзюня при управлении КВЖД по имени Чжоу-мянь, убедил князей в выгодности продажи их земель за крупную сумму и ежегодную ренту. В итоге князь Чжалайта сам обратился в Пекин с ходатайством о продаже своих земель, по которым прошла КВЖД (участок Чингис-хан — Цицикар). Потеряв сильного сторонника, князья Дурбета и Северного Горлоса вынуждены были отступить, по их землям был проложен участок железной дороги Яньтуньтунь — Маньгоу. Участок Дуйциньшань — Харбин прошел «через почти независимые владения княжества Маннай-гун»<sup>47</sup>, начало Южной линии (ЮМЖД) — через княжество Южного Горлоса<sup>48</sup>, а цзяньцзюнь разослал письма с призывом приобретать здесь свободные и годные к распашке земли.

О. Франке сообщал, что для управления этими процессами летом 1902 г. императорским указом было учреждено Акционерное общество колонизации с 50%-м участием правительства в уставном капитале<sup>49</sup>. Это символизировало окончательный отход от прежних принципов во взаимоотношениях между цинским прави-

тельством и монголами, продиктованный как стратегическими соображениями обеспечения безопасности китайской границы, так и меркантильными интересами<sup>50</sup>.

В том же 1902 г. солоны предложили строительному управлению КВЖД купить у них весь бассейн р. Ял от Хингана до впадения р. Дессинхэ (около ст. Турчиха)<sup>51</sup>. По условиям договора, заключенного между Обществом КВЖД и хэйлунцзянскими властями, в случае если Обществу КВЖД понадобятся дополнительные земли, допускалась возможность непосредственного взаимодействия с монгольскими и маньчжурскими князьями, представителями солонов и других племен<sup>52</sup>. Правила об отводе монгольских пустырей, выработанные Управлением гиринского гражданского губернатора, гласили:

«Ст. 1. Гиринские власти в целях очистить северо-западную границу от хунхузов учреждают орган по отводу монгольских пустырей, находящихся возле уездов Фу-юй, Нун-ань, Чан-лин.

Ст. 2. На востоке граница отводимых земель достигает Ху-ло-бэй-пао, на западе — уезда Чан-лин-сянь, на юге — до Ху-ло-бэй-цзи и на севере — до уезда Ань-гуан. Точная граница земель обозначена на отдельной карте.

Ст. 3. Десять процентов из поступлений на отвод земель идет на местные нужды. Остальные суммы распределяются поровну между гиринским провинциальным правительством и монгольскими хошунами, т.е. так же, как отводились пустыри в Мукденской провинции»<sup>53</sup>.

Перечисленные нормы предоставляли значительный простор для действий по дальнейшему продвижению вглубь Монголии и одновременно давали понять князьям, насколько финансово выгодно для них сотрудничество в этом направлении. Так, взрослым родственникам князя безвозмездно отводилось по 90 шан земли, простым монголам — по 45, а остальные земли делились на четыре разряда и распродавались китайцам-переселенцам. Часть средств, вырученных от продажи, поступала в пользу князя, он имел доход и с земельной подати: на отчужденных землях с каждого шана 0,42 дяо шло в его пользу, а 0,24 — в китайскую казну. Земельные подати вносились после жатвы, как правило в конце сентября, с возможностью отсрочки оплаты до ноября<sup>54</sup>.

Аналогичная схема применялась и в отношении территорий «в гористой части провинции Чжили, между Великой стеной и монгольским горным плато». В этих местах, где ранее существовали государственные предприятия по добыче соли, для китайских переселенцев действовала двойная система налогообложения: по аналогии с так называемым камышовым сбором на берегах Нижнего Янцзы взимали общий поземельный налог, зачисляемый в местную казну, и «арендный оброк монгольскими князьям, к территориям которых ранее принадлежала эта земля»<sup>55</sup>. Исключение составляли лишь пограничные степи, где не должны были проводить обработку<sup>56</sup>, — это было продиктовано политическими и стратегическими соображениями безопасности границы.

Что касается общей системы налогообложения на заселяемых территориях, то «порядок параллельных и перекрещивающихся монгольских, маньчжурско-знаменных и туземных сборов и поборов в пользу соответственных племенных властей и китайских налогов на торговлю, взыскивавшихся китайскими властями, сидевшими в городах, резко изменился. Китайские налоговые порядки в связи с отеснением коренного туземного населения вследствие китайской колонизации страны были распространены почти на всей территории современной Маньчжурии, за исключением западных, связанных с нею, территорий (Барга, округ Тунляо, особый район Жэхэ), где до последнего времени имела место своеобразная фискальная монгольско-китайская чресполосица в деле обложения»<sup>57</sup>.

В 1907 г. было решено в течение пяти лет переселить на земли Хэйлунцзяна 2 млн чел., по 400 тыс. в год. Однако отсутствие средств не позволило это сделать. В результате темпы оказались ниже ожидаемых, но не менее вредоносными. Тот же О. Франке писал, что к осени 1907 г. существовало «оживленное переселенческое движение китайцев из провинций Шанси и Шэньси в Монголию, и в особенности... в богатый от природы район городов Далай-Нор, Синминтин, Кайпин-сян, Ляоян-Вопын, Цзинь-цзя-тунь, Бодунэ. Китайские землемеры, пользуясь на этот раз стальными рулетками, без церемоний отмеривают лучшие земли в монгольской степи для китайских переселенцев. Обещаемое за эти земли вознаграждение монгольским князьям



не поступает к ним — по крайней мере, в наличности»<sup>58</sup>. Исследователь приводит интересный факт: «Как указал мне проф. Г.Ц. Цыбиков, монголы по стародавней традиции вообще не ценили земли, относясь к ней как к свободному благу. До последнего времени вообще имели место факты, что монголы легко уступали землю и даже не всегда знали, что земля во что-нибудь ценится»<sup>59</sup>. Это давало повод для различного рода махинаций.

В начале 1909 г. управление переселением на монгольские и маньчжурские земли было сосредоточено в руках Переселенческого бюро, которое добилось льготных условий для китайских переселенцев на железнодорожный проезд и предоставления правительством своеобразных подъемных на обустройство<sup>60</sup>. В результате сложилась критическая ситуация — в распоряжении князей оказывалась лишь половина их хошунных земель, где сохранялись прежние порядки. На другой половине создавалась китайская администрация, служившая основой для конструирования китайских органов власти, смыкая которые, без формального нарушения древних договоренностей, уже республиканскому правительству удалось создать сначала особые административные районы, а затем преобразовать их в провинции.

### *Китайская администрация*

Следует обратить особое внимание на специфику системы управления, сложившейся на колонизируемых территориях. Именно она позволила в результате всех описываемых процессов фактически установить контроль над монгольскими территориями без формального нарушения древних устоев и договоренностей, связать вновь образуемые институты в сеть, получившую в 1914 г. статус особых административных округов. Основу этой системы составляли уезды, создаваемые на отчуждаемых монгольских землях и заселяемых ханьцами.

На отчуждаемых с 1904 г. землях Дурбета с прокладкой китайскими властями тракта от Хуланьчэна на Цицикар попутно при станциях создавались китайские поселения. Сначала возникло приставство (1906), в 1908 г. из него ненадолго было выведено приставство Усин-(чжи-ли)-тин, а в 1913 г. территория была

вновь консолидирована и получила статус уезда Ань-да-тин<sup>61</sup>, в 30 верстах к северу от станции Ань-да. А.П. Болобан пишет, что «...китайское правительство мечтало создать военные поселения, но из этих мечтаний ничего не вышло. Таким образом, ясно видно, что колонизационная политика Китая как в районе Аньдатын, так и в Усинтине, т.е. в хошуне Дурбет, почти не привела ни к чему в смысле увеличения количества пахотных земель. Что касается населения, то здесь наблюдается такая же картина. Жителей во всем районе Аньдатын в 1911 г. насчитывалось 12 тыс. душ, причем в г. Аньдатыне только 600 человек и 120–130 дворов. Благодаря неважным качествам почвы в районе, где преобладают низины, заливаемые даже в небольшие дожди, солончаки и болота, которые не дают возможности создать даже плохие маньчжурские дороги, переселенцы идут сюда крайне неохотно, и развитие района будет продвигаться крайне медленно, если китайское правительство не вложит в дело колонизации значительных капиталов»<sup>62</sup>.

В Северном Горлосе миграция приобрела легальные черты в 1870-е годы. Так, на левом берегу Сунгари в 1909 г. был образован уездный город Чжао-чжоу, сначала как приставство в уезде, а в 1911 г. — это уездный центр с самостоятельной единицей Цзяо-чжоу-тин, базой которому служили китайские поселения, создаваемые китайскими купцами и земледельцами с 1878 г.

Отвод монгольских земель для нужд колонизации был начат в 1904 г. и затронул преимущественно северные территории<sup>63</sup>. Однако массовый характер переселенческая политика приобрела лишь после Русско-японской войны<sup>64</sup>: в 1906 г. второй волне колонистов была предоставлена территория (240 тыс. шан), в 1909 г. — третьей и последующим. Особенность этих земель заключалась в том, что многие китайцы, получившие участки в начале XX в., переселялись на них только в начале 1920-х годов<sup>65</sup>.

На бывших пастбищах Южного Горлоса был создан уезд Чанчунь-фу, на территории которого с 1801 г. в районе д. Куаньчэнь-цзы<sup>66</sup> существовал административный центр Чанчунь-пу, в 1826 г. преобразованный в приставство с наименованием Чанчунь-тин, а в 1890 г. — в префектуру (*фу*).

В 1882 г. из земель Чанчунь-тина было выделено приставство Чжао-мо-тин (переименованное позднее в Нун-ань-сянь) временно с передачей под нужды переселенцев оставшейся территории княжества. Е.Е. Яшнов отмечает, что «хотя приток переселенцев в уезд начался весьма давно, но... обследование 1923 г. [показало, что] главная масса их пришла во время Русско-японской войны и в последующие годы из Мукдэнской провинции (Цзинь-чжоу, Фу-чжоу, Хай-чжоу, И-чжоу, Син-цзин, Цзинь-юань, Гуан-нин); немалое количество переселенцев пришло также из Чжилийской и Шаньдунской провинций. Приток переселенцев в последние годы сократился; объясняется это тем, что удобные земли все распаханы, почва же свободных земель или содистая, или солончаковая, или болотистая, не пригодная для обработки, поэтому переселенцы из внутренних провинций Китая не остаются в уезде, а проходят дальше, в уезды, где имеется земля, пригодная для обработки»<sup>67</sup>.

В 1910 г. из северной части уезда создана еще одна административная единица — Дэ-хуй-сянь, в 22 верстах к северо-востоку от ст. Номынь КВЖД с административным центром в д. Да-фан-шэн<sup>68</sup>. Русские исследователи отмечали, что к 1923 г. «...приток переселенцев ...сократился, так как удобные земли давно уже распаханы, а свободные земли — или песчаные, или наверху гор, почему население не желает их распахивать. Прибывающие переселенцы поэтому в уезде не оседают, а направляются дальше в уезды Цицикарской провинции или в Иланьское даоиньство. В общем количество переселяющихся из уезда на новые места и вновь прибывающих почти одинаково... Главная масса населения пришла в уезд из южной части Мукдэнской провинции (Цзинь-сянь, Фу-сянь, Сюнь-яо) и западной ее части. Количество переселенцев из Шаньдунской и др. провинций составляет не более 7–8 % всего населения»<sup>69</sup>.

В Чжалайте на отчужденных землях в 1905–1906 гг. возник уезд Да-лай-тин<sup>70</sup> (в 1913–1914 гг. был разделен на уезды: Да-лай-тин, Цзин-син и Тай-лай), китайское население которого в 1914 г. насчитывало 40 тыс. чел. Затем приток переселенцев (как и рост запашек) увеличился до 30,1 тыс. чел. в 1922 г. и 75,9 тыс. — в 1925 г.<sup>71</sup>, но сдерживался плохой работой почты и неудобством путей сооб-

щения. Уезд Да-лай<sup>72</sup> был представлен выходцами из Фэнтяньской (Чан-пу, Хуай-дэ), Чжилийской (Чао-ян, Чи-фын), Шаньдунской (Пен-лай, Хуан, Нин-хай, Фу-шань), а позже и Гиринской (Фу-юй, Нун-ань, Чан-чунь) провинций при наиболее интенсивных волнах миграции в 1910 и 1911 гг., а также в 1919 и 1920 гг.<sup>73</sup>

На территории бывшего монгольского княжества Маннай-гун в 1905 г. образован уезд Цин-Ган, земли которого официально отводились под колонизацию с 1899 г. Е.Е. Яшнов со ссылкой на П.Н. Меньшикова указывал, что «...к 1909 г. было запахано около 76 тыс. шан, к 1911 г. — 152 тыс. шан и в 1914 г. — 157 тыс. шан. В настоящее время посевная площадь, по-видимому, достигает 400 тыс. шан. А так как общая площадь уезда определяется в 530 тыс. шан, то, очевидно, распашка почти дошла до предела, и никаких колонизационных запасов, о которых стоило бы говорить, уезд не имеет»<sup>74</sup>.

Южнее Цин-Гана примерно в это же время колонистам отводятся оставшиеся территории Маннай-гуна, разделенные в 1924 г. на уезды Бай-Цюань, Мин-Шуй, И-Ань. Е.Е. Яшнов пишет: «Благодаря плодородной почве заселение этой территории пошло вперед быстрым темпом. Через 10 лет П.Н. Меньшиков уже обнаружил в уезде около 100 тыс. населения и 220 тыс. шан посева. В 1919 г. “Вестник промышленности” определяет посевную площадь уезда в одном случае в 400 тыс. с лишком шан, а в другом — даже 495 тыс. шан. В 1922 г. населения насчитывалось уже 325 тыс. душ. Общую площадь уезда П.Н. Меньшиков определяет двояко: 900 тыс. и 1206 тыс. шан»<sup>75</sup>.

Следом настала очередь хошунов Туше-гуна, Тушету-вана и Чжасакту-вана<sup>76</sup>, на территориях которых, согласно справке А.П. Болобана, «в 1903 г. китайское правительство в целях закрепления этой части Монголии решило отчудить часть монгольских земель для китайских колонистов в следующих размерах: в хошуне Чжасакту — 2430 тыс. шан, в Тушэту — 766 тыс., в Сегунь — 1500 тыс., всего — 4696 тыс. шан»<sup>77</sup>. В других работах А.П. Болобан не только подробнейшим образом описывает шаги центрального правительства по обустройству занятых территорий, но и уделяет большое внимание условиям и предпосылкам такой политики, сопутствующим ей факторам (развитию эконо-

мики, распространению образования и т.д.), а также приводит административно-территориальное устройство новых китайских районов<sup>78</sup>.

В целом российские служащие и ученые, высказывая мнение о ситуации на Дальнем Востоке по тем или иным направлениям, оценивали шаги китайской администрации по колонизации монгольских земель как позитивные прежде всего для самих монголов<sup>79</sup>, поскольку это несло в себе возможность приобщиться к значительным достижениям в технике и технологиях, которыми уже пользовалось население и Российской империи, и империи Цин. Вместе с тем признавалась жадность китайской стороны, которая могла бы воспрепятствовать перезаключению соглашений о беспошлинной торговле<sup>80</sup> ради таможенных сборов. Подобная обеспокоенность была косвенным образом вызвана наблюдением за политикой цинских властей в отношении монгольского населения, где меркантильные интересы взяли верх над вековыми традициями и обязательствами предков царствующих особ.

В новом на тот момент журнале «Вестник Азии», который начал выходить в 1909 г., приводятся данные, едва ли не пошагово иллюстрирующие превращение монгольских земель в китайские административные единицы: «Город Шуан-лю-чжэнь, расположенный на берегу реки Тор в хошуне князя Цзасакту-вана, занимает по своему географическому положению центральное место в Чжеримском сейме и является одним из наиболее крупных пунктов политического и экономического влияния китайского правительства во Внутренней Монголии или, точнее выражаясь, в северо-восточной ее части. Возведение этого города в ранг областного административного центра с наименованием Тао-нань-фу относится к 1904 г., когда впервые в хошуне князя Цзасакту-вана, обремененного долгами, было отведено под колонизацию 600 тыс. шан земли. Усиленная деятельность китайского правительства по заселению этого района, удачный выбор места для постройки города, основанного самовольными переселенцами из Китая и Южной Монголии, богатство и плодородность отчужденных земель, в короткое время разобранных новыми пришельцами, способствовали росту города. Наплыв переселенцев и спрос на земли потребовали отчуждения, что китайское правительство и испол-

нило с успехом, пользуясь где задолженностью князей, а где и принимая принудительные меры. Из отчужденных земель образованы уезды: в хошуне Цзасакту-вана — Цзин-ань-сянь, Кай-тун-сянь и приставство Чжао-мо-тин; в хошуне Сэ-гуна — Ань-гуань-сянь и в хошуне Тушету-вана — Лю-цзюань-сянь. Все упомянутые уезды входят в состав области Тао-нань-фу, управляемой областным начальником (чжи-фу), проживающим в городе Шуан-лю-чжэне»<sup>81</sup>.

В результате был образован район Тао-Нань-фу, административно входивший в состав провинции Фэнтянь и состоящий на момент Синьхайской революции из подрайонов: 1) собственно сам Тао-Нань-фу с одноименным административным центром в 480 верстах от Мукдена; 2) Цинь-ань-сянь; 3) Кай-тун-сянь; 4) Ань-гуань-сянь; 5) Цзинь-дун-сянь и 6) Ли-цюань-сянь. Следует отметить, что те монгольские земли, на которых возникала китайская администрация, приписывались к соответствующим провинциям, в связи с чем русские исследователи констатируют возрастающую динамику увеличения площадей маньчжурских провинций в рассматриваемый период и несовпадение цифр в разных источниках из-за этого<sup>82</sup>.

В том же журнале «Вестник Азии» А. Гребенщиков в восторженных выражениях описывал быт и образ жизни китайских переселенцев, удивляясь четкости планов новых населенных пунктов, скорости образования новых поселков и городов, чистоте и аккуратности образа их жизни<sup>83</sup>, а в одном из последующих номеров он же показал быт и образ жизни даурских и маньчжурских поселений<sup>84</sup>, в то время как А. фон Ландезен детально рассматривал управленческую и социальную структуру новых китайских городов<sup>85</sup>.

Коншин писал: «В смысле внутреннего управления как китайцы, так и харачин-монголы совершенно не подчиняются княжеским чиновникам или самому князю. Они образуют собою как бы государство в государстве, так как первые, т.е. китайцы, через своих старшин подчинены ближайшим китайским чиновникам, управления коих пограничны княжеству, а харачин-монголы через особого харачинского чиновника сохранили полную связь со своим отдаленным княжеством.

Исключение составляют некоторые натуральные повинности, например, прием на ночлег монгольского войска, посланного на хунхузов, проезд крупных чиновников, которым нужно поставлять лошадей, и т.п.»<sup>86</sup>.

*Создание республики и интеграция  
в ее структуру монгольских территорий.*

*Место центральной власти в управлении монгольскими землями*

Маньчжурский император обладал титулом Богдо-хана, полученным им на съездах монгольской знати в 1636 г., и сохранял статус главы аппарата управления. Он имел право присваивать звания и титулы монгольских князей и лишать их, а также назначать на государственные должности и смещать с них.

Следующим после императора центральным правительственным органом, осуществлявшим высшую административную, законодательную и судебную власть над Монголией, была Палата по делам вассальных владений (Лифаньюань), созданная в 1644 г. на базе Монгольского управления (Мэнгу ямэнь) для надзора за администрациями Тибета и монгольских территорий.

С расширением империи Лифаньюань начала заниматься всеми этническими меньшинствами, проживавшими в ее пределах и поблизости от них. Сначала возглавлять палату могли только маньчжуры или монголы, для ханьцев эта должность стала доступна позже. После провозглашения республики на смену этому органу пришла Комиссия по вопросам Монголии и Тибета, обладавшая особым статусом полноценного министерства в составе всех правительственных структур вплоть до 1949 г. Комиссия (до 1914 г. — Бюро) подчинялась непосредственно президенту и возглавлялась этническим монголом.

Интеграция Внутренней Монголии в структуру империи Цин оказалась более существенной, нежели Халха-Монголии или Барги, поэтому и новые республиканские власти допускали международный диалог относительно статуса некоторых своих окраинных территорий, но даже в пылу противоборства политических группировок однозначно рассматривали Внутреннюю Монголию

как часть Китая, закрепляя эти позиции конституционно и подкрепляя их организационными мерами.

После провозглашения в 1912 г. республики административно-территориальное устройство Китая формировалось на основе Конституции от 11 марта 1912 г., где указывалось, что территорию Китайской Республики составляли 22 провинции, Внутренняя и Внешняя Монголия, Тибет и Цинхай<sup>87</sup>. В отличие от двух последних регионов Внутренняя Монголия не представляла собой единого целого ни в хозяйственном, ни в политико-административном отношении<sup>88</sup>, и ее сеймы не включали в себя территории с особым статусом, как Чахар, Тумэт, Барга и др.<sup>89</sup>

Хотя управление Китайской Республикой и претерпело серьезные изменения на высшем уровне власти, в отношении территорий оно модифицировалось незначительно. Декретом президента от 23 мая 1914 г. было определено административное деление страны на провинции (*шэн*), округа (*дао*) и уезды (*сян*). Границы провинций являлись исторически сложившимися, их наименования со времен империи остались неизменными. В свою очередь округа выступали исключительно административными единицами, являясь результатом механического разделения государства в интересах общего государственного управления. В ходе реформ 1913–1914 гг. были упразднены прежние области (*фу*), округа (*чжоу*) и отделы (*тин*), предполагалось ограничиться провинциями и уездами, но декрет от 23 мая 1914 г. сохранил трехуровневое административное деление Китайской Республики<sup>90</sup>, хотя и в несколько ином воплощении. От упразднения округов удерживали большие размеры китайских провинций, многочисленность уездов и слабо развитая почтовая и телеграфная связь с провинциальными городами<sup>91</sup>, поэтому округа были сохранены, хотя и не закреплены формально.

Новая Конституция 1914 г. расширяла полномочия президента, исполнительная власть была сконструирована по американскому образцу, а двухпалатный парламент заменен однопалатным. Согласно Конституции, территория Китайской Республики включала в себя всю бывшую империю Цин. Органы управления оставались прежними, а национальные окраины не упоминались. Также не был указан статус особых административных округов (Чахар, Жэхэ и Суйюань), на которые к тому времени в рамках



административной реформы 1914 г. была разделена Внутренняя Монголия<sup>92</sup>.

Следующая китайская Конституция была принята 10 октября 1923 г. Статья 1 раздела 1 постановляла, что «Китайская Республика останется навсегда единой республикой». Данная формулировка в основном законе страны появляется впервые, составители выразили принцип единства китайского государства. Однако, являясь унитарным государством, Китай не мог быть назван централизованным, так как входящие в его структуру области пользовались широкой автономией<sup>93</sup>.

Состав китайской государственной территории также не был определен новой Конституцией, но она содержала чрезвычайно важную в этом вопросе статью 3: «Территория Китайской Республики включает в себя все земли, находящиеся во владении Китайской Республики. Территория и границы всех владений не могут быть изменены иначе, как по закону». Статья 124 Конституции 1923 г. устанавливала только две административные единицы — провинцию (*шен*) и уезд (*сян*). Действительно, только они являлись в Китае местными центрами управления и в то же время самоуправления. В результате такая административная единица, как округ, так и не нашла своего конституционного закрепления, продолжая существовать на практике.

За провинциями в Конституции признавалось право законодательства по определенным вопросам и устанавливались пределы исполнения законов. Провинции могли издавать конституционные акты, т.е. законы, касающиеся устройства провинциального самоуправления в пределах своих полномочий, которые не должны противоречить Конституции и государственным законам<sup>94</sup>. До Конституции 1923 г. не был указан перечень предметов, находящихся в ведении, порядок издания этих актов и отношение к ним со стороны администрации.

В уезде представительным органом являлось уездное собрание, оно имело право издавать законы по всем вопросам автономного управления в пределах округа. Но на протяжении китайской истории уезд никогда не был столь самостоятельным, как провинция, поэтому и отношение к нему иное. Это вытекало из отдельных положений Конституции 1923 г.<sup>95</sup>

Статья 135 устанавливала, что административное устройство Внутренней и Внешней Монголии, Тибета и Кукунора должно быть определено особым законом, который так и не был принят, поэтому, с формально-юридической точки зрения, их правовой статус вытекал из фактических положений Конституции. Так, с 1928 г. внедрялась провинциально-уездная система управления, что повлекло за собой преобразование особых административных округов Чахара, Жэхэ и Суйюани в провинции. Это явилось юридическим признанием территории Внутренней Монголии частью Китая и вызывало новую волну антикитайских настроений, подпитанных в предыдущие годы колонизацией монгольских земель.

В дальнейшем государственный строй Китая оформляла временная Конституция для периода политической опеки, принятая в 1931 г. на конференции народных представителей. В статье 1 говорилось: «Территория Китайской Республики состоит из различных провинций, из Монголии и Тибета».

В каждой провинции устанавливалось правительство, которое вело все дела под руководством центрального правительства. Ведение уездных дел лежало на уездных правительствах, подчиненных провинциальным. Согласно статьям 78 и 81, устройство провинциальных и уездных правительств определялось отдельными законами.

Что касается Монголии и Тибета, то в них система местного управления также должна была определяться отдельным законом с учетом местных условий. Сразу же был принят «Закон об организации монгольских хошунов и сеймов»<sup>96</sup>, состоявший из 37 статей. Он содержал основные принципы сохранения знаменитой системы по управлению Внутренней Монголией, а также закреплял за центральным правительством право контроля над дипломатией, вооруженными силами и иными сферами государственной жизни, сохраняя при этом традиционный уклад хошунной организации. То есть, с одной стороны, закон 1931 г. сохранял родовой уклад Внутренней Монголии, с другой — ограничивал политическую деятельность ее лидеров. Не решал он и проблему колонизации монгольских территорий, положение усугублялось вытеснением монголов с их земель, что в итоге стало ключевой причиной развития автономистского движения и в дальнейшем — перехода на сторону японцев и провозглашения независимости.

*Место особых районов и хошунов  
на территории Внутренней Монголии  
в структуре китайской государственности*

Своеобразным апогеем колониальной политики китайского правительства в отношении монгольских земель стало создание на основе Указа президента республики от 6 июля 1914 г. особых районов Чахара, Суйюани и Жэхэ<sup>97</sup> (см. рис. 5 вклейки), именуемых в совокупности как Сянь-та-бэ-цюй-юй, или Территория трех особых районов, а также Ситаоской Монголии (позднее преобразованной в Нинся) и аймаков Чжеримского сейма, входящих в состав провинций Фэнтянь и Гири<sup>98</sup>, которые в обиходе и стали называться Внутренней Монголией.

Появление особых районов на начальном этапе формирования республиканских институтов стало эффективным инструментом управления территориями, на которых ханьское влияние было обременено внешними факторами. Так, например, на юго-западе страны в качестве такового создавался особый административный район Чуаньбянь, преобразованный в 1939 г. в провинцию Сикан (ныне — Сычуань).

На востоке после перехода под китайскую юрисдикцию полосы отчуждения КВЖД на ее основе создается Особый район Восточных провинций (ОРВП). В качестве особого административного района с 1930 г. выступал и Вэйхайвэй, расположенный в самой восточной точке полуострова Шаньдун. Вслед за упразднением экстерриториальности и удалением западных держав из экономики прибрежных территорий создание особого административного района должно было обеспечить их плавную интеграцию в «тело» континентального Китая. Таким образом, новый статус этих территорий отличался подчинением столичным властям и непосредственно президенту республики; особым режимом правового регулирования и правоприменения относительно небольшой территории, требующей более пристального внимания со стороны руководства страны; переходным характером функционирования; особыми нормами регулирования военных, финансовых вопросов и некоторыми другими признаками.

Предтечей городов центрального подчинения и Пекина как столицы с прилегающей территорией стал столичный округ Цзинчжао-дифан в период с 1914 по 1928 г., упраздненный после переноса столицы в Нанкин.

Особый район входил в состав той или иной китайской провинции и делился на китайскую и монгольскую части. Китайская представляла собой округ (*дао*) во главе с *даоинем* — Синхо-дао, Гуйсуй-дао и Жэхэ-дао. Во главе каждого из них находился *датун*, назначаемый президентом и ведающий военными и гражданскими вопросами, тогда как Ситао возглавлял военный чиновник, назначаемый губернатором Ганьсу<sup>99</sup>. Исполнительным органом было окружное управление (*Дао-инь-гун-шу*). Округ делился на уезды (исполнительный орган — *управа*), часть из которых существовали давно и присоединялись, будучи выделенными из провинций Чжили и Шаньси, а часть образованы на отчужденных монгольских землях. Кроме уездов имелись так называемые переселенческие округа, управляемые *Чжао-кэньб-шэ-чжи-цзюй* (переселенческими управлениями), после достижения достаточной численности китайского населения они преобразовывались в уезды. Монгольская часть сохраняла древнее хошунно-аймачное деление и управление.

Среди монгольских земель первым особым районом стал Коубэй-дао — территория к северу от Великой стены, охватывающая северную часть современной провинции Хэбэй с центром в г. Калган (Чжанцзякоу). Значимость района определялась ролью Калгана, расположенного на важном тракте из столицы на север, в Халху и далее — в Россию. После успешного северного похода Национально-революционной армии во главе с Чан Кайши район был упразднен, его земли включены в состав провинции Чахар, столицей которой стал Калган. Позднее территория Коубэй-дао стала ядром государствовподобного образования Чанань (Южный Чахар), созданного японской стороной и существовавшего в 1937–1939 гг. в качестве полусамостоятельной политики и субъекта конфедерации центральных районов Внутренней Монголии.

Второй особый район — Чахар, чье название было унаследовано от обитавших здесь монгольских племен и древнего Чахар-

ского ханства. В качестве скрепляющих элементов нового района выступили китайские уезды, создаваемые на отчужденных монгольских территориях китайской администрацией. Его территория охватила собственно Чахар, который, как уже указывалось, находился в прямом подчинении пекинских властей с момента включения Внутренней Монголии в состав империи Цин, а также аймаки Шилин-Гольского сейма и пастбища Дариганга. Изначально район делился на 4 уезда, 5 аймаков и 10 хошунов, а перед преобразованием в провинцию — на 9 уездов: Чжанбэйский, Гуянский, Долунский, Фынчжэнский, Лянчэнский, Синхоский, Даолинский, Шандуский и Баочанский переселенческий округ. В 1928 г. к ним прибавился еще один уезд. Монгольская часть включала земли Шилин-Гольского сейма, а также чахарские и тумэтские земли без дзасаков. Чахар, входивший в период японского присутствия в состав Мэнцзяна, в качестве провинции был восстановлен в 1945 г., объединив четыре района. С 1914 г. руководство округом осуществлял губернатор, а с преобразованием в провинцию — правительство во главе с председателем, сохранившим неофициальный статус губернатора. В 1952 г., после образования КНР, территория провинции была включена в состав автономного района Внутренняя Монголия, а Калган под наименованием Чжанцзякоу с окружающей его территорией выведен в состав провинции Хэбэй.

Третьим особым районом стала Суйюань, получившая свое наименование по названию высшего должностного лица, представлявшего цинское правительство во Внутренней Монголии начиная с 1735 г. — *Суйюань-чэн-цзянцзюнь* (суйюаньский городской генерал). В его полномочия входил контроль над князьями и Тумэтом. В 1914 г. создан особый район Суйюань с территорией сеймов Их-Чжу и Улан-Цаб, Тумэтом и городами Гуйсуй и Баотоу, разделенный на три уезда, а перед преобразованием в провинцию — на девять уездов: Гуйсуйский, Сарацинский, Циншуйхэский, Токтоский, Холингорский, Уюаньский, Учуанский, Дуншэнский и Гуянский переселенческий округ. В 1928 г. к ним прибавился еще один уезд. Монгольская часть включала земли Улан-Цабского и Их-Чжуского сеймов. В период японского присутствия большая часть территории провинции Суйюань также

находилась в составе Мэнцзяна и была восстановлена в своем прежнем статусе в 1945 г., имея в составе уже четыре района. С 1914 г. руководство округом осуществлял губернатор, а с преобразованием в провинцию — правительство во главе с председателем, сохранившим неофициальный статус губернатора. После образования КНР территория провинции в 1954 г. была включена в состав автономного района Внутренняя Монголия, а столице автономного района возвращено название Хух-Хото.

Четвертым особым районом был определен Жэхэ, получивший свое название из-за горячих источников вблизи г. Чэндэ. В январе 1914 г. району был придан особый статус, к июлю того же года его территория была сформирована в составе 15 уездов: Чендэский, Луаньпинский, Пинцюаньский, Лунхуаский, Фыннинский, Линюаньский, Чаоянский, Фусинский, Цзяньпинский, Суйдунский, Чифынский, Кайлуский, Линьсинский, Вэйчанский и Цзиньпэнский. 17 сентября 1928 г. особый район стал провинцией. Монгольская часть включала земли Чжоудаского и Чжосотуского сеймов, а также ламские земли, численность монгольского населения составляла около 500 тыс. чел. В 1933 г., в период японского присутствия в регионе, территория Жэхэ вошла в состав Манчжоу-Го, а из ее монгольских земель было создано Южное губернаторство провинции Хинган. После победы над японцами провинция была восстановлена, объединив 20 районов и 20 хошунов, и просуществовала до 1955 г., когда была упразднена, а ее территория разделена между провинциями Хэбэй, Ляонин и Внутренней Монголией. Этот район был в числе первых колонизируемых. Продвинуться вглубь Монголии быстро и без особых осложнений китайской стороне в определенной мере позволила мягкая и соглашательская политика князей. Это снискало им недобрую славу среди монгольского населения, сохранившего кочевой образ жизни, — «слишком окитаевшихся» и отошедших от древних устоев и традиций<sup>100</sup>. В дальнейшем именно Жэхэ, благодаря своему приграничному положению и горным проходам, станет объектом противостояния китайской и японской стороны.

Пятым национальным монгольским регионом можно назвать провинцию Нинся (в переводе с кит. — земля спокойствия и ти-

шины в царстве Западное Ся). Не будучи в статусе особого района, провинция не была полностью населена монголами, однако имела в своем составе монгольские земли Алашань и Эдзин-Гол с традиционной хошунной системой, помимо 13 уездов. Выделившись в отдельную область в провинции Ганьсу, в 1928 г. Нинся становится провинцией. Избежав японского вторжения, эта территория тем не менее послужила ареной внутривластных баталий в до- и послевоенный период. После создания КНР в 1954 г. провинция была упразднена, территория возвращена в состав провинции Ганьсу, а в 1958 г. создан Нинся-Хуэйский автономный район.

Помимо особых районов, в начальный период существования гоминьдановского правительства появляются особые хошуны, не находящиеся под юрисдикцией сеймов и их органов, а непосредственно подчиненные Исполнительному Юаню. Несмотря на то, что некоторые вопросы должны были решаться в консультативном порядке с местными провинциальными органами власти, юридически эти хошуны находились на том же уровне, что и провинции.

Всего было создано четыре особых хошуна. Первый из них — Алашаньский (Олетский / Ойратский / Западно-Ойратский / Хошутский), расположен между хошунами правого (ныне хошун Алашань-Юци) и левого (ныне хошун Алашань-Цзоци) крыльев. Он был образован в 1697 г. при переселении на эти земли с 1677 по 1689 г. жителей Цинхая, а также родов, которые не хотели подчиняться джунгарскому хану Галдану. Хошун существовал без княжеской администрации и выполнял пограничные функции. Координируемый губернатором провинции Шэньси, регион подчинялся центральному правительству. Шэньси принадлежали и некоторые земли современной провинции Ганьсу, с 1731 г. в ее состав вошли все земли этой провинции, а губернатор Шэньси стал еще и губернатором Ганьсу.

Второй хошун — Эдзинейский (Староторгоутский / Эцзинейский / Эрджинейский), он расположен на юго-западе современного хошуна Эдзин-Ци, примыкает к землям современного хошуна Алашань-Юци<sup>101</sup>, куда с 1703 г. было позволено кочевать торгоутам. Образование хошуна связано с кочевым населением

Калмыцкого ханства, которым в то время управлял Аюка, и Джунгарским ханством под управлением Цэван Рабдана. Особый хошун был создан в 1753 г. и управлялся непосредственно через Лифаньюань.

Третий хошун — Гуйсуй Чэн Тумэт (Покоренная тумэтская крепость), давший имя городу Гуйсуй. После разгрома Лигдэнхана в 1635 г. предпринятая попытка выйти из-под власти Цин закончилась поражением и упразднением родового управления на этих землях. Был образован аймак, разделенный в 1636 г. на левое и правое крылья и переданный в ведение Улан-Цабского сейма. Возглавлялся аймак *дутуном*, или *гуса-амбанем* / *гуса-эчжэнем*, — начальником в невысоком воинском звании, которому поручалось управление приграничным городом, поддержание его обороноспособности, разрешение административных и уголовных дел, обеспечение войска. Подобные должности существовали в Чжанцзякоу для управления чахарскими территориями, в Чэндэ и окрестностях Чжоудаского сейма, в Урумчи. Там, где чиновник состоял в ранге генерала, имелась возможность создавать его администрацию из заместителей дутуна, управлявших несколькими городами, как, например, в Гиринской или Хэйлунцзянской провинциях, Чжили и Тарбагатайском округе и т.д. В 1763 г. должность дутуна была упразднена, территория выведена из Улан-Цаба и образован отдельный хошун с подчинением Пекину, общую координацию же обеспечивал суйюань-чэн-цзянцзюнь.

Четвертый хошун Их-Минган (Мянгань / Маннай-гун) создан на стыке современных уездов Фую на востоке, Иань на севере и Байцюань на западе городского округа Цицикар в Хэйлунцзяне. Название происходит от сочетания монгольских слов *их*, что переводится как «большой», «высший», и *мянгань* — «тысяча» или «большая тысяча» домохозяйств, которая состояла из переселенцев в количестве 300 чел. и 90 семей из Западной Монголии, оказавшихся здесь в 1755 г. Название было продиктовано ограничениями, установленными для численности населения — если оно превышало тысячу человек, то предполагалось перенесение хошуна на другие земли. Население отличалось большим разнообразием и включало дурбетов, торгутов и другие этносы с относительным доминированием ойратов. Хошунные власти



подчинялись не сейму а хэйлунцзян-цзянцзюню, являвшемуся высшим должностным лицом приграничной зоны, а он — непосредственно императору. В отличие от прочих чиновников Хэйлунцзяна, он также отвечал за местные гражданские дела, юстицию и управление. В 1906 г. на территории хошуна образован уезд Байцюань. После создания Китайской Республики хошун был переподчинен властям Хэйлунцзяна. В октябре 1923 г. создается уезд Иань. В период существования Маньчжоу-Го хошун входит в состав провинции Лунцзян, а после освобождения — в Нэньцзян. В июне 1948 г. хошун Их-Минган был упразднен, а остатки его территории включены в уезд Фую.

12 октября 1931 г. принят «Закон об организации монгольских хошунов и сеймов», статья 5 которого устанавливала, что особые хошуны находятся под непосредственным управлением Исполнительного Юаня, а статья 6 содержала положение о том, что по вопросам, отнесенным к полномочиям провинций, хошуны должны взаимодействовать с руководством провинций.

Таким образом, основной этап колонизации монгольских земель можно было считать завершенным, а их автономию, гарантированную маньчжурскими императорами, — ликвидированной. Сохраняемые внешние атрибуты относительной самостоятельности (княжеские статусы, внутреннее управление и т.д.) также были включены в обновленный государственный механизм. Во главе этих процессов, как и отдельных выступлений против колонизации, также находились князья, не готовые поступиться даже остатками своих привилегий ради национальных интересов — китайская сторона сумела обеспечить себе поддержку монгольских элит на колонизируемых территориях предоставлением им доли в доходах от колонизации. Как верно отмечал О. Латтимор, «...это разделило интересы князей и простых людей и гарантировало, что князья как класс будут работать против “революционного” монгольского движения»<sup>102</sup>. Вместе с тем, как покажет дальнейший опыт государственного развития, без участия князей обеспечить какие-либо процессы оказалось сложно или почти невозможно.

В целом же можно констатировать, что именно корысть маньчжурской (а к концу XIX — началу XX в. уже фактически ханьской) бюрократии привела к гибели империи Цин и политиче-

скому хаосу, который, в свою очередь, создал благоприятные условия для успеха японского вторжения. Оттеснив национальные интересы на задний план, вперед вышла забота о доходах от колонизации и торговли<sup>103</sup>.

Именно этим можно объяснить ослабление цинского государственного аппарата и снижение его эффективности не только в столице, но и в провинциях. Очень удобное оправдание условиями Боксерского протокола 1901 г. и усилением роли иностранных держав, активно использующих свои торговые и концессионные рычаги, дополнялось готовностью местных властей им потакать, что в совокупности и привело к революционной катастрофе.

## 2.2. Внутренняя Монголия после Синьхайской революции

### *Цзаймутэз Мубилай, движение «индепендентов» и съезды «лоялистов»*

Первой ласточкой грядущих неспокойных дней и катализатором созыва общемонгольских съездов стали события, связанные с группой князей хошунов Хорчинского правового крыла, в первую очередь с именем последнего князя Хорчинского правого крыла переднего хошуна (Чжасакту-вана, ныне — территория хошуна Хорчин-Юицзянци аймака Хинган) Удая (1866–1920), о котором будет идти речь в следующих частях нашей работы. В августе 1912 г. Удай, объединив силы своего хошуна, Хорчинского правого крыла тыльного хошуна (Туше-гуна / Шэ-гуна / Сэ-гуна) и аймака-хошуна Чжалайт, организовал вооруженные силы и 20 августа 1912 г. объявил независимость Восточной Монголии.

Одним из его ярых сторонников стал князь Чжалайта Бадма Рабдан (1900–1946)<sup>104</sup>. Он, а также последний князь Хорчинского правого крыла среднего хошуна (Тушэту-вана, ныне — хошун Хорчин-Юичжунци аймака Хинган) Еши Хайшун (?–1944), будущий губернатор Южной области (губернаторства) провинции Хинган в Маньчжоу-Го, и последний князь хошуна Тушэ-гуна Рашминжур<sup>105</sup> 12 сентября 1912 г. были разгромлены после нескольких сражений с китайскими войсками. Ставка Удая пала

13 сентября 1912 г., восстание было подавлено. В итоге Удай бежал в Халха-Монголию, где стал заместителем министра юстиции и уже в этом качестве принимал участие в русско-китайско-монгольских переговорах по Кяхтинскому соглашению 1915 г. Позже Удай был прощен китайским президентом с возвращением всех земель и титулов<sup>106</sup>. Бадма Рабдан отправился в Цицикар, где встретился с губернатором Хэйлуңцзяна и заверил его в своей лояльности китайскому правительству, в силу своего малолетства (12 лет) князь был прощен. Известно, что он основал несколько школ, в 1931 г. перешел на сторону японцев и до 1939 г. занимал государственные должности. В марте 1940 г. был назначен командиром 9-го военного округа<sup>107</sup>, возглавлял Департамент по делам Монголии (преемник одноименного министерства), а после капитуляции Японии арестован в Чанчуне советской Красной армией, затем этапирован в Читу. В 1946 г. было принято решение о его депортации в КНР, однако князь умер в Хабаровске по дороге в Китай.

Помимо хорчинов правого крыла, борцом за независимость Внутренней Монголии можно считать князя Гончигсурэна, который стоял во главе Хорчинского левого крыла переднего (Бинту-вана) хошуна. Князь был деятельным руководителем. Он очистил свой хошун от бандитов и хунхузов, организовал работу полиции. Получив образование в одном из престижных пекинских университетов, он свободно владел монгольским, маньчжурским и китайским языками, основал несколько школ и отправлял молодых монголов учиться в континентальный Китай. С именем Гончигсурэна связаны наиболее противоречивые события уходящей имперской эпохи.

Так, одним из наиболее острых был вопрос об ограничении деятельности религиозных организаций для уменьшения влияния религии и суеверий, который князь поднимал в ряде средств массовой информации, полагая, что бедность Монголии была предопределена тибетским буддизмом. Другим шагом стала попытка добиться независимости с началом Синьхайской революции осенью 1911 г., предпринятая Гончигсурэном. Сначала он обратился за помощью к Российской империи, а после того как не получил ее, вышел на связь с представителями Японии в на-

дежде на материальную поддержку в организации движения за независимость. Япония также отклонила его просьбу из-за подозрений в связях с Россией. Предпринять активные действия князь не рискнул, однако уже в июне 1912 г. он посетил Сунджукту Батура, князя найманского хошуна Чжоудаского сейма, чтобы уговорить его выступить за независимость. Эта попытка тоже не увенчалась успехом. В результате Гончигсурэн перебрался в Халху, стал заместителем премьер-министра, долгое время метался между правительствами Юань Шикая и Богдо-хана и, оставшись формально верным китайской стороне, умер в 1913 г.<sup>108</sup>

Наиболее одиозной фигурой среди представителей «индепендентов»<sup>109</sup>, безусловно, был Бабуджаб, известный как харчинский гун Шударга баатар Бабуджаб. Принадлежавший к чжосотуской знати, он в 1904 г. вступил в японскую добровольческую армию, расквартированную в Маньчжурии во время Русско-японской войны<sup>110</sup>. После окончания военных действий добровольческие соединения были расформированы, и Бабуджаб вернулся домой<sup>111</sup>.

С началом попыток изменить статус Внутренней Монголии, предпринимавшихся в разгар Синьхайской революции (1911–1912) и после нее, Бабуджаб вместе со своим сподвижником хорчинским князем левого хошуна Насаном Арвицзыхом (?–1918) организовали 28 августа 1912 г. вооруженный отряд, который участвовал во внутренних расправах на территории центральных хошунов и в Халхе, а также в борьбе с китайскими вооруженными отрядами, посылаемыми для усмирения бунтовщиков. Князь не признал договоренности между Россией и Китаем по Монголии, достигнутые в ноябре 1913 г. Он перешел границу (из Халхи в Барту) и занял выжидательную позицию. Не поддержал он и Кяхтинское соглашение 1915 г., поэтому продолжал агитацию за полную монгольскую независимость<sup>112</sup>. Бабуджаб сблизился с членом маньчжурского императорского дома Шаньцы (1866–1922), принцем Су, на дочери которого Есико Кавасима (1907–1948), удочеренной японским разведчиком Нанива Кавасима, спустя 12 лет женится его сын Ганчжурчжаб (1907–1971). Впоследствии с помощью Нанива Кавасима он получал поддержку от Генерального штаба Японии, японской армии в Ляодуне и дру-

гих организаций с целью добиться от Юань Шикая независимости Маньчжурии и восстановления империи.

Однако Юань Шикай умер раньше, чем князю Бабуджабу удалось предпринять хоть какие-то активные действия. Чжан Цзолинь и другие высокопоставленные китайские офицеры и должностные лица отказались от сотрудничества с японцами, президент Ли Юаньхун и премьер-министр Дуань Цижуй были настроены аналогично. По этой причине правительство Японии отказалось поддерживать монголов, в связи с чем Бабуджаб был вынужден действовать самостоятельно.

Князь погиб в столкновении с правительственными войсками, его дети продолжили дело отца, активно сотрудничая с японцами в период подготовки военного вторжения и полномасштабных военных действий в 1930-е годы. Так, старший сын Ноннайчаб некоторое время учился в университете Васэда, затем бросил учебу и поступил на артиллерийский факультет Школы сержантов японской армии, судьба его после войны неизвестна. Второй сын Чжэнчуржаб (1906–1967) окончил в Японии среднюю школу и в 1925 г. поступил на артиллерийское отделение Школы сержантов армии, после окончания которого был назначен унтер-офицером 1-й роты полевой артиллерии. С созданием Маньчжоу-Го претендовал на пост министра по делам Монголии, но проиграл Цзаймутэзу Мубилаю. Третий сын князя Ганчурчаб был основателем ханганской автономной армии Внутренней Монголии.

Насан Арвицзых, сподвижник князя Бабуджаба, был назначен советником Гомбосурэна, военного министра правительства Богдохана<sup>113</sup>. Насан участвовал в выступлениях Дамдин Сурэна, в нескольких операциях на территории Внутренней Монголии, но в итоге перешел на сторону центрального правительства.

Осознав опасность подобных тенденций, бэйянское правительство предприняло ряд мер по сохранению земель Внутренней Монголии в составе Китая, в результате чего были сформированы два лагеря «лоялистов». В первом состояли преимущественно хорчинские князья, которые не поддались на агитацию князя Удая и предпочли сохранить верность центральному правительству. Их лидер — южногорлосский князь Цзаймутэз

Мубилай. Одним из эффективных инструментов демонстрации лояльности стали два монгольских съезда.

Второй лагерь был представлен монгольской политической элитой с самостоятельной позицией, которой удалось встроиться в систему государственного управления Китайской Республики. Лидером этого лагеря стал харачинский князь Гунсэнноров.

В противовес Удаю чжеримские князья решили выразить свою лояльность Пекину и сделать это публично. Так, в начале октября 1912 г. в уезде Чжэнцзятунь (ныне городской уезд Шуанляо городского округа Сыпин провинции Цзилинь) была организована встреча Икдэчуна — представителя губернатора Гирина Чэнь Чжаочана, который заранее был проинформирован о событиях, и лидера князей — главы хошуна Южный Горлос Цзаймутэза Мубилая, будущего министра по делам Монголии в правительстве Маньчжоу-Го. Молодой князь был внуком южногорлосского князя Туб Улзыту, которому наследовал в 1897 г., поскольку из-за психической болезни его отец не мог осуществлять управление хошунном. Его дядя — известный лама Амур Цэнтох. В 1902 г. князь стал заместителем председателя Чжеримского сейма, а в 1905 г. — его председателем. Не поддержав ни восстание своего родича Тогтоха, князя Северного Горлоса, ни Удаю, Цзаймутэз Мубилай получил помощь со стороны Юань Шикая и в свою очередь содействовал ему, когда тот претендовал на трон в 1914 г. В знак благодарности его сделали членом Конституционной комиссии<sup>114</sup>.

Представитель губернатора и председатель сейма договорились о проведении съезда, который работал с 28 октября по 1 ноября 1912 г. и вошел в историю как Чанчуньский съезд (Китайско-монгольский съезд / Чжеримский съезд князей десяти хошунов). На нем присутствовали официальные представители новой пекинской власти и другие знатные особы, а само мероприятие сыграло определяющую роль в стабилизации ситуации и предотвращении масштабных сепаратистских настроений. Среди его главных участников были 10 представителей монгольских хошунов:

1) Амур Лингуй, последний князь Хорчинского левого крыла тыльного хошуна (ныне — хошун Хорчин-Цзоихоуци / Кэцзохоу-Ци городского округа Тунляо)<sup>115</sup>. До Синьхайской революции князь проживал в Пекине. На исходе правления династии Цин

Амур Лингуй отправился в императорские земли для изучения возможности проложить по ним железную дорогу. Им была основана новая школа в левом крыле Хорчина и создана Монгольская промышленная корпорация с резиденцией в Пекине. После начала революционных событий ему было поручено заниматься вопросами, связанными с организацией монгольских хошунов. В этих целях он отправился в восточную часть Внутренней Монголии для вербовки монгольских солдат и оказания помощи в подавлении революции. Перед отречением Сюаньтуна князь вернулся в Пекин и вместе с другими князьями высказался в поддержку политики Юань Шикая. После отречения он стал членом первого состава парламента, вошел в состав Конституционной комиссии и политической конференции. Его сын Хишиг в 1930 г. после смерти отца по решению Комиссии по делам Монголии и Тибета княжества не унаследовал<sup>116</sup>, он занимал различные военные должности и, вероятно, погиб 13 февраля 1947 г. в столкновении с войсками Народных сил самообороны КПК Внутренней Монголии<sup>117</sup>;

2) Намжил Цэрэн, последний князь Хорчинского левого крыла центрального хошуна (ныне — хошун Хорчин-Цзоичжунци / Кэцзочжун-Ци городского округа Тунляо)<sup>118</sup>, чей предок Бумбу-тай был отцом императрицы Сяо Чжуан, супруги Абахая<sup>119</sup>, «имевший только сыновей, что не позволило дочерям ни наследовать его земли, ни передать их супругам»;

3) Аюр Угуй, представитель Гончигсурэна, князя Хорчинского левого крыла переднего (или Бинту-вана) хошуна;

4) Бицигугтох, чжайцин Хорчинского правого крыла тыльного хошуна;

5) Нарангэрэл Чжунван, «безумный» князь, владетель в десятом поколении Ару-Хорчинского хошуна;

6) Фулихуй, представитель князя Харачинского левого крыла хошуна;

7) Цзаймутэз Мубилай, князь Южного Горлоса;

8) Буянчук, новый князь Северного Горлоса;

9) Ширав-Лоопил, последний князь Дурбета;

10) Бай Силинъя, мейрен аймака-хошуна Джалайта.

На съезде присутствовали лица княжеского сопровождения — Амур Цэнтох, регент при своем малолетнем племяннике Цзай-

мутэзе Мубилае, богатый и эксцентричный хубилган из Хух-Хото, член Временного парламента в 1925 г., а также Идэр, цзалан Хорчинского левого крыла центрального хошуна.

Участие в работе съезда приняли высокопоставленные китайские чиновники: Чэнь Чжаочан, губернатор Гирина<sup>120</sup>; Чжан Сисюань, мукденский чиновник, будущий губернатор провинции Фэнтянь (январь — сентябрь 1914 г.)<sup>121</sup>; Сунь Байху, чиновник по гражданской части провинции Фэнтянь; Ту Фэншу, директор департамента образования провинции Хэйлунцзян<sup>122</sup>; Мэн Эньюань, командующий 23-й дивизией армии Гирина<sup>123</sup>; Пэй Цисюй, командир 46-й бригады 23-й дивизии армии Гирина<sup>124</sup>; Тон Циншань, управляющий делами (глава) одного из временных хошунов Гирина.

Все участники прекрасно понимали, что правительство Китайской Республики вознаградит монгольских князей за верность, — это сыграло свою роль при выборе стороны и расстановке приоритетов. Однако предстояло согласовать условия, и у каждой из сторон они были свои.

Китайская сторона выдвинула следующие условия:

1. Монголия по-прежнему снабжает китайскую армию войсками.

2. Монгольские князья не должны брать кредиты у иностранных государств без одобрения центрального правительства.

3. Монгольские князья сохраняют предоставляемые им цинским правительством льготы и преференции.

4. Князья не могут обеспечивать себя военным снаряжением за счет находящейся у них собственности и закладывать ее иностранцам.

5. Важнейшие политические решения, принимаемые в Монголии, должны быть одобрены центральным правительством.

6. Реализуются меры по укреплению монголо-китайской дружбы.

7. Предполагается выпуск газет на монгольском языке.

8. На монгольских знаменах должен располагаться пятицветный флаг республики, символизирующий единство страны и ее народов.

9. Элементы монгольских знамен должны соответствовать китайскому законодательству.



10. Огнестрельное оружие, необходимое для обороны каждого из хошунов, должно приобретаться только князьями, а личный транспорт запрещается.

Монгольские князья и представители хошунов выразили свое несогласие с независимостью Внешней Монголии и подтвердили лояльность республике, но выдвинули собственные условия:

1. Сохранение монгольской территории в прежних границах.
2. Обеспечение монгольских хошунов бесплатной военной подготовкой.
3. Выплата компенсации хошунам за предоставление войска.
4. Вывод китайских войск с монгольских территорий.
5. Гарантии того, что монгольские земли возвращаются хошунам и отныне не могут изыматься.
6. Запрет на создание китайских провинций и провинциальных учреждений на монгольских землях.

Позднее по требованию правительства Китайской Республики монгольские князья отозвали требование о военной компенсации (3), но получили два места в парламенте и законодательное подкрепление этой позиции. В парламент были избраны Амур Лингуй и предпоследний князь из рода Зоригту Хорчинского правого крыла тыльного хошуна Сэван Дунлуб. Затем князья подписали петицию об отмене Халхой независимости и после принятия 10 китайских условий 1 ноября 1912 г. съезд был закрыт.

Для укрепления достигнутых договоренностей Цзаймутэз Мубилай, утвердившийся в качестве главы Чжеримского сейма, и Амур Лингуй отправились в Пекин, чтобы доложить о них правительству Китайской Республики.

Второй Съезд восточномонгольских князей проходил в Чанчуне с 13 по 16 октября 1913 г. и был организован китайским правительством на фоне усиливающихся сепаратистских настроений во Внешней Монголии и Хулун-Буире. Его цель — дальнейшая стабилизация ситуации в Восточной Монголии. Он обошелся китайской казне в 8 тыс. юаней. Основными участниками были князья и их представители:

- 1) Цзаймутэз Мубилай (в прежней позиции — князь Южного Горлоса);

2) Кэрлисиху, цзалан Хорчинского левого крыла центрального хошуна;

3) Дамбадоржи, князь Хорчинского левого крыла переднего хошуна, преемник Гончигсурэна;

4) Сэвэн Доржи, цзалан Хорчинского правого крыла центрального хошуна;

5) Тодунасун, цзалан Хорчинского правого крыла переднего хошуна;

6) Сайтал, чжайцин Харачинского правого крыла хошуна;

7) Да Чонъя, цзалан Харачинского левого крыла хошуна;

8) Дамурэнжав, представитель Буянчука, князь Северного Горлоса;

9) Дамурэнжап, представитель князя Шираб-Лоопила, последнего князя Дурбета;

10) Бадма, цзалан Джалайта, а также Амур Цэнтх, представитель горлосского князя.

Кроме того, в заседании приняли участие высокопоставленные китайские чиновники:

1) Мэн Эньюань, к тому времени специальный представитель губернатора Гирина;

2) Ту Фэншу (в прежней позиции);

3) Рон Сюнь, глава Маньчжурской ассоциации развития, специальный представитель правительства Китайской Республики, заместитель председателя Бюро по делам Монголии и Тибета;

4) Ци Яолинь, министр по гражданским вопросам Гирина, в недавнем прошлом губернатор Хэнани<sup>125</sup>;

5) Рон Хоу, министр внутренних дел провинции Фэнтянь, в дальнейшем управляющий Ляонинской железной дорогой, министр финансов Гирина и первый президент Центрального банка Маньчжурии<sup>126</sup>.

На съезде Рон Сюнь как представитель правительства Китайской Республики сообщил о положении Внешней Монголии, разъяснил политику правительства в отношении монгольских земель и объявил требования Юань Шикая к монгольским князьям: в будущем им не разрешалось брать кредиты у иностранных лиц и вне пределов Китая; предписывалось не реагировать на провокации

Советской России и вменялось в обязанность сохранять порядок в своих хошунах.

Была озвучена программа действий правительства Китайской Республики в отношении монгольских вопросов:

1. Как можно более спешное заключение китайско-российского договора о защите интересов Монголии.
2. Уточнение границ между Внутренней и Внешней Монголией и изменение статуса Внутренней Монголии — преобразование в провинцию Китайской Республики.
3. Пересмотр налогов на товары общего назначения и скот.
4. Повышение внимания к политике по переселению и миграции.
5. Пересмотр политики в отношении горных богатств, лесов и добычи полезных ископаемых.

Условия монгольских князей сводились к следующему:

1. Бюро по делам Монголии и Тибета преобразовать в полноценный государственный институт, как это было в империи Цин.
2. Государственная аренда монгольских земель в Гирине и Хэйлуцзяне должна оплачиваться наличными средствами.
3. Налоги, собираемые на монгольских территориях, должны распределяться между хошунами, а средства направляться на закупку огнестрельного оружия для предотвращения внешних угроз.
4. Иски между китайскими и монгольскими участниками процесса должны разбираться с участием присяжных заседателей.

Князья решительно выступили против превращения Внутренней Монголии в провинцию Китайской Республики и новых захватов их земель китайскими переселенцами.

В результате были достигнуты договоренности по следующим пунктам:

1. Совместный подход к вопросу о защите монгольских территорий.
2. Приведение в порядок и сверка монгольских долгов.
3. Создание отделения Бюро по делам Монголии и Тибета в г. Чжэнцзятунь.

4. Совместный призыв к руководству Хулун-Буира отменить решение о провозглашении независимости.

5. Ликвидация последствий провозглашения независимости в хошунах Хорчинского правого крыла.

6. Учреждение совместного коммерческого банка.

Четыре требования, выдвинутые князьями, должны были быть переданы центральному правительству руководителем трех восточных провинций.

16 октября 1913 г. съезд прекратил работу, а Цзаймутэз Мубилай и Мэн Эньюань направились в Пекин, чтобы доложить о его итогах правительству Китайской Республики.

### *Гунсэньноров и Комиссия по делам Монголии и Тибета*

Пекинское правительство в своем стремлении сохранить целостность страны (в том числе Внутреннюю Монголию) могло опираться на значительную силу, во главе которой находился князь хошуна Харачина правого крыла Гунсэньноров (1872–1931). На его личности и деятельности следует остановиться подробнее по следующим причинам. Во-первых, князь долгое время был самым влиятельным монголом в Китае — как на излете империи, так и в период республики (при бэйянском и нанкинском режимах). Во-вторых, его образ жизни и поведение во многом были типичными для монгольской аристократии рассматриваемого периода, что позволяет нам в целом сформировать модель действий знати на исследуемой территории. В-третьих, с его именем связаны отдельные моменты проникновения в регион японцев, которые привели к неоднозначным последствиям для Внутренней Монголии, хотя и после смерти князя.

Гунсэньноров происходил из области в районе современного г. Чифын<sup>127</sup> и принадлежал к племени харачинов. В.А. Кормазов писал, что эта область, и «в особенности хошуны Ару Харачин, Цзун и Барун Харачины, с давних пор находилась под влиянием японцев. Влияние это началось с момента появления в хошунах японских учителей, приглашенных монгольским князем Харачин-ваном. Реализуя первоначальное образование для своих учеников в хошунах, учителя-японцы отправляли их в Японию для

дальнейшего образования»<sup>128</sup>. Именно харачины были в числе переселенцев, которые занимали земли Чжеримского сейма при реализации переселенческой политики империи Цин конца XIX — начала XX в.

В.А. Кормазов пишет о том, что «...толчком к переселению их в район Маньчжурии послужило восстание китайской бедноты в 1891 г., объединенной в религиозную секту “Цзянь-дань-дао”, сперва против христиан-миссионеров, а затем и против монголов за отказ последних от сдачи своих кочевий для распахек... Это и побудило часть харачинцев искать более спокойные места. Их взоры обратились к малонаселенному, с богатейшими для земледелия землями, Чжеримскому сейму. Начались переговоры с князем Чжасокту, Удаем, и последний на известных условиях арендной платы разрешил переселиться 700 харачинским семействам. С течением времени первые поселенцы стали приглашать своих земляков, и некогда безлюдные степи превратились в населенную колонию предприимчивых эмигрантов-монголов, родных по крови, языку и религии с аборигенами. Арендуя огромные площади земли за ничтожную плату, поселенцы-харачины разбогатели. Обосновавшись на новых местах, поселенцы, однако, не порывали связи со своей метрополией и оставались в прямом подданстве своему князю. Отношение же к князю хошуна Чжасокту, куда они поселились, выражалось только в точном выполнении принятых на себя обязательств по оплате аренды. В общем харачины на новых местах чувствовали себя совершенно свободными; местные власти ими игнорировались. Отличаясь энергией и обладая более высоким культурным уровнем, чем аборигены, харачины как бы образовали независимую ни от кого область, в которую не только никто не допускается, но даже прилегающие к этой области местности стали чувствовать на себе гнет колонистов, из числа которых образовались огромные шайки особого рода хунхузов»<sup>129</sup>. Таким образом, косвенное влияние харачинских князей распространялось и на соседние территории.

Выступив против своего отца Вандут Намжила (годы правления — 1868–1898), Гунсээнноров вскоре сменил своего предшественника Сурэн Намжила на посту главы Чжосотуского сейма.

Он был женат несколько раз, имел двух дочерей. Князь вошел в историю как видный политический и общественный деятель Внутренней Монголии и Китайской Республики<sup>130</sup>, историк, писатель, ценитель живописи, поэт и просветитель. Считался умеренным и прогрессивным для своего времени деятелем и реформатором, который в силу сложившихся политических обстоятельств и общественно-родовой конъюнктуры был вынужден лавировать между сохраняющими влияние консервативно настроенными политическими кругами и формирующимся слоем молодых радикалов<sup>131</sup>.

Ряд источников характеризует его как активного общественно-го деятеля и просветителя, устоявшегося консерватора, который продолжал придерживаться позиции защиты коренных прав и интересов аристократии и относился с недоверием к представителям молодой интеллигенции, претендовавшим на политическое лидерство<sup>132</sup>. Князь искал пути для активизации политического, экономического и культурного развития региона и населения и упорно трудился на благо этой цели.

Получив достойное образование, Гунсээнноров владел китайским и монгольским языками, в молодости изучал маньчжурский и тибетский языки, занимался поэзией и книгоиздательством. Посредством одного из браков состоял в родстве с правящей династией Асинь Гиеро — его супруга происходила в девятом поколении из рода принца Су, одного из братьев основателя династии Цин.

Широкую общественную деятельность Гунсээнноров начал в 1902 г., создав одну из первых во Внутренней Монголии общественных школ<sup>133</sup>, обучение в которой было бесплатным, имущественный или иной социальный ценз отсутствовали. Вместе со школой были открыты столовая и небольшая библиотека. Изначально школа предполагала двухгодичное обучение, позднее, при увеличении срока до 4 лет (соответственно 4 класса), было введено преподавание монгольского, китайского, японского и русского языков, арифметики, истории, географии, музыки, физической культуры, живописи и каллиграфии.

В 1903 г. в числе представителей маньчжурской знати князь в составе официальной делегации посетил Японию<sup>134</sup>, где побывал с другими приглашенными на Национальной промышленной

выставке в Осаке. В Японии он изучал местный язык и ознакомился с экономической, военной, образовательной политикой страны, политическими традициями государственного управления, встречался с представителями разных социальных кругов и был поражен реформами эпохи Мэйдзи.

По возвращении домой Гунсэньноров служил в качестве политического консультанта в одной из префектур<sup>135</sup>. Он продолжил развитие образовательных учреждений, в частности, по японскому образцу была создана военная школа для молодых людей, основная задача которой — подготовка кадров для укрепления границы и обеспечения обороноспособности государства, а для преподавания были приглашены японские военные эксперты.

28 декабря 1903 г. открыта школа для девушек, преподавали в которой тоже приглашенные японские учителя<sup>136</sup>. Для Китая той поры это была культурная революция. Люди, не привыкшие к подобным действиям со стороны власть имущих, не хотели отдавать своих детей на обучение, распространяли слухи о том, что князь собирает девочек для отправки их в рабство в Японию. К тому же пресса подливала масла в огонь, поэтому первый набор составил лишь 24 ученицы<sup>137</sup>. Для того чтобы повысить доверие к заведению, в нее пришлось поступить семерым родственницам князя, а также дочерям горничных и прочей челяди. Была даже придумана система сопровождения учениц, живущих далеко от школы.

Позже опасения развеялись, и количество обучающихся возросло до 60–80 чел.<sup>138</sup> В целях увеличения финансирования школы Гунсэньноров продал более 400 акров собственных земель, вложив средства в развитие образовательных учреждений, что дало свои плоды — к 1912 г. в них обучалось до 600 чел.

Наладив тесные контакты с японскими образовательными структурами, князь впервые стал практиковать систему обмена обучающимися, направляя юношей и девушек для получения новых знаний в Японию. Также приобщал молодежь к обучению европейским языкам, в том числе русскому, отправляя за границу для изучения издательского, газетного и горнодобывающего дела.

Учебные заведения Гунсээннорова славились высоким качеством подготовки, в разные годы их оканчивали видные политические деятели Внутренней Монголии и Китая. Среди наиболее известных выпускников достаточно вспомнить Цырендонрова, который, будучи активным сторонником и деятельным участником партии Гоминьдан, позже изменил свои политические взгляды и совместно с Мэрсэ в 1925 г. стал одним из основателей Народной революционной партии Внутренней Монголии, а в 1934 г. — членом Политического совета Монгольской автономии<sup>139</sup>.

Еще одним выдающимся выпускником был Алтан Очир, политик и государственный деятель Внутренней Монголии и правительства Мэнцзяна, член НРПВМ<sup>140</sup>, министр по делам связи и коммуникаций правительства Мэнцзяна (1939). Алтан Очир известен и как первый руководитель Монгольского культурного центра в Хух-Хото, а также как ректор монгольской Академии наук<sup>141</sup>. Он немного не дожил до окончательного утверждения власти коммунистов в 1949 г.<sup>142</sup> и скончался в день начала работы съезда, провозгласившего создание Алашаньской Республики.

Другое направление деятельности Гунсээннорова связано с развитием сельского хозяйства, животноводства и промышленности, заботой об улучшении и совершенствовании коммерческих операций. Так, в 1904 г. запущен завод по производству шелка, тканей, мыла, воска и свечей, ковров, краски и извести. При участии китайского правительства и российских банков был получен крупный кредит на создание компании «Сани Мэтисон» — перспективного предприятия по реализации производимой продукции, связи которого тянулись в Пекин, Тяньцзинь и другие крупные центры производства и торговли. Были организованы предприятия по производству и реализации шелка и туговой древесины.

Кроме того, по инициативе князя создана первая библиотека Внутренней Монголии, появились почта и телеграф, журнал, а в 1905 г. — первая регулярная газета, которая публиковала новости Китая и других стран, а также информацию о достижениях науки и техники.



Успехи Гунсэньнорова и эффективность его трудов не оставались незамеченными — он получал награды, а в 1910 г. занял пост члена Политического консультативного совета, созданного при пекинском правительстве. Наблюдая за упадком местной аристократии, князь вынашивал мысли об усовершенствовании государственной политики и укреплении границы.

После Синьхайской революции Гунсэньноров предпринял несколько попыток спасти монархию и династию Цин, для чего им 24 декабря 1911 г. был организован Союз монгольских дворян, выказывавших верность трону и направивших 26 декабря письмо Юань Шикаю с просьбой о принятии срочных мер по наведению в стране порядка, одновременно указывалось на недопустимость произвола со стороны цинских властей и необходимость в новых условиях предоставить Внутренней Монголии более широкие права для самоуправления и автономии<sup>143</sup>.

В ходе революционных событий января 1912 г. роль Гунсэньнорова как представителя довольно внушительного слоя монгольской аристократии возросла. Новый глава китайского государства Сунь Ятсен вынужден был провести телефонную консультацию с князем 28 января<sup>144</sup>, обсудив планы и перспективы республиканской формы правления, безнадёжность маньчжурского режима, что свидетельствует и о высоком положении князя, и о том, что Сунь Ятсену это было хорошо известно.

После провозглашения независимости Внешней Монголии Внутренняя тоже стала искать пути обретения самостоятельности. Тот факт, что Халха опиралась на Россию, был известен монгольским князьям, и они надеялись на помощь с ее стороны и для себя. Однако от российских представителей был получен уклончивый ответ, который подразумевал невмешательство в дела Внутренней Монголии в силу того, что согласно договору 1907 г. эта территория входила в сферу влияния Японии, к которой Гунсэньноров и обратился за помощью и финансовой поддержкой<sup>145</sup>.

Вслед за этим в середине апреля 1912 г. князь сделал попытку провозглашения независимости и присоединения к Внешней Монголии, но не получил широкой поддержки со стороны местной аристократии. В середине июня Япония направляет обещанную партию оружия, однако китайские войска, своевременно из-

вещенные об этом, перехватили груз<sup>146</sup>. Таким образом, попытка приобретения оружия у японских офицеров, находящихся в то время в Пекине, провалилась, поставщики оружия были перехвачены и частью арестованы<sup>147</sup>, частью убиты, при этом сам князь избежал ареста. В итоге он вынужден был принять сторону республиканцев и в дальнейшем отстаивал идеи национальной целостности страны, выступал против этнического сепаратизма, что свидетельствует о высокой степени патриотизма и национального единства.

В это время во Внутренней Монголии формируется группа аристократов, которые, как и князь, принимают сторону Сунь Ятсена и одновременно провозглашают необходимость отстранения маньчжурской династии от власти. Ситуация в Пекине, равно как и по всей стране, продолжала оставаться нестабильной. Многие князья Внутренней Монголии всерьез рассматривали возможность присоединения к Внешней Монголии, а некоторые из них стали предпринимать к этому определенные действия — вступать в тайные переговоры, закупать оружие и т.д. Звучат лозунги о независимости, однако они не находят поддержки ни среди населения, ни среди князей. Впоследствии правительство Китайской Республики подчеркивало важность и значимость монголов в деле укрепления национального единства.

Сам князь сделал несколько попыток сформировать союз с духовным и политическим лидером халха-монголов, главой теократической Внешней Монголии Богдо-гэгэном VIII в начальный период завоевания ею независимости. Им вынашивались планы возрождения Великого монгольского государства через отделение от Китая Внутренней Монголии и присоединение к ней Внешней. Однако политическая реальность, хаос, раздробленность и разобщенность значительной части населения монгольских хошунов не позволили им воплотиться в жизнь.

В итоге Гунсэньноров был вынужден ограничиться лишь территорией части Внутренней Монголии, в пределах которой он попытался усилить свою власть и влияние посредством объединения местной монгольской знати.

Юань Шикай, имеющий богатый политический опыт, пытается стабилизировать ситуацию, предпринял ряд мер к недопущению

нию отделения монголов от Китайского государства. Так, в июле 1912 г. создана Правительственная комиссия (изначально — бюро) по делам Монголии и Тибета, главой которой вскоре и было предложено стать Гунсээннорову. Князь после провала операции с японским оружием был приглашен на переговоры в Пекин и 9 сентября официально возглавил комиссию<sup>148</sup>. С этого времени начинается активная деятельность Гунсээннорова по стабилизации ситуации в регионе. Комиссия под его началом, являясь формально китайским правительственным учреждением, становится действенным инструментом влияния на китайскую политику со стороны наиболее конструктивных монгольских представителей. На него же была возложена функция создания в Пекине монгольских и тибетских учебных заведений, в задачу которых входило бы формирование кадров для реализации внутренней политики правительства в этом направлении<sup>149</sup>. Необходимость таких действий была вызвана тем, что в период с 1912 по 1928 г. политическая ситуация в Китае остается крайне нестабильной. Причиной тому частая смена режимов, конфликты, в том числе в приграничных районах, заявления о независимости Монголии, Тибета, Синьцзяна, где традиционно проживали этнические меньшинства<sup>150</sup>.

Комиссия по делам Монголии и Тибета входила в состав Исполнительного Юаня и, соответственно, сама была органом исполнительной власти, по статусу и полномочиям схожим с профильным министерством, и отвечала за реализацию государственной политики в отношении данных территорий. Во время маньчжурского господства они управлялись китайскими наместниками (амбанями) посредством Палаты внешних сношений. После Синьхайской революции по инициативе Министерства внутренних дел в апреле 1912 г. был поставлен вопрос о формировании профильного ведомства в структуре канцелярии президента. На фоне событий, происходящих в Халхе, Барге и Тибете, это было особенно актуально.

25 марта 1912 г. правительство Китайской Республики обнародовало призыв к народам Монголии и Тибета, который побуждал их следовать старым обычаям и предпринять действия по умиротворению ситуации. 13 апреля 1912 г. опубликован призыв

к национальному единению, обращенный к ханьцам, маньчжурам, монголам, хуэйцам и тибетцам. Монголия и Тибет теряли свой особый статус, а их положение отныне уравнивалось с другими провинциями в составе Китая, за исключением некоторых позиций, предусмотренных новой Конституцией.

Поскольку Лифаньюань служила своеобразным символом уходящей эпохи, возникла необходимость в создании новой структуры — временного Бюро по делам Монголии и Тибета. В итоге еще 7 марта Юань Шикай распорядился об этом, дав соответствующее поручение Министерству внутренних дел, к которому после упразднения Лифаньюань должны были перейти его полномочия. Руководителем бюро был назначен Рон Сюнь, упомянутый выше будущий китайский представитель на Втором съезде восточномонгольских князей в октябре 1913 г. Рон Сюнь к тому времени успел побывать в должности заместителя руководителя Лифаньюань<sup>151</sup>.

10 апреля 1912 г. Юань Шикай назначил Чжана Юаньци исполняющим обязанности министра внутренних дел, он проделал основной объем работы по созданию новой структуры и установлению новой политики в отношении Монголии и Тибета. Вслед за этим 22 апреля 1912 г. был подписан указ о передаче Министерству внутренних дел функций по управлению этими вопросами. Выбранный подход был основан на равенстве статусов Монголии, Тибета и Синьцзяна во внутренних делах. И поскольку вопросы, возникающие в сфере управления этими территориями, зачастую были рассредоточены между различными ведомствами, отныне предлагалось монгольско-тибетские дела разрешать силами новой временной структуры, тогда как вопросы в отношении мусульманских народов сохранялись в ведении непосредственно министра внутренних дел.

В мае 1912 г. приказом министра внутренних дел в связи с увеличением у ведомства объема полномочий при министерстве создается Управление по делам Монголии и Тибета. Министр поставил перед парламентом вопрос о введении должности еще одного своего заместителя и увеличении объема финансирования.

12 июня 1912 г. соответствующий проект закона был направлен в парламент для рассмотрения, однако парламентарии не

только не поддержали эту инициативу, но и предложили ускорить процесс создания самостоятельного бюро, подчиненного непосредственно премьер-министру, что и было закреплено в статье 1 Положения о бюро. Законопроект был одобрен парламентом и подписан Юань Шикаем. К 24 июля 1912 г. правительством завершены работы по созданию Бюро по делам Монголии и Тибета, а 25 июля утверждено Положение об этом ведомстве.

29 июля 1912 г. Юань Шикай назначил заместителем председателя Бюро по делам Монголии и Тибета и временно исполняющим обязанности председателя Яо Сигуана, который официально вступил в должность 5 августа 1912 г. В тот же день Министерство внутренних дел опубликовало уведомление о том, что оно передает новому бюро соответствующие полномочия.

19 августа 1912 г. правительство Китайской Республики обнародовало Правила взаимоотношений с Монголией, в соответствии с положениями которых Монголия больше не рассматривалась как вассальная территория<sup>152</sup>, сохранялась первоначально установленная юрисдикция монгольских князей, наследование титулов от отца к старшему сыну и т.д. Однако на деле был запущен процесс выстраивания жесткой вертикали, результатом которого в 1914 г. стало создание особого района Жэхэ с подчинением его руководству 7 хошунов Чжосотуского сейма и 12 хошунов Чжоудаского сейма; под контроль особого района Чахар переходили 8 хошунов и 4 пастбища, а также 10 хошунов Шилин-Гольского сейма; под контроль особого района Суйюань переходили Улан-Цабский и Чжоудаский сеймы; под контролем руководства провинции Хэйлуцзян оказывались 10 хошунов Чжеримского сейма, а провинции Фэнтянь — 6 хорчинских хошунов. Алашаньские и Эдзин-Гольские хошуны переходили под непосредственный контроль бюро, а на их территориях создавался особый район Нинся.

Эти меры и их вполне явственно прогнозируемые последствия для монголов и спровоцировали восстание князя Удая и его сподвижников 20 августа 1912 г., а также принятие Декларации независимости Восточной Монголии.

9 сентября 1912 г. Юань Шикай официально назначил Гунсэннорова председателем бюро, но принять должность тот сумел

только 16 октября. Рон Сюнь был назначен заместителем председателя<sup>153</sup>. Почти одновременно с этим 28 октября 1912 г. он возглавил особый район Коубэй-дао. В 1914–1916 гг. Гунсэньноров занимал различные должности в краткосрочных кабинетах<sup>154</sup>, принимал участие в подписании Кяхтинского соглашения 1915 г. и выполнял некоторые другие дипломатические поручения в Халхе<sup>155</sup>.

18 ноября 1912 г. бюро переехало в бывшее здание Лифаньюань, и начался процесс комплектования кадрами. 4 мая 1914 г. оно было преобразовано в Комиссию по делам Монголии и Тибета со статусом, приравненным к статусу министерства и непосредственным подчинением президенту республики<sup>156</sup>. В таком виде этот государственный орган просуществовал до 1928 г.<sup>157</sup>, а после успешного Северного похода Чан Кайши в 1929 г. в соответствии с Органическим законом Китайской Республики был переведен в Нанкин.

В этот период авторитет Гунсэньнорова стал практически непререкаемым. За его расположение боролись влиятельные политические группировки, включая Гомиьндан. Сам Сунь Ятсен неоднократно встречался с князем и после ухода с поста президента<sup>158</sup>. Однако уверенно утверждать, были ли это переговоры о вступлении князя в Гомиьндан и закончились ли они успехом, мы не можем в связи с отсутствием исторических данных. В силу того, что имя Гунсэньнорова крайне редко встречается в научной и учебной литературе, равно как и в архивных документах, можно сделать вывод, что ни в деятельности партии Гомиьндан, ни в политических перипетиях правительства Юань Шикая активного участия князь не принимал, по-видимому, отдавая все силы работе в Комиссии по делам Монголии и Тибета, что в значительной степени влияло на стабилизацию ситуации в монгольском регионе.

В 1913 г. князь создает в Пекине монгольско-тибетскую специализированную школу, которая не так давно отпраздновала свой 100-летний юбилей. За время своего существования она не только оказала серьезное влияние на образование выходцев из этих регионов, но и внесла существенный вклад в изучение и сохранение культуры Монголии и Тибета<sup>159</sup>. Выпускники школы прославились как выдающиеся поэты, политические деятели, ре-

волюционеры. Создание этого многонационального образовательного учреждения стало воплощением идей Сунь Ятсена о господстве пяти национальностей, он же впервые заговорил о необходимости введения всеобщего современного и качественного образования не только для ханьцев, но и для представителей национальных меньшинств, об обеспечении их доступа к системе средних и высших учебных заведений.

Имея высокий статус, князь Гунсээноров как глава профильного ведомства вынужден был участвовать в решении многих проблем, в том числе касающихся Панчен-ламы IX.

С апреля по август 1922 г. обязанности руководителя комиссии взял на себя Си Янь, представитель древнего маньчжурского рода, занимавший в последнем (имперском) правительстве Юань Шикая должность заместителя министра сельского хозяйства, промышленности и торговли, а с 1914 по 1916 г. — должность заместителя председателя Комиссии по делам Монголии и Тибета<sup>160</sup>.

С августа 1922 г. по февраль 1923 г. на посту главы комиссии находился 9-й алашаньский князь (1910–1931) Даван Булицзляй (1870–1931), известный как Да-ван, активно занимавшийся культурно-просветительской деятельностью и развитием торговли и промышленности в регионе. Его старший сын Дали Чжая станет в 1949 г. сначала вице-президентом, а затем и президентом Алашаньской Республики. Младший сын Дамулин Ванчук (1916–1986) до войны имел в Пекине свой бизнес, а в 1949 г. отправился на Тайвань, где занимал ряд высоких постов в исполнительной и законодательной власти.

В феврале 1923 г. Гунсээноров вернулся на пост главы комиссии и занимал его вплоть до вступления гоминьдановских войск в Пекин в июне 1928 г.

11 июля 1928 г. новое национальное правительство преобразовало комиссию в комитет под юрисдикцией Исполнительного Юаня и перевело его резиденцию в Нанкин. 27 декабря 1928 г. князь формально подал в отставку и получил ее. Комитет возглавил шаньсийский лидер Ян Сишань<sup>161</sup>, которому в свою очередь наследовали девять преемников, — до бегства на о. Тайвань, когда ведомство снова было переименовано в Комиссию по делам

Монголии и Тибета, которую упразднили в сентябре 2017 г. Таким образом, Гунсэнноров стал крупным политическим деятелем, единственным монголом в правительстве Юань Шикая, оставаясь в качестве такового на протяжении последующих 17 лет, хотя смута, политические баталии и военные перевороты не позволяли ему в полной мере реализовать собственные планы.

### *Японская политика в регионе*

Важным фактором развития государственности Внутренней Монголии были японские и российские / советские интересы в регионе, в соответствии с которыми строились взаимоотношения этих стран. Подтверждением этому могут служить слова полковника Н.Г. Володченко, начальника Штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи — структуры, которая обеспечивала безопасность наших границ на Дальнем Востоке и обязательно документировала полученные в связи с этим сведения: «После Русско-японской войны монгольский вопрос стал в значительной степени занимать Японию, и пресса все более и более обращает внимание на то, чтоб развить интерес к Монголии в обществе. В августовском выпуске экономического журнала “Тан-хан-во” за 1907 г. появилась характерная статья по этому поводу под весьма многозначимым заголовком “Места настоящей и будущей конкуренции России и Японии”»<sup>162</sup>. Приводимые Н.Г. Володченко многочисленные цитаты о стратегических интересах Японии завершались выделенной фразой: «А потому на Японии лежит обязанность управления и заведывания Монголией»<sup>163</sup>. Таким образом, монгольский вопрос переходил из области сохранения и обеспечения китайского суверенитета над его территорией в плоскость международных отношений.

Осознавая это, прогрессивная часть монгольской политической элиты во главе с Гунсэнноровом предпринимает соответствующие шаги. В конце января 1912 г. судьба династии Цин была решена. Князь активизировал контакты с японской стороной для получения помощи и займа, в результате чего 29 января подписано тайное соглашение о выделении 200 тыс. иен несколькими траншами, поставках оружия и привлечении япон-



ских военных специалистов в качестве консультантов в ходе дальнейших действий. Первый транш должен был составить 90 тыс. иен, следующий — на сумму 80 тыс. иен, обеспечивался оружием<sup>164</sup>.

Следует сделать несколько замечаний относительно японского присутствия в регионе, которое в период Синьхайской революции приобретало угрожающий характер. А.Я. Канторович писал: «В Южной Маньчжурии и на востоке Внутренней Монголии события 1911 г. явились важной вехой в развитии японской политики обособления этих районов от Китая и подчинения местных китайских властей исключительному японскому влиянию»<sup>165</sup>. Перед Японией стояли три задачи, в рамках которых были сформулированы стратегические направления на континенте — экономическое, военное и политическое.

Реализация экономического направления была начата в январе 1915 г., когда Япония, укрепив не только военные силы, но и экономические ресурсы, превратив Ляодунский полуостров в опорную точку, а Далянь / Дальний / Дайрен — в один из крупнейших торговых портов побережья<sup>166</sup>, предъявила Китаю так называемое 21 требование (далее — Требования). Последние, как писал А.Я. Канторович, «...в своем первоначальном виде... были разбиты на 5 групп»<sup>167</sup>, из них вторая и пятая напрямую касались Внутренней Монголии. Так, Япония требовала, во-первых, признания за собой исключительного права на предоставление займов для железнодорожного строительства в Южной Маньчжурии и Восточной Внутренней Монголии (или под обеспечение налогов, собираемых в этих районах); во-вторых, настаивала на признании преимущественного права направлять политических, финансовых и военных советников в Южную Маньчжурию и Восточную Внутреннюю Монголию<sup>168</sup>.

Полный текст первоначальных требований, а также их последующих вариаций в работе «Борьба за республику в Китае» приводил один из авторитетных корреспондентов Бертрам Ленокс Симпсон, работавший в «Дейли Телеграф» («Daily Telegraph») и «Пекин Лидэр» («Peking Leader») и выступавший под псевдонимом BL Putnam Weale. Так, требования относительно Внутренней Монголии звучали следующим образом.

«Статья 2. Японские подданные в Южной Маньчжурии и Восточной Внутренней Монголии имеют право сдавать в аренду или владеть землей, необходимой для возведения необходимых зданий для торговли и производства или для сельского хозяйства.

Статья 3. Японские подданные могут свободно проживать и путешествовать по югу Маньчжурии и Восточной Внутренней Монголии и заниматься бизнесом и любым производством.

Статья 4. Правительство Китая соглашается предоставить японцам приоритетное право на учреждение шахт в Южной Маньчжурии и Восточной Внутренней Монголии. Что касается их эксплуатации, то ее порядок должен разрешаться совместно.

Статья 5. Правительство Китая соглашается с тем, что в отношении (двух) нижеприведенных случаев требуется одобрение правительства Японии на следующие решения и действия:

А) Всякий раз, когда предполагается предоставление представителю третьей державы разрешения на строительство железной дороги или предоставление ссуды для третьей державы на цели строительства железной дороги в Южной Маньчжурии и Восточной Внутренней Монголии.

Б) Всякий раз, когда заем предоставляется третьей державе, обещающей в качестве меры его обеспечения установление местных налогов в Южной Маньчжурии и Восточной Внутренней Монголии.

Статья 6. Правительство Китая соглашается с тем, что если правительство Китая устанавливает должности политических, финансовых или военных советников или инструкторов в Южной Маньчжурии или Восточной Внутренней Монголии, то оно должно предварительно осуществить консультации по этому вопросу с правительством Японии.

Статья 7. Правительство Китая соглашается с тем, что контроль и управление железной дорогой Гиричун — Чанчунь должно быть передано правительству Японии на срок 99 лет с момента подписания настоящего Соглашения»<sup>169</sup>.

Отношение к этому западных держав оказалось сдержанным. Так, Государственным департаментом США 13 марта 1915 г. была выпущена нота, в которой говорилось: «Соединенные Штаты всецело признают, что территориальное соседство создает

особые отношения между Японией и этими [китайскими] районами» (Шаньдун, Южная Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия)<sup>170</sup>.

Позиция Японии сводилась к следующему: «По самой природе своей районы Южной Маньчжурии и Восточной Внутренней Монголии, которые граничат с Кореей, находятся в тесных и особенных отношениях с Японией с точки зрения ее национальной защиты и экономического существования. Предприятия, создаваемые в этих районах, связаны поэтому с вопросами, жизненно важными для безопасности нашей страны. Вот почему Япония имеет особый интерес в этих районах и особые специально оговоренные права» (Меморандум японского посольства в Вашингтоне от 2 марта 1920 г.)<sup>171</sup>.

Б. Ленокс Симпсон пишет о том, что наличие в Требованиях отдельной специальной преамбулы, которая касалась не только Южной Маньчжурии, но и Восточной Внутренней Монголии, было выдающимся политическим ходом, поскольку продемонстрировало многовариантный план Японии, который мог быть разыгран при непредсказуемых действиях в Шаньдуне<sup>172</sup>. Сформулированные в сугубо английской манере, они как будто подталкивали каждого, кто с ними знакомился, к мысли о том, что Япония требует только того, на что имеет право. Однако на деле ситуация представлялась несколько иной, поскольку в один ряд с Южной Маньчжурией как зоной своих интересов японская сторона помещала и Восточную Внутреннюю Монголию, хотя, по мнению Б. Ленокса Симпсона, две эти территории не имели ничего общего.

Следует оговориться, что Япония имела достаточные основания для подобного шага в силу наличия секретных соглашений между Россией и Японией по итогам Русско-японской войны, которые стали доступны широкому кругу ученых после Октябрьского переворота и, безусловно, на тот момент не были известны британскому корреспонденту. Определяющей здесь стала секретная часть Русско-японской конвенции от 13 февраля 1907 г., в которой стороны провозгласили намерение устранить все причины трений или недоразумения в отношении Маньчжурии, Кореи и Монголии, договорились о ключевом разделении

сфер интересов и влияния, что предопределило судьбу региона на последующие 40 лет.

Была установлена демаркационная линия между Северной и Южной Маньчжурией, она начиналась в северо-западной точке русско-корейской границы, шла через современный Хуньчунь и крайний северный пункт оз. Биртэн на Сюшуйган, откуда проходила по р. Сунгари до устья р. Наньцзянь (не путать с современным уездом в провинции Юннань) и, поднимаясь вверх по течению до устья р. Толахо, следовала по течению вверх до пересечения со 122-м меридианом к востоку от Гринвича<sup>173</sup>.

По обе стороны от этой линии Россия и Япония были свободны в получении железнодорожных и телеграфных концессии в Маньчжурии. Помимо этого, Япония признавала за Россией все права на КВЖД севернее обозначенной демаркационной линии, а также обязывалась не вмешиваться в ситуацию во Внешней Монголии, а Россия — в корейско-японские отношения, с гарантией предоставления российским консулам в Корее прав наиболее благоприятствуемой нации. 21 июня (4 июля) 1910 г. в развитие достигнутых договоренностей было заключено новое соглашение, которое в духе русско-японских традиций включало публичную и тайную части, подтверждающие разграничение сфер специальных интересов в Маньчжурии и признающие за каждой из сторон право принимать меры защиты своих интересов<sup>174</sup>.

В отношении Внутренней Монголии сферы влияния были поделены в рамках Русско-японской конвенции от 25 июня 1912 г., по условиям которой Внутренняя Монголия, так же как и Маньчжурия, делилась на восточную (японская сфера интересов) и западную (русская сфера интересов) части от пекинского меридиана 116° 27' восточной долготы. Границей служила условная линия, проходящая от точки пересечения р. Толахо и 122 меридиана к востоку от Гринвича по течению рек Улунчурх и Мушиш до водораздела рек Мушиш и Халдайтай, откуда она шла по границе провинции Хэйлуцзян Внутренней Монголии до крайнего пункта границы между Внутренней и Внешней Монголией<sup>175</sup>.

Уже после выдвижения Требований, 20 июня (3 июля) 1916 г., был заключен Русско-японский союзный договор, которым на

стороны налагались следующие обязательства: воздержаться от участия в соглашениях или альянсах, направленных против другой стороны; принять меры поддержки для охраны и защиты оговоренных прав и интересов (публичная часть), включая военную / вооруженную помощь (секретная часть). Срок действия договора определялся до 21 июля 1921 г.<sup>176</sup> С одной стороны, он позволил распространить русское влияние на Внешнюю Монголию и обеспечить ей фактическую независимость, с другой — укрепить позиции России в тех оформившихся регионах присутствия, где уже имелись русские концессии.

Поэтому положение о приравнивании в тексте Требований Внутренней Монголии к Южной Маньчжурии было объективно допустимым и понятным для японской, российской и китайской сторон, но неясным для британской, называвшей эту часть бывшей империи Цин «Фландрией Дальнего Востока» и прогнозовавшей неизбежную войну, которая разрушит Китай или сделает его чем-то вроде нации, постоянно находящейся в состоянии войны. В 1907 г. сфера интересов Японии в Маньчжурии была безоговорочно признана Францией (в обмен на взаимное признание Японией сферы французских интересов в Азии) и Соединенными Штатами в соглашении Рут-Такахира 1908 г.

26 апреля 1915 г. японской стороной представлены пересмотренные Требования (их текст приводит в своей работе Б. Ленокс Симпсон, указывая, что это китайский перевод японского текста). Так, на первый план вышли двусторонние экономические отношения в Южной Маньчжурии и Восточной Внутренней Монголии<sup>177</sup>. Во-первых, сохранилось положение о том, что правительство Китая при получении иностранных кредитов под залог налогов Восточной Внутренней Монголии должно сначала согласовать данный шаг с правительством Японии.

Во-вторых, правительство Китая обязуется самостоятельно изыскивать средства на строительство железных дорог в Восточной Внутренней Монголии, а если для этого потребуется иностранный капитал, то необходимо согласование с японским правительством.

В-третьих, китайская сторона должна определить места в Восточной Внутренней Монголии в качестве коммерческих пунктов

и пунктов торговли для размещения иностранных компаний при согласовании с японскими представителями. И в-четвертых, при организации совместных сельскохозяйственных и сопутствующих им предприятий требуется совместное правительственное соглашение<sup>178</sup>. Первым шагом к реализации достигнутых договоренностей должно было стать согласие китайской стороны на открытие коммерческих рынков для внешней торговли<sup>179</sup>.

В итоге Китай согласовал три последних пункта<sup>180</sup>, а относительно первого в соответствующей дипломатической ноте на имя министра иностранных дел Японии пояснил, что на территории Восточной Внутренней Монголии у правительства пока нет намерения устанавливать какие-либо налоги в качестве обеспечения для привлечения внешнего займа, кроме таможенных сборов и сборов на соляные доходы; правительство Китая готово само предоставить средства на строительство железных дорог в части Восточной Внутренней Монголии и поставить их под юрисдикцию ЮМЖД. В случае если потребуется привлечение иностранного капитала, Китай готов вести переговоры с японскими предпринимателями при условии, что это не будет противоречить уже заключенным соглашениям с другими державами<sup>181</sup>.

В ответной ноте от 7 мая 1915 г. японская сторона допускала замену фразы «консультации с правительством Японии» на фразу «консультации с японскими предпринимателями», а положение об открытии рынков в Восточной Внутренней Монголии должно было регулироваться по аналогии с подобными же мерами в Шаньдуне и стать предметом обмена отдельными нотами<sup>182</sup>.

Реализация военного направления означала возможность создания военного альянса, цель которого — поддержание мира на Дальнем Востоке, защита границы от внешних угроз, а в отношении Китая — и от внутренних распрей. В связи с этим Япония стала добиваться права направления своей армии для оказания помощи, принятия на себя ответственности за охрану территории Китая и поддержание мира и порядка в стране, а также признания за Японией привилегированного положения в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии в вопросе расширения ее

военного присутствия<sup>183</sup>, что означало бы значительное ограничение китайского суверенитета.

Ситуация была вызвана тем, что Россия постепенно выходила из состояния кризиса, вызванного революционными событиями. Поэтому Япония была заинтересована в сохранении баланса сил и готова обеспечить признание интересов России в Северной Маньчжурии и Внешней Монголии, чтобы сохранить статус-кво в регионе и обеспечить мир на Дальнем Востоке. Россия же, казалось, пересмотрела свое негативное отношение к Японии, что не могло не внушать оптимизм японским политическим лидерам<sup>184</sup>. Однако японские милитаристы уже тогда рассматривали Южную Маньчжурию и Внутреннюю Монголию как плацдарм для тех или иных маневров. Поэтому необходимо было сосредоточить усилия на ослаблении влияния России в стратегически важной полосе отчуждения КВЖД к югу от р. Сунгари, служившей своеобразной разделительной линией между русской и японской сферами в Маньчжурии.

Наконец, политическое направление, согласно Требованиям, предполагало контроль над ситуацией в регионе, который мог быть обеспечен за счет внешних механизмов, в числе которых первостепенным должен стать механизм выдвижения требований японской стороной и их исполнение китайской, без формального нарушения китайского суверенитета, применения военной силы или даже угрозы ее применения. Для этой цели запущен процесс создания разведывательных отрядов, которые, помимо шпионской деятельности, формировали группировки с монгольскими бандами для противодействия на этой территории официальным китайским властям<sup>185</sup>.

Настала очередь выдвижения требований, частью легко выполнимых, частью выполнимых потенциально, но причиняющих ущерб имиджу китайской стороны, были и невыполнимые в принципе в связи с прямым или косвенным нарушением китайского суверенитета. Так, типичными стали требования:

а) направление официальных извинений от лица тех или иных должностных лиц (вплоть до губернаторов провинций и командующих китайскими армиями) или их отставка в случае противодействия;

б) привлечение к ответственности представителей офицерского корпуса — за участие в антияпонских выступлениях, младших чинов и гражданских — за антияпонскую агитацию;

в) предоставление гарантий с китайской стороны от любых действий по нарушению мира в отношении японских солдат или гражданских лиц;

г) возмещение расходов на ликвидацию последствий тех или иных действий, нарушающих японские интересы в регионе, равно как и компенсация ущерба, причиненного в результате удачного и неудачного покушения на жизнь японских граждан;

д) сокращение или ликвидация военного присутствия китайской стороны в регионах преимущественных японских интересов;

е) соблюдение интересов японских советников (консультантов) в китайских органах власти.

Таким образом, Япония стремилась использовать данные механизмы для получения новых прав и привилегий в Южной Маньчжурии и Восточной Внутренней Монголии<sup>186</sup>, что и было в итоге обеспечено. Была гарантирована аренда Ляодунского полуострова, закреплены права Японии на железнодорожное строительство, вся Южная Маньчжурия была открыта для проживания японским подданным с возможностью ведения торговли, производства и добычи полезных ископаемых. Японские предприниматели получали право преимущества при заключении сделок и контрактов, а японские чиновники — возможность трудоустройства в китайские органы государственной власти<sup>187</sup>. Однако случившееся рассматривалось и как явное дипломатическое поражение китайского руководства, чем не могли не воспользоваться народы, живущие по окраинам бывшей империи Цин, а также западные державы, увидевшие возможность расширить сферы своего влияния<sup>188</sup>.

В то же время бизнес и общественные структуры, напрямую не аффилированные с японским правительством, встали на путь использования так называемой мягкой силы в попытках организовать отделение Маньчжурии от Китая и создать собственное независимое государство, активно спекулируя на антикитайских настроениях маньчжурских и монгольских элит и противодействуя попыткам Юань Шикая возродить имперские институты.



На фоне возникшего в Южном Китае в декабре 1915 г. движения против восстановления монархии в марте 1916 г. правительство Японии приняло решение признать южные революционные силы воюющей стороной<sup>189</sup>, что позволило ему вступить с ними в прямое взаимодействие. В это же время в Северном Китае японские активисты предприняли попытку организовать секретные поставки оружия через представителей японской армии и создать маньчжуромонгольское государство во главе с Шаньцы, принцем Су, но в июне 1916 г. Юань Шикай умер. Дальнейшие события оказались для японской стороны благоприятными и без сепаратистских выступлений, в итоге вторая попытка образовать независимое государство для монголов региона закончилась безрезультатно.

Для Внутренней Монголии же наступило относительное политическое затишье, связанное с борьбой за власть, развернувшейся в среде лидеров китайских группировок, которые время от времени пытались привлечь на свою сторону и монгольскую элиту. Попытка восстановления на троне Сюаньтуна летом 1917 г., последовавшая затем вереница постоянных и временных президентов, премьер-министров и преобразование государственных органов прерывались с приходом к власти сильных, но недолговечных лидеров, пытавшихся внести определенную стабильность и в государственное управление, и в законодательство.

Конституция Китайской Республики, принятая 10 октября 1923 г., уже в 1924 г. была фактически отменена. Дуань Цижуй, на короткое время возглавивший страну, решил не вносить в нее изменения, а выработать новый проект, который должен быть утвержден созванным в ближайшее время Учредительным собранием. 3 мая 1925 г. было официально объявлено о начале работы комиссии, в состав которой вошли по одному представителю от военной и гражданской ветвей власти каждой из провинций, а также по два представителя от Внутренней и Внешней Монголии, Тибета и Цинхая — всего 70 чел. Вошел в нее и Гунсэнноров. 3 августа руководителем комиссии был назначен известный политик и государственный деятель Лин Чанмин. Комиссия завершила свою работу в декабре 1925 г.

Однако правительство выступило с официальным заявлением, что, поскольку Учредительное собрание в ближайшее время

быть создано не может, принятие новой Конституции откладывается<sup>190</sup>. В результате страна жила без основного закона до 1931 г., регулируя наиболее важные государственные вопросы органическими законами. Гунсэньноров в работе Комиссии по разработке Конституции 1931 г. участия уже не принимал — покинув высокий пост, он отошел от государственных дел и умер 13 января 1931 г.

К этому времени сложилась ситуация, которая предполагала радикальное вмешательство Японии, и оно произошло в 1927 г., когда японское правительство заявило о своей решимости не допустить перенесения гражданской войны из собственно континентального (или Внутреннего) Китая в Маньчжурию. Это развеяло иллюзии даже у самых больших оптимистов в отношении японских интересов в регионе. А.Я. Канторович говорил о присвоенном Японией праве интервенции и провозглашении фактического протектората над Маньчжурией, приводя слова Г. Танака: «Мир и порядок в Маньчжурии и Монголии имеют жизненное значение для национального существования и национальной обороны Японии... и японское правительство поэтому считает себя ответственным за поддержание мира порядка в этих районах»<sup>191</sup>. Ситуацию усугубляла позиция Китая, уверенного в американской и британской поддержке. Как покажет время, именно эта уверенность и привела к череде самонадеянных ошибочных решений сначала пекинского, а затем и нанкинского руководства, вылившихся в крупномасштабные военные действия, захватившие и Внутреннюю Монголию.

### *Народно-революционная партия Внутренней Монголии*

Народно-революционная партия Внутренней Монголии являлась еще одним фактором, влияющим на политическое и государственное развитие Внутренней Монголии. Вдохновляющие события в России не могли не отразиться на соседних государствах и их национальных окраинах. Для Внутренней Монголии в рассматриваемый нами период одним из таковых факторов был подъем левых настроений, тем более что советская сторона принимала в этом активное участие. Политические события конца

1924 — начала 1925 г., когда китайские политические лидеры (Сунь Ятсен, Фэн Юйсян и др.) предпринимали попытки консолидации страны, способствовали тому, что наиболее активные и просвещенные молодые монголы стремились участвовать в политической жизни если не всей страны, то своего региона. Мэрсэ (Го Даофу) выступил с инициативой создания Исполнительного комитета Монгольской партии Китайской Республики в количестве 7 чел., председателем которого было предложено избрать Цэрэн Донрова (Бай Юньти / Баянти).

13 января 1925 г. состоялось собрание представителей хошунов и аймаков Внутренней Монголии (известное как подготовительное собрание к Народному съезду Внутренней Монголии), в котором приняли участие более 50 чел. Был утвержден Манифест съезда и определена дата его проведения (1–16 марта 1925 г.), а также принято решение по итогам его работы направить воззвание князьям Внутренней Монголии в попытке консолидировать все политические силы страны<sup>192</sup>. Однако 12 марта 1925 г. в Пекине умер Сунь Ятсен, из-за чего съезд не состоялся. Тем не менее активность монгольской молодежи подтолкнула руководство Коминтерна и Коммунистической партии Китая к идее учреждения Народно-революционной партии, что и было воплощено в жизнь 13 октября 1925 г. в Чжанцзякоу, где состоялся I Съезд партии<sup>193</sup>. В его работе приняли участие более 100 делегатов из всех хошунов и сеймов Внутренней Монголии, а также представители Гоминьдана, Коммунистической партии Китая, Монгольской Народно-революционной партии (МНР) и др. Съезд утвердил название — Национально-революционная партия Внутренней Монголии, определил партийную платформу и утвердил Устав НРПВМ. Был избран Центральный исполнительный комитет в составе 14 постоянных членов и 7 кандидатов в члены ЦК и создано бюро в составе 7 постоянных членов ЦИК. Цэрэн Донров избран председателем ЦК, Мэрсэ — генеральным секретарем.

В качестве программных постулатов обозначены: завершение революции 1911 г., спасение народов Китая, достижение национального равенства, свободы и др. Причинами народных бедствий объявлялись империалистическая агрессия и поддержка

империалистами китайских военачальников, авторитарное правление, сговор монгольских князей с милитаристами, чиновниками и спекулянтами. Поэтому НРПВМ сосредоточивала свои усилия на создании союза угнетенных народов Монголии и Китая для завершения общего революционного дела.

Съездом была сформулирована позиция относительно права на самоопределение, заключающаяся в стремлении к самостоятельному решению своих дел и управлению ими, китайский народ должен устранить империализм, жадность и жестокость и обеспечить реальные гражданские права, а монголы во Внутренней Монголии — создать революционное правительство, отменить княжеские и ламские привилегии и титулы<sup>194</sup>, создать демократически избираемые органы власти в хошунах, решить вопрос относительно земли, отменить долги китайским купцам и иностранным бизнесменам, организовать национальные монгольские школы, установить бесплатное образование для бедных детей, обеспечить развитие здравоохранения, создать ветеринарные клиники для профилактики заболеваний скота, объявить свободу религиозных убеждений и запрет кабальных обязательств.

Из-за чрезмерной активности милитаристов в Маньчжурии и маньчжуро-монгольском приграничье усилия партийного руководства и актива оказались сосредоточены преимущественно на центральных и западных землях Внутренней Монголии. В августе 1926 г. руководство НРПВМ переезжает из Чжанцзякоу в Баотоу, в связи с чем деятельность партии концентрируется на Их-Чжуском сейме и в Улан-Цабе, где количество членов в 60 ячейках составляло более 6 тыс. чел.<sup>195</sup> В конце 1926 г. штаб-квартира переезжает в Иньчуань, административный центр Алашани.

Во время проведения II Съезда 10 августа 1927 г. в Улан-Баторе произошел партийный раскол, деятельность Цэрэн Донрова была раскритикована, он снят с поста председателя ЦК партии и заменен на Мэнгу Улзы. Мэрсэ освобожден от обязанностей генерального секретаря и заменен на Бай Юньлуна. Также был избран новый состав ЦК — управлять партийными делами стали представители боевых соединений, наподобие Шинэ-ламы. Съезд подтвердил национально-демократическую революционную программу с сохранением антиимпериалистической, антифеодальной

и антигоминьдановской политики и радикальный курс претворения в жизнь партийной программы, принял решение о переименовании партии с Национально-революционной на Народно-революционную и переезде штаб-квартиры партии в Улан-Батор.

Следует отметить, что к концу 1925 г. создается Народно-революционная армия партии в составе более 600 чел. во главе с Вандан Нимой<sup>196</sup>. К концу 1926 г. ее численность доходит до 2 тыс. чел., а в Их-Чжуском сейме формируется специальный отряд в количестве 700 чел. для борьбы с феодалами. Аналогичная ситуация назревала и в МНР, где «правым» вменяли в вину непринятие мер «...к ограничению экономического роста феодалов-теократов и новых буржуазно-капиталистических элементов»<sup>197</sup>.

Кроме того, решением Конференции НРПВМ, проходившей в сентябре 1927 г. в г. Улан-Батор, «...в целях борьбы за национальное освобождение трудящихся масс страны, организации автономного государства»<sup>198</sup> был создан Революционный союз молодежи, определены его задачи<sup>199</sup>, также были приняты Временная инструкция для работы местных организаций Ревсомола Внутренней Монголии<sup>200</sup>, регламентирующая деятельность на местах, агитплан<sup>201</sup> и план работы в хошунах<sup>202</sup>, а о принятых решениях проинформирован Коминтерн молодежи<sup>203</sup>.

Несмотря на изгнание Цэрэн Донрова, его тесные отношения с председателем ЦК МНРП Монгольской Народной Республики Ц.-О. Дамбадоржем не могли не остаться незамеченными руководством Коминтерна. В одном из донесений П.А. Мифа указывается: «В этом отношении симптоматичными являются измена Баянти и связь его с руководством МНРП»<sup>204</sup>. Интересен тот факт, что бывший лидер НРПВМ указывается «...руководителем Комитета по делам Монголии и Тибета при Нанкинском правительстве»<sup>205</sup>, тогда как формально председателем Комиссии при президенте республики до декабря 1928 г. оставался Гунсэнноров, а сменщиком его был Ян Сишань. Очевидно, здесь констатируется фактическое руководство этим органом, членом которого он стал в июне 1927 г.

П.А. Миф предлагает сформулировать решение ИККИ о взаимоотношениях с НРПВМ<sup>206</sup>, которые должны выйти на новый уровень в свете происходящих событий как во Внешней, так и во

Внутренней Монголии. Это произошло в сентябре 1928 г., когда Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) по монгольскому вопросу было предложено «...согласиться с необходимостью изменения форм связи между Коминтерном и Нарреволюционной Внутренней Монголии в смысле передачи работы по коминтерновской линии во Внутренней Монголии под руководством Кит. К. П.» (пункт «г») проекта постановления, утвержденный протоколом (номер закрыт) от 10 сентября 1928 г.)<sup>207</sup>. Решение о передаче работы китайским коммунистам, вызывавшим, очевидно, большее доверие советской стороны, чем монголы, было обусловлено и тем, что часть монгольского руководства, помимо уклона вправо, была «уличена» и в поисках перерождения Богдо-гэгэна VIII. Непосредственное отношение к этому процессу имел Н. Жадамба, один из руководителей МНРП<sup>208</sup>, председатель ЦК Монгольского революционного союза молодежи<sup>209</sup>. О поисках перерожденца докладывалось в секретной записке на имя заведующего отделом Дальнего Востока НКВД СССР Б.И. Козловского<sup>210</sup>. Кроме того, в записке раскрыта характеристика взаимоотношений между Ц.-О. Дамбадоржем и Н. Жадамбой<sup>211</sup>, а также планы японцев по его физическому устранению для создания «...определенных осложнений, чтобы иметь возможность снова выступить с лозунгом о перерождении Богдо-гэгэна или каким-либо другим реакционным политическим трюком»<sup>212</sup>. Опасность ситуации заключалась и в том, что она могла перекинуться на территорию Внутренней Монголии со всеми вытекающими последствиями, а процесс — выйти из-под контроля, в то время как Советскому Союзу конфликт с новым китайским правительством был не нужен. В своей телеграмме от 20 июня 1929 г. на имя Л.М. Карахана М.И. Амагаев сообщает о состоянии дел в отношении НРПВМ: «Согласовал план работы Нар. рев. партии Внутренней Монголии в духе полученных инструкций. КЦ выезжает на места для работы. [В] Урге остается представитель ЦК для связи. Партсъезд будет назначен в зависимости от хода работы на местах, время и место созыва по согласованию с Вами. Урга отпускает Нар. рев. партии Внутр. Монголии 6 тысяч рублей. Из Ордоса пришли пешком 3 представителя парторганизации Ушин-хошуна. Ордос охвачен голодом, идет кит[айская] колонизация, население защищается, за год было

больше 40 стычек. Просят оружие и боеприпасы. Разъяснили и отказали. Они намерены просить у внешних монгол...»<sup>213</sup>.

К тому времени, по данными китайских СМИ, НРПВМ среди крестьян и скотоводов насчитывает более 8 тыс. членов и около 5 тыс. среди прочего населения. В докладе секретаря ЦК НРПВМ т. Мэрсэ на имя Восточного отдела Коминтерна говорилось об организации 43 ячеек с численностью 6 тыс. партийцев<sup>214</sup>.

Потребность в оружии была очевидна — ситуация, охарактеризованная М.И. Амагаевым в телеграмме, разворачивалась на фоне выступлений, которые были организованы партактивом НРПВМ. Так, в апреле 1928 г. в Алашани вспыхивает восстание под руководством Дациннорова с целью свержения режима князя Даван Булицзялая, создаются политсовет и командование 2-м корпусом Национально-революционной армии, однако князь запросил помощи у Нанкина и, получив ее, подавил восстание. Дацинноров был арестован и казнен в 1932 г.

В июле 1928 г. Буян Гэрэл (Фу Минтай) и Мэрсэ, оставшийся в составе ЦК, подняли восстание в Хулун-Буире. Губернатор Хэйлунцзяна отправил войска на подавление выступления, но с помощью Чжан Сюэляна стороны договорились о его прекращении.

В августе 1928 г. под предводительством Энхбаяра организован мятеж в западных хошунах Улан-Цаба, но во время переброски войск к границе с МНР восстание провалилось.

В 1929 г. около 3 тыс. партизан предприняли попытку захвата Гуйсуя, а в Их-Чжуском сейме развернулось восстание под руководством Улзы Жаргала<sup>215</sup> и одновременно — выступление монголов хорчинского хошуна Дархан-вана под руководством Гада Мэрэна<sup>216</sup>.

По итогам секретного совещания, проведенного в Их-Чжуском сейме, принято решение о развертывании широкого национально-освободительного движения по всей Внутренней Монголии, однако из-за удаленности штаб-квартиры партии ее актив оказался разбросан по слабо контролируемой территории, фактически децентрализован и разобщен.

Вслед принятым на съезде кадровым решениям советская сторона подталкивает монголов к более жесткой политике: «На-

ряду с работой Нарревпартии МНР необходимо уделить серьезное внимание работе НРП Внутр. Монголии, в первую очередь оживить работу ЦК НРП Внутр. Монголии и направить ее по линии дискредитации в глазах массы ренегатов Мэрсэ, Баюнти и др. как наймитов китайской реакции и японских агентов»<sup>217</sup>.

Предпринимается попытка связать Бай Юньти с деятельностью буддийского иерарха монастыря Даши-лхумбо Банчен-Богдо (Панчен-лама IX<sup>218</sup>), а их, в свою очередь, с китайскими милитаристами и японскими агентами. Секретная записка П.А. Мифа № 08669 «Положение о Монголии» от 15 августа 1929 г. в пункте 1 указывает на стремление бывшего «правового» руководства МНР «установить связь с внешней реакцией (контрреволюционные элементы Внутр. Монголии, Банчен-Богдо, Гоминьдан и японский империализм)»<sup>219</sup>. В пункте 2 говорится о естественном оживлении «...в деятельности основной реакционной силы — ламства, которое усилило за последнее время агитацию против партии и правительства, и выдвинуло имя Банчен-Богдо как знамя теократическо-феодальной реставрации»<sup>220</sup>. В пункте 4 П.А. Миф констатирует: «Активность внешней реакции в монгольском вопросе за последнее время также чрезвычайно усилилась. И Нанкин, и Мукден всячески активизируют работу организованных ими специальных органов по установлению связи с МНР. Монголо-тибетский отдел Гоминьдана, обслуживаемый рядом ренегатов из НРП Внутр. Монголии (Баюнти и др.), сделал центром своей работы Калган, создает во Внутр. Монголии всякого рода съезды и пытается наладить связь с ургинской реакцией, оперируя жупелом “красного империализма”. Не отстают от него народный орган Мукдена, возглавляемый организатором прошлогоднего баргинского “путча” ренегатом же Мэрсэ. Оба эти центра, в конечном счете, ориентируются на ламство и чиновничество и связаны с Банчен-Богдо, нарочито придвинутым китайцами к самой границе с МНР.

Известную активность проявляют и японцы, агенты их имеются у Банчена, но главным образом они пытаются действовать через Баргу и путем организации своей группировки в самой Урге. Группа Орос-Гомбо, имевшая связи в партии, Ревсомоле



и армии, была связана с Японией, и недавно произошедшая ликвидация этой группы более чем своевременна»<sup>221</sup>.

Учитывая непростое положение, в котором оказалась партия, новым руководством предпринимаются меры по расширению деятельности и увеличению численности состава, что в итоге приводит к мысли опереться на дугуйланское движение аратов, которое с разной степенью интенсивности и успеха уже восьмое десятилетие протекало в южных хошунах. В архивах НРПВМ имеется ряд материалов о дугуйланском движении. Так, весьма подробное его описание дается в «Материалах об истории дугуйланского движения в Ордосе»:

«1. Движение дугийлан возникло в Ушанском хошуне при Шабагайн хурэ ... в 1858 г. (8 год царствования Сянь-фын). В дугийлане... участвовало около 300 чел. Движение длилось 3 м-ца. Причины, вызвавшие дугийланское движение, — феодальные налоги и поборы властей (князя). Китайские власти [поддержали] требования арат и... осудили действия князя. После этого народ разошелся.

2. Аналогичное движение было в хошуне Оток в 1886 г. из-за тяжести налогов и поборов... с восстанием дунган в 1886 г. В дугийлан собирались до 600 чел. [Люди] не расходились до 3-х м-цев. Покушались на князя своего хошуна... Движение было разгромлено. Власти запретили всякие собрания... Зачинщики Тунна и Данжаб были сосланы в Центральный Китай.

3. В 1892 г. (в 17 г. царствования Гуан-суй) в хошуне Ушан вновь собрался Дугийланский круг (но уже под названием “дурбалжа”, т.е. “четырёхугольный” [с заострением] “круга” со стороны властей. Причина — притеснения... торговцев, собиравших с арат бесконечные долги князя. В дурбалжане участвовали несколько сот человек. В результате добились уплаты части долга...

4. В 1895 г. в третий раз собрались дугийлан в хошуне Улан... Приняло участие около 600 чел. Присутствовали... Завоевал авторитет; все шли с жалобами... Причина — чрезмерная эксплуатация (барщина); женщин заставляли [пасти коров]... для него и пр. И невыносимые налоги, и повинности [в пользу] гэгэна. Руководили дугийланом араты [?] и Тумэн. Оба [выступали]

перед председателем сейма (чулган даргой) от имени дугийлана. [В итоге] председатель ордосского сейма признал действия князя неправильными, [запретил] работать для него жен[ам] арат и ограничил налог и подати... после этого дугийлан разошелся...»<sup>222</sup>.

Документы содержат перечисление событий, связанных с выступлением против оплаты князьями своих долгов китайским купцам родовыми землями в Ушане и Дзацане, мерами борьбы с ним, предпринимаемых хошунными и китайскими властями, а также с процессом централизации движения. Так, указывается, что «...в 1905 г. все 12 дугийланов ушанского хошуна объединились и организовали единый центральный орган “туб аха дугийлане олонхийн газар”... В этот центр. [орган / совет] входили представители от каждого дугийлана (ок. 100 чел.) и сменялись через каждый м-ц. В Центр. [органе / совете] руководили по очереди Ваин-сан (бедняк, грамотный), Нато (бедняк, неграмотный), Пунцук-шавран (средняк. грамотный по-тибетски и по-монгольски). Этот Центральный орган 12 дугийланов узурпировал у князя всю законодательную и исполнительную власть. Разграничены были функции местных дугийланов (12) и Центрального органа. Все доходы от различных пошлин и аренд шли в казну ЦО... 23 числа каждого м-ца все обучались стрельбе. Местные дугийланы были разбиты на десятки. Был введен институт писарей. Установлено опред. делопроизводство. Вели отчетность. Заполнялись протоколы. Бумаги... подписывались соответ. должностными лицами. Печати проставляли как остаток от княжеской власти. Все араты были освобождены от налогов... Князя наказывали закапыванием в песок или в снег...»<sup>223</sup>.

В том же году аналогичная система была установлена в хошуне Оток и далее — по всему Ордосу, она продержалась до 1908 г. В этом году умер Ваин-сан и наступил период хаоса, когда от относительно умеренной политики представители движения перешли к разгрому китайских поселений. В 1909 г. китайским войскам удалось частично подавить движение, частично переманить восставших на сторону князя — в Отоке лидер дугийланов назначен на должность захиракчи.

Однако в декабре 1911 г. движение разгорелось с новой силой. Центром вновь стал Ушан во главе с мелким ламой, спло-

тившим группу в составе 269 чел. Принимаются клятва<sup>224</sup> и знамя «...треугольной формы белого цвета... наверху мифическая хищная птица “гароди”; под ней зеленая лошадь; под лошадью нарисован лев; правее гароди расположено изображение дракона; под драконом “барс” (тигр). “Гароди” — воплощение бога, уничтожающего нечистых тварей воды; держит в руке [?]... “Зеленая лошадь”, по тибетской мифологии, обегает землю три раза в день (скорость); она же возит солнце на колеснице. Лев включен сюда как царь хищных зверей. Дракон — дополняет [?] силы вселенной. “Барс” включен как царь хищных когтистых зверей. Итак, знамя “воплощает” сумму всего сильного на земле, в воде и воздухе. Все изображения взяты из буддийской мифологии»<sup>225</sup>. На каждый дугуйлан полагалось по два знамени.

Центральный орган управления создать не удалось. Однако это не помешало движению набрать такую силу, что в итоге его участникам было даже позволено в 1915 г. развести князя с женой и отправить ее на северную окраину хошуна, а на следующий год «дугуйланы свергли окончательно своего князя и отобрали от него печать»<sup>226</sup>.

Последовавшее затем вторжение хунхузов внесло еще большую сумятицу в дела хошуна, князь был лишен престола, движение раскололось. Его лидер Улзы-Жаргал схвачен хошунными властями, подвергнут пыткам, приговорен к смерти, однако сумел бежать и организовать более-менее слаженное вооруженное сопротивление. Оно продлилось до 1927 г., когда представители НРПВМ взяли движение под свой контроль.

Смута перекинулась на Дзацан и Хангин, но в связи со смелой руководства ЦК окончательно закрепить успех и в полной мере использовать движение не удалось. В 1929 г. Улзы-Жаргал был схвачен и расстрелян, а сменивший его Мунко-Улзы явно уступал прежнему лидеру в харизме и авторитете. Тем не менее на базе ордосских хошунов ячейки НРПВМ формировались из дугуйланов, которых на март 1930 г. в Ушанском хошуне насчитывалось 19 с численностью примерно по 50–60 чел., в Отоке — 8 при численности партийцев в 500 чел.<sup>227</sup> и т.д. В Чжунгаре дугуйланов создать не удалось, зато один дугуйлан был организован в хошуне Барун-Гун Улан-Цабского сейма<sup>228</sup>, в Барун-Тумете со-

здано 6 ячеек, в Чахаре — 2 парткома (один в восточной, другой в западной части) и 24 ячейки, в которых состояло более 200 членов<sup>229</sup>. В дополнение к этому представители трех хошунов, Ушана, Чжунгара и Отока, объединили свои вооруженные силы и избрали общего командира и комиссара<sup>230</sup>, в результате чего партийцы фактически овладели этой территорией, что подтверждалось в докладе<sup>231</sup>.

Схожая ситуация была и в Алашани, где отдельные территории оказались под контролем арата Мо-Батора во главе неоформленного дугуйлана, а часть территорий — под управлением Ламья-гэгэна, «колеблющегося между аратами и князем»<sup>232</sup>, что вдохновляло руководство НРПВМ: «Итак, наиболее сильное дугийланское движение наблюдаем в Ушанском хошуне Ордоса. В Отоцком хошуне Ордоса имеем тоже сильное движение, но там нет пока руководящего центра, в роде Народного совета Ушана. В других хошунах Ордоса необходимо будет еще развернуть движение. В Алашани необходимо углубить движение и организовать Народный совет. Имеем предпосылки развития дугийланского движения в Улан-Цабском сейме, можно бы начать с Барун-гунского хошуна, создав в нем хошунный центр. Нужно полагать, что партия при усилении своей работы и при соответствующем руководстве дугийланским движением в Ордосе, Алашани, Улан-Цабском сейме, а в дальнейшем среди тумет хухо-хото и [в] Чахар[е] может создать себе массовую опору для развертывания революционного движения»<sup>233</sup>.

Однако реализоваться этим планам было не суждено. Начатые 18 сентября 1931 г. Японией военные действия показали представителям КПК значительный уклон руководства НРПВМ в сторону панмонголистских идей<sup>234</sup>. И поскольку руководство Коминтерна полагало, что панмонголизм выступает инструментом японской политики на континенте для расширения агрессии, в апреле 1933 г. коммунистами было принято решение решительно бороться с реакционными элементами.

К этому следует добавить, что и политический курс, взятый в соседней МНР, у коминтерновцев не вызывал оптимизма. Уклон «вправо» беспокоил И.Л. Райтера, который, по данным из записки П.А. Мифа<sup>235</sup>, сетовал на проект программы МНРП, об-

суждаемый на Пленуме КЦ в апреле 1928 г.: «...отношение к Коминтерну определяется не как признание его руководства, а только фразой “ориентируясь на III-й Комм. Интернационал”». И далее: «Монгольское движение признается частью движения народов Востока, а не частью общемирового пролетарского движения. В этом проекте в качестве центральной мысли выдвигается задача укрепления независимости Монголии; нет указаний на экономическую связь с СССР, вместо этого ставится задачей создание монгольского Госбанка и борьба против захвата внешней и внутренней торговли иностранцами»<sup>236</sup>. Враждебное отношение к СССР подкреплялось подозрениями в связях Ц.-О. Дамбадоржа с «Фыном и реакционерами Внутренней Монголии»<sup>237</sup>. Подобные тенденции могли перекинуться и на руководящий состав НРПВМ. При таких обстоятельствах партия больше не могла существовать в прежнем формате, поэтому Коминтерном было принято решение о ее расформировании, попытка восстановления партии была предпринята уже после окончания Второй мировой войны.

Таким образом, государственность центральных сеймов Внутренней Монголии не достигла на этом этапе ни самостоятельности, как Халха, ни сколько-нибудь осязаемых консолидирующих очертаний, как Барга. Созданные на колонизированных землях китайские поселения были объединены в административные единицы с централизованным аппаратом управления по классическому китайскому образцу. Они, в свою очередь, объединялись в особые районы, получившие позднее статус провинций. С наиболее прагматичными князьями и их окружением удавалось договориться, прибегнув к тем же самым инструментам цинской эпохи — подкупам, предоставлению статусов и титулов<sup>238</sup>, и добиваться от них публичного выражения лояльности. Причины этого О. Латтимор видел в том, что «...многие князья Внутренней Монголии были крайне заинтересованы в китайских торговых компаниях, которые занимались торговлей с монголами, и не хотели рисковать потерей больших доходов, получаемых таким образом. Несомненно, однако, самой важной причиной было то, что у южных монголов было ощущение, что Китай под властью республиканских властей будет слабым государством,

при котором они смогут управлять своими делами так, как им нравится. Не может быть никаких сомнений в том, что они также боялись распространения российского влияния из Внешней Монголии и верили, что у них будет больше реальной свободы в номинальном объединении с Китаем, чем при номинальной независимости, контролируемой в действительности со стороны России. Таким образом, во время первых движений за независимость во Внутренней Монголии китайские войска были повсеместно разбиты и изгнаны с поразительной легкостью, но независимость так и не была окончательно закреплена, и в конце концов некоторые из монгольских князей “продались”, приняв условия, выдвинутые Китайской Республикой.

Надежда на то, что Китайская республика окажется слабой в своих взаимоотношениях с Внутренней Монголией, была развенчана из-за двух факторов, которые монголы не могли предвидеть, — современного оружия и железных дорог»<sup>239</sup>.

Схожими мерами была решена проблема с представителями революционных кругов в лице руководства Народно-революционной партии Внутренней Монголии. Оставшись без пассионарного руководства, переведя свою штаб-квартиру в Улан-Батор, не имея широкой социальной базы и поддержки среди населения и будучи не в состоянии обеспечить поставку ресурсов для ведения политической и революционной борьбы, новые партийные лидеры были способны лишь к диверсионным выступлениям, которые не принесли и не могли принести желаемого результата. Единственным фактором, с которым республиканские власти не смогли справиться, — это влияние Японии. И в течение нескольких следующих лет последствия этого перешли сначала в разряд локального конфликта, затем — полномасштабных военных действий, а после — стали частью Мировой войны.

## Глава 3

# АВТОНОМИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ СЕЙМОВ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ

### 3.1. Монгольская автономия и ее место в структуре Китайской Республики

*Начало автономистского движения  
и первые съезды монгольской аристократии*

Элиты Шилин-Гольского сейма, непосредственно примыкающего к Маньчжоу-Го, были более всего подвержены влиянию со стороны японских агентов. Последние среди прочих использовали аргументы экономической целесообразности и состоятельности ко-операции, на втором месте был этноконфессиональный довод: необходимость консолидации и обеспечения единства населения монгольских земель под защитой сильного покровителя.

Население провинции Чахар, ядром которой был Шилин-Гол, по состоянию на весну — лето 1933 г. составляло 500 тыс. монголов, готовых поддержать коалицию с вторгшимися японскими силами<sup>1</sup>. В то же время сейм мог рассчитывать на военную поддержку только при провозглашении независимости и образовании собственного государства как этапа в процессе присоединения к Маньчжоу-Го.

С наступлением лета 1933 г. ситуация осложнилась. Представители японского генералитета заявили о том, что их армия должна занять Калган, столицу Чахара, в целях защиты соседней Жэхэ от нападения гоминьдановских сил<sup>2</sup>. Чтобы не допустить этого и обеспечить лояльность командования провинции Жэхэ нанкин-

скому правительству, заместителем командующего чахарскими соединениями был назначен генерал Шан У. Генералу было около 30 лет, он являлся уроженцем Тяньзиня, был женат и имел дочь<sup>3</sup>. Выпускник военной академии Вампу, Шан У был связан с китайской национальной армией в течение многих лет. Перед началом военных действий в провинции Жэхэ в феврале 1932 г. он совершил поездку с секретной миссией в Цзиньчжоу и другие города региона под видом китайского рабочего, пытаясь распространить там недовольство среди маньчжурских войск. Позже он отправился в провинцию Жэхэ, где познакомился с некоторыми генералами, оказавшими в дальнейшем сопротивление японским силам, затем через Внешнюю Монголию вернулся в Пекин. Уже в новой должности с той же миссией он посетил Чахар и Калган, в результате чего накал страстей начал спадать. 30 июня 1933 г. стало известно о его внезапной смерти в Калгане — он получил ранение из случайно выстрелившего револьвера. Однако, учитывая его антияпонскую деятельность, были сомнения в причинах смерти генерала, поскольку в сообщении, полученном 13 июля его семьей, находящейся в Пекине, было сказано, что он был серьезно болен. Генерал Шан избегал публичности, предпочитая действовать за кулисами, и в некоторых китайских кругах боялись, что его преждевременная смерть может повлиять на ситуацию в Чахаре. Так и произошло — лишившись авторитетной военной и политической фигуры, регион очень быстро переходил под японский контроль.

В июле 1933 г. отдельные японские отряды подошли вплотную к границам Чахара. Усилия маршала Фэн Юйсяна по организации обороны провинции не принесли желаемого результата<sup>4</sup>. Эти события послужили катализатором для процесса, который привел сначала к созыву I Съезда монгольской аристократии, заявившей о своем недовольстве национальной политикой Нанкина, а далее — к отделению Внутренней Монголии от Китая. Информация, которую с этого момента выдавали различные источники (как официальные СМИ, так и различные агентства), противоречива, в связи с чем мы в своем исследовании, опираясь на множество данных, цитируя их, будем соблюдать объективность, не пренебрегая при этом никакими источниками.



Наиболее полную и достоверную информацию сообщала газета «The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser». Она же первой отреагировала на фактическое начало автономистского движения: «После угрозы князей Внутренней Монголии сформировать независимое правительство и создать государство Монгол-Го китайские представители из Пекина вылетели в Байлинмяо, в Восточную Монголию, чтобы изучить ситуацию. Согласно их предварительному отчету, действия князей были спровоцированы Японией. Изменения в отношениях с китайской стороной оказались незначительными, но имелись опасения, что провозгласив новую линию будущей политики, Монголия намерена в значительной мере влиять на ситуацию в новом ключе»<sup>5</sup>. А газета «The Straits Times» разместила следующую информацию: «19 сентября 1933 г., после угрозы монгольских князей из Внутренней Монголии создать независимое государство Монгол-Го [Mongolkuo], представитель китайского правительства из Пекина прибыл в Байлинмяо в Восточной Монголии, чтобы разобраться в ситуации. В его докладе содержится мнение, что к подобным действиям монгольских князей подтолкнули японцы, и если немедленно не принять меры, то есть опасения, что в ближайшее время будет выдвинута программа о создании независимого монгольского государства»<sup>6</sup>. В дальнейшем именно эти два СМИ будут давать более полную, своевременную и объективную информацию, время от времени дублируя друг друга.

Вслед за этим появилась информация о том, что независимость Внутренней Монголии все-таки была провозглашена монгольскими князьями накануне и планируется создание нового государства Монгол-Го, которое будет находиться под японским контролем. Главным участником событий объявлялся Дэ Ван, а одним из направлений политики нового государства — присоединение Внешней Монголии<sup>7</sup>.

Чтобы хоть как-то сбить накал, председатель Исполнительного Юаня Китайской Республики Ван Цзинвэй, выступая на заседании центрального правительства в Нанкине 3 октября 1933 г., заявил, что покойный лидер доктор Сунь Ятсен поддерживал идею автономии национальных меньшинств, но намере-

ния монгольских князей, иницирующих автономистское движение, у руководства страны вызывают сомнения<sup>8</sup>.

В связи с этим для изучения проблемы была создана специальная комиссия по рассмотрению вопроса о предоставлении Монголии автономии и обсуждалось образование в составе Комиссии по делам Монголии и Тибета особого структурного подразделения — Комиссии монгольской автономии со штаб-квартирой в Калгане (Чжанцзякоу)<sup>9</sup>. Необходимо отметить, что в конце 1931 г. был сформирован новый состав Комиссии по делам Монголии и Тибета в лице Хэ Инциня, Тай Читао, Хуан Мочуна, Ку Минью и генерала Ши Чинюаня, перед которым поставлена цель выработать меры совместной защиты единства Китая<sup>10</sup>. Началась внутривластная борьба: определенные фракции в нанкинском правительстве были склонны предоставить автономии Внутренней Монголии, однако большинство выступало против этого шага, указывая на опасность японского доминирования<sup>11</sup>.

28 сентября 1933 г. начал работу II Съезд монгольской знати в Долонноре, на котором 3 октября 1933 г. было озвучено стремление отдельных наиболее одиозных лиц к разрыву всех связей с Китаем<sup>12</sup>. По сообщениям ряда средств массовой информации, большинство монгольских князей отказались поддерживать движение<sup>13</sup>. В свою очередь, японские представители из Мукдена 4 октября 1933 г. направили приглашение в адрес лояльных монгольских аристократов и глав хошунов для обсуждения мер и шагов по созданию независимого монгольского государства. Было предложено осуществить полный разрыв с Нанкином. Дэ Ван положительно воспринял данное предложение, но большинство князей высказались категорически против<sup>14</sup>, ограничившись только стремлением к созданию автономных управленческих структур.

2 октября 1933 г. Дэ Ван выступил с заявлением о том, что автономия не получила никакого признания со стороны официальных китайских властей, и этот статус не будет предоставлен правительством провинции Чахар. В связи с этим он планирует создать Политический совет, состоящий из монголов, для управления той частью провинции, которая будет включена в новое независимое монгольское государство<sup>15</sup>. Для монголов уже существовали положительные примеры фактической независимости

от Китая — это Маньчжоу-Го и Восточный Туркестан, также недавно отделившийся от Китая. Аргументация же о монгольской независимости сводилась к пророчеству предков о том, что монголы снова будут править миром, когда исчезнут те, кто наиболее устойчив на земле, — Далай-лама в Тибете на юге, китайский император на востоке и русский царь на севере. Теперь не оказалось ни императора, ни царя, а Далай-лама за последние годы потерял «лицо» и влияние<sup>16</sup>. Таким образом, суеверия тоже делали свое дело.

Одновременно с этим Дэ Ван постепенно переходит к политике «сжигания мостов»: он отвергает предложение о включении членов правительства Чахара в состав формируемых автономистских органов и заявляет о намерении обеспечить контроль как над провинцией, так и над другими монгольскими землями<sup>17</sup>. Предварительно он вышел из состава правительства провинции Чахар<sup>18</sup>. Ряд экспертов и наблюдателей стали называть монгольских лидеров главными фигурами разразившегося в 1931 г. дальневосточного кризиса<sup>19</sup>, а автономистское движение рассматривалось ими и как его часть, и как неотъемлемый фактор<sup>20</sup>, и одновременно — как движение сепаратистов<sup>21</sup>.

9 октября 1933 г. в монастыре Байлинмяо, который именовали Батухалкой, состоялся очередной раунд съезда<sup>22</sup>, в нем приняли участие делегаты большей части земель Чахара и Суйюани: 10 хошунов Шилин-Гола, представляющих Северный Чахар, прилегающий к Маньчжоу-Го; 6 хошунов Улан-Цаба; 7 хошунов Их-Чжу и более мелких хошунов Алашани и Тумэта. Среди наблюдателей было несколько монгольских князей из Маньчжоу-Го и Жэхэ<sup>23</sup>. Угрозы немедленного отделения сменялись умеренным рациональным обоснованием необходимости обратиться за помощью к своим соседям, которое, в свою очередь, сменялось готовностью обсуждать варианты сохранения присутствия Внутренней Монголии в составе Китая. На карте показывалось фактическое положение страны относительно России, Китая и трех провинций Маньчжурии, составляющих Маньчжоу-Го, которое наблюдатели называли марионеточным государством под контролем Японии<sup>24</sup>. Умеренный настрой возобладал, и съезд заявил обширную, весьма амбициозную, но миролюбивую повестку.

На обсуждение были вынесены следующие вопросы: создание органов автономии, в качестве главного должен был выступить Политический совет; необходимость выработки и принятия собственного автономного законодательства<sup>25</sup>, для чего Политический совет предполагалось наделить законодательными полномочиями; создание объединенных вооруженных сил для защиты границ Внутренней Монголии от Советского Союза и Маньчжоу-Го. Кроме того, обсуждались целесообразность и возможность объявления независимости Монголии, а также отношение князей к японской поддержке.

Участники съезда жаловались на то, что монголы уже подверглись территориальному притеснению со стороны официальных китайских республиканских властей, на себе ощущают непосильное бремя налогов и пошлин на экспортируемые товары<sup>26</sup>. Они вспомнили, что по итогам предыдущего съезда в июле текущего года в Нанкин была отправлена телеграмма с изложением проблем и требованием предоставления автономного статуса в составе Китая. Также выразили разочарование тем, что нанкинское правительство проигнорировало приглашение направить своих делегатов на конференцию<sup>27</sup>. Особо подчеркивалось желание остаться в составе Китайской Республики при условии выполнения предъявленных требований. Одновременно было заявлено, что в случае применения Нанкином силы монгольская сторона будет искать помощи у Маньчжоу-Го<sup>28</sup>. На этом этапе было совершенно очевидно, что любой альянс с Маньчжоу-Го станет серьезной угрозой Советскому Союзу, иметь которого в противниках даже самым радикально настроенным лидерам не хотелось, — формально независимое, но фактически подконтрольное японцам государство перерезало бы важный вспомогательный логистический маршрут от Тихого океана через Калган и Ургу (Улан-Батор) в Сибирь<sup>29</sup>. В итоге съезд независимость так и не провозгласил, продемонстрировав лояльность центральному правительству.

В этот же день в Нанкине Ван Цзинвэем для обсуждения вопроса о предоставлении автономии Монголии была организована конференция<sup>30</sup>, на которой присутствовали и монгольские делегаты. Заявляя, что покойный доктор Сунь Ятсен всегда выступал за автономную Монголию, глава Исполнительного Юаня заявил,

что правительство Китая в предоставлении желаемой автономии последует пожеланиям своего покойного лидера, если будут подтверждены добрые намерения участников движения за автономию<sup>31</sup>. В связи с этим китайское руководство приняло решение делегировать министра внутренних дел Хуан Шаохуна в Монголию для переговоров с автономистами.

Многие монгольские лидеры выступали за реставрацию монархии в той или иной форме. По большей части это было продиктовано доброй памятью о цинском правлении, когда императоры обеспечивали неприкосновенность монгольских территорий. В этой связи император Пу И подходил на роль защитника монгольских интересов как нельзя лучше, а японцы, готовясь провозгласить Маньчжоу-Го империей, делали это в том числе и с опорой на поддержку монгольского населения. Очевидно, рассчитывая далее двигаться в сторону Внутренней, а затем и Внешней Монголии, что создало бы угрозу советскому влиянию на Дальнем Востоке, японцы тем самым провоцировали СССР на перемещение значительной части ее армии и авиации в Сибирь и сосредоточение на сибирско-маньчжурской границе.

В одном из интервью генерал Фу Цзои высказался о желании свести к минимуму опасность военных действий, утверждая, что Китай намерен избежать жестких мер и готов предоставить монголам требуемую автономию. Он подчеркнул, что необходимо избегать любых действий, которые могли бы служить поводом для японской интервенции в Монголию. При этом возникли две полярные точки зрения: китайская сторона настаивала на том, что если монголы намерены начать военные действия против Китая, то у них недостаточно для этого экономических ресурсов, в то время как Дэ Ван заявлял, что только при возникновении подобной ситуации монголы могут рассчитывать на помощь Маньчжоу-Го<sup>32</sup>, намекая, что при желании ресурсы найдутся.

Следует оговориться еще об одном факторе — религиозном, который также оказывал влияние на разрешение автономистского вопроса. 14 октября 1933 г., вслед за очередным собранием монгольских представителей в Нанкине, организованным и проведенным под руководством премьер-министра Ван Цзинвэя, в ходе которого прозвучали традиционные призывы пересмотреть заяв-

ление о независимости и остаться в составе Китая, на политическую авансцену выходит упоминаемый выше Банчен-Богдо, или Панчен-лама IX — один из духовных лидеров региона. Панчен-лама, находясь длительное время в Китае в связи с религиозными и финансовыми разногласиями с администрацией Далай-ламы XIII, занял прокитайскую позицию. По свидетельству наблюдателей, он получил со стороны правительства 1 млн юаней и был направлен во Внутреннюю Монголию для организации агитации против посягательства Японии на эти территории.

Китайские газеты открыто заявляли, что монгольское движение за независимость подогревается японцами и направлено против Китая и Советской России, утверждая, что целью подобных действий является стремление придать Внешней Монголии новый статус, который позволил бы ей служить буфером между Китаем и СССР<sup>33</sup>. Учитывая тот факт, что Панчен-ламу IX подозревали в связях с антибольшевистскими элементами во Внешней Монголии во время Хубсугульского восстания (1932), участие фигуры столь высокого ранга могло оказать значительное влияние на ход движения за автономию.

В начале 1930-х годов религиозный вопрос в регионе решался неоднозначно. Дацаны и ламы по-прежнему служили символами исконной для этой части Азиатского континента религии, хотя и отрицаемой многими в последнее время, во многом определявшей социальный уклад многомиллионного населения. По-прежнему поддерживался обычай, согласно которому старшего сына в большинстве семей готовили для религиозной деятельности и в возрасте 6 или 7 лет отдавали в монастырь, где он оставался до конца жизни, посвящая все свое время молитвам, изучению тибетского языка. В исследуемый период многими церковь воспринималась как бесполезная с экономической точки зрения, паразитирующая организация, а ее служители — «интеллектуальными наркоманами».

Учитывая эти и многие другие факторы, японцы подходили к религиозному вопросу очень умело и расчетливо. Можно сделать вывод, что одним из принципов всей паназиатской политики Японии в исследуемую эпоху, по крайней мере в той части, в которой она была сформулирована, являлось убеждение, что рели-

гия является эффективным механизмом, способным выиграть соперничество в Азии. Это давало японцам явные преимущества в борьбе за лояльность народов Центральной и Восточной Азии, поскольку Советы открыто пропагандировали антирелигиозную политику.

В Маньчжурии, практически сразу после создания Маньчжоу-Го, японская сторона стала придерживаться умеренной тактики, призванной сохранить церковь, провести необходимые преобразования (наладить информационную политику и сократить число священнослужителей), что должно было позволить объединить религиозной канвой значительную часть населения. Эксперты делали прогнозы о появлении в регионе собственного духовного лидера, «ручного Панчен-ламы», престиж которого мог бы сослужить службу не только внутри Маньчжоу-Го, но и за его пределами. При этом, по некоторым оценкам, численность монголов, призванных на военную службу в Маньчжоу-Го, доходила до 10 тыс. чел.<sup>34</sup>

Однако задача завоевать расположение монголов также оказалась сложно выполнимой. И если на уровне начальства принимались решения о такой политике, которая бы снискала симпатии в адрес японцев, то на уровне исполнителей и рядовых военных дело принимало иной оборот — обычным солдатом или мелким чиновником местные жители воспринимались как грязные и необразованные варвары, а местные жители, в свою очередь, не принимали тех правил, что приносили с собой завоеватели, считая их бессмысленными или репрессивными.

В самой Внутренней Монголии, сохранившей кочевой образ жизни, дацаны и дуганы представляли собой почти единственную форму недвижимого имущества и одновременно жилья, по-прежнему воплощая реальную власть, хотя и с немного пострадавшим имиджем. Паломничество же было способно поправить ситуацию, поскольку позволяло завязывать коммуникации и расширять кругозор. Таким образом, церковь могла служить неким примирителем и выступала средством, способным значительно укрепить присутствие любой державы в регионе.

Для Японии к этому добавлялся сакральный характер фигуры маньчжурского императора, который теперь жил по соседству, по-

этому амбиционный проект восстановления маньчжурской династии в Китае и Монголии при поддержке религиозного лидера имел шансы на успех. Для Китая это была возможность использовать влияние духовного лидера для сплочения тех народов, которые не были устойчивы в вопросах лояльности новому режиму.

Таким образом, участие Панчен-ламы IX в урегулировании спора с монголами было если и не решающим, то нелишним. Воспринимаемый в качестве политического соперника Далай-ламы XIII, он с определенного времени стал рассматриваться для Внутренней Монголии как «потенциальный кандидат на восстановление престижа буддизма среди монголов после смерти Живого Будды в Урге. С началом 30-х гг. он играет все более важную роль в качестве инструмента японского империализма в переустройстве Внутренней Монголии...»<sup>35</sup>.

Еще одним фактором была лояльность бывших китайских функционеров. Так, экс-губернатор Жэхэ генерал Тан Юлинь сначала не высказывался явно против японцев, однако в итоге встал на сторону центрального нанкинского правительства<sup>36</sup>.

Японская сторона, осознавая потерю сторонников и пытаясь дискредитировать монгольские элиты в глазах Нанкина, 13 октября 1933 г. через своих агентов в Мукдене распространила информацию о том, что Дэ Ван встал во главе 2,5 млн монголов и объявил о независимости от Китая<sup>37</sup>. Под его управлением должно было оказаться пространство площадью более 1 млн кв. км монгольских земель. Заявленная в качестве независимого государства структура с политическим центром на базе Чахарского аймака (образован в раннюю маньчжурскую эпоху в середине XVII в., не следует путать его с провинцией Чахар, образованной в 1928 г.), по утверждению японской стороны, простиралась в границах от восточных территорий провинции Чахар, примыкающих к территории Жэхэ, до границ китайского Туркестана (Синьцзяна) в Центральной Азии; граничила на севере с контролируемой Советской Россией Внешней Монголией, а на юге охватывала большую часть китайских провинций Чахар и Суйюань, выходя к границам Ганьсу и Кукунора. В заявлении также говорилось, что большинство князей уже выступили в поддержку Дэ Вана. Китайская сторона, в свою очередь, демонстрируя контроль над ситуацией, с целью



разрядить обстановку заявила, что монголы требуют лишь автономии, сохраняя желание остаться под китайским протекторатом.

Очевидно, что это была не первая и, безусловно, не последняя «утка» — подобных сообщений в СМИ о провозглашении Внутренней Монголией независимости в последующие четыре года, как мы покажем ниже, будет немало. Вместе с тем факты обращения наиболее радикальных монгольских князей за помощью к Маньжоу-Го все же имели место. Так, после присоединения к Маньчжурскому государству, в пределах его западных земель предполагалось создать автономию на территории около 160 тыс. кв. км<sup>38</sup>, имеющей важное стратегическое значение в качестве буфера между Россией, Маньжоу-Го и Китаем<sup>39</sup>, которая явилась бы ключевой позицией в случае начала военных действий между СССР и Японией<sup>40</sup>. Буфер был необходим не только японской, но и монгольской стороне, желающей предотвратить продвижение коммунистов на юг<sup>41</sup> и напуганной их деятельностью во Внешней Монголии, а также их политикой в отношении местного населения, лам, аристократов и крупных земельных собственников.

Несмотря на информационную войну, которую вели Япония и Китай в борьбе за монгольскую и международную лояльность, было очевидно, что движение автономистов, какую бы цель оно ни преследовало, стало первым в новейшей истории, когда разрозненные силы монгольских родов смогли выступить единым фронтом, блокируя противостояние официальных властей, препятствующих их консолидации. Пока же большинство авторитетных представителей монгольской политической элиты высказывались за поддержание отношений с Нанкином, а в Байлинмяо начались приготовления к приезду министра внутренних дел Китая генерала Хуан Шаохуна и сопровождающих его лиц, в то время как Дэ Ван 19 октября 1933 г. отправился в Долоннор для совещания с японцами<sup>42</sup>. В результате переговоров, несмотря на неудачу предыдущей попытки инициировать создание независимого монгольского государства, Дэ Ван решил провести в Байлинмяо еще один раунд съезда, на который были приглашены большинство монгольских прояпонски настроенных князей<sup>43</sup>, наметив его на 21 октября 1933 г.

*Решающий раунд II Съезда 29 октября 1933 г.  
Провозглашение автономии и его последствия*

В воскресенье 21 октября 1933 г. было проведено подготовительное собрание части элит, на котором обсуждались вопросы по созданию автономии и приняты соответствующие решения:

1. Управление монгольскими землями должно находиться в руках монголов.

2. Принятие и исполнение основных законов создаваемой автономии, а также деятельность ее органов будут осуществляться под контролем китайского центрального правительства.

3. Высшим государственным органом автономии [как публичного института] объявляется монгольский Политический совет, в составе которого создаются исполнительный, совещательный, судебный и законодательный комитеты.

4. К полномочиям Политического совета относятся сфера образования, работа полиции, коммуникации, индустрия, проведение общественных работ и вопросы делопроизводства<sup>44</sup>.

Примечательно, что речь шла как о Внутренней, так и о Внешней Монголии, что являлось скорее стремлением, чем действительностью, поскольку ни нанкинское правительство, ни уже тем более автономисты МНР не контролировали.

По результатам встречи в Нанкин была отправлена телеграмма, отрицающая участие в этом процессе японцев, а монгольская делегация подтвердила готовность выехать в столицу для разъяснения деталей в стремлении к самостоятельности и получения указаний от центрального правительства. В свою очередь, в последних сводках из Байлинмяо говорилось, что не все монгольские руководители выступают за формирование независимого правительства, так как опасаются, что их личная власть будет подвергнута опасности. Другие условия относительно создания автономии и формирования ее органов предполагалось обсудить после прибытия в Монголию Хуан Шаохуна и его спутников из Нанкина.

22 октября 1933 г. министр внутренних дел Хуан Шаохун прибыл в Тяньцзинь, где выступил перед прессой и пояснил, что его миссия состоит в изучении вопросов, касающихся автономии

Монголии и политической ситуации в провинциях Чахар и Суйюань. Он подтвердил готовность организовать публичное мероприятие в Калгане с участием монгольских князей для получения информации из первых рук<sup>45</sup>. 23 октября в Пекине министр провел совещание с участием губернатора Чахара Сун Чжэюаня, куда были приглашены монгольские князья<sup>46</sup>. Также Хуан Шаохун подтвердил свои полномочия на формирование комиссии по изучению вопроса о предоставлении Монголии автономии и рассмотрение ею вопросов, одобренных монгольскими князьями на съезде.

Вместе с тем появилась информация, что между князьями возникли разногласия в вопросе сохранения или разрыва отношений с Китаем<sup>47</sup>, очевидным поводом для которого могла стать очередная бравада Дэ Вана, получившего от японской стороны определенные гарантии по итогам встречи некоторых монгольских князей с японцами в Долонноре 25 октября 1933 г. По данным отдельных наблюдателей, японцы выработали план фиктивной автономизации, согласно которому Дэ Вану и его сторонникам надлежало выдвигать центральному правительству невыполнимые требования, которые спровоцировали бы резкие заявления от официальных лиц в Нанкине и вследствие неразрешимости ситуации вынуждены были бы направить против них экспедиционные силы<sup>48</sup>. Японцы высказали согласие передать занятые ими монгольские территории под юрисдикцию автономного правительства при условии его создания с центром в одном из городов на северо-западе Жэхэ<sup>49</sup>. Подобная позиция позволила бы японской стороне заявить, что Китай не является единой страной, действующее правительство восстановить порядок не способно, а оплотом стабильности является именно Внутренняя Монголия.

Далее от лица представителей Шилин-Гольского, Улан-Цабского и Их-Чжуского сеймов было выпущено обращение, которое телеграфом распространилось среди хошунов. Основной идеей воззвания была реализация права на самоопределение в форме широкой автономии. В нем говорилось о необходимости выбрать такого лидера, который обладал бы доверием и уважением монголов и одновременно не вызывал бы негативной реакции центрального правительства<sup>50</sup>.

При этом наблюдатели и эксперты все чаще высказывали мысль о явном участии Японии и реализации ею же заявленного плана создания маньчжуро-монгольского государства в пределах трех занятых в 1931 г. китайских провинций. Уверенности в этом добавляли следующие факторы. Во-первых, это действие на территории четвертой провинции (Жэхэ) организованных монгольских банд, выступающих с недавнего времени под флагом армии Маньчжоу-Го. Во-вторых, неопределенный на тот момент статус бывшего китайского императора Пу И, который хоть и был провозглашен пожизненным правителем нового маньчжурского государства, но в перспективе рассматривался как император и лидер двух народов. В-третьих, авангардом выступали молодые монгольские лидеры, часть из которых окончили японские университеты или продолжительное время находились в Японии. О. Латтимор писал по этому поводу: «К мятежам стали присоединяться некоторые мелкие дворяне — симптом, который показал, что правящий класс больше не может заботиться исключительно о своих собственных интересах. Младший сын или племянник крупного дворянина, не стоявший на прямой линии преемственности, больше не мог считать само собой разумеющимся, что дворянское происхождение способно обеспечить его успех и статус. Получить выгодное назначение становилось все труднее и труднее, а семейные доходы сокращались. Поэтому у неудовлетворенного этим молодого дворянина, который был также и смелым человеком, возникало стремление к лидерству, которое он мог реализовать, сделав ставку на мятежных простолюдинов»<sup>51</sup>. Дэ Ван был наиболее ярким представителем князей, придерживавшихся подобных взглядов. После преобразования Чахара из особого административного района в провинцию в 1928 г. он вошел в состав ее правительства и бессменно находился в нем до начала автономистского движения. Озвучивалась необходимость реформирования системы управления монгольскими землями, которая базировалась на старом монархическом порядке с его наследственными князьями и не позволяла молодежи принять участие в процессе управления своими хошунами.

29 октября 1933 г. при участии 170 монгольских князей был проведен финальный раунд II Съезда, который объявил о созда-

нии автономии, сформировал новые учреждения, фактически выполняющие правительственные функции (далее по тексту, используя термины «автономное правительство» или «правительственные структуры / учреждения / институты», мы будем иметь в виду именно эти учреждения), утвердил бюджет и определил место для строительства столицы автономии в 160 км к северу от Гуйсуя<sup>52</sup>. Правительственные структуры были размещены в 100 юртах<sup>53</sup>. Должностные лица вместо денег жалование получали скотом<sup>54</sup>, и многие официальные процедуры были воссозданы по подобию церемоний эпохи Чингисхана. Во главе Монгольской автономии встал князь Юньдуань Ванчук / Юньван Ванчук / Юнь Ван<sup>55</sup>, а Дэ Ван занял пост генерального секретаря<sup>56</sup>. Вместе с тем непонятным оставался статус провинции Суйюань, большая часть которой оказывалась в таком случае под контролем автономии.

За два дня до этого, 27 октября 1933 г., Хуан Шаохун вылетел из Нанкина в Пекин в составе группы из 13 чел.<sup>57</sup> Целью возглавляемой им миссии было проведение переговоров с автономистами, а также обсуждение возможности компенсации монголам их потерь, нанесенных китайской стороной за период республиканского правления, улучшение экономических условий и усиление пограничной защиты их земель. Пресс-секретарь Хуан Шаохуна заявил о готовности центрального правительства признать автономию при подтверждении лояльности Нанкину. Первой остановкой министра был обозначен Калган, после чего была запланирована встреча с Ян Сишанем для обсуждения вопроса монгольской автономии. Губернатор провинции Суйюань генерал Фу Цзюй направил в адрес министра свое приветствие и выразил готовность в оказании ему своей поддержки, 30 октября Хуан Шаохун встретился с представителями монгольской стороны в Пекине, а 31 октября прибыл в Калаган<sup>58</sup>, откуда отбыл в Гуйсуй<sup>59</sup>. Поводом для консультаций с Фу Цзюй стала позиция, которую заняли некоторые монгольские князья, высказавшие протест относительно перехода провинции Суйюань под управление монгольской администрации<sup>60</sup>. В связи с этим отъезд нанкинских посланников в столицу был отложен.

Затем началась словесная перепалка, провокации в адрес китайских посланников со стороны молодых монгольских лидеров

и их ответная реакция. Во-первых, монгольские лидеры отказались принять Ли Чунфэнэ (секретаря Хуан Шаохуна), который прибыл в Суйюань 1 ноября 1933 г. Во-вторых, в одном из своих первых публичных заявлений по итогам II Съезда 2 ноября 1933 г. Дэ Ван сказал, что центральное правительство никогда не выполняло и в этот раз тоже не собирается выполнять свои обещания, данные монгольскому народу, уставшему находиться в зависимости от Китая и желающему встать на путь самостоятельности<sup>61</sup>. Молодой князь-провокатор сделал реверанс в сторону Нанкина, выразив надежду на то, что китайские власти не будут препятствовать естественному процессу обретения самостоятельности и позволят создать автономные органы управления для Внутренней и Внешней Монголии, и пригрозил, что в случае препятствия монголы готовы пойти на определенные жертвы для достижения этой цели<sup>62</sup> и заплатить за это любую цену. Хуан Шаохун в ответном интервью незамедлительно парировал, заявив о готовности центрального правительства ни при каких обстоятельствах не допустить получения Монголией самостоятельности и восстановить государственную власть на бунтующих территориях. Генерал особо подчеркнул, что ему жаль видеть в движении за автономию замаскированное влияние определенных сил, поддерживающих его<sup>63</sup>, явно намекая на японское участие.

Одновременно с этим в сторону центрального правительства стал склоняться князь Юнь, один из самых влиятельных монгольских князей, который отправился в Байлинмяо для приветствия нанкинских делегатов. Это послужило поводом для нового витка информационной войны — сторонники Дэ Вана заявляли о провале миссии Хуан Шаохуна и подкрепляли слова демонстрацией готовности к военным действиям. Так, по сообщениям наблюдателей, войска монгольской конницы заступили на патрулирование тех участков китайско-монгольской границы, где имелись транспортные коридоры, на других участках меры предосторожности также были усилены, аналогичная ситуация наблюдалась и в воздухе.

Представитель Дэ Вана в Пекине заявил, что монголы не допустят «нанкинского вторжения», и предупредил о готовности ответить на любую попытку китайцев перейти границу провин-

ции Чахар<sup>64</sup>. Нанкин на имя Фу Цзои направил телеграмму, в которой тому были отданы распоряжения о подготовке к визиту министра внутренних дел во Внутреннюю Монголию. Эксперты трактовали это как готовность к применению оружия в случае любых попыток Монголии создать независимое правительство, что означало бы начало гражданской войны. Они предупреждали китайское правительство об опасности подобной политики в ответ на приказ о мобилизации дивизии под руководством генерала Сю Тинъяо<sup>65</sup>, поскольку присутствие китайских военных в Монголии могло спровоцировать столкновение китайских и монгольских войск на границе Чахара, ведь монгольские пограничники, как сообщалось, получили приказ оказывать сопротивление.

Еще одним поводом для беспокойства явилось требование Дэ Вана о выделении значительной денежной суммы для покрытия расходов при формировании новых правительственных институтов Монгольской автономии, в обмен на согласие позволить Нанкину контролировать ее внешнюю политику, а также обеспечивать военную защиту. Эти требования генералом Хуан Шаохунном были отклонены, после чего он выехал в Шаньси для обсуждения с Ян Сишанем положения, сложившегося вокруг 41-й армии под командованием генерала Сунь Тянина, а Хэ Иньцин направил в адрес монгольских князей телеграмму, в которой убеждал их оставаться верными центральному правительству. В помощь генералу в его дискуссиях с монгольскими князьями по вопросам автономии центральное правительство направило Пак Вантая<sup>66</sup>.

Характер движения за автономию комментировал Франц Август Ларсон, который жил среди монголов более 30 лет, имел почетный монгольский титул, а также долгое время был советником по монгольским делам китайского правительства. Несколько лет назад он выполнял миротворческую миссию при возникновении конфликта между правительством и некоторыми князьями. Ларсон говорил, что еще никогда прежде монголы не были более серьезны в своем стремлении к самостоятельности, чем сейчас, поскольку получили возможность, которую ждали много лет. Вместе с тем они намерены остаться в составе Китайской Республики при выполнении их требований о предоставлении автономного статуса, что пойдет на пользу обеим сторонам. В обмен

на самоуправление монголы готовы вступить в соглашение с китайской стороной для продолжения неограниченной торговли между Монголией и Китаем. При таком раскладе Китай практически ничего не теряет, чего нельзя сказать в случае обращения монголов за помощью к третьей стороне, тогда самое малое, что может случиться, — будут нарушены торговые связи. Не исключается и возможность японского участия, чего монголы стараются всячески избегать, используя любую возможность для сохранения добрых отношений с Китаем и не принимая на себя обязательства перед японской стороной<sup>67</sup>. Отчасти причиной таких решительных действий послужило создание Маньчжоу-Го, отчасти — тот факт, что Нанкин не воспринял всерьез заявление монголов о необходимости придания им автономного статуса. Игнорирование итогов летнего съезда не добавило очков центральному правительству, в то время как монгольские князья активно и часто организовывали всевозможные собрания, в которых также участвовали и представители провинциальных властей, и монгольские представители в Калгане. Таким образом, Нанкин вынужден был направить делегацию для участия во II Съезде, чтобы успокоить взбунтовавшихся князей.

Малонаселенный регион, менее 1 млн чел., усмотрел в создании маньчжурского государства новые возможности, которые ранее отсутствовали в связи с тем, что участниками международных взаимоотношений до сего момента были Россия либо Китай. В свою очередь, Япония, полностью осознавая важность Внутренней Монголии в качестве буфера между Маньчжурией и Россией, не упускала случая, чтобы заручиться дружбой монголов в регионе, граничащем с Маньчжоу-Го. Для этого несколько чхарских князей были приглашены посетить Синьцзин, столицу Маньчжоу-Го, в качестве гостей Квантунской армии. Была организована встреча с верховным правителем Пу И.

Одной из главных причин, почему монголы требовали автономии, следует указать национальную гордость — монголы не забыли о подвигах своих предков, которые когда-то правили большей частью Евразийского континента. Вторая причина крылась в том, что китайская сторона в последние несколько десятилетий активно освоила тысячи квадратных километров террито-



рии Монголии в сельскохозяйственных целях, поэтому монголы боялись, что рано или поздно и их пастбища, и они сами будут поглощены последовательными волнами китайской колонизации. И, наконец, они упорно вспоминали старые обиды и притеснение в прошлом.

Второстепенными причинами назывались отсутствие порядка вдоль монгольско-китайской границы, регулярные набеги китайских банд, которые безнаказанно угоняли тысячи лошадей, крупный рогатый скот и овец. Проблема усугубилась в последнее время из-за притока переселенцев из Чахара и Жэхэ после японского вторжения на эти территории. Отдельные жалобы касались налогов, часть которых монголы хотели бы вернуть посредством различных льгот; отсутствия военизированных формирований для самообороны, также высказывалось желание иметь выход к морю<sup>68</sup>. Таким образом, значительная часть монгольской политической элиты не намерена была вступать в жесткую конфронтацию с центральным правительством и соглашалась остаться в составе Китая при обеспечении тех гарантий, которые существовали до провозглашения республики.

Среди допустимых условий, озвученных Чун Фэном, одним из членов правительственной комиссии Хуан Шаохуна<sup>69</sup>, выступающих своего рода «отступными», князья просили сохранить Комиссию Монгольской автономии. В свою очередь, китайская сторона в лице полномочного нанкинского представителя заявила об опасении, что обрисованные сторонниками самостоятельности полномочия предполагаемого Политического совета выйдут за пределы местной администрации и это будет давать повод для всякого рода злоупотреблений, в результате которых простое население Монголии окажется в более угнетенном положении, чем сейчас<sup>70</sup>.

Своеобразную позицию занимал Дэ Ван, который, с одной стороны, в общении со своими сторонниками требовал радикальных перемен и самостоятельности. С другой стороны, в обращении к центральному правительству отрицал корыстные мотивы и японское участие<sup>71</sup>, что вкупе с жесткой позицией Нанкина вселяло в наблюдателей уверенность в скором провале идеи самостоятельности<sup>72</sup>. Так, 6 ноября 1933 г. в Калгане Дэ Ван дал

интервью о действиях, направленных на установление во Внутренней Монголии самоуправления, он сказал, что в связи с расширением советского влияния во Внешней Монголии и японской угрозой в Маньчжурии считает абсолютно необходимым дать монголам право самоуправления во Внутренней Монголии. Это, с одной стороны, облегчит работу по укреплению национальной обороны, а с другой — будет соответствовать завещанию покойного лидера партии Гоминьдан Сунь Ятсена. «Если это право монголов будет ущемлено, то для Внутренней Монголии не будет возможности идти в ногу с мировым прогрессом», — добавил он<sup>73</sup>. Активно использовался и потенциал радикально настроенной молодежи, выступающей против компромиссов и настаивающей на полном разрыве отношений с центральной властью. В то же время князья твердо придерживались позиции не организовывать независимое монгольское государство<sup>74</sup>. Такая двойственная политика, к которой мы еще будем возвращаться по ходу нашего повествования, могла служить косвенным подтверждением того, что и сам Дэ Ван, и определенная часть его окружения были вынуждены следовать диктуемому японцами курсу из-за угрозы безопасности, собственной и своих близких, оставляя при этом путь к отступлению в сторону центральных властей в Нанкине. Безусловно, в действиях князя просматривались честолюбивые замыслы, которые при нормальном положении вещей вряд ли когда-либо могли быть реализованы в полной мере — представители монгольских элит нечасто достигали вершин власти и в имперский, и в республиканский периоды.

Однако неправильно думать и об исключительной корысти Дэ Вана — отнюдь, даже наоборот, он, безусловно, желал процветания своей Родине, однако понимал, что тот хаос, который творился во внутренних делах Китая не первый десяток лет, шанса монголам на достойное будущее практически не оставлял. Обнищание населения проявлялось повсюду в Монголии, и даже некоторые из князей вынуждены были продавать свое жилье и уголья, чтобы сводить концы с концами. При этом так называемые молодые князья выступали за обеспечение полной автономии как одной из немногих альтернатив политике центральных властей, при которой они хоть как-то могли повлиять на ситуа-

цию на своих землях. В это же время представители старшего поколения, возмущенные этим «торгом», говорили, что предпочитают быть в подчинении у центрального правительства, а не у тех, кто не заботится о благосостоянии Монголии<sup>75</sup> и кого называют молодыми выскочками<sup>76</sup>. В этом прослеживались древние черты монгольских элит — лицемерие и конъюнктурность. Старые князья, в совершенстве овладевшие искусством демонстрации лояльности перед столицей и руководством страны, боялись потерять привилегии, а потеря их была бы неминуема, ведь молодые монголы, амбициозные и хорошо образованные, наверняка управляли бы своими землями куда лучше и эффективнее. В итоге сложились две коалиции политических элит: первая — из молодых прогрессивных князей и их окружения, вторая — из стариков, сторонников консервативной повестки. Старшие князья предпочитали сохранить управление Нанкина, а молодые монголы требовали независимости. Их лидером и был Дэ Ван, описываемый теми, кто его знал, как молчаливый и неуверенный в себе человек, но управляющий своим собственным хошунном железной рукой. Его территория тщательно охранялась хорошо оснащенными отрядами милиции<sup>77</sup>, и в целом он был эффективным руководителем для своего времени. Наблюдатели характеризовали князя как хорошо сложенного и физически крепкого человека, немного старше 30 лет, обладающего способностями командира, хорошо владеющего китайским языком и грамотой, как и его предки, комфортно чувствующего себя в седле. «Князь современен и прогрессивен, легковой автомобиль быстро несет его через монгольское плато, где лошадь оказалась бы слишком медленным средством передвижения. В его дворце есть современный механический цех, который положил начало новому способу кожевенной промышленности»<sup>78</sup>.

Старшие князья отказались оставить свою власть во Внутренней и Внешней Монголии и опасались китайско-монгольской конференции, созванной нанкинскими посланниками, которая была неожиданно отложена. Генерал Хуан Шаохун предложил создать отдельные административные комитеты для разных территорий, чтобы избежать открытого конфликта между старшими и младшими князьями. Большинство монголов, как сообщается,

приняли предложение задолго до формальной встречи, проведение которой наметили в Гуйсуе<sup>79</sup>.

Еще одна причина, по которой Внутренняя Монголия до сих пор не перешла на сторону японцев, но и не сделала при этом однозначного выбора в пользу Нанкина, крылась в том, что регион условно делится на восточные и западные сеймы, они, в свою очередь, состоят из множества мелких хошунов, каждый из которых возглавляет представитель монгольской знати. В то время как большинство князей центральных хошунов Внутренней Монголии, по общему мнению, активно выступали за автономию, чахар-монголы, занимающие отдаленные, менее подверженные китайской колонизации районы, не спешили оказывать поддержку автономистам, предпочитая быть рядом с Нанкином и иметь возможность получить от него военную помощь в случае необходимости. Китайское правительство высказывало уверенность в том, что все противоречия удастся устранить путем переговоров. Правительственная пресс-служба утверждала, что автономистское движение есть инициатива лишь монгольской знати, а не монгольского народа и настаивала на том, что суть проблемы состоит в амбициях монгольских князей, желающих достичь личной власти и богатства путем получения статуса автономии.

Этими разногласиями и решило воспользоваться центральное правительство — Хуан Шаохун несколько раз выступал за улучшение уровня жизни монголов, которое называл их первостепенной потребностью, и предпринимал попытки склонить молодежь на свою сторону. В результате совместных усилий китайского правительства и лояльной ему монгольской знати 9 ноября 1933 г. Хуан Шаохун и его спутник Чао Пэйлян прибыли на легковом автомобиле в Байлинмяо, после чего был организован банкет, по характеру напомилавший те, «...которые организовывали только в честь высоких правительственных посланников во времена династии Цин»<sup>80</sup>. График визита был рассчитан на шесть дней и предполагал ряд неформальных встреч с представителями различных монгольских хошунов, после чего планировалось, что и китайские представители, и монгольские автономисты вернуться в Суйюань для проведения заключительной конференции.

Одновременно с этим в начале ноября 1933 г. представитель Панчен-ламы IX прибыл в Пекин и сообщил о том, что, несмотря на отсутствие полного взаимопонимания между автономистами и представителями Нанкина, взаимодействие между ними становится более тесным. Он отметил, что назначенный китайским правительством в качестве официального уполномоченного генерал Хуан Шаохун выражает искренность и доброжелательность, хотя существует значительный разрыв между требованиями монгольских князей и предварительными предложениями правительства.

Монголы настаивали на полной автономии, за исключением иностранных дел и пограничной охраны, а правительство готово было вложить в принцип автономии только вопросы территориальной неприкосновенности, самоуправления и административной реформы, которая бы отменила деление монгольских земель на китайские провинции. Делегат Панчен-ламы IX заявил, что движение, бесспорно, поддерживается большинством князей при активном участии небольшой, но активной составляющей из студентов<sup>81</sup>. Монголы уже успели принять основные подзаконные акты по предполагаемому управлению автономией и предлагали согласовать их с Нанкином, желая оставаться в составе Китая. Следует оговориться, что Панчен-лама IX, который в 1932 г. в значительной степени старался отговорить князей от вступления в Маньчжоу-Го, в этот раз в развернувшихся спорах между автономистами и Нанкином напрямую не участвовал и ни в какие комиссии и совещательные группы не входил, но своим присутствием демонстрировал правильность курса на достижение согласия между сторонами.

И уже 13 ноября 1933 г. монгольская сторона заявила об отказе от формирования независимого правительства во Внешней и Внутренней Монголии, но продолжала настаивать на создании для управления Монголией специального органа, который бы, минуя представителей власти в провинциях Чахар и Суйюань, напрямую контролировался из Нанкина<sup>82</sup>. В тот же день китайские посланники были приглашены в Монастырь Великого ламы в Байлинмяо, где настоятель организовал специальный молебен в их честь. При посещении храма Хуан Шаохун просил Пан-

чен-ламу IX, сопровождавшего его в поездке, молиться за разрешение ситуации<sup>83</sup>, после чего буддийский иерарх высказал желание посетить Нанкин<sup>84</sup>. Со смертью Далай-ламы XIII 17 декабря 1933 г. позиции Панчен-ламы IX значительно укрепились, и 20 декабря 1933 г. он вновь поехал во Внутреннюю Монголию для участия в религиозных встречах<sup>85</sup>. Уже в мае 1934 г. официальная тибетская миссия отправляется в Наньчан, где планировалась встреча с Чан Кайши. Предполагалось вручить ему письмо от покойного Далай-ламы XIII и, по прогнозам наблюдателей, обсудить планы возвращения Панчен-ламы IX в Тибет<sup>86</sup>. Последний продолжал свои паломнические поездки по региону и в середине августа в сопровождении большой свиты отправился во Внутреннюю Монголию, прежде чем продолжить свой путь в Кукунор и вернуться в Тибет<sup>87</sup>.

Вместе с тем встреча 14 ноября 1933 г., на которой предполагалось обсудить детали отказа от автономии, окончилась безрезультатно — монгольские князья оказались непреклонны в некоторых из своих требований, хотя соглашение было подготовлено, согласовано и разногласия остались лишь в незначительных деталях<sup>88</sup>. 19 ноября Дэ Ван озвучил окончательный список условий мирного урегулирования вопроса, которые были рассмотрены нанкинскими посланниками. Нюансы подготовленного соглашения было решено обсудить в Байлинмяо на совместной конференции<sup>89</sup>. Часть наблюдателей высказывали сомнения относительно успеха миссии Хуан Шаохуна<sup>90</sup>, тем не менее 21 ноября 1933 г. монгольские князья согласовали все условия введения ограниченной автономии для центральных сеймов Чахара и Суйюани под прямым управлением Нанкина<sup>91</sup> вместо полного самоуправления. Этот компромисс, в случае одобрения Нанкином, предусматривал передачу всех монгольских доходов местным органам автономии<sup>92</sup>, защиту Монголии от китайской колонизации и уничтожение на ее территории силами центрального правительства бандитов, длительное время терроризирующих монгольское население, проживающее вдоль границы<sup>93</sup>. Миссия генерала определялась как помощь жителям Внутренней Монголии в налаживании взаимодействия с центральным китайским правительством<sup>94</sup>.

28 ноября 1933 г. крупная делегация монгольских князей прибыла в Гуйсуй<sup>95</sup> для участия в китайско-монгольской «братской» конференции, в ходе которой предполагалось выработать ряд рекомендаций для правительства в отношении создаваемой монгольской автономии<sup>96</sup>. Однако сложившаяся ситуация устраивала не всех представителей монгольской политической элиты. Уже 12 декабря 1933 г., согласно сообщениям в китайской печати, еще один Съезд монгольских князей, проведенный в Панкиане (Pankiang)<sup>97</sup>, к северу от Калгана, отклонил предварительное соглашение, достигнутое в Байлинмяо. Пекинские газеты опубликовали телеграмму, подписанную пятью князьями<sup>98</sup>, в том числе Дэ Ваном, которые отвергали компромиссное решение и вновь требовали полной автономии. Генерал Хуан Шаохун заявил, что он не получил ни одной телеграммы, и добавил, что состоялся обмен мнениями с князьями во время его недавнего визита и некоторые разногласия были урегулированы, но их не следует воспринимать как окончательное соглашение без сучка и задоринки. Поездка Хуан Шаохуна в Нанкин была отложена. Эти события происходили на фоне активизации японцев на востоке региона и могли быть частью планов по установлению контроля над этой частью Китая. Китайская пресса сообщила, что японские военные агенты приступили к возведению радиостанции на территории одного из восточных хошунов во Внутренней Монголии вблизи границы с Жэхэ, несмотря на возражения местных князей<sup>99</sup>.

Вслед за этим Дэ Ван выступил с пространственным обращением и попытался объяснить, почему монголы начали движение за независимость и объявили о намерении идти до конца в достижении своей цели. Основную причину стремления к самостоятельности князь видел в изменении ситуации после Синьхайской революции, когда свободный монгольский народ фактически лишился своей собственной земли и страны. В итоге монголы, объявленные одним из пяти народов Китая под единым флагом, ощутили потребность молодой республики не только и не столько в дружбе, сколько в земле и людях. Вдохновленные речами Сунь Ятсена о свободе и правах, монголы оказались разочарованы как прежним режимом, так и новым после его перемещения

в Нанкин. Единственное, что было сделано новым правительством, — это разделение территории на провинции, что позволило китайским фермерам выйти за пределы Великой стены и занять лучшие земли, вытесняя в засушливые пустынные районы монголов, продолжавших молчать и хранить верность республике. Однако китайцы не остановились и, забирая все больше и больше земель, сопровождали это опустошением мест исконно монгольского обитания и унижением жителей. В то же время на севере, во Внешней Монголии, хозяйничают иностранцы, поэтому население там бесправно, и помощи ждать неоткуда. Бесправно оно и во Внутренней Монголии, из-за грабителей монголы больше не могут спать спокойно в своих юртах и вынуждены искать убежище на холмах. Несколько съездов князей и представителей всей Монголии были созваны в Байлинмяо, после чего в Нанкин направлены телеграммы о желании монголов жить как независимый народ, но в рамках республики, поэтому они пытаются организовать автономное правительство, но не независимое, а в соответствии с учениями Сунь Ятсена. Монголы отрицали свою связь с Японией, заявляя о том, что они — не революционеры, а лишь хотят жить на своей земле и сами заботиться о своем благополучии. На вопрос о судьбе китайских фермеров было заявлено, что поскольку они — обычные люди и товарищи (по канонам пяти народов), монголы будут относиться к ним как к братьям, которые попали в такую же ситуацию, и позволят им заниматься своим хозяйством и жить в мире, но обязательно прогонят грабителей. Сильное автономное правительство может помочь сформировать буфер между Китаем и странами на севере и на востоке, поэтому монголы и китайцы могут жить в мире и помогать друг другу. Движение не просит финансовой поддержки от Нанкина, монголы намереваются управлять страной, используя только свои ресурсы. Индустрию, которую они имеют, а также сельское хозяйство можно развивать, чтобы приносить пользу и монголам, и китайцам. Программа внутреннего развития предусматривает популяризацию образования среди монголов. В конце было заявлено, что все монгольские князья поддерживают движение, и что бы ни случилось, они останутся единым народом, готовым идти до конца.



О. Латтимор в своей книге «Монголы в Маньчжурии...»<sup>100</sup> подчеркивал, что любое движение к объединению монгольского народа было продиктовано двумя мотивами: 1) корыстными побуждениями князей, которые, с одной стороны, опасались усиления влияния Внешней Монголии, с другой — не хотели потерять своего относительно самостоятельного статуса по отношению друг к другу; 2) изменениями, которые произошли в монгольском национальном мировоззрении в результате создания новой империи Маньчжоу-Го и в ней — новой монгольской провинции<sup>101</sup>.

Однако, несмотря на столь радикальные заявления, партия «молодых монголов» пока была в меньшинстве, и 1933 г. завершился, а 1934 начинался достигнутым генералом Хуан Шоахунгом компромиссом<sup>102</sup>:

1. Монгольской стороне удалось добиться автономии, но лишь на части территорий.

2. Органы управления автономией получили весьма широкий круг полномочий, но лишь в центральных районах провинций Чахар и Суйюань, тогда как южные земли, где были сосредоточены основные людские и инфраструктурные ресурсы, сохранили власть провинциальных органов управления.

3. Специальный статус создаваемой автономии позволял обеспечить прямое подчинение национальному правительству в Нанкине, но ключевой блок вопросов (оборона, финансы и пр.) оставался под контролем китайских властей.

На данном этапе сложившаяся ситуация устраивала всех, но не была решена главная проблема — угроза японского вмешательства. Внутренняя Монголия в силу специфики социальной и экономической организации на тот момент не выступала в качестве рынка сбыта для Маньчжурии, испытывая при этом потребность в ее сельскохозяйственных возможностях и минеральных ресурсах. Стратегическая ценность региона определялась тем, что он соприкасался своими границами с Жэхэ, открывал доступ из Пекина в Северный Китай и имел выход к Восточному Туркестану.

Одновременно с этим существовала потенциальная угроза со стороны СССР, в связи с чем японцы стремились обезопасить свой левый фланг с целью исключить возможность вторжения

с этой стороны<sup>103</sup>. Чахар — одна из приграничных областей, в полной мере испытал последствия японского вторжения в Маньчжурию — монгольские земли наводнили организованные банды под командованием китайских военачальников, что, в свою очередь, провоцировало внимание японской стороны к приграничным территориям. Япония декларировала стремление обеспечить на них порядок, в связи с чем допускала свое непосредственное вмешательство.

Генерал Хуан Шаохун в интервью «Пекинской утренней почте» заявил о том, что ситуация с автономизацией во Внутренней Монголии не внушает оптимизма, и, с точки зрения национальной обороны, экономики и образования, китайское руководство не может поддержать движение за учреждение автономного правительства во Внутренней Монголии. Экономика Внутренней Монголии в целом и отдельные отрасли производства все еще зависят от кочевого образа жизни, поэтому при сложившихся обстоятельствах бесполезно ожидать, что монголы будут в состоянии обеспечивать экономическое развитие своего региона или заниматься вопросами национальной обороны, да и образование немногочисленные их представители получают в основном в китайских учебных заведениях. Генерал с иронией добавил, что даже если допустить, что каждый образованный монгол будет включен в состав автономного правительства, регион все еще будет нуждаться в компетентных специалистах на ключевые правительственные должности.

Маршал Фэн Юйсян, в свою очередь, утверждал, что движение за автономию не является сепаратистским, как, например, в Фуцзяни, поэтому оно заслуживает сочувствия каждого разумного китайца, но необходимо учитывать объективные факты, затронутые Хуан Шаохуном в его речи. У монгольских лидеров есть важная роль, которую они должны играть в автономистском движении, — быть посредниками между национальным правительством и населением Внутренней Монголии, а не выступать с пессимистичными речами или проявлять безразличие. Монгольским студентам Фэн Юйсян рекомендовал воздерживаться от эмоций и резких действий, мотивировав это тем, что агрессивные соседи Китая уже начеку и используют любую возможность

захватить китайскую территорию, тем более что есть подозрение в наметившемся разладе между представителями автономистов Внутренней Монголией и национальным правительством в Нанкине, а тогда пострадают и китайцы, и монголы. В то же время он советовал центральному правительству более ответственно заниматься монгольскими делами<sup>104</sup>.

*Создание Политического совета Монгольской автономии  
7 марта 1934 г. и последствия этого шага*

1 января 1934 г. Исполнительный Юань провел заседание, на котором окончательно решил вопрос о создании Монгольской автономии, проект соответствующего постановления был утвержден и направлен после прохождения необходимых процедур в Центральный политический совет Гоминьдана<sup>105</sup>. 22 января 1934 г. представители монгольской стороны обратились к президенту Китая Лину Сеню с просьбой о корректировке нормативных правовых актов, которая позволила бы сосредоточить управление концессиями на территории автономии в руках монголов<sup>106</sup>. Вслед за этим 12 февраля 1934 г. монгольская сторона направила своих делегатов в Нанкин для участия во встрече с китайским руководством. В их честь премьер-министр Ван Цзинвэй организовал специальный прием, на котором пообещал более подробно изучить возможность формирования автономного монгольского правительства<sup>107</sup> и связанные с этим вопросы. Уже весной пришло подтверждение принятия условий — отныне монгольские пастбища не могли быть переведены в сельскохозяйственные земли и не подлежали передаче китайским фермерам. Хошуны должны были оставаться неизменными в своих границах и становились абсолютно независимыми от провинциальных властей, которые до сих пор навязывали им свою волю. Отдельные аспекты договоренностей касались налоговых вопросов: налоги должны собирать сами монголы, и они освобождались от уплаты провинциальных налогов. Кроме того, центральное правительство обязалось предоставлять ежемесячные субсидии для поддержки отдельных направлений развития местных территорий и оказания помощи в покрытии расходов местных органов власти<sup>108</sup>.

Одновременно с этим произошли и другие изменения в системе государственного управления северными территориями. Так, было принято решение об упразднении Военного совета Северного Китая, которым руководил Хэ Инцин, получивший новую должность — фактического куратора Монгольской автономии в качестве председателя одноименной комиссии<sup>109</sup>. Для согласования необходимых процедур и назначений 7 марта 1934 г. в Пекине была проведена конференция. Представители монгольских хошунов выдвинули князя Юнь Вана председателем формируемого Политического совета Монгольской автономии и одобрили предпринятые центральным правительством шаги, включая и назначение генерала Хэ на важный пост<sup>110</sup>. Во встрече принял участие и Хуан Шаохун. Церемония вступления в должность генерала и начало работы новых учреждений были намечены на конец марта — начало апреля 1934 г.<sup>111</sup>, а формирование монгольских органов управления предполагалось завершить до 1 мая того же года<sup>112</sup>. Однако оставалась еще одна проблема — японское присутствие в регионе и явное желание Японии более активно вмешиваться в монгольские дела. Попытка убедить представителей Нанкина в необходимости начать переговоры с японцами о восстановлении сообщения с Долоннором оказалась безуспешной. Одновременно с этим из Калгана отправился в поездку по Внутренней Монголии председатель Комиссии по делам Монголии и Тибета Исполнительного Юаня Ши Цинъян. Официально его миссия сводилась к призыву монгольских князей покончить с разногласиями и не терять времени в создании самостоятельного правительства, чтобы сорвать предполагаемые японские планы в этом регионе. Неофициальной задачей нанкинского чиновника было выяснение японских намерений в отношении этих территорий<sup>113</sup>.

Между тем 2 апреля 1934 г. в Байлинмяо прошла встреча монгольских князей, которые хотели пересмотреть условия центрального правительства в отношении автономии<sup>114</sup>. На ней большинство участников поддержали ранее достигнутые договоренности и осудили предложения о выходе из состава Китая, присоединении к Маньчжоу-Го и передаче власти императору Кан-Дэ<sup>115</sup>. Уже на следующий день, 3 апреля 1934 г., князь Юнь

Ван был официально выдвинут на пост председателя Политического совета Монгольской автономии<sup>116</sup> и утвержден в качестве такового 24 апреля того же года.

Тогда же появилась информация о том, что часть князей были приглашены японцами в столицу Маньчжоу-Го Чанчунь / Синьцзин, предположительно, для выражения преданности новому императору Кан-Дэ<sup>117</sup>. По словам Стюарта Ганзеля (жителя Висконсина, который в течение девяти месяцев находился в доме князя Дэ Вана в качестве учителя английского языка его сына), местность была наполнена японскими грузовиками и флагами, а также солдатами армии Маньчжоу-Го, которые не встречали сопротивления. Ганзель подтвердил сообщение о создании беспроводной японской станции в Шилин-Голе и скептически высказался относительно открытия очередного съезда в Байлинмяо на следующей неделе<sup>118</sup>. О каком съезде шла речь, в заметке Ганзеля не сообщалось, смеем предположить, что японцы не оставляли попыток тем или иным способом расколоть монгольские элиты и заставить часть из них начать более активные действия по выходу из-под власти Нанкина.

Наконец, 24 апреля 1934 г. в Байлинмяо, куда съехались представители всех монгольских земель<sup>119</sup>, состоялась церемония в честь начала работы Политического совета Монгольской автономии, который наиболее одиозные круги называли автономным правительством Внутренней Монголии<sup>120</sup>. Учитывая сохраняющийся риск отделения, Китай, как мы видели из вышеприведенных данных, пошел на уступки и предоставил Внутренней Монголии большую часть требуемых льгот и привилегии. Политический совет, составленный из 41 представителя всех монгольских сеймов, включая и монголоязычных жителей Кукурнора, был выведен из подчинения провинциальной администрации, однако отдельные вопросы наибольшей важности подлежали утверждению китайскими советниками — представителями центрального правительства. Князь Юнь Ван был избран его председателем. В состав также вошел Дэ Ван, идейный вдохновитель движения за автономию, занявший должность генерального секретаря. У Хэлин стал главным советником при совете, Шаба получил назначение уполномоченного по гражданским

делам<sup>121</sup>, Жао Фухай / Буяндалай возглавил Управление охраны общественного порядка — аналог полиции, Бао Жэнь / Алтан-Очир — Управление промышленности и торговли, Фулинг А — Управление образования, Бао Юэчин / Сайнбаяр — Комиссию по финансам<sup>122</sup>, Бай Юньти / Цырэн Донров как член комиссии, возглавляемой Хэ Инцинем, представлял Нанкин. Ему было поручено открыть церемонию<sup>123</sup>.

Особенностью нового государственного органа была значительная роль так называемых младших князей, которые до сих пор не имели голоса в монгольских делах. Молодые люди, в основном выпускники китайских университетов, говорили с энтузиазмом о своем намерении провести революционные преобразования в Монголии, чтобы осовременить едва тронутые цивилизацией земли<sup>124</sup>. Монголы заявили о намерении превратить Байлинмяо в крупный торговый центр и призвали к финансовым вложениям в регион<sup>125</sup>. Была разослана циркулярная телеграмма, в которой Политический совет в соответствии с пожеланиями монгольского народа и в рамках договоренностей с китайским центральным правительством, объявлял о начале своей деятельности. Члены совета заявляли, что обязуются делать все возможное для удовлетворения пожеланий центрального правительства<sup>126</sup>, а также действовать в соответствии с тремя народными принципами доктора Сунь Ятсена<sup>127</sup>.

Нанкинское правительство согласилось выделять ежемесячно 50 тыс. долларов на поддержку автономии. Расположение столицы на этом этапе не было определено, в то время как многочисленные департаменты и бюро временно находились в монастыре Байлинмяо. С целью укрепления связей между Монголией и Китаем и улучшения коммуникаций было принято решение установить десять беспроводных станций связи в отдаленных районах. Это позволило бы совету поддерживать связь с Нанкином без посредников, напрямую. Некоторые автономисты отмечали, что эти действия свидетельствуют о косвенном признании монголами суверенитета нанкинского правительства и подразумевают отказ от принадлежности к дому Цин<sup>128</sup>. Нанкин, пресекая подобные толки, заявлял, что готов удовлетворить требования монголов о самоуправлении, но не допустит полную независимость.

Для обеспечения этого решения был определен надежный человек — генерал Хэ Инцин, который ушел с поста военного министра и занял должность председателя Комиссии Монгольской автономии<sup>129</sup> и уполномоченного по урегулированию ситуации с движением за автономию во Внутренней Монголии, тем самым центральное правительство давало понять, что в случае необходимости оно готово реагировать в достаточной степени жестко. Изначально генерал пытался отказаться от этой неоднозначной задачи, но в итоге был вынужден согласиться под давлением Чан Кайши и Ван Цзинвэя<sup>130</sup>. Сразу же по возвращении из Байлинмяо он сделал заявление прессе о том, что японские военные власти в Маньчжурии завершили формирование планов по захвату западной части Внутренней Монголии<sup>131</sup>. Их ресурсов, включая около 200 грузовиков и большое количество военных, достаточно для захвата провинций Чахар, Суйюань и прилегающих территорий в срок, не превышающий двух недель. Выражая сожаление в связи с быстрым оттоком населения региона и отсутствием коммуникаций, генерал Хэ заявил, что во всем регионе для призыва на военную службу в случае вторжения имеется не более 60 тыс. трудоспособных мужчин, способных участвовать в боевых действиях<sup>132</sup>. Тем не менее на этом этапе обе стороны проявили политическую волю и достигли компромисса, который, с одной стороны, не позволил Японии предпринять активные шаги по установлению контроля над регионом, а с другой — ограничил устремления самих князей к расширению сферы их влияния за счет Внешней Монголии, успешно противостоящей как «возвращению» к Китаю, так и переходу на японскую сторону.

В исследуемый период времени, по мнению наблюдателей, Внешняя Монголия / Халха не являлась ни коммунистической, ни феодальной страной, а скорее, постепенно склонялась к коммунизму путем ликвидации старых традиций и истребления прежних господствующих классов<sup>133</sup>. При этом ситуация была очень схожа со сложившейся во Внутренней Монголии — неопределенное, с точки зрения развития, положение молодых людей против комфорта аристократов и священников, поведение китайцев, чувствующих себя хозяевами на этой земле, приводи-

ли к осознанию необходимости перемен и созданию сильного движения, способного при помощи извне обеспечить достигшие результаты.

Схожая схема наблюдалась и в Маньчжурии, когда туда пришли японцы и «подарили» автономию провинции Хинган (Синьянь) — самой крупной административно-территориальной единице нового государства, примыкающей к Внешней и Внутренней Монголии. Обеспечив необходимый уровень самоуправления для монгольского населения и изгнав китайских крестьян-переселенцев, японцы обрели союзников и надежную экономическую базу для разведения особых, устойчивых к холодам, пород овец. В то же время все понимали, что экономическое сближение этого региона с Японией не является конечной целью Страны восходящего солнца, это лишь часть общей проблемы региональной безопасности и для России, и для Китая, в результате развития которой рано или поздно Япония должна была приступить к более комплексным действиям по внедрению в глубь материка.

Поэтому подозрения Нанкина в связях отдельных князей с японской стороной были продиктованы не бездумным стремлением сохранить мифический суверенитет, а, скорее, вопросом сохранения контроля над богатыми ресурсами и стратегически важным регионом для обеспечения стабильности во всем Китае.

Что касается Дэ Вана, то ему так и не удалось опровергнуть сообщения о его связи с японцами: аналитики по-прежнему утверждали, что последние влияли на движение автономистов и спонсировали формирование различных группировок, чтобы внести раздор между монгольскими политическими элитами и установить контроль над ними. Пытаясь при этом играть на обе стороны, князь информировал нанкинское правительство о том, что более тысячи корейцев и японцев, прибывших в регион в последние несколько месяцев под видом торговцев, были агентами, хорошо владеющими китайским языком и ведущими активную антикитайскую пропаганду. Дэ Ван добавил при этом, что он послал сообщения другим князьям в Монголию, чтобы они были начеку<sup>134</sup>. Похожее событие произошло 1 июня 1935 г., когда Дэ Ван «...вместе с косматым телохранителем и десятком монгольских воинов» спешно нанес визит Хэ Инциню в Пекине, прибыв туда



поездом из Калгана<sup>135</sup>. Он сообщил, что несколько дней назад в его дворец на севере Калгана явился японский полковник (имя не упоминается) из Долоннора и потребовал предоставить ему право установить беспроводную станцию, организовать военную миссию<sup>136</sup> и перенести штаб-квартиру Политического совета из Байлинмяо на место под названием Peisemiao<sup>137</sup> приблизительно в 100 милях к северу от Долоннора<sup>138</sup>, на середине пути между Маньчжоу-Го и Внутренней Монголией. Пробыв в Пекине около недели, 9 июня 1935 г. князь вернулся в Калган. При этом одни эксперты заявляли, что князь продемонстрировал Хэ Инциню лояльность по отношению к правительству в Нанкине, другие — что в Пекине князь тайно встречался с японскими офицерами<sup>139</sup>.

В конце сентября 1934 г., действуя согласно инструкциям, полученным от японцев, монгольские лидеры провинции Жэхэ направили приглашения монгольским князьям и лидерам во Внешнюю и Внутреннюю Монголию на конференцию в Жэхэ, проводимую в октябре. Японцы помогали им сформировать совет за движение к самостоятельности в столице провинции г. Чэндэ<sup>140</sup>. Подобные акции проводились и в других регионах страны, особенно они участились к осени 1935 г., когда многим стало очевидно грядущее политическое преобразование региона. Тогда пропаганда приняла открытый характер, а к агитации за установление автономии в пяти северных провинциях (Чахар, Хэбэй, Шаньси, Шаньдун и Суйюань) подключалось все большее количество японских агентов<sup>141</sup>.

В то же самое время первым важным шагом Монгольской автономии стало формирование Центральной монгольской армии, отсутствовавшей в истории Монголии как институт на протяжении нескольких веков. Группы красочно костюмированных всадников, молодых выпускников монгольских, китайских и японских военных академий, прибывали верхом ежедневно в Байлинмяо из различных областей для обучения искусству ведения современной войны<sup>142</sup>. Однако, несмотря на показательный характер возрождения древних традиций и имперских начал, новая монгольская власть была слаба как в военном, так и в экономическом плане. Заявив ранее о том, что она не нуждается в китайских субсидиях, тем не менее принимая их, Монгольская автономия с первых дней испытыва-

ла множество трудностей при выполнении своих обязательств внутри нового региона. Чтобы выправить ситуацию, были предприняты усилия по наладке добычи полезных ископаемых, используя шахты вблизи Байлинмяо<sup>143</sup>. Однако, как только началась работа, князь Юнь заболел, его окружение восприняло это как дурную весть и проявление гнева высших сил, поэтому работы были остановлены и начались консультации с астрологами<sup>144</sup>.

К концу октября 1934 г. Нанкин считал свою задачу по умиротворению ситуации в Монголии выполненной. Так, 26 октября 1934 г. Хэ Инцинь заявил в интервью одной из китайских газет, что он установил прочные связи с монгольскими лидерами, включая князей Юня и Дэ, все недоразумения устранены, и провинциальные власти в Чахаре передали монгольской стороне необходимые полномочия для управления своими территориями<sup>145</sup>. Одновременно с этим было принято решение о строительстве новой столицы автономии. К реализации плана приступили через год, и уже в сентябре 1935 г. руководство автономии заказало 20 тонн пиломатериалов в Тяньцзине для строительства новой резиденции. По сообщениям наблюдателей, руководители автономии, включая и князя Дэ, живут просто и экономно, последний размещал свою штаб-квартиру в традиционной юрте — гэре<sup>146</sup>. В дополнение к поставкам строительных материалов Нанкин пообещал обеспечивать содержание Политического совета в размере 30 тыс. долларов ежемесячно<sup>147</sup>. Дэ Ван и Юнь Ван, в свою очередь, высказали намерение приехать в Нанкин в середине ноября, чтобы выразить признательность за помощь китайского правительства, оказанную Политическому совету<sup>148</sup>. Таким образом, 1934 г. заканчивался консенсусом, несмотря на все провокации как с японской стороны, так и со стороны «молодых» монголов.

1935 г. начался с очередного пограничного конфликта, который едва не перерос в открытое столкновение. Он был отражением подобных событий по всему периметру территории японского присутствия и контроля и демонстрировал эффективность модели поведения японской стороны. Спорная территория представляла собой узкий выступ, простирающийся от юго-западного угла бывшей провинции Жэхэ и далее — к Великой стене, которая считалась естественной и признанной границей с Китаем.

Япония обратилась к председателю правительства провинции Чахар генералу Сун Чжэюаню с просьбой вывести китайские войска из этого района, поскольку они иногда заходили на спорную территорию. В период с 20 по 23 января произошло несколько столкновений, в результате которых спорный район заняли японцы. Для урегулирования разногласий была проведена совместная конференция заинтересованных сторон, однако ситуация осталась неизменной.

25 января произошел еще один инцидент, примерно в 500 милях к северу, в окрестностях оз. Буйр-Нур — важного объекта рыболовства, являющегося частью границы между Внешней Монголией и провинцией Синъань (Хинган). Небольшое столкновение между пограничниками Внешней Монголии и Маньчжоу-Го было улажено мирным путем, однако породило слухи о намерении японцев в июне текущего года начать активные действия против Чахара. Еще в декабре 1934 г. японский министр Ариэши решительно отрицал посягательства Японии на Чахар как сферу интересов Маньчжоу-Го<sup>149</sup>.

Эта ситуация спровоцировала территориальные споры руководства провинции и Монгольской автономии, касающиеся числа уездов, на которые автономия распространяла свою юрисдикцию. От количества уездов зависело число отделений по сбору налогов и установленных транзитных пошлин на товары из других провинций, что способствовало бы пополнению регионального бюджета. Согласно официальной статистике, в последнее время происходило резкое увеличение населения, которое на момент провозглашения автономии составляло около 1,5 млн чел.<sup>150</sup> Так, например, пытаясь уладить очередной спор, Политический совет принял решение об отправке войск для насильственного свержения Доржи, князя одного из западных суйюаньских хошунов, который отказался покинуть свой пост. Доржи, в свою очередь, обратился за помощью к соседним хошунам<sup>151</sup>.

Автономисты Внутренней Монголии предпринимали попытки создания своеобразного демилитаризованного буферного государства между Маньчжоу-Го и Китайской Республикой, тогда как ситуация в северных районах, подталкиваемых к самостоятельности непопулярной политикой Гоминьдана в области де-

нежной реформы, угрожала экономическим интересам китайской стороны<sup>152</sup>. Ситуация вызвала протесты властей провинции Суйюань, которые заявили, что подобные произвольные меры, принятые монгольскими властями, приведут к ликвидации внутренней торговли в этой провинции, которая зависела на тот момент в основном от рынка Внутренней Монголии. Дело для урегулирования было направлено на рассмотрение центрального правительства<sup>153</sup>. Однако, не дожидаясь решения Нанкина, армия Фу Цзои начала наступление на монгольские территории. Таким образом, возникла угроза гражданской войны, ведь подспудно возникал вопрос и о контроле над районами вдоль границы. Дэ Ван связался с генералом Хэ Инцзынем и попросил заступиться за монголов, замедлив продвижение войск<sup>154</sup>. В свою очередь Комиссия Монгольской автономии провела заседание, по итогам которого предложила монгольской стороне 1 млн долларов для развития ее промышленности и возможность открыть филиалы монгольских компаний в Калгане, Баотоу и Синине<sup>155</sup>. Но столкновения избежать не удалось, что в итоге привело к открытому военному противостоянию.

25 ноября 1935 г., получив информацию о намерении монгольской стороны, подстрекаемой японцами, провозгласить независимость и об увеличении численности гарнизона Байлинмяо с 4 до 8 тыс. вооруженных людей, военное командование провинции Суйюань решило немедленно атаковать врага и отправило два полка пехоты и полк кавалерии по обходному западному маршруту. Атака началась в понедельник вечером, а во вторник утром, 26 ноября, Байлинмяо был занят, повстанцы в беспорядке обратились в бегство на восток. Японские самолеты-разведчики обнаружили, что над городом развеивается китайский флаг. Таким образом, власти провинции получили контроль над главным караванным путем от Гуйсуя до штаб-квартиры автономии.

Победа вызвала в Северном Китае бурю эмоций, местные патриотические газеты выступили с призывом к генералу Сун Чжэюаню, который в этот период занимал должность губернатора Хэбэя, выдвинуться на север от Калгана, прервать связь повстанцев с японцами и захватить все монгольские земли, ранее подчинявшиеся правительству Чахара. По сообщениям наблюда-

телей, начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Сэйсиро Итагаки 26 ноября 1935 г. днем вылетел из Чанчуня в Чжанбэй, чтобы встретиться с лидерами повстанцев<sup>156</sup>. Развитие событий в регионе оказалось необратимым и спровоцировало глубокий политический и военный кризис, из которого Внутренняя Монголия уже не вышла. Был взят курс на интеграцию с прояпонскими силами.

Решение противоречий между западными хошунами Внутренней Монголии, которое тянулось последние несколько месяцев, завершилось в начале декабря соглашением в Гуйсуе. Стороны приняли его под давлением и на условиях, выдвинутых центральным правительством<sup>157</sup>.

Новая Конституция Китая, разрабатываемая для принятия на предстоящем Национальном конгрессе Гоминьдана, в своих положениях должна была предусматривать право на самоопределение для монгольских народов, которые наравне с тибетцами, маньчжурами и мусульманским населением представляли собой группы национальных меньшинств, а также предоставление местной автономии Монголии, о чем хошуны и сеймы неоднократно заявляли свои ходатайства. Общие же требования монгольских элит на этом этапе развития государственности сводились к следующему:

1. Реализация права национальных меньшинств страны на самоопределение и автономию.

2. Наделение хошунов в пределах монгольской территории полномочиями на автономное управление и формирование собственных органов, находящихся в непосредственном подчинении центрального правительства.

3. Предоставление гарантий защиты средств к существованию местного монгольского населения.

4. Создание центральным правительством механизма поддержания коренной монгольской культуры и быта, в том числе посредством особых условий для получения образования и продвижения по государственной службе<sup>158</sup>.

Значительно позже, в начале 1936 г., Политический совет Монгольской автономии предложил решительные меры по воссозданию культуры древних монголов — тех времен, когда Чингисхан

и Хубилай управляли половиной мира. В монастыре Байлинмяо был основан Монгольский институт культуры в составе шести факультетов, работающих в области социальных наук, истории, биологии, искусств. Планировалось распространить монгольский язык (письменный и разговорный) до уровня свободного владения им всеми монголами страны; публиковать образцы монгольской классической литературы; приложить усилия, чтобы популяризировать монгольскую архитектуру и декоративное искусство. Также предполагалось исследовать древние монгольские руины, захоронения важных людей и далее на основе археологических находок создать музей и наполнить его соответствующими экспонатами<sup>159</sup>. Но пока подобные мечты витали в воздухе, пусть и с меньшими энтузиазмом и уверенностью, чем в 1932–1934 гг., реальность оказывалась куда более жестокой.

После получения известий об очередной попытке объявить независимость монгольских земель генерал Сун Чжэюань как председатель Хэбэйско-Чахарского политического совета незамедлительно созвал экстренное совещание, чтобы рассмотреть карательные меры в отношении сепаратистов. Центральному правительству была направлена телеграмма с запросом на получение инструкций, а князь Юнь Ван в телеграмме в Нанкин вновь публично высказал лояльность по отношению к нему, осудив движение за независимость<sup>160</sup>. Следом глава автономии предложил свою помощь Сун Чжэюаню, который рассматривал вопрос об отправке карательных отрядов в Монголию. Крупные отряды японских войск из Жэхэ и Восточного Чахара вступили в восточные районы Внутренней Монголии для оказания помощи монгольским мятежникам в случае возможного нападения РККА, размещенной на монгольско-советской границе<sup>161</sup>. Таким образом, обозначились два противостоящих друг другу лагеря под руководством авторитетных монгольских лидеров. Но ситуация пока не вышла из-под контроля и не достигла точки невозврата.

В целом же следует констатировать, что события, начавшиеся летом 1933 г., привели к возникновению движения за автономизацию региона. На первоначальном этапе развития оно не было движением за независимость и, по замечанию О. Латтимора, представляло собой «...попытку выяснить в первую очередь,

можно ли получить более благоприятные условия, оставаясь в составе Китая, чем в составе Маньчжурии. Нанкинское правительство, похоже, готово гарантировать иммунитет от дальнейшей колонизации и даже от провинциального надзора. Однако приграничные провинции Китая решительно возражают против щедрой политики в отношении монголов»<sup>162</sup>.

В определенной мере подобные шаги были выгодны провинциальным властям, поскольку серьезно подрывали авторитет Нанкина в глазах монголов, снижали его влияние и демонстрировали, что последнее слово остается за губернаторами провинций, которые несли все бремя поддержания порядка на границе, а значит, должны были получать от этого и значительные преференции. Тем более что речь шла не только о политике в чистом виде, но и о средствах, на которые Монгольская автономия претендовала с самого начала в виде субсидий и налоговых поступлений, уходивших до этого в провинциальную казну, отказываться от них губернаторы не собирались.

Так или иначе, но к декабрю 1935 г. государственность Внутренней Монголии, до этого развивавшаяся в направлении формирования новой полноценной автономной структуры, резко сменила курс в сторону независимости. Данное обстоятельство вызывало опасность как в политическом плане, угрожая потерей престижа и демонстрируя слабость центральной власти, так и в военно-экономическом, открывая дорогу японцам на Пекин, Тяньцзинь и в западные провинции с их портами, таможенными и нефтяными месторождениями.

### **3.2. Военное правительство Внутренней Монголии. На пути к независимости**

*Зимний кризис Монгольской автономии  
и первое провозглашение независимости  
(декабрь 1935 — январь 1936)*

22 декабря 1935 г. в очередной раз появилась информация о том, что Дэ Ван намерен провозгласить независимость западной части Внутренней Монголии, решение о которой было принято несколь-

кими днями ранее. Он якобы призвал своих соратников присоединиться к нему, о чем сообщила пресс-служба в Синьцзине<sup>163</sup>. Провозглашение было совершено при участии командования японскими войсками в Восточном Чахаре, которое дало Политическому совету в Байлинмяо 15 дней на формирование автономного правительства и разрыв отношений с Нанкином. Незамедлительно был установлен запрет на вывоз серебра с подконтрольных территорий, а следом были выдвинуты кандидатуры из числа японских советников для назначения в планируемые к созданию органы власти и учреждения. Два высокопоставленных японских офицера армии отбыли из Жэхэ в Байлинмяо, чтобы провести консультации по включению Внутренней Монголии в состав Маньчжоу-Го<sup>164</sup>.

Одновременно с этим появилась информация о том, что князь Дэ телеграфировал в Нанкин запрос о своих дальнейших действиях<sup>165</sup>. В очередной раз складывалась ситуация, при которой наблюдалась попытка балансировать между двумя противоборствующими лагерями.

Отметим, что к этому времени на подконтрольных японцам территориях оказалось уже около 2 млн чел. Японское военное командование объявило о необходимости принятия энергичных мер против советского влияния, поэтому движение за независимость в определенной мере совпадало с основными направлениями деятельности Квантунской армии на материке по противостоянию коммунистической угрозе и налаживанию взаимодействия между Внутренней Монголией и Маньчжоу-Го<sup>166</sup>.

25 декабря 1935 г. опубликована Декларация независимости Внутренней Монголии. Хэбэйско-Чахарским политическим советом была предпринята попытка блокировать информацию об этом событии, но, несмотря на строгую цензуру, многие детали просачивались в СМИ и другие источники. Основные положения декларации включали полную самостоятельность Внутренней Монголии в соответствии с пожеланиями представителей некоторых сеймов и хошунов. Сообщалось о том, что данный акт был необходим для защиты территории от угрозы, исходившей от Советов через Внешнюю Монголию<sup>167</sup>. По мнению экспертов, этот шаг был спровоцирован и поддержан японскими военными, намеренными противостоять советизации.



Японские источники сообщали, что советские силы на китайской границе и в Хабаровске увеличены до 220 тыс. чел. из-за повторяющихся в этих районах инцидентов и провокаций, инициируемых властями Маньчжоу-Го, которые действовали в соответствии с инструкциями японской стороны. Представитель Министерства иностранных дел Маньчжоу-Го заявил, что военные Внешней Монголии при участии советских офицеров являются ответственными за несколько атак, проведенных на погранзаставах Маньчжоу-Го, маньчжурские пограничники ответили на них контратакой. Также маньчжурские власти отмечали неискренность со стороны советского Министерства иностранных дел, сознательно задерживавшего формирование совместной Комиссии по урегулированию границы<sup>168</sup>.

Князь Юнь Ван организовал конференцию князей для обсуждения японских условий. 27 декабря 1935 г. шанхайские информационные агентства сообщили о заявлении Политического совета в Байлинмяо (со ссылкой на решение этой конференции) о полном отказе от японских предложений по созданию независимого режима для монгольских территорий. На конференции принято решение о формировании на основе находящихся в распоряжении монгольских войск регулярной армии для защиты от возможного вторжения войск Маньчжоу-Го или японских военных. В китайскую столицу была направлена телеграмма, содержащая заверения в преданности центральному правительству. Был озвучен вопрос о материальной поддержке со стороны Нанкина в случае начала военных действий во Внутренней Монголии, а центральному правительству было настоятельно предложено направить своего представителя, обладающего соответствующими полномочиями, для решения сложившейся ситуации, которая с каждым днем ухудшалась<sup>169</sup>.

Фу Цзои отдал приказ о перемещении двух батальонов к границе с Чахаром, что должно было послужить сигналом генералу Ли Шоусину, командующему союзными маньчжуро-монгольскими войсками, дислоцированными в 30 милях от Калгана, находящегося на грани японского захвата<sup>170</sup>. Под контролем генерала оказались плодородные сельскохозяйственные земли и пастбища на территории около 150 миль с севера на юг и 200 миль с востока

на запад. Именно этот генерал рассматривался на роль будущего монгольского лидера<sup>171</sup>. Фу Цзои пригласил девять монгольских князей во главе с князем Юнем в Гуйсуй для обсуждения мер против Дэ Вана, в то время как нескольких тысяч маньчжурских и монгольских военных проникли за пределы Чжанбэя и двинулись на запад по направлению к Калгану, в связи с чем возникла угроза их участия в предполагаемом вооруженном конфликте на стороне князя Дэ. Одновременно японские и маньчжурские силы продолжили концентрацию на границе с Внешней Монголией, где ситуация становилась все более напряженной после ряда недавних столкновений<sup>172</sup>. Князья же заявили, что предатели среди монголов будут пойманы и строго наказаны<sup>173</sup>.

29 декабря 1935 г. японские войска в Жэхэ и на западе Чахара получили приказ о выдвижении к позициям в Центральном Чахаре с целью обеспечения выполнения ранее заявленной Декларации о независимости<sup>174</sup>. Таким образом, к началу нового 1936 г. сформировались две группировки, одна из которых, во главе с Дэ Ваном, ратовала за создание независимого правительства в Байлинмяо, а другая, с участием князя Юнь и генерала Фу Цзои, приступила к подготовке карательной операции против князя Дэ, в то время как Сун Чжэюань, в очередной раз пытаясь стать арбитром в этом непростом вопросе, пригласил Дэ Вана в Пекин для обсуждения ситуации<sup>175</sup>, пытаясь «сгладить углы». В результате не преуспел никто.

В целом же 1936 г. начинался не очень хорошо и для мировой общественности — не пройдет и трех недель, как в Великобритании скончается король Георг V. Политические кризисы спровоцируют отставку правительств в Египте и Франции, где в довершении всего сменится не только министр иностранных дел, но и весь внешнеполитический курс страны. В Греции восстановивший монархию годом ранее Георгий Кондилис вступил в сговор с Иоаннисом Раллисом, будущим ставленником А. Гитлера, в результате чего их коалиция получила 15 мест в парламенте, однако через пять дней после выборов новый премьер-министр умер от инфаркта, что спровоцировало новый политический кризис. Германия активизировалась в отношении своих бывших колоний, а Италия продолжала выдвигать претензии на Эфиопию.

В этих международных условиях Япония чувствовала себя в регионе более чем комфортно, подтолкнув Дэ Вана 9 января 1936 г. выступить с программной речью перед главами хошунов, в результате чего фактически половина монгольских князей перешла в оппозицию по отношению к центральным властям в Нанкине<sup>176</sup>.

Чувствуя свое превосходство, японцы выдвинули ряд требований в адрес председателя Хэбэйско-Чахарского политического совета Сун Чжюаня: во-первых, об аресте 50 китайских солдат, которые, как утверждалось, разграбили японский магазин и спустили японский флаг в Тагу; во-вторых, об увольнении командующего войсками и других должностных лиц в Тагу; в-третьих, о выплате компенсации японской стороне; в-четвертых, о прекращении антияпонской деятельности и гарантии принятия мер для недопущения повторения инцидента. Между тем войска Маньчжоу-Го заняли шесть приграничных уездов Чахара, уступки которых недавно потребовала Япония, и выдвинулись на Суйюань, захват которого, как ожидали китайцы, станет следующим шагом расширения японской экспансии ввиду его стратегического значения из-за железнодорожного сообщения с Внешней Монголией<sup>177</sup>. Захваченные уезды Северного Чахара стали предметом торга с монгольскими князьями, чтобы добиться их расположения, японцы делали щедрые подарки в виде оружия, боеприпасов и самолетов<sup>178</sup>.

18 января 1936 г. шанхайские средства массовой информации сообщали о том, что японцы стремительно распространяют свое влияние на Северный Китай<sup>179</sup>. Поводом для этого послужил тот факт, что монгольские вооруженные силы при участии отрядов армии Маньчжоу-Го вошли в столицу Северного Чахара Чжанбэй<sup>180</sup>. После этого маньчжурские войска были выведены из города, чтобы дать возможность монголам провозгласить независимость<sup>181</sup> (по другим данным, автономное государство<sup>182</sup>) и сформировать правительственные органы, что и было сделано<sup>183</sup>. Новое государство в СМИ стало фигурировать как Монгол-Го<sup>184</sup>, однако нам следует понимать, что журналисты не всегда точно понимали происходящее и не всегда четко транслировали имеющиеся у них данные, в связи с чем обращаем внимание на то, что в итоге под названием «Монгол-Го» в истории осталась

только полития, состоящая из центральных сеймов и хошунов Внутренней Монголии во главе с Дэ Ваном, ставшая ядром Мэн-цзяна.

Сам же князь Дэ именно в этот день, день смерти Редьярда Кипплинга, при участии своего давнего соратника Жодовжава<sup>185</sup> объявил себя верховным правителем Внутренней Монголии<sup>186</sup>. После чего на собственном самолете, подаренном японцами<sup>187</sup>, он отправился с визитом в Чанчунь<sup>188</sup> для подписания соглашения с маньчжурским императором Кан-Дэ / Пу И. По сообщениям шанхайских газет, в этот же день войска Внешней Монголии вторглись в Маньчжоу-Го<sup>189</sup>, изгнали из одного из населенных пунктов японских военных<sup>190</sup> и установили над ним контроль<sup>191</sup>.

В соответствии с соглашением, заключенным между монгольской стороной и Маньчжоу-Го, это государство брало на себя обязательство снабжать монголов боеприпасами и оказывать военную помощь<sup>192</sup>. Таким образом, началось формирование армии нового автономного режима<sup>193</sup>. Была произведена реорганизация монгольских военных частей в единый армейский корпус под руководством командующего маньчжурским военным корпусом У Чунсина<sup>194</sup>.

Теперь фактически японцы контролировали территорию в 2,5 тыс. кв. км с населением, состоящим в основном из китайских переселенцев. Над официальными зданиями установили монгольские флаги и было объявлено о введении календаря эры Чингисхана<sup>195</sup>. Вслед за этим Дэ Ван и командующий монгольской милицией генерал Цзо Шихай подписали и обнародовали циркулярную телеграмму, объявлявшую о независимости монгольского режима от Нанкина. Поспешность в оглашении объяснялась, по мнению аналитиков, давлением со стороны японцев<sup>196</sup>. В ответ на это 28 других монгольских князей послали совместную телеграмму на имя Чан Кайши, выражая поддержку центрального правительства и выступая против предлагаемой новой автономной схемы<sup>197</sup>.

В то же время военные соединения армии Маньчжоу-Го во главе с Лю Квейтаном, который выступал советником и военным экспертом для командования Квантунской армии, подошли к Баодинфу и взяли под контроль участок железной дороги Пекин —

Ханькоу, а батальон монгольской конницы вторгся в Восточный Чачар и занял побережье р. Панкиан<sup>198</sup> вблизи одноименного города.

В результате Япония сумела обеспечить создание буфера из Северного Китая против распространения коммунистической идеологии путем создания новых, как их называли пекинские корреспонденты газеты «Таймс», марионеточных государств, признающих японское господство<sup>199</sup>.

19 января 1936 г. поступила информация о том, что войска Ли Шоусиня захватили ряд ключевых населенных пунктов вблизи Калгана и окончательно установили контроль над дорогой Калган — Урга, но слухи о вторжении в Суйюань не подтвердились. Эксперты заявили о том, что японцы будут укреплять свои позиции в Чахаре через формирование автономного режима под руководством князя Дэ и в случае необходимости готовы оказать на него давление, чтобы добиться окончательной независимости от Нанкина.

Сам Дэ Ван, по отзывам наблюдателей, неохотно участвовал в этом процессе<sup>200</sup>. Так, например, он направил обращение на имя Фу Цзои с предложением не привлекать дезертиров из Байлинмяо в свои ряды, чтобы избежать неприятностей между восточными и западными монголами<sup>201</sup>. Такое поведение объяснялось и адекватной оценкой ситуации, которую князь был способен дать, и тем, что в его окружении оставались лояльные Нанкину люди. Однако они понимали, что если Дэ Ван уже публично высказал поддержку японской стороне, то в дальнейшем он вряд ли станет оказывать ей сопротивление. Это дало почву для заговоров, которые японцы старались пресекать, — одним из примеров их воздействия на непокорных монголов стало убийство монгольского князя Ни (Нямосора) 23 января 1936 г., совершенное 18 переодетыми людьми, они остановили его автомобиль в 7 милях к югу от Чжанбэя, когда он возвращался в Калган после совещания с князем Дэ и другими лидерами монгольского движения за независимость. И хотя личности убийц установлены не были, единственной приемлемой версией были политические мотивы.

Путешественники, прибывающие из Чахара, сообщали, что три князя при содействии маньчжурских вооруженных сил заня-

ли почти всю провинцию к северу от Великой стены и установили независимый режим со штаб-квартирой в Чжанбэе. Новый режим, по их версии, претендовал на власть и в отношении части провинции Суйюань, на территории которой размещались четыре западных хошуна чахарских родов. Главой движения назывался князь Дэ, который стремился преодолеть зависимость от Нинкина в надежде на то, что монголы сами смогут решать свою судьбу. Путешественники были убеждены, что речь не шла о разрыве всех связей со столицей, и автономисты надеялись на готовность китайского руководства пойти на уступки.

20 января 1936 г. князь Юнь, сложивший двумя неделями ранее с себя полномочия главы автономии, телеграфировал в Нанкин, что китайское правительство должно отправить карательные силы во Внутреннюю Монголию против мятежного режима, возглавляемого князем Дэ. Возникла угроза открытого конфликта между князьями, учитывая, что князь Юнь впервые предложил свои услуги центральному правительству в Нанкине. Многие усматривали в этом обращении просьбу о финансовой поддержке, которая гораздо успешнее помогла бы решить возникшую проблему, нежели затягивание ситуации и бесполезные препирательства сторон<sup>202</sup>. Попытка нерегулярных маньчжурских войск под предводительством Лю Квэйтана отрезать вооруженные силы провинций Шаньси и Суйюань, продвинувшиеся в охваченные войной районы, провалилась. Железнодорожные коммуникации между Шаньси и Хэбэем были восстановлены через несколько часов после остановки. Войска Маньчжоу-Го, которые вступили в восточные районы Чахара, совершили набеги на ряд деревень, трудоспособные мужчины которых были вынуждены работать на армию противника<sup>203</sup>.

Ситуация обострилась 30 января 1936 г., когда на границе Восточной Монголии и Маньчжоу-Го появился монгольский пехотный корпус в составе тысячи человек, поддерживаемый с воздуха авиацией, а на земле 200 грузовых автомобилей осуществляли военные поставки<sup>204</sup>. Его задача состояла в обеспечении маньчжурского присутствия на границе, в то время как власти Маньчжоу-Го предпринимали аналогичные меры для предотвращения коммунистической угрозы на границе с Внешней Монго-

лий. Японцы уже предоставили в распоряжение чахарских автономистов самолет и обращали все более пристальное внимание на соседние территории.

Появление в этих краях японцев существенно изменило ситуацию. В результате запоздалым решением Нанкин объявил о создании специального автономного Суйюаньского административного совета<sup>205</sup> в надежде на то, что он сможет решить японскую проблему в регионе. Прозвучавшее от Нанкина предложение реформировать Политический совет Внутренней Монголии вызвало резкий протест генерала Кэндзи Доихары, прозванного маньчжурским Лоуренсом<sup>206</sup>, он командовал военными соединениями Квантунской армии в Северном Китае. Кэндзи Доихара незамедлительно высказал генералу Ян Сишаню неофициальное предупреждение, предлагая не выполнять приказы Нанкина и прекратить посылать из Шаньси войска на защиту провинции Суйюань, одновременно генерал пригласил нейтральных монгольских князей Внутренней и Внешней Монголии принять участие в формировании новой администрации региона. Успех последней не вызывал сомнений и, по мнению аналитиков, являлся продолжением решительного продвижения Японии в глубь континента, очередным шагом к доминированию в Центральной Азии<sup>207</sup> с помощью культа Чингисхана, который для монгольского населения был более чем книжной легендой. Яркий образ, хранящийся в памяти народов многих стран, использовался в кризисный для региона период для сплочения монгольских народов<sup>208</sup>.

В тот же день, 30 января 1936 г., 17 монгольских князей все же были назначены Нанкином членами нового Политического совета Монгольской автономии. Обновленный совет являлся скорее данью обстоятельствам, чем реальной политической силой, тем более что большинство князей находились в оппозиции к князю Дэ<sup>209</sup>. При этом установление нового органа, Административного совета, в Гуйсуе фактически упразднило полномочия Политического совета на территории провинции Суйюань. Князь Юнь открыто выступил против этого шага из-за опасности еще большего раскола монгольских элит, в этом вопросе он занял сторону князя Дэ, своего политического противника в течение нескольких лет<sup>210</sup>.

3 февраля 1936 г. монгольская конница атаковала китайские гарнизонные войска в районе суйюаньской границы, но с тяжелыми потерями была отброшена правительственными войсками под руководством генерала Фу Цзои, который отныне принял на себя роль представителя Нанкина во взаимоотношениях с монгольской стороной.

4 февраля 1936 г. в Гуйсуе был запущен процесс формирования нового Административного совета, объявлялось, что он будет завершен до 10 февраля того же года. Генерал Хуан Мусун, председатель Комиссии по делам Монголии и Тибета, сообщил центральному правительству о наделении полномочиями членов нового совета — тех, кого успели в него назначить. Губернатору провинции Суйюань генералу Фу Цзои было предложено принять у них присягу, после чего 6 февраля этот орган приступил к работе. Целью его создания было замедление процесса монгольской автономизации и недопущение разделения Внутренней Монголии — отмечалось в сообщении Комиссии по вопросам Тибета и Монголии к Дэ Вану, направленном в ответ на протест совета в Байлинмяо против столь решительного шага Нанкина<sup>211</sup>, однако данный шаг ускорил процесс обособления центральной части Внутренней Монголии и переход ее под японский контроль. Главой Административного совета стал князь Шагдуржав. 13 февраля 1936 г. он прибыл в Гуйсуй, где Фу Цзои презентовал ему новый автомобиль. Официально вступление нового органа в полномочия предполагалось провести 2 апреля 1936 г., в день рождения Чингисхана, на их-чжуских землях современного Ордоса со столицей в Эджэн-Хоро<sup>212</sup>, в предполагаемом месте захоронения великого монгольского завоевателя. Выбор места был связан и с тем, что к новой монгольской столице вела всего одна автомобильная дорога, доступная только в зимние месяцы, будучи в остальное время погруженной в песок или грязь.

9 марта 1936 г. после очередных переговоров генерала Тады и князя Дэ<sup>213</sup> исключительно из символических соображений монастырь Байлинмяо был захвачен совместными японскими и маньчжурскими вооруженными силами. Те члены Политического совета, кто пытался оказать сопротивление<sup>214</sup> или не успел бежать, были арестованы или убиты. Телеграфные и проводные



коммуникации между Байлинмяо и Пекином были разорваны. Недалеко от ставки князя Юня оказались сосредоточены вооруженные силы князя Дэ с новой штаб-квартирой в Панкиане, ставшем ненадолго монгольской столицей. Сам Дэ Ван номинально был назначен заместителем председателя Политического совета<sup>215</sup>, в то же время представительство совета было открыто в Калгане под руководством князя Буиндалая<sup>216</sup>. К середине марта 1936 г., по сообщениям «United Press» со ссылкой на авторитетные политические источники в Нанкине, только 18 хошунов из центральной и западной части Монголии сохраняли связь с Нанкином — 6 хошунов из Улан-Цабского сейма, 7 из Их-Чжуского, 4 хошуна правого крыла Чахарского аймака и особый хошун Тумэта.

Потеряв Маньчжурию, большую часть Внутренней Монголии и сколько-нибудь значимый контроль над Северным Китаем, китайское правительство прилагало все усилия для сохранения верности оставшихся монгольских лидеров. Из крупных хошунов и сеймов, а также особых хошунов Чахара и Тумэта были захвачены японцами осенью 1931 г. Чжоудаский сейм и часть Чжеримского сейма. Остатки Чжерима и Чжосотуский сейм вместе с прилегающими к ним территориями вошли в состав Маньжоу-Го в 1933 г. после захвата провинции Жэхэ. В конце 1935 г. еще шесть хошунов Восточного Чахара, которые считались монгольской территорией, благодаря князю Жодовжаву оказались под контролем японско-маньчжурских сил. Жодовжав был наследным главой этой части чахарских земель и стремился присоединить к ним и некоторые земли, оказавшиеся в составе провинции Суйюань. Эти шесть хошунов имели ключевое стратегическое значение, поскольку через их территорию проходила магистраль, связывающая север с Калганом. Далее настала очередь Шилин-Гольского сейма, расположенного к северу от этих хошунов, что отрезало Нанкин и от этой территории.

Между тем японцы выстроили сеть радиостанций и осуществили прокладку военных дорог в недавно занятых монгольских уездах, которые были призваны играть важную роль в будущих отношениях между Японией и Советским Союзом. В Панкиане, ставшем новой столицей чахарской части Внутренней Монголии,

был построен военный аэродром и установлена беспроводная радиостанция, о чем сообщило окружение Сун Чжэюаня. При этом Дэ Ван повторно заявил о своей верности центральному правительству, но подтвердил информацию, что несколько японских агентов особого отдела Квантунской армии были размещены в Панкиане<sup>217</sup>.

В дополнение к внутренним конфликтам между монголами в регионе разразился страшный голод. Сообщения о нем были подтверждены новым Административным советом и властями Гуйсуя. Совет в телеграмме призывал помочь голодающим. Князь Пан в сопровождении членов совета с целью получить помощь от политических и торговых деятелей крупных китайских городов прибыл в Пекин, после чего направился в Нанкин<sup>218</sup>. От голода страдали и районы, занятые коммунистами. Так, уполномоченными властями по вопросам снабжения продовольствием сообщалось о случаях каннибализма в страдающих от голода районах северо-восточной провинции Сычуань, где, как писал корреспондент «Morning Post», население в основном питалось травой, корнями и корой деревьев. Эти районы пережили нашествие китайской Красной армии в 1933 г. и еще раз в 1934, в то время как осенью урожая не было, в результате сельское население значительно сократилось. Иностранцами миссионерами, путешествующими по районам, пораженным голодом, эти факты подтверждались. Также сообщалось о небывалом голоде во Внутренней Монголии, которая пережила тяжелейшую зиму. Подсчитано, что в некоторых районах монгольские пастухи потеряли до 90 % скота из-за непрекращающегося снегопада и бесконечной минусовой температуры<sup>219</sup>.

Из-за плохих метеоусловий совершать поездки во Внутренней Монголии было чрезвычайно трудно, в связи с чем новый съезд княжеской аристократии, намеченный на середину апреля 1936 г., на котором необходимо было обсудить вопросы целесообразности открытого выхода из-под контроля Нанкина и провозглашения независимости в провинциях Суйюань и Чахар<sup>220</sup>, был отложен. Князь Дэ Ван, занятый вопросами оказания помощи голодающим в Байлинмяо, вынужден был вернуться в свою штаб-квартиру в Панкиане.

*Создание Военного правительства Внутренней Монголии  
(25 апреля — 1 мая 1936)*

20 апреля 1936 г. под непосредственным контролем со стороны японских вооруженных сил в Шилин-Голе открывается III Съезд монгольских представителей, в котором приняли участие высшие слои аристократии Шилин-Гола, Чахара, Улан-Цаба, Их-Чжуского сейма, Алашани, эдзинские (Эдзин-Гол) представители и ряд более мелких князей. 25 апреля 1936 г. съезд принял решение о формировании Военного правительства и Национального войска. Некоторые СМИ поспешили назвать Дэ Вана главой вновь образованного органа<sup>221</sup>, однако тот сохранял сдержанность, не покушаясь на верховную власть. Не предпринимал он и попыток провозглашения независимости Внутренней Монголии, однако это не спасало его от обвинений в предательстве со стороны отдельных политиков из Нанкина<sup>222</sup>. Также утверждалось, что кроме него и нового главы ведомства юстиции — этнического монгола из Токио, все остальные позиции, например в области финансов, образования и коммуникаций, а также военных дел, заняли японцы<sup>223</sup>, что также не отвечало реальным обстоятельствам и было элементом антияпонской пропаганды.

Наиболее лояльные центральному правительству монгольские лидеры, контролируя некоторую часть своих исконных земель, все еще надеялись завершить дело миром, однако японцы к этому времени обеспечили свое устойчивое присутствие во Внутренней Монголии. Наблюдатели прогнозировали обострение ситуации после того, как японская сторона предпримет действия к установлению контроля над Административным советом в Суйюани<sup>224</sup>. Китайские источники сообщали, как мы указывали выше, что после потери Байлинмяо столицей Внутренней Монголии стал Панкаин (в 100 милях к северу от Чжанцзякоу)<sup>225</sup>, однако Гуйсуй более подходил на роль столицы и с исторической точки зрения, и с точки зрения ресурсов. Строительство автомобильной дороги, соединяющей Чжанцзякоу / Калган и Улан-Батор, стало осовной стратегической целью.

Между тем в другом крупном центре, Чжанбэе, японцы основали монгольское военное училище для подготовки 500 молодых

людей в возрасте от 15 до 25 лет в качестве высшего командного состава вооруженных сил Монголии, сообщала китайская газета «Домей Ванбао» («Tamei Wanbao»). Значительное число японских офицеров было расквартировано во дворце князя Дэ вблизи Панкиана, в то время как около 100 монгольских военных, верных генералу Ли Шоусину, разместились в Байлинмяо.

Японская газета «Ниппон» («Nippo») сообщила о секретном советско-китайском соглашении, подписанном в Нанкине, по которому предполагалось бойкотировать товары, поступающие из Японии через Маньчжоу-Го<sup>226</sup>, что могло ухудшить экономическую ситуацию в Японии.

Вслед за этим 1 мая 1936 г. было распространено сообщение о том, что отныне монголы намерены сами управлять Внутренней Монголией и не будут признавать над собой никакой другой власти. В определенных кругах, тесно связанных с Комиссией по делам Монголии и Тибета, считалось, что переговоры между князем Дэ Ваном и японскими военными не увенчались успехом из-за определенных жестких требований последних. Согласно этой информации, можно предположить, что данное обращение адресовано было в первую очередь монголам. События, связанные с казнью в Хайларе четырех монгольских лидеров Хингана, монгольской провинции в западной части Маньчжоу-Го, могли оказать влияние на то, чтобы монголы отвернулись от своих лидеров.

Представители Дэ Вана категорически отрицали слухи, что между ним и японскими военными было достигнуто соглашение против коммунистов<sup>227</sup>. Наблюдатели тоже сходились во мнении, что монгольские лидеры не имеют никаких иллюзий относительно того, чем для них грозит японское проникновение во Внутреннюю Монголию. Несмотря на осведомленность и понимание собственной уязвимости, они не были способны защитить свои земли без серьезной внешней поддержки<sup>228</sup>. Испытывая давление как с нанкинской, так и с японской стороны, спустя несколько дней Дэ Ван, попав в больницу, отказался от публичных выступлений и приема посетителей.

Японцы укрепили свои позиции в регионе — сразу же после съезда создаются налоговые органы в Чжанбэе и Чапсуре<sup>229</sup> во

главе с представителями Страны восходящего солнца, получившими контроль над всей торговлей (шкуры, шерсть, лошади и другие товары, имеющие большую долю в экспорте Внутренней Монголии). Посредникам и перекупщикам разрешалось беспошлинно вывозить товары только через Долоннор, во всех других случаях, включая дорогу через Калган, они были вынуждены платить высокие пошлины, иногда достигающие 100 % стоимости товара. Импорт также пострадал: японские спекулянты через Дайрен наладили поставку товаров автомобильным транспортом, желая минимизировать роль не контролируемой пока японцами железной дороги Пекин — Суйюань<sup>230</sup>.

11 мая 1936 г. беспокойство наблюдателей вызвал внезапный отъезд из Пекина в Байлинмяо особого представителя князя Дэ в бывшей столице<sup>231</sup>, что заставило думать о состоявшемся антикоммунистическом альянсе с японской стороной. В то же время, по неподтвержденным данным со стороны японской пропаганды, Дэ Ван объявил об установлении контроля над восточной частью провинции Суйюань. Это оказалось сделать не так уж сложно, ввиду того что в ранний республиканский период с 1914 по 1928 г. разделение между чахарскими и суйюаньскими землями было произведено искусственно и монголы его практически не замечали. В ответ на заявление князя губернатором Чахара была направлена телеграмма на его имя, призывающая оставаться лояльным Нанкину. Совет в Байлинмяо телеграфировал в Хэбэйско-Чахарский политический совет заверение в том, что никаких изменений в отношении статуса монгольских земель не произошло<sup>232</sup>.

Тем не менее японское военное присутствие в регионе с каждым днем ощущалось все более и более явственно. На маньчжуро-монгольской границе его обеспечивал Ли Шоусинь, который сам управлял территориями, называемыми некоторыми СМИ «Монгол-Го», на границе Чахара и Жэхэ (Восточный Чахар, о нем мы расскажем ниже). В его распоряжении находился крупный маньчжурский корпус солдат, и именно он был в числе тех, кто руководил захватом Байлинмяо в феврале 1936 г. Наблюдатели сравнивали ситуацию с тем, как развивались события в Маньчжоу-Го, начиная с организации военных училищ и заканчивая

использованием китайских фермеров в занятых районах для культивирования мака и производства опия.

Как положительный момент отмечалось, что в результате японского присутствия фактически был ликвидирован бандитизм в приграничных районах, очевидно, в связи с физическим уничтожением бандитов. Введенные в эксплуатацию аэродромы обеспечили связь Долоннора с Чжанбэем и Панкианом, а построенные дороги — доступ к нефтеносным месторождениям. Работа по строительству железной дороги между Чэндэ и Долоннором способствовала укреплению экономических связей этих районов.

Одновременно с этим были пресечены любые контакты с Внешней Монголией — пограничные силы увеличены, а автодорога на Ургу, закрытая из-за сильного снегопада минувшей зимой, так и не была открыта. По этой причине товары, импортируемые из Китая во Внешнюю Монголию (в основном это был чай, сапоги и табак), должны были доставляться теперь окружным маршрутом через Владивосток и Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) по Транссибирской железной дороге<sup>233</sup>.

В связи с расширением японского гарнизона в Северном Китае аналитики склонялись к мнению, что японские военные рано или поздно начнут атаку на Суйюань<sup>234</sup> и сделают это силами армии Восточного Чахара во главе с Ли Шоусинем, существенно пополненной в последние несколько месяцев. Вместе с тем на фоне жестокости японцев к князьям из Хингана существовала потенциальная угроза перехода части монголов на сторону Советов. При этом признавалось наличие в распоряжении князя Дэ достаточных ресурсов для предотвращения этого шага. Чтобы укрепить свои позиции и получить информацию из первых рук, в начале июня 1936 г. Дэ Ван и некоторые его сподвижники организовали поездку по Северному Китаю, где провели несколько встреч с японскими военными, убеждавшими их объявить окончательную независимость<sup>235</sup>.

27 июня из Пекина вновь была распространена информация о том, что Внутренняя Монголия с населением в 2,5 млн чел. все-таки объявила о разрыве с Нанкином, а князь Дэ стал главнокомандующим армии Внутренней Монголии. В качестве косвенного подтверждения этому сообщалось, что князь Дэ при участии

японских советников и японского оснащения сформировал малочисленную, но эффективную армию, обладающую пулеметами и автоматическими винтовками. Основным доводом, обращенным к неопытной молодежи, служило предположение о том, что их стране угрожает большевистское вторжение, которое лишит их права собственности и имущества<sup>236</sup>. На фоне этого в г. Чапсуре (Chia Pu Su — в сводках СМИ), недалеко от чахарско-суйюаньской границы, и произошло провозглашение независимости Внутренней Монголии от Китая<sup>237</sup>. Далее поступила информация о том, что 29 июня 1936 г. Дэ Ван телеграфировал в Нанкин о провозглашении независимости и сообщил, что этот шаг был сделан под давлением «определенного круга лиц». При этом, однако, князь высказал надежду найти новые пути для преодоления трудностей и добавил, что «...Внутренняя Монголия остается верной центральному правительству»<sup>238</sup>. В связи с этим в течение некоторого времени ожидалось отделение от Внутренней Монголии провинции Чахар и северо-западной части провинции Суйюань. Существовала версия, что князь на протяжении нескольких месяцев до этого был заложником у его японских «советников» и прояпонских сил государства Монгол-Го (Mengkukuo) в Восточном Чахаре, управляемом Ли Шоусинем.

В начале июля 1936 г. на конференцию в аймаке Уцзумчин Дэ Ван прибыл в окружении внушительной группы сопровождающих его японцев. Причиной тому послужила организация упомянутого выше военно-полевого суда, по приговору которого были казнены четыре хинганских князя, обвиненные в заговоре против Маньчжоу-Го и в предоставлении России тайных военных сведений. Японцы не могли позволить себе, чтобы князь Дэ предложил свою поддержку какой-либо другой стране (Россия или Китай), поскольку тот все же имел значительное влияние на большинство монгольских хошунов.

Положение Японии на азиатском материке укреплялось из-за расширяющегося контроля над Внутренней Монголией, в связи с чем японская сторона готова была пойти на большие уступки монгольским элитам для дальнейшего закрепления в регионе<sup>239</sup>. Сами монгольские элиты были дезориентированы, в связи с чем иногда случались различные инциденты, как, например, непро-

должительный арест князя Юнь Вана, бывшего председателя Политического совета Монгольской автономии, во время его визита в Байлинмяо. Князь якобы тайно отправился в город с целью создать суматоху среди последователей Дэ Вана<sup>240</sup>. Однако вскоре он был отпущен, и конфликт казался исчерпанным.

В начале июля стало известно, что Дэ Ван санкционировал выпуск облигационного займа на общую сумму около 30 млн долларов с целью покупки японского оружия и боеприпасов. Кроме того, крупные группировки войск из Японии и Маньчжоу-Го прибыли в Байлинмяо<sup>241</sup>. К этому времени из всех монгольских земель Северного и Северо-Восточного Китая верность Нанкину сохраняла только Суйюань, одна из пяти северных провинций, некоторое время назад объявленных вошедшими в состав создаваемого автономного региона, план построения которого был выдвинут Кендзи Доихарой и провалился в конце 1935 г. Однако и в лояльных Дэ Вану хошунах единства по вопросу отношения к японцам по-прежнему не было. Различные хошуну и сеймы не являлись самостоятельными в финансовом, административном или военном плане, чтобы, сделав ставку на автономию, создать собственные правительства, а затем объявить об этом как о свершившемся факте. Формирование автономного правительства требовало помощи сторонних государств, а спектр субъектов, готовых предоставить свои ресурсы автономистам, был крайне ограничен.

Отдельные хошуну рассматривали Китай как единственно возможный источник помощи, потому что Монголия когда-то была основной опорой империи Цин. Другие монголы утверждали, что Китай с момента создания республики в 1912 г. был слишком занят своими внутренними делами, в связи с чем разумнее было бы попросить помощь у японских и маньчжурских властей. Третьи полагали, что необходимо обратиться за помощью к Советской России в создании автономной республики, схожей по своей модели с той, которая создана при помощи советского руководства во Внешней Монголии. Последняя группа являлась сравнительно небольшой по численности и состояла практически полностью из монголов, живущих недалеко от границы с Внешней Монголией, которые, как отмечал корреспондент



«The New York Times», возможно, находились под влиянием советских агентов<sup>242</sup>.

Заключение советским правительством с МНР Протокола о взаимной помощи, объявленное в марте 1936 г., свидетельствовало о том, что Россия заинтересована в защите не только своих непосредственных границ от вторжения войск Маньчжоу-Го, но и границы своего соседа, оказывая ему помощь при регулярных столкновениях в районе Хангана, к востоку и югу от Хайлара. Советские военные, численностью куда большей, чем пограничный отряд, усиленно контролировали границу и, по словам путешественников, сначала стреляют, а потом задают вопросы. Войска Маньчжоу-Го также были усилены и заняты регулярным патрулированием приграничных районов, а столица Барги Хайлар превратилась в гигантскую военную базу после расквартирования там хорошо оснащенной японской дивизии.

Прежняя политика Маньчжоу-Го по поддержанию лояльности монгольской стороны после расстрела четырех князей претерпела серьезные изменения, чему в определенной мере способствовали жесткие шаги России во Внешней Монголии и разоблачение измены Лин Шэна. Учитывая масштабы распространения буддизма, теперь японская сторона в традиционном монгольском культе усматривала скорее угрозу, чем поддержку. Речь уже не шла о победе над отсталым скотоводческим народом, как это когда-то казалось, — монголы перенимали образ жизни западных стран, особенно монголы, проживающие во фронтальной с Россией зоне. Йозеф Гелета, бывший венгерский военнопленный, после 10-летнего пребывания в регионе в исследуемый нами период написал книгу на эту тему, он рассказывает о прибытии автомобилей и самолетов, организации беспроводной связи уже с 1928 г.: «Благочестивые паломники, которые ползают по монастырям на животях, вечером возвращаются домой и включают электрический свет»<sup>243</sup>.

Некоторое время назад японцы считали Дэ Вана идеальным главой самостоятельной Внутренней Монголии, но со временем ситуация изменилась, а доверие было утеряно. Военное проникновение в Чахар несколько месяцев назад было призвано изолировать князя Дэ от любых связей с Китаем. Японцы заключили

соглашение с генералом Ли Шоусинем, и его войска заняли шесть районов вдоль Великой стены к северу от Калгана, перерезав таким образом коммуникации между Монголией и Китаем. Появление теперь двух японских полков в Чжанбэе подтверждало поддержку генерала Ли.

На фоне продвижения войск Ли Шоусиня к границам Суйюани среди монгольских князей участились междоусобицы. По сообщениям китайских источников, князь Шин, глава одного из западномонгольских хошунов, был вынужден бежать после нападения со стороны своего дяди, Ита-ламы, и укрыться в Баоу у губернатора Фу Цзои. Монгольские жители утверждали, что японские агенты перемещаются к границам Суйюани. И если этот вопрос не будет урегулирован сейчас, то подобные междоусобицы могут быть использованы генералом Ли Шоусинем в качестве предлога для вторжения в восточную часть провинции Суйюань. Японский военный представитель заявил об отсутствии намерения размещать японские войска на границах провинции Чахар и не подтвердил связи с генералом Ли, а стычки на границах Суйюани назвал случайными вспышками агрессии конкурирующих бандитских группировок<sup>244</sup>, но все прекрасно понимали, что Суйюань остается в поле японских интересов и, соответственно, прямого или косвенного японского военного посягательства.

Князь Ша как лидер лоялистов и активный сторонник Нанкина собрал глав суйюаньских хошунов для проведения совещания<sup>245</sup>. Тем временем суйюаньские войска вместе с главными нанкинскими силами двумя колоннами продолжили продвижение на восток в направлении г. Панкиана. Одна колонна — в сторону города с целью предотвратить укрепление позиций захватчиками. Другая колонна получила приказ атаковать позиции противника около древней юаньской столицы Шанду, чтобы отрезать монгольские войска и войска Маньчжоу-Го от их баз в Чахаре. В ночь на 29 ноября 1936 г. 6 тыс. боевиков напали на Таолин (территория современного хошуна Чахар-Юичжунци), но были отбиты и понесли большие потери. Князя Ша, Пан, Ко и Пей выпустили совместный манифест — они заявили о своей верности Нанкину и готовности бороться за независимость пяти народов, которые формируют Китайскую Республику под управ-

лением центральных властей<sup>246</sup>. 3 декабря 1936 г. вспыхнула борьба между отрядами монголов под командованием князя Дэ и несколькими тысячами монголов под командованием князя Пана<sup>247</sup>.

На фоне военной кампании в Суйюани происходили не менее драматичные политические события внутри движения автономистов. Отныне японцы действовали решительно и жестко. 11 февраля 1937 г. в соответствии с официальным отчетом от Калгана было сформировано новое правительство Внутренней Монголии. Также в отчете говорилось, что Дэ Ван назначил 10 членов кабинета министров своего нового режима. Среди выдвинутых на важные посты в правительстве — генералы Ли Шоусинь и Бао Юэчин. Объединенные силы Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии в Чахаре были реорганизованы в 10 дивизий для подготовки к новому наступлению на Суйюань<sup>248</sup>. Спустя месяц, 16 марта 1937 г., в СМИ снова прошла информация о провозглашении независимости от Китая при содействии японских советников и военнослужащих. Столицей был назван Чжанбэй. На ближайшее окружение князя Дэ Вана была возложена обязанность по организации нового правительства. Поступали сообщения о пересмотре таможенных тарифов, выпуске собственной валюты и т.д.<sup>249</sup> Однако достоверность этой информации вызывала сомнения как по внутренним, так и по внешним причинам. И прежде всего потому, что внутри монгольского общества положение оставалось неоднозначным — князь Дэ, перейдя на сторону японцев, утратил влияние на значительную часть своего народа. Китайская сторона полагала, что помощь от японцев включала обширные военные поставки и деньги, поэтому в большой мере стоила князю потери поддержки его окружения<sup>250</sup> — многие монгольские лидеры придерживались позиции: изгонять любого японца и оставаться лояльными китайскому правительству Чан Кайши в Нанкине.

При этом вне зависимости от того, провозглашалась ли независимость или нет, созданный режим все более напоминал порядок, установленный в Восточном Хэбэе. Хотя, в отличие от Инь Жугэна, Дэ Ван писал в адрес Чан Кайши телеграммы о лояльности Нанкину, но в итоге все руководящие должности были отда-

ны японским представителям, у которых в каждом из департаментов и бюро находились свои люди, обладавшие реальной властью. Новый режим, как и восточно-хэбэйский, имел свою собственную систему налогообложения, таможенные посты, военные и полицейские структуры. Также был принят собственный флаг, соседствующий с обилием японских флагов, национальными флагами и пятиконечной звездой Китайской Республики, запрещенными на занятых японцами территориях<sup>251</sup>. Все это должно было ознаменовать новый этап в политической организации и истории этого региона, а следующим шагом предполагалось включение подконтрольных японцам территорий автономного режима в Восточном Чахаре под руководством Ли Шоусиня в состав единой политики.

В Нанкине официальный представитель центрального правительства заявил, что он не располагает никакой информацией относительно создания Монгол-Го как единой централизованной политики на монгольских землях, добавив, что он не верит полученным данным. Тем не менее то ли по случайному совпадению, то ли в рамках страховочного варианта, чтобы «держать руку на пульсе», в это же день, 16 марта 1937 г., Ван Цзинвэй в сопровождении Ян Сишаня прибыл на самолете из Тайюаня в Гуйсуй, где выступил на мемориальной службе, посвященной памяти китайских солдат, убитых в бою против захватчиков Чахара. Церемония прошла в парке, получившем название в честь павших героев, с участием 30 тыс. гражданских лиц и солдат. В планах у Ван Цзинвэя было намечено участие в совещании военных, а также в конференции Административного совета в Суйюани<sup>252</sup>. В Токио же информированные источники заявили, что они сомневаются в отделении Монголии от Китая, заявив, что Япония не будет поддерживать или поощрять созданный режим.

Так или иначе, но новому режиму досталось бы тяжелое наследие — обедневшее монгольское население и иностранцы, которые жили среди них, находясь в отчаянном положении и не надеясь на помощь Японии или Китая. Они уповали на то, что восстание позволит присоединиться к соседней с СССР Внешней Монголии<sup>253</sup>. Подобное бедственное положение объяснялось неумелой тактикой милитаристов Японии во Внутренней Монго-

лии, которая и привела к потере лояльности населения, что проявлялось в растущих симпатиях к Внешней Монголии. В то же время Военное правительство вкупе с японскими советниками во всех министерствах и ведомствах имело меньшую популярность, чем до суйюаньской катастрофы.

Японское влияние увеличилось в Чахаре, в результате чего монголы оказались в более слабом положении, чем были раньше, в то время как их соседи во Внешней Монголии были самостоятельны и находились в относительной безопасности. Каких-либо благ ждать было неоткуда — не под монгольский, а под японский контроль перешли все таможенные пропускные пункты на 25 миль к северу, языком делопроизводства также стал японский, поэтому часть монгольской политической элиты опять поспешила отмежеваться от князя Дэ.

27 апреля 1937 г. шесть делегатов от различных племен Северного Чахара тайно прибыли в Гуйсуй ходатайствовать перед китайскими властями об организации вторжения в Чахар для его возвращения в состав Китая и восстановления исторических связей между монголами. Делегаты утверждали, что народ Северного Чахара угнетен автономным режимом под управлением князя Дэ<sup>254</sup>. Вместе с тем на занятых территориях Суйюани и в городах Гуйсуй и Баотоу население перешло к подготовке пассивного сопротивления японскому вторжению. В Гуйсуйе местные жители перепахали и привели в негодность посадочную полосу, в связи с чем японцы были вынуждены построить новую в семи милях от города. Власти города предприняли все необходимое, чтобы сделать жизнь японцев менее комфортной, в результате чего количество японцев существенно сократилось. В Баотоу аналогичная ситуация сложилась с ангарами, которые японские военные пытались приспособить для использования. И хотя изначально строения были бесхозными, местные жители заявили на них право собственности и отказались их продавать, а чтобы закрыть доступ к ним японским военным, вырыли глубокие каналы. В Калгане авторитет японских военных также серьезно пострадал. Была прекращена транспортировка оружия и боеприпасов через город, после чего местные власти организовали налет на склад контрабандистов, где хранились японские

боеприпасы, и изъяли все содержимое. Японские чиновники возмутились, но не смогли ничего предпринять в ответ.

В ряде хошунов на западе Внутренней Монголии китайское правительство стремилось извлечь выгоду из антияпонских настроений, обещая китайско-монгольское сотрудничество через Суйюаньский совет, который получал значительные субсидии из Нанкина. Князь Ах, генеральный секретарь совета, сообщил, что в настоящее время монголы не имеют жалоб, китайцы помогают им, не вмешиваясь в деятельность совета, и они надеются на продолжение сотрудничества. Сам князь Ах с пониманием относился к князю Дэ, говоря о сомнениях в его прояпонских настроениях, а также о том, что когда японцы приходят с большими пушками, то монголы ничего не могут против них сделать<sup>255</sup>. Однако князь Шакдуржав заявил, что верные ему монголы полны решимости не допустить вторжения бандитов и военных группировок и будут поддерживать власть центрального правительства Китая против сепаратистских движений, направленных на его распад<sup>256</sup>.

В противовес лоялистам появлялись и провокаторы, которые лелеяли надежды на восстановление монархической формы правления. Они говорили о том, что представитель Дэ Вана Сайнбаяр (или Бао Юэчин) прибыл в японскую концессию в Тяньцзине для представления плана объединения автономных режимов Восточного Хэбэя и Чахара, в рамках которого предлагается создать новую монархию по аналогии и в тесной связи с Маньчжоу-Го<sup>257</sup>. Параллельно с этим в разных местах вспыхивали антияпонские восстания, а командование Квантунской армии, встревоженное событиями в Северном Чахаре, направляло войска для их подавления. Так, после разгрома одного из самых крупных антияпонских выступлений в регионе японские подразделения в составе почти 100 тыс. чел. 14 июня 1937 г. заняли чахарские города Канбао, Баочан и Чжанбэй. Дэ Ван также получил инструкции о принятии суровых мер для пресечения возможных вспышек мятежа. Некоторые лица, подозреваемые в подстрекательстве и поддержке прокитайских сил, в основном из бывших милиционеров, были арестованы в районах Куюань и Ванчуан.

Отмечены восстания и беспорядки среди монгольских войск, что частично подтвердила японская сторона. В течение многих

месяцев накапливалось недовольство жителей горных местностей на востоке Внутренней Монголии, где монголы оказались под жестким контролем японской армии, хотя Японией заявлялось, что никаких японских солдат в Северном Чахаре нет — есть лишь корпус японских советников и инструкторов. Японская сторона утверждала также, что недовольство распространилось в войсках с подачи китайских агентов, представляющих суйюаньских патриотов, которых вдохновили зимние успехи в противостоянии японцам. И это в значительной степени было связано с ростом недовольства среди китайских наемников<sup>258</sup>.

Самым видным прокитайским лидером был Ли Линь, чья армия добровольцев быстро возрастала и в рассматриваемый период насчитывала 5 тыс. чел. Несколько отрядов нерегулярных сил Маньчжоу-Го, направленных из Чжанбэя, присоединились к прокитайским войскам. Поступала информация, что добровольцы организовали ряд выступлений в приграничных районах Восточного Хэбэя, однако официальные китайские круги, по сообщениям агентства «Рейтер» («Reuter») в Шанхае, не получили подтверждения сообщений о прибытии японских войск в Северный Чахар<sup>259</sup>.

При этом японские военные власти категорически отрицали, что Квантунская армия направила войска во Внутреннюю Монголию, чтобы подавить восстания, добавляя при этом, что Дэ Ван полностью способен справиться с ситуацией без посторонней помощи. Показательно и то, что японо-ориентированное монгольское правительство долгое время медлило с официальным провозглашением об основании Монгольского государства и принятии названия Монгол-Го. Такой акт означал бы отделение Северного Чахара от Китая и для Японии осложнил бы процесс ретроцессии других областей. В беседах и интервью японские советники и их монгольские коллеги часто употребляли термин «Монгол-Го», но реальный статус этого режима не был прояснен.

При этом командование Квантунской армии официально не реагировало на факт якобы провозглашения независимости из-за неопределенности будущего японской политики в Северном Китае. Во всяком случае для восстановления китайского суверенитета над этими территориями не все средства были исчерпаны.

Князь Дэ Ван по-прежнему подтверждал лояльность Нанкину и не стремился активно использовать свои полномочия руководителя, предпочитая проводить большую часть своего времени в своем дворце в окружении 20 японских советников. Изменилось отношение и к Ли Шоусиню, которого год назад монголы называли предателем, а теперь — жертвой обстоятельств<sup>260</sup>.

Однако, несмотря на жесткую цензуру, в прессе появлялись китайские и иностранные сообщения о том, что одна группировка добровольцев окружила важный юго-восточный г. Куоань, отрезав сообщение от штаб-квартиры Дэ Вана, а другие вплотную подошли к населенным пунктам Восточного Хэбэя. Возможно, поводом к восстанию послужило совещание, которое нанкинское правительство с участием президента Линь Сэна решило организовать для обсуждения мер противостояния дальнейшей японской агрессии<sup>261</sup>.

16 июня 1937 г. японским офицером из Тяньцзиня было сделано заявление о том, что армия численностью около 50 тыс. чел. выдвинулась из Шаньси в сторону Чахара с целью изгнания союзных монголо-маньчжурских сил. В сообщениях китайских СМИ утверждалось, что прокитайские «добровольцы» захватили Тушикоу — стратегический перевал Великой стены на границе Восточного Чахара и Восточного Хэбэя, а также г. Куйюань в Восточном Чахаре. После этих известий население Шанхая и других крупных городов организовало движение по сбору средств в помощь воюющим<sup>262</sup>, а один из лидеров повстанцев, Чин Гожуй, заявил об увеличении набора в нерегулярные соединения китайских граждан в Тяньцзине для их отправки в Чжанбэй<sup>263</sup>.

Вслед за инцидентом на мосту Марко Поло, произошедшем 7 июля 1937 г., разгорелись полномасштабные военные действия. Князь Дэ Ван открыто и окончательно перешел на японскую сторону. 28 августа он выступил с заявлением, в котором говорил о том, что монголы спали в течение 700 лет. Настало время, чтобы восстановить могущество Азии под руководством Японии, и теперь закладывается фундамент Великой Монголии с опорой на японскую армию и при поддержке японского правительства и народа<sup>264</sup>. Начиналась новая эпоха — восстановление независимого Монгольского государства и собиране монгольских земель.



## Глава 4

### ЧАХАРСКИЕ И СУЙЮАНЬСКИЕ ЗЕМЛИ. В ОРБИТЕ ЯПОНСКИХ ИНТЕРЕСОВ

#### 4.1. Восточный Чахар и автономия района Чадун

##### *Предпосылки к формированию автономии*

Особый автономный район Чадун (или, как называла его зарубежная пресса, автономия Восточного Чахара) формально стал первой автономией в череде буферных политий, создаваемых японскими военными в период вторжения на континент. Существовавший с 22 сентября 1933 г. до формирования Военного правительства Внутренней Монголии 5 мая 1936 г., в период своего максимально расширения он контролировал синее, желтое с каймой, белое, белое с каймой знамена. Особый район представлял собой территорию в границах современных административно-территориальных единиц: города Долоннор — столица (ныне уезд Долон-Нур), Баочан (ныне хошун Тайбус-Ци в современном аймаке Шилин-Гол) и Хуаде, ставший 12 мая 1936 г. штаб-квартирой Военного правительства и переименованный в связи с этим в Дэ-хуа; поселки Шанду и Синхэ (ныне одноименные уезды в современном городском округе Улан-Цаб во Внутренней Монголии); уезды Канбао, Чжанбэй (бывший до Хуадэ временной штаб-квартирой автономистов во главе с Дэ Ваном), Гуюань, Шаньси и район Чунли (в современном городском округе Чжанцзякоу провинции Хэбэй, КНР).

Несмотря на небольшие размеры, эти земли имели крайне важное значение в продвижении японской армии и ее союзников на запад. В связи с этим необходимо рассмотреть идеологиче-

ские основы формирования Чадунской автономии, место и роль ее главных политических фигур и со стороны союзников, и с китайской стороны, а также хронологию событий.

Впервые на территории Внутренней Монголии — после инцидента 18 сентября 1931 г. — японцы появились именно в Чахаре, поскольку эта провинция граничила с Маньчжоу-Го. Здесь они вербовали местных жителей, многие из которых были бандитами и промышляли грабежом. В конце декабря 1932 г. несколько сотен монгольских бандитов и японских офицеров были арестованы китайской стороной. У них изъяли литературу, содержащую предложения разорвать отношения с Китаем, установить независимое государство и восстановить династию Юань в ее прежних владениях. Там же заявлялись принципы формирования самостоятельного правительства Внутренней Монголии<sup>1</sup>.

Изначально рассматривая эту территорию лишь как опорную точку, 28 апреля 1933 г. японцы спровоцировали вторжение армии во главе с Ли Шоусинем в районы Восточного Чахара, прилегающие к Жэхэ. Объяснялось это тем, что именно здесь проходили главные автомобильные и железнодорожные магистрали, соединяющие не только запад с востоком, но и север с югом в пределах монгольских земель. Кроме того, имелись перспективы контроля воздушного сообщения, поэтому японское военное командование начало работу по строительству большого аэродрома в Гуяуне (китайские рабочие в округе были привлечены для очистки территории, в результате чего были уничтожены сотни хижин на отведенном участке). Чиновник Южно-Маньчжурской железной дороги г-н Коно из Тяньцзиня сообщил, что он уполномочен начать переговоры о соединении железной дороги Пекин — Суйюань с железными дорогами Жэхэ<sup>2</sup>.

Разрушенные во время последующих военных столкновений аэродромы в Долонноре, Чжанбэе, Байлинмяо и возле дворца Дэ Вана в Панкиане быстро восстановили, рядом с ними соорудили резервуары для хранения нефти<sup>3</sup>. Уже к ноябрю 1936 г. создана китайско-японская компания «Хайтун» («Huitung»), которая взяла под контроль четыре мелких авиакомпаний, получила финансирование в размере 2,7 млн долларов на перевозку пассажиров из Хэбэя и Чахара в Маньчжоу-Го, а также наладила транс-

портировку почты<sup>4</sup>. Как и в Маньчжоу-Го, китайским фермерам этих территорий было приказано посадить опиум.

29 апреля 1933 г. был занят Долоннор<sup>5</sup> (китайские военные силы Народной антияпонской армии Чахара 12 июля 1933 г. ненадолго отбили город<sup>6</sup>, но потеряли в следующем месяце), на всех административных зданиях подняты японские флаги. Ли Шоусинь принял управление занятыми территориями. Подобная активность вписывалась в новый концепт внешней политики Японии, об изменении которой объявил Коки Хирота, назначенный на должность министра иностранных дел, — произошла смена ключевых чиновников ведомства иностранных дел в самой Японии<sup>7</sup>. Под руководством Ли Шоусиня и Лю Квейтана предполагалось создание «Восточно-Чахарского антикоммунистического автономного правительства»<sup>8</sup>.

Автономизацию Восточного Чахара японская сторона намеревалась осуществить до марта 1936 г., после чего включить Маньчжоу-Го, Восточный Хэбэй, Восточный Чахар и Внутреннюю Монголию в конфедерацию государств под японским контролем<sup>9</sup>. И хотя на практике все вышло несколько иначе, Восточный Чахар вошел в состав Монгол-Го, успех данного проекта представлялся вполне достижимым. К тому же регион был интересен и администрации Восточного Хэбэя, имеющей целью расширение зоны своего влияния, поскольку при передаче Восточному Хэбэю требуемых японцами территорий новая автономная структура должна была стать крупнейшей опорной точкой на побережье, играя роль одного из ключевых элементов выстраиваемой буферной сети вместе с шестью другими прилегающими к автономии районами под контролем Цзо Шихая — монгольского военного союзника генерала Ли Шоусиня<sup>10</sup>.

Другая попытка Японии заставить Китай принять предложение о расширении территории нейтральной зоны была принята 7 мая 1933 г. при участии представителей британского военно-морского флота в Циньхуандао, подготовленные ими материалы тут же были переданы Чан Кайши<sup>11</sup>. Командование Квантунской армии добивалось эвакуации чахарских военных соединений из демилитаризованной зоны, однако эти требования китайской стороной игнорировались<sup>12</sup>, что усиливало напряже-

ние. 8 мая 1933 г. Гуюань все еще находился в руках китайцев — серьезные атаки со стороны сил Маньчжоу-Го, продолжавшиеся два дня, были отбиты, войска отведены в Долоннор, который позднее пришлось сдать.

Генерал Лю Квейтан (Лю Гуйтан / Liu Kwei-tang) в статусе командующего войсками Маньчжоу-Го провел операцию по захвату перевала Тушикоу. Северная китайская армия организовала оборону, но Долоннор и соседний поселок были разграблены силами Маньчжоу-Го трижды в течение шести дней, что в полной мере характеризует генерала Лю, поэтому дадим краткую биографическую справку о нем. В современной китайской истории считается, что он уроженец округа Фэйсян (в настоящее время — уезд Пиньи городского округа Линь провинции Шаньдун), его характеризуют как гангстера, бандита и предателя. Будущий генерал родился в 1892 г. в бедном фермерском доме, с ранних лет подрабатывал столяром. Начав промышлять грабежом на дорогах, сколотил банду и стал одним из самых свирепых разбойников своего уезда, его прозвали Лю Хэйци (дно горшка) из-за своеобразной формы лица. В 1922 г. его банда насчитывала до 200 чел., в 1925 г. под его командованием находилось не менее 1 тыс., а к концу 1927 г. — уже около 10 тыс. чел. В период становления власти Гоминьдана Лю Квейтан какое-то время сражался на стороне нового правительства против северных генералов и Фэн Юйсяна, взаимодействовал с Ян Сишанем, состоял на службе у губернатора Шаньдуна. В 1933 г. он вступил в японскую армию, командовал 2-й армией Маньчжоу-Го, а с августа того же года состоял заместителем командующего войсками Чадуна, в декабре получил назначение на юг. 17 марта 1934 г. в Шаньдуне им был похищен британский бизнесмен. Чан Кайши приказал властям разобраться с ситуацией и даже отправил в помощь им самолет с военными. Результата эта операция не принесла, а Лю укрылся в японской концессии в Тяньцзине. Участвуя в многочисленных военных кампаниях в регионе, после инцидента на мосту Марко Поло в июле 1937 г. он окончательно перешел в японскую армию и командовал одним из ее соединений. Поссорившись с кем-то из своих начальников, в 1938 г. Лю ушел в горные районы Шаньдуна, затем помирился с японцами

и стал сражаться против коммунистов. Сохранились многочисленные свидетельства зверств, совершенных им, например, зимой 1940 г. по его приказу было сожжено более 60 деревень, около 200 предполагаемых членов Коммунистической партии в одной только деревне были похоронены заживо. 15 ноября 1943 г. коммунисты начали операцию по поимке Лю Квейтана, живого или мертвого. Его застигли врасплох на ночевке в одном из поселков, в результате самонадеянности Лю момент был упущен — он не сумел ни отбить атаку, ни сбежать и в итоге был убит солдатом 8-й армии, о чем тут же сообщили по радио и в газетах.

15 августа 1933 г. войска Маньчжоу-Го, которым помогали монголы, заняли Долоннор<sup>13</sup> и продолжили движение на Гуйюань<sup>14</sup>. Захват Долоннора обеспечил успешное продвижение в глубь Чахара, однако при этом были нарушены интересы Китая в рамках перемирия Тангу, которое Япония подписала 1 июня 1933 г.

Японцы использовали различные средства для защиты от китайских военных, в том числе и обращения к местному населению. Чахар они рассматривали как часть Маньчжоу-Го, однако не делали публичных заявлений по этому поводу. Веской причиной занятия этой области являлась угроза создания сильной коммунистической базы под управлением Фэн Юйсяна. Ходили слухи, что генерал Фэн получает помощь из Кантона и Москвы, — советская пресса утверждала, что маршал получал средства из Мукдена. Подобную же информацию, но в отношении других генералов, размещала китайская пресса. Этому генералу удалось создать полный беспорядок в Чахаре и подарить японцам удобное оправдание «интервенции с целью поддержания мира» в приграничном с Жэхэ регионе<sup>15</sup>.

Согласно одним данным, из-за смуты на севере генералы Хэ Иньцин, Сун Чжэюань и ряд других якобы решили просить помощи у японской стороны. Согласно другим (китайским докладом), повстанческие силы получали боеприпасы и военное снаряжение из иностранных источников. Третьи указывают, что помощь оказывается японскими войсками генерала Цзи Хунчжан с единственной целью — заставить китайцев согласиться на демаркацию и выделение определенной области Восточного Чахара как нейтральной зоны, где не должны находиться китайские

войска<sup>16</sup>. При этом японцы смело могли положиться на поддержку монголов, которые всегда тяготились китайским контролем — эти малонаселенные территории служили своеобразными воротами к торговым маршрутам через пустыню Гоби.

16 сентября 1933 г. поступило сообщение, что японские самолеты разбросали над Калганом листовки с угрозой начать бомбить город, если китайские войска, размещенные на границе с Жэхэ, не отойдут в глубь Чахара<sup>17</sup>. Предупреждение явилось ответом на успешное наступление китайских войск в направлении Гуйюани. Китайская пресса прогнозировала попытку расширить зону перемирия от Долоннора в глубь страны, вслед за аннексией г. Шанхайгуань, где японцы провели празднование годовщины создания Маньчжоу-Го.

Чтобы развить успех, японцы приступили к вербовке представителей политической элиты среди монголов. Например, Шипин, один из князей Внутренней Монголии, 20 сентября 1933 г. был приглашен японским главнокомандующим в Чаньчунь, чтобы получить награду от японских и маньчжурских официальных лиц, выступающих в поддержку создания независимого государства во Внешней и Внутренней Монголии<sup>18</sup>.

Несмотря на ультимативный характер требований об автономии, монгольская сторона надеялась на мирное разрешение вопроса, не веря в применение силы со стороны официального Нанкина. Одновременно с этим японские военные власти давали понять китайскому правительству, что они не потерпят размещения любых китайских войск в части провинции Чахар, прилегающей к границе Маньчжоу-Го. Практически демилитаризованная зона расширялась к северо-западу от Чжанбэя. Японские силы были настроены на дальнейшее включение в нее монгольских территорий, которые будут переходить на сторону японцев, тем самым предполагалось обеспечить их безопасность. Монгольские князья настаивали на том, что у них отсутствуют конкретные договоренности с японцами, однако они намекали, что не замедлят обратиться с предложением о взаимодействии при любой попытке военного вмешательства с китайской стороны, и в качестве последнего аргумента будет использована возможность вхождения в состав Маньчжоу-Го<sup>19</sup>.

*Институционализация режима*

Чтобы закрепить достигнутый успех и обеспечить контроль над занятой территорией, 22 сентября 1933 г. японское военное командование принимает решение о создании особого автономного района Чадун во главе с Ли Шоусинем<sup>20</sup> и формировании монгольских вооруженных сил. Тысячи монгольских кочевников и безработных крестьян были зачислены в состав маньчжурской армии для тренировок под японским руководством<sup>21</sup>. Эти монгольские солдаты предположительно и должны были сформировать основу армии будущего Монгол-Го под командованием Ли Шоусиня и Лю Квейтана<sup>22</sup>, регулярно компрометирующих лояльных Нанкину военачальников Севера. Так, например, чтобы развеять слухи о секретном соглашении с Японией, губернатор провинции Шаньси Ян Сишань вынужден был выступить с заявлением о том, что вооруженные силы создаются японцами для того, чтобы вызвать разногласия между китайцами и спровоцировать центральное правительство на принятие поспешных и необдуманных решений<sup>23</sup>.

Японцы обратили внимание и на простых жителей. По сообщениям «Токио Асахи» («Tokio Asahi»), в октябре 1933 г. было запланировано открытие специальных курсов домоводства для подготовки молодых японских девушек, будущих домохозяек, которые станут первыми поселенцами в Маньчжурии и Монголии. Курсы предназначались женщинам с опытом пребывания во Внутренней Монголии, некоторые из них уже имели собственные частные школы. На первоначальном этапе планировалось принять в первом семестре 50 выпускниц средних школ, им следовало преподавать маньчжурский и монгольский языки и посвящать их в тонкости ведения домашнего хозяйства<sup>24</sup>.

Японская сторона стремилась к обеспечению контроля над регионом не только и не столько в военном, сколько в ресурсном плане. Так, с помощью военных были предприняты шаги к установлению воздушного сообщения между Синьцзяном, монгольскими регионами и Маньчжурией. Министр иностранных дел Японии Коки Хирота сообщил китайскому правительству, что Токио предлагает отказаться от своих экстерриториальных при-

вилегий в Китае и проводить политику открытых дверей. Суть ее сводилась к строительству в трех бывших северо-восточных провинциях железнодорожных линий через Жэхэ к Пекину и Долоннору и далее — к Байлинмяо, о чем начались переговоры с монгольскими князьями<sup>25</sup>. Однако в приоритете, не озвучиваемом публично, но всегда присутствующем между строк, оставалось экономическое и военное присутствие в регионе.

Именно с этой целью 3 декабря 1933 г. представители японского военного командования приняли решение — на территориях, примыкающих к Долоннору в Северном Чахаре, институционализировать фактически существующий монгольский автономный округ, который будет находиться под прямым управлением штаба японских вооруженных сил в Чэндэ. Саму автономию было решено использовать для закрепления и продвижения в глубь Монголии. Сообщалось, что уже созданы органы управления, которые укомплектованы прояпонски настроенными маньчжурами и монголами. Китайскими властями вопрос был изучен, в результате в адрес японской стороны был направлен протест<sup>26</sup>.

17 января 1934 г. китайские официальные источники из Калгана сообщили о том, что японские и маньчжурские военные соединения, сломив незначительное сопротивление противника, заняли территорию в 110 милях от Долоннора, открывающую проход через Великую стену<sup>27</sup>. После прибытия нового контингента войск Японии и Маньчжоу-Го в Чахар японские военные заставили поднять флаги Маньчжоу-Го по всему региону<sup>28</sup>.

Расположенный на границе Чахара, к северу от беспокойной области, Долоннор имел важное стратегическое значение, поскольку лежал на пути нескольких магистралей в те регионы Внутренней Монголии, которые находились вне сферы влияния центрального правительства Китая. Поэтому полиция, финансы, телеграф и почтовое сообщение в округе быстро были поставлены под контроль представителями Маньчжоу-Го, а флаги Японии и Маньчжоу-Го по указанию новых властей стали обязательным атрибутом каждого из домов. Японские резиденты заняли руководящие должности в полиции и военной части. Местный гарнизон состоял из пехотного полка и кавалерии. Жалование этим



подразделениям частично выплачивалось правительством Маньчжоу-Го, они носили китайские мундиры японского покрова<sup>29</sup>.

В конце января — начале февраля 1934 г. около 4 тыс. японских и маньчжурских солдат были сосредоточены на границе между бывшей провинцией Жэхэ и Восточным Чахаром, подержанные танками, самолетами и тяжелой артиллерией. Это позволило при захвате трех крупных населенных пунктов легко отбросить плохо вооруженные и слабо организованные китайские нерегулярные войска, размещенные вдоль 30-километровой линии наступления. Жертвами стали 300 чел. с обеих сторон.

Наблюдатели отмечали, что китайская сторона реагировала почти равнодушно — вместо того чтобы направлять протесты относительно захвата чахарских территорий, разослала неофициальные бюллетени, в которых отмечалось, что «пограничный спор» явился «местной проблемой», мир был восстановлен и ничего страшного не произошло. Это могло быть понято как нежелание поднимать шум перед поездкой самого Чан Кайши или его представителей в Северный Китай, где предполагалось посредством обещаний и взяток купить лояльность монгольских князей в Чахаре.

Наблюдатели полагали, что китайское правительство явно недооценивало ситуацию. Уже в октябре 1934 г. широкий общественный резонанс вызвала публикация одной из японских карт, где приграничные монгольские территории Чахара были показаны как отошедшие к провинции Жэхэ, которая, в свою очередь, еще в прошлом году была включена в состав Маньчжоу-Го. Это породило слухи о том, что продвижение японцев на запад не остановлено и в ближайшее время следует ожидать в этом направлении активизации военных сил. Карта считалась изданием полуофициальным, ее выход в свет мог оказаться случайным и преждевременным. С момента образования Маньчжоу-Го стало очевидно, что монгольские территории Чахара фигурируют в стратегических планах японского военного командования. Японцы признавались, что на просьбу монгольской стороны о присоединении к Маньчжоу-Го будет трудно ответить отказом. Все ожидали лишь формального повода к этому. Помимо карты имелись и другие, более существенные признаки, хотя и менее

заметные на первый взгляд, но говорящие в пользу монгольско-японского альянса, — перегруппировка войск в приграничной зоне, визит монгольской делегации в Синьцзин, усиление японских позиций в Северном Китае и т.д.<sup>30</sup>, что значительно уменьшало вероятность прямого китайского вмешательства в ситуацию.

При этом Чахар рассматривался Японией не только в качестве базы для продвижения в глубь Северного Китая, но и как главный пункт стратегически важного караванного пути во Внешнюю Монголию и Россию. Краткий и кровавый захват оставшихся под номинальным контролем Нанкина спорных территорий был очевиден, равно как и тот факт, что национальное правительство Китая смирилось с возможной потерей Чахара, вероятно, в обмен на обещание, что на некоторое время Пекин и Тяньцзинь будут выведены из-под удара. Распространению этого мнения во многом способствовала речь министра иностранных дел Хироты, заявившего, что пока он находится в статусе главы внешнеполитического ведомства никакой войны не будет<sup>31</sup>.

1 апреля 1935 г. Ли Шоусинь объявил об ожидаемых Долонором в ближайшее время японских инвестициях в размере 1 млн долларов на запуск соляных скважин в Монголии, создание соляных заводов и организацию поставки монгольской соли в Маньчжурию. Главный вопрос сводился к тому, когда будет организована дочерняя компания, финансируемая японцами, с обширными торговыми полномочиями во Внутренней Монголии<sup>32</sup>. В начале октября 1935 г. в Жэхэ состоялось совещание с участием представителей японского военного командования и советника при правительстве Маньчжоу-Го, на котором было принято решение о расширении японского влияния во Внутренней Монголии<sup>33</sup>. В декабре 1935 г. установлен окончательный контроль над территорией, командование монгольской армией и японская секретная служба были размещены в Чжанбэе, где 1 февраля 1936 г. состоялась церемония вступления в полномочия Административного совета чахарских хошунов.

С установлением власти Военного правительства район Ча-дун был упразднен, Ли Шоусинь получил повышение и другие назначения. Оказавшись под контролем новой политической структуры, что соответствовало принципу централизации заня-

тых и контролируемых японцами пространств, территория района стала основой для создания осенью 1937 г. нового автономного государства Чанань (Южный Чахар).

*Политический фактор Хэбэйско-Чахарской автономии  
во главе с Сун Чжэюанем в судьбе Восточного Чахара*

С образованием в конце 1935 г. Хэбэйско-Чахарского политического совета как осколка так называемого Региона Пяти провинций — несостоявшегося грандиозного проекта генерала Кэн-дзи Доихары, японские военные тем не менее обеспечили свое уверенное присутствие в районе хэбэйско-чахарской границы и демилитаризованной зоны, а также в ряде других приграничных округов<sup>34</sup>. Последовал торг с китайской стороной об уступке контроля над Восточным Чахаром, для чего 12 декабря 1935 г. генерал Сун Чжэюань уже в статусе компромиссного хозяина региона отправил своего делегата в Калган<sup>35</sup>. «Тушение политических пожаров» стало для генерала привычным делом. Так, в качестве губернатора Чахара он не раз приезжал в Калган, в одних случаях — чтобы разобраться со своевольными действиями японцев<sup>36</sup>; в других — для инспектирования ситуации на границе с этой неспокойной автономией. Там генерал организовывал мероприятия по обучению добровольцев народного корпуса, на который возлагались надежды в поддержании порядка<sup>37</sup>. Однако делегирование генералом Хэ Инцинем, официальным представителем Нанкина в регионе, полномочий по поддержанию правопорядка губернатору, как и поручение «неуклонно противостоять кризису»<sup>38</sup>, по сути, превращались в перекладывание на него ответственности в решении возникающих проблем, большую часть из которых создавали сами нанкинские власти.

Следует отдельно остановиться на личности генерала Суна, столь же недооцененной современниками и потомками, сколь противоречивой и неоднозначно оцениваемой как японской, так и китайской стороной, каждая из которых на протяжении всего периода присутствия генерала на политическом небосклоне обвиняла его в предательстве и пособничестве другой стороне. В течение нескольких лет от Сун Чжэюаня, военного старей

закалки, зависела судьба Северного Китая. В декабре 1933 г. он стал губернатором Чахара, но отказался от предложения японцев возглавить демилитаризованную зону вокруг Пекина. И хотя генерал был участником нескольких кампаний против японцев, некоторые члены центрального правительства обвиняли его в том, что он «флиртовал за кулисами с японцами»<sup>39</sup>. В то же время генерал оставался в прекрасных отношениях с лидерами Гоминьдана (например, Ху Ханьминь<sup>40</sup>) и регулярно консультировался с центральным правительством<sup>41</sup> по ключевым решениям.

Чахар, некогда богатая монгольская провинция, серьезно пострадал от гражданской войны и разгула бандитизма, и генерал Сун в течение всего срока своего правления изо всех сил пытался навести порядок. Он вступил в должность после того, как генерал Фэн Юйсян был вынужден уйти в отставку с поста губернатора, отказаться от своих инициатив по наведению порядка и удалиться в провинцию Шаньдун. В дополнение к задаче восстановления провинции необходимо было ликвидировать огромную и плохо организованную армию генерала Фэна. Эти войска, разбросанные по всей провинции, включали в себя и дисциплинированных солдат, и множество добровольцев, более склонных к бандитизму, чем к военной службе. Не имея регулярного дохода, они жили совершением набегов на сельские районы.

Очевидно, что никакая внутренняя стабильность не могла быть достигнута, пока не решена проблема оптимизации армии и ликвидации банд. Большинство крупных военачальников Китая склонялись к идее самообеспечения, в том числе за счет территориальной экспансии, если правительственные субсидии будут уменьшены или вовсе исчезнут. Именно это стало основной причиной восстания во главе с Ян Сишанем и Фэн Юйсяном против нанкинского режима в 1929 г.<sup>42</sup> Восстание в Фуцзяни было вдохновлено подобным поводом, и по той же самой причине оно могло вспыхнуть в провинции Нинся, где хозяйничал другой генерал — Ма Хункуй. При этом Китай мог бы успешно обеспечивать свою обороноспособность, имея армию в 500 тыс. чел., однако вопрос был далек от своего разрешения.

За несколько месяцев генерал Сун сделал многое, чтобы облегчить ситуацию, — решил проблему с военизированными

структурами генерала Фэна, постарался уменьшить налоги. Однако доходы населения не возрастали. Серьезной военной проблемой оставались отдельные вспышки междоусобной войны недалеко от границы Маньчжоу-Го, где несколько генералов, занимающих неопределенную позицию по отношению к китайскому правительству, боролись друг с другом за контроль над приграничными регионами. Среди них бывший губернатор провинции Жэхэ генерал Тан Юйлин, оставивший о себе недобрую память разграблением деревень при переходе через Жэхэ, Лю Квейтан и др.<sup>43</sup>

Хотя Сун Чжэюань и предпринял серьезные усилия для урегулирования нерешенных проблем в Северном Китае с Японией путем прямых переговоров в начале 1935 г., японское правительство потребовало и добилось его отставки с поста губернатора Чахара, однако генерал сохранил влияние в регионе и даже возглавлял правительство этой провинции. В июне того же года он был переведен в Хэнань, а позже стал командующим китайскими войсками в Пекин-Тяньцзиньском военном округе.

В описываемый нами период улучшения отношений с Японией в декабре 1935 г. он сформировал и возглавил Политический совет в провинциях Хэбэй и Чахар. Когда командующий японской гарнизонной армией в Китае генерал Хаяо Тада вскоре попытался утвердить диктаторскую политику по отношению к этому совету, в Нанкине возникли опасения, что генерал Сун может отдать свои китайские войска в распоряжение генералу Таде, в связи с чем центральное правительство Китая предприняло упреждающие меры. Позднее оно подтвердило, что с февраля 1936 г. платило Сун Чжэюаню около 1 млн долларов ежемесячно на содержание своей армии. Так, 2 марта 1936 г. представитель Политического совета Ши Чинбин, находившийся с визитом в Нанкине, с санкции Сун Чжэюаня сообщил генералу Чан Кайши об итогах недавних китайско-японских переговоров и обратился с просьбой предоставить дополнительную финансовую помощь из Нанкина из-за большого дефицита, предусмотренного в бюджете этого года<sup>44</sup>. Просьба, скорее всего, была удовлетворена.

В ответ на затягивание выполнения требований командования Квантунской армии о выводе войск японская пресса в Север-

ном Китае регулярно публиковала материалы, содержащие соответствующие предостережения и даже угрозы отстранить генерала Суна от административных функций<sup>45</sup>, которые тот самонадеянно игнорировал. Когда Чан Кайши был арестован в декабре 1936 г., действия генерала развеяли все сомнения в его лояльности центральному правительству в Нанкине. Постоянно испытывая серьезное давление, он имел собственное мнение и стремился проводить собственный курс, что в большинстве своем ему удавалось. Так, 15 мая 1936 г. состоялось заседание Политического совета, на котором обсуждались детали будущих преобразований. В ответ на обвинения в соглашательстве с японцами Сун Чжэюань выступил с заявлением, в котором сказал, что проблемы Хэбэя и Чахара должны разрешаться с учетом мнения населения этих провинций, местные власти должны нести ответственность только за переговоры, а окончательное решение должно приниматься центральным правительством. Генерал Сун выразил убеждение, что вопрос Восточного Хэбэя будет решен после прибытия генерала Тасиро. В отношении проблемы контрабанды Сун Чжэюань подтвердил, что она распространена по всей береговой линии Северного Китая, и он считает, что центральное правительство должно вести переговоры с Японией по этому вопросу.

Японские власти, в свою очередь, делали вид, что не владеют ситуацией относительно контрабанды и рассматривают ее как местную проблему. И хотя новый японский консул по прибытии в Тяньцзинь готов был обсудить данный вопрос, эксперты считали, что подобная тактика Японии являлась попыткой заставить китайские власти снизить тарифы на японские товары<sup>46</sup>. Когда комиссия по внешним связям Политического совета выступила с инициативой о восстановлении службы по борьбе с контрабандой (с применением для этого вооруженных кораблей в водах Северного Китая), японские власти отвергли данное предложение<sup>47</sup>.

В апреле 1937 г. генерал был включен в состав делегации Северного Китая в Японию, которая была организована по приглашению японского правительства. Через месяц он решил взять отпуск и отправился в Шаньдун, вместо того чтобы представлять японские интересы в поисках вариантов экономического сотруд-

ничества в Пекине. Генерал Сун ушел в отставку с должности председателя правительства провинции Хэбэй в июле 1937 г., а на его место был назначен командир отряда 29-й армии генерал Фэн Чинань<sup>48</sup>.

После стычки его подчиненных с солдатами японского гарнизона на окраине Пекина в начале июля 1937 г. генерал Сун готов был отправиться в Тяньцзинь и извиниться перед японскими военными властями. Однако сначала японцы проигнорировали его письменное обещание «искоренить антияпонскую деятельность в Северном Китае», а затем и Нанкин запретил ему приносить извинения японской стороне. В итоге после истечения двухдневного срока ультиматума о начале вывода из Пекина большей части вооруженных сил под его командованием японская сторона перешла к военным действиям, начав Вторую японско-китайскую войну.

Стараясь соблюдать баланс, генерал Сун устраивал и своим приближенным<sup>49</sup>, и японцам многотысячные экстравагантные праздники, делал ценные подарки, а также прилагал все усилия для ведения законного бизнеса без помех. В то же время он тесно сотрудничал с нанкинским правительством, проводя в жизнь меры по борьбе с контрабандой и антинаркотическую политику в Северном Китае. После продолжительной болезни 3 апреля 1940 г. в возрасте 55 лет генерал скончался в г. Мянъяне (Сычуань), президентом Китая Линь Сэнем в адрес его семьи было направлено соболезнование.

Сун Чжэюань сыграл важную роль в событиях Японско-китайской войны, приняв решение остаться на стороне Нанкина после инцидента на мосту Марко Поло. Будучи самой влиятельной фигурой в Северном Китае, он поддерживал хрупкий баланс между китайским центральным правительством и японским военным командованием. Внешне низкий и коренастый, он имел низкий уровень образования, однако считался одним из последних истинных северокитайских военачальников. Генерал Сун мог быть и беспощадным, и доброжелательным, как любой военный «старой школы», и явно пользовался большей популярностью в народе, чем его предшественники, так же, как и он, пытавшиеся проводить конструктивные реформы<sup>50</sup>. Именно по-

этому правительство Нанкина (по-видимому, и под японским давлением) назначило его на высокий пост в Северном Китае, что делает его одним из главных политических деятелей северо-китайского региона в описываемый нами период, наравне с князьями Дэ, Юнем, Ли Шоусинем и рядом других фигур.

Японцы регулярно устраивали провокации — силами Маньчжоу-Го организовывали нападения на китайские форпосты в Восточном Чахаре, желая показать, что с анархией китайская сторона справиться не может. Поэтому требования Кэндзи Доихары о предоставлении монгольской местной милиции контроля над восточной частью Чахарской провинции эксперты расценили как фактическое распространение на данную территорию суверенитета Маньчжоу-Го.

Мотивацией для выдвижения этого требования служила необходимость обеспечить безопасность в регионе, вызванная чередой как объективных, так и субъективных факторов, которые можно продемонстрировать на конкретном примере. Так, Китай продолжал содержать армию численностью в общей сложности не менее 2 млн чел. Их необходимо было кормить, одевать и обеспечивать всем необходимым, при этом эффективность и функциональность армии были далеки от идеала. Ситуация усугублялась тем, что, не имея регулярной занятости, военные отряды превращались в банды, как это происходило в северной части провинции Хэнань, Восточном Чахаре и даже окрестностях Пекина.

Один иностранный миссионер, описывая проход мародеров через район его проживания, сообщал, что они грабили деревни в поисках серебряных долларов и шелка, забирали женщин и угоняли скот, многие жители были ранены, некоторые умерли, были и убитые при попытке бежать. Около 200 тыс. чел., размещенные в Северном Китае, формально находясь под контролем Нанкина, существовали на средства провинциальных и уездных властей. Любое из 28 военных соединений было в состоянии дать отпор трем тысячам мародеров, обитающих на севере, но не делали этого, сохраняя зыбкое равновесие среди китайских генералов. Комментарии в китайской прессе показывали объективную неудовлетворенность этим положением дел, которая усугублялась рядом инцидентов со смертельным исходом. Приведем один из них.



Так, в конце августа 1935 г. мир потрясла новость об убийстве во Внутренней Монголии в прошлом личного секретаря бывшего премьер-министра Великобритании Д. Ллойда Джорджа. По сообщениям прессы, Гарет Джонс отправился в путешествие по Дальнему Востоку в качестве свободного журналиста с целью написания серии статей для «Манчестер Гардин» («Manchester Guardian») и других британских газет. СМИ предполагали, что Г. Джонс стремился изучить японскую деятельность на границе с Маньчжоу-Го и убедил опытного в этой части света путешественника Герберта Мюллера, представителя одного из немецких информационных агентств, сопровождать его. Паспорта, действительные в течение одного месяца начиная с 11 июля 1935 г., были получены от китайских властей, разрешивших двум журналистам поехать во Внутреннюю Монголию и даже посетить Байлинмяо. Китайские чиновники, прежде чем выдать документы, предупредили путешественников об опасности пребывания в этом регионе и добились от них подписания заявления, освобождающего китайскую сторону от любой ответственности за их безопасность. Однако позднее Г. Мюллер отрицал, что такое предупреждение было дано, и утверждал, что подписание подобного документа являлось обычным делом для всех путешественников, следующих за Великую стену, в течение нескольких последних лет.

Отношение британской дипломатической миссии к запланированной экспедиции неизвестно, но журналисты, освещавшие события, были убеждены, что вряд ли представители миссии промолчали и не предупредили Г. Джонса об опасностях путешествия, которое он намеревался предпринять. После вывода войск генерала Сун Чжэюаня обстановка в Восточном Чахаре стала очень беспокойной, чему немало способствовали японские военные. И вряд ли можно было предположить, что британские или китайские власти не знали об этом, как и о массовом дезертирстве военных, а также о существовании банд. И хотя Г. Мюллер заявлял, что ничего авантюрного в поездке во Внутреннюю Монголию в то время не было, большинство хорошо информированных иностранцев в Северном Китае смотрели на это как на безрассудство. Авторы заметок полагали, что Г. Джонс полностью

осознавал риски, но решил проигнорировать предупреждения. Журналисты ссылались на имевшееся у них свидетельство Д. Ллойда Джорджа о том, что его бывший личный секретарь не был из тех, чьим планам могло что-либо помешать.

По словам Г. Мюллера, Г. Джонс отклонил предложение о более комфортной поездке по Суйюаньской железной дороге, и путешественники отправились из Калгана через Панкиан, бывший в то время штаб-квартирой Дэ Вана. Оттуда они проследовали в Долоннор. Перед выездом журналистов из города на автобусе уже японские военные власти предупредили их, что все маршруты в Калган, кроме одного (через Huangchitayingtse, Szelangchong, Nabarga и Paochanghsien), неосуществимы. Незадолго до полудня 27 июля 1935 г. в 83 милях к северо-востоку от Калгана автобус попал в засаду и был обстрелян группой китайцев, одетых в военную форму, а Г. Джонса, Г. Мюллера и русского шофера увезли в неизвестном направлении. У них отобрали все имущество, Г. Джонса изолировали от Г. Мюллера, связали и пригрозили повесить. В тот же день шофер был послан в Баочан с требованием выкупа в размере 100 тыс. долларов — это было первое известие о похищенных. Через несколько дней Г. Мюллера освободили с условием, что если требования бандитов не будут выполнены в течение 10 дней, то Г. Джонс будет убит. При этом требования возросли и включали дополнительно 40 винтовок, 20 револьверов, 20 автоматов и 60 тыс. патронов. Помощнику британского военного атташе капитану Миллару, оказавшемуся в Калгане, было приказано немедленно обсудить этот вопрос с местными властями и сделать все, что в его силах, чтобы добиться освобождения Г. Джонса.

Эмиссары, посланные чахарскими чиновниками, вступили в контакт с бандитами. Они считали, что освобождение британца произойдет после некоторых раундов переговоров. Японские военные власти, по-видимому, были готовы заплатить любой необходимый выкуп или получить его от властей Чахара в случае, если бандиты перевезут своего пленника на территорию Жэхэ. Дело, по мнению журналистов, осложнилось передачей Г. Джонса из одной шайки бандитов в другую, а также отсутствием сотрудничества между властями Баочана и Гуюаня. Первые вели переговоры о выплате выкупа, в то время как вторые посылали отряды Корпу-

са сохранения мира в погоню за бандитами. В результате Г. Джонса перевозили с места на место, а когда он был слишком измотан, чтобы ехать дальше, бандиты застрелили его прямо на том месте, где он упал. Известие об этом вызвало сильное возмущение в Великобритании, а также в Китае, где во время своего краткого визита Г. Джонс приобрел множество друзей. Журналисты полагали, что британское посольство будет настаивать на установлении ответственности за это преступление и вряд ли удовлетворится сообщением о том, что шесть предполагаемых бандитов захвачены и казнены для обеспечения и сохранения мира.

После инцидента китайские власти выпустили предупреждение для иностранцев, путешествующих в регионах, где действовали бандиты. Наблюдатели полагали, было бы лучше, если бы заявителям на разрешение совершить поездку в такие районы отказывали в визе — какие бы документы ни подписывали путешественники, китайские власти не могли уклоняться от ответственности, разрешая иностранцам въезжать в опасные зоны. В данном случае представляется вероятным, что чиновники посчитали одной из целей экспедиции Г. Мюллера и Г. Джонса снабжение коллег материалами с критикой японской деятельности в районе Восточного Чахара, возможно, именно с этим условием они выдали необходимые разрешения. В результате произошла трагедия, ответственность за которую западная пресса возлагала на местные китайские власти. Мотивировали это тем, что, поскольку последние были не в состоянии предоставить полную защиту путешественникам в этом районе (из-за отсутствия воинских частей, против размещения которых возражали японцы), они не должны были позволять им проникать на опасную территорию. Британское посольство также вполне могло занять более твердую позицию в отношении экспедиций, которые граничили с безрассудством.

Примерно в то же время, когда были схвачены Г. Джонс и Г. Мюллер, иностранные корреспонденты в Маньчжоу-Го обратились к японским властям за разрешением посетить ежегодную ярмарку в Долонноре. Заявки были отклонены на том основании, что гарантировать их безопасность не представлялось возможным ввиду распространённости бандитизма в регионе.

Аналогичная ситуация произошла и с А. Хейманом и А. Босхардтом из китайской внутренней миссии, захваченными китайской Красной армией в октябре 1934 г. Новости о них содержали указание на то, что в начале этого месяца миссионеры были «живы и здоровы». Похитители продуманно изменили свои требования о выкупе и согласились на несколько тысяч долларов за их свободу. В этих обстоятельствах пресса надеялась, что китайские власти в Северной Хэнани сумеют добиться освобождения пленников, но надежда была слабой, поскольку все миссионеры были предупреждены об опасности<sup>51</sup>.

Таким образом, стратегия Японии, которая якобы стремилась обеспечить порядок на контролируемых ею территориях, была не столько ориентирована на создание мирной атмосферы, сколько рассчитана на усиление упаднических настроений в китайском обществе и рост недоверия к политике местных властей. Помимо этого, японцы тестировали новый механизм, благодаря которому без борьбы и военных столкновений рассчитывали обеспечить полный политический и экономический контроль над интересующей их территорией. Соглашение по Восточному Чахару сводилось также к созданию буфера между Маньчжурией и Внешней Монголией, которая находилась под влиянием Советской России<sup>52</sup>.

Сугубо военное присутствие также усиливалось — к середине декабря 1935 г. японские войска вдоль Великой стены (особенно находившиеся на перевале вблизи Чифына) были увеличены на 3 тыс. чел., а японский гарнизон в Пекине усилен на 900 служащих Квантунской армии. Командующий японскими войсками в Восточном Чахаре дал Политическому совету Монгольской автономии 15 дней на то, чтобы создать независимое правительство и минимизировать все отношения с Нанкином. Другие требования заключались в том, что серебряные монеты и слитки не должны покидать территорию Монголии, а монгольское правительство обязуется предусмотреть должности для японских гражданских и военных представителей в качестве советников<sup>53</sup>.

В итоге 24 декабря 1935 г. китайские власти сдались и пошли на соглашение с японцами относительно размещения монгольских войск в Восточном Чахаре: Хэбэйско-Чахарский политиче-

ский совет заключил устное соглашение с японскими военными по вопросу о Восточном Чахаре, в соответствии с которым монгольские войска из Маньчжоу-Го контролируют шесть районов Чахара, но административно они продолжают подчиняться Политическому совету. Также японские военные получили согласие на строительство дороги в центральной и северной частях Чахара, состоялось назначение японских советников в администрацию региона<sup>54</sup>, китайцы сохранили за собой право отправления правосудия<sup>55</sup>. Это означало победу выбранной стратегии давления, что вдохновило японцев на дальнейшие действия.

Союзные монгольско-маньчжурские войска и соединения Жэхэ в Восточном Чахаре запустили крупномасштабный процесс занятия региона и начали движение через границу к Чжанбэйю. За день до заключения соглашения (23 декабря) монгольская конница во главе с командиром, лояльным к Маньчжоу-Го, оккупировала Чжанбэй. Было заявлено, что Восточный Чахар практически полностью завоеван Маньчжоу-Го, а представители подконтрольных уездов изъявили желание сотрудничать с маньчжурскими военными<sup>56</sup>.

Командование Квантунской армии и гарнизонной армии в Северо-Восточном Китае озвучило решение расширить влияние на севере Китая за счет придания трем режимам (Восточного Хэбэя, Восточного Чахара и центрального района Внутренней Монголии) независимого статуса<sup>57</sup>. С этой целью были организованы переговоры с некоторыми членами Политического совета<sup>58</sup>. Уже в начале января 1936 г. в подконтрольных генералу Суну шести уездах Северного Чахара по настоянию японской стороны была упразднена вся китайская администрация. По словам высокопоставленного представителя японского посольства, сделано это было не с целью провозглашения независимости, а для того чтобы побудить официальные китайские власти заключить антикоммунистической военной союз с Японией и Маньчжоу-Го<sup>59</sup>. Однако на деле подобные действия привели к отмежеванию и этой территории.

В ближайшее время ожидалось столкновения между атакующими маньчжурскими войсками и защищающимися силами провинции Суйюань, которыми командовал генерал Фу Цзои. Вла-

сти провинции приказали оказывать сопротивление захватчикам всеми возможными способами. Несколько небольших городов уже оказались заняты маньчжурскими войсками под командованием Ли Шоусиня, которые совершали набеги и занимались грабежом. Владельцы уцелевших магазинов отказывались открыть их, хотя маньчжурское военное командование гарантировало, что ограбления больше не будет<sup>60</sup>. Возможно, это был ответ на решение конференции в Датуне, на котором Фу Цзои была предоставлена свобода действий по ликвидации угрозы со стороны японцев, вплоть до применения карательных мер в отношении сепаратистов<sup>61</sup>.

Одновременно с этим появилась информация о готовящемся акте провозглашения независимости в округе Циндао. Ожидалось, что там будут применены методы конструирования государственности Восточного Хэбэя — используя общественные силы, настроенные прояпонски и недовольные сложившейся обстановкой, предполагалось совершить ряд провокаций, в результате которых достигнутые договоренности о ненападении будут искусственно нарушены, после чего под предлогом защиты интересов 12 тыс. японских граждан планировалось осуществить высадку морской пехоты, занять город и, оказав давление на губернатора Хан Фучу, заставить его провозгласить автономию<sup>62</sup>.

В этих условиях китайские наблюдатели считали, что Дэ Ван сохранит свою номинальную власть в подчиненных ему монгольских землях, а генералы Ли Шоусинь и Лю Квейтан — управление Восточным Чахаром<sup>63</sup>. Иностранцы наблюдатели из Калгана подтвердили потерю большей части Чахара, где маньчжурские войска под командованием генерала Ли заняли почти всю провинцию к северу от Великой стены и вплотную приблизились к Калгану<sup>64</sup>. Между тем армия Маньчжоу-Го во главе с генералом Лю выступила на Баодин и создала угрозу сообщению по железной дороге Пекин — Ханькоу. В то же время в Восточном Чахаре появился батальон монгольской кавалерии, направившийся в сторону Панкиана<sup>65</sup>. На фоне происходящих событий возникло предположение, что японцы стремятся к расширению влияния путем усиления или объединения подконтрольных режимов. Оформленный в виде программы документ по консоли-

дации прибрежных уездов за подписью генерала Тады был представлен на рассмотрение командующему составу Квантунской армии и японскому военному ведомству. Под контроль режима предполагалось поставить два ключевых порта — Хулудао и Циньхуандао<sup>66</sup>, а также Чанпин, т.е. примыкающие территории и занятые на востоке районы Чахара.

6 февраля 1936 г. повстанческие войска автономного восточно-хэбэйского режима предприняли попытку реализовать этот план, но вблизи Чанпина и Хуадзю они были уничтожены китайскими силами. Мятежники бежали из северных пригородов Чанпина, оставив 800 погибших<sup>67</sup>. По словам Сун Чжэюаня, ситуация заставила многих представителей руководства Северного Китая обсудить обстановку, что и было сделано 11 февраля 1936 г. На встрече северокаитайские лидеры выработали основные принципы совместной обороны Северного Китая<sup>68</sup>.

23 февраля 1936 г. 25 тыс. военнослужащих Маньчжоу-Го прибыли в Маньчжурию, на конечную западную станцию КВЖД, для усиления пограничных войск вдоль маньчжурско-монгольской границы. Сосредоточение японских и маньчжурских войск наблюдалось и в окрестностях Чжанбэя в Восточном Чахаре, что было истолковано как подготовка к вторжению в Калган. Генерал Ли Шоусинь разместил свой полевой штаб в пригороде Чжанбэя<sup>69</sup>. 24 февраля 1936 г. генерал Тада прибыл на самолете из Тяньцзиня в Калган. Вслед за этим шесть японских бомбардировщиков<sup>70</sup> были доставлены в Чжанбэй, где автономисты уже захватили почтовые отделения<sup>71</sup>. 25 февраля 1936 г. генерал Лю Квейтан прибыл инкогнито в Циньхуандао, после чего он отправился в Тунчжоу, чтобы встретиться с Инь Жугэном для переговоров о совместном маньчжурско-хэбэйском плане борьбы против коммунистов<sup>72</sup>.

Японская сторона по-прежнему настаивала на начале совместной антикоммунистической кампании силами армий Хэбэя, Чахара, Суйюани и Шаньси с привлечением японских военных, а также на сохранении высокого статуса Инь Жугэна. При этом китайской стороне было озвучено согласие (в случае ее положительного решения) на возвращение китайской юрисдикции в отношении контролируемых уездов в Восточном Чахаре, находящихся на тот момент в ведении генералов Ли Шоусиня

и Цзо Шихая<sup>73</sup>. Таким образом, значение переговоров заключалось в наметившейся готовности обеих сторон прислушиваться к аргументам друг друга. Генерал Тада принял большинство китайских предложений.

Однако решение вопроса о судьбе Восточного Хэбэя и Восточного Чахара не было подкреплено никакими гарантиями, кроме устных обещаний, что дало повод для принятия как японцами, так и центральным правительством Китая самостоятельных мер по обеспечению собственных интересов. Поэтому японцы занялись переброской боевой техники, и 6 марта 1936 г. из Чинчоу, Маньчжоу-Го в Тяньцзинь прибыли новые японские военные самолеты, планировалось 4–5 из них направить в Чжанбэй, а остальные оставить в Долонноре<sup>74</sup>. 16 марта 1936 г. японские самолеты были переправлены из Тяньцзиня в Чжанбэй и переданы новым монгольским властям, на что Чадун и японские представители получили новый протест со стороны Хэбэйско-Чахарского политического совета<sup>75</sup>.

Между тем Ли Шоусинь выдвинул ультиматум губернатору Чахара, потребовав отвода войск от перевала Тачин недалеко от Калгана<sup>76</sup>, якобы размещенных для защиты торговцев, использующих этот маршрут. 15 марта последовало требование о полном выводе китайских войск из района. Началось массовое бегство в Пекин богатых людей, осознавших неминуемость захвата Калгана<sup>77</sup>.

#### *Объединение режимов Дэ Вана и Ли Шоусиня и его последствия*

Следующим шагом в японской программе подрыва влияния Нанкина в регионе должно было стать заключение соглашения между Маньчжоу-Го и Восточным Чахаром<sup>78</sup>, однако военные посчитали целесообразным включить его в структуру территории, контролируемые Военным правительством Внутренней Монголии, образованным 12 мая 1936 г.

Дэ Ван, вопреки ожиданиям, не провозгласил окончательный разрыв с центральным правительством, но и не высказал лояльности японцам, не желая принимать помощь ни одной из сторон,



поскольку Внутренняя Монголия так или иначе попала бы в зависимость к Китаю или Японии, тогда о независимости вести речь не пришлось бы<sup>79</sup>. Реальное положение дел лучше всего иллюстрирует тот факт, что князь, будучи главнокомандующим, был вынужден принять в качестве коллеги командира Ли Шоусиня, в итоге его функции сводились к тому, чтобы подписывать своим именем документы, когда на это указывали его японские советники<sup>80</sup>.

Произошло обострение ситуации в Восточном Чахаре и вдоль Великой стены, где тысячи японских солдат заняли позиции под предлогом принятия срочных мер против коммунистов в Северном Китае. Сун Чжэюань заявил, что японское командование в Северном Китае не обеспечило согласование с китайскими властями данных мер по увеличению численности своих войск<sup>81</sup>.

Ли Шоусинь в связи с включением подконтрольных ему территорий в зону формального управления Дэ Вана в качестве компенсации получал официальный статус при формируемых монгольских вооруженных силах — двух армиях, численность которых до 15 июля 1936 г. предполагалось довести до 16 тыс. чел.<sup>82</sup> Генералу Ли фактически была предоставлена свобода действий, руководство военного правительства не имело над ним реальной власти, чем он и воспользовался, взяв под контроль еще пять уездов Северного Чахара. Кроме того, он был поставлен во главе Корпуса сохранения мира — организации, созданной в занятых им уездах Северного Чахара для поддержки сторонников Японии. Корпус был призван обеспечить стабильность в регионе, однако чахарские власти крайне неохотно поддерживали новое образование, не желали снабжать его оружием и расходными материалами, мотивируя это тем, что указанные уезды слишком бедные и малонаселенные для содержания такой структуры<sup>83</sup>.

Вместе с тем восточночахарский режим в связи с его стратегическим значением не сразу исчез с политической карты региона, а некоторое время еще продолжал быть предметом торга, переговоры относительно судьбы района вкупе с Восточным Хэбэем регулярно включались в повестку обсуждения японской стороны и коллаборационистов. 16 июля 1936 г. представители японского военного командования Северного Китая предложили

объединить режимы в Восточном Хэбэе во главе с Инь Жугэном и Восточном Чахаре во главе с Ли Шоусинем<sup>84</sup>. Следом прозвучало требование о том, чтобы Хэбэйско-Чахарский политический совет под руководством генерала Сун Чжэюаня их поддержал<sup>85</sup>, что повлекло бы за собой создание полноценной антикоммунистической коалиции в регионе. Сун Чжэюань немедленно переправил это требование вместе с другими в адрес Нанкина, запросив соответствующие инструкции<sup>86</sup>. Окончательное обсуждение плана по включению районов вокруг Тяньцзиня в сферу влияния Хэбэйско-Чахарского политического совета состоялось в августе 1936 г. в Тунчжоу<sup>87</sup>. На нем был определен перечень мероприятий, направленных на одновременное принятие скоординированных мер для расширения своего влияния в Северном Китае.

За этим последовало увеличение до 40 тыс. численности армии Восточного Чахара на приграничной территории с провинцией Суйюань. Среди них около 10 тыс. составляли бандиты другого генерала — Цзо Шихая, они получили задание захватить пять приграничных районов Суйюани, требование о передаче которых Ли Шоусинь выдвигал в начале 1936 г. Еще 4 тыс. японских военных вошли в Восточный Чахар из Жэхэ. В ответ на это Ян Сишань отдал приказ перебросить 8 тыс. чел. из юго-западной части Шаньси на север<sup>88</sup>. 18 августа 1936 г. в Чахаре появились более 300 бандитов под флагами автономии, они были отброшены войсками генерала Лю Юмина. Центральный военный совет в Нанкине дал указание властям в Хэбэе, Чахаре, Суйюани, Шаньси и Шаньдуне сотрудничать в вопросе организации обороны провинций<sup>89</sup>.

Дестабилизации ситуации способствовало различие позиций дипломатического и военного ведомств Японии, имевших диаметрально противоположные взгляды на развитие событий. В итоге верх взяли милитаристы, любыми способами они провоцировали военные столкновения, в которых участвовали преимущественно монголы. Так, в августе Ли Шоусинь выдвинул свои отряды в направлении Суйюани, что явилось прелюдией к более масштабному японскому вторжению в центральные районы Внутренней Монголии в попытке вбить клин между Китаем и Советской Россией. Ли Шоусинь должен был предотвратить получение Китаем

помощи, предлагаемой Советским Союзом, а также воспрепятствовать продвижению китайских коммунистов и установлению ими контактов с Внешней Монголией. Военные формирования генерала Ли в основном состояли из бандитов и мародеров. Сам Ли Шоусинь выступал как один из монгольских лидеров, однако провинциальные китайские власти Чахара и Суйюани, равно как и большинство монгольских князей в тех областях, заявляли, что они не имеют отношения к этому генералу. Оружие, снабжение и деньги Ли получал не из Китая, такие поставки могли осуществляться только из одного места — Маньчжоу-Го<sup>90</sup>. И действительно, уже в сентябре 1936 г. японская сторона на отрезке Бэйпин — Фэнтай осуществила переброску 32 тяжелых орудий и 100 грузовых автомобилей. Военное оборудование и техника, самолеты и танки в сопровождении японских военных советников были сосредоточены в Чжанбэе. Полным ходом шла подготовка и усиление монгольской армии, вооружение было направлено и в распоряжение Дэ Вана<sup>91</sup> — шли приготовления к вторжению в Суйюань.

К тому времени японские военные в Маньчжоу-Го отправили более 100 танков и бронемашин для повстанческих сил в Восточный Чахар, чьи войска были увеличены до 40 тыс. чел.<sup>92</sup> Согласованное наступление на север и восток провинции Суйюань маньчжурскими и монгольскими союзниками Чахара было осуществлено под верховным командованием Ли Шоусиня. Решение об этом было достигнуто 11 ноября 1936 г. на конференции в Тяньцзине, где присутствовали представители Квантунской армии, а также лидеры провинции Чахар, в том числе Ли Шоусинь, представитель Дэ Вана Бао Юэчин, лидер китайских бандитских группировок Ван Ин и глава Восточного Хэбэя Инь Жугэн. Предварительно повстанцы получили от японской стороны 2,8 млн иен.

Между тем представитель японского посольства, отвечая на вопрос, повлияет ли борьба на границе Чахара и Суйюани на китайско-японские переговоры в Нанкине, сказал журналистам, что это бои исключительно между китайскими регулярными войсками и бандитами, поэтому это внутреннее дело Китая, которое не имеет никакого отношения к Японии, вследствие чего не скажется на ходе переговоров<sup>93</sup>. В сообщениях из Тяньцзиня гово-

рится о возникновении разногласий между японским командованием Квантунской армии и командованием Северо-Восточного Китая. Последние отказались предоставлять прямую помощь монгольским захватчикам, но согласились наблюдать движение военных формирований 29-й армии, размещенной вдоль железной дороги Пекин — Шанхайгуань, тогда как японская сторона настаивала на непосредственном участии и оказании помощи захватчикам<sup>94</sup>.

По решению нанкинского правительства к середине ноября 1936 г. был ограничен въезд для иностранцев во все районы Внутренней Монголии. Также с учетом предстоящих боевых действий были выработаны рекомендации дипломатическим представителям об эвакуации граждан с этой территории. Тем самым внимание мирового сообщества вновь было заострено на очень запутанной ситуации, которая сложилась после вторжения в 1935 г. маньчжуро-монгольских войск в Северо-Восточный Чахар.

Провокации на границе Чахара и Суйюани едва не переросли в полноценный военный конфликт в августе 1936 г., бои возобновились в начале ноября того же года. Отношение Нанкина к предстоящим военным действиям, отправка государством подкрепления в помощь обороняющейся провинции свидетельствовали о готовящихся крупномасштабных операциях. Провинциальные силы в Суйюани, поддержанные войсками провинции Шаньси, оказались вполне способны справиться с повстанческой армией Внутренней Монголии. Квантунской армией были организованы поставки самолетов, танков, артиллерии и бронированных машин, укомплектованных японскими солдатами, которые помогали сепаратистам, проходящим обучение у японских офицеров.

Осознание Китаем целей японских военных в этом регионе поставило его лицом к лицу с двумя могущественными соседями — Россией и Японией. Советизированная Внешняя Монголия / МНР, республика, независимость которой Москва обязалась защищать всеми силами, лежала по одну сторону исследуемого региона, а прояпонское Маньчжоу-Го — по другую. Внезапный отъезд из Шанхая в Москву за неделю до этого советского посла Дмитрия Богомолова также оказался неслучайным. Опасаясь вмешательства России и создания русско-китайского альянса,

Япония выстраивала пограничную оборону, которая включала гарнизоны, системы укреплений и противовоздушной обороны, расположенные от Кореи вдоль сибирской и внешнемонгольской границ вплоть до внутримонгольской и китайской границ в заливе Чжили. Японские военные после их вступления в Чахар начали создание буферного региона, который, как они надеялись, в конечном счете станет еще одной военной стеной между Китаем и Россией. Объединения японских военных, работающих в изолированных группах, уже построили каркас оборонительных позиций вдоль южного фланга Внешней Монголии и в восточной части Внутренней Монголии. Оснащенные радиостанциями, они теперь могли заходить далеко на запад, до Эдзин-Гола, т.е. почти к границе советизированного китайского Туркестана, постоянно находясь на связи с Чанчунем / Синьцзином, штаб-квартирой японской Квантунской армии и столицей Маньчжоу-Го. Таким образом, кольцом военных постов от Калгана и Чжанбэя в Чахаре до Гуйсуя, Панкиана и Баотоу в Суйюани, Нинся (столицы одноименной провинции) и Эдзин-Гола служили пункты прослушивания сообщений для японских военных, которые получали возможность в кратчайшие сроки изучить любые неблагоприятные события на границе Внешней Монголии с Туркестаном и принять соответствующие меры.

Не отставала и модернизация логистических путей: сооружение таких военных объектов, как посадочные площадки и аэродромы, до тех пор отсутствовавшие в Чахаре, были завершены в стратегических для Японии точках, в том числе в Байлинмяо и Чжанбэе. Количество сооружений также увеличивалось, в то время как монгольские войска батальон за батальоном были реформированы по приказу японских советников Дэ Вана. С военной стеной, все еще нуждающейся в укреплении, японские военные, подстрекаемые явными признаками приближающейся радикальной развязки конфликта с Китаем, ожидали окончательного утверждения их планов, чтобы возобновить продвижение на запад с помощью монгольских сепаратистов Чахара.

Вмешательство Нанкина на данном этапе не нашло отклика среди монголов — для них политика, проводимая китайской администрацией, оказалась неудачной. Как традиционный союз-

ник маньчжуров Внутренняя Монголия была разочарована плохим управлением китайскими губернаторами, что выразилось в сопротивлении политике центрального правительства и в стремлении региона к автономии. Поэтому надежды были связаны с готовностью властей Маньчжоу-Го предоставить автономное управление.

В свою очередь, сравнение Маньчжоу-Го с советской Внешней Монголией / МНР, поддержанной советскими ресурсами и защищенной советской системой безопасности, постепенно пробуждало недовольство в рядах лидеров монгольского Хингана, которые начали сговариваться с «красными братьями». Западные СМИ писали, что в начале 1935 г. некоторые планы потенциальных перебежчиков были раскрыты, а часть заговорщиков во главе с князем Лин Шэном были казнены. Это обстоятельство можно сравнить с «холодным душем пробуждения» для монголов, фактически оставленных Нанкином на произвол судьбы и попавших под управление японских агрессоров. Постепенно монголы стали понимать, что Монгол-Го как независимое государство, провозглашенное монгольскими союзниками Маньчжоу-Го, и Восточный Чахар, подстрекаемый японцами, оказались всего лишь иллюзией, а сами они — пешки в игре, награда за победу в которой была предназначена не им<sup>95</sup>.

17 декабря 1936 г. князь Дэ в сопровождении нескольких батальонов, тяжелой артиллерии и 10 самолетов прибыл в Шанду для подготовки выступления на китайские позиции<sup>96</sup>, но кампания была проиграна. Не сумев достичь своих целей в Северном Китае, японское командование гарнизонной армией в Северном Китае и командование Квантунской армии организовали совещание, чтобы обсудить ситуацию. Среди тех, кого пригласили принять участие, были генералы Ли Шоусинь, Ван Ин, бригадиры Чан Ванчин и Лан Мэйлун из нерегулярных войск армии в Жэхэ. В итоге, вместо того чтобы завершить программу автономизации Хэбэя и Чахара, большинство присутствующих японских офицеров выступили за то, чтобы сначала оккупировать Суйюань или по крайней мере его стратегические позиции, а затем перейти к решению других проблем, включая пересмотр тарифа на импортные японские товары и создание автономного режима в пяти

провинциях на северном берегу Хуанхэ<sup>97</sup>. Началась подготовка ко второму акту Суйюаньского сражения, в ходе которой Ли Шоусинь несколько раз принимал участие в совещаниях японского военного командования в Токио<sup>98</sup>. В этот период, несмотря на формально высокий статус князя Дэ, самой влиятельной политической фигурой являлся именно Ли Шоусинь, ведь его армия захватила Чахар и теперь представляла собой основу военной силы Монгольского государства. Дэ Ван и другие монгольские князья действовали по указанию японцев неохотно и редко участвовали в государственных и уж тем более в военных делах.

В то же время многочисленные факторы, просчеты и промахи способствовали снижению популярности японцев среди монголов, чьим мнением японцы явно пренебрегали. Монголы были возмущены присутствием чужой армии на их территории и тем, что многие нерегулярные войска, нанятые японцами вести войну против Суйюани, оказались бандитами и разграбили многие поселения — грабеж и мародерство стали постоянными. Так, получил резонанс случай с военными из Маньчжоу-Го, якобы укравших у монголов 3 тыс. лошадей, за них не внесли плату, за что виновные были задержаны. Большое количество ценных монгольских объектов, добытых в результате грабежа, включая серебряные и золотые старинные украшения и шелка, попадали на бэйпинские сувенирные рынки<sup>99</sup>. Процветало дезертирство, чтобы его остановить, предпринимались решительные меры. Например, были признаны виновными в попытке перехода в китайский лагерь 21 солдат, после чего 12 апреля 1937 г. все участники группы были публично казнены в Чжанбэе<sup>100</sup>. Для пресечения подобных инцидентов маньчжурские силы были реорганизованы в Монгольскую автономную армию, состоящую из 10 дивизий, князь Дэ был формально объявлен главнокомандующим, а генерал Ли Шоусинь — его заместителем<sup>101</sup>, хотя фактически все было наоборот.

13 апреля 1937 г. было сообщено об аресте в Пекине японскими жандармами китайца, переодетого иностранцем. Предположительно, этот человек являлся посланником генерала Ли Шоусиня, который приехал в Пекин вести переговоры о сдаче китайцам нерегулярных войск Чахара<sup>102</sup>. В связи с этим участи-

лись аресты подозреваемых в шпионской деятельности, а также в убийстве военных с обеих сторон. Продолжилось наращивание японских сил, которые достигли отметки в 70 тыс. чел. Агентство «Рейтер», ссылаясь на китайские доклады, сообщало, что идея восстания против маньчжуров в Северном Китае находит все большее распространение. К югу от границы между Чахаром и Жэхэ 4 тыс. вооруженных повстанцев под командованием генерала Ли Ина захватили несколько деревень. Выступление началось в попытке организовать совместное восстание, но из-за чьего-то предательства план провалился<sup>103</sup>.

2 мая 1937 г. командующий Квантунской армией и главнокомандующий вооруженными силами Маньчжоу-Го генерал Кэнкити Уэда прибыл во Внутреннюю Монголию. В первую очередь он направился в Долоннор, где осмотрел японские войска, сосредоточенные на границе, и отряды, которыми командовал Ли Шоусинь. Затем он отправился в Хуадэ для проверки линии обороны, после чего вернулся в Чжанбэй, откуда отбыл в Чэндэ, где была проведена конференция с представителями маньчжурской и монгольской сторон<sup>104</sup>. Одним из ее результатов стал план создания Монгольской милицейской армии численностью 20 тыс. чел. в Северном Чахаре<sup>105</sup>. Чтобы справиться с китайскими «бандитами», преследующими союзные маньчжуро-монгольские силы в Чахаре, последние с участием японских постоянных соединений были перемещены на север к границе с провинцией Суйюань и Восточным Чахаром. Крупное японское соединение было сосредоточено вдоль границы Жэхэ и Чахара, предположительно, чтобы справиться с любым возможным вмешательством со стороны Внешней Монголии, а также для оказания помощи войскам Чахара<sup>106</sup>.

Между тем восстания и провокации не прекращались. Так, 5 июня 1937 г. произошло неожиданное нападение на полицейский участок группой из тысячи китайских добровольцев. Во время налета японский офицер и семь полицейских из Маньчжоу-Го были убиты, под выкрики лозунга «Вся нация объединяется против Японии, чтобы восстановить северо-восток» подвергся разграблению склад с японским оружием и боеприпасами<sup>107</sup>. 10 июня 1937 г. началось массовое восстание против японцев в Северном



Чахаре, в ходе которого 4 тыс. вооруженных повстанцев под командованием Ли Ина захватили ряд деревень к югу от Гуюани и создали угрозу проникновения в западные районы Маньчжоу-Го с целью агитации жителей присоединиться к восставшим. Возникнув изначально как хорошо спланированное, восстание из-за предательства приобрело в дальнейшем стихийный характер. Чтобы сбить накал недовольства, военные соединения Маньчжоу-Го реорганизовали, а в Северном Чахаре было объявлено военное положение. Подразделения гарнизонной армии начали изымать у местных жителей огнестрельное оружие, владельцы, не имевшие на него специального разрешения, были арестованы<sup>108</sup>. В ответ на это Лю Квейтан, будучи на военной конференции в Чанчуне, получил задание объединить китайские нерегулярные силы, чтобы они обеспечили тыловую защиту Маньчжоу-Го и монгольских сил в Жэхэ и Чахаре<sup>109</sup>, с чем он в итоге успешно справился. Таким образом, Маньчжоу-Го получило надежную защиту тыла и мобильную армию, способную решать поставленные перед ней задачи.

Подводя итог в рассмотрении роли и значения Чадуна в политической истории Внутренней Монголии, следует особо подчеркнуть искусственный характер этого автономного образования — территория, определенная под контроль руководства района, не была исторически сложившейся и обособленной, монгольские государственные институты не были задействованы в формировании района и управлении им. Однако этого и не требовалось — эксперимент с монгольской автономией проведен на базе Маньчжоу-Го.

Здесь же решались другие задачи. Во-первых, на примере Чадуна командование Квантунской армии «прощупывало почву» относительно возможности установления контроля над китайской территорией — в отличие от Маньчжоу-Го, формально остающейся под китайским суверенитетом для снижения международного напряжения, но контролируемой японской стороной. Во-вторых, апробировалась способность маньчжурских сил, сконцентрированных в приграничных районах, выполнять поставленные перед ними задачи. В-третьих, прорабатывалась возможность оказывать давление на приграничные китайские

районы и провинциальные власти. В-четвертых, отрабатывался механизм делегирования части полномочий по обеспечению японского присутствия в регионе национальным политическим элитам. Поэтому роль и значение Ли Шоусиня, этнического монгола, проявившего себя способным командиром, здесь сложно переоценить. И, наконец, формировался устойчивый плацдарм для дальнейшего продвижения и агентурной работы в отношении центральных сеймов Внутренней Монголии. Со всеми этими задачами особый автономный район Чадун и его руководство успешно справились. В результате, сыграв отведенную ему роль в деле установления контроля над ключевыми логистическими узлами и населенными пунктами, район был ликвидирован.

В целом же японская национальная политика в регионе в отношении монгольского населения означала признание его важного значения в общей стратегии Японии на континенте. Как справедливо отмечает О. Латтимор, эта политика «...полностью изменила ситуацию. Японцы давно претендовали на особый интерес к “Маньчжурии и Восточной Внутренней Монголии”, но географический предел этих требований никогда не был должным образом определен. Фактически они должны были основываться на восточных “сеймах” Внутренней Монголии: Чжериме, Чжоуде и Чжосоту, которые перешли под суверенитет современной Маньчжурии [т.е. Маньчжоу-Го]; при этом недостаточное внимание уделялось определению восточной [части] Внутренней Монголии, поскольку между сферой непосредственной деятельности японцев и ближайшими монгольскими кочевниками существовала огромная территория, колонизированная Китаем»<sup>110</sup>. Помимо этого, возникала иллюзия альтернативного пути развития. О. Латтимор пишет: «Год назад у них был только один выбор: вымирание при китайском управлении или радикальная социальная революция по аналогии с Внешней Монголией, связанная с Советской Россией. Теперь у них есть по крайней мере запас прочности в виде согласованных действий... которые могут серьезно повлиять на политику и стратегические позиции России, Китая и Японии»<sup>111</sup>. Опыт Чадуна показал, что при японско-маньчжурской поддержке устремление монголов к той или иной степени самостоятельности имеет шанс на развитие, в том

числе и силами самих монголов, таких как Ли Шоусинь или Лю Квейтан.

Подобный шаг вдохновил молодых представителей центральных сеймов Внутренней Монголии к выступлению в пользу автономии, активная фаза которого разворачивалась в преддверии официального провозглашения Чадунской автономии, однако носила более сдержанный и умеренный характер, в том числе благодаря тому, что нанкинское руководство изменило восприятие в отношении своих граждан монгольской национальности.

#### **4.2. Суйюаньские кампании 1936 и 1937 гг. в преддверии Второй японско-китайской войны**

##### *Значение провинции Суйюань*

Суйюань как часть монгольских земель была той провинцией, на которую руководство Монгольской автономии, созданной в 1933–1934 гг., имело виды — в силу стратегического расположения, а также из-за ресурсов, которыми она была богата. Для китайской стороны сохранение контроля над этой частью монгольских земель было жизненной необходимостью, суть которой раскрывал В.И. Сурин: «Достройка Лунхайской и Бэйпин-Суйюаньской железных дорог имеет целью развитие колонизации в западном направлении и установление связи новых земледельческих районов с выходными портами»<sup>112</sup>. С этой же целью, а также для обеспечения возможности более эффективно контролировать западные окраины предполагалось строительство веток Трансмонгольской: Калган — Урга и Трансазиатской: Ланьчжоу (Гао-лань) — Урумчи (Дихуа)<sup>113</sup>.

С экономической точки зрения, Внутренняя Монголия имела для Японии меньшее значение, чем Маньчжурия, но японцы позаботились о том, чтобы любая торговля в этой части сферы их интересов управлялась через их представителей. Это было сделано с помощью центров налогообложения и введения 100%-й пошлины, взимаемой со всех видов транзитных товаров, движущихся в любом направлении между Северным Чахаром и Калганом, ключевым торговым центром восточной части Внутренней

Монголии. Однако граница Внутренней Монголии и Маньжоу-Го оказалась открыта как для внутренней торговли, так и для перемещения ресурсов, обеспечивающих функционирование в регионе военного механизма Японии. Одновременно с этим при ремонте старых и прокладке новых дорог для стимулирования торговли организовывали соответствующие пункты продажи японских товаров<sup>114</sup>.

Одновременно Суйюань оказалась местом столкновения японско-американских интересов. Во-первых, существовала острая потребность в дополнительных нефтяных ресурсах, чем и объяснялись японско-американские интересы в Пекин-Суйюаньской железной дороге<sup>115</sup>. В.И. Сурин писал: «Если в прежнее время задачей САСШ было локализовать и предупредить внедрение Японии в Маньчжурию, оттесняя ее по возможности к корейским пределам, то ныне задачей американского (а частично и английского) капитала является стремление предупредить распространение Японии на запад, в Жэхэ, во Внутреннюю Монголию и в те же западные провинции Китая, куда ее привлекает та же, столь необходимая для нее, нефть»<sup>116</sup>. Именно поэтому Суйюань не оставили без внимания и коммунисты, которые установили над ней контроль в конце 1931 г., осуществив намерение создать советский район на стычке с провинциями Шэньси и Шаньси, где и разместился 24-й корпус Красной армии<sup>117</sup>.

Во-вторых, регион рассматривался как своеобразная житница — ни для кого не было секретом, что в начале 1930-х годов крупные японские концерны, такие как «Мицуи», «Мицубиси» и другие, организовали широкомасштабное культивирование мака, создав тем самым опиумную монополию в Маньжоу-Го. Постоянно возрастающая доступность героина привела к стремительному росту уровня потребления, и соответственно, к высокому спросу. В итоге предприниматели воспользовались ситуацией, чтобы расширить свою деятельность и увеличить доходность. Квантунская армия приступила к операциям во Внутренней Монголии, где сначала на территории восточных сеймов, а затем и в других регионах на месте пастбищ, освоенных китайцами в период колонизации, выращивали мак<sup>118</sup>. Эти факты были доказаны в ходе судебного разбирательства в рамках Меж-

дународного трибунала по Дальнему Востоку в 1946 г. и легли в основу ряда обвинений японских военных преступников.

В результате событий осени 1933 — весны 1934 г. китайское правительство обязалось остановить переселение на эти территории этнических ханьцев; вывести войска, сохранив лишь гарнизон в 2 тыс. чел. в Гуйсуе; обеспечивать снабжение автономии необходимым сырьем; разрешить установить собственные налоги и таможенные сборы при пересечении административной границы<sup>119</sup>. Казалось, что предпринятые меры нормализовали ситуацию, однако в начале января 1936 г. появились первые признаки надвигающейся гражданской войны. Ключевыми фигурами в намечавшемся противостоянии являлись пронанкинский губернатор Фу Цзои и Дэ Ван, контроль над которым с японской стороны уже ни у кого не вызывал сомнений.

Маньчжурские силы, заняв шесть районов Чахара, вплотную подошли к границе с провинцией Суйюань<sup>120</sup>. Одновременно с этим была завершена кампания по сооружению аэродромов, вооружению монгольских войск, при этом данные действия были совершены без крупных военных столкновений и жертв.

Сообщалось о том, что губернатор Фу спешно перебрасывает войска вдоль Бэйпин-Суйюаньской железной дороги и комплектует повозки с верблюдами, которые будут использоваться в борьбе со сторонниками князя Дэ<sup>121</sup>. В то же время японский пресс-секретарь заявил о неготовности армии Маньчжоу-Го в настоящее время продвигаться в глубь монгольских территорий, однако, несомненно, в скором времени она предпримет такие шаги<sup>122</sup>. Стало очевидно, что опасения относительно намерения Японии расширить свое влияние во Внутренней Монголии так далеко, насколько это будет возможно, подтверждались. Далее события разворачивались стремительно.

### *Первая суйюаньская кампания и ее провал*

10 января 1936 г. китайская сторона проинформировала общественность о том, что маньчжуро-монгольские войска выступили из Чахара в сторону восточных хошунов провинции Суйюань, и, получив контроль над наиболее важными железно-

дорожными узлами, провозгласили создание здесь автономии. В докладе говорилось, что операция прошла бескровно<sup>123</sup>. Занятые железнодорожные узлы обеспечивали доступ к рудникам, в которых была крайне заинтересована японская сторона, сама же железная дорога соединяла Калган и Пекин. Наблюдалась переброска грузовиков с вооружением, целью которой могло быть укрепление позиций на случай столкновения между войсками Маньчжоу-Го и Внешней Монголии. То же самое было сделано во всех приграничных областях Чахара.

В ответ на это Нанкин создал альтернативную автономную структуру — Суйюаньский административный совет, главой которого сделал престарелого князя Шагдуржава. В состав совета вошли лояльные Нанкину князья, такие как Кан и Пан, именно они обратились к центральному правительству в связи с попытками японцев помешать работе совета, на что Чан Кайши ответил, что центральное правительство намерено проводить политику по сохранению единства страны и поддержке монгольского населения<sup>124</sup>. Курировать совет был поставлен Ян Сишань<sup>125</sup>, а главными противниками в борьбе за пять приграничных районов провинции стали Цзоу Шихай, недавно организовавший захват чахарских хошунов, и Ли Шоусинь. Для обеспечения тесного контакта с монгольским руководством японские военные власти создали военную миссию в Гуйсуе<sup>126</sup>. Было очевидно, что следующая цель — Шаньси.

Губернатор Чахара генерал Лю Юймин созвал в Калгане экстренное совещание своих военачальников, чтобы обсудить ситуацию<sup>127</sup>, в итоге было принято решение оказать японцам максимально возможное сопротивление всеми имеющимися силами. Однако не все были настроены так патриотично. 23 августа 1936 г. 600 китайцев, называвших себя членами Общества бедных, промаршировали по улицам Гуйсуя, требуя поднять вопрос перед правительством провинции об установлении автономии<sup>128</sup>. Они были перехвачены полицией, в результате столкновения пятеро были убиты, несколько участников получили ранения. Вблизи суйюаньской границы наблюдалась концентрация сил сторонников автономии, поддерживаемых японскими войсками<sup>129</sup>. Эксперты заявляли, что процесс перехода контроля над

районом в руки японцев продолжится захватом провинций Суйюань и Нинся с одновременной наступательной операцией на Пекин и Тяньцзинь.

20 августа 1936 г. в Чжанбэе японцами была проведена конференция, на которой было санкционировано маньчжуро-монгольское наступление на Суйюань. Князь Дэ в интервью заявил, что установление контроля над пятью уездами провинции необходимо для обеспечения безопасности нового государства. В то же время командование Квантунской армии направило в окрестности Чжанбэя одну бригаду для участия в нападении на Суйюань, а группировка маньчжурских войск в 3 тыс. чел. выдвинулась из Шаньхайгуани<sup>130</sup>.

В свою очередь Фу Цзои получил от Центрального военного совета подробные инструкции по защите своей провинции — они предусматривали контроль со стороны правительства провинции всех продовольственных поставок и коммуникаций, переход на военное положение, а также получение подкреплений, преимущественно из соседней Шаньси. В столице провинции Тайюань незадолго перед этим по приказу Ян Сишаня был задержан монгольский делегат Дэ Вана<sup>131</sup>, на что в адрес провинциальных властей Шаньси от имени автономного правительства был заявлен протест<sup>132</sup>.

Между тем ситуация в области обеспечения продовольствием не вызвала оптимизма. Поводом для беспокойства стал переход во Внутреннюю Монголию из МНР более 20 тыс. монголов, доведенных до отчаяния голодом, вызванным метелью и снегопадом. Треть из них собирались направиться в Суйюань, а другие — в Ганьсу и Нинся, согласно данным Ти Лупао, комиссара по вопросам помощи для Монголии, который прибыл из Байлинмяо. Целью его поездки было обсуждение с генералом Фу Цзои работы по оказанию помощи<sup>133</sup>. Эти беженцы сделали и без того непростую ситуацию в этой части монгольских земель еще более сложной и непредсказуемой.

Газета «Норт Чайна Дэйли Ньюс» («North China Daily News») в Тяньцзине в начале сентября 1936 г. уверенно заявляла: «Несмотря на все опровержения, исключены любые сомнения в том, что князь Дэ теперь точно вверил свою судьбу в руки японцам.

Тот факт, что Нанкин недавно одобрил изменение названия его совета на Административный совет чахарских хошунов, и что князь в настоящее время перенес свою штаб-квартиру из Байлинмяо в Чапсур, который является резиденцией монгольского правительства в Чахаре, ясно доказывают завершение процесса подчинения этой территории Японии»<sup>134</sup>. Далее появилась информация о заключении князем тайного соглашения с японцами<sup>135</sup>. Въезд из Суйюани в контролируемые японцами районы Внутренней Монголии был запрещен иностранцам, что до этого наблюдалось только при пересечении монгольской границы на въезде в Чахар из Калгана.

Между тем после нескольких месяцев переговоров Дэ Вану удалось добиться пополнения гарнизона Байлинмяо 800 японскими солдатами. Хотя князь был уверен и в более существенной поддержке со стороны японцев, фактически у него не хватало ресурсов для противостояния генералу Фу Цзои. Монгольские силы составляли около 10 тыс. чел., при этом продолжался интенсивный набор в формируемые вооруженные силы Внутренней Монголии. К тому же Дэ Ван мог рассчитывать на поддержку Ли Шоусиня. В свою очередь Фу Цзои энергично принялся за выстраивание своих оборонительных позиций. Первая линия обороны проходила по суйюаньско-чахарской границе, вторая — между границей и Гуйсуем, и третья — примерно в 10 милях к востоку от Гуйсуя, видимая с расстояния Бэйпин-Суйюаньской железной дороги и состоявшая из сложной системы 6-футовых траншей и множества постов наблюдения. Губернатор Фу, имея 70 грузовиков для перемещения войск, отдал приказ обеспечить доставку еще 50. Последнее восстание монгольских сил показало слабость позиций противника, чем и воспользовался суйюаньский лидер — его войска окружили повстанцев и захватили их оружие и боеприпасы<sup>136</sup>.

Ситуацию для китайской стороны осложняли действия Исполнительного Юаня, который в середине октября 1936 г. направил в адрес князя Дэ требование о необходимости продемонстрировать свою лояльность Нанкину и воздержаться от того, чтобы опереться на силы японцев. В противном случае Нанкин угрожал послать карательные силы в Монголию<sup>137</sup>, хотя на помощь монго-



лам из Мукдена уже были направлены значительные японские силы. В итоге вблизи Калгана передовые отряды союзных войск Маньчжоу-Го и Монголии столкнулись с китайскими войсками гарнизона Дулина. Естественной реакцией на происходящее стало бегство торговцев из Долоннора и Куюаня, они оставляли свое имущество, закрывали магазины и отправлялись в Калган и Сюаньхуа. Вряд ли нервозность некоторых нанкинских деятелей была так уж оправдана, ведь за последнее время Дэ Вану уже трижды приписывали решение провозгласить независимость. Каждый раз за этим следовало опровержение от представителей князя в Пекине. На фоне этого было очевидно, что князь ведет двойную игру, — формально не являясь независимым от Нанкина, он не был и полностью верным ему. При этом князь никогда не исчезал из виду японских военных советников, которые «были так любезно одолжены ему» японской стороной. От них он получил командование армией, соответствующее обучение и обеспечение. По данным наблюдателей, японцы обучали к тому времени уже две армии, общая численность которых составляла около 10 тыс. чел. Все солдаты, которых видели иностранные путешественники, были одеты в форму Маньчжоу-Го, вооружены японскими винтовками и расплачивались банкнотами Маньчжоу-Го<sup>138</sup>.

К тому времени несколько японских военных миссий продвинулись далеко на запад. Одна из них разместилась в Вангифу, пустыне в 100 милях от столицы Нинся. Военные занимались картографированием, обследованием дорог и политической разведкой. В некоторых штабах военных миссий имелись, по мнению китайцев, значительные запасы оружия и боеприпасов.

Между тем власти Китая официально отрицали, что в восточной части провинции Суйюань начались военные действия, но признавали, что 20 тыс. ополченцев под командованием генералов Ли Шоусиня и Ван Ина подошли на расстояние 15 миль к суйюаньской линии обороны. Наступающие войска были поддержаны кавалерийской бригадой, подготовленной японцами<sup>139</sup>. Фу Цзои развернул прием новобранцев и заявил о готовности отразить атаку, если на него нападут монгольские войска, однако выразил сомнения в способности дать адекватный отпор при вмешательстве японской стороны.

В начале ноября 1936 г. напряженность на суйюаньско-чахарской границе достигла своего предела. Несколько тысяч маньчжурских военных выдвинулись из Шанду (в 70 милях к северо-западу от Калгана), из Чжанбэя к Калгану по недавно построенной автостраде для них везли большую партию оружия и боеприпасов. В то же время главные провинциальные силы получили значительную помощь от центрального правительства Нанкина и оказались готовы к нападению<sup>140</sup>, которое состоялось 5 ноября 1936 г. Проманьчжурская монгольская нерегулярная армия, вторгшаяся в провинцию Суйюань из Чахара, сошлась в сражении с китайскими провинциальными войсками недалеко от г. Таолинь. Захватчикам оказывалась помощь с воздуха. Силы Маньчжоу-Го, которые были в распоряжении Восточного Чахара с прошлого года, также двинулись на запад<sup>141</sup>. Министерство иностранных дел Китая разослало в адрес представителей иностранных держав инструкции об эвакуации из Суйюани и Нинся в связи с угрозой военного конфликта<sup>142</sup>. Шанхайские информационные агентства сообщили, что 11 ноября около 30 тыс. вооруженных монгольско-маньчжурских солдат вновь предприняли попытку напасть на Суйюань, но были легко отброшены в течение непродолжительного времени<sup>143</sup>. Прибытие 14 ноября в Байлинмяо 1 тыс. японских солдат регулярной армии китайские источники связали с недавними событиями в Суйюани и прогнозируемым расширением маньчжуро-японского влияния на западные территории Китая<sup>144</sup>. Вслед за этим в китайских СМИ участились сообщения о боях на севере.

Конфликтующие стороны подавали разную информацию. Китайские источники настаивали на том, что фактически борьба велась между поддерживаемыми японской стороной маньчжуро-монгольскими войсками и провинциальной армией. Правительство в Нанкине потребовало эвакуации всех иностранцев с воюющих территорий, где оно не могло нести ответственность за их безопасность. Поступала информация о бомбардировках отдельных кварталов Гуйсуя, а также о концентрации большого числа вооруженных сил Японии вблизи Байлинмяо<sup>145</sup>. Однако после двух дней ожесточенных боев объединенная маньчжуро-монгольская армия вынуждена была отступить, несмотря на то что авиа-

ция сбросила на противника более 100 бомб, а сухопутные силы имели в своем распоряжении танки и бронированные автомобили<sup>146</sup>. Министр иностранных дел Китая заявил, что, по имеющимся у него сведениям, в Суйюань вторглись нерегулярные войска, получающие японскую помощь, и правительство будет и дальше оказывать им ожесточенное сопротивление<sup>147</sup>. Наконец, 19 ноября 1936 г. агентство «Рейтер» («Reuter») сообщило о том, что в восточной части провинции китайские войска при поддержке артиллерии разбили маньчжуро-монгольские вооруженные силы в трехчасовом сражении. Захватчики потеряли 300 чел. убитыми<sup>148</sup>.

Донесения из Японии говорили о том, что официальные круги называли ситуацию в Суйюани исключительно внутренней политикой Китая, которая Японии не касается. Некоторые эксперты в связи с этим вспоминали события пятилетней давности. В конце 1931 г. японские войска отчаянно сражались против кантонской армии в пригородах Шанхая, центральное китайское правительство официально заключило мир с Японией, и Чан Кайши воздерживался от объявления войны, притом что северные китайские военные соединения все еще оказывали ожесточенное сопротивление японскому наступлению в Жэхэ и к югу от Великой стены<sup>149</sup>.

Представители японского военного командования в Шанхае и Тяньцзине откровенно выражали симпатию попыткам монголов основать независимое государство во Внутренней Монголии на территории Чахара, Суйюани и Нинся, а японский военный атташе в Шанхае считал допустимым, что Япония могла продавать монголам самолеты и танки<sup>150</sup>.

К активным военным действиям стороны перешли в 20-х числах ноября. Стюарт Ганзель сообщил, что конфликтом оказался охвачен монастырь Байлинмяо и об участии во вторжении в Суйюань нерегулярных монгольских подразделений<sup>151</sup>. Маньчжуро-монгольские войска под командованием Ван Ина захватили несколько населенных пунктов, потери убитыми и ранеными со стороны оборонявшихся составили около 1 тыс. чел., со стороны нападавших — около 200 чел.

Официальные китайские отчеты сообщили, что князь Дэ Ван телеграфировал Фу Цзои ряд требований и обвинений. Он требо-

вал: возвращения всех монгольских хошунов под юрисдикцию Чахарского политического совета; уничтожения военной линии обороны к югу от Байлинмяо и немедленного прекращения экономической блокады монголов; возвращения оружия и боеприпасов, которые были изъяты у Корпуса сохранения мира; выплаты 200-тысячной компенсации для покрытия убытков в связи с ликвидацией Совета Монгольской автономии, а также наказания тех, кто участвовал в принятии решения о его ликвидации<sup>152</sup>. Фу Цзои отказался принять требования и отрицал все обвинения монгольского князя. Вслед за этим крупные силы монголов под командованием Дэ Вана выступили с севера к городам Гуйсуй и Баотоу.

### *Китайские маневры*

Военные власти Китая выразили уверенность в том, что Генеральный штаб Японии разработал план по созданию сферы собственного влияния в континентальной Азии, на территории Маньчжоу-Го и Туркестана, для подготовки к возможной войне с Советской Россией. Китай непосредственно не был обеспокоен тем, что Япония планировала нападение на Россию, но обращал внимание на любые действия, которые бы влекли угрозу установления иностранного контроля в провинции Суйюань. Чтобы избежать открытого разрыва с Чан Кайши, японцы не спешили публично давить на монголов и открыто требовать вступить в явное противостояние с Нанкином. Если борьба в Суйюани перейдет в открытую фазу, заявляли японские дипломаты, националистическое движение недовольных монгольских сил будет самостоятельно в своих решениях. В продолжение выбранной линии в совместном заявлении прессе командование Квантунской армии и Министерство иностранных дел Маньчжоу-Го попытались объяснить, почему они сочувствовали вторжению в Суйюань. По их мнению, это было необходимо для того, чтобы принять соответствующие меры в случае угрозы миру и порядку в Маньчжоу-Го. К этому добавлялись аргументы об увеличении численности регулярных войск Коммунистической партии Китая. Таким образом, предпринятые военные шаги были объявлены неотложными мерами самозащиты<sup>153</sup>.

Между тем защитники Гуйсуя в провинции Суйюань сообщили, что отбили у монгольских захватчиков Байлинмяо<sup>154</sup>, после того как в понедельник поздно вечером провинциальные войска внезапно атаковали монгольские соединения<sup>155</sup>. В ходе яростного сражения японская сторона потеряла 300 чел. убитыми и 600 пленными при штурме города<sup>156</sup>. На следующий день китайский штаб заявил о том, что вооруженные силы Квантунской армии в связи с захватом Байлинмяо были переброшены на запад для участия в конфликте в Суйюани, однако хорошо обученная и оснащенная армия генерала Фу Цзои разбила маньчжуро-монгольскую армию<sup>157</sup>, а губернатор Суйюани в результате захвата Байлинмяо стал новым национальным героем — ему удалось создать барьер и пресечь попытки японского продвижения в западную часть Внутренней Монголии<sup>158</sup>.

Согласно другим сообщениям из Гуйсуя, большое наступление захватчиков ожидалось 27 ноября 1936 г. Их целями должны были стать различные объекты на восточной границе провинции Суйюань, расположенные вдоль железной дороги Пекин — Суйюань на участке от Баотоу до Цинхо<sup>159</sup>. При этом аналитики предостерегали японское военное командование от поспешных действий, поскольку Китай в один прекрасный день мог исчерпать свое терпение — почти аксиомой в китайской доктрине войны звучало предостережение «не загонять противника в угол», ибо тогда он становится опасным<sup>160</sup>. Регулярное ущемление японской стороной национальной гордости китайцев и их достоинства грозило вызвать полномасштабную войну, решающей провокацией к которой могла послужить ситуация вокруг Суйюани. Монголы же при этом не рассматривались как однозначные сторонники, поскольку они прекрасно понимали свое будущее в связке с Японией — либо неопределенный статус в составе северных провинций, либо присоединение к Маньчжоу-Го. Ситуацию осложнял набирающий силу воздушный флот Китая — если на формирование военно-морского флота у него ушло бы не менее 50 лет, то в воздухе достичь паритета при поддержке союзников было несложно. Поэтому в рассматриваемый временной промежуток Китай являлся уже не тем Китаем 1931 г., который беспомощно отдал Маньчжурию.

В конце ноября 1936 г. вслед за захватом Байлинмяо войсками Фу Цзои в его распоряжение попали секретные документы, свидетельствующие о намерении создать подконтрольное японцам монгольское государство, преемника Великой империи Юань. Позднее эти материалы были опубликованы в китайских СМИ Гуйсуя. В них говорилось о том, что Япония планировала потратить 440 млн долларов для подготовки пула потенциальных политических деятелей нового государства, на что уже было выделено 50 млн. Новое государство должно было охватывать территорию в пределах от Жэхэ до Синьцзяна и включать в себя всю Внутреннюю Монголию<sup>161</sup>.

Вслед за этим последовало предупреждение, изданное в ответ на заявление Квантунской армии Министерством иностранных дел Китая, о попытках Японии воспрепятствовать осуществлению китайскими вооруженными силами боевых действий во Внутренней Монголии. В нем говорилось, что китайский народ — традиционно миролюбивый, поэтому желает оставаться в дружеских отношениях со своими соседями. Однако Китай ни под каким предлогом не может позволить нарушить свою территориальную целостность. Если возникнет неспровоцированная агрессия или любое другое вмешательство, Китай готов противостоять им, используя все свои силы и ресурсы. Позже в сообщении Нанкина было сказано, что Китай намерен выразить протест Японии относительно предполагаемой помощи Маньжоу-Го, а также поддержки монгольских захватчиков в Суйюани. Кроме того, отмечена позиция Японии в том, что прекращение Китаем китайско-японских переговоров является нерациональным<sup>162</sup>.

В результате разгоревшегося конфликта Монголию охватила волна беженцев — женщин и детей, изгнанных из своих домов в Западном и Восточном Чахаре и Суйюани угрозой прихода войны в приграничные города. Беженцы приезжали на верблюдах, в повозках, запряженных лошадьми, шли пешком, лишенные своего имущества и страдающие от холода. Многие из них голодали, но были рады, что избежали войны, которая, по их мнению, непременно коснется тех земель, которые они и их предки занимали на протяжении веков. Большинство беженцев были охотниками или владели крупными стадами. Рассказывая о трудностях,

они сообщали, что многие их соотечественники в Чахаре и Суйюани были призваны в качестве солдат или рабочих для строительства дорог. Военные забирали за небольшой выкуп или вовсе без компенсации верблюдов, лошадей, крупный рогатый скот, овец, мех и даже автомобили.

Также беженцы говорили, что вооруженные силы, брошенные на Суйюань, насчитывали около 25 тыс. китайцев и монголов из Жэхэ и других регионов Маньчжоу-Го, при них находились японские офицеры и японская военная техника. Было отмечено также, что войска насчитывали 15 тыс. чахарских «бандитов» и 3 тыс. монгольских всадников, обозы из грузовых автомобилей и телег, запряженных лошадьми, верблюдов сопровождалась вооруженными транспортными средствами, по-видимому, танками<sup>163</sup>. Они двигались по нескольким дорогам на запад, к границе Суйюани, туда же направлялись артиллерийские подразделения. Еще над этим районом участились полеты самолетов. Беженцы сообщали, что командование этими силами объявило о создании нового правительства Внутренней Монголии в Восточном Чахаре и что его члены в большинстве своем японцы<sup>164</sup>. Они утверждали, что японцы полностью контролируют князя Дэ, что он вынужденно поддался японскому влиянию, главным образом, из-за экономических проблем, вызванных последствиями суровой зимы в прошлом году в Монголии, которая существенно сократила численность населения. Китайские власти разрешили беженцам разместиться в Калгане и его окрестностях без каких-либо ограничений. Беженцы остро нуждались в еде, и некоторые из них, кто сумел вывезти меха, предлагали их в обмен на еду<sup>165</sup>.

Китайское командование провинции Суйюань сосредоточило несколько подразделений войск в округе Байлинмяо с целью подготовки наступления на Панкиан. В столицу провинции Шаньси, Тайюань, прибыло большое количество монголов и маньчжуров, откликнувшихся на призыв Чан Кайши и Ян Сишаня<sup>166</sup>. Один из докладов из Гуйсуя сообщал о том, что продовольствие, захваченное у монголов в Байлинмяо, доставлено в город, для того чтобы обеспечить войска питанием. Укрепление местности вокруг городов Чжанбэй и Долоннор, переброска военных поста-

вок из восточной части провинции Суйюань в Северный Чахар и другие действия демонстрировали, что Япония намеревалась объединить свои силы в Чахаре до того, как начнется наступление на Суйюань. Между тем учащиеся средней школы и студенты колледжей в Шанхае и Нанкине попросили закрыть образовательные учреждения до наступления каникул, чтобы иметь возможность помогать солдатам, защищающим Суйюань. Они обратились к генералу Хэ Иньцину за разрешением отправиться на фронт. Студенты медицинского колледжа в Шаньдуне предложили свои услуги Красному Кресту на севере Китая<sup>167</sup>.

В результате слаженных действий провинциального военного командования и лично Фу Цзои, а также народной сплоченности провинцию удалось отстоять при нападении маньчжуромонгольских войск. Однако все понимали, что в этой операции не были задействованы японские военные соединения, а против них своими силами удержать оборону вряд ли будет возможно.

Князь Дэ Ван после поражения в суйюаньской кампании направил телеграмму в адрес генералиссимуса Чан Кайши. Подтвердив свою лояльность Нанкину, он заявил, что будет продолжать упорно сопротивляться любому иностранному давлению, которое нанесет ущерб Китаю. Это зашифрованное сообщение подтверждало информацию, что князь Дэ сотрудничал с японской стороной против воли. Силы князя Дэ и других монгольских князей в Чахаре значительно уступали армии Маньчжоу-Го, которая пересекла границы своих территорий и заставляла монголов сотрудничать без учета их мнения. Нависла угроза вероятного захвата китайскими войсками резиденции князя — Паникиана<sup>168</sup>.

Однако, несмотря на поражение, агрессоры не собирались отказываться от своих планов. Ультиматум, посланный из лагеря союзных монгольско-маньчжурских войск, был доставлен в столицу провинции Суйюань. Воспользовавшись арестом Чан Кайши (так называемый Сианьский инцидент 12 декабря 1936 г.), монгольские силы, лояльно относившиеся к Японии, намерены были взять реванш и отбить Байлинмяо<sup>169</sup>. Китайцам было дано время на оставление этого города, в связи с чем конные подраз-



деления под командованием китайских генералов в срочном порядке стягивали свои силы для укрепления китайских позиций<sup>170</sup>. Чтобы подбодрить своих сторонников, монголы объявили о распространении своей власти не только на Суйюань и большую часть Чахара, но и на все территории проживания монголов, что международной общественностью было воспринято как намек на расширение новой политической организации с помощью японской армии до провинции Нинся.

Номинальным монгольским лидером был заявлен уже известный 72-летний князь Юнь, давно отошедший от дел, но все еще пользующийся большим авторитетом, реальное управление осуществлялось именем Дэ Вана<sup>171</sup>. Примечательно, что во время ареста Чан Кайши Чжан Сюэляном 12 декабря 1936 г., дабы избежать военных действий в период неразберихи, Дэ Ван сообщил в адрес Нанкина, что он приостановил все действия, чтобы не смущать руководство страны<sup>172</sup> и позволить Нанкину урегулировать дела с восстанием в столице Шэнси Сиане.

На самом деле этот перерыв был вызван разногласиями в маньчжурском лагере, связанными с тем, что 18 декабря 1936 г. несколько бригад вооруженных сил маньчжуров под командованием генерала Ли Шоусиня взбунтовались и присоединились к китайским военным формированиям со своим оружием<sup>173</sup>. После шести недель затишья бунты возобновились, когда крупное подразделение монголов во главе с князем Дэ совершило две попытки прорвать китайскую защиту. Восемь японских самолетов бомбили город в ночь на 20 декабря и значительно ослабили китайскую оборону<sup>174</sup>.

Согласно иностранным отчетам, которые были получены с фронта, множество чинов монгольской и маньчжурской армии были убиты в течение двух недель. Коммюнике из Гуйсуя информировало, что князь Дэ телеграфировал китайскому правительству сообщение об отсутствии намерений вторгнуться в Суйюань в ближайшее время без указания причин<sup>175</sup>. В канун Нового года поступило сообщение, что князь Дэ заявил о намерении прекратить пользоваться поддержкой Японии и предложить свои услуги Нанкину, если ему будет обещана амнистия. Генерал Бао Эичин, командующий маньчжурскими войсками в Чахаре,

также обратился с подобной просьбой<sup>176</sup>. Однако этому не суждено было сбыться — японцы спешно отправили семью Дэ Вана в столицу Маньчжоу-Го, чтобы предотвратить его возможное дезертирство<sup>177</sup>.

Позднее европейская пресса будет придерживаться мнения, что агенты Квантунской армии успешно обманули не только Дэ Вана, но и некоторых других монгольских лидеров, обиженных на прежние китайские власти, вместе с тем многие члены общества стали задаваться вопросом о цене, уплаченной японцам за так называемую автономию. Учитывая опыт Хингана в Маньчжоу-Го, наиболее дальновидные монголы усматривали в ней лишь незначительные преференции и должности на ключевых позициях в управлении районом. Они боялись, что часть Монголии должна будет просто обеспечивать ресурсами японскую промышленность, поэтому скорее предпочитали судьбу Внешней Монголии, чем подчинение японским интересам<sup>178</sup>.

Тем временем Фу Цзои выпустил обращение к народу с призывом оказывать сопротивление монгольским и маньчжурским захватчикам независимо от того, что будет происходить в других частях Китая<sup>179</sup>. 18 декабря 1936 г. поступили сведения о том, что Чан Кайши, взятый в плен в Сиане, все еще жив. Подобное известие давало повод для оптимизма не только его сторонникам, но и противникам. Так, китайский «бандит» Цзо Шихай, который подвергался преследованию со стороны китайского руководства, а теперь находился в союзе с Дэ Ваном при нападении на Суйюань, и монгольский князь Тач Ван заявили телеграммой в адрес центрального правительства, что приостанавливают военные действия против Суйюаньской провинции и Фу Цзои, поскольку не хотели бы, чтобы «локальный спор повлиял на общую ситуацию в Китае». Они также выразили удивление по поводу Сианьского инцидента и задержания Чан Кайши и надежду на его скорейшее освобождение, что было особенно важно в свете недавних слухов о том, что генералиссимус был убит<sup>180</sup>. Нанкинское правительство наградило золотой медалью мадам Ян, мать лидера Шаньси, за пожертвование ею всей собственности в размере 870 тыс. долларов на защиту провинции Суйюань от чахарских захватчиков<sup>181</sup>. Между тем три маньчжурских полка, пере-

шедших на сторону Китая в канун Нового года, были подвергнуты бомбардировке девятью тяжелыми японскими самолетами, они нашли укрытие в одной из деревень. Но положение уже было не изменить — атака на Суйюань провалилась.

### *Вторая суйюаньская кампания и ее результаты*

Генерал Фу Цзои отметил новый 1937 г. со своими офицерами, к которым обратился со словами: «Захватчики из Маньчжурии и Внутренней Монголии были уверены, что будут отмечать Новый год в Гуйсуе. Им выдали часть их гонораров авансом с известной целью, но они были страшно разочарованы, так как результат многонедельных операций оказался неудовлетворительным»<sup>182</sup>. Солдаты провинции Суйюань также получили увеличенное жалование за защиту провинции от захватчиков. Генерал Фу Цзои, сообщил, что сборы на оборону провинции, полученные от жителей Китая и Суйюани, составили 1 млн 856 тыс. долларов. Возведением национальной линии обороны в Суйюани, которая простирается от Великой стены до Северного Чахара, были заняты 2 тыс. китайских рабочих<sup>183</sup>.

Леди Чи Чэнфэн, жена князя Шина, главы одного из западных хошунов Внутренней Монголии, дала интервью иностранным и китайским журналистам в Гуйсуе и опровергла слухи о том, что монголы желают создания независимого правительства во Внутренней Монголии. Она сказала, что за исключением ограниченного числа монголов, подкупленных японцами, большинство монгольских военачальников верны Нанкину<sup>184</sup>.

С наступлением нового года ситуация снова стала меняться. Союзные маньчжуро-монгольские силы приступили к перегруппировке. 5 января 1937 г. поступило сообщение, что Дэ Ван принял управление всеми доступными продовольственными ресурсами в районах Северного Чахара и начал подготовку к очередной атаке на китайские позиции в восточной части провинции Суйюань. Помимо этого, были введены призывные меры, и сотни молодых китайцев были вынуждены присоединиться к союзной армии Внутренней Монголии и Маньчжоу-Го. В результате тысячи китайцев бежали из своих домов, чтобы не быть задейство-

ванными ни в трудовой повинности, ни в участии в союзной армии<sup>185</sup>. 11 января 1937 г. китайские источники сообщили, что часть нерегулярных войск монголов Шанду в Северном Чахаре устроили мятеж и организовали столкновение с японскими войсками. Между тем для пополнения регулярных войск и наступления на Суйюань Дэ Ван ввел обязательную службу для всех монголов в возрасте от 18 до 50 лет, включая лам<sup>186</sup>.

К началу 1937 г. сложилась ситуация, при которой неподконтрольность Нанкину Северного Чахара могла обернуться новым вторжением в Суйюань. Однако планам Нанкина по восстановлению контроля над этой территорией помешал Сианьский инцидент в декабре 1936 г.<sup>187</sup>

Руководство провинции Суйюань объявило, что не допустит новой угрозы целостности северных территорий, которую создавали японские амбиции путем образования буферных государств между Маньчжоу-Го и Внешней Монголией. Для этих целей была сформирована стотысячная армия первой линии обороны, включая 40 тыс. отборных солдат, направленных Нанкином<sup>188</sup>. Этот факт, а также суровые климатические условия (сильные морозы) заставили союзные силы на время отложить планы повторного вторжения до весны. И уже в конце апреля наблюдатели снова заявили, что напряжение на суйюаньско-чахарской границе растет. 27 апреля 1937 г. небольшие группы боевиков восточно-чахарского режима напали на некоторые китайские форпосты, но были отбиты в ходе небольшой перестрелки<sup>189</sup>.

В связи с напряженной ситуацией во Внутренней Монголии генерал Фу Цзои отменил отставку за выслугу лет офицеров и приказал им немедленно вернуться к постам в гарнизоны<sup>190</sup>. Это явилось причиной того, что не только монголы, но и многие китайцы Внутренней Монголии устремились в бега. Власти Суйюани стали искать сотрудничества с оставшимися лояльными Нанкину монгольскими князьями и другими видными лицами<sup>191</sup>, а китайские власти снова прекратили выдачу паспортов для туристов, въезжающих в любую часть этого региона<sup>192</sup>. Ситуация стала настолько опасной, что в июле МИД Китая в Нанкине посоветовал представителям держав эвакуировать своих граждан со всей территории Внутренней Монголии. Министерство

объявило, что этот район временно закрыт для иностранных туристов в связи с предстоящими военными действиями. На тот момент в опасном районе находилось около 150 миссионеров, в основном англичане и американцы<sup>193</sup>.

Между тем 24 мая 1937 г. в Байлинмяо было объявлено военное положение. 28 мая 1937 г. министр внутренних дел Китая генерал Чан Цзопин в сопровождении руководителя отдела Цай Пэя выехал с инспекцией из Нанкина в Чахар и Суйюань. В ходе визита были запланированы поездки в Шаньси, Нинся, Ганьсу, Цинхай и Шэньси<sup>194</sup>. 30 мая 1937 г. делегация прибыла в Калган<sup>195</sup>. По сообщениям разведки, 20 японских самолетов регулярно вели шпионскую работу над городами между Чэндэ, столицей Жэхэ, Калганом, столицей Чахара и Синхэ (на территории Улан-Цаба)<sup>196</sup>. Китайские военачальники на границе Суйюани были проинструктированы проявлять строжайшую бдительность, поскольку считалось, что вторжение в северную часть Суйюани могло начаться под предлогом принятия карательных мер против добровольцев союзных маньчжуро-монгольских сил Чахара<sup>197</sup>. Фу Цзои заявил: «Мы не должны допустить угрозу целостности нашей провинции!», а Ван Цзинвэй добавил, что «...нанкинское правительство полно решимости поддержать Суйюань против вражеского вторжения»<sup>198</sup>.

Князь Дэ начал тщательно продуманные приготовления к вторжению в восточную часть провинции Суйюань. Сотни молодых монголов были приняты в армию за последние несколько дней. В столицу, поселок Чапсур, был налажен поток военных поставок<sup>199</sup>. Отмечались провокации и бесчинства, которые организовывали монгольские нерегулярные войска на границе. Маньчжурское подкрепление прибывало в Северный Чахар из Жэхэ. Поскольку антияпонские настроения в Северном Чахаре к концу июня 1937 г. значительно ослабли, японские самолеты возобновили полеты в восточную часть провинции Суйюань<sup>200</sup>. Это означало приближение военных действий.

После инцидента на мосту Марко Поло в июле 1937 г. стало очевидно, что войны избежать не удастся и в этот раз с японской стороны будут задействованы основные силы. Китайские добровольцы заявили, что их целью является захват Чэндэ, столицы

Жэхэ, в ходе нескольких успешных операций они заняли несколько населенных пунктов. Другая часть войск выдвинулась на восток по направлению к Чахару. При этом официальные нанкинские власти предположили, что японцы намерены продвигаться дальше, в глубь континента, и после успеха в Суйюани организуют вторжение в Северную Ганьсу<sup>201</sup>.

Основные военные действия развернулись в начале октября, и стало ясно, что китайской стороне провинцию удержать не удастся. Уже 3 октября 1937 г. монгольские войска князя Дэ вошли в Байлинмяо<sup>202</sup>, следом настала очередь Гуйсуя<sup>203</sup>. Военный корреспондент «Дейли Мейл» («Dayli Mail») сообщал: «Советский Союз решил послать полк монгольской мотострелковой пехоты, чтобы помочь Китаю предотвратить оккупацию Японией Суйюани, которая служит советской базой для военных поставок в Китай»<sup>204</sup>. Токийская пресса («Анета-Домэй» и др.) также подтверждала попытку Китая и Советского Союза организовать объединенный фронт с Внешней Монголией против Японии<sup>205</sup>. В сообщениях говорилось, что авангард 8-й армии под командованием Чжу Дэ в составе войск Внешней Монголии, вооруженных сил китайских коммунистов и суйюаньских военных соединений 13 октября 1937 г. принял участие в боях против объединенной армии японцев, маньчжуров и монголов, но потерпел поражение. На следующий день, 14 октября, был захвачен Гуйсуй, и вскоре вся провинция Суйюань оказалась в руках японцев<sup>206</sup>.

Фу Цзои с помощью мятежных монгольско-маньчжурских сил удалось ненадолго удержаться в незанятых районах на западе Суйюани<sup>207</sup>, но всем было понятно, что это временно. Одновременно решалась судьба Калгана, который оказался в окружении китайских партизан во главе с легендарным генералом Ма Чаншанем, но вряд ли он надолго остался бы в их руках. Тем не менее силам генерала удавалось причинять беспокойство японцам в течение нескольких последующих лет. Считалось, что Ма Чаншань был убит в Маньчжурии в 1932 г., о чем даже доложили императору Хирохито — якобы видели труп генерала с принадлежащими ему орденами и медалями. Однако его образ был настолько популярен, что к нему регулярно прибегали для поднятия боевого духа китайских солдат. Так, в феврале 1940 г. китай-

ские партизанские отряды фактически захватили Хух-Хото, при этом японцам пришлось организовать карательную экспедицию для восстановления контроля над территорией. На северо-западной окраине Шаньси дислоцировался 50-тысячный корпус, в его операциях принимал участие Фу Цзюи. Согласно японской традиции, доклады императору являются окончательными, поэтому, даже если бы генерал Ма оказался жив, японские военачальники никогда не признали бы этого. Китайцы же на этот счет шутили, утверждая, что японцы боятся мертвеца<sup>208</sup>.

Установление контроля над провинциями Суйюань и Чахар с помощью монгольских войск открывало путь для реализации одной из основных целей Японии — создания коридора (или санитарной зоны) между советской территорией и Китаем с Маньчжоу-Го. Также появлялась возможность для образования монгольского буферного государства в тесной связи с Маньчжоу-Го<sup>209</sup>, которое самим фактом своего существования будет угрозой для советского контроля над Внешней Монголией. Не последнюю роль в этой ситуации сыграли амбиции князя Дэ Вана, который желал объединения монгольской нации в новое независимое государство под японской защитой, считая, что это государство соберет под своей крышей всех монголов. Японцы же пока не стремились разубеждать его, прекрасно понимая свои интересы и имея опыт их защиты всеми доступными способами. В настоящее время они готовы были согласиться и на автономию, и на независимость, и на признание Дэ Вана лидером всех монголов.

В целом же государственность Внутренней Монголии, пройдя поступательно путь от автономии в структуре китайского государства до полусамостоятельных режимов центральных сеймов и Восточного Чахара, подходила к очередному этапу своего развития — давно желаемого независимого государства. Однако ни одна из великих держав как в регионе, так и в целом на международной арене по-прежнему не была настроена на объединение монголов под властью единого политического центра. Даже руководство Японии и Маньчжоу-Го не высказывались однозначно по этому поводу, как, например, это было сделано в отношении режима Ван Цзинвэя после весны 1940 г. Сейчас нам сложно судить о том, понимали ли это Дэ Ван и его окружение. Скорее

всего, князь осознавал опасность союза с японцами, однако в сложившихся обстоятельствах повернуть ситуацию вспять было уже невозможно.

Как для японцев точкой невозврата в отношении монголов Маньчжурии и Хингана стали инцидент с Лин Шэном и его казнь в 1936 г., так для Дэ Вана и его сподвижников поворотными стали события в Суйюани в 1937 г. — военные стычки и провокации переросли в полномасштабные боевые действия, повлекшие за собой жертвы не только среди китайского, но и среди монгольского населения, которые можно было оправдать только независимостью, пусть и формальной.



## Глава 5

### ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ МЕЖДУ НАЧАЛОМ ВТОРОЙ ЯПОНСКО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕМ КНР

#### 5.1. Объединение монгольских земель под японским контролем. Создание и падение Мэнцзяна

*Проект «Большая Монголия» и создание  
Объединенного комитета Мэнцзяна (сентябрь — ноябрь 1937)*

Прежде чем перейти к изучению событий и факторов, влияющих на развитие государственности Внутренней Монголии в заданный промежуток времени, следует обосновать выбранные хронологические рамки. С позиции западнцентристского мировоззрения было бы разумнее в качестве рубежной стартовой точки выбрать 1939 г. — начало Второй мировой войны, или 1941 г. — начало войны на Тихом океане, или любую другую дату. Однако и здесь мы будем отталкиваться от положения, включенного О. Латтимором в труд «Кочевники и комиссары: Возвращение в Монголию»: «Чтобы определить этот период истории Монголии с точки зрения того, что происходило в остальном мире, достаточно вспомнить, что военная эпоха имеет разные периоды для разных стран. Для большинства европейцев война началась в 1939 г., но для испанцев и чехословаков она началась задолго до того, как стала “официальной”. Для американцев она не начиналась до 1941 г. Как для европейцев, так и для американцев все закончилось в 1945 г. Однако для китайцев война началась в 1931 г. с вторжения Японии в Маньчжурию и не заканчивалась до 1949 г., вплоть до бегства Чан Кайши и уста-

новления коммунистического правительства. Для монголов военные годы были длительным периодом вооруженной напряженности с двумя относительно короткими крупномасштабными боевыми действиями. В меньшем масштабе они противостояли японскому вооруженному вторжению в 1935 и 1936 гг. В 1939 г. на северо-восточной окраине, где Монголия примыкает к Маньчжурии и Сибири, крупное вторжение японцев было остановлено в результате ожесточенных боев в степях Халхин-Гола и в 1945 г.»<sup>1</sup>.

Поэтому для нас рубежным является именно 1937 г., когда, во-первых, политическое противостояние, сопровождаемое периодическими пограничными провокациями, переросло в полномасштабную войну; во-вторых, местные губернаторы отступили из столиц и крупных городов своих провинций, что означало их поражение; и в-третьих, были созданы государствовподобные образования, ни фактически, ни юридически не стремящиеся к поддержанию взаимоотношений с нанкинским правительством и периодически пытавшиеся заявить о своем суверенитете.

Предвестниками событий, которые привели к созданию сначала этих политий во главе с полусамостоятельными правительствами, а затем — к проекту «Большая Монголия», помимо попыток создать в той или иной форме автономные структуры в составе Китая, были инциденты в начале — середине 1930-х годов. В это время в регионе, непосредственно прилегающем к советским районам под управлением Мао Цзэдуна и его сподвижников (Китайская Советская Республика), и в округе объявлялось военное положение после очередного разоблачения коммунистического заговора по свержению провинциального правительства, за которым шли массовые аресты и обыски в домах неблагонадежных граждан<sup>2</sup>. А затем, уже в разгар японского вторжения, эти же самые активисты и доносчики готовы были объединяться даже с коммунистами, лишь бы остановить внешнего врага. В результате крупные военизированные соединения китайских «добровольцев» численностью до 50 тыс. чел., состоящие как из обученных военных, так и студентов, были сконцентрированы в северной части провинции Шаньси и Южном Чахаре — «крестовый поход» за восстановление потерянных территорий, как его именовали сами японцы. Добровольцы наме-

ревались сначала покончить с автономным монгольским режимом в Восточном Чахаре, а затем проделать то же самое и в Восточном Хэбэе, в результате чего должна была разорваться связь между японскими командами в Северном Китае и Маньчжоу-Го<sup>3</sup>. Однако этого не произошло.

24 августа 1937 г. было объявлено о захвате японскими войсками Калгана (полностью под контроль японцев город перешел к 27 августа), называемого «воротами в Чахар», в результате чего 50 тыс. китайских солдат были взяты в плен. Четвертая китайская дивизия, которая являлась лучшей нанкинской силой, пошла в наступление на японские войска в 10 милях к западу от Нанькоу, это была отчаянная попытка прорваться в Пекин, однако она провалилась<sup>4</sup>. Вслед за падением Калгана японские войска быстро заняли высоты на юго-западе Чахара, взяли под полный контроль железнодорожную линию, а японская авиация разгромила силы противника вблизи Чжанбэя<sup>5</sup>, где с китайской стороны жертвами стали 2 тыс. чел., с японской — около 200 чел.<sup>6</sup> В Чахаре японские подразделения совместно с монгольскими вооруженными отрядами окружили войска центрального правительства вдоль железной дороги Пекин — Суйюань, о чем князь Дэ Ван заявил накануне. Китайская сторона потеряла 3 тыс. чел., число потерь с монгольской стороны было примерно таким же<sup>7</sup>.

К концу августа 1937 г. китайские силы, оборонявшие Калган, перевал Чюйюнгуань и Нанькоу на северо-западе от Пекина, где жестокие бои велись на протяжении двух недель, были выведены за пределы фронта. Основанием для этого явилось наступление на Чахар со стороны Маньчжоу-Го силами четырех японских дивизий, что поставило под угрозу тыл противника. Китайцы отвели свои войска с прежних позиций на несколько миль, чтобы дождаться подкрепления и подготовиться к контратаке. Датун — стратегический город, расположенный к западу от Калгана, через который прошла железная дорога Пекин — Суйюань, серьезно пострадал в результате бомбардировки 17 японскими самолетами 30 августа, когда на него было сброшено более 70 бомб<sup>8</sup>. Дивизия маньчжуро-монгольских войск 4 сентября 1937 г. подняла восстание против своих японских офицеров и присоединилась к войскам в Северном Чахаре<sup>9</sup>, но перевес был явно в пользу японцев.

Сообщения из Токио подтверждали, что японцы стремительно использовали достигнутые успехи в политических целях. Так, взятие Калгана<sup>10</sup> имело не только военное значение, оно демонстрировало стратегическое превосходство и боевой дух сражающихся. Поэтому сразу же, 4 сентября, 100 влиятельных монгольских политических деятелей встретились в Калгане и объявили о полной независимости от Китая и создании автономного правительства Чанани (Южный Чахар)<sup>11</sup>, которое будет располагаться в здании бывшей чахарской администрации, Калган стал столицей нового государственного образования. Возглавить его должен был Ту Вэйъю, бывший министр финансов прежнего провинциального правительства<sup>12</sup>. По данным газеты «Токио Нити», это решение являлось кульминацией движения «Монголия для монголов» и результатом объединения большинства монгольских территорий в границах центральных сеймов — предтечей Мэнцзяна. На фоне китайско-советского пакта о ненападении рождению этого нового института в равной степени противостояли и Нанкин, и Советы, что подтверждало его значимость<sup>13</sup>. Таким образом, японцами были подготовлены условия для создания еще одного автономного правительства в Южном Чахаре. Правительство провинции было перенесено в Вэйсянь (Ханьдань, ныне — уезд городского округа Ханьдань провинции Хэбэй, КНР)<sup>14</sup>. Эту информацию подтвердил представитель генерала Люй Мина, прибывший в Нанкин<sup>15</sup>. Провинциальные силы закрепились вдоль южной линии продвижения японцев на запад<sup>16</sup>. Иностранцы СМИ не без удовольствия сообщали, что помощь во взятии города и создании здесь независимого режима оказывали войска под руководством Дэ Вана<sup>17</sup>.

11 сентября 1937 г. японские войска, продолжая движение на запад от Чахара, объявили, что захватили один из главных городов Шаньси — Датун, при этом Калаган удалось на время отстоять<sup>18</sup>. Китайские войска его заняли 14 сентября 1937 г., и сразу же в город были отправлены инженеры и оборудование, чтобы восстановить телеграфную линию и радиосвязь<sup>19</sup>, однако после жестокой японской контратаки город был окончательно сдан<sup>20</sup>, и дорога на Нинся открыта. По данным того времени, три монгольские провинции (Чахар, Суйюань и Нинся) площадью

334 тыс. кв. миль и численностью населения от 3 до 5 млн чел.<sup>21</sup> представляли для Японии значительный интерес. Одна из дивизий Квантунской армии заняла ряд населенных пунктов в 15 милях к юго-западу от Датуна, что открывало дорогу на столицу Шаньси, Тайюань<sup>22</sup>. 14 октября 1937 г. было объявлено о падении Гуйсуя<sup>23</sup>. Две дивизии выдвинулись на Тайюань<sup>24</sup>. Вслед за этим японцы приступили к перемещению значительного подкрепления через горные перевалы. 15 октября 1937 г. на занятых территориях Северной Шаньси появилась новая полития во главе с автономным правительством Цзиньбэя<sup>25</sup>.

Контроль над Внутренней Монголией позволил японцам добиться важного стратегического успеха — перерезать путь, по которому, согласно мнению шанхайского корреспондента «Дэйли Хэральд» («Daily Herald»), Советская Россия могла бы оказывать помощь Китаю<sup>26</sup>.

Вместе с тем Япония, по оценкам специалистов, сама на тот период испытывала серьезные финансовые трудности, ее государственный долг увеличился на треть за полгода, что могло привести к серьезным последствиям для экономики этой страны. По утверждению прессы, «...японская армия в Северном Китае была оснащена самым современным оружием... они маршировали, как роботы, по пустыне и через горные перевалы»<sup>27</sup>. Китайская сторона, вооруженная пулеметами и легкой артиллерией, не могла противостоять японским самолетам и танкам, которые составляли костяк наступления<sup>28</sup>. Таким образом, весь приграничный с Пекином регион оказался в руках японцев, что позволило им приступить к выстраиванию здесь своей экономической политики.

Во-первых, новый режим в Северной Шаньси был важен для Японии стратегическим расположением района — в центре чрезвычайно богатого угольного региона. Железная дорога Южной Маньчжурии, бывшая ЮМЖД, выступала одним из главных инструментов экономического проникновения Японии на континент и одновременно с этим являлась весьма эффективной корпорацией, которая временно взяла на себя управление угольными месторождениями вблизи Датуна. Японская сторона выражала надежду довести добычу до 135 млн т к 1942–1943 гг. (годовой

объем оценивался в 30 млн т), и это считалось технически осуществимым. Требовались инвестиции в размере 340 млн иен (около 95 млн долларов) — 120 млн иен для горного оборудования, еще 220 для строительства железных дорог и инфраструктуры. На тот момент отсутствовали соответствующие потребностям японцев условия для организации железнодорожных перевозок больших объемов угля. Чтобы решить эту проблему, предполагалось строительство новой магистрали от Датуна до побережья<sup>29</sup>.

Во-вторых, в сфере деятельности другого автономного правительства — в Калгане, находились железные рудники Южного Чахара, их общие запасы оценивались в 100 млн т. Однако объем добычи до тех пор был незначительным, поскольку отсутствовал необходимый капитал для их разработки<sup>30</sup>.

И в-третьих, занятие провинции Суйюань, а также контроль над Чахаром позволяли синдикату, в котором участвовали наиболее крупные японские торговые компании, установить фактическую монополию на торговлю шерстью из центральных районов Внутренней Монголии, которая ранее была в руках иностранных, главным образом британских, фирм. Производство и торговля шерстью также находились в состоянии упадка, потому что пастбища, расположенные в Нинся и других районах, оказались отрезаны от контролируемых японцами районов, а логистические маршруты нарушены войной. В итоге, по оценкам специалистов, до потребителей доходило не более чем 10 % от нормальных показателей в предыдущие годы<sup>31</sup>. Позднее, в начале 1940 г., представитель министра иностранных дел Японии генерал Куниаки Коисо сказал, что планы по разведению 2 млн овец во Внутренней Монголии и 1 млн в Маньчжоу-Го находятся в стадии разработки. В продолжение сказанного директор Бюро промышленного развития Уэда заявил, что в экономической сфере Японии правительство планирует обеспечить завоз продукции из хлопка в объеме 1 млрд кин (1 кин = 600 г) ежегодно<sup>32</sup>. В связи с этими экономическими потребностями необходимо было установить централизованный контроль над всеми регионами, что и было предложено в виде схемы, реализованной в сентябре — ноябре 1937 г.

20 октября 1937 г. японская сторона заявила, что на занятых территориях предполагается создание Монгольского государства в качестве буфера между Северным Китаем и Внешней Монголией. В заявлении утверждалось, что вслед за японскими военными успехами в Суйюани многие монгольские лидеры в этой провинции уже предложили свое сотрудничество в деле избавления своего народа от китайского рабства<sup>33</sup> и выступают против движения коммунистов на юг через Внешнюю Монголию<sup>34</sup>. О буферном государстве сообщали многие средства массовой информации того периода<sup>35</sup>. Дэ Ван, упоминаемый в качестве вероятного главы нового государства, основал свою штаб-квартиру в Байлинмяо, который недавно снова был отвоеван у китайцев<sup>36</sup>. Предвосхищая формирование правительства, первое заседание которого было назначено на 21 октября, японский представитель заявил, что монгольские князья в Суйюани провозгласили создание Монгольского государства. Несмотря на то что это сообщение не было официальным заявлением<sup>37</sup>, оно наделало много шума как внутри страны, так и в международном сообществе<sup>38</sup>.

В то время как японские военные господствовали на большинстве территорий Северного Китая, новые хозяева центральной части Внутренней Монголии ограничивались лишь землями Суйюани и Чахара<sup>39</sup>, о контроле над Внешней Монголией / МНР речи пока не шло. Газета «Нью-Йорк Пост» («New York Post») красочно описывала монгольского лидера: «С 1930 г. князь Дэ настаивал на предоставлении автономного статуса монгольским землям и вел переговоры как с китайскими, так и с японскими представителями о его признании. В 1936 г. он стал лидером Внутренней Монголии. Дэчигдонров взял имя — князь Дэ Ван, сокращенное до первого слога. Имея свое видение монгольской автономии в Китае, он прибегал к политическому маневрированию, которое заключалось в игре против обеих сторон, находясь посередине. Вера в то, что он был реинкарнацией Чингисхана, исчезла, когда он не смог остановить японское вторжение. Дэ Ван живет в юрте, носит платье в татарском национальном стиле, остроконечные ботинки, мешковатые штаны и мягкую накидку, а также облегающую полусферическую шапку с кисточкой на вершине. Длинная коса, лицо не очень гладко

выбрито, длинный тонкий нос, есть бородавка на правой стороне лица»<sup>40</sup>.

Давая характеристику личностям, за которыми теперь стояла формальная политическая власть, пресса писала, что «...князь Дэ считается одним из самых образованных внутренних монголов, но его дезертирство во время японского вторжения в Суйюань в прошлом году сделало его самой непопулярной фигурой для китайцев. Князь Юнь обычно считается фигурой формальной. Он был верен Нанкину во время вторжения в Суйюань в 1936 г., и его посланники превозносили генерала Фу Цзои, губернатора и главнокомандующего Суйюани, когда войска последнего отбили Байлинмяо, но теперь он находился в руках князя Дэ. Монгольским лидерам было позволено сохранять свои аристократические титулы в течение сотен лет, хотя их империя рухнула после воцарения династии Мин. Даже когда Китай стал республикой в 1911 г., они сохранили свои титулы, правительство не пыталось вмешаться в их дела, опасаясь предательства. Лишь несколько лет назад Национальное правительство в своих усилиях по объединению Китая создало политический совет, членами которого стали монгольские лидеры, и их титулы получили фактическое признание»<sup>41</sup>.

После взятия Гуйсуя Дэ Ван незамедлительно посетил японского посла в Баотоу, чтобы поблагодарить его за освобождение японцами Суйюани, и заверил его в готовности монголов помочь в обеспечении прочного мира и дальнейшем сдерживании китайских милитаристов и коммунистов<sup>42</sup>. Наблюдатели отмечают, что кампания в Суйюани была искусно спланирована<sup>43</sup> — задача состояла в том, чтобы дать монголам возможность почувствовать себя победителями, в то время как японские войска держались на заднем плане<sup>44</sup>. 29 октября 1937 г. из японских официальных источников было получено сообщение, что Гуйсуй должен быть переименован в Хух-Хото, или Голубой город, и он станет столицей нового автономного государства Внутренней Монголии, которое создается под японским контролем. Князь Юнь, которому было 72 года, IV Съездом монгольских князей был единодушно избран президентом Внутренней Монголии, Князь Дэ Ван — вице-президентом<sup>45</sup> (позднее эта информация не подтвердилась). Рассмотрим хронологию этих событий более подробно.



Итак, 23 октября 1937 г. была созвана небольшая конференция для обсуждения политического будущего страны<sup>46</sup>. Более 20 монгольских князей отправились в Гуйсуй из Пекина на специальном поезде<sup>47</sup>. Эксперты связывали успех японцев в регионе с пагубной политикой Нанкина, позволявшего китайским колонизаторам осваивать монгольские пастбища под сельскохозяйственные угодья<sup>48</sup>, а международное сообщество было склонно считать данный шаг делом рук японских военных, стремящихся отгородить свою территорию от Внешней Монголии и советского влияния<sup>49</sup>.

С образованием нового государства объявлялось о новой эре от создания Чингисханом Монгольской империи в 1206 г., новый отсчет велся с 732 г. Одновременно провинция Суйюань должна была объявить о своей независимости от Китая и решимости создать новую администрацию, которая будет управлять в соответствии с принципами «Ван Дао», или «царского пути», по аналогии с Маньчжоу-Го, а также об оппозиции к коммунизму. Китайский национальный флаг запрещался и заменялся флагом нового Монгольского государства<sup>50</sup>. Также на конференции была создана Комиссия по поддержанию мира, организованная японскими военными. Прозвучали выступления, затем была принята резолюция, содержащая положение об упразднении администрации губернатора, назначаемого Нанкином, и провозглашение решимости поддерживать постоянный мир путем гармонизации пяти народов в Восточной Азии (иными словами, присоединение Суйюани как части Внутренней Монголии к японско-маньчжурскому блоку)<sup>51</sup>.

Далее 26–28 октября 1937 г. был организован IV Съезд монгольской аристократии в составе 500 делегатов со всех концов Внутренней Монголии, представляющих 3 млн монголов Северного Китая, включая князей и глав хошунов пяти сеймов<sup>52</sup>. 27 октября 1937 г. съезд утвердил «Организационный план автономного правительства Монголии», «Временный органический закон автономного правительства Монголии», ряд других документов и провозгласил создание автономного правительства Монголии с используемым в политическом обиходе названием «Монгол-Го» (Mengkukuo / Mongokuo) — Страна монголов, во главе с уже

больным и «лежащим в кровати»<sup>53</sup> «72-летним престарелым»<sup>54</sup> князем Юнем в статусе президента, тогда как Дэ Вану отводилась роль генерального секретаря, а генералу Ли Шоусину, который командовал монгольской кавалерией в недавних боях, был обещан пост военного министра<sup>55</sup>. Основными задачами нового правительства стали борьба с коммунизмом, сотрудничество между народами Восточной Азии<sup>56</sup> и получение признания независимости Внутренней Монголии со стороны Нанкина. Гуйсуй стал административным центром нового режима<sup>57</sup> и, поскольку прежнее название города было китайским, его переименовали на монгольский лад в Хух-Хото<sup>58</sup> — Голубой город<sup>59</sup>. Съезд принял новый национальный флаг, синий с красной, желтой и белой вертикальными полосами, и постановил датировать его акты в летоисчислении эры Чингисхана<sup>60</sup>.

Японская сторона воздержалась от прямой поддержки нового автономного правительства<sup>61</sup>, однако полуофициальные заявления ее пекинских представителей<sup>62</sup> подтвердили состоятельность изложенных выше событий<sup>63</sup>, включая факты создания нового политического образования<sup>64</sup> и определения его столицы<sup>65</sup>, установление границ его территории в пределах бывших провинций Чахар и Суйюань<sup>66</sup>. Правда, как обычно это бывало в сводках, приводимых нами выше, речь шла то об автономном государстве<sup>67</sup>, то об автономном правительстве<sup>68</sup>, то об автономном комитете<sup>69</sup>, но не о независимости.

Официальные японские круги придерживались позиции нахождения Внутренней Монголии до надлежащего момента под формальной юрисдикцией Китайской Республики. Представители японской стороны заявили, что будут проводить политику открытых дверей и намерены защищать все иностранные права и интересы на монгольских территориях. Князь Дэ Ван, в продолжение этому, заявил, что монголы при поддержке Японии готовы решительно идти вперед, чтобы создать новую нацию, помочь Азии скинуть ярмо белого человека и противостоять коммунизму. Намеренно или нет, но князь умалчивал о том, что фактически политика «сбрасывания ярма» в Формозе, Корее и Маньчжурии в большей степени означала запрет на осуществление торговли и занятие предпринимательством иностранным

компаниям, предоставляя японской стороне монопольные права на эту деятельность. Высказывались опасения, что разворачивающиеся события являются лишь прелюдией к движению «Азия для азиатов», которое на самом деле означает «Азия для Японии»<sup>70</sup>. Звучала оговорка, что не предполагалось включение в состав нового государства трех северных китайских провинций — Хэбэя, завоевание которого было фактически завершено, Шаньси и Шаньдуна, куда японцы продвигались с большей интенсивностью, чем ожидало международное сообщество.

Зато западная пресса не скупилась на эпитеты, говоря о японском покровительстве<sup>71</sup>, называя новое образование японской марионеткой — Республикой Внутренней Монголии<sup>72</sup>, допускала неточности в географии<sup>73</sup>, коверкая новое название столицы<sup>74</sup>, путала князей Юня и Дэ, приписывая последнему почтенный 72-летний возраст<sup>75</sup>, а также создавая князьям несуществующие должности<sup>76</sup>. Однако в одном западные наблюдатели были правы — создав подконтрольное автономное правительство во Внутренней Монголии, Япония не в переносном, а в прямом смысле вплотную подошла к границам сферы советского влияния<sup>77</sup>, значительная часть которых была определена в более ранний период, во времена Российской империи. Также пресса отмечала, что, поскольку СССР не признал себя правопреемником царской России, эта граница фактически условна и не была подкреплена никаким юридическим актом. Между тем, придавая вес политическим аргументам военными шагами, японцы приступили к переброске дополнительных войск в Северный Китай<sup>78</sup>, стремясь закрепить свой успех.

27 октября 1937 г., после двух недель ожесточенных боев, японские войска, продвигавшиеся на запад от железной дороги Пекин — Ханькоу, захватили перевал Нинцзян-Куан, «восточные ворота» провинции Шаньси. Тайюань также находился в ожидании удара с севера, тем более что город уже подвергался нападению с востока. Китайские войска пытались удержать свои позиции в горах по обе стороны перевала, но японцы увеличивали численность войск, пользуясь полученным преимуществом<sup>79</sup>. 3 ноября 1937 г. источники сообщили, что падение Тайюаня уже кажется неизбежным, а жертвы среди китайских военных соста-

вили 30 тыс. убитыми<sup>80</sup>. Этот город стал четвертой столицей среди административных центров китайских провинций, захваченных японцами, после Баодина в Хэбэе, Калгана в Чахаре и Гуйсуя в Суйюани.

22 ноября 1937 г. в Калгане объявлено о создании Конфедеративного союза автономных образований Внутренней Монголии<sup>81</sup> во главе с Объединенным комитетом Мэнцзяна, называемого отныне Автономным правительством Внутренней Монголии. В его состав вошли представители трех автономных режимов — Южного Чахара, Северной Шаньси и центральной части Внутренней Монголии, возникших после занятия японцами этих районов<sup>82</sup>. Ядром нового политического образования выступали центральные районы в границах бывших китайских провинций Чахар и Суйюань — сеймы Улан-Цаб и Шилин-Гол, а также города с особым статусом Гуйсуй (переименованный в Хух-Хото) и Бао-тоу<sup>83</sup>.

Пытаясь осветить структурный состав высших органов власти, отдельные средства массовой информации то ли намеренно упрощали сложившуюся государственную систему, то ли не имели доступа к более достоверному источнику информации. Говорилось о том, что основу всей системы составляют два органа власти — политическое подразделение, именуемое «Юань», во главе с Дэ Ваном и Генеральный штаб во главе с Ли Шоусинем. В структуре Юаня имелись четыре отдела: общих дел, финансов, сохранения мира и развития крупного рогатого скота. И политическое подразделение, и Генеральный штаб были укомплектованы «...всесильными консультантами или советниками, представленными исключительно японцами. В их руках сосредоточены все политические и военные силы в этом так называемом монгольском правительстве»<sup>84</sup>. Главой Юаня, высшего исполнительного органа Объединенного комитета Мэнцзяна, обозначен Жодовжав, при нем находился в качестве советника офицер японской армии. Комитет являлся высшим институтом по отношению к двум другим «марионеточным режимам» — автономному правительству Южного Чахара со столицей в Калгане во главе с Юй Пинцином и автономному правительству Северной Шаньси со столицей в Датунге во главе с Ся Гуном<sup>85</sup>.

Комитет в своей структуре сформировал комиссии по финансам, промышленности, транспорту и связи<sup>86</sup>. В качестве основных его целей также были обозначены противостояние коммунизму<sup>87</sup> и установление гармонии между народами региона. Следом был утвержден новый национальный флаг: темно-синее полотнище с красной, желтой и белой вертикальными полосами в верхнем левом углу<sup>88</sup>. Было принято решение организовать единый Банк Монголии с капитализацией в размере 12 млн долларов, который будет поддержан ресурсами трех автономных режимов в равной степени. Предполагалось, что на территории каждого из регионов у банка будут представительства, образованные из имеющихся там прежних банковских структур, которые будут реорганизованы<sup>89</sup>.

Данные шаги сразу дали повод считать, что Япония не будет пытаться аннексировать Китай, а использует антикоммунистический предлог до той степени крайности, которая позволила бы создать номинально самостоятельные государства по модели Маньчжоу-Го, по крайней мере в Северном и Центральном Китае, стремясь также контролировать и южные провинции. Ни у кого не вызывало сомнений, что, если японцы преуспеют в своей военной кампании, объединенный Китай как государство исчезнет, по крайней мере на какое-то время.

Наибольшие проблемы это создало бы британским торговым интересам, хотя многие были убеждены, что японцы в конечном счете будут вынуждены искать британского сотрудничества в вопросе своего присутствия в Китае<sup>90</sup>. Немецкие источники видели собственный сценарий. Так, специальный корреспондент «Фолькишер беобахтер» в Суйюани писал о том, что «... японская оккупация Внутренней Монголии дала Маньчжоу-Го стратегическую защиту с фланга. Северный Китай также был защищен от нападения Советского Союза и Внешней Монголии, укрепляя тем самым линию обороны Японии против СССР и возводя блок военной защиты против коммунистического влияния. Эта линия обороны растянулась от Желтого моря до верховьев Хуанхэ, она обеспечивает подходы к просоветскому Синьцзяну и Ганьсу. «Японский буфер» против Советов, протянувшийся от Владивостока по Тихому океану через Амур и Маньчжурию, заведен глубоко в Среднюю

Азию. Создание нового правительства в Суйюани — это только начало движения, целью которого является “Большая Монголия”, важной задачей которой станет подчинение ныне просоветской Внешней Монголии японскому влиянию»<sup>91</sup>.

Следующий шаг новых властей Внутренней Монголии заставил еще сильнее задуматься о той цене, которая была уплачена за свободу монгольских земель от китайского засилья. 4 февраля 1938 г. Объединенный комитет предложил Японии 5 млн акров земли<sup>92</sup> в верховьях реки Хуанхэ, пригодной для выращивания риса<sup>93</sup>, что обеспечивало миграцию в регион японских граждан<sup>94</sup>. Затем последовало сворачивание политики открытых дверей в Северном Китае — было опубликовано официальное заявление об учреждении монгольско-японской компании, в которой правительству Внутренней Монголии принадлежало исключительное право на импорт и экспорт нефтепродуктов в подконтрольные японцам регионы, включая железнодорожную зону Шэньяна. Сразу же было объявлено о закрытии четырех учреждений Банка Китая и двух отделений Банка коммуникаций, которые пытались вести бизнес на занятых японцами территориях во время военных действий. В результате этого решения Монгольский приграничный банк как часть монгольско-японского концерна остался единственным функционирующим банком в регионе<sup>95</sup>.

Авторитетное издание «Христиан Сайнс Монитор» («Christian Science Monitor») и ряд других<sup>96</sup> называли Внутреннюю Монголию «политической и экономической экспериментальной лабораторией» для японцев — наравне с Восточным Хэбэем она представляла собой единое обширное пространство севера Китая, подконтрольное японцам, где условия были достаточно удобными, чтобы предпринимать небольшие шаги на пути экономического восстановления. Регион был богат железной рудой, углем, а также шерстью, на которые Япония сильно рассчитывала в будущем.

Японцы смогли использовать традиционный антагонизм между монголами-кочевниками и китайцами-земледельцами, последние часто вытесняли местное население и в качестве колонистов заходили на монгольские пастбища<sup>97</sup>. Некоторые монгольские кавалерийские части сотрудничали с Японией во время вторжения в Северный Китай в 1937 г., и само вторжение не вызвало среди

монголов возмущения и широкого партизанского сопротивления, с которым японцы сталкивались в этнических китайских провинциях. Следовательно, новые местные режимы во Внутренней Монголии были не так уж беспомощны и виртуальны, как в других частях Северного Китая. А пустыня Гоби, которая являлась труднопроходимой для больших групп войск, приняла на себя роль естественного изолирующего фактора<sup>98</sup>.

В разгар этих событий агентство «Юнион Таймс» распространило информацию, что президент князь Юнь внезапно скончался в Байлинмяо 1 августа 1938 г., что сразу же вызвало подозрения в отравлении<sup>99</sup> (на самом деле князь Юнь умер еще 24 марта). Его преемником на V Съезде в июле 1938 г. был выбран Дэ Ван, под непосредственной верховной властью которого наконец оказались 300 тыс. монголов Внутренней Монголии и 3 млн китайцев.

1 декабря 1938 г. князь Дэ выступил с обращением в преддверии подготовки правительством торжеств, посвященных годичной дате создания Монгольского государства. Дэ Ван сделал заявление о том, что он надеется возродить монгольскую культуру и монгольский язык<sup>100</sup>, объединить все монгольские земли, в том числе и находящуюся под властью Советов Внешнюю Монголию. Такой шаг позволил бы изменить статус Внешней Монголии, сделав ее буферным государством между Россией и подконтрольными Японии территориями Китая, а также перенести на 1800 км севернее границу между Россией и японской сферой специальных интересов. Японские представители, которые теперь контролировали все монгольские институты власти, заявляли, что этот режим играет важную роль в планах Японии по дальнейшему продвижению в глубь континента<sup>101</sup>. Помимо монгольского праздновали годовщину и автономные правительства Южного Чахара и Северной Шаньси. Все они оказались снабжены японскими советниками, рекомендации которых редко игнорировались при вынесении решений, на самом деле принимаемых японскими официальными лицами, а не китайскими и монгольскими чиновниками. Их защита была возложена на японскую армию, при содействии небольшого числа смешанных монголо-китайских соединений во Внутренней Монголии.

Япония имела твердое намерение продолжать поддерживать достаточную численность своей армии во Внутренней Монголии, чтобы искоренить любые попытки ее реальной независимости. После японского вторжения в Чахар и Суйюань вся промышленность и природные ресурсы были переподчинены японским специалистам. Шерсть, шкуры, уголь и железная руда отправлялись в Японию, иностранные торговцы были удалены из этой экспортной цепочки, за исключением некоторых немецких компаний, которые пытались проникнуть на рынок. Заявив, что иностранный капитал будет только приветствоваться, японские чиновники создавали видимость, как и в Маньчжоу-Го, что все предприятия должны быть либо основаны японцами, либо контролироваться ими.

Планы Японии вбить клин между Китаем и Советской Россией и стать бесспорным хозяином Восточной Азии зависели от политики на этой большой территории. Теперь Квантунская армия была намерена двигаться через Нинся дальше. И хотя это сулило Японии большие трудности, зато позволяло подойти к границам находящегося под советским контролем Синьцзяна и обеспечить доступ к торговым путям, через которые Советский Союз мог осуществлять поставки для китайских войск. Другой путь, который проходит через Калган в Ургу во Внешней Монголии, был заблокирован, когда Япония заняла Чахар<sup>102</sup>. Монголы в большинстве своем приветствовали сложившуюся ситуацию, надеясь сбросить китайскую администрацию и организовать самоуправление. Оппозиционные японцам силы оказались незначительными, население в основном не было настроено резко против вторжения (за исключением Суйюани), особенно в Гуйсуе, где фигура генерала Фу Цзои, бывшего губернатора, рассматривалась как заслуживающая уважения, поскольку его действия в период пребывания на посту привели к определенному улучшению торговли и условий жизни местного населения<sup>103</sup>.

Однако и ресурсы японцев, и их возможности в регионе не стоило переоценивать, ведь японская оборона на самом деле была не так уж надежна, как казалось или преподносилось. Так, например, иностранный путешественник, чье имя в сводках не упоминалось, вернувшийся в Ханькоу, пройдя 2 тыс. км через



шесть провинций Северного Китая, рассказал о своем переходе через западную границу провинции Суйюань в Южный Чахар и далее — на север Шаньси. Он трижды пересекал японские линии обороны: первый раз в районе железной дороги близ Тунгу в Шаньси, далее по линии Пекин — Ханькоу и третий — в Шаньдуне. Зная, где находятся японские гарнизонные силы, он не испытывал затруднений в том, чтобы уклониться от них<sup>104</sup>. Время от времени на занятых территориях вспыхивали восстания, приводящие к столкновениям с японскими военными, как, например, 25 января 1939 г., когда тяжелые бои развернулись в восточной части провинции Нинся и западной части провинции Суйюань, вблизи Баотоу<sup>105</sup>. Или, например, события 14 апреля 1940 г. в Южном Чахаре, когда японские войска в открытом бою сошлись с китайскими на юго-востоке горы Юшин вблизи шаньси-хэбэй-чахарской границы и были отбиты после тяжелого сражения<sup>106</sup>. Как правило, японские войска быстро получали подкрепление и превосходящими силами подавляли мятежи, но сам факт сопротивления вызывал серьезное беспокойство японцев, он развеивал миф об их всесильности и тотальном контроле.

Организация сопротивления в провинции Шаньси была построена по территориальному принципу. В результате общей мобилизации людей в незанятых японцами районах вся провинция была разделена на девять политических областей, где гражданским лицам предоставили возможность проводить военную и политическую подготовку в целях дальнейшего отражения агрессии. Схему разработал Комитет по мобилизации, созданный Ян Сишанем и представителями 8-й (бывшей коммунистической) армии. Первым шагом стала реорганизация различных партизанских отрядов, лишенных сплоченности и единства, затем они были преобразованы в Корпус сохранения мира. В каждой из девяти политических областей специальный уполномоченный руководил политической деятельностью среди масс, в его обязанности входила также их организация и обучение партизанской тактике. Районы, находящиеся под контролем комитета, включали 18 округов в Северной Шаньси, обширный участок в Южном Чахаре и всю провинцию Суйюань. Подкомитеты были созданы во всех районах и деревнях. Помимо формирования вооружен-

ных подразделений Комитет по мобилизации контролировал импорт и экспорт товаров, снабжение и транспортировку наиболее важных из них, а также предпринимал шаги для увеличения производства местной продукции. Экономическое благосостояние деревень было одной из самых важных забот. Комитетом созданы дополнительные лагеря для беженцев, где они должны были заниматься каким-то видом ремесла или другим полезным делом. Организованы специальные отряды связи для ремонта телеграфных, телефонных и других линий связи, а также для повреждения вражеских коммуникаций, из этих подразделений затем была сформирована обширная сеть, позволившая быстро обмениваться информацией между различными районами<sup>107</sup>.

Верность Нанкину сохраняла и группа князей во главе с Шагдуржавом, который, выступая перед корреспондентами газеты в Чунцине, заявил, что японцы потерпели неудачу в реализации своей программы. Князь Дэ хоть и способствовал созданию автономного монгольского правительства, но имеет незначительное влияние среди монголов. Князь Ша утверждал, что 12 млн монголов готовы встать как один человек во главе с Чан Кайши, чтобы уничтожить японцев<sup>108</sup>.

Необходимо сказать несколько слов о Шагдуржаве, или князе Ша (Ша Ван), — одном из лидеров монгольского сопротивления. Наблюдатели шутили, спрашивая друг друга, как ему удалось дожить до своих 64 лет? Японцы регулярно прибегали к многочисленным провокациям, целью которых было физическое устранение князя, — от угрозы применения силы до попыток разбомбить его ставку или похитить, но этот человек каким-то образом выживал. Он был главой одного из княжеств, которое находилось на важных транспортных артериях в Сиань и Ланьчжоу, столицу Ганьсу, через его же территории проходила Пекин-Суйюаньская железная дорога. Когда в ноябре 1937 г., после падения Гуйсуя, Дэ Ван созывал Съезд аристократов, пять из шести сеймов уже находились под его контролем. Поэтому участие в съезде князя Ша как главы Суйюаньского административного совета и председателя Их-Чжуского сейма было принципиальным. Японцы даже направили самолет за князем, но он, сказавшись больным, отказался от участия в этом мероприятии.

Японские эмиссары заявили, что отказ князя будет рассматриваться как недружественный жест. В результате он был вынужден отправить в Гуйуй выступить от своего имени старшего сына, князя Ёцира. В то же время князь Ша сохранил контроль над административным советом и в полной мере был информирован о ситуации. Одним из решений, принятых на съезде, являлось признание необходимости вхождения Их-Чжуского сейма в состав новой политики, в противном случае в отношении нее могли быть применены санкции. Князю Ёциру поручили направить послание своему отцу с требованием, чтобы он созвал сейм в Ордосе и обсудил вопрос о вхождении этих территорий под контроль автономного монгольского правительства. В назначенный день весной 1938 г. князь Ша отправился в Эджен-Хоро, чтобы поклониться могиле своего великого предка. На собрание также не приехали главы хошунов, что вызвало раздражение японских спецслужб, которые с помощью вооруженных солдат настояли на том, чтобы князь выехал с ними в Баотоу, предполагая взять его в заложники. Однако поступило известие, что им навстречу выдвинулись войска упоминаемого выше генерала Ма Чаншаня, в результате японцы спешно уехали, оставив князя и его помощника во дворце. Князь немедленно связался с китайским гарнизоном в г. Юйлинь на севере Шэньси, запросив защиту, которая была ему обеспечена. В 1938 г. японские самолеты дважды бомбили хошун, дворец и храмы около него — 2 сентября пострадал один из храмов, 2 декабря был обстрелян дворец, а 4 и 5 декабря совершены налеты в другие районы хошуна. Эти воздушные атаки доказали, что японцы не отказались от надежды когда-либо установить контроль над этой территорией и старым князем, который впоследствии покинул свою ставку и перебрался в Юйлинь<sup>109</sup>. 2 февраля 1939 г. князь Ша прибыл в Чунцин. В речи на приеме, устроенном в его честь, он пояснил, что его визит в столицу имеет целью выражение верности правительству страны и демонстрацию миру единства людей пяти разных национальностей, населяющих Китайскую Республику<sup>110</sup>. Князь не дожил до поражения Японии всего месяц, он умер 13 июля 1945 г. в возрасте 73 лет.

В японском лагере, наоборот, с кадрами было сложно — приходилось иметь дело с перебежчиками, значительная часть из ко-

торых были обыкновенными авантюристами. Так, по сообщениям «Press association foreign», 17 февраля 1939 г. были получены сведения о недавнем назначении генерала Ши Юсяня<sup>111</sup>, или Ши Юйсяна<sup>112</sup>, руководителем территорий бывшего Чахара. Этот печально известный бывший губернатор Аньхоя в 1936 г. в качестве председателя Хэбэйско-Чахарского политического совета должен был прийти на смену Сун Чжэюаню, вступив в должность одновременно с Цао Юйлином и Тан Эрхэ, однако не спешил принимать назначение из-за получения писем с угрозами в свой адрес. Китайские власти опубликовали заявление, что назначение генерала Ши носило временный характер и было обусловлено необходимостью обновления китайско-японских отношений<sup>113</sup>.

Характеристика личности Ши Юйсяна требует некоторого внимания. Занимая различные государственные посты до японского вторжения, этот человек получил всеобщую известность из-за масштабных акций протеста в Хэбэе по поводу его назначения командующим Корпусом сохранения мира в Пекине в январе 1936 г. Причиной послужили его радикальные прояпонские настроения, в связи с чем общественные учреждения призывали генерала Суна отменить это назначение. Японцы, однако, потребовали, чтобы он также был назначен командующим специальной полицией в порту Тяньцзиня<sup>114</sup>. 8 февраля 1936 г. Сун Чжэюань согласился на назначение Ши Юйсяна, известного своими антиправительственными выступлениями, командиром Корпуса сохранения мира в Пекине (аналога пекинской полиции) — в этом статусе Ши Юйсян мог причинить меньше вреда, чем в качестве командира бандитских группировок, которые, получив легальный статус, вошли в демилитаризованную зону и ожидали включения их в армию Восточного Хэбэя<sup>115</sup>. Общественное возмущение поднялось и после сообщения о назначении Ши главой Хэбэйско-Чахарского политического совета, в связи с чем смена руководителя автономии не состоялась. На фоне неподтвержденной информации о грядущих кадровых перестановках в составе совета и обновлении руководства в Пекине и Тяньцзине, обвиненный в измене генерал Ши Юйсян был помилован, его назначили членом Политического совета, что многими было воспри-

нято как карт-бланш на должности мэра Тяньцзиня<sup>116</sup>. Теперь он был поставлен во главе фактически несуществующей провинции. Жизнь Ши Юйсяна закончилась 8 декабря 1940 г., официально было объявлено о его казни за «неповиновение приказам». Его младший брат, согласно японскому отчету из Шанхая, тоже казнен на основании схожих обвинений<sup>117</sup>.

Подобные казни, как и описанный выше инцидент с хинганскими князьями, заставляли монголов все более пристально анализировать сложившуюся ситуацию. По словам одного из экспертов того времени А.С.В. Мелбурна, «...во время китайской революции (1911) монголы как Внутренней, так и Внешней Монголии заявили о своей независимости. Во Внутренней Монголии движение потерпело неудачу... Отношения между Японией и монголами в Маньчжурии развивались по иному пути. Когда японцы оккупировали Маньчжурию, они обеспечили контроль и над монголами, живущими в китайской провинции Хэйлуңцзян, — в Маньчжоу-Го эта провинция стала называться Хинганом. Японцы предоставили монголам автономное правительство, надеясь использовать их в качестве отправной точки для создания контролируемого ими монгольского государства. Какое-то время монголы в Маньчжурии поддерживали японскую политику, но вскоре они обнаружили, что ограничения, наложенные японскими советниками, оставляли им мало свободы, в то время как общая занятость японцев в армии и на государственной службе ясно давала понять, что плоды власти никогда не падут на них. В этих условиях энтузиазм, вызванный японскими обещаниями, сменился недовольством... Своим обращением с маньчжурскими монголами японцы оттолкнули народ Внутренней Монголии, и, хотя они продолжали говорить о своем намерении создать монгольское государство, им не удалось развеять подозрения у монголов Чахара и Суйюани, которые отказались проглотить предложенную наживку. В последние месяцы 1936 г. японцы стали посылать маньчжурские (с японскими офицерами и техникой) и японские войска через Чахар в Суйюань. Монголы оказались расколоты — некоторые из них под давлением поддержали японцев, но огромное большинство гневно обратилось против захватчиков, которые были вынуждены отступить, понеся серьезные

людские и материальные потери. Нападение на Суйюань совпало с арестом Чжан Сюэляном Чан Кайши в Сиане. Оба эти события придали огромный импульс делу национального единства Китая, и стало ясно, что китайский народ полон решимости противостоять попыткам Японии установить контроль над Внутренней Монголией... Япония сохранила свое давление на Внутреннюю Монголию, но встретила упорное сопротивление. Представляется очевидным, что монголы в целом враждебны Японии, которая, однако, считает, что по стратегическим соображениям (чтобы подготовиться к предстоящей борьбе с Россией) необходимо завоевать как Внутреннюю, так и Внешнюю Монголию. Внутренняя Монголия глубоко вовлечена в нынешнюю войну... Общепринято считать, что Япония и Россия не должны быть союзниками, и растущая частота столкновений между монголами (при поддержке России) и маньчжурскими войсками (при поддержке Японии) говорит о том, что открытого военного столкновения ждать недолго»<sup>118</sup>.

*Объединенное автономное правительство Мэнцзяна  
(1 сентября 1939) и автономное Монгольское государство  
в составе Китайской Республики (4 августа 1941)*

29 августа 1939 г. Дэ Ван провел VI Съезд монгольской знати, на котором 1 сентября 1939 г. было принято решение об объединении Монгол-Го с Чананью и Цзиньбэем. Тогда же была установлена федеративная структура автономного государства, а во главе страны остался князь Дэ<sup>119</sup>. Был утвержден меморандум «Об организации Объединенного автономного правительства Мэнцзяна», в котором говорилось, что новый монгольский режим призван стать этническим центром Восточной Азии; учреждается Объединенное автономное правительство Мэнцзяна; главой правительства является председатель; основу государственной политики составляют следование восточным традициям, нравственность и воля народа; столицей объявляется Калган / Чжанцзякоу.

После объединения всех контролируемых японцами территорий Северного и Восточного Китая 23 января 1940 г. в Китайскую Республику, альтернативную управляемой Гоминьданом во

главе с Чан Кайши, были обнародованы условия соглашения между Ван Цзинвэем как его главы и японской стороной. В рамках соглашения в составе этого «Китая» признавалось: существование Мэнцзяна в качестве автономного государства; создание в Северном Китае полусамостоятельной области во главе с Ван Кэмином; поддержание постоянного японского гарнизона в Северном Китае и Внутренней Монголии с целью обороны против русских и китайских коммунистов<sup>120</sup>. Также было объявлено, что управление Северным Китаем будет осуществляться специальным политическим советом, который своим функционалом и территорией охвата оказался похож на ранее существовавший Хэбэйско-Чахарский политический совет. Речь шла не о новом статусе, скорее, наоборот, о возвращении для Северного Китая прежнего положения в составе единого государства. Политический совет контролировал только Хэбэй, Шаньси и Шаньдун.

2 июля 1940 г. в соответствии с соглашением, достигнутым между Маньчжоу-Го и Объединенным автономным правительством Мэнцзяна, было открыто регулярное воздушное сообщение между Маньчжоу-Го и Внутренней Монголией<sup>121</sup>. 1 сентября 1940 г. состоялись торжества по случаю первой годовщины со дня основания новой политики. Точные условия создания этого образования были крайне расплывчатыми, а регион фактически оказался в изоляции — японские военные в Калгане не одобряли путешествия или деловые поездки и, как правило, наотрез отказывались удовлетворять такие запросы<sup>122</sup>.

Несмотря на полный контроль со стороны японских военных, восстания и провокации китайских патриотов и партизан продолжались. 1 сентября 1940 г. в Калгане несколько десятков людей, в том числе иностранцев, были задержаны полицией по подозрению в подрывной деятельности<sup>123</sup>. Однако некоторым наиболее настойчивым путешественникам удавалось многое. Так, после поездки по Внутренней Монголии, продолжавшейся более 10 месяцев, группа операторов киностудии «China Motion Picture Studio» вернулась в Чунцин с 20 тыс. футов пленки. В фильме были показаны религиозные службы в буддийских монастырях, ритуальные танцы, борьба и скачки, сохранившиеся

с ранних этапов жизни людей в Китае. Также прошел показ гигантской панихиды по Чингисхану<sup>124</sup>.

30 ноября подписано соглашение между правительством Ван Цзинвэя и Японией, по условиям которого Японии разрешалось иметь свои войска во Внутренней Монголии и в Северном Китае во время войны. Япония также получала особые права на добычу и использование природных ресурсов во Внутренней Монголии и Северном Китае (особенно минеральных ресурсов, необходимых для обороны страны). Статья 3 протокола к соглашению предусматривала, что, когда будет восстановлен мир, японские войска должны начать эвакуацию и завершить ее в течение двух лет, за исключением особых районов Северного Китая и Внутренней Монголии<sup>125</sup>.

В середине июля 1941 г. появилась информация о концентрации поездов и личного состава японских войск, переброшенных из Шаньси в Маньчжоу-Го и Внутреннюю Монголию. Присутствие необычно большого числа японских военных формирований на станциях к западу от Пекина заставляло предположить, что Калган служит лишь перевалочной базой в продвижении войск к границе с Внешней Монголией<sup>126</sup>. По оценкам наблюдателей, перемещение коснулось до 100 тыс. чел., которые перебрасывались из Центрального и Южного Китая частично в Индокитай, частично — во Внутреннюю Монголию<sup>127</sup>.

4 августа 1941 г. Мэнцзян, находящийся в составе Китайской Республики под управлением Ван Цзинвэя, был преобразован в автономное Монгольское государство, а 27 ноября японская газета «Нити Нити» («Nichi Nichi») сообщила, что бывший японский министр Охаши Киёсици сменит доктора Канаи Акирацуги на посту верховного советника правительства Внутренней Монголии<sup>128</sup>, которую Япония по-прежнему рассматривала в качестве ключевого ресурса в возможной войне с Советами, поэтому Токио и направил туда одного из своих самых успешных функционеров, Охаши, — он уже был в Маньчжурии как раз перед японским вторжением в 1931 г. Его поездка и доклад о состоянии готовности СССР к войне дали много полезной информации. Вскоре Охаши Киёсици заявил о смене гражданства с японского на маньчжурское и стал заместителем министра иностранных



дел Маньчжоу-Го. Эта работа заняла несколько лет, потом он появился в Токио в качестве заместителя министра иностранных дел Японии. Во Внутренней Монголии перед ним стояли две задачи — информирование о степени боеготовности соединений советской Красной армии во Внешней Монголии и подготовка к военным действиям вооруженных сил Внутренней Монголии<sup>129</sup>. Это было особенно важно в свете того, что в монгольских землях продолжались восстания и провокации. Например, затяжные военные столкновения в провинции Суйюань и пригородах Баотоу<sup>130</sup> являлись отголоском коварной операции, осуществленной японским военным командованием. Японцами было принято решение избавиться от строптивого генерала Бай Фэнсяна, командующего целой армией в составе 18 тыс. чел. Угрюмого генерала пригласили на банкет по случаю одного из праздников, где, судя по всему, он был отравлен и умер той же ночью. Японцы попытались урегулировать ситуацию и принесли извинения, но его армия в полном составе и полной боевой готовности дезертировала, прихватив с собой пулеметы и боеприпасы, которые им дали японцы. Поклявшись именем Чингисхана отомстить за смерть своего генерала, они объединили свои силы с китайцами<sup>131</sup> и организовали регулярные вылазки в районе Баотоу.

В итоге все усилия монгольского руководства были сведены на нет — Мэнцзян не только не получил независимость, но и был возвращен в состав Китайской Республики, правда, под управлением Ван Цзинвэя. В этом его статусе можно усмотреть сходство с Хинганской провинцией в Маньчжоу-Го, с ее формальной автономией, фактическим жестким встраиванием в государственный механизм и верховенством центральной власти.

На этом этапе государственность Внутренней Монголии приобретает свои завершенные черты на ближайшие четыре года — после периода первой консолидации в 1937 г. и формальной самостоятельности, при сохранении сложившегося аппарата и территориальной организации, с корректировкой международного правового статуса.

Фактически сформировалась новая многоуровневая модель управления подконтрольными территориями: лояльное государ-

ство с приемлемым лидером, подконтрольным центральным правительством и японскими советниками при ключевых государственных постах — национальный монгольский регион во главе с этническим лидером, автономным статусом, подконтрольным региональным органом управления (администрацией) и японскими советниками при ключевых государственных деятелях. Поддержание сложной, жестко централизованной системы требовало гораздо бóльших усилий и ресурсов, поскольку она управляла регионом, потеряв незадолго до этого лояльность населения, и как следствие, утратив стабильность и безопасность.

Анализируя последствия подобной политики японцев в отношении монгольских земель, О. Латтимор пишет: «Они знали, как использовать слабости монголов и китайцев, но не владели своими слабостями. Вероятно, это связано с тем, что [до этого момента] не было исторического прецедента для [модели] перехода от фазы раскола Китая и Монголии, как при прежнем типе завоеваний, к фазе их объединения под контролем японской империи. Исторические захватнические [модели] империи в Китае, такие как империя монголов в тринадцатом веке или империя маньчжуров в семнадцатом веке, оказались бесполезны для управления [современной] японской политикой [на контролируемых Японией территориях Китая]. Поэтому именно в этот момент Японии пришлось столкнуться с проблемами, для которых не существовало определенной модели. Трудность заключается не в завоевании Китая, а в упорядочении сил, аккумулированных Японией в результате завоевания Маньчжурии, и возможности дальнейшей экспансии в Китай и Монголию»<sup>132</sup>.

Проблема состояла в том, что невозможно было просто создать национальный регион, наделить его культурными правами и оставить без политических институтов, что и произошло с Хинганом и Мэнцзяном. В итоге государственный механизм этих регионов перестал выполнять возложенные на него задачи — консолидацию этноса в поддержку своей политики против политики Китая, обеспечение безопасности на занятых территориях при продвижении в глубь региона и т.д. Более того, агрессивные и непродуманные на финальных этапах действия японских военных спровоцировали обратный процесс, когда лояльные поначалу

монгольские лидеры стали во главе подпольного сопротивления и начали активно помогать советской Красной армии и армии МНР в их освободительной кампании в августе 1945 г.

Если судьба многих государственных деятелей Хингана, работавших в маньчжурских органах власти, после поражения японцев сложилась относительно благополучно, и они продолжили работу в качестве руководителей региона на тех или иных позициях (как будет показано ниже), для Дэ Вана все закончилось драматично. 3 сентября 1945 г. в журнале «Тайм» вышла статья под названием «Внутренняя Монголия: Князь Шалтай-Болтай [или марионетка]», повествующая о том, что после падения Японии рухнули и ее «игрушечные» государства во главе со своими лидерами — Пу И, «экс-императором экс-государства» Маньчжоу-Го, а также «неваляшкой» Дэ Ваном в Мэнцзяне. Сравнивая Внешнюю и Внутреннюю Монголию, автор пишет, что «...русские принесли прогресс во Внешнюю Монголию в виде самолетов, пулеметов и социализма. Во Внутренней Монголии, на древней земле храмов и гонгов, десятифутовых церемониальных рогов и монахов, поющих молитвы в одиноких монастырях, японцы ввели неоновые вывески, патефоны и пивные ларьки. В условиях суровых степных зим они дрожали, мечтали о сакуре и спешно строили новую империю». Повествование передает напряжение, накопившееся на границе советской и японской зон влияния, описывает события по захвату центральной части Внутренней Монголии, а также характеризует быт князя и монгольской элиты: «...одетый в длинный синий халат с алыми манжетами, с длинной тщательно заплетенной косой, учтивый правитель, который выглядел как азиатский хан, был поставлен во главе государства. Его богато убранные апартаменты снабжены деревянными креслами, столами и китайскими атрибутами вкуче с изысканными безделушками из Японии. Князь Дэ у себя дома в Западном Суните, глубоко в степи, предпочитал примитивные удовольствия заботам своей страны. Там он забывал заботы государства, играл со своими двумя детьми, катался на самолете, устраивал соревнования по борьбе (главное монгольское развлечение) со старыми друзьями, играл на гитаре и пел старые песни о славных днях, когда его предки правили Европой, гуляли

по берегам Одера и Дуная, а в Азии путешествовали из Багдада в Бирму. Теперь он ожидает другую мелодию. Будет ли она “Интернационалом” или традиционной китайской композицией, князю выбирать не придется. Слишком много он пел для японцев, поэтому его голос ослаб»<sup>133</sup>.

В отличие от многих соратников Дэ Вана, его не только не допустили до процесса управления и восстановления региона — он был задержан и находился под домашним арестом вплоть до конца 1948 г., когда китайское руководство в попытках остановить продвижение Народно-освободительной армии Китая способствовало созданию Западно-Монгольской автономии, или Алашаньской Республики с Дэ Ваном во главе.

Государственность же Внутренней Монголии вступала в новую фазу — второго распада, когда отсутствие центральной власти породило конкуренцию статусов и чехарду правительств, прекратившуюся только при участии Коммунистической партии Китая и Уланьфу.

## **5.2. Государст्वоподобные образования в центральных и восточных районах Внутренней Монголии после окончания Второй мировой войны**

### *Монгольские земли в китайских послевоенных границах*

Положение, которое Внутренняя Монголия занимала сразу же после окончания Второй мировой войны, а также последующие события, приведшие в региональном масштабе к созданию целой череды государст्वоподобных образований, а в общенациональном — к поражению Гоминьдана и победе Коммунистической партии и ее сторонников, наглядно подтверждают четыре аксиомы:

1. Центральное правительство вернулось к прежнему административно-территориальному делению китайского государства, восстановив прежние границы и статусы для отвоеванных у японцев территорий.

2. Ситуация с национальным вопросом, особенно в отношении монголоязычных народов Китая, оставалась на том же уров-

не понимания и участия со стороны правительства, как и до войны, и не внушала национальным меньшинствам оптимизма.

3. Неудовлетворенные этими действиями монгольские политические элиты готовы были добиваться независимости или высокой степени автономии в отношении Китая, что и показали дальнейшие события.

4. Лояльность монгольских политических элит прежнему руководству Китая была минимальной, что в результате и привело к их переходу на сторону коммунистов.

Теперь необходимо рассмотреть те действия, которые Гомиьдан и его лидеры предпринимали в отношении вернувшихся под их контроль территорий с монголоязычным населением.

Во-первых, в прежних границах остались провинции Жэхэ, Чахар и Суйюань, ставшие позднее ареной для политических битв и военных сражений гражданской войны.

Во-вторых, к моменту окончания Второй мировой войны территория Маньчжурии была возвращена Китайской Республике и вслед за этим подверглась серьезным преобразованиям, включая и земли сеймов, аймаков и хошунов.

Едва оправившись от японской агрессии, правительство Китайской Республики 5 июня 1947 г. принимает Программу административно-территориальных преобразований Северо-Востока, в соответствии с которой ее территория должна была быть разделена на девять провинций путем дробления прежних, довоенных. Таким образом, на политической карте Китая возникают Ляонин, Аньдун, Ляобэй, Гирин, Сунцзян, Хэцзян, Нэньцзян, Хэйлунцзян и Хинган (Синьань), дополнительно для трех городов установлен статус центрального подчинения — Харбин, Дальянь и Шэньян, но данная система функционировала лишь на бумаге. Началась гражданская война, и к концу 1948 г. после Ляошэньского сражения вся Маньчжурия оказалась под контролем Коммунистической партии Китая, а в течение следующих пяти лет северо-восток страны принимает свои современные очертания.

Среди провинций, расположенных на территории монгольских земель, следует прежде всего охарактеризовать Ляобэй, созданную в пределах Чжеримского сейма в сентябре 1945 г. во

главе с Лю Ханьдуном, административный центр — г. Ляоюань. Поскольку Ляоюань контролировался Коммунистической партией Китая, столица провинции фактически находилась в г. Сыпин, бывшем административном центре одноименной маньчжурской провинции (1 июля 1941 — 12 августа 1945)<sup>134</sup>. Губернатором провинции с июля 1941 по апрель 1943 г. был Суй Цзяхуань, выпускник юридического факультета Токийского императорского университета, переводчик Чжан Сюэляна, позднее ставший последним губернатором маньчжурской провинции Гири; затем этот пост занял доктор медицины, бывший министр внутренних дел маньчжурской провинции Хэйхэ Цюй Биншань.

Часть же северных территорий, а именно уезды Тунляо и Туцюань (ныне — уезд аймака Хинган), переданный в 1943 г. в состав центральной области Синчжун, а также хорчинские хошуны, были ранее в составе провинции Хинган. В связи с тем, что через территорию провинции проходили железнодорожные магистрали, между гоминьдановскими силами и коммунистами начались ожесточенные бои за важный район и логистический узел Сыпин, захваченный коммунистами 17 марта 1946 г. Среди пленных оказались глава провинциального правительства и некоторые его приближенные. Город был объявлен столицей прокоммунистической провинции Ляобэй, а прогоминьдановские силы переехали в Шэньян. Программа административно-территориальных преобразований Северо-Востока от 5 июня 1947 г. предусматривала юрисдикцию провинциальных властей над одним городом, 18 уездами и 6 хошунами. Из-за гражданской войны практическое воплощение обозначенного административно-территориального деления не было претворено в жизнь. Последующие два года провинция переходила из рук в руки, пока 13 марта 1949 г. Народно-освободительная армия Китая в четвертый раз после осады не взяла Сыпин, в результате чего провинция окончательно перешла в руки коммунистов.

Восточнее, на стыке Барги, Чжеримского сейма и Хэйлунцзяна, на основе южной части бывшей маньчжурской провинции Лунцзян образуется провинция Нэньцзян с административным центром в г. Цицикар. 4 сентября 1945 г. национальное правительство объявило о назначении председателем правительства

провинции Пэн Цзицуня, профессора, крупного эксперта по охране водных ресурсов, 21 января 1946 г. он прибыл из Харбина. 24 января правительство провинции было официально сформировано и приняло руководство делами. После вывода советских войск из региона 23 апреля 1946 г. произошел политический кризис, правительство фактически распалось, часть его переехала в Шэньян, часть была готова примкнуть к коммунистам. С 30 июня по 7 июля 1946 г. в Цицикаре коммунистами было организовано Временное правительство, Ю Ифу избран его временным главой, в дальнейшем он стал председателем правительства Хэйлунцзяна. 2 февраля 1947 г. постоянный комитет Административной комиссии Северо-Востока постановил объединить провинции Хэйлунцзян и Нэньцзян в провинцию Хайнэнь и назначить Ю Ифу ее председателем, но 16 сентября 1947 г. это решение было аннулировано, провинции восстановлены в прежних границах. Повторно территории были объединены 15 мая 1949 г.

Что касается Хингана, то эта провинция сохранила свое существование, о чем было объявлено в начале сентября 1945 г. в Чунцине. Во главе провинции встает юрист-русист, борец с японским вторжением У Хуанчжан<sup>135</sup>. Талантливый выпускник факультета советского права и политики Национального Пекинского университета права и политологии, уехавший после окончания университета в Советский Союз и продолживший обучение в Дальневосточном государственном университете, к этому времени У Хуанчжан уже имел солидный редакторский опыт в изданиях «New North-East News» и «China Daily». Являясь соратником Ма Чжаншаня<sup>136</sup>, в 1935 г. он стал членом Законодательного Юаня<sup>137</sup>, в состав которого вернулся в 1947 г.<sup>138</sup>

Административный центр провинции размещается в г. Хайлар. В составе провинции остаются территории прежних Северного (фактически вся Барга) и Восточного губернаторств / областей (поэтому обозначим ее как Хинган (I)), но из-под влияния фактически выпадают бывшие Южное и Западное губернаторства / области, оказавшиеся под контролем Народного автономного правительства Восточной Монголии (далее — Хинган (II)). Взамен этих территорий Хингану (I) передаются несколько при-

легающих пограничных уездов Хэйлунцзяна. Программой от 5 июня 1947 г. предусматривалось следующее деление Хингана (I) — один город центрального подчинения, 7 уездов и 11 хошунов.

17 ноября 1945 г. Советский Союз уведомил Коммунистическую партию Китая и руководство вооруженных сил о выводе Харбина из-под юрисдикции местной власти и передаче его национальному правительству. Во избежание конфликтов 22 ноября секретарем Чэнь Юнем было принято решение перевести правительственные учреждения из Харбина в Бинь-сянь. В январе 1946 г. глава Хингана — У Хуаньчжан, председатель провинции Сунцзян — Гуань Цзиюй (выпускник Берлинского университета, будущий член Законодательного Юаня и председатель Комиссии по делам Монголии и Тибета), председатель провинции Хэйлунцзян — Хань Цзюньцзе (в прошлом чиновник провинции Ганьсу, Хэнани, Пекина и Тяньцзиня, откуда он сбежал после начала японской военной кампании, также ему предстоит бежать из своей провинции, где не смог поставить работу, на Тайвань), а также мэр Харбина — Ян Чуочжэнь, провели встречу в Харбине, где договорились о воссоздании провинциальных правительственных учреждений и муниципалитетов. Представители Гоминьдана и Коммунистической партии запланировали с 10 июня по 10 июля 1946 г. в Нанкине переговоры по вопросам прекращения конфликта на северо-востоке страны, восстановления дорожного движения и реорганизации армии, они обратились к национальному правительству в Нанкине с просьбой признать законные права КПК в провинции Хинган. Однако в конце июня разразилась полномасштабная гражданская война. Национальная армия атаковала районы, находящиеся под властью КПК, а коммунистические войска двинулись на Хайлар и, заняв его в начале 1947 г., вынудили правительство гоминьдановского Хингана (I) переехать в Шэньян. Юридически эта территория 23 апреля 1947 г. вслед за учреждением автономного правительства Внутренней Монголии перешла под его контроль, а после того как 2 ноября 1948 г. Народно-освободительная армия Китая вошла в Хайлар, правительство провинции Хинган было распущено, а сама провинция упразднена.



Что касается Хулун-Буира, то 18 сентября 1945 г. в Хайларе была создана гражданская администрация Хулун-Буира под руководством КПК во главе с Эрцин Бату, бывшим главой Северного губернаторства Хингана. Но уже 1 октября она была переведена в разряд местных органов власти, а территория округа юридически включена в состав восстановленной провинции Хинган (I), однако на практике занимала полусамостоятельное положение. Эрцин Бату взялся за организацию местной инфраструктуры — руководил формированием местных вооруженных сил, устанавливал общественный порядок, восстанавливал школы и больницы, одновременно препятствуя проникновению в регион сил нанкинского национального правительства и ликвидации подпольных вооруженных сил Гоминьдана.

В январе 1946 г. с созданием Автономного правительства Восточной Монголии Хулун-Буир был объявлен провинцией этого государствовподобного образования, а Эрцин Бату — его губернатором. Но уже в марте 1946 г. администрация округа переименована в местное Временное правительство Хулун-Буира, в сентябре он преобразован в автономный район, а в октябре — ноябре 1946 г. правительство стало именоваться как местное правительство аймака Хулун-Буир. Между тем, поскольку в апреле 1946 г. Советская армия вышла из Харбина, власть перешла под юрисдикцию Гоминьдана, и под непосредственным управлением У Хуаньчжана оказалось 29 хошунов, объединенных в 4 аймака, — собственно сам Хинган (I) (его северная и восточная части), Чжерим, Нонни-Мурэн и Хулун-Буир. В ноябре 1947 г. в связи с масштабными преобразованиями аймак Хулун-Буир был упразднен, однако 15 января 1948 г.<sup>139</sup> восстановлен в составе прежних территорий, к которым добавились города Хайлар, Маньчжурия, Чжалайнор. Его руководителем остался Эрцин Бату. 11 апреля 1949 г. была проведена новая реформа, в результате которой самостоятельные аймаки Хулун-Буир и Нонни-Мурэн объединяются в новый аймак Хулун-Буир и Нонни-Мурэн. 1 апреля 1953 г. этот аймак был преобразован в Восточную область автономного района Внутренняя Монголия, но 30 апреля 1954 г. прежнее название — Хулун-Буир, и статус аймака ему были возвращены и сохраняются поныне.

*Временное правительство Внутренней Монголии  
(9 сентября — 27 ноября 1945)*

По итогам Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 г. Советский Союз взял на себя обязательства после капитуляции нацистской Германии начать военные действия на Дальнем Востоке против Японии, что и было осуществлено в ночь на 9 августа 1945 г. В результате Дальневосточной кампании советских войск все государствовподобные образования на территории региона, созданные японской стороной, были ликвидированы. 14 августа 1945 г. Япония прекратила боевые действия на континенте.

Представители политических элит хошунов, молодежь и интеллигенция, находившиеся на службе в Мэнцзяне, организовали собрание в храме на юге Сунитского хошуна правой руки, где было принято решение поддержать войска СССР и МНР и выступить против японских захватчиков. По решению командующих советскими и монгольскими (МНР) войсками 16 августа 1945 г. большинство лидеров Мэнцзяна были арестованы. Затем был создан Временный комитет Внутренней Монголии в качестве правительственного органа центральной и западной части региона, в состав которого вошли: Жаргалан (Дэгулай) — работал на различных государственных должностях сначала в Восточном губернаторстве провинции Хинган<sup>140</sup>, после переехал в Мэнцзян и курировал сначала транспортную отрасль, а затем стал министром экономики<sup>141</sup> (один из создателей современной даурской письменности); Мукдэнбао — один из чахарских лидеров, командовавший при Военном правительстве дивизией<sup>142</sup>, позднее состоял на секретной службе у японцев<sup>143</sup>, участвовал в зимней операции 1936 г., когда китайские войска заняли Байлинмяо, а с созданием Мэнцзяна занимал ряд важных государственных должностей<sup>144</sup>; Буиндалай — дядя Дэ Вана, бывший председатель Верховного суда и глава Баян-Талского аймака в Мэнцзяне; Дугарсурэн — старший сын Дэ Вана; Дэлгэр Чаокэт — один из монгольских молодежных лидеров, работал сначала переводчиком при военных соединениях, в 1939 г. возглавил Монгольский революционный союз молодежи, с 1944 г. готовил антияпонское восстание<sup>145</sup>, а также 13 их сподвижников.

Ряд общественных структур обратились к военному командованию СССР и МНР с просьбой об объединении Внешней и Внутренней Монголии. После того как просьбу отклонили, было принято решение поставить вопрос о независимости Внутренней Монголии с выработкой Декларации независимости и Временной Конституции Народной Республики Внутренняя Монголия. 9 сентября 1945 г. в актовом зале бывшей начальной школы при монгольской армии, расположенной в храме Вэндормяо в Сунитском хошуне правой руки, был проведен Народный съезд хошунов Внутренней Монголии. Его участниками стали более 80 чел. из Шилин-Гола, Чахара, Улан-Цаба и других районов. Были сформированы бюро и секретариат, Жаргалан избран генеральным секретарем съезда, а его заместителем — Чжацы Сичин, авторитетный политический деятель (в дальнейшем профессор истории в Национальном университете Тайваня, декан ряда факультетов и подразделений тайваньских университетов). В ходе работы делегаты обсудили и приняли Декларацию независимости Внутренней Монголии и Временную Конституцию.

На съезде были выдвинуты и утверждены 27 членов Временного правительства Народной Республики Внутренняя Монголия, в том числе 11 членов Постоянного комитета. Буиндалай стал председателем правительства, его заместителем — бывший заместитель главы Чахарского аймака генерал-лейтенант Дамир Сурэн, а в состав вновь сформированного органа вошли Мукдэнбао, Дугар Сурэн, Жаргалан, кадровый офицер и бывший чиновник Мэнцзяна Такэши Буян (Ван Цзунло), известный государственный деятель Алтан-Очир, бывший заместитель начальника Генерального штаба монгольской армии У Сяньвэн, Доржи Сурэн, Дэлгэр Чаокэт, выпускник Токийского медицинского колледжа Хорчин Бэлиг, известный филолог и литературовед Бурэн Сайон, один из лидеров Монгольского революционного союза молодежи Улзы Налэн и др. Были созданы департаменты: внутренних, иностранных и общих дел, военный, экономики, транспорта, пропаганды и др.

Временное правительство выступило за объединение Внутренней и Внешней Монголии. В качестве альтернативы была предложена независимость Внутренней Монголии. Для обсужде-

ния этого вопроса с предложением о признании нового государства МНР и СССР и просьбой об оказании военной и экономической помощи в Улан-Батор была направлена делегация в составе Дамир Сурэна, Жаргалана, Мукдэнбао и др. Однако делегатам был дан ответ, что на основе Ялтинских соглашений Внутренняя и Внешняя Монголия не могут быть объединены, что же касается независимости, — ситуация во Внутренней Монголии является внутренним делом Китая, и судьба ее должна решаться представителями всех слоев монгольского общества. Также было высказано пожелание об установлении контакта с Коммунистической партией Китая для обсуждения национального вопроса.

Получив такой ответ, Временное правительство Народной Республики Внутренняя Монголия направило министра пропаганды Такэши Буяна в Чжанбэй как своего представителя перед Центральным бюро КПК Пограничного района Цзинчацы с целью изучить позицию Коммунистической партии и получить от нее признание и поддержку. В качестве весомой политической единицы район оформился 11 января 1938 г., когда в округе Фупин было объявлено о создании Политического совета Пограничного района Цзинчацы, главой которого стал Сон Шаовэн (будущий заместитель министра легкой промышленности КНР), а его заместителем — Ху Дэнкуй. Площадь подконтрольных территорий составляла 200 тыс. кв. км с населением 25 млн чел. Во время контрнаступления в августе 1945 г. именно армия Пограничного района окружила Пекин и Тяньцзинь, а также более 70 населенных пунктов, включая Чжанцзякоу, Чэндэ и Шаньхайгуань. Численность регулярной армии Пограничного района выросла до 320 тыс. чел., ополчение — до 900 тыс. чел. Между тем у руководства КПК было иное видение развития событий, а действия автономистов оказались противоречащими ее политике так называемой региональной национальной автономии. По этой причине незамедлительно были приняты соответствующие меры — ЦК КПК района Цзинчацы направил Уланфу и других представителей в правое знамя Сунитского хошуна с инструкциями.

В начале октября 1945 г. началась работа по включению региона в сферу влияния КПК. Уланфу установил контакты с во-

енным командованием СССР и МНР, а для разъяснения национальной политики и дальнейших шагов — с молодежью, интеллигенцией и представителями национальной элиты. Была выработана позиция: исключить коллаборационистов, в первую очередь Буидалая, из числа управленческих кадров, в связи с этим составлен список военных преступников и разыскиваемых лиц, согласованный с районом Цзинчацы. В конце октября 1945 г. Уланьфу организовал встречу представителей КПК с лидерами Сунитского хошуна правой руки, по результатам которой было объявлено о создании Временного монгольского автономного правительства до созыва Народного собрания. Уланьфу стал его председателем и военным министром, Гуй Би — министром внутренних дел, Кели Гэн — министром экономики, другие должности в правительстве заняли молодые монголы. В ноябре Временное монгольское автономное правительство переехало в Чжанбэй и тем самым прекратило действие Временного правительства Народной Республики Внутренняя Монголия.

*Народное автономное правительство Восточной Монголии  
(17 января — 26 мая 1946)*

18 августа 1945 г. революционно настроенная молодежь, представители интеллигенции, бывшие чиновники Маньчжоу-Го и служащие маньчжурской провинции Хинган, а также военные провели собрание в Ваньмяо<sup>146</sup>, на котором приняли решение восстановить Народно-революционную партию Внутренней Монголии и учредить ее Восточное отделение. Были утверждены Устав, Программа, Декларация об освобождении народов Внутренней Монголии с призывом к объединению Внутренней Монголии и Монгольской Народной Республики, состав Комитета народного освобождения Внутренней Монголии и командование Народно-революционной армии<sup>147</sup>. Председателем партии стал бывший губернатор Хингана Боян Манду.

В то же время в центральной части Внутренней Монголии разворачивалось движение за федерализацию и автономизацию Внутренней Монголии во главе с Коммунистической партией Китая. Возник вопрос, кто же в итоге будет контролировать регион.

В октябре 1945 г. Боян Манду и его 12 соратников составили народную делегацию Восточной Монголии, которая представила правительству МНР петицию, подписанную 10 млн чел., о необходимости объединения Внутренней и Внешней Монголии, в чем делегатам было отказано со ссылкой на Ялтинские соглашения. Попытки Сун Цзывэня и Чан Кайши надавить на И.В. Сталина вызвали следующую реакцию — советский лидер дал понять, что если китайская сторона не пойдет на уступки по Внешней Монголии, то он готов пересмотреть ее отношения с Монголией Внутренней, в связи с чем нанкинское руководство также встало на позицию недопущения независимости Внутренней Монголии.

Восстановленное Хулун-Буирское правительство также направило семь своих делегатов во главе с Шанцзимутопом и Гунгоржавом на встречу с Чойбалсаном, но и эта миссия не достигла успеха.

В ноябре третья делегация во главе с У Литу отправилась в Шэньян, чтобы убедить Северо-Восточное бюро КПК и правительство провинции Фэнтянь начать решительные действия по объединению монгольских территорий, но и ее миссия оказалась безуспешной.

9 декабря 1945 г. в Ваньмяо состоялось подготовительное собрание, на котором решались организационные вопросы проведения Народного съезда Восточной Монголии, где предполагалось создать Народное автономное правительство. В это же время известный деятель антияпонского подполья Бао Юйчжэн (позднее стал военным министром рабочего комитета Восточной Монголии и членом Временного народного совета провинции Хинган (II), убит в июне 1946 г. бандитами) отправился в Чжанцзякоу, чтобы установить контакты с руководством движения за создание федеративной автономии.

Приняв как данность ситуацию, при которой ни один из предложенных вариантов совместного сосуществования окружавших Восточную Монголию государственных образований не был принят и одобрен, лидеры Восточной Монголии взяли курс на независимость.

16–19 января 1946 г. в храме Таулайту Гэгэнмяо (Гэгжн-сумэ), в 40 км от Ваньмяо, прошел II Народный съезд Восточной Мон-

голии, на котором присутствовали 552 делегата<sup>148</sup> от 36 хошунов и представитель КПК Ху Бинцюань. Съезд принял Основы политики правительства восточномонгольских народов и Декларацию об автономии народов Монголии. В последний день работы съезда были утверждены Органический акт Народного автономного правительства Восточной Монголии, на основе которого в состав правительства вошли 45 чел., и Постоянный комитет в составе 15 чел. В Программе Народного автономного правительства декларировались готовность поддерживать политические партии, стремление к самоопределению в целях совместного создания нового, свободного, демократического и мирного Народного автономного правительства Восточной Монголии для процветания и развития суверенного государства, а также создание Восточномонгольского банка, выпуск собственной валюты и т.д.

Правительство Китайской Республики сетовало на заговор Советского Союза и Внешней Монголии с целью раскола Китая посредством манипуляций с Автономным правительством Восточной Монголии. Это явилось причиной отказа в ее признании в качестве стороны с каким-либо правовым статусом. Несмотря на то что эти подозрения позднее были опровергнуты главой делегации МНР, посетившей Чунцин в феврале 1946 г., в интервью одному из китайских информационных агентств<sup>149</sup> советское руководство дало поручение Р.Я. Малиновскому оказывать поддержку самоуправлению в Восточной Монголии. Своеобразной была реакция зарубежной, преимущественно австралийской, прессы. В основном имели место короткие заметки со ссылкой на чунцинские СМИ, в частности на «Уорлд Дейли Ньюс» («World Daily News»)<sup>150</sup>, о том, что Восточная Внутренняя Монголия после окончания войны с Японией провозгласила свою независимость и избрала главой национального собрания монгольского выпускника Российской военной академии, а в качестве герба были выбраны серп и молот<sup>151</sup>. Добавлялось, что о своей независимости заявил Чахар, и этот режим признан Чунцином<sup>152</sup>. И лишь южноавстралийская «Адватайзер» («Advertiser») в статье с пометкой «От нашего иностранного обозревателя» рискнула вступить в рассуждения и представить аналитический материал, поэтому приведем текст этой заметки с незначительными изъ-

ятиями нечитаемого текста: «Допуская факт участия советской стороны в формировании автономного правительства, издание заявляет, что в этом нет ничего удивительного, поскольку это полностью... совпадало с тем, что произошло от Финляндии до Болгарии и от Болгарии до Азербайджана. Русские уже давно очень чувствительно относятся к этой части света. Любопытно, что именно в этом общем регионе... в 1939 г. советские войска, используя современное оружие, нанесли японцам серьезный удар, который остудил пыл японцев по завоеванию Сибири, или ее потенциальному завоеванию, и который, возможно, был фактором отвлечения их устремлений в сторону Перл-Харбора и всего, что за этим последовало.

Но возможно ли, что события того периода имели отношение именно к Внешней Монголии и озеру Байкал, а не к стратегическому плану захвата советских прибрежных регионов и Внутренней Монголии, предполагая, что Внутренняя Монголия использовалась бы в качестве базы для последующих военных операций? Возможно, именно этот факт русские и учитывают, вспоминая Халхин-Гол, оказавшись заинтересованными в создании “марионеточного” режима на этой отдаленной бывшей китайской территории. Как показывают события 1939 г., Внешняя Монголия уже давно представляет для России более чем второстепенное значение. До 1911 г. регион считался китайской провинцией, но с Синьхайской революцией в том же году монголы завоевали своеобразную автономию, которую они защищали от китайских войск в 1919 г.

Затем последовала фаза конфликта с участием монголов, белогвардейцев и советских революционных войск, в котором белогвардейцы потерпели поражение, в результате чего в 1923 г. была создана Монгольская Народная Республика. В следующем году был подписан китайско-русский договор, и, хотя сами монголы отвергли притязания китайцев, русские недвусмысленно признали китайский суверенитет в этом регионе. Действительно, такова была степень советского влияния: китайских купцов вытеснили, а монгольская экономика стала тесно связана с российской. Советский Союз заключил договор с МНР в 1936 г. Это было типичное соглашение о взаимопомощи (ценность



которого для России была доказана в битве при Халхин-Голе в 1939 г.).

В таком состоянии ситуация сохранялась до августа прошлого года, когда по условиям последнего китайско-российского договора Китай согласился признать независимость Внешней Монголии с оговоркой, что плебисцит подтвердит стремление народа к такому. Народное собрание состоялось в октябре с поистине удивительным результатом — абсолютно единогласным высказываем за автономию! Так освещает ли луч света тайны Ялтинского соглашения, условия которого были опубликованы на прошлой неделе? Это соглашение предусматривало, что “статус-кво” во Внешней Монголии будет сохранен. “Статус-кво” в этой коннотации, очевидно, означает “эффективный контроль” — при том, что механизм контроля находится в руках режима, послушного Москве. Таким образом, Россия получила прямое признание еще одного буферного государства, в данном случае это пространство размером примерно в одну треть территории Соединенных Штатов.

А как насчет Внутренней Монголии, последнего региона, где происходят странные вещи? Эта территория находится к юго-западу от Внешней Монголии. В действительности она включает в себя три китайские провинции: Нинся, Суйюань и Чахар. По оценкам экспертов, монголы составляют около одной трети населения, а остальные — китайцы. Центральное правительство Китая уже давно признало существование движения за местную автономию и в 1934 г. в дополнение к номинальной финансовой поддержке предоставило региону статус самоуправления под руководством генерального секретаря князя Дэ. Этот мелкий деспот вскоре завоевал господство над своей ламаистской страной и почувствовал себя достаточно сильным, чтобы игнорировать режим маршала Чана. Затем на сцену вышли японцы, причем в истинно нацистском стиле, как и в случае с Судетами (правда более вероятно, с точки зрения последовательности событий, что Гитлер взял пример с японцев), проникли во Внутреннюю Монголию, а князь Дэ счел нужным стать орудием Токио.

Как Маньчжурия стала Маньчжоу-Го, так и Внутренняя Монголия стала сначала Монгол-Го, а затем Мэнцзяном, в свое время превратившись фактически не только в японский буфер между

Маньчжурией и Внешней Монголией, но также и в базу для вышеупомянутых японских планов по вторжению на Запад в 1939 г., которым русские так решительно сопротивлялись. Но если вся эта кампания показала, что кратчайший путь из Пекина в Сибирь лежит через Внутреннюю Монголию, то русские в первой трети двадцатого века также поняли, что кратчайший путь из Внутренней Сибири в Пекин и к морю лежит тем же путем.

Возможно, именно из-за этого на текущей неделе пошли слухи о попытках установить какой-то новый режим, контролируемый Россией, во Внутренней Монголии. По условиям китайско-русского договора от августа прошлого года Россия обязывалась не вмешиваться во внутренние дела Китая, включая Маньчжурию. Внутренняя Монголия также выступает подобным объектом, ведь Россия претендовала и уступила контроль над Дайреном, Порт-Артуром и долей в управлении Китайско-Восточной железной дороги, так что сейчас она фактически восстановила положение, существовавшее до Русско-японской войны 1904–1905 гг. Однако складывается мнение, что китайские коммунисты были дезавуированы Москвой.

Но эта автономия, или сепаратистский “рэкет”, любопытна, как должны, например, помнить персы. Китайские коммунисты, похоже, достигли какого-то политического соглашения с маршалом Чаном, хотя они очень сильны в Восточном Чахаре. Была опубликована заметка о том, что маршал Сталин отказался от работы с ними, поскольку они якобы не являются серьезной военной силой. Какую роль они играют в нынешних событиях, еще предстоит выяснить, но, по-видимому, есть основания полагать, что характер контроля Советами Внутренней Монголии может быть изменен»<sup>153</sup>.

Это вскоре и произошло. Пока же на шесть месяцев Боян Манду был избран председателем правительства, Мани Бадал — его заместителем, а Ха Фунъя — генеральным секретарем. Учреждены министерства экономики, внутренней безопасности, юстиции, по гражданским вопросам, секретариат и отдел пропаганды, а также штаб армии. Министром экономики стал Тэмур Багэн, министром внутренней безопасности — Асигэн, министром юстиции — Чжан Тичжэн, министром по гражданским во-

просам — Дава Осэр (назначен на 19 января 1946), начальником отдела пропаганды — Санцзэчжав, начальник штаба — Наму Хайчжав.

Фактически Восточная Монголия на своей территории унаследовала маньчжурские государственные органы, поэтому вместо аймаков административно-территориальными единицами становятся шесть провинций, объединивших 32 хошуна:

- Хинганская — Хинган (II) в составе бывших Западного и Южного губернаторств / областей Маньчжоу-Го, провинция включала 4 аймака, 20 хошунов, 3 уезда и 2 города, губернатором стал Оюн Далай, а его заместителем — Хасабатыр. После упразднения Восточной Монголии как относительно самостоятельной политической единицы с 28 мая 1946 по 23 апреля 1947 г. провинция Хинган сохраняет статус обособленной административно-территориальной единицы;

- Чжерим, губернатором с апреля по июнь 1946 г. был У Литу, а его заместителем — Лян Йимин;

- Чжоуда и Чжосоту, имена руководителей провинций установить не удалось;

- Хулун-Буир, губернатором, как уже отмечалось, остается Эрцин Бату, а его заместителем — Санжи Митуп;

- Нонни-Мурэн, губернатором вновь созданной провинции с марта по июнь был Эрдэн, а его заместителем — Ся Фулэн. Данная провинция образована 27 марта 1946 г., когда в Чжалантуне состоялся Народный съезд, на котором было принято решение о создании правительства провинции. 3 мая правительство было укомплектовано и приступило к работе, разместившись в здании бывшей школы. 27 июня правительство провинции переведено в разряд окружных, а Эрдэн сдал лидерские позиции, после образования единой Внутренней Монголии перейдя на должность директора Улан-Хотского городского научно-исследовательского института садоводства<sup>154</sup>. Его место в качестве руководителя этой территории занял Чжи Дату.

Несмотря на наличие определенной поддержки в обществе, инициатива НРПВМ не нашла отклика ни в среде руководителей Китая и партии Гоминьдана, ни в международном сообществе, ни даже среди коммунистов. ЦК КПК считал, что предложенная

программа слишком нереалистична, поддерживать ее нет возможности, в связи с чем политика нового государственного образования требовала корректировки<sup>155</sup>. В то же время монголы не доверяли китайским коммунистам. Ситуация зашла в тупик.

Командование Западно-Маньчжурского военного округа Китая предложило снять некоторые разногласия в области военных дел. 25 января 1946 г. министром внутренней безопасности Асигэном, одним из основателей Народно-освободительной армии Китая Лу Чжэнцао были подписаны временные меры по урегулированию двусторонних разногласий, касающихся трех ключевых аспектов:

1. Административно-территориальное деление Восточной Монголии сохраняет прежнюю структуру и управляется китайскими чиновниками при участии монгольских жителей; создается монгольская автономия в Хулун-Буире со старой хошунной системой управления.

2. Вооруженные силы Восточной Монголии размещаются вне пределов жилых районов, а при необходимости армии пройти через них местные жители не обеспечивают военные потребности.

3. Во время военных действий обе стороны берут обязательство сотрудничать друг с другом, включая совместные или индивидуальные операции против бандитов.

В конце февраля 1946 г. между Восточной Монголией (в лице Асигэна) и военным руководством бывшего аймака Мэнцзяна Баян-Тал (в лице одного из лидеров коммунистической молодежи Шанхая времен японской агрессии Фан Чжида<sup>156</sup>, известного под псевдонимом Ян Ачжан<sup>157</sup>) было достигнуто соглашение, по которому военизированные соединения Восточной Монголии переходили в подчинение военному округу Баян-Тал, командование которого одновременно играло роль комиссаров и политических инструкторов в армии Восточной Монголии. Помимо этого, военное командование Баян-Тала гарантировало поставки оружия, боеприпасов и другого оснащения для армии Восточной Монголии. Таким образом, КПК получила фактический контроль над армией Восточной Монголии, постепенно переходя к установлению влияния в других аймаках. Следом, в апреле 1946 г., настала очередь Чжеримского сейма.

11 февраля 1946 г. правительство Восточной Монголии направило семь делегатов во главе с Мани Бадалом, которые прибыли в Пекин для обсуждения будущего статуса территорий с представителями китайских властей. В качестве одного из приоритетных было выдвинуто условие о высокой степени автономии в структуре китайского государства, оно было отклонено — правительство посчитало это актом сепаратизма и угрозой появления «второй Внешней Монголии»<sup>158</sup>. Против подобной позиции даже были организованы студенческие пикеты. После этого делегация через Чанчунь вернулась назад.

Между тем 15 февраля 1946 г. собирается Малый Хурал, куда Хинган (II), Чжерим, Чжоуда, Нонни-Мурэн и Хулун-Буир направили своих представителей. Хурал разрабатывает план налогообложения, согласно которому обеспечение налоговых поступлений должно осуществляться при гибком подходе и в соответствии с политической и экономической ситуацией в Восточной Монголии. При этом устанавливались налоги на торговлю, производство продуктов питания, алкоголь, продажу недвижимости, скот, масло и жир, а также гербовый сбор.

В марте 1946 г. движением за создание федеративной автономии был инициирован процесс слияния с Восточной Монголией. Одновременно с этим по настоянию ЦК КПК была распущена НРПВМ<sup>159</sup>, так как ее программа предусматривала право на самоопределение населения Внутренней Монголии.

С 30 марта по 2 апреля 1946 г. в Чэндэ проходило подготовительное совещание к съезду, посвященное объединению политических образований Внутренней Монголии, на котором были согласованы основные аспекты по территориальному устройству, кадрам и политике в отношении освобожденных районов.

К апрелю 1946 г. вооруженные силы освободившихся районов Внутренней Монголии объединены в народные силы самообороны Внутренней Монголии. Уланьфу выполнял функции политического комиссара и командующего вооруженными силами численностью более 20 тыс. чел.

3 апреля 1946 г. в Чэндэ состоялся I Съезд представителей земель Внутренней Монголии по консолидации автономного движения и объединению всех регионов Внутренней Монголии<sup>160</sup>,

где было принято решение о прекращении деятельности Народного автономного правительства Восточной Монголии, а Восточная и Западная Монголия объединялись в федерацию. Было решено, что представители Восточной Монголии вернутся назад для проведения внутреннего съезда, роспуска всех правительственных структур или преобразования их в территориальные органы нового политического образования. Для разрешения национального вопроса выбран дифференцированный подход для ханьских, ханьско-монгольских и монгольских районов.

Итоговые решения приняты 26–28 мая 1946 г. на II Съезде представителей земель Внутренней Монголии. Между тем 23 мая 1946 г. войска 71-й армии Народно-освободительной армии Китая заняли Жаланьтунь, 22 октября — Тунляо, 29 октября — Кайлу, 9 ноября — Бухту, Чжерим отошел к зоне влияния Гоминьдана. В конце июня 1946 г. штаб-квартира Западно-Монгольского отделения федерации из Ванъмяо переехала в Хайлар. В сентябре 1946 г. Тимур Багэн поручил органам общественной безопасности Хингана (I) в Хайларе арестовать Мани Бадала и затем доставить в Цицикар. В итоге 6 октября 1946 г. правительство Хингана (I) созвало совместное заседание Постоянного комитета Народно-политического совета и членов Провинциального комитета и 11 октября 1946 г. сняло его со всех постов.

Это продемонстрировало наличие напряженных отношений между Западным и Восточным отделениями федерации и отсутствие координации в их действиях. В результате 15 октября 1946 г. секретарь Западного отделения, будущий вице-премьер КНР Ли Фучунь и представитель Восточного отделения Боян Манду подписали протокол переговоров по монгольской проблеме, в котором были урегулированы политические, экономические и военные разногласия, а спустя месяц было заключено соглашение о преобразовании прежних хошунов и территорий.

Одновременно с этим вновь зазвучали речи о восстановлении НРПВМ. Во многом это было следствием пропаганды, которая велась через МНР, следовательно, не без участия советской стороны. Основной угрозой для региона являлась вероятность возвращения в нем к власти Гоминьдана, в то же время было очевидно, что китайские коммунисты имеют свой взгляд и на

внутреннюю политику в отношении национальных окраин, и на место Внутренней Монголии в системе международных отношений в Восточной Азии. Поэтому в прессе стали появляться высказывания с максимально смягченной риторикой о том, что экономический и промышленный уровень монгольских земель не позволяет сразу же перейти к социалистическому строительству. Следовательно, как и во Внешней Монголии 20-ю годами ранее, требуется особый, некапиталистический, подход и необходимы соответствующие механизмы его обеспечения. Одним из таких механизмов могла бы стать возрожденная НРПВМ, обеспечивающая переход к идеологическим постулатам КПК и к тому образу жизни, который предусмотрен ее программными документами<sup>161</sup>.

Однако Уланфу и его сторонники были категорически с этим не согласны, аргументируя тем, что, во-первых, Внешняя Монголия в тот период представляла собой преимущественно кочевой регион, поэтому наиболее эффективной политической силой на тот момент выступала МНРП, тогда как во Внутренней Монголии доминировала сельскохозяйственная экономика. Во-вторых, после разрыва в 1927 г. отношений между НРПВМ и другими политическими силами, которые «...свернули на полпути со своего маршрута... только Коммунистическая партия Китая сохранила верность своим установкам»<sup>162</sup>. В-третьих, приводился пример Советского Союза, который, являясь многонациональным государством, не допустил создания национальных партийных структур<sup>163</sup>. Уланфу предложил ЦК КПК учредить Рабочий комитет Внутренней Монголии при КПК под руководством Северо-Восточного бюро<sup>164</sup>, т.е. был взят курс на партийную централизацию и недопущение создания альтернативных политических сил с национальным окрасом.

Таким образом, в период между упразднением Народного автономного правительства Восточной Монголии и переводом статуса данной территории в разряд промежуточных и региональных, до созыва 23 апреля 1947 г. Народного съезда Внутренней Монголии, система органов управления на территории Восточной Монголии представляла собой следующее. Главой Восточно-Монгольского отделения Федерации Внутренней Монголии был Ха Фунъя, генеральным секретарем — Ху Чжаохэн, участник

антияпонского сопротивления<sup>165</sup>. Создавался секретариат, отделы пропаганды, организационный, военный, молодежный и женский. Главой Чжерима стал Ли Хунфань, его заместителем — Чжао Ши, главой Хингана (II) остался Оюн Далай, его заместителем стал Тувшин, Нонни-Мурэн возглавил Чжи Дату.

*Движение за создание Федеративной автономии Внутренняя Монголия (27 ноября 1945 – 1 мая 1947)*

Следующим этапом развития государственности Внутренней Монголии стала организация движения за создание Федеративной автономии Внутренняя Монголия. Фактически организация работы по созданию федерации была делегирована Цзиньсуйскому отделению КПК. Под его юрисдикцией оказались северо- и юго-западная части провинции Шаньси, а также Суйюань. Непосредственно работа была поручена 23 октября 1945 г. Уланьфу, Гуй Би и Кели Гэну, а в качестве ключевой задачи сформулировано учреждение региональной автономии и самоуправления монголов путем создания автономного правительства и подготовка к созданию автономии Внутренней Монголии, включая объединение хошунов и других территорий.

У КПК к тому времени уже имелся определенный опыт национального государствовоительства, подтверждением чему могут служить два нормативных правовых акта времен Китайской Советской Республики. В первую очередь это проект ее Конституции, принятый I Всекитайским съездом Советов в ноябре 1931 г., который провозгласил создание Китайского советского государства и Временного правительства, а также определил основные принципы существования нового государства и его программные задачи. Так, пунктом 4 Конституции провозглашалось, что «на советских территориях рабочие, крестьяне, красноармейцы и все трудящиеся массы и их семьи, без различия пола, религии, расы (китайцы, маньчжуры, монголы, магометане, тибетцы и т.д. и все живущие в Китае корейцы, формозцы, индокитайцы и т.д.), равны перед советскими законами и являются гражданами Советской республики»<sup>166</sup>. Пунктом 14 провозглашалось право на самоопределение, подразумевавшее «право отде-



ления и образования ими самостоятельных государств. Так, например, монголы, магометане, тибетцы и т.д., живущие на территории Китая, имеют полное право самоопределения, т.е. в зависимости от своего желания могут присоединиться к Китайскому советскому государству или же отделиться от него и организовать собственное государство. Советская власть в Китае будет всеми силами помогать малым нациям освободиться от ига империалистов, гоминьдана, милитаристов, князей, священников, лам и т.д. Советская власть будет... содействовать развитию национальной культуры и языка этих народов»<sup>167</sup>.

Резолюция съезда по национальному вопросу (пункт 1) подтверждала наличие на территории Китая множества малых наций и национальных меньшинств, в числе которых обозначались и монголы<sup>168</sup>, а в числе прав, принадлежащих им, — право всех наций на самоопределение. При этом раскрывалось содержание этого понятия:

«Это значит, что в таких районах, как Монголия, Тибет, Синьцзян, Юньнань, Гуйчжоу и др., в которых большинство населения принадлежит к иной, не китайской, национальности, трудящиеся массы этих национальностей имеют право сами определять: желают ли они выйти из Китайской Советской Республики и создать свое независимое государство, или же они желают войти в союз советских республик или образовать автономную область в Китайской Советской Республике. Китайская Советская Республика будет всемерно помогать и содействовать всякой борьбе малых народов против империализма, китайских милитаристов, помещиков, чиновников и торгово-ростовщического капитала.

Китайская Советская Республика будет поддерживать также национально-революционное движение и борьбу национальностей, уже добившихся независимости, как, например, Внешняя Монгольская Народная Республика, против наступления и угроз империалистов и гоминьдановских милитаристов»<sup>169</sup>. Конституция признавала, что «...трудящиеся массы малых наций угнетаются и эксплуатируются не только империалистами и китайскими милитаристами, помещиками и буржуазией, но и своими собственными господствующими классами: в Монголии —

князьями и живыми буддами; в Тибете — ламами; мяо, яо и другие народности — своими “тусы” и т.д. Эти господствующие классы являются орудием империалистов, помещиков и буржуазии, помогая им угнетать и эксплуатировать трудящиеся массы малых народов»<sup>170</sup>.

И, наконец, было признано: «Китайская Советская Республика полностью и безоговорочно признает независимость Внешней Монгольской Народной Республики»<sup>171</sup>. Теперь ситуация изменилась — часть монгольской элиты по-прежнему уповала на создание объединенного монгольского государства, тогда как наиболее прагматичные силы понимали, что в сложившихся условиях это невозможно и необходимо примыкать к какой-либо стороне.

6 ноября 1945 г. в Чжанцзякоу был образован подготовительный комитет по учреждению Движения за создание федеративной автономии Внутренней Монголии и учредительного съезда, а Уланьфу назначен его председателем. Одновременно комитетом отдано распоряжение об упразднении всех других правительственных учреждений, существовавших в регионе на тот момент. Подготовительный комитет 15 ноября 1945 г. объявил о создании Мандатного комитета по утверждению делегатов и Комитета по рассмотрению предложений, а 25 ноября провел итоговое совещание, на котором были окончательно разрешены все организационные вопросы.

26 ноября 1945 г. в актовом зале одного из муниципальных учреждений Чжанлайкоу состоялось торжественное открытие съезда, в котором приняли участие 79 делегатов<sup>172</sup> из 36 хошунов: Их-Чжу, Улан-Цаба, Баян-Тала, Шилин-Гола, Чахара, Чжоуды, Чжосоту, Чжерима, Алашани, Эдзин-Гола, Восточного и Западного хошунов Бухты, Солонского хошуна (ныне — Эвенкийский автономный хошун), а также из военно-политических организаций и школ региона.

27 ноября 1945 г. Уланьфу выступил перед съездом, его речь была утверждена как «Руководящие принципы организации Движения по созданию автономной федерации Внутренней Монголии». Также был принят Устав движения, в котором говорилось, что целями новой политической структуры явились: объединение граждан из всех слоев общества во Внутренней Монголии, объе-

динение сил Коммунистической партии Китая и демократических партий, а также мобилизация и организация народа Внутренней Монголии для полного уничтожения остатков реакционеров и националистов, решительного выступления против «реакционного национализма в политике Гоминьдана» и за создание демократического автономного правительства при равенстве между народами Внутренней Монголии и т.д.

28 ноября 1945 г. сформирован Исполнительный комитет федерации в составе 21 члена (с сентября 1946 — 26 членов), а Уланьфу, Гуй Би и Кэли Гэн, Бао Яня, Содном Чжамучу, Улзы Налэн и еще пятеро вошли в состав Постоянного комитета. Уланьфу избран председателем Исполнительного и Постоянного комитетов, а также военным министром, известный литератор Лю Чунь<sup>173</sup> — генеральным секретарем, Гуй Би — министром по общим вопросам, Кэли Гэн — министром пропаганды, Содном Чжамучу — министром по делам молодежи и т.д.

29 ноября 1945 г. приняты Конституция федерации и ряд других учредительных документов. Сразу же в хошунах и аймаках была организована агитационная работа, сформированы Народные силы самообороны Внутренней Монголии, учрежден Институт Внутренней Монголии (для подготовки военных и политических кадров), а также несколько средств массовой информации. В Чахаре создано 9 хошунных отделений КПК и 67 сомонных, общее количество членов КПК увеличилось на 4 тыс. чел., руководство процессом возглавили Чэн Бинъюй и Хушибекжаб. В Шилин-Голе численность КПК увеличилась на 6 тыс. чел., процесс возглавил бывший министр по Мэнцзяна Сонцзинь Ванчук, а Чэнь Бинъюй избран его заместителем. Их-Чжуский сейм возглавил Алтан-Очир, Гуй Би возглавил аймак Баян-Тал, а Ли Вэньцин — Улан-Цаб.

В это же время принимается решение о необходимости включения данных территорий в сферу влияния Восточной Монголии, ответственными были назначены Лю Чунь и Кэли Гэн, привлечены местные кадры — Бао Ян, У Лан и брат Уланьфу Кун Фэй. В результате 28 мая 1946 г. Народное автономное правительство Восточной Монголии было распущено, а подконтрольная ему территория вошла в состав Внутренней Монголии.

Как говорилось выше, с 30 марта по 2 апреля 1946 г. в Чэндэ проходило совещание, посвященное подготовке к съезду по объединению политических образований Внутренней Монголии, на которое каждая из политических единиц направила своих делегатов, и им в итоге удалось достичь согласия<sup>174</sup>.

3 апреля 1946 г. в Чэндэ состоялся I Съезд представителей земель Внутренней Монголии по консолидации автономного движения и объединению всех регионов Внутренней Монголии<sup>175</sup>. Организаторы сразу выработали мнение о том, что под автономией следует понимать независимость или иную самостоятельность, кроме как национальную автономию под руководством Коммунистической партии Китая, а единственной силой, способной осуществить консолидацию, является Федеративная автономия Внутренняя Монголия. На съезде принято решение об упразднении Народного автономного правительства Восточной Монголии и Автономного правительства Внутренней Монголии, вместо которых создавалось Народное правительство Монгольской федерации.

Под контроль федерации перешли аймаки Чжосоту, Чжоуда, Шилин-Гол и Чахар. Были сформированы комитеты — Исполнительный (63 чел.) и Постоянный (12 чел.). Председателем этих двух органов был избран Уланьфу, его заместителем — бывший министр внутренних дел провинции Хинган в Маньчжоу-Го и единственный губернатор объединенной Хинганской провинции, а также глава автономной Восточной Монголии Боян Манду. Лю Чунь стал генеральным секретарем, а Ха Фунья — его заместителем. Были предприняты шаги по управлению исконно монгольскими землями, а также землями со смешанным контингентом (населенные монгольским и ханьским народами). Были созданы восемь министерств и одно управление с министерскими полномочиями, а также проведены преобразования военного блока<sup>176</sup>. В апреле — мае 1946 г. проделана работа по формированию управленческой сети в хошунах и Хулун-Буире.

С 26 по 28 мая 1946 г. в Ваньмяо (ныне — Улан-Хото) состоялся II Съезд представителей земель Внутренней Монголии<sup>177</sup>, где утверждена Временная декларация монгольских народов Востока, в ней было закреплено единое движение всей Внутренней Монголии по автономизации региона, произведено новое

районирование, учреждено Восточно-Монгольское отделение федерации Внутренней Монголии под руководством Ха Фунъя. Съезд также избрал новое руководство Хингана (II).

23 сентября 1946 г. ЦК КПК одобрил создание комитета партии Внутренней Монголии во главе с Уланьфу (Гуй Би, Лю Чун и Ван До, Юнь Цзэлэн в качестве секретаря).

7 ноября 1946 г. Исполнительный комитет Движения по созданию автономной федерации провел заседание в Бэйзимияо для выработки единых подходов к ведению военной борьбы и административной работы в районах Чахара, Шилин-Голе, Баян-Тале и Улан-Цабе. 9 ноября 1946 г. на 7-м заседании Исполнительный комитет принял решение об учреждении шести министерств: по внутренним, гражданским делам, вооруженных сил, финансов, экономики и социальных вопросов.

18 ноября 1946 г. Западно-Монгольское отделение федерации обратилось в ЦК КПК с вопросом об оценке позиции отдельных элементов Восточно-Монгольского отделения Федерации Внутренней Монголии, выступающих за автономизацию Внутренней Монголии. Также был поднят вопрос о созыве Народного съезда Внутренней Монголии и создании единого автономного правительства.

26 ноября 1946 г. ЦК КПК телеграфировал в адрес Центрального бюро Пограничного района Цзинчацы, Восточно-Монгольского и Западно-Монгольского отделений федерации и Уланьфу об угрозе военного наступления Чан Кайши и потенциальной возможности объединения усилий Восточной и Западной Монголии для формирования автономного правительства под эгидой Гоминьдана, также ЦК КПК потребовал активного противодействия данным угрозам.

14 декабря 1946 г. Уланьфу, Лю Чунь и секретари монгольских отделений КПК встретились в Линси, чтобы обсудить вопросы создания автономного правительства, его юрисдикцию, объединенное руководство органов партии региона и взаимоотношения с соседними освобожденными районами. Результаты обсуждения были переданы в ЦК КПК на следующий день.

20 декабря 1946 г. руководство Восточно-Монгольского и Западно-Монгольского отделений Федерации Внутренней Монголии

вместе с Политическим советом правительства провинции Хинган (II) провели совместное заседание, на котором осудили нападение армии Гоминьдана на освобожденные районы Внутренней Монголии и объявили, что не признают организованное им Национальное собрание, предложив созвать Народный съезд. Автономное правительство Внутренней Монголии приняло постановление об учреждении Верховной автономии Внутренней Монголии.

28 декабря 1946 г. проведены преобразования в структуре управления Хулун-Буиrom, приняты Основные принципы организации местной власти в округе и определена его юрисдикция.

14 февраля 1947 г. в Ванъемяо (Улан-Хото) прошло первое организационное заседание, положив начало процессу согласования интересов между политическими структурами региона.

3 апреля 1947 г. на расширенном заседании Исполнительного комитета разразились ожесточенные дебаты. 9 апреля 1947 г. зачитаны доклады по основным направлениям.

23 апреля 1947 г. в 13:00 открылся Народный съезд Внутренней Монголии<sup>178</sup>, в котором помимо представителей подконтрольных КПК территорий приняли участие и лидеры монгольских земель, находящихся под властью Гоминьдана, всего 393 чел. С 24 по 26 апреля шли дебаты и чтение докладов, а 27 апреля съезд направил послание на имя Мао Цзэдуна и главнокомандующего Чжу Дэ.

30 апреля 1947 г. состоялись выборы во Временный народно-политический совет, куда вошли 96 монголов и дауров, 24 ханьца, 1 хуэйец (всего 121 член). 1 мая съездом определен состав Автономного правительства Внутренней Монголии, Уланьфу избрали председателем, Ха Фунъя — его заместителем. Состав правительства утвержден решением съезда 2 мая, все члены правительства и Временного народно-политического совета были приведены к присяге перед делегатами.

3 мая новое правительство провело первое заседание, на котором были утверждены руководители государственных ведомств, а также принято постановление, согласно которому 1 мая отныне был объявлен Днем создания Автономного правительства Внутренней Монголии. 19 мая 1947 г. свои поздравления направили Мао Цзэдун и Чжу Дэ.

*Образование автономного района Внутренняя Монголия*

23 апреля 1947 г. был запущен судьбоносный процесс, приведший к созданию автономного района Внутренняя Монголия. Объединенный съезд народных представителей Внутренней Монголии 1 мая 1947 г. принял решение об образовании автономной Внутренней Монголии в пределах Китая<sup>179</sup>. На нем избран законодательный орган — Временный Малый Хурал<sup>180</sup>, сформировано правительство.

Временный Хурал принял декларацию Автономного правительства Внутренней Монголии, политическую программу, организационные положения и ряд других документов<sup>181</sup>. Государственный аппарат представлен следующими органами: высший законодательный орган — Малый Хурал, избираемый на съезде народных представителей, формировал правительство; высшие органы власти на местах (в сеймах, хошунах, сомонах) — хуралы (съезды) народных представителей. Все местные органы самоуправления должны были избираться народом<sup>182</sup>.

Уланфу был утвержден председателем, Ха Фунъя — его заместителем, помимо них в состав правительства вошли еще 19 членов. Министром финансов и экономики стал Тэмур Багэн; военным министром — Асигэн, министром внутренних дел — Гуй Би, председателем Комиссии по национальным вопросам — Лю Чунь; министром культуры и образования — бывший министр Движения за создание федеративной автономии Внутренней Монголии (в дальнейшем министр сельского хозяйства и животноводства Народного правительства автономного района Внутренняя Монголия) Гао Бозебо. Министром общественной безопасности стал Пунсык (будущий министр транспорта и организатор перемещения мавзолея Чингисхана из монастыря Кумбум в Синине в Ордос). Также в правительство вошли: кадровый офицер У Сяньвэнь, или Улзыацыр, стал министром транспорта, заместителем министра экономики и министром строительства автономного района Внутренняя Монголия; выпускник Токийского медицинского колледжа, позднее — заместитель директора Организационного департамента и директор Департамента здравоохранения, а затем — министр здравоохранения автономного правительства

Хорчин Бэлиг; бывший министр социальных вопросов и заместитель военного министра Движения за создание федеративной автономии Внутренней Монголии, а позднее — руководитель аппарата правительства и заместитель председателя правительства автономного района Внутренняя Монголия Ван Цзайтин, а также Баян, Ван До, Ван Хайшэн, Ванчук, Дугоржав, Нацин Шуантэр, Хасыбатыр, Хубин цюань, Энэн Риту и Улан — первая женщина-политик. Начальником штаба стал Сонцзинь Ванчук, бывший министр гражданских дел, затем председатель Комитета по монгольским делам и глава Шилин-Гольского аймака Мэнцзяна, а после — глава правительства Шилин-Гола в Движении за создание федеративной автономии Внутренней Монголии.

Председателем Народно-политического совета стал Боян Манду, а его заместителем — бывший председатель Временного народно-политического совета (позднее — первый посол КНР в МНР), тумэтский князь Чжи Ятай. В состав совета вошли девять членов: Кали Гэн, Нима, Тэгус Чаокэт, Йедык Сурэн, Ламажав, Ван Цин, Гаванбажав, Тувшин и Ван Ин.

Отныне Внутренняя Монголия административно делилась на восемь аймаков — Нонни-Мурэн, Хинган, Хулун-Буир, Чахар, Чжосоту, Чжоуда, Чжерим, Шилин-Гол, которые в свою очередь объединяли 34 хошуна.

На фоне происходящих событий в отношении территориальной организации возникали идеи не только автономизации национальных регионов, но и федерализации страны. Важным моментом было соблюдение интересов народов, живущих на территориях. В связи с этим Уланьфу выдвинул идею о формировании местного национального законодательства, о сохранении местных вооруженных сил и сил самообороны в структуре регулярной армии страны. В дополнение к чему было озвучено предложение сохранить права на землю для национальных меньшинств и защитить интересы монголов в отношении пастбищ. Была исключена возможность приватизации земли, которая отныне принадлежала народу хошуна.

Между тем 19 сентября 1949 г. завершается мирное освобождение провинции Суйюань, где 31 декабря 1949 г. формируется свое народное правительство.



2 декабря 1949 г. центральное народное правительство приняло решение о переименовании Автономного правительства Внутренней Монголии в Народное правительство автономного района Внутренняя Монголия, Уланьфу был назначен председателем, а Ха Фунъя — его заместителем.

15 декабря 1949 г. с целью обеспечения доступности и управляемости западной частью Внутренней Монголии Народное правительство начинает переезд из Улан-Хото в Чжанцзякоу, процесс затянулся до 25 июня 1950 г. Однако после включения в состав автономного района провинций Жэхэ, Чахара, а 6 марта 1954 г. и Суйюани новым административным центром становится Гуйсуй, в апреле 1954 г. ему вернули монгольское название — Хух-Хото.

На этом этапе государственность Внутренней Монголии приобретает привычные нам черты — как юридические, так и географические. На политической карте Китая появляется первый среди себе подобных автономный район, который консолидирует основную часть монгольских территорий и монгольского населения.

Таким образом, можно утверждать, что опыт автономизации и попытки суверенизации не были лишь разовым или незначительным явлением, как это пыталась представить советская научная литература, — прежде всего это был процесс масштабных идеологических и институциональных реформ. Как справедливо указывал О. Латтимор: «Очевидно, что монголы двадцатого века должны были либо модернизировать свое общество и государство, либо погибнуть как народ. Если бы они остались такими, какими были, Внутренняя Монголия на юге была бы захвачена китайскими колонистами»<sup>183</sup>. Поэтому основная заслуга автономистов заключалась в отстаивании своей национальной самобытности, пусть и не всегда приемлемыми способами. В результате ценой многих жертв, страшных социальных и военных потрясений монголам Внутренней Монголии удалось сохранить целостность своих земель, обеспечить свою потребность в консолидированном существовании и особом политическом и государственном статусе, а также доказать новой власти в лице КПК, что национальные вопросы не могут решаться по остаточному

принципу — они играют существенную роль в развитии всего государственного механизма такой большой и многонациональной страны, как Китай.

### **5.3. Монгольские национальные окраины Западного Китая. Создание и упразднение Алашаньской Республики**

#### *Алашань как политическое пространство*

Несмотря на то что национализм не доказал свою жизнеспособность в Европе, союз монгольских племен мог породить нового крупного политического игрока на Дальнем Востоке<sup>184</sup>. Тот факт, что Япония следовала каждой детали плана барона Танаки по завоеванию Северной и Центральной Азии, подтверждался прибытием ряда японских военных офицеров в китайский Туркестан уже в середине 1930-х годов для организации провокаций среди мусульманских лидеров и подстрекательства их к созданию независимого государства в Туркестане<sup>185</sup>.

В XIX в. эти люди регулярно поднимали восстания против Китая. В одной из войн, вызванной подобным восстанием, которая продлилась восемь лет, были убиты 14 млн чел. Китай победил, но не смог окончательно подчинить мусульман, которые продолжали жить под руководством исключительно своих вождей. За последующие 30 лет количество последователей пророка Мухаммеда и их сила значительно увеличились. И хотя в провинциях, где они проживали, их численность составляла только  $\frac{1}{3}$  населения, они требовали, чтобы власть в этих районах была передана в руки мусульман. Примерно от 5 до 10 млн мусульман проживали в то время на северо-западе провинций Ганьсу и Нинся.

Монголы также составляли значительную часть населения. В контексте изучаемого вопроса можно выделить три основных этапа развития алашаньской монгольской государственности. Первый этап приходится на начало 1900-х — конец 1920-х годов, когда территория современных Алашани и Нинся-Хуэйского автономного района Внутренняя Монголия выделяется в отдельную административно-территориальную единицу в составе цинского, а затем республиканского Китая. Второй этап охватывает

период с конца 1920-х до середины 1940-х годов, когда Нинся приобретает статус самостоятельной провинции и, хотя формально она входит в состав Китайской Республики под управлением Гоминьдана, фактически существует как самостоятельное полунезависимое политическое образование. Третий этап — это конец 1940-х годов, когда Дэ Ван после неудачного опыта государственностроительства в провинциях Чахар, Суйюань и Северная Шаньси перебирается в Алашань. Там при поддержке Гоминьдана, терпящего поражение от войск Народно-освободительной армии Китая, совместно со своими сторонниками он провозглашает создание Западно-Монгольской автономии. В августе 1949 г., после взятия Пекина и победы коммунистов в других регионах Китая, на западе страны, в провинции Нинся, была предпринята попытка создания Алашаньского государства. Событие это для большинства свидетелей эпохи, равно как и для ученых-специалистов современности, прошло незаметно, однако оставило след в истории монголоязычных народов.

Сегодня Алашань представляет собой аймак в автономном районе Внутренняя Монголия, административный центр — г. Баян-Хото. Большую часть Алашани занимает пустыня с таким же названием (93 % всей территории), на севере аймака значительную территорию покрывает пустыня Гоби. Это приграничный район, соседствующий на севере с Монголией, на западе и юге — с провинцией Ганьсу и Нинся-Хуэйским автономным районом, на востоке — с городскими округами Внутренней Монголии Ухаем и Ордосом. Население немногочисленно, оно насчитывает чуть более 200 тыс. чел., из которых монголы составляют 22 %, ханьцы — 72 %, остальное население — хуэйцы, маньчжуры и др. Аймак включает три хошуна — Алашань-Цзоци, Алашань-Юци и Эдзин. Первые два и стали ядром Западно-Монгольской автономии, или Алашаньской Республики, в 1949 г.

На рубеже XIX–XX вв. Алашань, как и в целом Западный Китай, — это труднодоступный и малоизвестный район, который ассоциируется у представителей западного мира с горами<sup>186</sup>, одноименной пустыней<sup>187</sup>, через которую протекает Хуанхэ, окрашиваясь в свой желтый цвет<sup>188</sup>, а также с промыслом соли, производством ковров<sup>189</sup> и этноконфессиональными особенностями<sup>190</sup>.

В то время как на севере Внутренней Монголии и в Маньчжурии японское влияние было относительно невелико и, как следствие, не возникало угрозы для путешественников и миссионеров (или она была минимальной), южные и западные окраины монгольских земель для них были по-прежнему недосыгаемы. Прежде всего это относилось к сравнительно небольшой части Южной Маньчжурии — области приблизительно в 3,5 тыс. кв. км, расположенной на оконечности Ляодунского полуострова, известного как Кватун, где Россию после войны в качестве арендатора сменила Япония<sup>191</sup>.

Таким образом, в сферу интересов европейских держав и США регион не попадал. Вместе с тем интересы Японии уже тогда простирались значительно дальше Квантунского полуострова, в связи с чем территория Внутренней Монголии и Маньчжурии в японских секретных документах фигурирует как единое потенциально значимое политическое и стратегическое пространство (с особым секретным наименованием<sup>192</sup>).

*Алашань под номинальной властью Гоминьдана  
и в сфере японских интересов*

К активным действиям на этой территории японская сторона переходит в начале 1931 г. Так, в марте японский военный штаб представил секретный отчет, обрисовывающий в общих чертах стратегическое значение внутримонгольских земель. В документе открыто обозначается потребность установить контроль над этими территориями, чтобы облегчить последующее проникновение во Внешнюю Монголию и на юго-запад, в глубь Китая<sup>193</sup>.

Дальнейшие события связаны с оккупацией Японией Северного Китая и провозглашением в 1932 г. государства Маньчжоу-Го. В начале — середине 1933 г. монгольские князья при участии представителей Алашани объявили сначала об автономии, а затем и о полной независимости<sup>194</sup>. Начался процесс отторжения от Китая северных приграничных территорий, имеющих стратегическое значение. Однако планы Японии в отношении Западного Китая так и остались лишь планами — раньше японцев сюда до-

брались коммунисты, политика которых оказалась более эффективной.

Наиболее сильным и влиятельным антагонистом власти Чан Кайши было советское правительство, организованное в некоторых провинциях Центрального Китая в ноябре 1931 г. Несколько военных экспедиций против коммунистических сил не достигли существенного успеха, и нанкинское правительство ослабило свой натиск против красных из прагматических соображений, что укрепило позиции советских сил на юге Китая.

На тот момент коммунисты достигли максимума своих возможностей в Китае, вопрос возникал только в установлении юридических взаимоотношений между режимами советских районов Китая и СССР. При этом возможные варианты сотрудничества включали привлечение советских военных в качестве консультантов в органы власти, советские инвестиции в китайское индустриальное развитие, обеспечение доступа Советам в китайский Туркестан и Внутреннюю Монголию<sup>195</sup>. Поэтому из-за страха перед коммунистами мусульмане позволили нанкинским войскам прибыть и разместиться в наиболее важных пунктах, что стало причиной частичной потери независимости.

Затем правительственные войска и коммунисты вместе сражались с японцами, последние надеялись на поддержку мусульманских лидеров — они могли «ударить в спину» Китаю, чтобы получить бóльшую независимость, нежели когда-либо имели. Коммунисты предвидели подобный японский план. Они указывали на то, что и мусульмане, и коммунисты являются меньшинством, и теперь у них появился шанс обустроить свои собственные территории.

Противоположной позиции придерживался О. Латтимор, который считал, что японское продвижение в сторону мест проживания китайских мусульман на северо-западе, в сторону советского Дальнего Востока, утратило актуальность. Японцы уже в 1933–1934 гг. во Внутренней Монголии усердствовали в подстрекательстве монгольских князей к независимости и пытались достигнуть прогресса в продвижении на запад по узкому коридору занятой ими территории между Маньчжоу-Го и провинцией Суйюань.

Мобильные японские соединения в первые месяцы войны летом 1937 г. захватили всю железную дорогу, которая находилась на северо-западе от Пекина, вдоль границы с Внутренней Монголией, на северном берегу Хуанхэ. Они остановились в г. Баотоу, будучи не в состоянии сделать рывок более чем на 50 миль от железной дороги. При этом японцы прекрасно понимали, что они не смогут продвинуться дальше, если не подчинят полунезависимых китайских мусульман.

О. Латтимор был в этой стране и видел мусульманских коммунистов, готовых бороться вместе с Красной армией. С тех пор при помощи постоянных поставок из Советской России, проходящих через мусульманские территории, китайское правительство улучшило отношения с местным населением. Мусульмане стали получать от китайцев то, что японцы только обещали дать, — автономию. Кроме того, они могли видеть, что независимо от обещаний, данных Японией, масштабное движение в поддержку японской политики во Внутренней Монголии отсутствовало<sup>196</sup>, поэтому перспективы продвижения Японии от Внутренней Монголии далее по мусульманским территориям на северо-запад были крайне неустойчивы. Однако тот факт, что уже в первой трети XX в. Япония была заинтересована в установлении контроля над данной территорией, отрицать нельзя.

Местные власти в Алашани формально подчинялись центральному правительству в Нанкине, но на практике являлись полноправными хозяевами на своих территориях, претендуя на расширение сферы влияния, в том числе за счет соседних областей<sup>197</sup>. Одним из наиболее влиятельных лидеров был князь Дали Чжая, который в 1932 г. унаследовал родовые земли, а в 1934 г. стал членом Политического совета Монгольской автономии.

В этот период принимаются меры для увеличения транспортной доступности в регионе: прокладывается автомобильная дорога от Байлинмяо до Дингуана (или Динъюаньина, административного центра Нинся, современный Баян-Хото), ремонтируется дорога до Эдзина (ныне — самый северный хошун Алашани), осуществляется ремонт аэропорта. В 1934 г. создается первая радиостанция. В это же время Алашань открывается миру — зимой 1934 г. туда пребывает Панчен-лама IX. Кроме того, расширяется

социальная инфраструктура. Чин Юиньчан, родственник последнего императора Китая Пу И, поэт и художник, выдающийся общественный деятель, внес существенный вклад в развитие образования и здравоохранения в регионе, в 1932 г. он положил начало сети общественных школ, в 1935 г. открыл начальную школу для мальчиков, а в 1937 г. и для девочек.

После формирования монгольского военного правительства устанавливаются связи между монгольской аристократией и японской разведкой, которая начиная с 1935 г. имеет своих представителей в Дингуане. Таким образом, в начале 1930-х годов Япония переходит к установлению непосредственного контроля над территорией Внутренней Монголии, включая Алашань.

#### *Ма Хункуй и его роль в сохранении относительной самостоятельности Алашани*

В ответ на усиление внимания со стороны японского военного командования к западномонгольским землям местные власти принимают адекватные меры. 23 августа 1936 г. губернатор Нинся Ма Хункуй сделал заявление о том, что японские граждане без действующего паспорта должны быть задержаны. Уже к осени иностранным миссионерам и путешественникам — гражданам государств, имеющих дипломатические отношения с Китаем, включая и Японию<sup>198</sup>, нанкинским правительством было предписано покинуть районы Внутренней Монголии в целях безопасности<sup>199</sup>. Эти вынужденные меры, обусловленные угрозой японского вторжения, крайне негативно сказывались на китайской экономике<sup>200</sup>. Дипломатические ведомства других государств призывали граждан срочно покинуть опасный регион<sup>201</sup>.

Уже к 1939 г. агенты японской секретной службы, базирующейся в контролируемых районах Внутренней Монголии, свободно проникали в Нинся, Цинхай и Северный Синьцзян. Они вели пропагандистскую деятельность с целью создания недовольства среди местного населения, а также осуществляли вооруженные провокации и оказывали поддержку при вторжении японцев в Суйюань и попытке вторжения в Нинся в январе 1939 г.<sup>202</sup>

Учитывая, что Гоминьдан изначально был не в состоянии противостоять японскому проникновению, фактически независимые провинции искали поддержки у китайских соседей или у России<sup>203</sup>. В результате этих событий местные власти, вынужденные принимать меры и самостоятельно противодействовать продвижению японцев в регион, фактически получают политический контроль над землями Алашани.

4 сентября 1936 г. Ма Хункуй послал войска в Дингуан для инсценировки его защиты, имея в качестве реальной цели установление политического и военного контроля над городом — поступила информация о том, что Дэ Ван принимает меры к привлечению на свою сторону влиятельных фигур, которые в дальнейшем сыграют свою роль в процессе государственностроительства в Монголии. Предложения о сотрудничестве были сделаны начальнику штаба Квантунской армии Сейсиро Итагаки и Дали Чжае, возникла угроза перехода части монгольской аристократии на сторону японцев.

18 июня 1937 г. Ма Хункуй получил правительственную телеграмму, подтверждающую информацию, переданную радиостанцией в Баотоу, о перемещении на запад, к Эдзину, японцев, оснащенных автомобилями — четыре с боеприпасами и два с оружием. В этот же период происходит формирование в Нинся собственных отрядов по поддержанию мира и безопасности численностью до 3 тыс. чел. каждый.

9 июля была перехвачена партия японского оружия и боеприпасов. Вскоре после этого развернулась целая кампания по выявлению японских шпионов, которые под видом простых граждан или служащих гражданской администрации соседних провинций наводнили регион.

После инцидента на мосту Марко Поло 7 июля 1937 г. и захвата японцами Пекина и Тяньцзиня практически все представители японских спецслужб и лица, сотрудничавшие с Квантунской армией, были выявлены и высланы из Нинся. Требование Ма Хункуя прибегать к суровым наказаниям в отношении предателей подкреплялось инструкциями из центра о принятии в случае необходимости самых крайних мер, вплоть до расстрела на месте.



Осенью 1937 г. по инициативе Гоминьдана военная комиссия направила группу экспертов в Алашань для оценки ситуации. Поводом для этого стало строительство местными аристократами военных укреплений и оборонительных сооружений, а также мобилизация отдельных военных частей для проведения учений. В ответ на эти действия нанкинское правительство принимает меры к подготовке военной операции против беспокойной провинции — был организован подвоз оружия и боеприпасов. В момент наивысшего напряжения, когда обе стороны готовы были приступить к активным действиям, Ма Хункуй предложил организовать мирные переговоры и разрешить возникшие недоразумения. Эту идею поддержал Лю Боши, член Комитета по делам Монголии и Тибета, который прибыл на переговоры в Дингуан для урегулирования ситуации.

4 февраля 1938 г. в результате того, что сторонам не удалось договориться, Дингуан был обстрелян. 24 февраля из-за малочисленности отрядов местной знати и их слабой организованности в столкновениях с армией Ма Хункуя возобновившиеся переговоры привели к выгодному для руководства Нинся результату — на территорию Алашани заходят местные отряды охраны правопорядка, сменяя родовые органы управления.

Дали Чжая с 1 марта 1938 г. переселяется в г. Иньчуань (ныне — Нинся-Хуэйский автономный район) под угрозой местных войск продолжить обстрел Дингуана. После заключения мира Дали Чжая в сентябре 1938 г. был перемещен в Ланьчжоу (ныне — провинция Ганьсу), а затем переведен на северо-запад современного Китая, где и находился в течение последующих семи лет под строгим наблюдением, фактически схожим с домашним арестом. Он получил свободу лишь в конце войны.

Таким образом, попытка родовой аристократии Алашани сохранить контроль над провинцией окончилась неудачей, однако и мира в провинции не наступило, народные массы, напуганные военным конфликтом, продолжали испытывать страх и беспокойство. Алашань не играла сколько-нибудь значимой роли во внутривосточных событиях Китая этого периода, выступая как объект притязаний определенных политических сил, которые не имели возможности установить над ней непосредственный

контроль — реальная власть находилась в руках местной элиты. События в соседних районах Внутренней Монголии не повлияли на политическую обстановку в Алашани, хотя и помогли косвенным образом Ма Хункую упрочить свою власть и влияние, обособив Нинся от других регионов Китая.

*Алашань после окончания Второй мировой войны.  
Начало движения за автономию региона*

В августе 1945 г. Япония проиграла Вторую мировую войну, созданные при ее участии на территории Китая политии были ликвидированы, включая и Мэнцзян. Дэ Ван был помещен под арест и находился в Пекине вплоть до 1949 г., когда безнадежное положение Гоминьдана вновь заставило его обратить внимание на монгольских князей<sup>204</sup> — их предполагалось использовать в переговорах с коммунистическими силами Внутренней Монголии<sup>205</sup>.

К концу Второй мировой войны территория Внутренней Монголии находилась под властью трех политических сил. Так, земли к востоку от Хингана, включая Хулун-Буир и Жэхэ, в 1932 г. вошли в состав Маньчжоу-Го. Чахар, Шилин-Гол и Восточный Улан-Цаб находились под властью Дэ Вана вплоть до августа 1945 г., когда Советский Союз объявил войну Японии и войска СССР и МНР заняли земли Мэнцзяна<sup>206</sup>. Западные земли Ордоса и Алашани, входившие в состав провинции Нинся, остались под властью Гоминьдана<sup>207</sup>. И хотя после начала Японско-китайской войны эта территория стала представлять интерес для японцев<sup>208</sup>, власть центрального правительства здесь ощущалась довольно отчетливо — Нанкин регулярно направлял своих эмиссаров для инспекторских проверок<sup>209</sup> и осуществлял другие полномочия, которые в основном сводились к формированию политической позиции и принятию мер для ее исполнения.

Западная пресса<sup>210</sup> сообщает о том, что Советский Союз к концу войны вынашивал планы включения этих земель в сферу собственного влияния.

В 1946–1947 гг. восточные земли Внутренней Монголии<sup>211</sup> провозглашают собственную автономию<sup>212</sup> и без участия цент-

рального китайского правительства<sup>213</sup> под влиянием Советского Союза<sup>214</sup> формируют федеративную государственность, где доминирует коммунистическая идеология (включая классовую борьбу, коллективизацию, борьбу с религиозными институтами и учреждениями<sup>215</sup> и т.д.).

Осенью 1948 г. войсками Народно-освободительной армии Китая была занята провинция Ляонин, в конце декабря взят Тяньцзинь, предстоял поход на Пекин. В связи с этим в начале января 1949 г. Дэ Ван на специальном самолете вылетел в Нанкин<sup>216</sup>. Решив воспользоваться ослаблением Гоминьдана, он вновь надеялся на создание автономии, на этот раз в Западной Монголии, поскольку на востоке власть прочно держали коммунисты и их сторонники.

Идею одобрили новый глава государства Ли Цзунчжэнь и ряд членов правительства, в том числе руководитель Комитета по делам Монголии и Тибета Бай Юньти. Данное события нашло свое отражение в новостных выпусках австралийских СМИ от 3 января 1949 г., содержащих весьма противоречивую информацию. Главным фигурантом был Дэ Ван, прибывший в Нанкин из Пекина 2 февраля<sup>217</sup>, его сопровождал старший сын Дугар Сурэн, который объявлялся «председателем коммунистического Народно-го правительства Внутренней Монголии»<sup>218</sup>. Поводом для визита стало приглашение Чан Кайши<sup>219</sup>, а реальной задачей — участие в переговорах с коммунистами<sup>220</sup>, к которым намерен был присоединиться и генералиссимус<sup>221</sup>. Так или иначе, но переговоры прошли успешно, и 26 января 1949 г. правительство Гоминьдана отправило специальный самолет, чтобы доставить Дэ Вана в Алашань. Вместе с ним на борту находились его адъютант Тумэн Дэлгэр, Дамулин Ванчук (алашский князь, третий сын Давана Булицзялая, второго руководителя Комитета по делам Монголии и Тибета в 1922–1923 гг.), Жили Чжантай, Хэ Чжаолин, а также один из создателей будущего китайского военно-морского флота Чжао Хуичуань (Чжао Насуту, 1913–1996) и др.

Пробыв в Ланьчжоу около двух месяцев, Дэ Ван обратился за помощью к ряду влиятельных военных и политических фигур — Чжан Чжичжуну (в скором будущем главе делегации Гоминьдана на переговорах с Чжоу Эньлаем в Бэйпине), Ма Хункую, Ма Хун-

биню (впоследствии заместителю губернатора провинции Ганьсу), Бао Эрханю (будущему губернатору провинции Синьцзян, председателю Всекитайской исламской ассоциации), Тао Чжиюэ (руководителю восстания в пользу КПК в Синьцзяне) и др. Князь также привлек на свою сторону Дали Чжаю, одного из авторитетных монгольских аристократов, с которым они договорились о необходимости созыва съезда монгольских представителей. Съезд должен был в ближайшее время состояться в Дингуане, административном центре Нинся (ныне — Баян-Хото).

Завершив все необходимые приготовления, Дэ Ван при участии Бай Юньги провел в Иньчуани собрание, на котором обозначил основные приоритеты создания Западно-Монгольской автономии. Дэ Ван, Бай Хайфэн, Ба Вэнчжунь (заместитель председателя Комитета по делам Монголии и Тибета), Лин Циньсэньгэ (Ринчин Лин Ван (1898–1952) руководил в правительстве Мэнцзяна структурами, ответственными за систему образовательных учреждений и противодействие коррупции) и другие участники автономистского процесса договорились придерживаться единой позиции по данному вопросу, а после согласия влиться в движение за автономию Дали Чжаи — перейти к претворению плана в жизнь. В начале апреля 1949 г. была предпринята последняя попытка добиться относительной самостоятельности народа Внутренней Монголии, которая стала результатом планов гоминьдановской администрации, борющейся за власть в стране, и одновременно попыткой монгольской аристократии противостоять коммунистам.

### *Алашаньская Республика как политический проект*

13 апреля 1949 г. в Дингуане открылся Съезд монгольской аристократии, в котором принял участие широкий круг делегатов от монгольских земель<sup>222</sup>: Ба Вэнчжунь и представители Ихджуского сейма из Ордоса; Хань Йуру и 10 представителей Далайламы XIII; Лин Циньсэньгэ и 5 представителей Улан-Цаба; Дэ Ван и 5 представителей Шилин-Гола; 4 чахарских представителя; Бай Хайфын и тумэтские представители Хэ Чжаолин, Ванцзинжаб и 4 их спутника; чжуудские представители; Чжао Хуичуань, Гончиг (Бао Гомин) и 4 представителя Чжеримского сейма из

Хорчина и Тунляо; 2 представителя Хулун-Буира; Цаоготохлилей как представитель Эдзин-Гола; Дали Чжая как представитель Алашани; Дамулин Вангчук, Ло Батмунх, Цинбат Доржи и 4 его спутника, а также Ма Хункуй и Чжоу Бахуан.

Учитывая скромные возможности участников, размах собрания впечатлял и свидетельствовал о серьезных претензиях со стороны организаторов на господствующее положение среди монголоязычных народов. Была сохранена курултайная система легитимизации — посредством собрания высшей родовой и земельной аристократии.

После трех дней обсуждения съезд принял решение о создании Комиссии по подготовке к провозглашению Западно-Монгольской автономии.

Председателем съезда был выбран один из видных политических деятелей Мэнцзяна — заместитель председателя Ихджуского аймака Алтан Очир<sup>223</sup>, но он умер почти сразу же после начала работы съезда, 16 апреля. Его место занял Дэ Ван<sup>224</sup>. В руководство также вошли Дамулин Ванчук, Бай Хайфэн, Ба Вэнчжунь и еще семь человек. Хэ Чжаолин получил пост генерального секретаря, а Сэцэн Захчид — его заместителя.

В рамках работы Комиссии по подготовке к провозглашению монгольской автономии Хэ Чжаолин и Ба Вэнчжунь составили проект конституционного акта и ряд других документов, после чего в мае была отправлена делегация в Гуанчжоу известить гоминьдановское правительство о принятом решении, а также для поиска политической и финансовой поддержки. Делегацию возглавил Дэ Ван, в нее также вошли Лин Циньсэнгэ, секретарь Дэ Вана Ким Батудоржи и Чжао Хуичуань.

В Гуанчжоу Дэ Ван подает петицию об автономии на имя Янь Сишаня, нового председателя Исполнительного Юаня (премьер-министра) Китая, и формирует группу сторонников, в их числе У Хэлин (1896–1980), бывший вице-президент Мэнцзяна, ученый-генетик, биолог; Сычин Чжачид, крупный лингвист, литератор, в будущем — президент Ассоциации монгольской культуры (г. Тайбэй, Тайвань); Дэ Гулай (1904–1995), писатель, культуролог; политик Вуси Сиань Вангчук, а также Ли Шоусинь.

Гоминьдановское правительство рассматривало автономное движение в Алашани как инструмент противостояния продвижению коммунистов, в связи с чем от имени Ли Цзунчжэня вице-премьер китайского правительства Чжу Цзяхуа распорядился выделить делегатам 10 тыс. юаней серебром, 200 винтовок, 4 пулемета и 50 пистолетов.

По возвращении в Алашань Дэ Ван начал приготовления к созыву Монгольского народного конгресса и провозглашению автономии. На итоговом заседании Комиссии по подготовке к провозглашению Западно-Монгольской автономии был определен количественный состав — 175 делегатов со всех концов Внутренней Монголии. 26 июля 1949 г. Ма Хункуй поздравил руководителей комиссии с успешной подготовкой к конгрессу, который решено было провести в здании Дингуанской средней школы. Работа конгресса началась 4 августа 1949 г.<sup>225</sup>, помимо делегатов на нем присутствовали главный военный комиссар гоминьдановского правительства в Дингуане Лю Довахе и руководитель следствия Алашани Ван Цзинхой.

8 августа конгресс избрал Дэ Вана президентом Алашаньской Республики и главой автономного правительства, Дали Чжаю — вице-президентом, У Хэлина — спикером парламента, Чэн Насунбата — вице-спикером.

Дэ Ван приступил к формированию руководящих органов, его сторонники получили следующие назначения: Дали Чжая — председателем Комитета по охране общественного порядка, Бай Хайфын — его заместителем и министром промышленности и торговли, Ли Шоусинь — заместителем Дали Чжаи в статусе председателя Комитета по безопасности, Чан Чининчэнь — начальником штаба, Ли Вэнчин — его заместителем, Лин Циньсэнге — министром образования, Хэ Чжаолин — министром внутренних дел, Ба Вэнчжунь — руководителем канцелярии (генеральным секретарем), Тао Бусин — его заместителем и секретарем парламента, Си Чжисян, Дэ Гулай, Дамулин Вангчук и Вуси Сиань Вангчук также вошли в состав правительства в качестве министров без портфеля. Чжан Юаньсинь был назначен руководителем Управления контроля над алашаньскими знаменами, Ли Шудэ — советником правительства.

Был принят флаг нового государства, который в основе своей воспроизводит флаг Мэнцзяна 1937–1939 гг.: на синем поле в левом верхнем углу ( $\frac{1}{4}$  поля) располагались три горизонтальные полосы — красная, желтая и белая.

Сразу же после формирования правительственных структур между Дэ Ваном и его ближайшим окружением (Бай Хайфын, Хэ Чжаолин и Ба Вэнчжунь) возникли разногласия о том, какую позицию занять относительно Коммунистической партии и ее политики. И хотя было принято решение о нейтрализации отношений, создатели нового государства не скрывали своих антикоммунистических настроений.

Летом 1949 г. военные формирования Гоминьдана совершили рейд по алашаньским землям, в частности через г. Дэнкоу (ныне — Нинся-Хуэй) и Саншингун (вблизи г. Баян-Нур), которые не входили в сферу влияния Дэ Вана, но направляли на конгресс своих представителей. Силы Гоминьдана таяли на глазах, местная же элита не спешила на помощь центральному правительству. Дэ Ван находился в таком же положении — силы оставались лишь для поддержания общественного порядка и сохранения видимости власти.

В это время существенно меняется расклад политических сил вокруг Дэ Вана. Летом 1949 г. гоминьдановское правительство принимает решение назначить Ма Хункуя губернатором соседней провинции Ганьсу, в конце августа сам Ма Хункуй бежит со своей любовницей на Тайвань. Дэ Ван остается один на один и с коммунистической угрозой, и с проблемами взаимодействия с Гоминьданом.

Ситуация осложнялась также успехами Народно-освободительной армии Китая на западе страны. Руководство Восточно-Туркестанской Революционной Республики, до последнего старавшееся сохранить статус-кво западных окраин, испытывало серьезное давление как извне, так и внутри государства. Окончательно расклад изменился после гибели у с. Елань близ Кабанска (ныне — Кабанский район Республики Бурятия) основного состава руководства республики<sup>226</sup>, после чего новые делегаты приняли условия Пекина<sup>227</sup> и согласились на включение Синьцзяна в состав Китая.

5 сентября 1949 г. Народно-освободительная армия Китая заняла Синин — административный центр провинции Цинхай<sup>228</sup>, где в декабре было сформировано народное правительство<sup>229</sup>. К середине сентября армия Пэн Дэхуая заняла Ланьчжоу. Народно-освободительная армия отправила мирную делегацию в Нинся. Ма Дуинчжин (1910–2003), второй сын Ма Хункуя, командующий 11-м армейским корпусом, выступил против попыток включить этот регион в сферу влияния коммунистов. Расценив планы делегации как попытку выяснить реальную расстановку сил и разведать военную мощь Нинся, Ма Дуинчжин не только не принял условия мира, но и стал формировать отдельные группы, в задачу которых входило следить за действиями представителей делегации. Он также организовал кампанию по выведению из строя дорог, рытью окопов и уничтожению материалов и документов, которые могли навредить местным властям и жителям в случае прихода коммунистов.

10 сентября под натиском Народно-освободительной армии пал г. Гуяоань (уезд Нинся-Хуэй), открыв тем самым проход в Нинся. 11-го сдался Тунсинь, 15-го — Чжуннин, 16-го — Циньтун, 17-го — Цзиньцзи, а в ночь на 19-е коммунисты овладели Иньчуанем. В этот же день произошло восстание в соседней провинции Суйюань, она также перешла под власть коммунистов<sup>230</sup>. Дэ Вана в Иньчуани, однако, не оказалось — ему удалось уйти вместе с У Хэйлином, Сычин Чжачидом, Дэ Гулаем и бывшим начальником монгольского военного штаба У Гутином (1908–?).

17 сентября новый министр обороны Китая Суй Юнчан, бывший губернатор провинций Суйюань, Хэбэй и Шаньси, специальным самолетом прибыл в Нинся, после чего проследовал в Иньчуань, где встретился с Дэ Ваном и его приближенными. Позиция, которую занял министр обороны, была крайне недоброжелательна по отношению к представителям монгольской стороны, он предупредил о слабости и неразумности выдвижения ультиматумов в адрес центрального правительства. Столкнувшись с весьма дерзкой и независимой позицией, не имея возможности разрешить сложившуюся ситуацию, Суй Юнчан 19 сентября вылетел назад.



Повлиять на стремительно развивающиеся события члены автономного правительства уже не могли, они принялись обсуждать и планировать перспективы дальнейшего существования самопровозглашенной республики и ее руководства. Дэ Ван выступил с предложением уйти через Цинхай в Индию. В свою очередь Бай Хайфэн предложил остаться и ожидать развития ситуации, его поддержали Дали Чжая, Ба Вэнчжунь и Хэ Чжаолин.

К соглашению прийти не удалось, в результате 20 сентября Дэ Ван вместе с государственной печатью в сопровождении Тумэн Дэлгэра, Аму Батура и 80 военнослужащих вышел из Дингуана. С ним шествовали 70 верблюдов, нагруженных продуктами питания, палатками и другой утварью. Позднее, в феврале 1950 г., Дэ Ван был арестован на территории МНР, а многие его сторонники были уволены с военной и гражданской службы и еще долгое время подвергались преследованиям со стороны новых властей.

Побег Дэ Вана был воспринят как поражение, как конец существования автономии, хотя значительная часть управленческого аппарата осталась на своих местах и продолжала работать. 23 сентября от имени жителей Алашани власти Иньчуани направили своих представителей для приветствия Народно-освободительной армии, окончательно установившей контроль над Нинся. В резиденции главы Западно-Монгольской автономии победителей встречали Дали Чжая и Хэ Чжаолин. Дали Чжая сразу же выразил поддержку Народно-освободительной армии, перейдя на сторону Коммунистической партии Китая<sup>231</sup>.

К началу октября переход власти к новым политическим игрокам завершился. 1 октября 1949 г. президентские полномочия окончательно были переданы в руки Дали Чжаи (как вице-президента правительства Дэ Вана), который стал новым главой Западной Монголии. Генеральным секретарем был назначен Ба Вэнчжунь (Баян Хан), его заместителем — Чэн Баофын (Чэн Эрдэнибату), советником — Сю Шичжай, министром внутренних дел — Хэ Чжаолин (Насын Мункэ), советником — Ли Шудэ, начальником штаба — Мун Тай, министром образования — Цыден Бату, советником — Бао Жэншань (Тэмур Баган, революционер, который еще в середине 1930-х годов участвовал в подпольных

партийных организациях и подвергался арестам)<sup>232</sup>, министром финансов — Уругэн Далай (Хануру), советником — У Ругэн, министром промышленности и торговли — Бай Хайфын (Дагу Ринцан), министром обороны и начальником штаба — Чэн Гонджабу, его заместителем — Ли Вэнцин, спикером парламента — Чэн Насунбату.

Сразу же после этого в Иньчуани состоялось собрание, на котором Бай Хайфын, Хэ Чжаолин, Ли Вэнцин, Дуан Батур, Ци Тао и другие высказали формальное одобрение вступлению на территорию Алашани 19-й армии под командованием Ян Дэчжи (1911–1994), в будущем заместителя министра национальной обороны КНР, заместителя председателя Военного совета ЦК КПК. Одновременно с этим было инициировано обсуждение ряда насущных и наиболее важных вопросов. Хэ Чжаолин выступил с предложением сохранить автономный статус за территорией Алашани, на что Ян Дэчжи ответил, что этот вопрос должно решать центральное правительство.

Дали Чжая, Хэ Чжаолин и Бай Хайфэн предложили организовать в Ланьчжоу встречу с Пэн Дэхуэем, проработать вопросы организации их визита в Пекин, чтобы на встрече с премьер-министром Чжоу Эньлаем обсудить процедуры мирной передачи власти в Алашани и возможность получения автономии. 5 октября Хэ Чжаолин прибыл в Ланьчжоу и встретился с Пэн Дэхуэем, изложив свои предложения, однако тот не поддержал их. 20 декабря Хэ Чжаолин и Бай Хайфэн вылетели в Пекин, но идеи об автономии алашаньских земель не нашли поддержки среди правительственных кругов.

Итогом событий 1930-х годов явилось то, что Ма Хункую удалось, во-первых, укрепить личные позиции и усилить власть, что означало фактическую автономную политику по отношению к правительству Гоминьдана при сохранении видимости подчинения; во-вторых, не допустить проникновения в регион японских вооруженных сил; в-третьих, ослабить местную аристократию в ее стремлении через родовые институты сохранить политическое влияние и тем самым снять угрозу перехода части князей на сторону японцев.

Обычай, шедший со времен династии Цин и позволявший местным феодалам иметь свои вооруженные силы, были нивели-

рованы. Старая система феодальных отношений все еще цеплялась за родовые устои, сильные и после Синьхайской революции, тем не менее стала очевидной необходимостью в модернизации и преобразованиях, начало которым было положено силой оружия. Одновременно сорвались планы японцев по включению этой территории в сферу своего влияния, что избавило население Нинся от ужасов вражеской оккупации. Следующий этап государственностроительства пришелся на момент наивысшего противостояния вооруженных сил Гоминьдана и Коммунистической партии Китая, когда фактически безнадежное положение заставило Чан Кайши и его сторонников вновь обратить взоры на представителей монгольской аристократии, а князей — предпринять последнюю попытку добиться самостоятельности и независимости монгольских земель.

Идея создания Западно-Монгольского автономного государства, близкая к идеям о создании Мэнцзяна, хоть и отвечала чаяниям части населения монгольских провинций, но в сложившейся послевоенной политической ситуации не имела надежды на воплощение. Главной причиной было то, что коммунисты не могли допустить существования на их территории никакой иной силы, даже если значение этой силы сводилось к апелляции к историческому прошлому и попыткам сохранить устои и традиции в организации государственной и общественной власти. Кроме того, сами инициаторы автономии и самостоятельности не имели социальной опоры и поддержки среди местного населения. Получив в свое распоряжение все необходимые ресурсы, которые Внешняя Монголия обратила в инструменты для приобретения независимости, Дэ Ван и его сторонники сформировали государственность «для себя».

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав государственность и определив статус государственных институтов Внутренней Монголии в конце XIX — первой половине XX в., подведем итог. Необходимо констатировать, что на протяжении всей своей истории, с момента формирования в начале XVI в. Южной Монголии как обособленной области в распавшейся империи Чингисхана, ее государственность развивалась по собственному пути. И хотя он не слишком отличался от сценария развития государственности других монгольских земель в ядре ключевых институтов, однако имел свою специфику, продиктованную двумя основными факторами — близостью к ханским границам и фронтирным характером территории, позволяющим снижать накал в отношениях между борющимися державами в регионе и выступать в течение нескольких столетий в роли своеобразного амортизатора или буфера.

Традиция «буферности» берет свое начало в период стабилизации империи Мин, для монархов которой представители предшествующей династии Юань рассматривались как потенциальная угроза в силу их прав на престол, поэтому организовывались многочисленные завоевательные походы. При этом Северная Юань воспринималась и как торговый партнер, и как буфер, защищающий Внутренний Китай от вторжения северных кочевников. Вслед за династией Мин Внутренняя Монголия рассматривалась маньчжурскими императорами как конфедерация союзников, готовых защищать совместные интересы от угрозы с юга, со стороны слабеющих правителей Мин, и одновременно как плацдарм для дальнейшего продвижения в Азию. Таким образом, в этот период произошло обособление основных государственных институтов и был выбран собственный путь развития,

который оправдал себя с появлением в регионе маньчжуров, при создании ими своей империи. Став ее органической частью, государственность Внутренней Монголии обрела те черты, которые сохранила в исследуемый нами исторический период и будучи встроенной в структуру империи Цин как автономия с широким спектром прав и привилегий и корреспондирующим им, скорее символическим, кругом обязательств.

Определяя место Монголии и составляющих ее территорий в структуре империи Цин, следует обратить внимание на ряд важных особенностей монгольской государственности в начале XX в. Во-первых, это обособленность и сохранившийся древний уклад государственных институтов, политической и социальной жизни, который не претерпел существенных изменений со времени вхождения в состав империи Цин в середине XVII в. и не нуждался в преобразованиях, удовлетворяя запросам цинской администрации и монгольских князей. Фактическое положение Монголии определялось как автономное государство в составе классической империи.

Во-вторых, в отличие от классического государства с единым властным центром, таковой у Монголии отсутствовал. Несмотря на единые подходы к вопросам правового регулирования, взаимоотношений с князьями, военной организации, сбора податей, титулов и т.д., не происходило политической консолидации по географическому, родовому, экономическому или иным принципам — более того, маньчжурские власти стремились этого не допустить. Поэтому даже в начале XX в. каждый хошун продолжал осуществлять взаимодействие с центральными органами власти империи обособленно и самостоятельно. Ни аймаки, ни сеймы также не несли в себе консолидирующего внешнеполитического начала, а лишь были подспорьем в процессах внутреннего управления и порядка.

Однако уже к середине XIX в. маньчжурский государственный аппарат не мог эффективно обеспечивать решение имперских задач, а появление европейцев и закрепление их в ключевых портах и городах окончательно дискредитировали власть внутри страны. Слабо управляемая империя вступает в череду военных поражений, что усугубляется внутренними потрясениями в виде народ-

ных восстаний. В этот период Монголия остается едва ли ни единственным лояльным центром регионом. Однако эта лояльность — не моральный призыв, императоры Цин создали эффективную систему конкуренции за титулы и привилегии, используемую для повышения управляемости монгольскими князьями и позволившую избежать прямого нарушения взятых на себя перед монголами обязательств о сохранении их самобытного образа политической организации. Постепенно конкуренция за статус преобразовалась в конкуренцию финансовую, когда колонизация монгольских территорий происходила не путем самовольного отъема, а через покупку с передачей изрядной доли финансовых средств в доход князя. Безусловно, этот процесс оказался болезненным для самолюбия, но прибыльным с точки зрения экономики хошунов, не имевших больших доходов, как и князей, постоянно нуждавшихся в средствах. На занимаемых территориях китайские колонисты не только строили дома и внедряли сельское хозяйство, они стали опорой традиционной провинциальной организации земель Внутреннего Китая, соединить которые воедино имперской администрации помешала Синьхайская революция. Таким образом, китайская колонизация, традиционно преподносимая как раздражающий фактор для всего монгольского общества, в основе своей выступала таковым для простого населения, в то время как князья успевали извлекать из этого немалую прибыль.

Характеризуя внутренние и внешние факторы трансформации статусов монгольских территорий в период между началом революционного движения и вторжением Японии в Манчжурию, отметим, что новая республиканская власть с задачей консолидации созданных на территории восточных аймаков Внутренней Монголии поселений в административные единицы справилась более успешно, чем имперская. На занятых монгольских землях сначала возникает дуальная, монгольско-китайская, система административно-территориальной организации, которая формально не покушается на остатки княжеских территорий и привилегии внутреннего управления. Однако временный характер такой системы был очевиден. Получив в очередной раз необходимые гарантии лояльности, гибкие статусы особых районов преобразуются в жесткие конструкции провинций с прямым подчинением губернаторам.

Этому сопутствует и модернизация центральных органов власти — на смену императору приходит президент, что влечет за собой не только упразднение вассальных обязательств как таковых, но и прекращение получаемых взамен их гарантий. Вместо Палаты внешних сношений (Лифанюань) формируется новая государственная структура по делам Монголии и Тибета, во главе которой, для удовлетворения национальной гордости, империя ставит этнического монгола. В целом же созданная система показала свою эффективность: территория Внутренней Монголии не отделилась от Китая, отдельные акты неповиновения были быстро подавлены без резонансных столкновений и кровопролития, а территории оказались способны к управлению.

Что касается внешних факторов, то одним из таковых, безусловно, выступала наша страна и ее притязания в Восточной Азии. С середины XVII в. молодое Российское государство пока не создает угрозы безопасности для китайских соседей, но начинает уверенное продвижение в регион, и здесь на долгие годы монгольские земли выступают своеобразным естественным буфером — с одной стороны, для защиты от посягательств Российской империи, интерес которой к региону усилился при строительстве КВЖД, с другой — как пространство для колонизации, необходимое разрастающемуся населению центральных и южных провинций. Одновременно с этим Российская империя уверенными шагами двигалась в сторону Корейского полуострова, а приобретаемые ее агентами концессии на р. Ялу вызывали раздражение Японии. Это создавало угрозу и для цинской администрации на этой территории, которая могла стать ареной боевых действий в случае русско-японской войны, что вскоре и произошло. Война вытолкнула Страну восходящего солнца в число мировых держав — и вновь Внутренняя Монголия играет роль амортизатора, буфера и предмета торга в качестве сферы геополитических интересов.

Необходимо сделать оговорку, что в период между началом революционного движения и вторжением Японии в Манчжурию определяющая роль в процессе трансформации статусов монгольских территорий в большей степени принадлежала Российской империи / СССР и в меньшей степени — Японии. Внешне

неудачные для нашей страны последствия Русско-японской войны в долгосрочной перспективе принесли позитивный результат. Был осуществлен раздел сфер влияния, который предопределил и систему международных отношений в регионе на ближайшие 40 лет, и модели монгольской государственности для Халхи, Барги и самой Внутренней Монголии. В то время, пока на севере монголы не без помощи нашей страны строили теократическую государственность, а Барга, наблюдая за политикой русских властей во Внешней Монголии и убедившись в добрых намерениях последних, в противовес китайской администрации, и опять-таки не без участия российской стороны, установила автономию, просуществовавшую вплоть до 1920 г., Япония с опорой на «мягкую силу» выстраивала собственную политику во Внутренней Монголии.

В итоге обе державы закреплялись в регионе, не нарушая нормы международного права и формальный китайский суверенитет над монгольскими территориями, с помощью различных инструментов минимизируя вероятность ухода из него. Китай оказался настолько слабым, что не имел фактической возможности этому воспрепятствовать. Монгольские же политические элиты восприняли это присутствие как единственную возможность противостоять китайской колонизации. После серии неудачных попыток получить государственный суверенитет монголы сохранили автономный статус в структуре слабого китайского государства (Халха и Барга) и попытались максимально снизить последствия китайской колонизации через контакты и проекты с японской стороной (восточные аймаки Внутренней Монголии).

Характеризуя основные государственные институты, влияющие на развитие государственности Халхи, Барги и центральных аймаков Внутренней Монголии после Синьхайской революции 1911–1912 гг., следует отметить как определяющий фактор готовность к модернизации, ее претворение в жизнь и связанные с этим последствия. Подтверждение этому мы увидим позднее, когда социальные потрясения в России, вызванные сначала Февральской революцией, а затем и Октябрьским переворотом 1917 г., найдут отклик и в государственной системе Внешней Монголии / МНР. Идеология, государственный аппарат, партийное строительство, конституционное и правовое развитие, уклон



«вправо» и разгром его сторонников, репрессии, военное переоснащение и т.д. — все это тоже воспроизводилось во Внешней Монголии и носило вполне управляемый характер.

Равным образом японская модернизация в военной сфере, экономике, промышленности и образовании оказала значительное влияние на те районы Внутренней Монголии, которые установили более тесный контакт с Японией. С одной стороны, эти районы получили поколение молодых людей с хорошим образованием и устремлениями к реформам, к преодолению отсталости своих хошунов (как, например, Дэмчиг Донров), в том числе и за счет притока учителей, промышленников и предпринимателей из Японии с их культурой ведения дел, нормами и установками. С другой — японцы в регионе подготовили себе плацдарм, который на первых порах, до 1936 г., окажется более эффективным, чем военное участие.

Наконец, подтверждением этому может служить западная часть центральных аймаков Внутренней Монголии, которая не попадала в сферу влияния не только нашей страны, но и Японии, — например, Ордос. Проиллюстрировать эту ситуацию может противостояние консервативного Юнь Вана (главы хошуна западного, Улан-Цабского сейма) и прогрессивного Дэ Вана (главы хошуна восточного, Шилин-Гольского сейма).

Поскольку модернизация — процесс управляемый, именно рациональное и эффективное влияние той или иной державы определяло его результат. И именно модернизацию не удалось провести ряду монгольских земель на западе, что вылилось в неэффективность их попыток самостоятельно осуществить необходимые преобразования. Эти территории и их государственные институты не смогли обеспечить себе международной правосубъектности, как Халха или Барга; не смогли модернизировать экономику, как Харачин; не смогли выстроить эффективную народно-партийную работу, как МНР, и т.д. В результате, оказавшись на периферии, они и в дальнейшем не играли в судьбе Внутренней Монголии существенной роли, а их государственные институты выстраивались под влиянием извне.

Учитывая различную степень влияния Российской империи / РСФСР / СССР и Японии на основные государственные институ-

ты Халхи, Барги и центральных аймаков Внутренней Монголии, развитие последних после 1911 г. пошло своими особыми путями. До 1915 г. определяющей идеологической установкой было возрождение могущественного Монгольского государства, в связи с чем большинство монгольских хошунов заявили о своем присоединении к Внешней Монголии и признании сюзеренитета Богдо-хана над ними. Однако данный шаг был обусловлен витающей в обществе постреволюционной эйфорией, без учета реалий внешнеполитической ситуации и условий обновленной системы международных отношений, международного права и имеющихся международных договоров. В глазах всего мира монголы не были самостоятельными фигурами ни мировой, ни даже региональной политики, а державам предстояло потрудиться, чтоб обеспечить их правосубъектность.

Советскому Союзу полностью завершить процесс международного признания МНР удалось лишь в 1960 г. Реконструкция государственной системы монгольских территорий, оказавшихся в зоне японского влияния, продемонстрировала, что Япония так и не смогла добиться в полной мере международной правосубъектности — ни в отношении Маньчжоу-Го, ни в отношении Монгол-Го. Однако и в том и в другом случае государственные институты объединенных между собой монгольских территорий в период 1932–1945 гг. можно считать состоявшимися, так как была определена организационно-территориальная форма в виде автономии (Хинган) и частично признаваемого государства (Монгол-Го), выработано законодательство, сформирован государственный аппарат, произведено районирование и т.д. Даже несмотря на централизацию, последовавшую в 1936 г., и в том и в другом случае как обособленные территории они сохраняли свой статус до поражения Японии в 1945 г.

Реконструируя политику японской стороны по преобразованию государственных систем монгольских территорий, оказавшихся в зоне японского влияния, важно учитывать два фактора: устремления, которые заставляли политические элиты принимать те или иные решения, и результаты этих решений и действий. Только объективный и рациональный анализ данных позволил нам избежать клишированных формулировок и стерео-

типных установок, которыми изобилует и старая, и современная научная, а также околonaучная литература. Внутренняя Монголия в разгар китайско-японского конфликта для японцев выступала в двух ипостасях — как плацдарм для продвижения и закрепления на континенте и как буфер, защищающий подконтрольные территории от разрушительного влияния коммунистической идеологии.

Именно для этого на подконтрольных маньчжурских и монгольских территориях создается ряд модельных государственных образований, опыт функционирования которых затем тиражировался на государства Южной и Юго-Восточной Азии при выстраивании Великой восточноазиатской сферы взаимного процветания: Маньчжоу-Го и монархическая государственность — для королевств Кампучия, Таиланд, Лаос, государства Бирма, Вьетнамской империи; Мэнцзян — для альтернативной Китайской Республики под управлением Ван Цзинвэя, Республики Филиппин, Свободной Индии, а также для Индонезии на первом этапе движения за независимость. Безусловно, не происходило слепого копирования государственных институтов, учитывались местные особенности, но принципы построения государственности были во многом идентичными.

Сам же Мэнцзян некоторое время претендовал на роль единственного современного монгольского государства — преемника империи Чингисхана. Поэтому, прежде чем обозначить динамику государственных и политических институтов в начале и в процессе развития автономистского движения, следует сделать оговорку, что безусловным оправдательным моментом для представителей монгольской политической элиты, поддавшихся искушению и перешедших на сторону японцев в истории со сложившимся и устоявшимся представлением о движении сначала за монгольскую автономию, а затем за независимость, является тот факт, что и Дэ Ван, и большинство в его окружении верили и были убеждены в необходимости добиваться той или иной формы самостоятельности. Подобная необходимость вызвана тем, что пребывание в составе Китая в период с конца XIX в. до начала 1930-х годов губительным образом сказывалось на монгольском населении, его традициях, языке и других факторах, харак-

теризующих нацию / народ, обеспечивающих его выживаемость. Вторым оправданием может служить то, что выбор между покровителями и точками опоры был не слишком велик, а внешне-политические условия не располагали к увеличению числа альтернатив. Советская сторона, понимая опасность подобных открытых маневров, от прямого участия в делах Внутренней Монголии воздерживалась. Другие державы также не проявляли участия, в результате выбор приходилось делать между плохим и худшим вариантами. В качестве важного положительного урока, который Внутренняя Монголия и ее народ сумели вынести из периода японского присутствия в регионе, можно считать способность удержать территорию как целостное политическое образование. Регион продемонстрировал и Гоминьдану, и КПК объективную потребность в сохранении единства монгольского народа, в его развитии на территории исконного проживания, а также наличие для этого прав и инструментов.

Переходя к обоснованию закономерности первой консолидации центральных аймаков Внутренней Монголии на базе государства Мэнцзян, нужно констатировать последовательность японской стороны в своих решениях и их претворении в жизнь. Именно центральные аймаки Внутренней Монголии прошли все этапы пути к повышению статуса на внутривосточной и международной арене: часть китайской провинции — автономия в составе Китайской Республики — полунезависимое политическое образование — независимое государство — национальная Монгольская федерация. В отличие от провинции Хинган в составе Маньчжоу-Го, в отношении которого японцы никогда не давали повода для дискуссий о самостоятельности, для Мэнцзяна разыгрывался сценарий поступательного развития государственности в сторону формальной независимости. Если в Хингане и территория, и населяющие ее народы были консолидированы в силу исторических и географических условий, то ситуация в центральных аймаках была иной, как и мотивация этнолидеров.

Чтобы избежать международных осложнений, японской стороной была предпринята серия маневров военно-тактического характера, в результате которых контроль над этими террито-

риями переходил не к Квантунской армии, которая формально не участвовала в боях, а лишь обеспечивала выполнение достигнутых ранее мирных договоренностей с Китаем в отношении демилитаризованной зоны, — основными действующими лицами были монгольские и маньчжурские военачальники, командовавшие своими добровольческими освободительными армиями во главе с этническим монголом Ли Шоусинем. Посыл оказался верен, и в итоге защиту Западного Чахара и провинции Суйюань осуществляли исключительно китайские войска.

Немаловажным фактором являлась умеренная (в военном курсе) японская позиция в отношении монгольских территорий, как в преддверии, так и в разгар Японско-китайской войны. Так, 16 апреля 1937 г. на конференции премьер-министра и министров (иностраннх дел, финансов, военного и морского) была согласована и утверждена Доктрина китайской политики и руководящих принципов для Северного Китая кабинета Хаяси, в рамках которой (пункт 4) значилось: «Политика по отношению к Внутренней Монголии. Главной целью нашей политики по отношению к Внутренней Монголии является завоевание доверия монголов к Японии. Хотя главная задача заключается в укреплении положения Японии по отношению к Советскому Союзу путем руководства монголами в установлении их собственного правительства на основании сотрудничества между Японией и Маньжоу-Го, пока следует сосредоточить усилия на укреплении политической мощи режима Внутренней Монголии, управляющего провинциями Шилин-Гол и Чахар. Эта политика должна проводиться тайно, и любые проблемы с китайцами должны быть улажены, насколько возможно, мирными способами. Прежде всего эта политика должна осуществляться в гармонии с общей политикой в отношении Советского Союза и Китая». Из данного текста следует рациональность подхода к ситуации в отношении исследуемого региона и отсутствие намерений оказывать вооруженное давление на монгольский режим. Развитие этого подхода нашло свое отражение в принятой 11 января 1938 г. на заседании Тайного совета в присутствии японского императора Фундаментальной политике в отношении китайского инцидента (Приложение К), пунктами 3 и 5 которого указы-

вались особые условия мирных переговоров между Японией и Китаем:

«3. В Северном Китае и Внутренней Монголии будут созданы демилитаризованные зоны. <...>

5. Внутренняя Монголия получит автономное антикоммунистическое правительство, наделенное международным статусом, эквивалентным статусу нынешнего правительства Внешней Монголии»<sup>1</sup>.

Таким образом, японская сторона твердо заняла позицию не только демилитаризации нового политического образования, но и придания ему признанного международным сообществом статуса. Пунктом 1 дополнительных условий Фундаментальной политики предусматривалось, что «...с целью обеспечения безопасности японские гарнизоны будут размещены на требуемое время в определенных частях Северного Китая, Внутренней Монголии и Центрального Китая»<sup>2</sup>. Это косвенно указывало на готовность японской стороны вывести свои войска из Внутренней Монголии при стабилизации ситуации.

Поскольку уровень доверия, равно как и объем контроля действий монгольской стороны, был намного выше, чем в отношении хинганских монголов (особенно после инцидента с Лин Шэном), то помимо собственно монгольских территорий Мэнцзян фактически контролировал и Южный Чахар с важнейшим стратегическим центром — Калганом, а также часть провинции Шаньси. На этих территориях были созданы автономии Чанань и Цзиньбэй, ставшие в 1939 г. субъектами Монгольской федерации. Созданный государственный механизм оказался для Японии настолько эффективным, что, несмотря на регулярные внутренние преобразования, связанные с созданием новых и ликвидацией прежних ведомств, внешняя структура оставалась неизменной вплоть до 1945 г., равно как и основной состав государственных деятелей.

При оценке действий политических сил и государственных деятелей Внутренней Монголии в целях создания ими обновленных государственных институтов в послевоенный период необходимо учитывать, что эффективность созданной японцами государственной системы в Мэнцзяне выражалась в бесперебойном снабжении японской военной машины нужными ресурсами; в Хингане она

была явлена в обеспечении контроля и сдерживании советского проникновения в регион. Данные системы, созданные в военный период и для конкретных целей, безусловно, не могли быть результативными в условиях мирного времени и без доминирующего участия страны-патрона. Именно поэтому после поражения Японии во Второй мировой войне и ликвидации созданных или обеспечиваемых командованием Квантунской армии Маньчжоу-Го и Мэнцзяна их государственные институты оказались неспособны выполнять свои функции, что повлекло за собой образование новых политий. Поскольку под японским контролем находились два национальных региона преимущественно с монгольским населением, то в послевоенный период наблюдается их конкуренция за лидерство и легитимность, при этом ни одна из политий свои права на преемственность подтвердить не смогла.

Отметим, что в послевоенный период при попытках создания обновленных государственных институтов неэффективность и недолговечность этих институтов и политических организаций обусловлена, во-первых, слабой социальной базой (в чем руководители этих политий воспроизводили поведение коллаборационистов), а во-вторых, отсутствием поддержки со стороны внешних акторов — держав-победителей, которые теперь по праву обустроивали послевоенный порядок в Восточной Азии. Идеи независимости в отрыве от реальной ситуации, недостаточное понимание политики союзников и условий их совместных действий сделали тщетными любые попытки монгольских послевоенных лидеров добиться признания их правосубъектности.

В отличие от них государственные и партийные институты, которые выстраивала Коммунистическая партия Китая, оказались более жизнеспособными. Поэтому, ведя речь о роли и значении Коммунистической партии Китая в отношении монгольского вопроса в послевоенный период, признаем, что только имеющийся опыт построения китайской советской государственности, прагматичный подход к конечной цели, своим противникам и союзникам, четкие идеологические ориентиры и харизматичные, узнаваемые руководители с внятной и востребованной народами Китая программой позволили коммунистам сначала ликвидировать разобщенность монгольских земель и переориентировать их лидеров на сотрудни-

чество, затем закрепиться в регионе, сделав его базой для дальнейшего продвижения в глубь Китая, и наконец, утвердившись в Пекине, провозгласить создание Китайской Народной Республики. Дальнейшие шаги КПК и руководства страны, направленные на обустройство послевоенного Китая, предпринимались с приоритетом национального вопроса во внутренней политике.

Учитывая упоминаемый выше опыт, новым руководством Китая было принято решение не только о сохранении автономного района Внутренняя Монголия, но и о присоединении к нему ближних пограничных районов с монгольским населением. Также автономному району были предоставлены достаточные права и полномочия, позволившие завершить данный этап государство-строительства и перейти на новый — в новом государстве, под новыми лозунгами и с новыми целями, которые сохраняются в наше время и доказывают верность выбранного пути.

Важной особенностью государственности Внутренней Монголии в исследуемый период явилось то, что вновь создаваемые государственные институты возникали на уже подготовленной почве, когда новое не отрицало старое, а умело использовало его, модифицируя и трансформируя под новые условия. И даже государственность Мэнцзяна не оказалась напрасной жертвой, поскольку показала стремление монгольского населения к консолидации. Поэтому каждое из государственных образований, создаваемых на территории современного Автономного района Внутренняя Монголия, вносило свой вклад в его развитие и объединение.

Эти земли всегда выступали как «сердцевина» монгольского мира, ведь именно здесь, по мнению части монгольских политических элит, располагалась могила Чингисхана, именно здесь существовало одно из последних крупных монгольских государств, именно южно-монгольские князья сумели первыми договориться с маньчжурами и получить для себя привилегии, позволившие в течение нескольких веков сохранить в неприкосновенности народ, обычаи, язык и культуру. А удобное географическое расположение превратило Внутреннюю Монголию во фронтирную зону, где не только переплетались интересы крупных держав, но и происходило столкновение цивилизаций: посредством торговых путей из Пекина в Ургу и далее — через Россию в Европу, от



восточных морей — к западным пустыням и т.д.; а также посредством многочисленных путешественников и миссионеров. Именно знание истории и уважение к ней, сохранение традиций и гибкость в политических решениях в итоге послужили благодатной почвой для воплощения идеи автономии и позволили монгольским народам в составе Китайской Народной Республики реализовать запрос на сохранение самобытности в условиях многонационального государства и сегодня видеть себя не только частью этого государства, но и всего монгольского мира, а также мирового сообщества, что в полной мере отражается в идее Нового шелкового пути. А идея «Один пояс и один путь» — это повод народам Внутренней Монголии еще раз оценить исторический потенциал региона и способность в новое время выстраивать сотрудничество с различными народами и государствами мира, включая не в последнюю очередь и Россию.

Проделанная исследовательская работа показала, каким образом, не играя определяющей роли в формировании регионального политического порядка, страна, населенная кочевниками, ревностно стремящимися сохранить свой образ жизни, устои и институты, постепенно становилась объектом ожесточенной конкуренции между крупнейшими державами региона на разных исторических этапах, превращаясь из объекта в неигнорируемый фактор. При этом организация политической жизни и государственной системы здесь всегда оставалась «за скобками», что являлось явным упущением, поскольку, несмотря на свое далеко не ведущее положение в системе взаимоотношений между странами Восточной Азии, Внутренняя Монголия эффективно выполняла роль своеобразного стабилизатора и индикатора гегемонистских устремлений ее контрагентов — кто контролировал эти земли или умел договариваться с их хозяевами, тот и контролировал регион. И именно для того, чтобы понять причины столь важной роли Внутренней Монголии и значимость событий, произошедших в переломные моменты истории Восточной Азии на рубеже XIX–XX вв., во многом предопределивших современный политический порядок в этой части Восточной Азии, оказалось необходимым вникнуть в суть монгольской государственности в рассматриваемый период, на что и была направлена наша работа.

## ПРИМЕЧАНИЯ

### *Введение*

<sup>1</sup> Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.

<sup>2</sup> Панов П.В. Политический порядок: Проблема концептуализации и институционализации: Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2011. С. 103.

<sup>3</sup> Дудин П.Н. Становление государственности Монголии: Первая половина XX в.: Дис. ... канд. полит. наук. Улан-Удэ, 2012. С. 58–59.

<sup>4</sup> *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. 1: Мир. Полутом 1. М., 1948. 408 с.

<sup>5</sup> *Lattimore O.* The Mongols of Manchuria. London, 1935. P. 15–16.

<sup>6</sup> *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. 1: Мир. Полутом 1. С. 130.

<sup>7</sup> Etats-Unis d’Amerique, Republique Argentine, Brasil, Chili, Colombie, etc.: Convention concernant les droits et devoirs des Etats, adoptee par la septieme Conference internationale americaine. Signee a Montevideo, le 26 decembre 1933 / Societe Des Nations. Recueil des Traites. Traites et Engagements internationaux enregistres par le Secretariat de la Societe Des Nations. 1936. Vol. CLXV. P. 3802.

<sup>8</sup> *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. 1: Мир. Полутом 1. С. 129.

<sup>9</sup> Дэмбэрэл К. Влияние международной среды на развитие Монголии: Сравнительный анализ в историческом контексте XX века. Иркутск, 2002. С. 78.

<sup>10</sup> Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке. Харбин, 1936. Вып. 1. 435 с.

<sup>11</sup> *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. 1: Мир. Полутом 1. С. 135–136.

<sup>12</sup> См.: *Ивановский В.* Учебник государственного права. Казань, 1913. С. 75.

<sup>13</sup> См.: *Палиенко Н.И.* Суверенитет. Ярославль, 1903. С. 117.

<sup>14</sup> См.: *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М., 1910. С. 217.

<sup>15</sup> *Вышинский А.Я.* Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 409–410.

<sup>16</sup> См.: *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 354.

<sup>17</sup> *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. 1: Мир. Полутом 1. С. 134.

<sup>18</sup> *Благов Ю.В.* Местное самоуправление в РФ в условиях муниципально-правовой реформы. Омск, 2017. С. 14.

<sup>19</sup> *Игнатенко Г.В.* Международное право и общественный прогресс. Екатеринбург, 2011. С. 14.

<sup>20</sup> Например, Л. Оппенгейм, ведя речь о признании как об условии членства в «семье народов», помимо признания государства, писал о признании старых и новых глав государства и правительств, признании восставшей стороны, признании новых территориальных и международных ситуаций, выделяя поспешное, подразумеваемое, условное признание и признание *de facto* и их последствия, его обратное действие и обязательство непризнания и т.д. См.: *Международное право*. Т. 1: Мир. Полутом 1. М., 1948. С. 135–157.

<sup>21</sup> *Знаменщиков Р.В.* Принципы федерализма в России и Германии: Сравнительное конституционно-правовое исследование. Тюмень, 2003. С. 23.

<sup>22</sup> *Луковкин Е.* Государственные образования: Сравнительно-правовой анализ // *Общие и комплексные проблемы естественных и точных наук*. 2014. № 4–1. С. 40.

<sup>23</sup> *Алиев Н.* Нагорно-Карабахский конфликт: Правовые аспекты урегулирования. Тбилиси, 2009. С. 24; *Маргиев В.И.* Понятие международной правосубъективности // *Вестн. Адыгейского гос. ун-та*. 2005. № 1. С. 134–137.

<sup>24</sup> *Lattimore O.* The Historical Setting of Inner Mongolian Nationalism // *Pacific Affairs*. 1936. Vol. 9, N 3. P. 404; *Lattimore O.* Nationalism and Revolution in Mongolia. Leiden; New York, 1955. P. 42; *Lattimore O.* Nomads and Commissars: Mongolia Revisited. New York, 1962. P. 154.

<sup>25</sup> *Lattimore O.* Nomads and Commissars. P. 156–157.

<sup>26</sup> *Lattimore O.* Nationalism and Revolution in Mongolia. P. 3.

<sup>27</sup> *Неру Дж.* Взгляд на всемирную историю. Т. 3. М., 1981. С. 266; *Каралева К.А.* Маньчжоу Го (1931–1945): «Марионеточное» государство в системе международных отношений на Дальнем Востоке // *Уральское востоковедение*. 2005. Вып. 1. С. 75–89; *Кейдун И.Б., Елисеева Я.А.* Общая характеристика системы высших государственных органов Маньчжоу-Го // *Вестн. Амурского гос. ун-та*. 2010. Вып. 48. С. 31–36.

<sup>28</sup> *Рубаник В.Е.* История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб., 2010. С. 471.

<sup>29</sup> *Jackson R.H., Rosberg C.G.* Why Africa's Weak States Persist: The Empirical and the Juridical in Statehood // *World Politics*. 1982. Vol. 35. N 1. P. 1–24.

<sup>30</sup> *Дудин П.Н.* Буферные зоны и их соотношение со схожими категориями территорий с особым режимом сквозь призму российского / советского и японского стратегического присутствия в регионе Восточной Азии // *Вестн. Моск. ун-та*. 2019. № 4. С. 44–62.

<sup>31</sup> *Дудин П.Н.* Буферные государства как инструмент обеспечения стратегического присутствия в регионе Восточной Азии: Советский и японский опыт // *Вестн. Моск. ун-та*. 2018. № 6. С. 50–65.

<sup>32</sup> *Дудин П.Н.* Автономное государство как политическая категория и инструмент стратегического присутствия // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2020. Т. 16. № 1. С. 40–57.

<sup>33</sup> См., напр.: *Кирчанов М.В.* Японская оккупация Индонезии: Множественность исторических памятей в зарубежной историографии // *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2016. № 30. С. 134–153.

<sup>34</sup> Яновский М.В. Проблема «приобретения» государственной территории в международном праве. Ташкент, 1956. С. 18–19.

<sup>35</sup> Паишуканис Е.Б. Очерки по международному праву. М., 1935. С. 201.

<sup>36</sup> Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1: Мир. Полутом 1. М., 1948. С. 119.

<sup>37</sup> Там же. С. 128–129.

<sup>38</sup> Хайд Ч.Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. Т. 5. М., 1953. С. 288.

<sup>39</sup> Фердросс А. Международное право. М., 1959. С. 451.

<sup>40</sup> Хайд Ч.Ч. Указ. соч. С. 289.

<sup>41</sup> Там же. С. 295.

<sup>42</sup> Там же. С. 292.

<sup>43</sup> См, напр.: Хайров Р.З. Генезис и периодизация правового института военной оккупации // Право и образование. 2008. № 2. С. 153–159; Зверев П.Г. Законы оккупации и миротворчество ООН // Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. «Достижения и перспективы правовой науки», 10 октября 2014 г. Уфа, 2014. С. 10–12.

<sup>44</sup> Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1: Мир. Полутом 1. М., 1948. С. 139.

<sup>45</sup> Там же. С. 140.

<sup>46</sup> Хайд Ч.Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. Т. 5. М., 1953. С. 69.

<sup>47</sup> Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1: Мир. Полутом 1. М., 1948. С. 140.

<sup>48</sup> Аржанов М.А. Шпионаж, диверсии, интервенция как система внешних отношений фашистской диктатуры (на примере Германии) // Советское государство. 1938. № 1. С. 185.

<sup>49</sup> Рапопорт М.Я. Фашистская интервенция в Испании и современное международное право // Советское государство. 1936. № 6. С. 80.

<sup>50</sup> Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1: Мир. Полутом 1. М., 1948. С. 277–293.

<sup>51</sup> Там же. Т. 2: Споры. Война. Полутом 1. М., 1949. С. 175.

## Глава 1

<sup>1</sup> Бойкова Е.В. Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX — начало XX века). М., 2014. 264 с.

<sup>2</sup> Иакинф. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов. В 2 т. СПб., 1828. Т. 2. Ч. 3–4. 241 с.; Иакинф. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840. 442 с.

<sup>3</sup> Покотилов Д.Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634. СПб., 1893. 242 с.

<sup>4</sup> Там же. С. III.

- <sup>5</sup> *Матусовский З.* Географическое обозрение Китайской империи. С картой на четырех листах и пятью приложениями в тексте. СПб., 1888. 358 с.
- <sup>6</sup> *Баранов А.М.* Северо-восточные сеймы Монголии. Харбин, 1908. 138 с.
- <sup>7</sup> *Баранов А.М.* Урянхайский вопрос. Харбин, 1913. 48 с.
- <sup>8</sup> *Баранов А.М.* Состояние транспорта в Монголии // Вестник Маньчжурии. 1926. № 11–12. С. 46–55; *Баранов А.М.* Халха. Аймакь Цеценъ-хана. Харбин, 1919. 52 с.
- <sup>9</sup> *Конишин.* Княжество Дурбет. Харбин, 1907. 27 с.
- <sup>10</sup> *Новицкий В.Ф.* Путешествие по Монголии в пределах Тушету-хановского и Цецен-хановского аймаков Халхи, Шилин-гольского чигулгана и земель чахаров Внутренней Монголии, совершенное в 1906 году. СПб., 1911. 400 с.
- <sup>11</sup> *Болобан А.П.* Земледелие и хлебопромышленность Северной Маньчжурии. Харбин, 1909. 368 с.
- <sup>12</sup> *Болобан А.П.* Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении: Отчет агента М-ва торговли и промышленности в Монголии А.П. Болобана за 1912–1913 гг. Пг., 1914. 207 с.
- <sup>13</sup> *Болобан А.* Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии и Монголии // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 85–127; *Болобан А.* Будущее Маньчжурии // Вестник Азии. 1911. № 9. С. 83–85.
- <sup>14</sup> *Фрозе Б.* Восточная Монголия и ее колонизация // Вестник Азии. 1911. № 10. С. 90–136.
- <sup>15</sup> *Яинов Е.Е.* Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии: Экономический очерк. Харбин, 1926. VIII, 525 с.; *Яинов Е.Е.* Особенности истории и хозяйства Китая. Харбин, 1933. 120 с.; *Яинов Е.Е.* Очерки китайского крестьянского хозяйства. Харбин, 1935. XVI. 231 с.
- <sup>16</sup> *Яинов Е.Е.* Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы. Харбин, 1928. 292 с.
- <sup>17</sup> *Торгашев Б.П.* Горная продукция и ресурсы Дальнего Востока: Китай. Маньчжурия. Русский Дальний Восток. Япония. Корея. Формоза. Индо-Китай. Филиппины. Харбин, 1927. 444 с.; *Торгашев Б.П.* Угольные богатства Северной Маньчжурии (экономическая оценка). Харбин, 1928. 124 с.
- <sup>18</sup> *Сурин В.И.* Лесное дело в Маньчжурии. Харбин, 1930. 297 с.; *Сурин В.И.* Железные дороги в Маньчжурии и Китае: Материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии. Харбин, 1932. LVIII, 393 с.
- <sup>19</sup> *Давидов Д.А.* Колонизация Маньчжурии и С.-В. Монголии (области Тао-Нань-Фу): С приложением сводной карты Чжеримского сейма, снятой с китайской оригинальной карты колонизационных районов Хэй-Лун-Цзянской провинции и карты округа Ми-Шань-Фу. Владивосток, 1911. VIII, 187 с.
- <sup>20</sup> *Свечников А.* Русские в Монголии // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 158–173; *Свечников А.* Русская торговля в Северо-Западной Монголии по личным наблюдениям с 1905 по 1907 г. // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 61–93.
- <sup>21</sup> *Штейнфельд Н.* Русская торговля в Монголии в характеристике местного купечества // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 112–129; *Штейнфельд Н.* Русское дело в Маньчжурии: С XVII века до наших дней. Харбин, 1910. 208 с.;

*Штейнфельд Н.* Местное купечество о последствиях закрытия 50-верстной полосы // *Вестник Азии.* 1913. № 13. С. 1–20; *Штейнфельд Н.* Русские торговые интересы в Китае. Харбин, 1913. 94 с.

<sup>22</sup> *Штейнфельд Н.* Важная недомолвка в Ургинском договоре // *Вестник Азии.* 1913. № 15. С. 23–27.

<sup>23</sup> *Кооль-Эстивенд Й.* О движении населения в Монголии // *Вестник Азии.* 1915. № 35–36. С. 3–13.

<sup>24</sup> *Ландезен фон А.* Новейшие данные для культурно-экономического описания городов Маньчжурии и Монголии // *Вестник Азии.* 1909. № 2. С. 152–164.

<sup>25</sup> *Сетницкий Н.А.* Очерки финансов Маньчжурии. Вып. 1. Харбин, 1934. 68 с.

<sup>26</sup> *Гурьев Б.* К вопросу о сохранении Россией права беспошлинной внутренней сухопутной торговли с Монголией // *Вестник Азии.* 1910. № 5. С. 1–4; *Гурьев Б.* К пересмотру Русско-китайского договора, заключенного в С.-Петербурге 12/24 февраля 1881 г. // *Вестник Азии.* 1910. № 6. С. 85–93.

<sup>27</sup> *Гурьев Б.* Территориальная неприкосновенность Монголии по уложению Лифан-юаня // *Вестник Азии.* № 6. С. 6–13.

<sup>28</sup> *Гурьев Б.* Экономическое положение Монголии // *Вестник Азии.* 1911. № 8. С. 74–89.

<sup>29</sup> *Гурьев Б.* Политические отношения России к Монголии. СПб., 1911. 21 с.

<sup>30</sup> *Гурьев Б.* Монголия и Китай и их политические взаимоотношения // *Вестник Азии.* 1912. № 11–12. С. 21–40.

<sup>31</sup> *Меньшиков П.* Краткий исторический очерк Маньчжурии // *Вестник Азии.* 1917. № 42. С. 24–44.

<sup>32</sup> *Меньшиков П.* К русско-китайскому договору // *Вестник Азии.* 1911. № 8. С. 1–44.

<sup>33</sup> Там же. С. 106–117.

<sup>34</sup> *Баранов И.Г.* Китайская пресса о русско-монгольском соглашении // *Вестник Азии.* 1913. № 13. С. 77–87.

<sup>35</sup> *Баранов И.Г.* Административное устройство Северной Маньчжурии // *Вестник Маньчжурии.* 1926. № 11–12. С. 5–26.

<sup>36</sup> *Воллосович М.* Россия и Монголия // *Вестник Азии.* 1914. № 31–32. С. 42–50.

<sup>37</sup> Там же. С. 43.

<sup>38</sup> *Воллосович М.* Письма из Монголии: У соседей // *Вестник Азии.* 1915. № 34. С. 209–223.

<sup>39</sup> *Воллосович М.* Письма из Монголии: По улицам Урги // *Вестник Азии.* 1915. № 35–36. С. 62–69.

<sup>40</sup> *Воллосович М.* Письма из Монголии: Преобразование Монголии // *Вестник Азии.* 1916. № 37. С. 44–50.

<sup>41</sup> *Воллосович М.* Письма из Монголии: Исследование Монголии // *Вестник Азии.* 1916. № 38–39. С. 34–50.

<sup>42</sup> Нольде Б.Э. Международное положение Монголии // Право. 1915. № 34 (23 августа). Стб. 2155; № 35 (30 августа). Стб. 2230; Нольде Б.Э. Далекое и близкое: Исторические очерки. Париж, 1930. 284 с.

<sup>43</sup> Овчинников В.А. Из юридической литературы о международном положении Монголии // Изв. Юр. факультета в г. Харбине. 1926. Т. 3. С. 35–43.

<sup>44</sup> Неизв. К вопросу об автономии Монголии. На рынках Монголии // Вестник Азии. 1915. № 35–36. С. 112–114; С. Л. Письмо из Монголии. Развал большого дела // Вестник Азии. 1916. № 40. С. 23–26.

<sup>45</sup> Рязановский В.А. Обычное право монгольских племен. Чита, 1921. 120 с.; Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное): Исторический очерк. Харбин: Тип. Н.Е. Чинарева, 1931. 306 с.

<sup>46</sup> Энгельфельд В.В. Очерки государственного права Китая // Изв. Юр. факультета в г. Харбине. 1925. Т. 2. 254 с.

<sup>47</sup> Энгельфельд В.В. Политическая организация современной Монголии // Изв. Юр. факультета в г. Харбине. Т. 3. 1926. С. 169–190.

<sup>48</sup> Полумордвинов М. Эволюция местного административного управления в Китае (по декретам Президента Республики) // Вестник Азии. 1915. № 33. С. 3–43.

<sup>49</sup> Полумордвинов М. Историческая справка // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 1–20.

<sup>50</sup> Полумордвинов М. Монастыри Чжеримского сейма Сев.-Восточ. Монголии // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 109–179.

<sup>51</sup> Восстановление Чжеримского княжества // Вестник Азии. 1915. № 35–36. С. 114–115.

<sup>52</sup> Теслер Э.Л. Уцзумучин // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 95–101.

<sup>53</sup> Кормазов В.А. Рыбные промыслы в Барге за 1923–1926 гг. / О-во изуч. Маньчжурского края. Секция торгово-промышленная. Харбин, 1926. № 6. 10 с. (Сер. Д); Кормазов В.А. Кочевая Барга // Вестник Маньчжурии. 1928. № 8. С. 50–59.

<sup>54</sup> Кормазов В.А. Барга: Экономический очерк. Харбин, 1928. 281 с.

<sup>55</sup> Кормазов В.А. Хинганская провинция // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 31–73.

<sup>56</sup> Петелин И. Поселковое управление в полосе Южно-Маньчжурской железной дороги // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 44–56; Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги: 1896–1923 гг. Т. 1. Харбин, 1923. 690 с.; Сурин В.И. Железные дороги в Маньчжурии и Китае: Материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии. Харбин, 1932. 393 с.

<sup>57</sup> Гребенчиков А.В. По Амуру и Сунгари. Путевые заметки // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 189–212; Гребенчиков А.В. Бутху и Мэргень по р. Нонни // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 174–193; № 4. С. 146–162; По поводу экспедиции Андрюса в Монголию // Изв. О-ва изучения Маньчжурского края. 1922. № 1 (ноябрь). С. 28–31; Ламанский В.В. Американские исследования в Монголии // Вестник Маньчжурии. 1925. № 1–2. С. 65–69; Байков Н.А., Козлов И.В. Экскурсия в долину реки Муданьцзян // Вестник Маньчжурии. 1926. № 11–12. С. 1–17;

*Гапанович И.И.* Экспедиция Р. Эндрюса в Монголии // Вестник Маньчжурии. 1926. № 7. С. 24–25; *Скворцов Б.В.* Растительность Малого Хингана в пределах Северной Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. 1931. № 7. С. 43–47.

<sup>58</sup> *М. Н. К.* Еще о Сунгаре // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 4–12; Очерк заселения китайского Приамурья // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 34–58; Хроника Дальнего Востока за сентябрь – декабрь. Монголия // Вестник Азии. 1913. № 19–22. С. 63–74; Хроника. Монголия. Путевые впечатления от Монголии // Вестник Азии. 1914. № 23–24. С. 112; К вопросу об автономии Монголии: На рынках Монголии // Вестник Азии. 1915. № 35–36. С. 115–119.

<sup>59</sup> *Дудин П.Н.* Автономное государство как политическая категория и инструмент стратегического присутствия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16. № 1. С. 40–57.

<sup>60</sup> *Павлович М.* Вашингтонская конференция // От Вашингтона до Генуи. М.: Высший военный редакционный совет, 1922. С. 21.

<sup>61</sup> Там же. С. 19.

<sup>62</sup> *Зеликман М.* От Вашингтона к Генуе // От Вашингтона до Генуи. М.: Высший военный редакционный совет, 1922. С. 68.

<sup>63</sup> *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. 219 с.

<sup>64</sup> *Эйдус Х.Т. (Хаяма У.)* Япония. М., 1939. 206 с.

<sup>65</sup> Там же. С. 66.

<sup>66</sup> *Трайнин И.П.* Антиимпериалистические аванпосты на Дальнем Востоке // Советское государство. 1932. № 4 (апрель). С. 135–156.

<sup>67</sup> *Трайнин И.П.* СССР — союз народов, строящих социализм // Советское государство. 1935. № 1–2. С. 34–50.

<sup>68</sup> Там же. С. 37.

<sup>69</sup> *Рапопорт М.Я.* Интервенция чужими руками и троцкистско-бухаринские наймиты фашизма // Советское государство и право. 1939. № 1. С. 106–121.

<sup>70</sup> *Рерих Н.* Врата в будущее. Рига, 1936. 325 с.; *Рерих Н.* Листы дневника. Т. 1. М., 1995; *Рерих Н.* Дневник маньчжурской экспедиции // Ариаварта. 1999. № 3. С. 56–119.

<sup>71</sup> *Воеводин Л.Д.* О разрешении национального вопроса в государственном строительстве Китайской Народной Республики // Советское государство и право. 1953. № 6. С. 114.

<sup>72</sup> *Багинян К.А., Лазарев М.И.* Международный договор исторического значения // Советское государство и право. 1950. № 4 (апрель). С. 68–78.

<sup>73</sup> Там же. С. 74.

<sup>74</sup> *Судариков Н.Г.* Создание и укрепление местных органов власти Китайской Народной Республики // Советское государство и право. 1951. № 11 (ноябрь). С. 53–63.

<sup>75</sup> *Артуров О.А.* Основы государственного права народного Китая (К утверждению Конституции Китайской Народной Республики) // Тр. ТГУ им. В.В. Куйбышева. Т. 137: V науч. конф. ТГУ им. В.В. Куйбышева, посвящ. 350-летию г. Томска. Томск, 1957. С. 30–31.



<sup>76</sup> Генкин Д.М., Богуславский М.М., Лантев В.В. и др. Гражданское право стран народной демократии. М., 1958. С. 100.

<sup>77</sup> Дылыков С.Д. Демократическое движение монгольского народа в Китае: Очерк истории. М., 1953. 135 с.

<sup>78</sup> Дылыков С.Д. История образования автономного района Внутренняя Монголия в Китае (1947–1957 гг.). М., 2022. 495 с.

<sup>79</sup> Дипломатический словарь. Т. 1: А — К. М., 1948. XXXII с., 856 стб. Стб. 419–420.

<sup>80</sup> Там же. Т. 1. Стб. 260–262.

<sup>81</sup> Там же. Т. 1. Стб. 541–543.

<sup>82</sup> Там же. Т. 1. Стб. 331–332.

<sup>83</sup> Там же. Т. 1. Стб. 539–541.

<sup>84</sup> Там же. Т. 1. Стб. 616.

<sup>85</sup> Там же. Т. 2: Л — Я. Стб. 378–379, 538–545.

<sup>86</sup> Там же. Т. 2. Стб. 558–565, 797.

<sup>87</sup> Там же. Т. 2. Стб. 673, 683, 708, 711–715, 782–783, 887–889, 944.

<sup>88</sup> Зубок Л.И. Китай в 1924–1939 годах // Новейшая история (1918–1939 гг.): Курс лекций. М., 1948. С. 637.

<sup>89</sup> Зубок Л.И. Япония в 1924–1939 годах // Новейшая история (1918–1939 гг.): Курс лекций. М., 1948 с. 650–652.

<sup>90</sup> Зубок Л.И. Китай в 1924–1939 годах // Новейшая история (1918–1939 гг.): Курс лекций. М., 1948. С. 224.

<sup>91</sup> Гальперин А.Л. Англо-японский союз: 1902–1921 годы. М., 1947. 448 с.

<sup>92</sup> Хайд Ч.Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. М., 1954. Т. 6. 503 с.

<sup>93</sup> Вэй Цзы-чу. Капиталовложения империалистов в Китае (1902–1945). М., 1956. 53 с.

<sup>94</sup> Опасный курс: По поводу событий в Китае. М., 1969. Вып. 1. 288 с.

<sup>95</sup> Там же. С. 105–106.

<sup>96</sup> Там же. С. 194.

<sup>97</sup> Там же. С. 195.

<sup>98</sup> Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор: Из истории отношений Японии с Россией и СССР: 1905–1945 гг. М., 1961. С. 87, 103, 129, 216, 254.

<sup>99</sup> Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 198–199.

<sup>100</sup> Захарова Н.В. Влияние социальной революции на силу международного договора. М., 1966. С. 37.

<sup>101</sup> Титов А.С. Борьба за единый национальный фронт в Китае в 1935–1937 гг. М., 1981. 214 с.

<sup>102</sup> Новейшая история Китая: 1928–1949. М., 1984. 439 с.

<sup>103</sup> Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. 263 с.

<sup>104</sup> Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974. 196 с.

<sup>105</sup> *Горохова Г.С.* Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX в.). М., 1980. 132 с.

<sup>106</sup> *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М., 1986. С. 4–5.

<sup>107</sup> *Захарова Г.Ф.* Политика Японии в Маньчжурии: 1932–1945. М.: Наука, 1990. 260 с.

<sup>108</sup> *Авдонин А.Н.* В жерновах революции: Документальный очерк о комиссаре В.В. Яковлеве. Екатеринбург, 1995. С. 74.

<sup>109</sup> *Молодин В.И., Лазаревич О.В.* Археологическое исследование культуры кочевников Азии Центрально-Азиатской экспедицией под руководством Н.К. Рериха в 1924–1928 гг. // Сб. науч. тр. по итогам конф. «Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова». Омск, 1997. С. 111–116.

<sup>110</sup> *Базаров Б.В.* Монгольские народы: Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XXI вв. // Вестн. БНЦ СО РАН. 2014. № 4(16). С. 40–53; Монгольские народы: Исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии. Иркутск, 2016. 624 с.; *Базаров Б.В., Базаров В.Б., Бадараев Д.Д. и др.* Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX–XXI вв. Улан-Удэ, 2017. 203 с.; *Базаров Б.В., Бадараев Д.Д., Курас Л.В. и др.* Монголия во Второй мировой войне (1939–1945 гг.). Иркутск, 2017. 223 с.; *Базаров Б.В.* Присоединение Северной Монголии к России // Российская история. 2017. № 1. С. 49–55.

<sup>111</sup> *Базаров Б.В., Хишигжаргал Г.* Особенности военно-административной системы Внешней Монголии в цинский период // Власть. 2016. Т. 24. № 10. С. 120–126; *Базаров Б.В., Хишигжаргал Г.* Правовые основы системы управления Внешней Монголией в период маньчжурского господства (XVII – начало XX в.) // Власть. 2016. № 11. С. 164–169.

<sup>112</sup> *Грайворонский В.В.* О торгово-экономических отношениях между Россией и Монголией в первой четверти XX века // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: Экономика, дипломатия, культура. Улан-Батор; Иркутск, 2013. С. 48–54; *Грайворонский В.В.* Кяхтинское соглашение 1915 года и современные отношения между Россией, Монголией и Китаем // Россия и Монголия в первой половине XX века: Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений. Иркутск, 2015. С. 94–98.

<sup>113</sup> *Дугаров В.Д., Курас Л.В.* Российское монголоведение в XVII–XXI веках // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2015. С. 576–584; *Дугаров В.Д.* Генезис государственности народов монгольской этносферы в период революционных потрясений 1911–1924 гг. в современной отечественной историографии // Республике Бурятия — 95 лет: Сб. ст. Улан-Удэ, 2018. С. 33–34; *Дугаров В.Д.* Монгольские народы в транснациональных процессах Северо-Восточной Азии XIII–XXI вв. в региональной историографии // Монголоведение в современном мире: Опыт исследований, перспективы развития. Улан-Удэ, 2019. С. 293–299.

<sup>114</sup> *Железняков А.С.* Монгольский узел: Недостающее звено цивилизационной теории // Власть. 2009. № 5. С. 33–36; *Железняков А.С.* Монголь-

ская цивилизация на весах истории // Вестн. КИГИ РАН. 2017. № 6(34). С. 37–42; Железняков А.С. Монголия в цивилизационных схемах мировой истории // Историческая психология и социология истории. 2018. Т. 11. № 1. С. 39–62.

<sup>115</sup> Лузянин С.Г. Коминтерн, Монголия и Китайская революция 1925–1927 гг. // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. 1996. № 1. С. 65–75; Лузянин С.Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003. 320 с.; Грайворонский В., Лузянин С. Война на Халхин-Голе: Место в мировой истории // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1. С. 156–164; Лузянин С.Г. Восстановление правды. СССР и Китай в 1931–1945 гг. // Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне: Тез. докл. российско-китайской науч. конф. М., 2015. С. 12–16; Лузянин С.Г. Китай в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // История Великой Победы. М., 2020. С. 669–711.

<sup>116</sup> Лузянин С.Г. 65-летие окончания Второй мировой войны. Международное значение советско-китайского сотрудничества в годы антияпонской войны // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне: Сб. матер. науч. конф. 2012. С. 8–17; Барабанов О.Н., Лузянин С.Г., Стрельцов Д.В. Юбилей Халхин-Гола и политика исторической памяти в отношениях России с Монголией и Японией // Доклад Междунар. дискуссион. клуба «Валдай». М., 2019. 33 с.

<sup>117</sup> Кузьмин Ю.В., Суходолов А.П., Рачков М.П. Военное монголоведение на рубеже XIX–XX веков // Изв. Байкальского гос. ун-та. 2016. Т. 26. № 3. С. 367–373; Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В., Рачков М.П., Суходолов Я.А. Внешняя политика Российской империи на рубеже веков и Восточный проект П.А. Бадмаева в 1893–1917 гг. // Приграничный регион в историческом развитии: Партнерство и сотрудничество. Чита, 2017. Ч. 1. С. 45–54; Василенко В.А., Кузьмин Ю.В., Куфтарева В.В. Монголия и русско-монгольские отношения, характер правительственной политики Российской империи в оценках российских социал-демократов в начале XX в. // Сибирь в годы Великой Российской революции. Улан-Удэ, 2017. С. 9–14.

<sup>118</sup> Дацышен В.Г., Модоров Н.С. Из истории становления маньчжурского государства Цин и его взаимоотношений с соседями в XVII — начале XVIII в. // Мир Евразии. 2009. № 1(4). С. 28–34.

<sup>119</sup> Дацышен В.Г., Модоров Н.С. Расширение Маньчжурского государства в первой трети XVII в. Маньчжуро-корейская война 1636–1637 гг. // Мир Евразии. 2013. № 2(21). С. 26–36.

<sup>120</sup> Дацышен В.Г. «Миссия Комацубары» из истории советско-японско-китайских отношений в начале 1930-х годов // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 3. С. 126–133; Дацышен В.Г. Советско-японские отношения во время конфликта на КВЖД 1929 г. // Японские исследования. 2016. № 1. С. 6–19.

<sup>121</sup> Дацышен В.Г. Монголия в составе Цинской империи в начале XX века и Синьхайская революция // Россия и Монголия в начале XX века: Дипломатия, экономика, наука. Иркутск, 2014. С. 25–47.

<sup>122</sup> *Дацышен В.Г.* СССР и Маньчжоу-Го: Проблемы советского признания квазигосударства // *Eurasia: Statum et Legem.* 2018. № 10. С. 38–52.

<sup>123</sup> *Дацышен В.Г.* Монголо-маньчжурское противостояние на границе накануне войны на Халхин-Голе // *Народы России, Сибири и стран Востока: История и современность: Матер. междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию войны на Халхин-Голе (1939–2019 гг.).* Иркутск, 2019. С. 8–17.

<sup>124</sup> *Дацышен В.Г.* Монголия во время военного конфликта между Россией и Цинской империей 1900 г. // *Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX в.* Иркутск, 2013. С. 45–54.

<sup>125</sup> *Дацышен В.Г.* Конфликт на КВЖД 1929 года. Материалы сибирских региональных архивов о ситуации в воинских частях и взаимодействии с местным населением // *Военно-исторический журнал.* 2009. № 12. С. 22–28.

<sup>126</sup> *Курас Л.В.* Внутренняя Монголия в составе империи Цин: Власть и общество (XVII – начало XX в.) // *Власть.* 2016. Т. 24. № 2. С. 173–179.

<sup>127</sup> *Курас Л.В.* Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: Подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе) // *Власть.* 2014. № 9. С. 143–147.

<sup>128</sup> *Курас Л.В.* «Три жизни» атамана Г.М. Семенова: Любовь и предательство (к вопросу о фронтире) // *Изв. Иркут. гос. ун-та.* 2014. Т. 7. С. 94–113.

<sup>129</sup> *Курас Л.В.* Геополитические амбиции атамана Семенова: Попытка создания федеративного «Велико-монгольского государства» // *Гуманитарный вектор.* 2011. № 4(28). С. 255–262.

<sup>130</sup> *Курас Л.В.* Монгольский мир в условиях революционного процесса в первой четверти XX в. // *Власть.* 2015. № 8. С. 190–195.

<sup>131</sup> *Балдано М.Н.* Панмонголизм: Идея государственного объединения монгольской историко-культурной общности как инструмент нацистроительства // *Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х гг. М.: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2005. С. 228–243; Балдано М.Н.* Идея создания единого монгольского государства как проект нацистроительства // *Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005. С. 276–287; Балдано М.Н.* Трансграничные аспекты панмонголизма // *Вестн. БГУ.* 2008. № 7. С. 47–53; *Балдано М.Н., Варнавский П.К.* «Великая Монголия»: Концепция политического единства и попытка ее реализации (1900–1920 гг.) // *Вестн. ТГУ.* 2017. № 419. С. 99–108.

<sup>132</sup> *Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М., Балдано М.Н.* Монголы Южной Монголии и Северного Китая в позднеминский и раннецинский периоды // *Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН.* 2015. № 3(19). С. 28–35.

<sup>133</sup> *Балдано М.Н.* Трансформация политико-административного устройства территории Внутренней Монголии после Синьхайской революции // *Изв. Иркут. гос. ун-та.* 2015. Т. 13. С. 92–100.

<sup>134</sup> *Кузьмин С.Л.* Баргинское восстание 1928 г. // *Вестн. Ин-та востоковедения РАН.* 2020. Ч. 1: Причины и начало восстания № 1(11). С. 100–114; Ч. 2: Переговоры, прекращение восстания и его последствия. № 2(12). С. 246–262.

<sup>135</sup> Кузьмин С.Л. Положение повстанцев Внутренней Монголии после смерти их лидера Бавужав в 1916 г. // *Oriental Studies*. 2018. № 6(40). С. 2–14; Кузьмин С.Л. Бавужав против Паппенгейма: Уничтожение немецкой диверсионной группы монгольскими повстанцами в 1915 году // *Вост. архив*. 2020. № 1(41). С. 38–52.

<sup>136</sup> Кузьмин С.Л. О деятельности Панчен-Ламы IX во Внутренней Монголии и Маньчжурии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2014. № 6. С. 132–142.

<sup>137</sup> Синицын Ф.Л. Международная деятельность тибетского иерарха Панчен-Ламы IX и ее воздействие на положение МНР и Внутренней Монголии (1926–1937) // *Mongolica*. 2013. Т. 10. С. 90–96.

<sup>138</sup> Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Империя Цин как Китай: Анатомия исторического мифа // *Восток. Афро-азиатские общества: История и современность*. 2014. № 1. С. 5–17; Кузьмин С.Л. Вассалитет на Западе и на Востоке: Проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом // *Восток. Афро-азиатские общества: История и современность*. 2019. № 1. С. 39–54.

<sup>139</sup> Мажинский С.В. Китайская политика во Внутренней Монголии в XIII–XIX вв.: Историко-политический экскурс // *Вестн. ТГУ*. 2012. № 358. С. 32–33; Мажинский С.В. Особенности проведения аграрных преобразований Коммунистической партией Китая во Внутренней Монголии в период с 1947 по 1949 г. // *Вестник ТГУ*. 2013. № 6(26). С. 100–102; Мажинский С.В. Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911–1976 гг.). 2014. 214 с.; Мажинский С.В. Влияние ханьской миграции на национальную идентичность монголов автономного района Внутренняя Монголия в середине XX в. // *Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности*. Томск, 2014. С. 240–242.

<sup>140</sup> Синаева Е.В. Хух-Хото в Синьхайской революции // *Мир Евразии*. 2010. № 4(11). С. 43–48.

<sup>141</sup> Сундуева Е.В., Тогтох О. Названия военных чинов с компонентом ЕјЕН в «Правдивых записях о монголах в империи» // *Вестн. БГУ*. 2018. № 2–3. С. 11–16; Сундуева Е.В. Титулы князей первой степени в «Правдивых записях о монголах Цинской империи» // *Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН*. 2019. № 2(34). С. 94–100.

<sup>142</sup> Сундуева Е.В. Словообразовательный аспект терминологии административно-территориального деления в монгольских языках // *Вопросы филологии*. 2012. № 3(42). С. 35–42.

<sup>143</sup> Цыбенков Б.Д. Даурские роды в XVII в. // *Вестн. БГУ*. 2011. № 8. С. 238–246; Цыбенков Б.Д. О родовом составе баргутов Хулун-Буира // *Баргуты: История и современность: Сб. науч. ст.: Матер. междунар. науч. конф.* Улан-Удэ, 2016. С. 40–46; Цыбенков Б.Д. Олеты Хулун-Буира: Миграции и родовой состав // *Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: История и современность*. Улан-Удэ, 2017. С. 143–156.

<sup>144</sup> Цыбенков Б.Д. Миграции даурского населения в XVII–XVIII веках // *Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: История и современность*. Улан-Удэ, 2012. С. 191–201.

<sup>145</sup> *Цыбенков Б.Д.* Повинности дауров в период правления Цинской династии // *Власть*. 2016. Т. 24. № 12. С. 206–210; *Цыбенков Б.Д.* Дауры в маньчжурской системе восьми знамен // *Мир Центральной Азии* — 4: Сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2017. С. 108–110.

<sup>146</sup> *Цыбенков Б.Д.* К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917) // *Иркутск*, 2017. С. 201–210.

<sup>147</sup> *Цыбенков Б.Д.* Вопросы истории даурского народа первой четверти XX в. // *Сибирь в годы Великой Российской революции: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции)*. Улан-Удэ, 2017. С. 118–126.

<sup>148</sup> *Цыбенков Б.Д., Юй Шан.* История создания даурского автономного хошуна Морин-Дава (1945–1958 г.) // *Изв. Иркут. гос. ун-та*. 2017. Т. 22. С. 113.

<sup>149</sup> *Цыбенков Б.Д.* Участие в Бурятском съезде 1918 г. даурского деятеля Мэрэс // *Тармахановские чтения: Российская революция 1917 г.: Матер. Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию Российской революции 1917 года и 95-летию профессора, исследователя индустриальных процессов послеоктябрьской Сибири Е.Е. Тармаханова*. Улан-Удэ, 2017. С. 32–36; *Цыбенков Б.Д.* Национально-освободительное движение в Хулун-Буире в первой трети XX в. и визит в регион Панчен-Ламы IX в 1931 г. // *Изв. Иркут. гос. ун-та*. 2017. Т. 21. С. 128–135; *Цыбенков Б.Д., Содномцэрэн Р.* Политик и ученый в эпоху перемен: Страницы из биографии Мэрэс // *Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН*. 2018. № 4(32). С. 52–59.

<sup>150</sup> *Курас Л.В., Цыбенков Б.Д.* Антияпонская освободительная борьба дауров и баргутов в годы Второй мировой войны // *Иркут. историко-экономический ежегодник*. 2016. С. 411–419.

<sup>151</sup> *Курас Л.В., Цыбенков Б.Д.* Новые данные о разведывательной деятельности Японии и СССР в Монголии и Хулунбуире в годы Второй мировой войны // *Власть*. 2016. Т. 24. № 11. С. 158–163.

<sup>152</sup> *Цыбенков Б.Д., Курас Л.В.* Судьбы даурских офицеров — участников антияпонских мятежей в армии Маньчжоу-Го в августе 1945 г. // *Иркут. историко-экономический ежегодник*. Иркутск, 2019. С. 380–388.

<sup>153</sup> *Бороноева Д.Ц.* Буряты Внутренней Монголии: К проблеме взаимосвязи внутрикультурных парадигм // *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Матер. междунар. науч. конф.* Улан-Удэ, 2000. С. 297–301; *Бороноева Д.Ц.* Динамика пространственно-временной локализации бурят Внутренней Монголии КНР (Историко-культурологический анализ). Улан-Удэ, 2000. 174 с.

<sup>154</sup> *Бороноева Д.Ц.* Роль М.Н. Богданова в организации бурятской эмиграции во Внутреннюю Монголию // *Вестн. БГУ*. 2008. № 7. С. 31–35.

<sup>155</sup> *Бороноева Д.Ц.* Миграция и сакрализация нового жизненного пространства в традиционной культуре: Опыт бурят Внутренней Монголии КНР // *Вестн. БГУ*. 2011. № 6. С. 258–262.

<sup>156</sup> *Мягашева С.Б.* Военно-административная организация баргутов в период династии Цин // *Вестн. БГУ*. 2012. № 8. С. 208–214.

<sup>157</sup> *Миягашева С.Б.* К истории буддийских монастырей баргутов Хулун-Буира // *Культура Центральной Азии: Письменные источники.* 2017. № 10. С. 62–81; *Цыбенев Б.Д., Юй Шан.* Буддизм и национализм во Внутренней Монголии в первой четверти XX в. // *Изв. Иркут. гос. ун-та.* 2018. Т. 26. С. 109–118.

<sup>158</sup> *Номтаева Е.В.* Харачинский вопрос в Барге (1917 г.) // *Восточный архив.* 2010. № 1(21). С. 43–48; *Козыренко Н.Е., Ордынская Ю.В.* Этапы и методы колонизации округа Хулунбуир XVII–XIX вв. // *Проблемы современной науки и образования.* 2017. № 4(86). С. 109–112.

<sup>159</sup> [Образование: Обзор образования во всех провинциях // *Восток.* 1912. № 4; 1914. С. 75–85]; *Лю Чунь.* [В каком направлении должна двигаться китайская литература на текущем этапе // *Ванчунь.* 1936. № 1. С. 23–33]; *Лю Чунь.* [Мечта дочери // *Университетская литература и искусство.* 1936. Т. 1. № 2. С. 38–46]; *Лю Чунь.* [Переход моста через реку Чэнцзян и есть начало моста // *Университетская литература и искусство.* 1936. Т. 1. № 1. С. 56–69]; *Лю Чунь.* [Ночь в древнем городе // *Объединенная литература.* 1937. № 2. С. 87–95].

<sup>160</sup> [Атлас истории Китая / Тань Цисян и др. Пекин, 1974. 456 с.]

<sup>161</sup> *Гао Вэньдэ, Цай Чжичунь.* [Родословные монгольских князей. Чаньчунь, 1979.]

<sup>162</sup> *Цзоу Нянчжи.* [Подборка деловых бумаг японской дипломатии о Синьхайской революции. Чанчунь, 1982. 199 с.]

<sup>163</sup> *Цзян Нянбун.* [Официальная история Маньчжоу-Го. Чанчунь, 1980.]

<sup>164</sup> [Материалы о современной истории. Хух-Хото, 1978. № 36–41. 144 с.]; [Исторические и литературные материалы по Внутренней Монголии. Хух-Хото, 1979 г.]; *Фо Дин.* [Краткий обзор возникновения и развития революции во Внутренней Монголии // *Воспоминания о революции.* Хух-Хото, 1983]; [Внутренняя Монголия: Культурные и исторические данные. Т. 13. Хух-Хото, 1984].

<sup>165</sup> *Лу Минхуэй.* [Полная история Дэ Вана и монгольской автономии. Хух-Хото, 1977]; *Лу Минхуэй.* [Полная история монгольского «автономного» движения. Пекин: Чжонхуа, 1980]; [Сборник материалов по налоговой системе марионеточного режима в Мэнцзяне (май 1936 г. — август 1945 г.): Сводный набор документов по налоговым вопросам АРВМ. Хух-Хото, 1983. Т. 1].

<sup>166</sup> [Повествование в изложении Дэмчиг Донрова // *Внутренняя Монголия: Культурные и исторические данные.* Хух-Хото, 1984.]

<sup>167</sup> *Sechin Jagchid.* Prince Gungsangnorbu: Forerunner of Inner Mongolian Modernization // *Zentralasiatische Studien.* 1979. N 121. P. 147–158; *Hyer P., Sechin Jagchid.* A Mongolian living Buddha: Biography of the Kanjurwa Khutughtu // SUNY Press. 1983. P. 1–4; *Захчид Сэцэн.* [Мои воспоминания о Дэ Ване и Внутренней Монголии. Токио, 1985].

<sup>168</sup> *Ли Бинь.* [Крутые повороты и большие перемены: Исследование социальных изменений времен поздней Цин. Чэнду, 2006]; *Чжан Цичжи и др.* [История поздней династии Цин и Китайской Республики. Унань, 2000].

<sup>169</sup> [Синьхайская революция: Сборник материалов о современной истории Китая. Шанхай, 1981. С. 299–301]; *Фо Дин*. [Краткий обзор возникновения и развития революции во Внутренней Монголии. Воспоминания о революции. Хух-Хото, 1983]; *У Эньхэ*. [Воспоминания о периоде Синьхайской революции // Хроника Китайской Республики: Сб. ист. и литературн. матер. по городу Чифэн. Пекин, 1997. Т. 1. Вып. 4].

<sup>170</sup> *Сюй Мяо*. [История становления политической системы Китайской Республики. Шанхай, 1992]; [Полные исторические материалы о Китайской Республике. Нанкин, 1993]; *Лай Синься и др.* [История Бэйянских милитаристов. Тяньцзинь, 2000. Т. 2]; *Фу Линьсян, Чжэн Баохэн*. [Общая история административного деления Китая. Шанхай, 2007. Т. 1]; [Хроника истории Китайской Республики. Пекин, 2011].

<sup>171</sup> *Чжан Цзысинь*. [Исследование работы Комиссии по вопросам Монголии и Тибета. Пекин, 2007]; *Су Цинь, У Сяньпин*. [Анализ появления Управления по делам национальных окраин и значение этого явления // Вестн. Центр. ин-та социализма. 2008. № 6].

<sup>172</sup> [Хроника автономного района Внутренняя Монголия: 1947–1987 гг. Хух-Хото, 1988. С. 38–41]; [История монголов в Китае с древнейших времен до наших дней. Хух-Хото, 2001]; [Исследования истории Монголии. Хух-Хото, 2005. № 8. 345 с.]; [Исследования истории Монголии. Хух-Хото, 2007. 383 с.].

<sup>173</sup> *Сайнхан, Джинхай, Судбилэг*. [История Монголии в составе Китайской Республики. Хух-Хото, 2007. 217 с.]

<sup>174</sup> *Чжоу Сюэцзюнь*. [Исследование учреждения должности премьер-министра при Джебдзун-Дамбе // Исследования истории и географии пограничных территорий Китая, 1999. № 3]; *Фань Минфан*. [Отношения между правительством Китая и автономной Внешней Монголией после подписания «Кяхтинского договора» между Китаем, Россией и Монголией // Исследования истории и географии пограничных территорий Китая. 2011. № 2].

<sup>175</sup> [История автономного района Внутренняя Монголия. Хух-Хото, 1991]; [Архивные исторические материалы по Внутренней Монголии. 1993. № 2]; [Краеведческий альманах по Внутренней Монголии. Хух-Хото, 2007. Т. 1. 197 с.].

<sup>176</sup> *Чоо Ломэн*. [Воспоминания о демократической революции Шилин-Гола // Специальные материалы о демократических преобразованиях в скотоводческих районах автономного района Внутренняя Монголия. Хух-Хото, 1992]; [Обзор хошуна Хорчин-Цзоихоуци. Хух-Хото, 1995. 22 с.]; [Общая история провинции Цинхай. Синин, 1999]; *Шань Дань*. [Изучение отдельных вопросов истории хошуна Хорчин-Юихоуци. Хух-Хото, 2006].

<sup>177</sup> [Прошлое Алашани. В 3 т. Нинся, 2007.]

<sup>178</sup> [Официальные данные Китайского народного архива. Нанкин, 1991. Вып. 5. Ч. 2, кн. 26]; [Мирное восстание в Суйюани 19 сентября 1949 г.: Исторические данные // Избранные материалы. Хух-Хото, 1986]; *Сайнхан, Джинхай, Судбилэг*. [История Монголии в составе Китайской Республики. Хух-Хото, 2007. 217 с.].

<sup>179</sup> *Дэлгэр Чаокэт*. [Все, что я знаю о Союзе революционной молодежи Народно-революционной партии Монголии // Исторические и литера-



турные материалы по г. Улан-Цаб. Улан-Цаб, 1984. Вып. 2]; *Фан Чжиди*. [Воспоминания об участии в революционной работе в восточных районах Внутренней Монголии // Беседы о революционной истории Хингана. 1986. Вып. 1].

<sup>180</sup> [Избранные архивные материалы агрессии японских империалистов: Марионеточные режимы. Пекин, 2004]; *Фанчжи Хоу*. [История военного сопротивления японским захватчикам в Северном Китае. Тайюань, 2005. Т. 1]; *Цинь Юянь*. [Основополагающие документы о конфликтах с участием японских сухопутных и военно-морских сил. Токио, 2005].

<sup>181</sup> [Исторические материалы по Центральному банку марионеточного государства Маньчжоу-Го. Чанчунь, 1985]; *Шэнь Янь*. [Великолепные остатки построек марионеточного государства Маньчжоу-Го в Чанчуне. Чанчунь, 2002]; *Кацухико Танака*. [Номонганский инцидент: Монголия и Маньчжоу-Го. Токио, 2009. С. 114–115].

<sup>182</sup> *Чжоу Сюэцзюнь*. [Исследования периода оккупации Внешней Монголией пастбищ населения Дариганга // Исследования по истории и географии пограничных территорий Китая. 2000. № 4. С. 38–46]; *Хасы Мужэнь, Бу Хэ*. [Деятельность в Монголии Квантунской армии и создание марионеточного государства Мэнцзян // Вестн. Ун-та национальностей Внутренней Монголии. 2001. № 3. С. 61–65].

<sup>183</sup> *Ван Эньцзюнь, Ван Шиш*. [Исторические вехи национально-освободительного движения во Внутренней Монголии // Вестн. Пед. ин-та народностей Внутренней Монголии. 1989. № 4. С. 77–79]; [История монгольской конницы во времена Народно-освободительной войны китайского народа. Хух-Хото, 1997. 163 с.].

<sup>184</sup> *Тун Цзяцзян*. [Исследование преждевременной смерти князя хошуна Бинту-вана Гончигсурэна // Журн. обществ. наук Внутренней Монголии. 2003. Вып. 2]; *Дабан Пифан*. [Различные стороны жизни Гунсэннорова // Знания мира. 2010. № 2].

<sup>185</sup> *Доу Интай*. [От атамана разбойников до премьер-министра марионеточного государства Маньчжоу-Го: Чжан Цзинхуэй // Весна и Осень Китайской Республики. 1998. № 1]; *Бо Хэ и др.* [Очерк жизни Баянмандаха. Хух-Хото, 1999].

<sup>186</sup> *Жи Яатай*. [Товарищ Ли Дачжао и ранняя революционная деятельность во Внутренней Монголии // Матер. по истории партии во Внутренней Монголии. Хух-Хото, 1988. № 1. С. 254–268]; *Ту Фэниу*. [Альманах людей с гор Шичэншань. Пекин, 2011].

<sup>187</sup> *Цогту О. (Акира Оно)*. Трагедия степи: Внутренняя Монголия под властью Мао Цзэдуна. Свидетельства очевидцев. СПб., 2020. 334 с.

<sup>188</sup> *Гонгор Д.* Халх товчоон. Улаанбаатар, 1970. 340 х.

<sup>189</sup> *Насанбалжир Ц.* Манж Чин улсад Ар Монголоос нийлүүлж байсан алба (1691–1911). Улаанбаатар, 1964. 184 х.

<sup>190</sup> *Алтанцэцэг Н.* Монголын ард түмний манжийн эсрэг үндэсний эрх чөлөөний хөдөлгөөний түүхийг БНХАУ-ын түүх судлалд тусгаж байгаа нь. М., 1985.

<sup>191</sup> *Алтанцэцэг Н.* XIX зууны II хагас — XX зууны эхэн үеийн Өвөр Монгол. Улаанбаатар, 1981.

<sup>192</sup> *Жамсран Л.* Ар, Өвөр буюу Гадаад, Дотоод Монгол гэдгийн учир // «Арга билэг» сонин, 1990, № 4.

<sup>193</sup> *Цэрэндорж Ц.* Ар, өвөр, гадаад, дотоод Монгол хэмээх нэрийн тухай // Нүүдэлчдийн өв судлал. Улаанбаатар, 2010. № 10. Х. 197–211.

<sup>194</sup> *Батбаяр Ц.* Монголия и Япония в первой половине XX в. Улан-Удэ, 2002. 229 с.

<sup>195</sup> *Доржийн З.* Дэ Ван. Улаанбаатар, 2011. 222 х.

<sup>196</sup> *Содовсүрэн Б.* Хувьсгалын өмнөх Монголын төр ба хууль цааз. Улаанбаатар, 1989. 96 х.; *Авирмэд Э., Дашицэдэв Д., Совд Г.* Монгол хууль: Уламжлал, шинэчлэл Монголын төр эрх зүйн түүхэн сэдэв // Education Company. Улаанбаатар, 1997. 107 х.; *Болдбаатар Ж., Лундээжанцан Д.* Монгол улсын төр эрх зүйн туухэн уламжлал. Улаанбаатар, 1997. 392 х.; *Батсайхан О., Лонжид З., Хажидсүрэн Ч.* Зарлигаар тогтоосон Монгол Улсын хууль зүйлийн бичиг. Улаанбаатар, 2005. Х. 130–134.

<sup>197</sup> *Lattimore O.* Nomads and Commissars: Mongolia Revisited. New York, 1962. P. XIII.

<sup>198</sup> *Fenby J.* Modern China: The Fall and Rise of a Great Power, 1850 to the Present. New York, 2008. 835 p.

<sup>199</sup> *Lin Hsiao-ting.* Tibet and Nationalist China's Frontier: Intrigues and Ethnopolitics, 1928–1949. Vancouver, 2003. 285 p.; *Lin Hsiao-ting.* Modern China's Ethnic Frontiers: A Journey to the West. London; New York, 2011. 192 p.

<sup>200</sup> *Friters G.M.* Outer Mongolia and its International Position. Baltimore, 1949. 358 p.

<sup>201</sup> *Yoshitake Oka.* Konoe Fumimaro: A Political Biography. Tokyo: University of Tokyo Press, 1983. P. VIII, 214; *Beasley W.G.* Japanese imperialism 1894–1945. Oxford, 1987. 304 p.; *Coble P.M.* Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931–1937. Cambridge, 1991. 492 p.; *Elliott M.C.* The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // The Journal of Asian Studies. 2000. Vol. 59(3). P. 603–646; Compellence and the strategic culture of imperial Japan: Implications for coercive diplomacy in the twenty-first century. Westport, Conn., 2000. 294 p.; *Narangoa L., Cribb R.B.* Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945 // Nordic Institute of Asian Studies Monograph Series. 2003; Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949. New York, 2005. 295 p.; *Yagami Kazuo.* Konoe Fumimaro and the failure of peace in Japan, 1937–1941: A critical appraisal of the three-time prime minister. Jefferson, N.C., 2006. 190 p.; Pan-Asianism in Modern Japanese History: Colonialism, Regionalism, and Borders. New York, 2007. 288 p.; *Boyd J.* Japanese-Mongolian Relations, 1873–1945: Faith, Race and Strategy. BA (Hons) Adelaid, 2008. 354 p.; *Tipton E.K.* Modern Japan: A social and political history. London; New York, 2008. XVII, 297 p.; Japan's Asianism 1868–1945. Dilemmas of Japanese modernization. Washington, 2009. 152 p.; *Pettibone Ch.D.* The Organization and Order or Battle of Militaries in World War II. Vol. 7: Germany's and Imperial Japan's Allies & Puppet States. Bloomington, 2012. 504 p.

<sup>202</sup> *Rahul R.* China's Other Boundaries // Australian Journal of Politics and History. 1963. Vol. 9. P. 150–166; The Cambridge History of China. Vol. 12: Republican China 1912–1949. New York. Pt 1. 1983. 1022 p.; Pt 2. 1986. 1092 p.; *Moise E.* Modern China: A History. London; New York, 1986. 272 p.; *Jowett Ph., Andrew St.* Chinese Civil War Armies 1911–1949. Oxford, 1997. 48 p.

<sup>203</sup> *Black C.E., Dupree L., Endicott-West E. et al.* The Modernization of Inner Asia. New York, 1991. 405 p.; *Liu Xiaoyuan.* A Partnership for Disorder: China, the United States, and Their Policies for the Postwar Disposition of the Japanese Empire, 1941–1945. Cambridge University Press, 2002. 364 p.; *Paine S.C.M.* The Wars for Asia, 1911–1949. New York. Cambridge University Press, 2012. 487 p.; *Kitamura Minoru, Lin Siyun.* The reluctant combatant: Japan and the Second Sino-Japanese war. Maryland, 2014. 118 p.

<sup>204</sup> *Tighe J.* Constructing Suiyuan: The Politics of Northwestern Territory and Development in Early Twentieth-Century China. Leiden, 2005. 304 p.

<sup>205</sup> *Brook T., Wakabayashi B.T.* Opium Regimes. China, Britain and Japan, 1839–1952. London, 2000. 458 p.; *Kingsberg M.L.* The poppy and the acacia: Opium and imperialism in Japanese Dairen and the Kwantung leased territory, 1905–1945. Waltham. 2009. 409 p.

<sup>206</sup> *Atwood Chr.* A Romantic Vision of National Regeneration: Some Unpublished Works of the Inner Mongolian Poet and Essayist Saichungga // Inner Asia. 1999. N 1. P. 3–43; *Atwood Chr.* Inner Mongolian Nationalism in the 1920s: A Survey of Documentary Information. Twentieth-Century China. 2000. N 25(2) April. P. 75–113; *Young Mongols and Vigilantes in Inner Mongolia Interregnum Decades, 1911–1931.* 2 vols. Leiden, 2002. 168 p.; *American Archival Sources on Mongolia and the Mongols: Their Nature, Utility, and Availability.* Tokyo, 2004. P. 9–18; *Atwood Chr.* State Service, Lineage and Locality in Hulun Buir // East Asian History. 2005. N 30. P. 5–22.

<sup>207</sup> *Uradyn E. Bulag.* From Yeke-juu league to Ordos municipality: Settler colonialism and alter/native urbanization in Inner Mongolia // Provincial China. 2002. N 7. Vol. 2. P. 196–234; *Uradyn E. Bulag.* The Nomonhan Incident and the Politics of Friendship on the Russia-Mongolia-China Border // The Asia-Pacific Journal. November 30. 2009. P. 1–15; *Uradyn E. Bulag.* Independence as Restoration: Chinese and Mongolian Declarations of Independence and the 1911 Revolutions // The Asia-Pacific Journal. 2012. Vol. 10. N 3(52). December 31; *Uradyn E. Bulag.* Rethinking Borders in Empire and Nation at the Foot of the Willow Palisade // Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border. 2012. P. 33–53.

<sup>208</sup> *Lattimore O.* From China looking outward: An inaugural lecture. Leeds, 1964. P. 26.

<sup>209</sup> ТХА. Ф. акад. Ширэндэв. Х.Н. 10. Тал 241.

<sup>210</sup> Там же. Тал 191.

<sup>211</sup> МУУТА. Ф. А3. Д. 1. Х.Н. 438, 440.

<sup>212</sup> Там же. Ф. А2. Д. 1. Х.Н. 129.

<sup>213</sup> Там же. Х.Н. 112. Тал 21.

- <sup>214</sup> Digital Library: Sin Kuo Min Pao // NTS: Libraries. URL: <https://east.library.utoronto.ca/internet-resource/sin-kuo-min> (дата обращения: 30.10.2024).
- <sup>215</sup> Archibald T. Steele; Journalist, 89 // The New York Times. 1992. March 04.
- <sup>216</sup> Tillman Durdin. 91, reporter in China during World War II // The New York Times. 1998. July 09. P. 25.
- <sup>217</sup> Stephen R. MacKinnon and Oris Friesen, eds., China Reporting: An Oral History of American Journalism in the 1930s and 1940s. Berkeley, 1987. 230 p.
- <sup>218</sup> Kimpei Shiba. Ex-TribuneWriter. URL: <https://www.chicagotribune.com/1996/10/27/kimpei-shiba-ex-tribune-writer/> (дата обращения: 08.10.2024).
- <sup>219</sup> Edward Hunter, author and expert on «Brainwashing» // The New York Times. 1978. June 25. P. 28.

## Глава 2

- <sup>1</sup> Иакинф. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840. С. 26.
- <sup>2</sup> Дудин П.Н., Бешенцев А.Н., Базаров К.Ю. Традиционные институты публичной власти на монгольских землях имперского и республиканского Китая на сломе эпох (первая четверть XX в.): Пространственная локализация и визуализация // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 2. С. 293–312.
- <sup>3</sup> Коншин. Монголия. Джеримский сейм // Материалы по Маньчжурии и Монголии. Харбин. 1906. Вып. 1. 75 с.
- <sup>4</sup> Рязановский В.А. Обычное право монгольских племен. 1921. С. 82.
- <sup>5</sup> Коншин. Княжество Дурбет. 1907. 27 с.
- <sup>6</sup> Там же. С. 12–13.
- <sup>7</sup> Там же. С. 2.
- <sup>8</sup> Там же. С. 3.
- <sup>9</sup> Там же. С. 5.
- <sup>10</sup> Там же. С. 13.
- <sup>11</sup> Гурьев Б. Монголия и Китай и их политические взаимоотношения // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 38.
- <sup>12</sup> Коншин. Княжество Дурбет. 1907. С. 12.
- <sup>13</sup> Там же. С. 13.
- <sup>14</sup> Там же. С. 14.
- <sup>15</sup> Там же. С. 15.
- <sup>16</sup> Там же. С. 14.
- <sup>17</sup> Там же. С. 15.
- <sup>18</sup> Рязановский В.А. Обычное право монгольских племен. 1921. С. 83.
- <sup>19</sup> Там же. С. 83.
- <sup>20</sup> Коншин. Княжество Дурбет. 1907. С. 15.
- <sup>21</sup> Там же. С. 16.
- <sup>22</sup> Полумордвинов М. Монастыри Чжеримского сейма Северо-Восточной Монголии // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 109–179.
- <sup>23</sup> Коншин. Княжество Дурбет. 1907. С. 17.
- <sup>24</sup> Теслер Э.Л. Уцзумучин // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 95–101.

<sup>25</sup> Баранов А.М. Северо-восточные сеймы Монголии. Харбин, 1908. С. 1–5.

<sup>26</sup> Очерк заселения китайского Приамурья // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 34–58.

<sup>27</sup> Свечников А. Русская торговля в Северо-Западной Монголии по личным наблюдениям с 1905 по 1907 г. // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 61–93.

<sup>28</sup> Байков Н.А., Козлов И.В. Экскурсия в долину реки Муданьцзян // Вестник Маньчжурии. 1926. № 11–12. С. 1–17; Гапанович И.И. Экспедиция Р. Эндрюса в Монголии // Вестник Маньчжурии. 1926. № 7. С. 24–25; Ламанский В.В. Американские исследования в Монголии // Вестник Маньчжурии. 1925. № 1–2. С. 65–69; По поводу экспедиции Эндрюса в Монголию // Изв. О-ва изучения Маньчжурского края. 1922. № 1. С. 28–31; Скворцов Б.В. Растительность Малого Хингана в пределах Северной Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. 1931. № 7. С. 43–47.

<sup>29</sup> Уложение Китайской палаты внешних сношений. СПб., 1828. Т. 1. 362 с.; Т. 2. 319 с.

<sup>30</sup> Иакинф. Записки о Монголии: С приложением карты Монголии и разных костюмов. СПб., 1828. Т. 2. Ч. 3–4. С. 203–339.

<sup>31</sup> Гурьев Б. Территориальная неприкосновенность Монголии по уложению Лифан-юаня // Вестник Азии. 1910. № 6. С. 6.

<sup>32</sup> Уложение Китайской палаты внешних сношений. СПб., 1828. Т. 1. 362 с.; Т. 2. С. 11–12.

<sup>33</sup> Гурьев Б. Территориальная неприкосновенность Монголии по уложению Лифан-юаня // Вестник Азии. 1910. № 6. С. 6.

<sup>34</sup> Яшинов Е.Е. Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы. Харбин, 1928. С. 76.

<sup>35</sup> Там же. С. 50.

<sup>36</sup> Болобан А.П. (Ирклевский). Земледелие и хлебопромышленность Северной Маньчжурии. Харбин, 1909. С. 281.

<sup>37</sup> Там же. С. 282.

<sup>38</sup> Там же.

<sup>39</sup> Маракуев А.В. Внутренняя Монголия // Вестник Маньчжурии. 1927. № 9. С. 54.

<sup>40</sup> Коншин. Княжество Дурбет. 1907. С. 2–3.

<sup>41</sup> Lattimore O. Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958. London, 1962. P. 452.

<sup>42</sup> Коншин. Княжество Дурбет. 1907. С. 7.

<sup>43</sup> Там же. С. 9.

<sup>44</sup> Гурьев Б. Экономическое положение Монголии // Вестник Азии. 1911. № 8. С. 74–89.

<sup>45</sup> Болобан А.П. (Ирклевский). Земледелие и хлебопромышленность Северной Маньчжурии. Харбин, 1909. С. 283–284.

<sup>46</sup> Там же. С. 284.

<sup>47</sup> Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога. Харбин, 1922. С. 8.

- <sup>48</sup> Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога. Харбин, 1922. С. 9.
- <sup>49</sup> *Франке О.* Земельные правоотношения в Китае. Владивосток, 1908. С. 52.
- <sup>50</sup> Там же. С. 53.
- <sup>51</sup> Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги: 1896–1923 гг. Т. 1. Харбин, 1923. С. 412.
- <sup>52</sup> Там же. С. 413–414.
- <sup>53</sup> *Яшинов Е.Е.* Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы. Харбин, 1928. С. 64–65.
- <sup>54</sup> Отчет коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги А.П. Болобана по обследованию в 1911 г. районов Хэй-лун-цзянской, Гириньской и Мукденской провинций (Северной Маньчжурии), тяготеющих к Китайской Восточной железной дороге, в земельном и хлебопромышленном отношениях. Харбин, 1912. С. 42.
- <sup>55</sup> *Франке О.* Земельные правоотношения в Китае. Владивосток, 1908. С. 45.
- <sup>56</sup> Там же. С. 47.
- <sup>57</sup> Маньчжурия: Экономическо-географическое описание. Ч. 1. Харбин, 1934. С. 346.
- <sup>58</sup> *Франке О.* Земельные правоотношения в Китае. Владивосток, 1908. С. 53.
- <sup>59</sup> Там же. С. 54.
- <sup>60</sup> *Болобан А.П. (Ирклевский).* Земледелие и хлебопромышленность Северной Маньчжурии. Харбин, 1909. С. 289.
- <sup>61</sup> Там же. С. 98.
- <sup>62</sup> Там же. С. 317.
- <sup>63</sup> Отчет коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги А.П. Болобана по обследованию в 1911 г. районов Хэй-лун-цзянской, Гириньской и Мукденской провинций (Северной Маньчжурии), тяготеющих к Китайской Восточной железной дороге, в земельном и хлебопромышленном отношениях. Харбин, 1912. С. 322.
- <sup>64</sup> *Яшинов Е.Е.* Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы. Харбин, 1928. С. 104.
- <sup>65</sup> Там же. С. 158–159.
- <sup>66</sup> Там же. С. 80–81.
- <sup>67</sup> Там же. С. 174–175.
- <sup>68</sup> Отчет коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги А.П. Болобана по обследованию в 1911 г. районов Хэй-лун-цзянской, Гириньской и Мукденской провинций (Северной Маньчжурии), тяготеющих к Китайской Восточной железной дороге, в земельном и хлебопромышленном отношениях. Харбин, 1912. С. 158–159.
- <sup>69</sup> *Яшинов Е.Е.* Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы. Харбин, 1928. С. 172–173.
- <sup>70</sup> *Болобан А.П. (Ирклевский).* Земледелие и хлебопромышленность Северной Маньчжурии. Харбин, 1909. С. 294.
- <sup>71</sup> *Яшинов Е.Е.* Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы. Харбин, 1928. С. 154–155.

<sup>72</sup> Яшинов Е.Е. Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы. Харбин, 1928. С. 80.

<sup>73</sup> Там же. С. 155, 157.

<sup>74</sup> Там же. С. 103.

<sup>75</sup> Там же.

<sup>76</sup> Болобан А.П. (Ирклевский). Земледелие и хлебопромышленность Северной Маньчжурии. Харбин, 1909. С. 293.

<sup>77</sup> Отчет коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги А.П. Болобана по обследованию в 1911 г. районов Хэй-лун-цзянской, Гириньской и Мукденской провинций (Северной Маньчжурии), тяготеющих к Китайской Восточной железной дороге, в земледельческом и хлебопромышленном отношениях. Харбин, 1912. С. 339–340.

<sup>78</sup> Болобан А.П. Северо-Восточная Монголия и ее хлеба // Вестник Азии. 1910. № 5. С. 68–94.

<sup>79</sup> Болобан А. Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии и Монголии // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 85–127.

<sup>80</sup> М. Н. К. Еще о Сунгари // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 4–12.

<sup>81</sup> Г. П. Наши торговые интересы в Восточной Монголии // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 122–135.

<sup>82</sup> Болобан А.П. Будущее Маньчжурии // Вестник Азии. 1911. № 9. С. 83–85.

<sup>83</sup> Гребенчиков А. По Амуру и Сунгари. Путевые заметки // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 189–212.

<sup>84</sup> Гребенчиков А. В Бутху и Мэргень по р. Нонни (продолжение) // Вестник Азии. 1910. № 4. С. 146–162.

<sup>85</sup> Ландезен фон А. Новейшие данные для культурно-экономического описания городов Маньчжурии и Монголии (1. Тао-нань-фу. П. Бинь-чжоутин) // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 152–164.

<sup>86</sup> Коншин. Княжество Дурбет. 1907. С. 11.

<sup>87</sup> Энгельфельд В.В. Очерки государственного права Китая. Харбин, 1925. С. 131.

<sup>88</sup> Богословский В.А. Национальный вопрос в Китае. М., 1984. С. 27.

<sup>89</sup> Ордосец. Национально-освободительное движение во Внутренней Монголии // Революционный Восток. 1927. № 2. С. 49.

<sup>90</sup> Энгельфельд В.В. Очерки государственного права Китая // Изв. Юр. факультета. 1925. Т. 2. С. 206.

<sup>91</sup> Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога. Харбин, 1922. С. 359.

<sup>92</sup> Курас Л.В. Монгольский мир в условиях революционного процесса в первой четверти XX в. // Власть. 2015. № 8. С. 190–195.

<sup>93</sup> Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право. СПб., 1913. С. 218.

<sup>94</sup> Энгельфельд В.В. Очерки государственного права Китая. Харбин, 1925. С. 127.

<sup>95</sup> Там же. С. 130.

<sup>96</sup> *Lebold J.* Rethinking Guomindang National Minority Policy and the Case of Inner Mongolia // *China Reconstructs*. 2003. P. 107.

<sup>97</sup> Краткий обзор Китая: Приложение к «Карте Внутреннего Китая». Харбин, 1927. С. 4.

<sup>98</sup> *Полумордвинов М.* Эволюция местного административного управления в Китае // *Вестник Азии*. 1915. № 33. С. 3–43.

<sup>99</sup> Там же. С. 36.

<sup>100</sup> *Lattimore O.* *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958*. London, 1962. P. 327, 329.

<sup>101</sup> [Атлас истории Китая. Пекин, 1974. 456 с.]

<sup>102</sup> *Lattimore O.* *The Mongols of Manchuria: Their tribal divisions, geographical distribution, historical*. London, 1935. P. 20–21.

<sup>103</sup> *Lattimore O.* *From China looking outward: An inaugural lecture*. Leeds, 1964. P. 19–20.

<sup>104</sup> [Исследования истории Монголии. Хух-Хото, 2007. 383 с.]

<sup>105</sup> *Шань Дань.* [Изучение отдельных вопросов истории хошуна Хорчин-Юихоуци. Хух-Хото, 2006.]

<sup>106</sup> Восстановление Чжеримского княжества // *Вестник Азии*. 1915. № 35–36. С. 114–115.

<sup>107</sup> [Центральные архивы. Второй исторический архив Китая // Политическая власть в марионеточном государстве Маньчжоу-Го. Пекин, 1994. С. 712.]

<sup>108</sup> *Тун Цзяцзян.* [Исследование преждевременной смерти князя хошуна Бинту-вана Гончигсурэна // *Журн. обществ. наук Внутренней Монголии*. 2003. Вып. 2.]

<sup>109</sup> Традиционно в истории термин «индепенденты» (от англ. independent — независимый) ассоциируется с наиболее радикально настроенной частью пуритан в Англии на рубеже XVI–XVII вв., образовавших партию, которая выражала интересы средней буржуазии и «нового» дворянства во времена буржуазной революции в Англии в XVII в. По аналогии, наиболее радикальные сторонники независимости Внутренней Монголии обозначены этим собирательным термином, не имеющим отношения к их политическим взглядам.

<sup>110</sup> *Ватанабэ Рюсаку.* [Разбойники. Страницы истории Японо-китайской войны. Чюокоронсинся, 1964. 71 с.]

<sup>111</sup> *Улантана.* [Меры по созданию правительства Богд Хана восточными внутренними монголами: На примере Шударга-Батор Бавуужава // *Исследование Северо-Восточной Азии*. 2008. Вып. 12. С. 115.]

<sup>112</sup> *Мияваки Джунко.* [Великая маньчжурская империя во всемирной истории. Токио, 2006. 171 с.]

<sup>113</sup> [Исследования истории Монголии. Хух-Хото, 2007. С. 345.]

<sup>114</sup> [Протоколы собрания по обсуждению первой китайской Конституции. Пекин, 1915. 120 с.]

<sup>115</sup> [Списки знати Внутренней Монголии в новую и новейшую эпоху // *Исторические и литературные материалы по Внутренней Монголии*. 1988. Вып. 32. С. 96.]

<sup>116</sup> [Обзор хошуна Хорчин-Цзоихоуци. Хух-Хото. 1995. 22 с.]



- <sup>117</sup> [История монгольской конницы во времена Народно-освободительной войны китайского народа. Ляонин, 1997. 163 с.]
- <sup>118</sup> Там же. С. 32.
- <sup>119</sup> *Mote F.W.* Imperial China: 900–1800. 1999. P. 49–52.
- <sup>120</sup> [Биографический словарь Китайской Республики. Шицзячжуан, 2007]; [Хронологическая таблица чиновников Китайской Республики. Пекин, 1995].
- <sup>121</sup> [История бэйяньских милитаристов. Тяньцзин, 2000. Т. 2]; [Биографический словарь Китайской Республики. Шицзячжуан, 2007].
- <sup>122</sup> *Ту Фэншю*. [Альманах людей с гор Шичэншань. Пекин, 2011.]
- <sup>123</sup> [Бэйяньские милитаристы, 1912–1928 гг. Ухань, 1990. 486 с.]
- <sup>124</sup> [Биографический словарь Китайской Республики. Шицзячжуан, 1991.]
- <sup>125</sup> [Биографический словарь Китайской Республики. Шицзячжуан, 2007.]
- <sup>126</sup> *Цуй Яньжу, Фэн Юнцзянь, Цуй Дэфэнь*. [Обзор памятников культуры города Инкоу. Шэньян, 1996]; [Исторические материалы по Центральному банку марионеточного государства Маньчжоу-Го. Чанчунь, 1985].
- <sup>127</sup> *Narangoa L.* Imperial Japan and national identities in Asia, 1895–1945 // Nordic Institute of Asian Studies monograph series. Routledge, 2003. P. 92.
- <sup>128</sup> *Кормазов В.А.* Хинганская провинция // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 53–54.
- <sup>129</sup> *Кормазов В.А.* Хинганская провинция // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 53–54.
- <sup>130</sup> *Black C.E., Dupree L., Endicott-West E. et al.* The Modernization of Inner Asia. New York; London, 1991. P. 151.
- <sup>131</sup> *Hyer P., Sechin Jagchid.* A Mongolian living Buddha: Biography of the Kanjurwa Khutughtu // SUNY Press. 1983. P. 1–4.
- <sup>132</sup> *Narangoa L., Cribb R.B.* Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945 // Nordic Institute of Asian Studies Monograph Series. Routledge, 2003. P. 92.
- <sup>133</sup> *Black C.E., Dupree L., Endicott-West E. et al.* The Modernization of Inner Asia. New York; London, 1991. P. 151.
- <sup>134</sup> *Эньхэ У., Син Фули*. [Гунсэнноров. Исторические и литературные материалы по Внутренней Монголии. 1962. Вып. 1.]
- <sup>135</sup> [Биографический словарь Китайской Республики. Шицзячжуан: Нар. изд-во провинции Хэбэй, 1991. Т. 2]; *Who's Who in China*. 3rd ed. // *The China Weekly Review*. Shanghai, 1925; *Су Цинь, Сяньпин У.* [Анализ появления Управления по делам национальных окраин и значение этого явления // Вестн. Центр. ин-та социализма. 2008. № 6].
- <sup>136</sup> *Narangoa L., Cribb R.B.* Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945 // Nordic Institute of Asian Studies Monograph Series. Routledge, 2003. P. 91.
- <sup>137</sup> [Образование: Обзор образования во всех провинциях // Восток. 1914. № 4. С. 75–85.]
- <sup>138</sup> Там же. № 2.

- <sup>139</sup> *Bai Yunti*. Taiwan Historical Dictionary. Taipei, 2008.
- <sup>140</sup> *Narangoa L., Cribb R.B.* Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945 // Nordic Institute of Asian Studies Monograph Series. Routledge, 2003. P. 92.
- <sup>141</sup> *Jin Hai*. Overview of Mongolian ethnic news publication activities during the Japanese occupation // Journal of the Central University for Nationalities, Philosophy and Social Sciences Edition. 2008. Vol. 35(4). P. 64.
- <sup>142</sup> *Atwood Chr.* Inner Mongolian Nationalism in the 1920s: A Survey of Documentary Information. Twentieth-Century. China, 2000. 25(2) April. P. 75–113; Newest Biographies of Important Figures in China // Asahi Shimbun Company. 1941. OCLC 23310651. P. 97.
- <sup>143</sup> [Синьхайская революция: Сборник материалов о современной истории Китая. Шанхай, 1981. С. 299–301.]
- <sup>144</sup> [Второй исторический архив Китая // Подборка архивных материалов по истории Китайской Республики. Нанкин, 1981. Вып. 2. С. 15–16.]
- <sup>145</sup> *Цутому Айда*. Нанива Кавасима и «Движение за независимость Маньчжурии и Монголии» // Нанива Кавасима. Материалы о современной истории. 1982. № 2(48); *Цзоу Нянчжи*. Избранная дипломатическая корреспонденция: Синьхайская революция. Чанчунь, 1980. С. 83, 87.
- <sup>146</sup> [Первый исторический архив Китая // Собрание архивных исторических материалов о династии Цин. Пекин, 1982. № 8. С. 300–305.]
- <sup>147</sup> *Narangoa L., Cribb R.B.* Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945 // Nordic Institute of Asian Studies Monograph Series. Routledge, 2003. P. 93–94.
- <sup>148</sup> *Эньхэ У*. [Воспоминания о периоде Синьхайской революции. История Гунсэннорова // Хроника Китайской Республики: Сб. ист. и литературн. матер. по городу Чифэн. Пекин, 1997. Т. 1. Вып. 4.]
- <sup>149</sup> *Black C.E., Dupree L., Endicott-West E. et al.* The Modernization of Inner Asia. New York; London, 1991. P. 151.
- <sup>150</sup> *Дабан Пифан*. [Различные стороны жизни Гунсэннорова // Знания мира. 2010. № 2.]
- <sup>151</sup> *Ли Бинь*. [Крутые повороты и большие перемены: Исследование социальных изменений времен поздней Цин. Чунцин, 2006. 44 с.]
- <sup>152</sup> *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 11.
- <sup>153</sup> *Чжан Цзысинь*. [Исследование работы Комиссии по делам Монголии и Тибета: Магистерская дис. при Центральном ун-те национальностей. Пекин, 2007.]
- <sup>154</sup> *Цянь Шифу*. [Хронологическая таблица чиновничества бэйянского правительства. Шанхай, 1991. С. 267.]
- <sup>155</sup> *Фань Минфан*. [Отношения между правительством Китая и автономной Внешней Монголией после подписания «Кяхтинского договора» между Китаем, Россией и Монголией // Исследования истории и географии пограничных территорий Китая. 2011. № 2.]
- <sup>156</sup> *Сюй Ваньбан, Ван Циго*. [Словарь познаний о народностях. Цзинань, 1995.]

- <sup>157</sup> [Хронологическая таблица чиновников Китайской Республики. Пекин, 1995. С. 7–8, 59–75.]
- <sup>158</sup> *Эньхэ У., Син Фули.* [Гунсэнноров. Исторические и литературные материалы по Внутренней Монголии. 1962. Вып. 1.]
- <sup>159</sup> *Жи Яатай.* [Товарищ Ли Дачжао и ранняя революционная деятельность во Внутренней Монголии // Матер. по истории партии во Внутренней Монголии. Хух-Хото, 1988. Вып. 1. С. 254–268]; *Фо Дин.* [Краткий обзор возникновения и развития революции во Внутренней Монголии: Воспоминания о революции. Хух-Хото, 1983].
- <sup>160</sup> [Биографический словарь Китайской Республики. Шицзячжуан, 1991. Т. 2. 2307 с.]
- <sup>161</sup> *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 80.
- <sup>162</sup> Монгольские учебники. Харбин, 1908. Вып. 18. С. I.
- <sup>163</sup> Там же. С. II.
- <sup>164</sup> *Цзоу Няньчжи.* [Избранная дипломатическая корреспонденция: Синьхайская революция. Чанчунь, 1980. С. 88–99.]
- <sup>165</sup> *Канторович А.Я.* Америка в борьбе за Китай. М., 1935. С. 203.
- <sup>166</sup> *Горшенин А.И.* Дайрен в цифрах // Вестник Маньчжурии. 1926. № 10. С. 36–42; *Н. С.* Порт Дайрен // Вестник Маньчжурии. 1927. № 11. С. 38–45.
- <sup>167</sup> *Канторович А.Я.* Америка в борьбе за Китай. М., 1935. С. 245.
- <sup>168</sup> Там же.
- <sup>169</sup> The fight for the republic in China. London, 1918. P. 68–69.
- <sup>170</sup> *Канторович А.Я.* Америка в борьбе за Китай. М., 1935. С. 269.
- <sup>171</sup> Там же. С. 320.
- <sup>172</sup> The fight for the republic in China. London, 1918. P. 71–72.
- <sup>173</sup> *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. С. 170.
- <sup>174</sup> Там же. С. 177.
- <sup>175</sup> Там же. С. 180.
- <sup>176</sup> Там же. С. 191–192.
- <sup>177</sup> The fight for the republic in China. London, 1918. P. 77–78.
- <sup>178</sup> Ibid. P. 79–80.
- <sup>179</sup> Ibid. P. 83.
- <sup>180</sup> Ibid. P. 84.
- <sup>181</sup> Ibid. P. 87.
- <sup>182</sup> Ibid. P. 91.
- <sup>183</sup> Ibid. P. 98.
- <sup>184</sup> Ibid. P. 102.
- <sup>185</sup> Ibid. P. 21.
- <sup>186</sup> Ibid. P. 223.
- <sup>187</sup> The Cambridge History of China. Vol. 12: Republican China, 1912–1949. Pt 1. London, 1983. P. 143–144.
- <sup>188</sup> Ibid. P. 210.
- <sup>189</sup> Ibid. P. 100.

<sup>190</sup> Сюй Мяо. [История становления политической системы Китайской Республики. Шанхай, 1992.]

<sup>191</sup> Канторович А.Я. Америка в борьбе за Китай. М., 1935. С. 429–430.

<sup>192</sup> Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 30.

<sup>193</sup> Там же. С. 31.

<sup>194</sup> Там же. С. 31.

<sup>195</sup> Там же. С. 31.

<sup>196</sup> Там же. С. 30.

<sup>197</sup> Записка о ситуации в МНР накануне... // РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 3. Д. 3. Л. 20.

<sup>198</sup> Резолюция Конференции НРП Внутренней Монголии, происходящей в сентябре 1927 года в г. Улан-Батор по вопросу об организации Революционного Союза Молодежи // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 129.

<sup>199</sup> Задачи, выдвинутые подготовительной комиссией РСМ Внутренней Монголии // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 229–231.

<sup>200</sup> Временная инструкция для работы местных организаций Ревсомола Внутренней Монголии // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 131.

<sup>201</sup> Агитационный план // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 232–233.

<sup>202</sup> План работы с мая до Съезда // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 234–236.

<sup>203</sup> Отношение ЦК Народной революц. партии Внутренней Монголии на имя Исполнительного комитета Коммунистического интернационала молодежи от 25 октября 1927 года за № 16 // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 128.

<sup>204</sup> Записка о внутривнутриполитической ситуации в Монголии после проведения Пленума ЦК МНРП // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 15.

<sup>205</sup> Там же. Л. 16.

<sup>206</sup> Записка П. Мифа от 6 [?] 1928 г. о необходимости принятия Политбюро мер по повторному рассмотрению «Монгольского вопроса» // РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 3. Д. 1. Л. 22.

<sup>207</sup> Проект Постановления Политбюро ЦК ВКП(Б) по Монгольскому вопросу (от 10/IX 1928) // РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 3. Д. 1. Л. 24.

<sup>208</sup> Кузьмин С.Л. Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: Трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2017. С. 355.

<sup>209</sup> Андреев А.И. Новая Монголия глазами русского путешественника (По страницам дневников последней экспедиции П.К. Козлова) // Mongolika-V: Сб. ст. СПб., 2001. С. 159.

<sup>210</sup> Записка заведующему Отделом Дальнего Востока НКВД тов. Козловскому об освещении основных вопросов политической обстановки, предшествующей VII Съезду МНРП, самого съезда и послесъездовских политических перспектив // РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 3. Д. 2. Л. 9.

<sup>211</sup> Там же. Л. 13.

<sup>212</sup> Там же. Л. 14.

- <sup>213</sup> Телеграмма № 527 М.И. Амагаева Л.М. Карахану (20 июня 1929 г.) // РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 3. Д. 3. Л. 64.
- <sup>214</sup> Доклад секретаря Центрального комитета Народно-революционной партии Внутренней Монголии т. Мирсе на имя Восточного Отдела Коминтерна // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 95–110.
- <sup>215</sup> Новейшая история Китая 1928–1949. М., 1984. С. 13.
- <sup>216</sup> *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 87.
- <sup>217</sup> Записка «О политических партиях в Монголии» // РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 3. Д. 3. Л. 85.
- <sup>218</sup> *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции, 1907–1909. СПб., 2015. С. 147, 383.
- <sup>219</sup> *Миф П.А.* Положение о Монголии: Записка № 08669 от 15 августа 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 3. Д. 3. Л. 89.
- <sup>220</sup> Там же.
- <sup>221</sup> Там же. Л. 91.
- <sup>222</sup> Материалы об истории дугуйланского движения в Ордосе // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 36.
- <sup>223</sup> Материалы об истории дугуйланского движения // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 37.
- <sup>224</sup> Постановление — Клятва 11-ти дугуйланов Ушанского хошуна от 1911 г., при кумирне Улан-Тологой // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 41.
- <sup>225</sup> Весьма срочное приказание большого дугуйлана при кумирне Халюта на имя Худ[?]и дугуйлан от 1907 года лошади (12-2 час. дня) // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 42.
- <sup>226</sup> Материалы об истории дугуйланского движения // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 38.
- <sup>227</sup> Там же. Л. 39.
- <sup>228</sup> Весьма срочное приказание большого дугуйлана при кумирне Халюта на имя Худ[?]и дугуйлан от 1907 года лошади (12-2 час. дня) // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 44.
- <sup>229</sup> Там же. Л. 45.
- <sup>230</sup> Там же. Л. 43.
- <sup>231</sup> Доклад тов. Фументая о положении в западной части Внутренней Монголии и дунганском восстании // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 88–94.
- <sup>232</sup> Материалы об истории дугуйланского движения в Ордосе // РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22. Л. 40.
- <sup>233</sup> Там же.
- <sup>234</sup> *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М.: Наука, 1984. С. 32.
- <sup>235</sup> Записка П. Мифа от 6 апреля 1928 г. о направлении в Монголию комиссии для разрешения «Монгольского вопроса» // РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 3. Д. 1. Л. 5.
- <sup>236</sup> Там же. Л. 3.

<sup>237</sup> Записка о внутривполитической ситуации в Монголии после проведения Пленума ЦК МНРП // РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 3. Д. 1. Л. 14.

<sup>238</sup> *Lattimore O.* Nomads and Commissars: Mongolia Revisited. New York: Oxford University Press, 1962. P. 52.

<sup>239</sup> *Lattimore O.* The Mongols of Manchuria: Their tribal divisions, geographical distribution, historical. London: George Allen & Unwin, 1935. P. 17–19.

### Глава 3

<sup>1</sup> *Abend H.* Japanese Seek Chahar // The New York Times. 1933. April 11. P. 13.

<sup>2</sup> *Abend H.* Japanese drive in Chahar likely // The New York Times. 1933. June 07. P. 11.

<sup>3</sup> Mystery death of Chinese general // The Straits Times. 1933. July 14. P. 18.

<sup>4</sup> Chahar Situation is Complex // The New York Times. 1933. July 29. P. 1.

<sup>5</sup> New state // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1933. September 20. P. 9.

<sup>6</sup> Work of Japanese? // The Straits Times. 1933. September 20. P. 11.

<sup>7</sup> Peitaiho threatened by huge bandit army // The Straits Times. 1933. September 23. P. 11.

<sup>8</sup> Mr. Wang Ching Wei // Malaya Tribune. 1933. October 04. P. 11.

<sup>9</sup> Mongolian Autonomy // Malaya Tribune. October 07. P. 11.

<sup>10</sup> Independent Mongolia // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1932. December 22. P. 8.

<sup>11</sup> Japan aiding bandits? // The Straits Times. 1933. October 03. P. 11.

<sup>12</sup> Ibid.

<sup>13</sup> Prince Wang // Malaya Tribune. 1933. October 4. P. 13.

<sup>14</sup> Mongolian Princes // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1933. October 05. P. 2.

<sup>15</sup> Mongols to seize Charhar? // The Straits Times. October 02. P. 11.

<sup>16</sup> Unrest Among the Mongols // Argus. 1933. October 21. P. 6.

<sup>17</sup> Japan aiding bandits? // The Straits Times. 1933. October 03. P. 11.

<sup>18</sup> Mr. Wang Ching Wei // Malaya Tribune. 1933. October 04. P. 11.

<sup>19</sup> Mongolian threat // Northern Star. 1933. October 19. P. 7.

<sup>20</sup> New Chinese problem // West Australian. 1933. October 19. P. 13.

<sup>21</sup> Inner Mongolia move for self-soveiment ultimatum to China // Kalgoorlie Miner. 1933. October 19. P. 5.

<sup>22</sup> Annexation of Mongolia and Sinkiang? // Malaya Tribune. 1933. October 09. P. 9.

<sup>23</sup> *Steele A.T.* Self-rule sought by Inner Mongolia // The New York Times. 1933. October 16. P. 1.

<sup>24</sup> Mongol rulers demand independence // Advertiser. 1933. October 20. P. 27.

<sup>25</sup> Carrying out Tanaka plan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1933. October 10. P. 2.

<sup>26</sup> Mongolia. Claim for Autonomy // Sydney Morning Herald. 1933. October 19. P. 11.

- <sup>27</sup> Inner Mongolia // *Western Argus*. 1933. October 24. P. 24.
- <sup>28</sup> Mongolian princes seek autonomy // *Argus*. 1933. October 19. P. 7.
- <sup>29</sup> Demand for autonomy // *Courier-Mail*. 1933. October 20. P. 14.
- <sup>30</sup> Resignation of Gen. Ho // *The Straits Times*. 1933. October 10. P. 11.
- <sup>31</sup> Buffer state // *Examiner*. 1933. October 19. P. 9.
- <sup>32</sup> *Steele A.T.* Self-rule sought by Inner Mongolia // *The New York Times*. 1933. October 16. P. 1.
- <sup>33</sup> *Powell John.* Mongolians declare independence // *Chicago Daily Tribune*. 1933. October 14. P. 13.
- <sup>34</sup> An Eye-witness in Mongolia. II: Priests and politics // *The Times*. 1936. March 26.
- <sup>35</sup> *Lattimore O.* Nomads and Commissars: Mongolia Revisited. New York, 1962. P. 132.
- <sup>36</sup> Resignation of Gen. Ho // *The Straits Times*. 1933. October 10. P. 11.
- <sup>37</sup> *Powell John.* Mongolians declare Independence // *Chicago Daily Tribune*. 1933. October 14. P. 13.
- <sup>38</sup> Mongolian crisis looms threat to Chinese government // *Canberra Times*. 1933. October 19. P. 1.
- <sup>39</sup> Disrupting China // *Mercury*. 1933. October 20. P. 9.
- <sup>40</sup> The Far East. New development // *Townsville Daily Bulletin*. 1933. October 21. P. 7.
- <sup>41</sup> Japanese Plans for Buffer State // *Examiner*. 1937. October 21. P. 7.
- <sup>42</sup> Plots in the north // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. October 20. P. 9.
- <sup>43</sup> Semi-independence? // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. October 20. P. 2.
- <sup>44</sup> Autonomy for Mongolia // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. October 23. P. 9.
- <sup>45</sup> Marching on Changchun // *The Straits Times*. 1933. October 23. P. 11.
- <sup>46</sup> Passes to be returned? // *The Straits Times*. October 24. P. 11.
- <sup>47</sup> Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1933. October 24. P. 10.
- <sup>48</sup> Mongolia Next? // *Malaya Tribune*. 1933. November 04. P. 10.
- <sup>49</sup> Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1933. November 03. P. 5.
- <sup>50</sup> Autonomy of Mongolia // *Malaya Tribune*. 1933. October 28. P. 17.
- <sup>51</sup> *Lattimore O.* Nomads and Commissars: Mongolia Revisited. New York, 1962. P. 56.
- <sup>52</sup> Inner Mongolian Autonomy Near // *The New York Times*. 1933. October 30. P. 1.
- <sup>53</sup> 170 Princes set up new rule in Inner Mongolia // *Chicago Daily Tribune*. 1933. October 30. P. 9.
- <sup>54</sup> Autonomy in Mongolia // *The Manchester Guardian*. 1933. October 31. P. 12.
- <sup>55</sup> Mongolians form autonomous state // *The Washington Post*. 1933. October 30. P. 1.
- <sup>56</sup> Nanking accepts resignation // *The Straits Times*. 1933. October 30. P. 11.

- <sup>57</sup> Chinese mission to Mongolia // *The Manchester Guardian*. 1933. October 28. P. 14.
- <sup>58</sup> Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1933. October 31. P. 2.
- <sup>59</sup> *Ibid.* P. 7.
- <sup>60</sup> Independent Mongolia // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. November 01. P. 3.
- <sup>61</sup> Mongolia is tired of Nanking // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. November 02. P. 9.
- <sup>62</sup> *Ibid.*
- <sup>63</sup> «Autonomy» of Mongolia // *Malaya Tribune*. 1933. November 03. P. 19.
- <sup>64</sup> Nanking-Mongol clash feader // *The Straits Times*. 1933. November 02. P. 11.
- <sup>65</sup> Chinese troops sent to Mongolia // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. November 03. P. 9.
- <sup>66</sup> Discontent in Manchuria // *Malaya Tribune*. 1933. November 15. P. 2.
- <sup>67</sup> *Steele A.T.* Mongols prepare for independence // *The New York Times*. 1933. November 05. P. E8.
- <sup>68</sup> *Steele A.T.* Mongols prepare for independence // *The New York Times*. 1933. November 05. P. E8.
- <sup>69</sup> Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1933. November 07. P. 7.
- <sup>70</sup> Many attacks by volunteers // *Malaya Tribune*. 1933. November 08. P. 9.
- <sup>71</sup> Japanese planes fly over Soviet territory // *The Straits Times*. 1933. November 06. P. 11.
- <sup>72</sup> Ridiculous Japanese plans to seize Siberia // *The Straits Times*. 1933. November 07. P. 11.
- <sup>73</sup> Why Independence is Demanded // *The Straits Times*. 1933. November 17. P. 19.
- <sup>74</sup> Invade runan // *Malaya Tribune*. 1933. November 08. P. 19.
- <sup>75</sup> Mongolia bankrupt // *Malaya Tribune*. 1933. November 16. P. 10.
- <sup>76</sup> Fukien revolt critical // *The Straits Times*. 1933. November 16. P. 11.
- <sup>77</sup> *Steele A.T.* Mongols prepare for independence // *The New York Times*. 1933. November 05. P. E8.
- <sup>78</sup> Mongolia determined to be free // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. December 18. P. 7.
- <sup>79</sup> Youth vs. age // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. November 23. P. 2.
- <sup>80</sup> All-sheep banquet // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. November 16. P. 3.
- <sup>81</sup> Negotiations aid Mongol autonomy // *The New York Times*. 1933. November 06. P. 13.
- <sup>82</sup> Restive Mongolia // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. November 15. P. 2.
- <sup>83</sup> Szechuen «Reds» // *Malaya Tribune*. 1933. November 13. P. 10.
- <sup>84</sup> The Mongols proceed to Nanking shortly // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. November 20. P. 1.
- <sup>85</sup> Future of Tibet // *The Manchester Guardian*. 1933. December 22. P. 9.



- <sup>86</sup> Marshal Chiang's armies ready to defy Japan // *The Straits Times*. 1934. May 05. P. 11.
- <sup>87</sup> The Panchan Lama // *The Straits Times*. August 13. P. 11.
- <sup>88</sup> China and Manchukuo Customs // *Malaya Tribune*. 1933. November 18. P. 13.
- <sup>89</sup> China Making Peace with Mongolians // *Malaya Tribune*. November 20. P. 10.
- <sup>90</sup> Trouble feared in Mongolia // *Canberra Times*. 1933. November 21. P. 1.
- <sup>91</sup> Autonomy movement in Inner Mongolia. Compromise reached // *The Times*. 1933. November 22.
- <sup>92</sup> Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1933. November 24. P. 3.
- <sup>93</sup> Compromise in Mongolia // *The Manchester Guardian*. 1933. November 22. P. 3.
- <sup>94</sup> Racial minorities in China // *Malaya Tribune*. 1933. November 27. P. 2.
- <sup>95</sup> Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1933. November 29. P. 16.
- <sup>96</sup> Japanese Seize districts // *Malaya Tribune*. 1933. December 09. P. 12.
- <sup>97</sup> Новейшая история Китая: 1928–1949. М., 1984. С. 127.
- <sup>98</sup> Another Chinese problem // *Courier-Mail*. 1933. December 14. P. 13.
- <sup>99</sup> Mongol autonomy movement. Compromise repudiated by princes // *The Times*. 1933. December 13.
- <sup>100</sup> *Lattimore O.* The Mongols of Manchuria: Their tribal divisions, geographical distribution, historical. London, 1935. 312 p.
- <sup>101</sup> Mongolia. Country Now Prominent // *Sydney Morning Herald*. 1934. August 23. P. 8.
- <sup>102</sup> Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1933. December 29. P. 18.
- <sup>103</sup> Inner Mongolia // *The Manchester Guardian*. 1934. January 01. P. 8.
- <sup>104</sup> The mongolian question // *Malaya Tribune*. 1934. January 03. P. 16.
- <sup>105</sup> Peace delegates // *Malaya Tribune*. 1934. January 02. P. 11.
- <sup>106</sup> China national congress // *Malaya Tribune*. 1934. January 23. P. 10.
- <sup>107</sup> Premier's promise // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1934. February 12. P. 11.
- <sup>108</sup> Autonomy granted to Inner Mongolians ends move for annexation to Manchukuo // *The New York Times*. 1934. April 22. P. E8.
- <sup>109</sup> Nanking note to Japan // *The Straits Times*. 1934. March 08. P. 11.
- <sup>110</sup> Arrest traitors // *Malaya Tribune*. 1934. March 14. P. 19.
- <sup>111</sup> Shanghai war hero // *Malaya Tribune*. 1934. March 19. P. 11.
- <sup>112</sup> Canton-Hanoi air line agreement // *The Straits Times*. 1934. April 05. P. 16.
- <sup>113</sup> Mongolia to join Manchukuo? // *Malaya Tribune*. 1934. April 02. P. 9.
- <sup>114</sup> Mongolia's Future // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1934. April 03. P. 11.
- <sup>115</sup> 200,000 perish in famine in Santung // *The Straits Times*. 1934. April 02. P. 18.
- <sup>116</sup> Independent Mongolian Government // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1934. April 09. P. 9.
- <sup>117</sup> Mongolian Princes Attitude // *The Straits Times*. 1934. April 08. P. 14.
- <sup>118</sup> Japanese are active in Inner Mongolia // *The New York Times*. 1934. April 19. P. 18.

- 119 All quiet in East Charhar // *Malaya Tribune*. 1934. April 24. P. 2.
- 120 Mongolian Autonomy // *The Straits Times*. 1934. April 23. P. 7.
- 121 Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1934. May 10. P. 2.
- 122 Soviet arms for outer Mongolia // *The Straits Times*. 1934. May 07. P. 19.
- 123 China to Increase // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1934. May 07. P. 9.
- 124 Mongols building self-ruled state // *The New York Times*. 1934. May 27. P. 22.
- 125 Facing the crisis in Charhar // *Malaya Tribune*. 1934. May 03. P. 2.
- 126 Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1934. May 05. P. 13.
- 127 Marshal Chiang's armies ready to defy Japan // *The Straits Times*. 1934. May 05. P. 11.
- 128 Mongols building self-ruled state // *The New York Times*. 1934. May 27. P. 22.
- 129 In Mongolia. Japanese occupation // *Cairns Post*. 1934. April 28. P. 9.
- 130 Mongol autonomy movement. Formation of political council // *The Times*. 1934. April 25.
- 131 Japan's threat in Mongolia // *Daily News*. 1934. April 28. P. 12.
- 132 Japan could occupy Mongolia // *Courier-Mail*. 1934. April 28. P. 13.
- 133 Mongolia emerges // *Cairns Post*. 1934. May 25. P. 13.
- 134 Anti-Chinese campaign // *The Straits Times*. 1934. August 03. P. 12.
- 135 Japanese in Mongolia // *Sunday Mail*. 1935. June 02. P. 7.
- 136 Japanese Pressure in Mongolia // *Advocate*. 1935. June 03. P. 1.
- 137 More Japanese demands // *The Manchester Guardian*. 1935. June 01. P. 14.
- 138 Japan Insists // *The Manchester Guardian*. 1935. June 13. P. 8.
- 139 Chinese give way. Troops leaving Peking // *The Times*. 1935. June 10.
- 140 Mongolia's future // *The Straits Times*. 1934. September 28. P. 11.
- 141 *Miller B.H.* Japan reaches boldly for more of China as warfare frets Europe // *The Washington Post*. 1935. November 03. P. 11.
- 142 Mongols building self-ruled state // *The New York Times*. 1934. May 27. P. 22.
- 143 Red leaders killed // *Malaya Tribune*. 1934. July 13. P. 11.
- 144 Coup plotted in North China // *The Straits Times*. 1934. July 13. P. 11.
- 145 Mission to Mongolia // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1934. October 27. P. 9.
- 146 Mongolia prince tires of existence in tents // *The Washington Post*. 1935. September 29. P. B10.
- 147 Canton's defenses // *The Straits Times*. 1934. October 27. P. 11.
- 148 Mongolian gesture // *The Straits Times*. 1934. November 04. P. 11.
- 149 Manchukuo. Western Frontier Incidents // *Sydney Morning Herald*. 1935. February 26. P. 10.
- 150 *Miller B.H.* Japan reaches boldly for more of China as warfare frets Europe // *The Washington Post*. 1935. November 03. P. 11.
- 151 Civil war fear in Mongolia // *The Straits Times*. 1935. September 07. P. 11.
- 152 «Autonomy» in North China. The dominions and foreign affairs. Air Routes of the Empire // *The Times*. 1935. November 22.
- 153 Mongolia — Suiyuan dispute // *The Straits Times*. 1935. March 23. P. 19.
- 154 Civil war threat in China // *The Straits Times*. 1935. March 25. P. 11.

- <sup>155</sup> Mongolian industries // The Straits Times. 1935. April 01. P. 6.
- <sup>156</sup> Fighting in Suiyuan // The Times. 1935. November 26.
- <sup>157</sup> Mongolian Dispute Settled // The Straits Times. 1935. December 06. P. 10.
- <sup>158</sup> Mongolian demand // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1931. April 11. P. 7.
- <sup>159</sup> *Abend H.* Smuggling of silver from China halted // Los Angeles Times. 1936. January 12. P. C4.
- <sup>160</sup> Rebellion in Inner Mongolia // The Straits Times. 1935. December 26. P. 12.
- <sup>161</sup> Inner Mongolia declared Independence // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. December 27. P. 1.
- <sup>162</sup> *Lattimore O.* The Mongols of Manchuria: Their tribal divisions, geographical distribution, historical. London, 1935. P. 30.
- <sup>163</sup> Area in Mongolia splits from China // The New York Times. 1935. December 24. P. 9.
- <sup>164</sup> Pro-Tokyo official slain in Shanghai // The New York Times. 1935. December 26. P. 1.
- <sup>165</sup> Further Fighting in East Hopei // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. December 19. P. 10.
- <sup>166</sup> Area in Mongolia splits from China // The New York Times. 1935. December 24. P. 9.
- <sup>167</sup> Rebellion in Inner Mongolia // The Straits Times. 1935. December 26. P. 12.
- <sup>168</sup> Inner Mongolia declared Independence // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. December 27. P. 1.
- <sup>169</sup> Inner Mongolia prepared to resist Japan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. December 28. P. 1.
- <sup>170</sup> Independence of Inner Mongolia // The Straits Times. 1935. December 27. P. 11.
- <sup>171</sup> *Lore L.* Inner Mongolia casts lot with Japan's Manchoukuo // New York Post. 1935. December 27. P. 10.
- <sup>172</sup> East Hopei Rebels March on Tientsin Japan Aids Prince Teh // The Straits Times. 1935. December 29. P. 1.
- <sup>173</sup> Rebels advance on Tientsin // Sunday Tribune (Singapore). 1935. December 29. P. 1.
- <sup>174</sup> Soviet Advises China Not to Conclude Agreements with Japan or Manchukuo // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. December 30. P. 10.
- <sup>175</sup> Sino-Japanese talks break down // The Straits Times. 1936. January 02. P. 5.
- <sup>176</sup> Sino-Japanese clash at the gates of peiping new crisis in China // Malaya Tribune. 1936. January 09. P. 11.
- <sup>177</sup> Japanese demands invaded // Recorder. 1936. January 10. P. 1.
- <sup>178</sup> Autonomous area set up in Suiyuan // The New York Times. 1936. January 11.
- <sup>179</sup> New puppet state. Japanese influence // Northern Standard. 1926. January 21. P. 9.
- <sup>180</sup> Eastern Mongolia new autonomous state establishment announced // Barrier Miner. 1936. January 21. P. 4.

- <sup>181</sup> News is brief // Western Star and Roma Advertiser. 1936. January 22. P. 2.
- <sup>182</sup> Foreign // Western Mail. 1936. January 23. P. 18.
- <sup>183</sup> New Mongolian state created // Advertiser. 1936. January 21. P. 19.
- <sup>184</sup> New state formed // Northern Star. 1936. January 21. P. 7.
- <sup>185</sup> Japanese coup in Mongolia // Daily News. 1936. January 20. P. 8.
- <sup>186</sup> Today's news // Courier-Mail. 1936. January 20. P. 1.
- <sup>187</sup> Japan encircling North China // Courier-Mail. 1936. January 20. P. 16.
- <sup>188</sup> Inner Mongolia Forms Autonomous State // Argus. 1936. January 21. P. 9.
- <sup>189</sup> Eastern Mongolia. New Autonomous State // Kalgoorlie Miner. 1936. January 21. P. 5.
- <sup>190</sup> Eastern Mongolia New Autonomous State // Western Argus. 1936. January 28. P. 27.
- <sup>191</sup> Territorial Reshuffles in Mongolia // Advocate. 1936. January 21. P. 1.
- <sup>192</sup> A New State // West Australian. 1936. January 21. P. 3.
- <sup>193</sup> Martial Law at Paotingfu // Sunday Tribune (Singapore). 1936. January 21. P. 1.
- <sup>194</sup> Prince Teh goes over to Manchukuo // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. January 20. P. 10.
- <sup>195</sup> Mongols set up pro-Manchukuo regime in China // Chicago Daily Tribune. 1936. January 19. P. 6.
- <sup>196</sup> Prince Teh goes over to Manchukuo // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. January 20. P. 10.
- <sup>197</sup> Prompted by Japan // The Straits Times. 1936. January 20. P. 11.
- <sup>198</sup> Prince Teh goes over to Manchukuo // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. January 20. P. 10.
- <sup>199</sup> Japan's New move in China // Advertiser. 1936. January 20. P. 17.
- <sup>200</sup> Manchukuo troops in Chahar. Japanese pressure for autonomy // The Times. 1936. January 26.
- <sup>201</sup> Statement by Mr. H. Arita // Malaya Tribune. 1936. February 28. P. 14.
- <sup>202</sup> Inner Mongolia: Cash Rebellion // Time. 1936. March 09.
- <sup>203</sup> Conflict between Mongolian Princes likely // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. January 21. P. 9.
- <sup>204</sup> Communist revolt in South Hope! // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. January 31. P. 1.
- <sup>205</sup> A Mongol leader murdered. Two more autonomous regimes // The Times. 1936. January 27.
- <sup>206</sup> Балакшин П. Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк, 1958. Т. 1. С. 173–175.
- <sup>207</sup> Foreign Affairs. International Kaleidoscope // Morning Bulletin. 1936. January 31. P. 8.
- <sup>208</sup> Genghis Khan // The Observer. 1936. March 01. P. 9.
- <sup>209</sup> Inner Mongolia // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. January 30. P. 9.

- <sup>210</sup> Fighting on Suiyuan Border // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. February 05. P. 9.
- <sup>211</sup> Not to disintegrate Mongolia // The Straits Times. 1936. February 11. P. 9.
- <sup>212</sup> Japan Tightens Grip on Inner Mongolia. 59 Banners Transfer Their Allegiance // The Straits Times. 1936. March 17. P. 19.
- <sup>213</sup> Inner Mongolia developments // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. March 11. P. 9.
- <sup>214</sup> *Powell John*. Japan's troops seize capital of Inner Mongolia // Chicago Daily Tribune. 1936. March 10. P. 7–8.
- <sup>215</sup> Situation at Kalgan Much Worse // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. March 19. P. 9.
- <sup>216</sup> Peilingmiao council reorganized // The Straits Times. 1936. March 23. P. 9.
- <sup>217</sup> Japanese drome in Inner Mongolia // The Straits Times. 1936. March 23. P. 11.
- <sup>218</sup> Famine in Inner Mongolia // The Straits Times. 1936. March 26. P. 9.
- <sup>219</sup> Cannibalism in China // The Straits Times. 1936. April 01. P. 8.
- <sup>220</sup> Prince Teh calls a conference // The Straits Times. 1936. April 14. P. 11.
- <sup>221</sup> Japanese penetration in Mongolia // The Times. 1936. April 29.
- <sup>222</sup> Japanese in North China // The Manchester Guardian. 1936. May 01. P. 14.
- <sup>223</sup> *Lore L*. Far East rumor mills grind exceeding fine // New York Post. 1936. June 04. P. 9.
- <sup>224</sup> Inner Mongolia // The Manchester Guardian. 1936. April 29. P. 6.
- <sup>225</sup> *Abend H*. Japanese retort to British // The New York Times. 1936. April 30. P. 9.
- <sup>226</sup> Forms New jap puppet regime // Chicago Daily Tribune. 1936. April 30. P. 2.
- <sup>227</sup> Mongols to govern Inner Mongolia // The Straits Times. 1936. May 01. P. 11.
- <sup>228</sup> Japanese Conquest of Mongolia // The Straits Times. 1936. May 21. P. 18.
- <sup>229</sup> Новейшая история Китая: 1928–1949. М.: Наука, 1984. С. 128.
- <sup>230</sup> Separatist regime in Inner Mongolia? // The Straits Times. 1936. May 12. P. 23.
- <sup>231</sup> China's satisfactory finances // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. May 12. P. 9.
- <sup>232</sup> Mongol puzzle // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. May 15. P. 14.
- <sup>233</sup> Japanese Conquest of Mongolia // The Straits Times. 1936. May 21. P. 18.
- <sup>234</sup> Another advance? // The Straits Times. 1936. June 02. P. 9.
- <sup>235</sup> Japanese demands rejected // Malaya Tribune. 1936. June 03. P. 11.
- <sup>236</sup> *Lore L*. Japan cuts herself another piece of Chinese cake // New York Post. 1936. June 30. P. 9.
- <sup>237</sup> Japanese place puppet king on Mongol throne // Chicago Daily Tribune. 1936. June 28. P. 1.
- <sup>238</sup> Puppet state in Mongolia? // The Straits Times. 1936. June 30. P. 5.
- <sup>239</sup> *Robertson D*. Hard choice for Mongols // The New York Times. 1936. July 05. P. E5.
- <sup>240</sup> Prince Yun arrested // The Straits Times. 1936. July 02. P. 12.
- <sup>241</sup> Japanese troops for Mongolia? // The Straits Times. 1936. July 08. P. 11.

- <sup>242</sup> *Robertson D.* Hard choice for Mongols // *The New York Times*. 1936. July 05. P. E5.
- <sup>243</sup> Struggle for Mongolia // *Sydney Morning Herald*. 1936. August 14. P. 8.
- <sup>244</sup> New attack on Suiyuan // *The New York Times*. 1936. August 18. P. 4.
- <sup>245</sup> *Robertson D.* Japanese uphold Mongolian rebels // *The New York Times*. 1936. November 16. P. 4.
- <sup>246</sup> Chinese warning to Japan // *The Straits Times*. 1936. December 03. P. 9.
- <sup>247</sup> Suiyuan invaders ultimatum to Chinese // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 04. P. 9.
- <sup>248</sup> New regime in Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1937. February 12. P. 11.
- <sup>249</sup> Mongol state set up, says Chahar report // *New York Post*. 1937. March 16. P. 1.
- <sup>250</sup> Japan creates of Mongokuo puppet state // *The Washington Post*. 1937. March 17. P. 1.
- <sup>251</sup> Japan carves out New slice of North China // *Chicago Daily Tribune*. 1937. March 17. P. 19.
- <sup>252</sup> New China-Japan parleys // *The Straits Times*. 1937. March 16. P. 4.
- <sup>253</sup> Revolt feared in Mongokuo puppet state // *The Washington Post*. 1937. March 18. P. 7.
- <sup>254</sup> Mongols Petition Chinese to recover Chahar // *The Straits Times*. 1937. April 27. P. 9.
- <sup>255</sup> *Steele A.* North China alert to curb Japanese // *The New York Times*. 1937. May 09. P. 23.
- <sup>256</sup> War rumblings rise in new jap puppet state // *Chicago Daily Tribune*. 1937. March 18. P. 5.
- <sup>257</sup> *Big N.* China Defence Conference // *The Straits Times*. 1937. May 09. P. 8.
- <sup>258</sup> Japanese confirm unrest in Chahar // *The New York Times*. 1937. June 11. P. 15.
- <sup>259</sup> Intervention in Mongolia // *The Straits Times*. 1937. June 14. P. 11.
- <sup>260</sup> *Steele A.* North China alert to curb Japanese // *The New York Times*. 1937. May 09. P. 23.
- <sup>261</sup> Sino-Japanese crisis // *The Straits Times*. 1937. June 15. P. 9.
- <sup>262</sup> Red army moving on Manchukuo // *The Straits Times*. 1937. June 16. P. 11.
- <sup>263</sup> East Hopei // *Morning Tribune*. 1937. June 29. P. 11.
- <sup>264</sup> Japan reports big gains in North // *The New York Times*. 1937. August 29.

#### Глава 4

- <sup>1</sup> Independent Mongolia // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1932. December 22. P. 8.
- <sup>2</sup> 200,000 perish in famine in Santung // *The Straits Times*. 1934. April 02. P. 18.
- <sup>3</sup> *Lore L.* Far East rumor mills grind exceeding fine // *New York Post*. 1936. June 04. P. 9.
- <sup>4</sup> North China-Manchukuo Air Services // *The Straits Times*. 1936. November 21. P. 9.

<sup>5</sup> *Хасы Мужэнь, Бу Хэ*. [Деятельность в Монголии Квантунской армии и создание марионеточного государства Мэнцзян // Вестн. Ун-та национальностей Внутренней Монголии. 2001. № 3. С. 61–65. (Общественные науки.)]

<sup>6</sup> *Чжан Цичжи и др.* [История поздней династии Цин и Китайской Республики. Пекин, 2000. С. 440.]

<sup>7</sup> 60 planes in canton air rally // *The Straits Times*. 1933. September 21. P. 11.

<sup>8</sup> Rebels advance on Tientsin // *Sunday Tribune* (Singapore), 1935. December 29. P. 1.

<sup>9</sup> Confederation of states in North China // *Malaya Tribune*. 1936. January 08. P. 15.

<sup>10</sup> Autonomy regimes to be merged? // *The Straits Times*. 1936. February 11. P. 11.

<sup>11</sup> Big offensive launched // *The Straits Times*. 1933. May 09. P. 11.

<sup>12</sup> Peitaiho threatened by huge bandit army // *The Straits Times*. 1933. September 23. P. 11.

<sup>13</sup> Историография Пекинского университета. Пекин, 2003. Т. 9. С. 288.

<sup>14</sup> Japanese advance in Mongolia // *The Manchester Guardia*. 1933. August 16. P. 9.

<sup>15</sup> Japanese Methods // *The Manchester Guardian*. 1933. August 16. P. 8.

<sup>16</sup> Peitaiho threatened by huge bandit army // *The Straits Times*. 1933. September 23. P. 11.

<sup>17</sup> Japanese planes warning // *The Manchester Guardian*. 1933. September 18. P. 13.

<sup>18</sup> Japan's scheme for another state // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. September 21. P. 9.

<sup>19</sup> *Steele A.T.* Mongols prepare for independence // *The New York Times*. 1933. November 05. P. E8.

<sup>20</sup> *Сайнхан, Джинхай, Судбилэг*. [История Монголии в составе Китайской Республики. Хох-Хото: Изд-во Внутренней Монголии, 2007. 217 с.]

<sup>21</sup> 60 planes in canton air rally // *The Straits Times*. 1933. September 21. P. 11.

<sup>22</sup> Nanking accepts resignation // *The Straits Times*. 1933. October 30. P. 11.

<sup>23</sup> China to Increase // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1934. May 07. P. 9.

<sup>24</sup> Settlers for Mongolia // *The Straits Times*. 1933. September 30. P. 7.

<sup>25</sup> Annexation of Mongolia and Sinkiang? // *Malaya Tribune*. 1933. October 09. P. 9.

<sup>26</sup> A stepping-stone // *Malaya Tribune*. 1934. January 03. P. 16.

<sup>27</sup> Japanese advance in China // *The Manchester Guardian*. 1934. January 18. P. 4.

<sup>28</sup> Manchukuo flag flies in Charhar // *The Straits Times*. 1934. January 28. P. 11.

<sup>29</sup> Manchurian border. A tiny «puppet state» // *The Times*. 1935. February 06.

<sup>30</sup> Manchukuo likely to annex Chahar // *The New York Times*. 1934. October 26. P. 15.

<sup>31</sup> Japan — China: Chahar // *Time*. 1935. February 04.

<sup>32</sup> Japanese in Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1935. November 11. P. 5.

- <sup>33</sup> Japanese in Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1935. October 03. P. 12.
- <sup>34</sup> Manchukuo from North China // *The New York Times*. 1935. December 13.
- <sup>35</sup> Situation Worsens in East Charhar // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1935. December 13. P. 10.
- <sup>36</sup> Manchukuo flag flies in Charhar // *The Straits Times*. 1934. January 28. P. 11.
- <sup>37</sup> All quiet in East Charhar // *Malaya Tribune*. 1934. April 24. P. 2.
- <sup>38</sup> Facing the crisis in Charhar // *Malaya Tribune*. 1934. May 03. P. 2.
- <sup>39</sup> Gen. Sung, 55, dead // *The New York Times*. 1940. April 07. P. 48.
- <sup>40</sup> Representative of Mr. Hu Han-Min // *The Straits Times*. 1936. February 28. P. 9.
- <sup>41</sup> N. China Reforms // *The Straits Times*. 1937. March 08. P. 5.
- <sup>42</sup> The Future of China // *The Manchester Guardian*. 1934. May 08. P. 11–12.
- <sup>43</sup> *Steele A.T.* Hard task looms in Chahar region // *The New York Times*. 1933. December 17. P. 8.
- <sup>44</sup> Final Japanese demands. Full autonomy for N. China // *The Straits Times*. 1936. March 02. P. 11.
- <sup>45</sup> East Hopei regime // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. October 06. P. 9.
- <sup>46</sup> Issue in East Hopei // *Malaya Tribune*. 1936. May 18. P. 11.
- <sup>47</sup> Domination of North China // *Morning Tribune*. 1936. April 20. P. 2.
- <sup>48</sup> Hopei-Chahar delegates parley with Japan // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. July 17. P. 1.
- <sup>49</sup> Untitled // *The Straits Times*. 1936. April 17. P. 11.
- <sup>50</sup> Gen. Sung, 55, dead // *The New York Times*. 1940. April 07. P. 48.
- <sup>51</sup> Murder of Gareth Jones // *Sydney Morning Herald*. 1935. September 26. P. 10.
- <sup>52</sup> A look around // *Malaya Tribune*. 1935. December 14. P. 12.
- <sup>53</sup> Further fighting in East Hopei // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1935. December 19. P. 10.
- <sup>54</sup> Independence of Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1935. December 27. P. 11.
- <sup>55</sup> Japanese Warships Threaten to Fire on Students // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1935. December 24. P. 10.
- <sup>56</sup> Rebellion in Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1935. December 26. P. 12.
- <sup>57</sup> Soviet Advises China Not to Conclude Agreements with Japan or Manchukuo // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1935. December 30. P. 10.
- <sup>58</sup> Manchukuo opens drive // *Los Angeles Times*. 1935. December 29. P. 10.
- <sup>59</sup> Tokyo ultimatum reported in China // *The New York Times*. 1936. January 08. P. 9.
- <sup>60</sup> Punitive expedition to Inner Mongolia // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. January 01. P. 10.
- <sup>61</sup> Japanese to «dominate North China» // *The Straits Times*. 1936. January 08. P. 11.
- <sup>62</sup> Tokyo ultimatum reported in China // *The New York Times*. 1936. January 08. P. 9.



- <sup>63</sup> Japanese to «dominate North China» // *The Straits Times*. 1936. January 08. P. 11.
- <sup>64</sup> Japanese designs in North China. Fears for Shantung and Shansi // *The Times*. 1936. January 14.
- <sup>65</sup> Prince Teh goes over to Manchukuo // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. January 20. P. 10.
- <sup>66</sup> North China accepts half Japanese demands separate money policy // *Malaya Tribune*. 1936. February 10. P. 11.
- <sup>67</sup> East Hopei rebels // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. February 08. P. 1.
- <sup>68</sup> The attack on Suiyuen // *Malaya Tribune*. 1936. February 11. P. 13.
- <sup>69</sup> 15,000 Manchukuo troops arrive at frontier // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. February 25. P. 9.
- <sup>70</sup> Parley in North China // *Malaya Tribune*. 1936. February 25. P. 14.
- <sup>71</sup> Statement by Mr. H. Arita // *Malaya Tribune*. 1936. February 28. P. 14.
- <sup>72</sup> Parley in North China // *Malaya Tribune*. 1936. February 25. P. 14.
- <sup>73</sup> N. China terms revealed // *The Straits Times*. 1936. March 05. P. 11.
- <sup>74</sup> Japanese Planes for East Chahar? // *The Straits Times*. 1936. March 07. P. 11.
- <sup>75</sup> Japanese supplies for Chahar rebels // *The Straits Times*. 1936. March 16. P. 11.
- <sup>76</sup> Situation at Kalgan Much Worse // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. March 19. P. 9.
- <sup>77</sup> Fighting in Chahar imminent // *The Straits Times*. 1936. March 18. P. 12.
- <sup>78</sup> Manchu-E. Hopei pacts // *The Straits Times*. 1936. May 27. P. 8.
- <sup>79</sup> Doubt Inner Mongolian move // *The New York Times*. 1936. June 29. P. 2.
- <sup>80</sup> *Lore L.* Japan cuts herself another piece of Chinese cake // *New York Post*. 1936. June 30. P. 9.
- <sup>81</sup> Japanese take up positions along great wall // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. May 18. P. 9.
- <sup>82</sup> *Lore L.* Japan cuts herself another piece of Chinese cake // *New York Post*. 1936. June 30. P. 9.
- <sup>83</sup> *Robertson D.* Hard choice for Mongols // *The New York Times*. 1936. July 05. P. E5.
- <sup>84</sup> Hopei & Charhar to Merge with Independent Regimes // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. July 17. P. 9.
- <sup>85</sup> Japanese demand // *The Straits Times*. 1936. July 17. P. 9.
- <sup>86</sup> *Ibid.*
- <sup>87</sup> North China peace parley suspended // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. August 11. P. 9.
- <sup>88</sup> Shansi goes to aid of Suiyuan // *The Straits Times*. 1936. August 11. P. 9.
- <sup>89</sup> Manchukuo // *Morning Tribune*. 1936. August 21. P. 20.
- <sup>90</sup> Strife in Suiyuan // *The New York Times*. 1936. August 14. P. 4.
- <sup>91</sup> Japanese troops move near Peiping // *New York Post*. 1936. September 30. P. 5.
- <sup>92</sup> Japanese tanks for East Chahar // *The Straits Times*. 1936. October 12. P. 11.
- <sup>93</sup> Foreigners told to evacuate Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1936. November 12. P. 9.

- <sup>94</sup> Suiyuan invaders ultimatum to Chinese // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. December 04. P. 9.
- <sup>95</sup> The Japanese in Mongolia // The Straits Times. 1936. November 21. P. 10.
- <sup>96</sup> Suiyuan invaders attack // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. December 18. P. 2.
- <sup>97</sup> New Attack to Be Launched on East Suiyuan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. January 06. P. 1.
- <sup>98</sup> Chahar Leader on Visit to Tokio // The Straits Times. 1937. March 23. P. 5.
- <sup>99</sup> Inner Mongolian turn on Japanese // The New York Times. 1937. April 05. P. 10.
- <sup>100</sup> Chahar Deserters Publicly Executed // The Straits Times. 1937. April 14. P. 13.
- <sup>101</sup> Martial law in Pailingmiau // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. May 25. P. 9.
- <sup>102</sup> Chahar Leader's Envoy in Peiping? // The Straits Times. 1937. April 13. P. 9.
- <sup>103</sup> Martial Law Proclaimed in North Charhar // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. June 14. P. 9.
- <sup>104</sup> «Autonomy» army inspected // The Straits Times. 1937. May 06. P. 9.
- <sup>105</sup> Chahar Militia Army // The Straits Times. 1937. May 13. P. 19.
- <sup>106</sup> China Replies to Japanese Pressure // The Straits Times. 1937. June 07. P. 9.
- <sup>107</sup> Chinese volunteers crusading against Japan // The Straits Times. 1937. June 08. P. 11.
- <sup>108</sup> Martial Law Proclaimed in North Charhar // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. June 14. P. 9.
- <sup>109</sup> Anti-Manchukuo Uprisings in North Chahar // The Straits Times. 1937. June 14. P. 9.
- <sup>110</sup> *Lattimore O.* Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958. London, 1962. P. 329.
- <sup>111</sup> *Ibid.* P. 330.
- <sup>112</sup> *Сурин В.И.* Железные дороги в Маньчжурии и Китае: Материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии. Харбин, 1932. С. 44.
- <sup>113</sup> Краткий обзор Китая: Приложение к «Карте Внутреннего Китая». Харбин, 1927. С. 31.
- <sup>114</sup> Trade follows the Jap. flag // Northern Star. 1936. October 29. P. 2.
- <sup>115</sup> *Сурин В.И.* Железные дороги в Маньчжурии и Китае: Материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии. Харбин, 1932. С. 36.
- <sup>116</sup> Там же. С. 53.
- <sup>117</sup> Советы в Китае: Сб. материалов и документов. М., 1933. С. 24.
- <sup>118</sup> *Kingsberg M.L.* The poppy and the asacia: Opium and imperialism in Japanese Dairen and the Kwantung leased territory, 1905–1945. 2009. P. 205.
- <sup>119</sup> Growing Conflict. Mongolia-Turkestan. West Manchukuo Boundary // Sydney Morning Herald. 1935. April 16. P. 10.
- <sup>120</sup> Japanese in North China // The Manchester Guardian. 1936. January 09. P. 12.
- <sup>121</sup> Civil war fears grip Suiyuan // The New York Times. 1936. January 07.
- <sup>122</sup> Tokyo ultimatum reported in China // The New York Times. 1936. January 08. P. 9.

- <sup>123</sup> Autonomous area set up in Suiyuan // The New York Times. 1936. January 11.
- <sup>124</sup> Chinese Resistance to Japanese Tada Threatens Action // Malaya Tribune. 1936. February 06. P. 12.
- <sup>125</sup> Rival autonomies in Cina // The Times. 1936. February 06. P. 12.
- <sup>126</sup> *Robertson D.* Hard choice for Mongols // The New York Times. 1936. July 05. P. E5.
- <sup>127</sup> Problem for Gen. Chiang // The Straits Times. 1936. August 14. P. 11.
- <sup>128</sup> Sino-Japanese Conference // Malaya Tribune. 1936. August 24. P. 16.
- <sup>129</sup> Suiyuan border again tense // The Straits Times. 1936. September 16. P. 19.
- <sup>130</sup> Japan's move in North China // The Straits Times. 1936. August 12. P. 11.
- <sup>131</sup> Inner Mongol «State's» Protest // The Straits Times. 1936. August 28. P. 9.
- <sup>132</sup> Sino-Japanese Conference // Malaya Tribune. 1936. August 24. P. 16.
- <sup>133</sup> Mongols Migrating to Escape Famine // The Straits Times. 1936. August 26. P. 19.
- <sup>134</sup> Japanese Hold on Inner Mongolia // The Straits Times. 1936. September 02. P. 18.
- <sup>135</sup> Japan's new puppet emperor // Goulburn Evening Penny Post. 1936. October 06. P. 4.
- <sup>136</sup> Japanese troops active // The New York Times. 1936. September 22.
- <sup>137</sup> East Suiyuan Situation Worsens // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. October 15. P. 9.
- <sup>138</sup> Trade follows the Jap. flag // Northern Star. 1936. October 29. P. 2.
- <sup>139</sup> Rumored clash in Chahar // The Straits Times. 1936. October 16. P. 9.
- <sup>140</sup> Tension in North China // The Manchester Guardian. 1936. November 04. P. 14.
- <sup>141</sup> Stop press // The Straits Times. 1936. November 06. P. 11.
- <sup>142</sup> Fighting in North-West China // The Manchester Guardian. 1936. November 12. P. 6.
- <sup>143</sup> *Abend H.* Chinese beat back allies of Japanese // The New York Times. 1936. November 12. P. 1.
- <sup>144</sup> More Japanese in Suiyuan // The New York Times. 1936. November 15.
- <sup>145</sup> Assist Manchus in infantry and artillery attack // New York Post. 1936. November 16.
- <sup>146</sup> Fierce fight in Inner Mongolia // The Manchester Guardian. 1936. November 17. P. 6.
- <sup>147</sup> Aggression in North China // The Manchester Guardian. 1936. November 21. P. 13.
- <sup>148</sup> Moscow charges Japan with plotting to seize Mongolia // Chicago Daily Tribune. 1936. November 19. P. 6.
- <sup>149</sup> In Brief. I Fighting in Suiyuan // Western Mail. 1936. November 19. P. 8.
- <sup>150</sup> *Abend H.* Menace in Suiyuan arouses all China // The New York Times. 1936. November 19. P. 8.
- <sup>151</sup> Foreigners flee Suiyuan // The New York Times. 1936. November 22.
- <sup>152</sup> 1,200 shot in fight on Chinese border // The New York Times. 1936. November 23. P. 1.

- <sup>153</sup> The invasion of Suiyuan // *The Manchester Guardian*. 1936. November 28. P. 17.
- <sup>154</sup> Tokio's hand seen behind so-called nationalist revolt in Mongolia // *New York Post*. 1936. November 24.
- <sup>155</sup> Big forces massed for Suiyuan clash // *The New York Times*. 1936. November 25. P. 4.
- <sup>156</sup> Chinese take city from Mongolians // *The Washington Post*. 1936. November 25. P. X1.
- <sup>157</sup> Suiyuan reports Japanese threat // *The New York Times*. 1936. November 27. P. 17.
- <sup>158</sup> China finds a New hero // *The Straits Times*. 1936. December 06. P. 4.
- <sup>159</sup> Repulse of Japan's puppet invaders is claimed by Chinese // *Chicago Daily Tribune*. 1936. November 25. P. 15.
- <sup>160</sup> The Suiyuan Campaign // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. November 25. P. 8.
- <sup>161</sup> Jap plot to set up an empire in Mongolia bared // *Chicago Daily Tribune*. 1936. November 28. P. 7.
- <sup>162</sup> Chinese warning to Japan // *The Straits Times*. 1936. December 03. P. 9.
- <sup>163</sup> Mongols flee northwest war area of China // *Chicago Daily Tribune*. 1936. November 30. P. 11.
- <sup>164</sup> War refugees from Mongolia flee into China // *The Washington Post*. 1936. November 30. P. X2.
- <sup>165</sup> Mongol refugees flee war regions // *The New York Times*. 1936. November 30. P. 1.
- <sup>166</sup> Mongols go over to Chinese // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 02. P. 9.
- <sup>167</sup> *Ibid.*
- <sup>168</sup> Prince Teh sends pledge to Nanking // *The New York Times*. 1936. December 13. P. 39.
- <sup>169</sup> Mongols to raid Suiyuan // *The New York Times*. 1936. December 14.
- <sup>170</sup> Suiyuan invaders ultimatum to Chinese // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 04. P. 9.
- <sup>171</sup> Soviet and Japan increasing forces // *The New York Times*. 1936. December 14.
- <sup>172</sup> China and Japan // *Cairns Post*. 1937. July 27. P. 6.
- <sup>173</sup> Prince Teh Suspends Mongol Invasion // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 19. P. 9.
- <sup>174</sup> Fighting again in Suiyuan // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 21. P. 1.
- <sup>175</sup> Japanese officers shot down // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 22. P. 9.
- <sup>176</sup> Big offensive to be launched on Suiyuan // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 30. P. 9.
- <sup>177</sup> Chinese volunteers to attack Jehol capital // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 31. P. 9.

- <sup>178</sup> Japan in North China // *The Manchester Guardian*. 1937. December 06. P. 9.
- <sup>179</sup> Suiyuan invaders attack // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 18. P. 2.
- <sup>180</sup> Suiyuan truce loyal message from bandit and prince // *The Times*. 1936. December 19.
- <sup>181</sup> Nankins: Award for Shansi Leader's Mother // *The Straits Times*. 1936. December 19. P. 9.
- <sup>182</sup> Three Manchukuo regiments go over to Chinese // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. January 05. P. 9.
- <sup>183</sup> Suiyuan's defences // *The Straits Times*. 1937. January 20. P. 19.
- <sup>184</sup> Money gifts for Suiyuan // *The Straits Times*. 1937. January 29. P. 9.
- <sup>185</sup> New Attack to be Launched on East Suiyuan // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. January 06. P. 1.
- <sup>186</sup> Fresh Mutiny Reported in Chahar // *The Straits Times*. 1937. January 12. P. 19.
- <sup>187</sup> Reds in Shensi // *Morning Tribune*. 1937. February 02. P. 28.
- <sup>188</sup> Japan carves out New slice of North China // *Chicago Daily Tribune*. 1937. March 17. P. 19.
- <sup>189</sup> Minor Clashes Reported on Suiyuan Border // *The Straits Times*. 1937. May 01. P. 9.
- <sup>190</sup> «Autonomy» army inspected // *The Straits Times*. 1937. May 06. P. 9.
- <sup>191</sup> Queues Still Common in Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1937. May 13. P. 23.
- <sup>192</sup> Anti-Manchukuo Uprisings in North Chahar // *The Straits Times*. 1937. June 14. P. 9.
- <sup>193</sup> Hopei-Chahar delegates parley with Japan // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. July 17. P. 1.
- <sup>194</sup> Nanking Minister's Tour of Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1937. May 29. P. 11.
- <sup>195</sup> Untitled // *The Straits Times*. 1937. May 31. P. 11.
- <sup>196</sup> Martial law in Pailingmiau // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. May 25. P. 9.
- <sup>197</sup> More Manchu Forces for North Chahar // *The Straits Times*. 1937. June 23. P. 9.
- <sup>198</sup> Chahar rebellion reprisals // *The Straits Times*. June 29. P. 9.
- <sup>199</sup> Martial law in Suiyuan // *The Straits Times*. May 25. P. 9.
- <sup>200</sup> North Charhar // *Malaya Tribune*. 1937. July 01. P. 18.
- <sup>201</sup> Japanese successes on all fronts // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. September 14. P. 1.
- <sup>202</sup> Japanese in Shantung. Chinese retreat in boats. A stand expected // *The Times*. 1937. October 04.
- <sup>203</sup> Japanese advance in Shantung. A daring pilot // *The Times*. 1937. October 5.
- <sup>204</sup> Japanese Plans for Buffer State // *Examiner*. 1937. October 21. P. 7.
- <sup>205</sup> Soviet Mongols join N. China conflict // *The Straits Times*. 1937. October 13. P. 11.

<sup>206</sup> Japanese capture Suiyuan capital // *The New York Times*. 1937. October 15. P. 3.

<sup>207</sup> Chinese planes attack Japanese warships in the Yangtse // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1938. July 19. P. 2.

<sup>208</sup> Gen. Ma's «ghost» bobs up to give japs the jitters // *Chicago Daily Tribune*. 1940. February 05. P. 5.

<sup>209</sup> *Дудин П.Н.* Буферные государства как инструмент обеспечения стратегического присутствия в регионе Восточной Азии: Советский и японский опыт // *Вестн. Моск. ун-та*. 2018. № 6. С. 50–65; *Дудин П.Н.* Буферные зоны и их соотношение со схожими категориями территорий с особым режимом сквозь призму российского / советского и японского стратегического присутствия в регионе Восточной Азии // *Вестн. Моск. ун-та*. 2019. № 4. С. 44–62.

### Глава 5

<sup>1</sup> *Lattimore O.* Nomads and Commissars: Mongolia Revisited. New York, 1962. P. 167.

<sup>2</sup> 60 planes in canton air rally // *The Straits Times*. 1933. September 21. P. 11.

<sup>3</sup> Chinese volunteers crusading against Japan // *The Straits Times*. 1937. June 08. P. 11.

<sup>4</sup> Japanese attacks in North China // *The Manchester Guardian*. 1937. August 25. P. 5.

<sup>5</sup> Heavy Japanese losses. The Yangtze landing // *The Times*. 1937. August 26.

<sup>6</sup> Kalgan is claimed // *The New York Times*. 1937. August 25.

<sup>7</sup> Japan's Mongol allies // *The Manchester Guardian*. 1937. August 25. P. 5.

<sup>8</sup> Chinese falling back in north // *The Straits Times*. 1937. August 31. P. 11.

<sup>9</sup> Anti-Japanese Revolt in Chahar // *The Straits Times*. September 05. P. 8.

<sup>10</sup> Strategic success in north // *Sydney Morning Herald*. 1937. September 06. P. 9.

<sup>11</sup> Paoshan falls // *Malaya Tribune*. 1937. September 07. P. 13.

<sup>12</sup> Plan new Chahar regime // *The New York Times*. 1937. September 16.

<sup>13</sup> *Byas H.* Japanese set up regime in Chahar // *The New York Times*. 1937. September 04. P. 1.

<sup>14</sup> Chinese Resistance in Chahar Continues // *The Straits Times*. 1937. September 08. P. 18.

<sup>15</sup> Japanese forces go into action // *Morning Tribune*. 1937. September 07. P. 1.

<sup>16</sup> Chinese Resistance in Chahar Continues // *The Straits Times*. 1937. September 08. P. 18.

<sup>17</sup> Foreign News: Te & Confucius // *Time*. 1937. September 13.

<sup>18</sup> Japanese successes on all fronts // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. September 14. P. 1.

<sup>19</sup> Kwangsi forces in Pootung // *The Straits Times*. 1937. September 15. P. 11.

<sup>20</sup> Chinese capture Kalgan, but lose it again // *The Manchester Guardian*. 1937. September 15. P. 13.

<sup>21</sup> Inner Mongolia // *Sydney Morning Herald*. 1937. September 21. P. 10.

- <sup>22</sup> Japanese attack over 80-mile front in north // *The Manchester Guardian*. 1937. September 16. P. 12.
- <sup>23</sup> Japanese advance in north // *The Manchester Guardian*. 1937. October 15. P. 16.
- <sup>24</sup> Fighting in four provinces of northern China // *The Manchester Guardian*. 1937. October 14. P. 6.
- <sup>25</sup> War may last a year // *The Observer*. 1937. October 24. P. 22.
- <sup>26</sup> Japanese Astride Inner Mongolia // *Advertiser*. 1937. September 06. P. 20.
- <sup>27</sup> Northern campaign. steady Japanese advance // *The West Australian*. 1937. September 06. P. 15.
- <sup>28</sup> Japanese advancing // *Mercury*. 1937. September 06. P. 7.
- <sup>29</sup> Inner Mongolia. Japan's Political and Economic Experiments // *Morning Bulletin*. 1939. April 10. P. 12.
- <sup>30</sup> Inner Mongolia. Japan's Political and Economic Experiments // *Central Queensland Herald*. 1939. April 13. P. 65.
- <sup>31</sup> Inner Mongolia. becomes Japanese «lab» in China // *Cairns Post*. 1939. February 15. P. 14.
- <sup>32</sup> Economic plans for Manchukuo // *The Straits Times*. 1940. February 21. P. 14.
- <sup>33</sup> Japanese attack on wide front // *Northern Star*. 1937. October 21. P. 9.
- <sup>34</sup> Japan's New Scheme. An inner Mongolian state buffer against Russia // *Kalgoorlie Miner*. 1937. October 21. P. 5.
- <sup>35</sup> New buffer state // *Mercury*. 1937. October 21. P. 9.
- <sup>36</sup> New Puppet State // *The Straits Times*. 1937. October 21. P. 11.
- <sup>37</sup> Losing prestige // *Northern Miner*. 1937. October 22. P. 2.
- <sup>38</sup> China and Japan. Successes reported // *Townsville Daily Bulletin*. 1937. October 22. P. 7.
- <sup>39</sup> Many advance units of Tokio forces declared cut off big Shanghai barrage // *New York Post*. 1937. October 20.
- <sup>40</sup> Ibid.
- <sup>41</sup> Guns in Shanghai // *The West Australian*. 1937. November 19. P. 4.
- <sup>42</sup> New Mongolian state // *Canberra Times*. 1937. October 21. P. 1.
- <sup>43</sup> Northern fronts // *The West Australian*. 1937. October 21. P. 19.
- <sup>44</sup> Japanese Plans for Buffer State // *Examiner*. 1937. October 21. P. 7.
- <sup>45</sup> Japanese capture of pass into Shansi confirmed // *The Manchester Guardian*. 1937. October 30. P. 17.
- <sup>46</sup> Japanese plans for North China independence of Nanking // *The Times*. 1937. October 23.
- <sup>47</sup> «Independence» in N. China // *The Straits Times*. 1937. October 22. P. 11.
- <sup>48</sup> The Foreign Horizon // *Argus*. 1937. October 22. P. 12.
- <sup>49</sup> Japanese plans for North China // *The Times*. 1937. October 23.
- <sup>50</sup> Inner Mongols «Decide» on Independence // *The Straits Times*. 1937. October 25. P. 11.
- <sup>51</sup> End of Chinese rule decreed in Suiyuan // *The New York Times*. 1937. October 24. P. 31.
- <sup>52</sup> A Mongol empire // *The Manchester Guardian*. 1937. October 26. P. 14.

- <sup>53</sup> New Government in Suiyuan // *The Times*. 1937. October 27.
- <sup>54</sup> New autonomous state // *Mirror*. 1937. October 30. P. 8.
- <sup>55</sup> Chinese retreat in Shansi // *The Times*. 1937. October 26.
- <sup>56</sup> Japanese warning // *The Times*. 1937. October 30.
- <sup>57</sup> Lost battalion at Chapei // *Cairns Post*. 1937. October 30. P. 7.
- <sup>58</sup> Inner Mongolian set up new regime. Break from Nanking // *Chicago Daily Tribune*. 1937. October 29. P. 4.
- <sup>59</sup> Falling Shells Provide Death Roll // *Barrier Miner*. 1937. October 30. P. 3.
- <sup>60</sup> Japanese warning risks to foreign troops at Shanghai // *The Times*. 1937. October 30.
- <sup>61</sup> Fighting to the last // *Mercury*. 1937. October 30. P. 11.
- <sup>62</sup> Japan ready to discuss peace // *Advertiser*. 1937. October 30. P. 23.
- <sup>63</sup> Japanese gunboats trapped // *Sydney Morning Herald*. 1937. October 30. P. 17.
- <sup>64</sup> New capital cheated // *Cairns Post*. 1937. November 01. P. 7.
- <sup>65</sup> Inner Mongolia. A Japanese government // *Kalgoorlie Miner*. 1937. October 30. P. 5.
- <sup>66</sup> Jap shell british soldiers // *Daily News*. 1937. October 30. P. 2.
- <sup>67</sup> Have vowed to die // *Northern Miner*. 1937. October 30. P. 2.
- <sup>68</sup> To-day's News in Brief // *Advocate*. 1937. October 30. P. 2.
- <sup>69</sup> Chinese battalion continues fight in Shanghai // *Recorder*. 1937. October 30. P. 1.
- <sup>70</sup> Named Mongol Chief // *Chicago Daily Tribune*. 1937. October 30. P. 2.
- <sup>71</sup> The «Blue City». Inlier Mongolia's Capital // *Sunday Times*. 1937. October 31. P. 3.
- <sup>72</sup> British soldiers killed at Shanghai // *Advocate*. 1937. November 01. P. 1.
- <sup>73</sup> Inner Mongolia. A Japanese government // *Western Argus*. 1937. November 02. P. 20.
- <sup>74</sup> Inner Mongolia. The new capital // *Kalgoorlie Miner*. 1937. November 01. P. 5.
- <sup>75</sup> New puppet state // *The West Australian*. 1937. November 01. P. 15.
- <sup>76</sup> Inner Mongolia. The New capital // *Western Argus*. 1937. November 02. P. 21.
- <sup>77</sup> Japan and Mongolia // *Mercury*. 1937. November 01. P. 6.
- <sup>78</sup> Chinese survivors cheered // *Sydney Morning Herald*. 1937. November 01. P. 11.
- <sup>79</sup> Shansi «Gateway» Falls to Japanese // *The Straits Times*. 1937. October 28. P. 11.
- <sup>80</sup> Japanese to capture fourth provincial capital? // *The Manchester Guardian*. 1937. November 04. P. 13.
- <sup>81</sup> Japanese in the North. Administrative committee formed // *Western Argus*. 1937. November 30. P. 24.
- <sup>82</sup> The war in China. Major Offensive Towards Nanking // *Western Mail*. 1937. November 25. P. 61.
- <sup>83</sup> Mongolia Has a New Flag // *Queenslander*. 1938. March 23. P. 18.
- <sup>84</sup> Mongol puppet regime // *The Straits Times*. 1939. April 19. P. 20.



- <sup>85</sup> Mongol puppet regime // *The Straits Times*. 1939. April 19. P. 20.
- <sup>86</sup> Japanese in the North. Administrative committee formed // *Western Argus*. 1937. November 30. P. 24.
- <sup>87</sup> Rapid advance on capital // *Sydney Morning Herald*. 1937. November 24. P. 15.
- <sup>88</sup> Mongolia's new flag // *Sunday Mail*. 1938. January 30. P. 16.
- <sup>89</sup> Autonomous states of Mongolia // *The Straits Times*. 1937. November 26. P. 13.
- <sup>90</sup> Japan's Aims. Autonomous states // *The Western Argus*. 1937. November 26. P. 27.
- <sup>91</sup> *Ibid.*
- <sup>92</sup> Land for Japanese settlement // *Sunday Times*. 1938. February 06. P. 4.
- <sup>93</sup> Land for immigration // *The West Australian*. 1938. February 07. P. 18.
- <sup>94</sup> Japan Offered 5,000,000 Acres in Mongolia // *Advertiser*. 1938. February 07. P. 20.
- <sup>95</sup> Petroleum monopoly in Inner Mongolia // *The Times*. 1938. July 20.
- <sup>96</sup> Inner Mongolia. Japan's Political and Economic Experiments // *Morning Bulletin*. 1939. April 10. P. 12.
- <sup>97</sup> Inner Mongolia. Japan's Political and Economic Experiments // *Central Queensland Herald*. 1939. April 13. P. 65.
- <sup>98</sup> Inner Mongolia. becomes Japanese «Lab» in China // *Cairns Post*. 1939. February 15. P. 14.
- <sup>99</sup> Japanese Halt Advance on the Yangtse // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1938. August 02. P. 2.
- <sup>100</sup> Hong Kong border free of Japanese // *The New York Times*. 1938. December 01.
- <sup>101</sup> Japanese puppet says he plans to rule all Mongolia // *The Washington Post*. 1988. December 01. P. X7.
- <sup>102</sup> *Lore L.* Japan Headed for a Cropper in Mongolia // *New York Post*. 1937. November 03. P. 9.
- <sup>103</sup> *Abend H., Robertson D.* Japanese demand full rule in China // *The New York Times*. 1938. December 04. P. 50.
- <sup>104</sup> Behind Japanese Lines in North China // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1938. October 06. P. 4.
- <sup>105</sup> Heavy Fighting in Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1939. January 26. P. 4.
- <sup>106</sup> Chinese Attacks Continuing // *The Straits Times*. 1940. April 19. P. 16.
- <sup>107</sup> Organising Resistance in Shansi Province // *The Straits Times*. 1939. February 03. P. 16.
- <sup>108</sup> *Tillman Durdin F.* Chinese attacking over a wide area // *The New York Times*. 1939. February 16. P. 7.
- <sup>109</sup> Japanese Failure in Mongolia // *The Straits Times*. 1939. March 09. P. 20.
- <sup>110</sup> Mongol Loyalty to Gen. Chiang // *The Straits Times*. 1939. February 04. P. 15.
- <sup>111</sup> Новейшая история Китая: 1928–1949. М., 1984. С. 24.

- <sup>112</sup> Surprise! Drive by Chinese // *The Manchester Guardian*. 1939. February 18. P. 15.
- <sup>113</sup> East Hopei regime to end // *The Straits Times*. 1936. July 24. P. 9.
- <sup>114</sup> Shantung to become autonomous state? // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. January 16. P. 1.
- <sup>115</sup> Bandit as head of peiping police // *The Straits Times*. 1936. February 11. P. 18.
- <sup>116</sup> Japanese demands in North China // *The Straits Times*. September 01. P. 8.
- <sup>117</sup> Ex-Chahar governor executed // *The Straits Times*. 1940. December 09. P. 13.
- <sup>118</sup> Russo-Japanese Rivalry in Asia-2 // *Courier-Mail*. 1939. July 28. P. 6.
- <sup>119</sup> *Abend H. Wang* to control trade on Yangtze // *The Straits Times*. 1940. January 28. P. 17.
- <sup>120</sup> *Tillman Durdin F.* Chiang says Japan Imperils all East // *The New York Times*. 1940. January 24. P. 2.
- <sup>121</sup> Manchukuo-Mongolia air service // *The Straits Times*. 1940. July 03. P. 13.
- <sup>122</sup> Celebration in Mongolia // *The New York Times*. 1940. September 02. P. 4.
- <sup>123</sup> Foreigners detained at Kalgan // *The Straits Times*. 1940. September 01. P. 3.
- <sup>124</sup> Films of Mongolia // *The Straits Times*. 1940. November 24. P. 20.
- <sup>125</sup> *Byas H.* New Tokyo treaty is bid to Chinese // *The New York Times*. 1940. December 01. P. 5.
- <sup>126</sup> Japanese troop movements // *The Manchester Guardian*. 1941. July 19. P. 7.
- <sup>127</sup> Japanese in China // *The Manchester Guardian*. 1941. August 01. P. 8.
- <sup>128</sup> New Jap «Adviser» For Mongolia // *Daily News*. 1941. November 28. P. 4.
- <sup>129</sup> *Hunter E.* Star plotter to Mongolia // *New York Post*. 1942. January 30. P. 7.
- <sup>130</sup> Enemy attacked West of Hopei and in Mongolia // *The Washington Post*. 1943. March 07. P. 5.
- <sup>131</sup> Japs are so sorry // *Mail*. 1942. May 30. P. 7.
- <sup>132</sup> *Lattimore O.* *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958*. London, 1962. P. 430.
- <sup>133</sup> Inner Mongolia: Prince Humpty-Dumpty // *Time*. 1945. September 03.
- <sup>134</sup> *Фу Линьсян, Чжэн Баохэн.* [Общая история административного деления Китая. Шанхай: Изд-во Фуданьского ун-та, 2007. Т. 1.]
- <sup>135</sup> [Биографический словарь Китайской Республики. Шицзячжуан, 1991.]
- <sup>136</sup> Там же.
- <sup>137</sup> [Хронологическая таблица чиновников Китайской Республики. Пекин, 1995.]
- <sup>138</sup> [Хроника истории Китайской Республики. Пекин, 2011.]
- <sup>139</sup> *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 203.
- <sup>140</sup> [Сборник данных о даурах. Пекин, 1994. Т. 8. С. 47.]
- <sup>141</sup> Там же. С. 50.
- <sup>142</sup> *Ли Шоусинь.* [Автобиография Ли Шоусиня // Исторические и литературные материалы по Внутренней Монголии. Хух-Хото, 1985. Вып. 20.]

<sup>143</sup> Ван Чэнбинь. [Биографии высшего командования Китайской Республики. Пекин: Изд-во НОАК, 1988. 521 с.]

<sup>144</sup> [Марионеточный режим Ван Цзивэя // Центральные архивы; Второй исторический архив Китая. Пекин, 2004. С. 187.]

<sup>145</sup> *Дэлгэр Чаокэт*. [Все, что я знаю о Союзе революционной молодежи Народно-революционной партии Монголии. Цит. по: Исторические и литературные материалы по городу Уланчаб. Вып. № 2. Улан-Цаб, 1984.]

<sup>146</sup> Там же. С. 196.

<sup>147</sup> [Новая газета Восточной Монголии. 1946. 13 марта.]

<sup>148</sup> Новейшая история Китая: 1928–1949. М., 1984. С. 303.

<sup>149</sup> [Полные исторические материалы о Китайской Республике. Нанкин, 1993.]

<sup>150</sup> Uneasy peace reflected in Chinese riots // Barrier Miner. 1946. February 13. P. 4.

<sup>151</sup> Mongolian affairs // The Central Queensland Herald. 1946. February 14. P. 17.

<sup>152</sup> Unity Celebration at Chungking Ends in Bloodshed // Morning Bulletin. 1946. February 12. P. 5.

<sup>153</sup> Strange Events in Inner Mongolia // Advertiser. 1946. February 16. P. 4.

<sup>154</sup> [Сборник данных о даурах. Пекин, 1994. Т. 8. С. 83.]

<sup>155</sup> [Директивы ЦК КПК об осторожном подходе к национальным вопросам во Внутренней Монголии (18 февраля 1946 г.) // Сб. литературных тр. по национальным вопросам (июль 1921 г. — сентябрь 1949 г.). Пекин, 1991. С. 1000.]

<sup>156</sup> [Революционные воспоминания // Канцелярия КПК по истории партии при аймаке Чжерим. Хух-Хото, 1986. Сб. 1. С. 8.]

<sup>157</sup> [Сборник лучших статей Чжао Пучу. Пекин, 2012. 250 с.]

<sup>158</sup> *Фан Чжиди*. [Воспоминания об участии в революционной работе в восточных районах Внутренней Монголии // Беседы о революционной истории Хингана. Хух-Хото, 1986. Вып. 1. С. 52.]

<sup>159</sup> *Богословский В.А., Кузьмина А.М., Лхам Ж. и др.* Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М., 1975. С. 31.

<sup>160</sup> Новейшая история Китая: 1928–1949. М., 1984. С. 303.

<sup>161</sup> *Чжан Цэ, Ху Чжаохэн, Фан Чжиди*. [Отдельные события на пути становления от Автономного правительства Восточной Монголии к Автономному району Внутренняя Монголия. До и после учреждения Автономного района Внутренней Монголии. Хух-Хото, 1992. С. 106.]

<sup>162</sup> [Выступление Уланьфу по некоторым вопросам движения за автономию Внутренней Монголии на расширенном совещании Комитета по Жэбэйди (3 февраля 1947 г.) // Избранные архивные исторические материалы по Объединенному собранию движения за автономию Внутренней Монголии. Хух-Хото, 1989. 161 с.]

<sup>163</sup> Там же.

<sup>164</sup> [Инструкции Уланьфу в адрес ЦК по организации и взаимоотношениям между лидерами Народной партии Внутренней Монголии (14 марта 1947 г.) // Избранные архивные исторические материалы по Объединенному собранию движения за автономию Внутренней Монголии. Хух-Хото, 1989. 169 с.]

<sup>165</sup> [Хроника автономного района Внутренняя Монголия: 1947–1987 гг. // Архивное управление АР Внутренняя Монголия. Хух-хото, 1988. С. 38–41.]

<sup>166</sup> Советы в Китае: Сб. материалов и документов / Ввод. ст. Е. Иогансона, О. Таубе; пер. с нем. М., 1933. С. 419–420.

<sup>167</sup> Там же. С. 422.

<sup>168</sup> Там же. С. 439.

<sup>169</sup> Там же. С. 440.

<sup>170</sup> Там же.

<sup>171</sup> Там же. С. 441.

<sup>172</sup> Новейшая история Китая: 1928–1949. М., 1984. С. 302.

<sup>173</sup> *Лю Чунь*. [В каком направлении должна двигаться китайская литература на текущем этапе // Ванчуань. 1936. № 1. 05 апреля. С. 23–33.]; *Лю Чунь*. [Переход моста через реку Чэнцзян и есть начало моста // Университетская литература и искусство. 1936. Т. 1. № 1. С. 56–69.]; *Лю Чунь*. [Мечта дочери // Университетская литература и искусство. 1936. Т. 1. № 2. С. 38–46.]; *Лю Чунь*. [Ночь в древнем городе // Объединенная литература. 1937. № 2. С. 87–95].

<sup>174</sup> [История автономного района Внутренняя Монголия. Хух-Хото. 1991. С. 84–85, 132–135.]

<sup>175</sup> *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М.: Наука, 1984. С. 200.

<sup>176</sup> *Ван Эньцзюнь, Ван Шиш.* [Исторические вехи национально-освободительного движения во Внутренней Монголии: Обзор совещания 3 апреля 1989 г. // Вест. Пед. ин-та народностей Внутренней Монголии. 1989. № 4. С. 77–79.]

<sup>177</sup> *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 200.

<sup>178</sup> *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 201.

<sup>179</sup> Новейшая история Китая: 1928–1949. М., 1984. С. 303.

<sup>180</sup> *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 201.

<sup>181</sup> Там же.

<sup>182</sup> Там же. С. 203.

<sup>183</sup> *Lattimore O.* Nomads and Commissars: Mongolia Revisited. New York, 1962. P. 6.

<sup>184</sup> Mongolian Manoeuvres // The Manchester Guardian. 1936. January 14. P. 8.

<sup>185</sup> Carrying out tanaka plan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser (1884–1942). 1933. October 10. P. 2.

<sup>186</sup> Miscellaneous // Northern Argus. 1888. September 04. P. 3.

<sup>187</sup> Expedition to Asia's depths // The Daily News. 1931. March 03. P. 6.

<sup>188</sup> The Yellow River // Australian Town and Country Journal. 1888. March 10. P. 29.

<sup>189</sup> Looming in from the wind-swept steppes // The West Australian. 1953. April 18. P. 21.

- <sup>190</sup> Traveler finds yellow-haired blonde Chinese // *Brooklyn Daily Star*. 1924. May 22. P. 4; Blond chinese: Have curly hair // *The Western New-Yorker*. 1924. June 12. P. 9.
- <sup>191</sup> *Myers R.H.* Japanese Imperialism in Manchuria: The South Manchurian Railway Company, 1906–1933 // *The Japanese Informal Empire in China, 1895–1937* / P. Duus, R.H. Myers and M.R. Peattie (eds). Princeton University Press, 1989. P. 103, 108–109.
- <sup>192</sup> *Beasley W.G.* Japanese imperialism 1894–1945. Oxford, 1987. P. 112.
- <sup>193</sup> *Boyd J.* Japanese-Mongolian Relations, 1873–1945: Faith, Race and Strategy. Adelaid. 2008. P. 32.
- <sup>194</sup> *Jagchid S.* The Last Mongol Prince: The Life and Times of Demchugdongrob, 1902–1966. Bellingham, Washington, 1999. P. 68.
- <sup>195</sup> Sino-Soviet Relations // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1932. December 23. P. 3.
- <sup>196</sup> Inner Mongols will not joint Japan // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1938. July 06. P. 8.
- <sup>197</sup> The future of China // *The Manchester Guardian*. 1934. May 08. P. 11.
- <sup>198</sup> Fighting in North-West China // *The Manchester Guardian*. 1936. November 12. P. 6.
- <sup>199</sup> China: Jokes on Japan // *The Time*. 1936. November 23.
- <sup>200</sup> Chinese beat back allies of Japanese // *The New York Times*. 1936. November 12. P. 1.
- <sup>201</sup> Japanese uphold Mongolian rebels // *The New York Times*. 1936. November 16. P. 4.
- <sup>202</sup> Heavy fighting in Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1939. January 26. P. 4.
- <sup>203</sup> *Moise E.E.* Modern China: A History. London and New York, 1986. P. 87–89.
- <sup>204</sup> Cease fire called for // *Cairns Post*. 1949. January 03. P. 1.
- <sup>205</sup> War in China // *Kalgoorlie Miner*. 1949. January 04. P. 5.
- <sup>206</sup> *Lin Hsiao-ting.* Modern China's Ethnic Frontiers: A Journey to the West. London; New York, 2011. P. 33.
- <sup>207</sup> Political Divisions in China // *The Manchester Guardian*. 1936. June 12. P. 8.
- <sup>208</sup> A New State // *The Manchester Guardian*. 1937. October 30. P. 12.
- <sup>209</sup> Nanking Minister's Tour of Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1937. May 29. P. 11.
- <sup>210</sup> Mongol Rule Forming under Reds // *The Washington Post*. 1946. February 12. P. 2.
- <sup>211</sup> Local Autonomy Movements Rise to Plague Chungking // *The Christian Science Monitor*. 1946. February 27. P. 11.
- <sup>212</sup> Mongolian Affairs // *The Central Queensland Herald*. 1946. February 14. P. 17.
- <sup>213</sup> Political Riot in China. Sequel to Unity Conference // *The Advertiser*. 1946. February 12. P. 4.
- <sup>214</sup> Secret Yalta. Concessions to Russia // *The Canberra Times*. 1946. February 13. P. 1.

<sup>215</sup> *Чао Ломэн*. [Воспоминания о демократической революции Шилин-Гола // Специальные материалы о демократических преобразованиях в скотоводческих районах автономного района Внутренняя Монголия. Хух-Хото, 1992.]

<sup>216</sup> *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 205.

<sup>217</sup> Cease fire called for // Cairns Post. 1949. January 03. P. 1.

<sup>218</sup> Nationalists «peage offensive» // Mercury. 1949. January 03. P. 2.

<sup>219</sup> Sight Hussars Killed in Malayan Ambush // Advertiser. 1949. January 03. P. 3.

<sup>220</sup> Dr. Sunt fo appeals for peace // The West Australian. 1949. January 03. P. 3.

<sup>221</sup> Only too glad to talk // Sydney Morning Herald. 1949. January 03. P. 3.

<sup>222</sup> *Доржийн З. Дэ Ван.* Улаанбаатар, 2011. 222 х.

<sup>223</sup> Newest Biographies of Important Figures in China // Asahi Shimbun Company. 1941. September 29. P. 28.

<sup>224</sup> *Догуржав*. [Отдельные выступления Народной революционной партии Монголии после Инцидента 18 сентября 1931 г. Хух-Хото, 1931. С. 782.]

<sup>225</sup> *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 205.

<sup>226</sup> *Орлов Н.* Бомба для Пекина может взорваться в Москве. Уйгурский сепаратизм угрожает тюркоязычным регионам России // Политический журнал. 2004. № 18(21).

<sup>227</sup> *Forbes A.D.W.* Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: A Political History of Republican Sinkiang 1911–1949. Cambridge, England, 1986. 222 p.

<sup>228</sup> [Общая история провинции Цинхай. Синин, 1999. С. 637–649.]

<sup>229</sup> *Хуэй Шэн, Чэнь Чао*. [Синьцзян при Китайской Республике. Урумчи, 1999. С. 383–452.]

<sup>230</sup> [Избранные архивные исторические материалы по мирному восстанию 19 сентября в провинции Суйюань. Хух-Хото, 1986.]

<sup>231</sup> [Архивные исторические материалы по Внутренней Монголии. 1993. № 2.]

<sup>232</sup> *Догуржав*. [Отдельные выступления Народной революционной партии Монголии после Инцидента 18 сентября 1931 г. Хух-Хото, 1931. С. 782]; *Бо Хэ и др.* [Очерк жизни Баянмандаха. Хух-Хото, 1999].

### Заключение

<sup>1</sup> *Томиока Садатоси.* Политическая стратегия Японии до начала войны: [моногр.]. М., 2016. С. 242.

<sup>2</sup> Там же. С. 243.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

### *Источники*

#### **Архивные материалы**

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

1. Ф. Китайский стол. — Оп. 491. 1912–1915. — Д. 3443.

Российский государственный архив социально-политической истории  
(РГАСПИ)

1. Ф. 508. Оп. 3. Д. 1.
2. Ф. 508. Оп. 3. Д. 2.
3. Ф. 508. Оп. 3. Д. 3.
4. Ф. 514. Оп. 2. Д. 22.

Түүхийн хүрээлэнгийн архив, Монгол Шинжлэх Ухааны академи  
Архив Института истории Академии наук Монголии (ТХА)

1. Ф. Акад. Ширэндэв. Х.Н. 10. Тал 191, 241.

Монгол Улсын Үндэсний төв архив  
Центральный национальный архив Монголии (МУУТА)

1. Ф. А2. Х.Н. 112. Тал 21.
2. Ф. А2. Д. 1. Х.Н. 129.
3. Ф. А3. Д. 1. Х.Н. 438.
4. Ф. А3. Д. 1. Х.Н. 440.

#### **Нормативные правовые акты**

1. Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке / Пер. и ред. М. Огуси; пер. с кит. Вып. 1. Харбин, 1936. 435 с.
2. Уложение Китайской палаты внешних сношений / Пер. С. Липовцева. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1828. Т. 1. 362 с.; Т. 2. 319 с.

3. Etats-Unis d'Amérique, République Argentine, Brésil, Chili, Colombie, etc.: Convention concernant les droits et devoirs des Etats, adoptée par la septième Conférence internationale américaine. Signée à Montevideo, le 26 décembre 1933 / Société Des Nations. Recueil des Traités. Traités et Engagements internationaux enregistrés par le Secrétariat de la Société Des Nations. Vol. CLXV, 1936. P. 3801–3824.

### Справочная литература

1. [Биографический словарь Китайской Республики / Гл. ред. Сюй Ючунь. Шицзячжуан: Нар. изд-во провинции Хэбэй, 2007] = 徐友春主編. 民国人物大辞典增訂版. 河北人民出版社.
2. [Биографический словарь Китайской Республики / Гл. ред. Сюй Ючунь. Шицзячжуан: Нар. изд-во провинции Хэбэй, 1991. 1837 с.] = 徐友春主編. 民国人物大辞典.
3. [Биографический словарь Китайской Республики. Шицзячжуан: Нар. изд-во провинции Хэбэй, 1991. Т. 2. 2177 с.] = 民国人物大辞典下.
4. [Бэйянские милитаристы, 1912–1928 г. / Гл. ред. Чжан Бофэн. Ухань: Изд-во г. Ухань, 1990. 486 с.] = 章伯鋒主編. 北洋军阀. 1912–1928.
5. *Ван Чэнбинь*. [Биографии высшего командования Китайской Республики. Пекин: Изд-во НОАК, 1988. 521 с.] = 王成斌. 民国高级将领列传.
6. [Внутренняя Монголия: Культурные и исторические данные / Комиссия по делам литературных и исторических материалов при Комитете НПКСК по АР Внутренняя Монголия. Т. 13. Хух-Хото: Изд-во историч. лит. Внутренней Монголии, 1984] = 中国人民政治协商会议内蒙古自治区委员会文史资料研究委员会编. 内蒙古文史资料 (第十三辑). 呼和浩特: 内蒙古文史书店发行. 1984.
7. *Гао Вэньдэ, Цай Чжичунь*. [Родословные монгольских князей. Чаньчунь: Изд-во Акад. социальн. наук Китая, 1979] = 高文德 蔡志春 蒙古王子的家谱 长春: 中国社会科学院出版社. 1979.
8. Дипломатический словарь. В 2 т. М.: Госполитиздат. Т. 1: А — К / Гл. ред. А.Я. Вышинский, С.А. Лозовский. 1948. XXXII с., 856 стб.; Т. 2: Л — Я / Гл. ред. А.Я. Вышинский. 1950. XXXIV с. 996 стб.
9. Краткий обзор Китая: Приложение к «Карте Внутреннего Китая» / Экономическое бюро КВЖД. Харбин: Тип. КВЖД, 1927. 50 с.
10. Маньчжурия: Экономическо-географическое описание / Экономическое бюро КВЖД. Ч. 1. VIII. Харбин, 1934. 385 с.
11. [Мирное восстание в Суйюани 19 сентября 1949 г.: Исторические данные // Избранные материалы. Хух-Хото: Нар. изд-во Внутренней Монголии, 1986] = 绥远 «九一九» 和平起义档案史料选编. 内蒙古人民出版社. 1986 年.
12. [Прошлое Алашани. В 3 т. Нинся: Нар. изд. дом, 2007] = 阿拉沙尼的过去<sup>^</sup>3吨 / 宁夏. 由人民编辑。房子. 2007年.



13. [Списки знати Внутренней Монголии в новую и новейшую эпоху // Исторические и литературные материалы по Внутренней Монголии. 1988. Вып. 32. С. 32, 96] = 內蒙古近现代王公录.
14. *Сюй Ваньбан, Ван Циго*. [Словарь познаний о народностях. Цзинань: Изд-во г. Цзинань, 1995] = 徐万邦, 王齐国. 民族知识辞典. 济南出版社.
15. [Хронологическая таблица чиновников Китайской Республики / Ред. Лю Шоулинь. Пекин: Книжн. компания «Чжунхуа», 1995] = 劉寿林編. 民国職官年表. 中華書局.
16. *Цянь Шифу*. [Хронологическая таблица чиновничества бэйянского правительства. Шанхай: Изд-во Восточно-Китайского пед. ун-та, 1991] = 钱实甫. 北洋政府职官年表.

### Опубликованные исторические источники

1. *Баранов А.М.* Северо-восточные сеймы Монголии. Харбин: Типо-лит. Штаба Заамурского округа пограничной стражи, 1908. 138 с.
2. [Второй исторический архив Китая // Подборка архивных материалов по истории Китайской Республики. Нанкин: Нар. изд-во провинции Цзянсу, 1981. Вып. 2. С. 15–16] = 中国第二历史档案馆.
3. [Выступление Уланьфу по некоторым вопросам движения за автономию Внутренней Монголии на расширенном совещании Комитета по Жэбэйди (3 февраля 1947 г.) // Избранные архивные исторические материалы по Объединенному собранию движения за автономию Внутренней Монголии / Архивный фонд АР Внутренняя Монголия. Хух-Хото: Архивное изд-во, 1989. 161 с.] = 云泽在热北地委扩干会上关于内蒙古自治运动中的几个问题的讲话. 1947年2月3日.
4. *Гримм Э.Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Изд. Ин-та востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927. 219 с.
5. [Директивы ЦК КПК об осторожном подходе к национальным вопросам во Внутренней Монголии (18 февраля 1946 г.) // Сб. литературных тр. по национальным вопросам (июль 1921 г. — сентябрь 1949 г.) / Отдел единого фронта ЦК КПК. Пекин: Изд-во Центральной партийной школы КПК, 1991] = 中共中央关于内蒙民族问题应采取慎重态度的指示电. 1946年2月18日.
6. *Догуржав*. [Отдельные выступления Народной революционной партии Монголии после инцидента 18 сентября 1931 г. Хух-Хото: Изд-во Внутренней Монголии, 1931. 826 с.] = 都固尔扎布 «九一八» 以后内蒙古人民革命党在内蒙古地区的革命活动片断.
7. [Избранные архивные исторические материалы по мирному восстанию 19 сентября в провинции Суйюань. Хух-Хото: Нар. изд-во Внутренней Монголии, 1986] = 绥远 «九一九» 和平起义档案史料选编.
8. [Избранные архивные материалы агрессии японских империалистов: Марионеточные режимы. Пекин: Изд-во Чжунхуа, 2004] = 日本帝国主义侵华档案资料选编: 汪伪政权. 北京: 中华书局. 2004年.

9. [Инструкции Уланфу в адрес ЦК по организации и взаимоотношениям между лидерами Народной партии Внутренней Монголии (14 марта 1947 г.) // Избранные архивные исторические материалы по Объединенному собранию движения за автономию Внутренней Монголии. Хух-Хото: Архивное изд-во, 1989. 169 с.] = 云泽关于内蒙党的组织及领导关系问题致中央的请示电 (1947年3月14日).
10. *Коншин*. Княжество Дурбет / Штаб Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи. Харбин: Типо-лит. Штаба Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, 1907. 27 с.
11. *Коншин*. Монголия. Джеримский сейм // Материалы по Маньчжурии и Монголии. Харбин, 1906. Вып. 1. 75 с.
12. *Ли Шоусинь*. [Автобиография Ли Шоусиня // Исторические и литературные материалы по Внутренней Монголии / Комиссия по делам литературных и исторических материалов при Комитете НПКСК по АР Внутренняя Монголия. Хух-Хото, 1985. Вып. 20] = 李守信「李守信自述」.
13. [Марионеточный режим Ван Цзивэя // Центральные архивы; Второй исторический архив Китая / Осн. ред. Акад. обществен. наук провинции Цзилить. Пекин: Книжн. компания «Чжунхуа», 2004. С. 187] = 中央档案馆. 中国第二历史档案馆.
14. Монгольские учебники / Штаб Заамурского округа пограничной стражи; пер. с монг. яз. Харбин: Типо-лит. Штаба Заамурского округа пограничной стражи, 1908. VI. 23 [2] с.
15. Отчет коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги А.П. Болобана по обследованию в 1911 г. районов Хэй-лун-цзянской, Гириньской и Мукденской провинций (Северной Маньчжурии), тяготеющих к Китайской Восточной железной дороге, в земледельческом и хлебопромышленном отношениях / КВЖД. Харбин: Изд. Коммерч. части КВЖД, 1912. VI. 352 с.
16. [Официальные данные Китайского народного архива. Нанкин: Изд-во исторической литературы Цзяньсу, 1991. Вып. 5. Ч. 2, кн. 26] = 中華民國史檔案資料匯編. 第5卷第2輯26. 南京: 江苏古籍出版社. 1991年.
17. [Первый исторический архив Китая // Собрание архивных исторических материалов о династии Цин. Пекин: Книжн. компания «Чжунхуа», 1982. № 8. С. 300–305] = 中国第一历史档案馆.
18. [Повествование в изложении Дэмчиг Донрова. Внутренняя Монголия: Культурные и исторические данные. Хух-Хото: Изд-во ист. лит. Внутренней Монголии, 1984. С. 211] = 德穆楚克栋鲁普自述 内蒙古文史资料 (第十三辑) 呼和浩特: 内蒙古文史书店发行. 1984.
19. [Протоколы собрания по обсуждению первой китайской Конституции / Под ред. Секретариата собрания по обсуждению первой китайской Конституции. Пекин, 1915. 120 с.] = 约法会议秘书厅编. 约法会议记录. 北京: 约法会议秘书厅.
20. [Революционные воспоминания // Канцелярия КПК по истории партии при аймаке Чжерим. Хух-Хото, 1986. Сб. 1. С. 8] = 中共哲里木盟委党史办公室编. 革命回忆录第1集. 中共哲里木盟委党史办公室.

21. *Перих Н.* Врата в будущее. Рига: Угунс, 1936. 325 с.
22. *Перих Н.* Дневник маньчжурской экспедиции // Ариаварга. 1999. № 3. С. 56–119.
23. *Перих Н.* Листы дневника. М.: Изд-во «Бисан-Оазис», 1995. Т. 1.
24. [Сборник материалов по налоговой системе марионеточного режима в Мэнцзяне (май 1936 г. — август 1945 г.): Сводный набор документов по налоговым вопросам АРВМ. Хух-Хото, 1983. Т. 1] = 内蒙古自治区税务局编写组编 伪蒙疆税制资料汇编. 1936. 5–1945. 8 上册. 1983年. 呼和浩特.
25. Советы в Китае: Сб. материалов и документов / Ввод. ст. Е. Иогансона, О. Таубе; пер. с нем. М.: Партиздат, 1933. 532 с.
26. [Центральные архивы: Второй исторический архив Китая // Политическая власть в марионеточном государстве Маньчжоу-Го /Акад. обществ. наук провинции Цзилинь. Пекин: Книжн. компания «Чжунхуа», 1994. С. 712] = 中央档案馆. 中国第二历史档案馆. 吉林省社会科学院主编. 伪满傀儡政权. 北京: 华书局.
27. *Цзоу Няньчжи.* [Избранная дипломатическая корреспонденция: Синьхайская революция. Чанчунь: Изд-во Акад. социальных наук Китая, 1980. 199 с.] = 邹念之 日本外交文书选译—关于辛亥革命.
28. *Цзоу Няньчжи.* Подборка деловых бумаг японской дипломатии о Синьхайской революции. Чанчунь: Изд-во Акад. социальных наук Китая, 1982.
29. *Цзян Няньдун.* [Официальная история Маньчжоу-Го. Цзилинь: Цзилиньское народное изд-во, 1980] = 姜念东 等: 伪满洲国史. 吉林人民出版社. 1980年.

### Средства массовой информации

1. 1,200 shot in fight on Chinese border // The New York Times. 1936. November 23. P. 1.
2. 15,000 Manchukuo troops arrive at frontier // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. February 25. P. 9.
3. 170 princes set up new rule in Inner Mongolia // Chicago Daily Tribune. 1933. October 30. P. 9.
4. 200,000 perish in famine in Santung // The Straits Times. 1934. April 02. P. 18.
5. 60 planes in canton air rally // The Straits Times. 1933. September 21. P. 11.
6. A look around // Malaya Tribune. 1935. December 14. P. 12.
7. A Mongol empire // The Manchester Guardian. 1937. October 26. P. 14.
8. A Mongol leader murdered. Two more autonomous regimes // The Times. 1936. January 27.
9. A New State // The Manchester Guardian. 1937. October 30. P. 12.
10. A New State // The West Australian. 1936. January 21. P. 3.
11. A stepping-stone // Malaya Tribune. 1934. January 03. P. 16.
12. *Abend H.* Chinese beat back allies of Japanese // The New York Times. 1936. November 12. P. 1.
13. *Abend H.* Japanese drive in Chahar likely // The New York Times. 1933. June 07. P. 11.

14. *Abend H.* Japanese retort to British // *The New York Times*. 1936. April 30. P. 9.
15. *Abend H.* Japanese Seek Chahar // *The New York Times*. 1933. April 11. P. 13.
16. *Abend H.* Menace in Suiyuan arouses all China // *The New York Times*. 1936. November 19. P. 8.
17. *Abend H.* Smuggling of silver from China halted // *Los Angeles Times*. 1936. January 12. P. C4.
18. *Abend H.* Wang to control trade on Yangtze // *The New York Times*. 1940. January 28. P. 17.
19. *Abend H., Robertson D.* Japanese demand full rule in China // *The New York Times*. 1938. December 04. P. 50.
20. Aggression in North China // *The Manchester Guardian*. 1936. November 21. P. 13.
21. All quiet in East Charhar // *Malaya Tribune*. 1934. April 24. P. 2.
22. All-sheep banquet // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. November 16. P. 3.
23. An Eye-witness in Mongolia. II: Priests and politics // *The Times*. 1936. March 26.
24. Annexation of Mongolia and Sinkiang? // *Malaya Tribune*. 1933. October 09. P. 9.
25. Another advance? // *The Straits Times*. 1936. June 02. P. 9.
26. Another buffer state planned // *Advertiser*. 1937. October 21. P. 19.
27. Another Chinese problem // *Courier-Mail*. 1933. December 14. P. 13.
28. Anti-Chinese campaign // *The Straits Times*. 1934. August 03. P. 12.
29. Anti-Japanese Revolt in Chahar // *The Straits Times*. 1937. September 05. P. 8.
30. Anti-Manchukuo Uprisings in North Chahar // *The Straits Times*. 1937. June 14. P. 9.
31. *Archibald T. Steele*; Journalist, 89 // *The New York Times*. 1992. March 04.
32. Area in Mongolia splits from China // *The New York Times*. 1935. December 24. P. 9.
33. Arrest traitors // *Malaya Tribune*. 1934. March 14. P. 19.
34. Assist Manchus in infantry and artillery attack // *New York Post*. 1936. November 16.
35. Autonomous area set up in Suiyuan // *The New York Times*. 1936. January 11.
36. «Autonomy» army inspected // *The Straits Times*. 1937. May 06. P. 9.
37. Autonomy for Mongolia // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. October 23. P. 9.
38. Autonomy granted to Inner Mongolians ends move for annexation to Manchukuo // *The New York Times*. 1934. April 22. P. E8.
39. Autonomy in Mongolia // *The Manchester Guardian*. 1933. October 31. P. 12.
40. «Autonomy» in North China. The dominions and foreign affairs. Air Routes of the Empire // *The Times*. 1935. November 22.
41. Autonomy movement in Inner Mongolia. Compromise reached // *The Times*. 1933. November 22.
42. Autonomy of Mongolia // *Malaya Tribune*. 1933. October 28. P. 17.
43. «Autonomy» of Mongolia // *Malaya Tribune*. 1933. November 03. P. 19.

44. Autonomy regimes to be merged? // *The Straits Times*. 1936. February 11. P. 11.
45. Autonomous states of Mongolia // *The Straits Times*. 1937. November 26. P. 13.
46. Bandit as head of peiping police // *The Straits Times*. 1936. February 11. P. 18.
47. Behind Japanese Lines in North China // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1938. October 06. P. 4.
48. Big forces massed for Suiyuan clash // *The New York Times*. 1936. November 25. P. 4.
49. Big N. China Defence Conference // *The Straits Times*. 1937. May 09. P. 8.
50. Big offensive launched // *The Straits Times*. 1933. May 09. P. 11.
51. Big offensive to be launched on Suiyuan // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 30. P. 9.
52. Blond Chinese: Have curly hair // *The Western New-Yorker*. Warsaw; New York. 1924. June 12. P. 9.
53. British soldiers killed at Shanghai // *Advocate*. 1937. November 01. P. 1.
54. Buffer state // *Examiner*. 1933. October 19. P. 9.
55. *Byas H.* Japanese set up regime in Chahar // *The New York Times*. 1937. September 04. P. 1.
56. *Byas H.* New Tokyo treaty is bid to Chinese // *The New York Times*. 1940. December 01. P. 5.
57. Cannibalism in China // *The Straits Times*. 1936. April 01. P. 8.
58. Canton's defenses // *The Straits Times*. 1934. October 27. P. 11.
59. Canton-Hanoi air line agreement // *The Straits Times*. 1934. April 05. P. 16.
60. Carrying out Tanaka Plan // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. October 10. P. 2.
61. Cease fire called for // *Cairns Post*. 1949. January 03. P. 1.
62. Celebration in Mongolia // *The New York Times*. 1940. September 02. P. 4.
63. Chahar Deserters Publicly Executed // *The Straits Times*. 1937. April 14. P. 13.
64. Chahar invaded // *Recorder*. 1936. January 10. P. 1.
65. Chahar Leader on Visit to Tokio // *The Straits Times*. 1937. March 23. P. 5.
66. Chahar Leader's Envoy in Peiping? // *The Straits Times*. 1937. April 13. P. 9.
67. Chahar Militia Army // *The Straits Times*. 1937. May 13. P. 19.
68. Chahar rebellion reprisals // *The Straits Times*. 1937. June 29. P. 9.
69. Chahar Situation is Complex // *The New York Times*. 1933. July 29. P. 1.
70. China and Japan // *Cairns Post*. 1937. July 27. P. 6.
71. China and Japan. Successes reported // *Townsville Daily Bulletin*. 1937. October 22. P. 7.
72. China and Manchukuo Customs // *Malaya Tribune*. 1933. November 18. P. 13.
73. China finds a new hero // *The Straits Times*. 1936. December 06. P. 4.
74. China Making Peace with Mongolians // *Malaya Tribune*. 1933. November 20. P. 10.
75. China national congress // *Malaya Tribune*. 1934. January 23. P. 10.
76. China Replies to Japanese Pressure // *The Straits Times*. 1937. June 07. P. 9.
77. China to Increase // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1934. May 07. P. 9.

78. China: Jokes on Japan // *The Time*. 1936. November 23.
79. China's satisfactory finances // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. May 12. P. 9.
80. Chinese Attacks Continuing // *The Straits Times*. 1940. April 19. P. 16.
81. Chinese battalion continues fight in Shanghai // *Recorder*. 1937. October 30. P. 1.
82. Chinese beat back allies of Japanese // *The New York Times*. 1936. November 12. P. 1.
83. Chinese capture Kalgan, but lose it again // *The Manchester Guardian*. 1937. September 15. P. 13.
84. Chinese falling back in North // *The Straits Times*. 1937. August 31. P. 11.
85. Chinese give way. Troops leaving Peking // *The Times*. 1935. June 10.
86. Chinese mission to Mongolia // *The Manchester Guardian*. 1933. October 28. P. 14.
87. Chinese planes attack Japanese warships in the Yangtse // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1938. July 19. P. 2.
88. Chinese Resistance in Chahar Continues // *The Straits Times*. 1937. September 08. P. 18.
89. Chinese Resistance to Japanese Tada Threatens Action // *Malaya Tribune*. 1936. February 06. P. 12.
90. Chinese retreat in Shansi // *The Times*. 1937. October 26.
91. Chinese survivors cheered // *Sydney Morning Herald*. 1937. November 01. P. 11.
92. Chinese take city from Mongolians // *The Washington Post*. 1936. November 25. P. X1.
93. Chinese troops sent to Mongolia // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. November 03. P. 9.
94. Chinese volunteers crusading against Japan // *The Straits Times*. 1937. June 08. P. 11.
95. Chinese volunteers to attack Jehol capital // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 31. P. 9.
96. Chinese warning to Japan // *The Straits Times*. 1936. December 03. P. 9.
97. Civil war fear in Mongolia // *The Straits Times*. 1935. September 07. P. 11.
98. Civil war fears grip Suiyuan // *The New York Times*. 1936. January 07.
99. Civil war threat in China // *The Straits Times*. 1935. March 25. P. 11.
100. Communist revolt in South Hope! // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. January 31. P. 1.
101. Compromise in Mongolia // *The Manchester Guardian*. 1933. November 22. P. 3.
102. Confederation of states in North China // *Malaya Tribune*. 1936. January 08. P. 15.
103. Conflict between Mongolian princes likely // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. January 21. P. 9.
104. Coup plotted in North China // *The Straits Times*. 1934. July 13. P. 11.
105. Demand for autonomy // *Courier-Mail*. 1933. October 20. P. 14.

106. Discontent in Manchuria // *Malaya Tribune*. 1933. November 15. P. 2.
107. Disrupting China // *Mercury*. 1933. October 20. P. 9.
108. Domination of North China // *Morning Tribune*. 1936. April 20. P. 2.
109. Doubt Inner Mongolian move // *The New York Times*. 1936. June 29. P. 2.
110. Dr. Sun fo appeals for peace // *The West Australian*. 1949. January 03. P. 3.
111. East Hopei // *Morning Tribune*. 1937. June 29. P. 11.
112. East Hopei Rebels // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. February 08. P. 1.
113. East Hopei Rebels March on Tientsin Japan aids Prince the // *The Straits Times*. 1935. December 29. P. 1.
114. East Hopei regime // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. October 06. P. 9.
115. East Hopei regime to end // *The Straits Times*. 1936. July 24. P. 9.
116. East Suiyuan Situation Worsens // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. October 15. P. 9.
117. Eastern Mongolia new autonomous state // *Western Argus*. 1936. January 28. P. 27.
118. Eastern Mongolia new autonomous state establishment announced // *Barrier Miner*. 1936. January 21. P. 4.
119. Eastern Mongolia. New autonomous state // *Kalgoorlie Miner*. 1936. January 21. P. 5.
120. Economic plans for Manchukuo // *The Straits Times*. 1940. February 21. P. 14.
121. Edward Hunter, author and expert on «Brainwashing» // *The New York Times*. 1978. June 25. P. 28.
122. End of Chinese rule decreed in Suiyuan // *The New York Times*. 1937. October 24. P. 31.
123. Enemy attacked West of Hopei and in Mongolia // *The Washington Post*. 1943. March 07. P. 5.
124. Ex-Chahar governor executed // *The Straits Times*. 1940. December 09. P. 13.
125. Expedition to Asia's depths // *The Daily News*. 1931. January 03. P. 6.
126. Facing the crisis in Charhar // *Malaya Tribune*. 1934. May 03. P. 2.
127. Falling Shells Provide Death Roll // *Barrier Miner*. 1937. October 30. P. 3.
128. Famine in Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1936. March 26. P. 9.
129. Fierce fight in Inner Mongolia // *The Manchester Guardian*. 1936. November 17. P. 6.
130. Fighting again in Suiyuan // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 21. P. 1.
131. Fighting in Chahar imminent // *The Straits Times*. 1936. March 18. P. 12.
132. Fighting in four provinces of Northern China // *The Manchester Guardian*. 1937. October 14. P. 6.
133. Fighting in North-West China // *The Manchester Guardian*. 1936. November 12. P. 6.
134. Fighting in Suiyuan // *The Times*. 1935. November 26.
135. Fighting on Suiyuan border // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. February 05. P. 9.

136. Fighting to the last // *Mercury*. 1937. October 30. P. 11.
137. Films of Mongolia // *The Straits Times*. 1940. November 24. P. 20.
138. Final Japanese demands. Full autonomy for N. China // *The Straits Times*. 1936. March 02. P. 11.
139. Foreign // *Western Mail*. 1936. January 23. P. 18.
140. Foreign affairs. International Kaleidoscope // *Morning Bulletin*. 1936. January 31. P. 8.
141. Foreign News: Te & Confucius // *Time*. 1937. September 13.
142. Foreigners detained at Kalgan // *The Straits Times*. 1940. September 01. P. 3.
143. Foreigners flee Suiyuan // *The New York Times*. 1936. November 22.
144. Foreigners told to evacuate Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1936. November 12. P. 9.
145. Forms new Jap puppet regime // *Chicago Daily Tribune*. 1936. April 30. P. 2.
146. Fresh Mutiny Reported in Chahar // *The Straits Times*. 1937. January 12. P. 19.
147. Fukien revolt critical // *The Straits Times*. 1933. November 16. P. 11.
148. Further fighting in East Hopei // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1935. December 19. P. 10.
149. Future of Tibet // *The Manchester Guardian*. 1933. December 22. P. 9.
150. Gen. Ma's «ghost» bobs up to give japs the jitters // *Chicago Daily Tribune*. 1940. February 05. P. 5.
151. Gen. Sung, 55, dead // *The New York Times*. 1940. April 07. P. 48.
152. Genghis Khan // *The Observer*. 1936. March 01. P. 9.
153. Growing Conflict. Mongolia-Turkestan. West Manchukuo Boundary // *Sydney Morning Herald*. 1935. April 16. P. 10.
154. Guns in Shanghai // *The West Australian*. 1937. November 19. P. 4.
155. Have vowed to die // *Northern Miner*. 1937. October 30. P. 2.
156. Heavy fighting in Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1939. January 26. P. 4.
157. Heavy Japanese losses. The Yangtze landing // *The Times*. 1937. August 26.
158. Hong Kong border free of Japanese // *The New York Times*. 1938. December 01.
159. Hopei & Charhar to Merge with Independent Regimes // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. July 17. P. 9.
160. Hopei-Chahar delegates parley with Japan // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. July 17. P. 1.
161. *Hunter E.* Star plotter to Mongolia // *New York Post*. 1942. January 30. P. 7.
162. In Brief. I Fighting in Suiyuan // *Western Mail*. 1936. November 19. P. 8.
163. In Mongolia. Japanese occupation // *Cairns Post*. 1934. April 28. P. 9.
164. Independence of Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1935. December 27. P. 11.
165. «Independence» in N. China // *The Straits Times*. 1937. October 22. P. 11.
166. Independent Mongolia // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. November 01. P. 3.
167. Independent Mongolia // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1932. December 22. P. 8.



168. Independent Mongolian Government // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1934. April 09. P. 9.
169. Inner Mongol «State's» Protest // The Straits Times. 1936. August 28. P. 9.
170. Inner Mongolia // Sydney Morning Herald. 1933. October 20. P. 10.
171. Inner Mongolia // Sydney Morning Herald. 1937. September 21. P. 10.
172. Inner Mongolia // The Manchester Guardian. 1934. January 01. P. 8, 13.
173. Inner Mongolia // The Manchester Guardian. 1936. April 29. P. 6.
174. Inner Mongolia // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. January 30. P. 9.
175. Inner Mongolia // Western Argus. 1933. October 24. P. 24.
176. Inner Mongolia declared independence // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. December 27. P. 1.
177. Inner Mongolia developments // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. March 11. P. 9.
178. Inner Mongolia Forms Autonomous State // Argus. 1936. January 21. P. 9.
179. Inner Mongolia move for self-sovereignty ultimatum to China // Kalgoorlie Miner. 1933. October 19. P. 5.
180. Inner Mongolia prepared to resist Japan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. December 28. P. 1.
181. Inner Mongolia. A Japanese government // Kalgoorlie Miner. 1937. October 30. P. 5.
182. Inner Mongolia. A Japanese government // Western Argus. 1937. November 02. P. 20.
183. Inner Mongolia. Becomes Japanese «Lab» in China // Cairns Post. 1939. February 15. P. 14.
184. Inner Mongolia. Japan's Political and Economic Experiments // Central Queensland Herald. 1939. April 13. P. 65.
185. Inner Mongolia. Japan's Political and Economic Experiments // Morning Bulletin. 1939. April 10. P. 12.
186. Inner Mongolia. The new capital // Kalgoorlie Miner. 1937. November 01. P. 5.
187. Inner Mongolia. The new capital // Western Argus. 1937. November 02. P. 21.
188. Inner Mongolia: Cash Rebellion // Time. 1936. Mar 09.
189. Inner Mongolia: Prince Humpty-Dumpty // Time. 1945. September 03.
190. Inner Mongolian Autonomy Near // The New York Times. 1933. October 30. P. 1.
191. Inner Mongolian set up new regime. Break from Nanking // Chicago Daily Tribune. 1937. October 29. P. 4.
192. Inner Mongolian turn on Japanese // The New York Times. 1937. April 05. P. 10.
193. Inner Mongols «Decide» on Independence // The Straits Times. 1937. October 25. P. 11.
194. Inner Mongols will not join Japan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1938. July 06. P. 8.
195. Intervention in Mongolia // The Straits Times. 1937. June 14. P. 11.

196. Invade runan // *Malaya Tribune*. 1933. November 08. P. 19.
197. Issue in East Hopei // *Malaya Tribune*. 1936. May 18. P. 11.
198. Jap plot to set up an empire in Mongolia bared // *Chicago Daily Tribune*. 1936. November 28. P. 7.
199. Jap shell British soldiers // *Daily News*. 1937. October 30. P. 2.
200. Japan aiding bandits? // *The Straits Times*. 1933. October 03. P. 11.
201. Japan and Mongolia // *Mercury*. 1937. November 01. P. 6.
202. Japan carves out new slice of North China // *Chicago Daily Tribune*. 1937. March 17. P. 19.
203. Japan could occupy Mongolia // *Courier-Mail*. 1934. April 28. P. 13.
204. Japan creates of Mongokuo puppet state // *The Washington Post*. 1937. March 17. P. 1.
205. Japan encircling North China // *Courier-Mail*. 1936. January 20. P. 16.
206. Japan in North China // *The Manchester Guardian*. 1937. December 06. P. 9.
207. Japan Insists // *The Manchester Guardian*. 1935. June 13. P. 8.
208. Japan Offered 5,000,000 Acres in Mongolia // *Advertiser*. 1938. February 07. P. 20.
209. Japan ready to discuss peace // *Advertiser*. 1937. October 30. P. 23.
210. Japan reports big gains in North // *The New York Times*. 1937. August 29.
211. Japan Sets Up Inner Mongolia Puppet State // *The Washington Post*. 1937. October 30. P. 2.
212. Japan Tightens Grip on Inner Mongolia. 59 Banners Transfer Their Allegiance // *The Straits Times*. 1936. March 17. P. 19.
213. Japan — China: Chahar // *Time*. 1935. February 04.
214. Japan's aims. Autonomous states // *The West Australian*. 1937. November 26. P. 27.
215. Japan's aims. Autonomous states // *Western Argus*. 1937. November 30. P. 20.
216. Japan's Mongol allies // *The Manchester Guardian*. 1937. August 25. P. 5.
217. Japan's move in North China // *The Straits Times*. 1936. August 12. P. 11.
218. Japan's new move in China // *Advertiser*. 1936. January 20. P. 17.
219. Japan's new puppet emperor // *Goulburn Evening Penny Post*. 1936. October 06. P. 4.
220. Japan's New Scheme. An inner Mongolian state buffer against Russia // *Kalgoorlie Miner*. 1937. October 21. P. 5.
221. Japan's plan to set up Mongol state // *Sydney Morning Herald*. 1937. October 21. P. 11.
222. Japan's policy in Mongolia. First hint of failure // *Sunday Mail*. 1936. April 26. P. 9.
223. Japan's scheme for another state // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. September 21. P. 9.
224. Japan's threat in Mongolia // *Daily News*. 1934. April 28. P. 12.
225. Japanese advance in China // *The Manchester Guardian*. 1934. January 18. P. 4.
226. Japanese advance in Mongolia // *The Manchester Guardia*. 1933. August 16. P. 9.

227. Japanese advance in north // *The Manchester Guardian*. 1937. October 15. P. 16.
228. Japanese advance in Shantung. A daring pilot // *The Times*. 1937. October 05.
229. Japanese advancing // *Mercury*. 1937. September 06. P. 7.
230. Japanese and Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1935. October 03. P. 12.
231. Japanese are active in Inner Mongolia // *The New York Times*. 1934. April 19. P. 18.
232. Japanese Astride Inner Mongolia // *Advertiser*. 1937. September 06. P. 20.
233. Japanese attack on wide front // *Northern Star*. 1937. October 21. P. 9.
234. Japanese attack over 80-mile front in north // *The Manchester Guardian*. 1937. September 16. P. 12.
235. Japanese attacks in North China // *The Manchester Guardian*. 1937. August 25. P. 5.
236. Japanese capture of pass into Shansi confirmed // *The Manchester Guardian*. 1937. October 30. P. 17.
237. Japanese capture Suiyuan capital // *The New York Times*. 1937. October 15. P. 3.
238. Japanese confirm unrest in Chahar // *The New York Times*. 1937. June 11. P. 15.
239. Japanese Conquest of Mongolia // *The Straits Times*. 1936. May 21. P. 18.
240. Japanese coup in Mongolia // *Daily News*. 1936. January 20. P. 8.
241. Japanese demand // *The Straits Times*. 1936. July 17. P. 9.
242. Japanese demands in North China // *The Straits Times*. 1936. September 01. P. 8.
243. Japanese demands invaded // *Recorder*. 1936. January 10. P. 1.
244. Japanese demands rejected // *Malaya Tribune*. 1936. June 03. P. 11.
245. Japanese designs in North China. Fears for Shantung and Shansi // *The Times*. 1936. January 14.
246. Japanese drome in Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1936. March 23. P. 11.
247. Japanese Failure in Mongolia // *The Straits Times*. 1939. March 09 P. 20.
248. Japanese forces go into action // *Morning Tribune*. 1937. September 07. P. 1.
249. Japanese gunboats trapped // *Sydney Morning Herald*. 1937. October 30. P. 17.
250. Japanese Halt Advance on the Yangtse // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1938. August 02. P. 2.
251. Japanese Hold on Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1936. September 02. P. 18.
252. Japanese in China // *The Manchester Guardian*. 1941. August 01. P. 8.
253. Japanese in Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1935. November 11. P. 5.
254. Japanese in Mongolia // *Sunday Mail*. 1935. June 02. P. 7.
255. Japanese in North China // *The Manchester Guardian*. 1936. January 09. P. 12.
256. Japanese in North China // *The Manchester Guardian*. 1936. May 01. P. 14.
257. Japanese in Shantung. Chinese retreat in boats. A stand expected // *The Times*. 1937. October 04.
258. Japanese in the North. Administrative committee formed // *Western Argus*. 1937. November 30. P. 24.

259. Japanese Methods // The Manchester Guardian. 1933. August 16. P. 8.
260. Japanese officers shot down // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. December 22. P. 9.
261. Japanese penetration in Mongolia // The Times. 1936. April 29.
262. Japanese place puppet king on Mongol throne // Chicago Daily Tribune. 1936. June 28. P. 1.
263. Japanese planes fly over Soviet territory // The Straits Times. 1933. November 06. P. 11.
264. Japanese Planes for East Chahar? // The Straits Times. 1936. March 07. P. 11.
265. Japanese planes warning // The Manchester Guardian. 1933. September 18. P. 13.
266. Japanese Plans for Buffer State // Examiner. 1937. October 21. P. 7.
267. Japanese plans for North China independence of Nanking // The Times. 1937. October 23.
268. Japanese Pressure in Mongolia // Advocate. 1935. June 03. P. 1.
269. Japanese puppet says he plans to rule all Mongolia // The Washington Post. 1938. December 01. P. 7.
270. Japanese seize districts // Malaya Tribune. 1933. December 09. P. 12.
271. Japanese successes on all fronts // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. September 14. P. 1.
272. Japanese supplies for Chahar rebels // The Straits Times. 1936. March 16. P. 11.
273. Japanese take up positions along Great Wall // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. May 18. P. 9.
274. Japanese tanks for East Chahar // The Straits Times. 1936. October 12. P. 11.
275. Japanese to «dominate North China» // The Straits Times. 1936. January 08. P. 11.
276. Japanese to capture fourth provincial capital? // The Manchester Guardian. 1937. November 04. P. 13.
277. Japanese troop movements // The Manchester Guardian. 1941. July 19. P. 7.
278. Japanese troops active // The New York Times. 1936. September 22.
279. Japanese troops for Mongolia? // The Straits Times. 1936. July 08. P. 11.
280. Japanese troops move near Peiping // New York Post. 1936. September 30. P. 5.
281. Japanese uphold Mongolian rebels // The New York Times. 1936. November 16. P. 4.
282. Japanese warning risks to foreign troops at Shanghai // The Times. 1937. October 30.
283. Japanese Warships Threaten to Fire on Students // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. December 24. P. 10.
284. Japs are so sorry // Mail. 1942. May 30. P. 7.
285. Kalgan is claimed // The New York Times. 1937. August 25.
286. Kwangsi forces in Pootung // The Straits Times. 1937. September 15. P. 11.
287. Land for immigration // The West Australian. 1938. February 07. P. 18.
288. Land for Japanese settlement // Sunday Times. 1938. February 06. P. 4.

289. Local Autonomy Movements Rise to Plague Chungking // *The Christian Science Monitor*. 1946. February 27. P. 11.
290. Looming in from the wind-swept steppes // *The West Australian*. 1953. April 18. P. 21.
291. *Lore L.* Far East rumor mills grind exceeding fine // *New York Post*. 1936. June 04. P. 9.
292. *Lore L.* Inner Mongolia casts lot with Japan's Manchoukuo // *New York Post*. 1935. December 27. P. 10.
293. *Lore L.* Japan cuts herself another piece of Chinese cake // *New York Post*. 1936. June 30. P. 9.
294. *Lore L.* Japan Headed for a Cropper in Mongolia // *New York Post*. 1937. November 03. P. 9.
295. Losing prestige // *Northern Miner*. 1937. October 22. P. 2.
296. Lost battalion at Chapei // *Cairns Post*. 1937. October 30. P. 7.
297. Manchu-E. Hopei pacts // *The Straits Times*. 1936. May 27. P. 8.
298. Manchukuo // *Morning Tribune*. 1936. August 21. P. 20.
299. Manchukuo flag flies in Charhar // *The Straits Times*. 1934. January 28. P. 11.
300. Manchukuo from North China // *The New York Times*. 1935. December 13.
301. Manchukuo likely to annex Chahar // *The New York Times*. 1934. October 26. P. 15.
302. Manchukuo opens drive // *Los Angeles Times*. 1935. December 29. P. 10.
303. Manchukuo troops in Chahar. Japanese pressure for autonomy // *The Times*. 1936. January 26.
304. Manchukuo. Western Frontier Incidents // *Sydney Morning Herald*. 1935. February 26. P. 10.
305. Manchukuo-Mongolia air service // *The Straits Times*. 1940. July 03. P. 13.
306. Manchurian border. A tiny «puppet state» // *The Times*. 1935. February 06.
307. Many advance units of Tokio forces declared cut off big Shanghai barrage // *New York Post*. 1937. October 20.
308. Many attacks by volunteers // *Malaya Tribune*. 1933. November 08. P. 9.
309. Marching on Changchun // *The Straits Times*. 1933. October 23. P. 11.
310. Marshal Chiang's armies ready to defy Japan // *The Straits Times*. 1934. May 05. P. 11.
311. Martial law at Paotingfu // *Sunday Tribune (Singapore)*. 1936. January 21. P. 1.
312. Martial law in Suiyuan // *The Straits Times*. 1937. May 25. P. 9.
313. Martial Law Proclaimed in North Charhar // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. June 14. P. 9.
314. *Miller B.H.* Japan reaches boldly for more of China as warfare frets Europe // *The Washington Post*. 1935. November 03. P. 11.
315. Minor Clashes Reported on Suiyuan Border // *The Straits Times*. 1937. May 01. P. 9.
316. Miscellaneous // *Northern Argus*. 1888. September 04. P. 3.
317. Mission to Mongolia // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1934. October 27. P. 9.
318. Money gifts for Suiyuan // *The Straits Times*. 1937. January 29. P. 9.

319. Mongol autonomy movement. Compromise repudiated by princes // *The Times*. 1933. December 13.
320. Mongol autonomy movement. Formation of political council // *The Times*. 1934. April 25.
321. Mongol Loyalty to Gen. Chiang // *The Straits Times*. 1939. February 04. P. 15.
322. Mongol puppet regime // *The Straits Times*. 1939. April 19. P. 20.
323. Mongol puzzle // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. May 15. P. 14.
324. Mongol refugees flee war regions // *The New York Times*. 1936. November 30. P. 1.
325. Mongol Rule Forming under Reds // *The Washington Post*. 1946. February 12. P. 2.
326. Mongol rulers demand independence // *Advertiser*. 1933. October 20. P. 27.
327. Mongol state set up, says Chahar report // *New York Post*. 1937. March 16. P. 1.
328. Mongolia bankrupt // *Malaya Tribune*. 1933. November 16. P. 10.
329. Mongolia determined to be free // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. December 18. P. 7.
330. Mongolia emerges // *Cairns Post*. 1934. May 25. P. 13.
331. Mongolia Has a New Flag // *Queenslander*. 1938. March 23. P. 18.
332. Mongolia is tired of Nanking // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. November 02. P. 9.
333. Mongolia Next? // *Malaya Tribune*. 1933. November 04. P. 10.
334. Mongolia prince tires of existence in tents // *The Washington Post*. 1935. September 29. P. B10.
335. Mongolia to join Manchukuo? // *Malaya Tribune*. 1934. April 02. P. 9.
336. Mongolia — Suiyuan dispute // *The Straits Times*. 1935. March 23. P. 19.
337. Mongolia. Claim for Autonomy // *Sydney Morning Herald*. 1933. October 19. P. 11.
338. Mongolia. Country Now Prominent // *Sydney Morning Herald*. 1934. August 23. P. 8.
339. Mongolia's future // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1934. April 03. P. 11.
340. Mongolia's future // *The Straits Times*. 1934. September 28. P. 11.
341. Mongolia's new flag // *Sunday Mail*. 1938. January 30. P. 16.
342. Mongolian Affairs // *The Central Queensland Herald*. 1946. February 14. P. 17.
343. Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1933. October 07. P. 11.
344. Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1933. October 24. P. 10.
345. Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1933. October 31. P. 2, 7.
346. Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1933. November 03. P. 5.
347. Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1933. November 07. P. 7.
348. Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1933. November 24. P. 3.
349. Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1933. November 29. P. 16.
350. Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1933. December 29. P. 18.
351. Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1934. May 05. P. 13.
352. Mongolian Autonomy // *Malaya Tribune*. 1934. May 10. P. 2.

353. Mongolian Autonomy // *The Straits Times*. 1934. April 23. P. 7.
354. Mongolian crisis looms threat to Chinese government // *Canberra Times*. 1933. October 19. P. 1.
355. Mongolian demand // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1931. April 11. P. 7.
356. Mongolian dispute settled // *The Straits Times*. 1935. December 06. P. 10.
357. Mongolian gesture // *The Straits Times*. 1934. November 04. P. 11.
358. Mongolian industries // *The Straits Times*. 1935. April 01. P. 6.
359. Mongolian Manoeuvres // *The Manchester Guardian*. 1936. January 14. P. 8.
360. Mongolian princes // *Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. October 05. P. 2.
361. Mongolian princes attitude // *The Straits Times*. 1934. April 08. P. 14.
362. Mongolian princes seek autonomy // *Argus*. 1933. October 19. P. 7.
363. Mongolian threat // *Northern Star*. 1933. October 19. P. 7.
364. Mongolians form autonomous state // *The Washington Post*. 1933. October 30. P. 1.
365. Mongols building self-ruled state // *The New York Times*. 1934. May 27. P. 22.
366. Mongols flee northwest war area of china // *Chicago Daily Tribune*. 1936. November 30. P. 11.
367. Mongols get autonomy // *The New York Times*. 1934. April 25. P. 10.
368. Mongols go over to Chinese // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 02. P. 9.
369. Mongols Migrating to Escape Famine // *The Straits Times*. 1936. August 26. P. 19.
370. Mongols Petition Chinese to Recover Chahar // *The Straits Times*. 1937. April 27. P. 9.
371. Mongols proclaim «autonomous» area // *The New York Times*. 1936. January 19.
372. Mongols set up pro-Manchukuo regime in China // *Chicago Daily Tribune*. 1936. January 19. P. 6.
373. Mongols to govern Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1936. May 01. P. 11.
374. Mongols to raid Suiyuan // *The New York Times*. 1936. December 14.
375. Mongols to seize Charhar? // *The Straits Times*. 1933. October 02. P. 11.
376. More Japanese demands // *The Manchester Guardian*. 1935. January 01. P. 14.
377. More Japanese in Suiyuan // *The New York Times*. 1936. November 15.
378. More Manchu Forces for North Chahar // *The Straits Times*. 1937. June 23. P. 9.
379. Moscow charges Japan with plotting to seize Mongolia // *Chicago Daily Tribune*. 1936. November 19. P. 6.
380. Mr. Wang Ching Wei // *Malaya Tribune*. 1933. October 04. P. 11.
381. Murder of Gareth Jones // *Sydney Morning Herald*. 1935. September 26. P. 10.
382. Mystery death of Chinese general // *The Straits Times*. 1933. July 14. P. 18.
383. Martial law in Pailingmiau // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. May 25. P. 9.
384. N. China reforms // *The Straits Times*. 1937. March 08. P. 5.

385. N. China terms revealed // *The Straits Times*. 1936. March 05. P. 11.
386. Named Mongol Chief // *Chicago Daily Tribune*. 1937. October 30. P. 2.
387. Nanking accepts resignation // *The Straits Times*. 1933. October 30. P. 11.
388. Nanking minister's tour of Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1937. May 29. P. 11.
389. Nanking note to Japan // *The Straits Times*. 1934. March 08. P. 11.
390. Nanking-Mongol clash feared // *The Straits Times*. 1933. November 02. P. 11.
391. Nankins: Award for Shansi Leader's Mother // *The Straits Times*. 1936. December 19. P. 9.
392. Nationalists «peage offensive» // *Mercury*. 1949. January 03. P. 2.
393. Negotiations aid Mongol autonomy // *The New York Times*. 1933. November 06. P. 13.
394. New attack on Suiyuan // *The New York Times*. 1936. August 18. P. 4.
395. New Attack to be Launched on East Suiyuan // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. January 06. P. 1.
396. New autonomous state // *Mirror*. 1937. October 30. P. 8.
397. New buffer state // *Mercury*. 1937. October 21. P. 9.
398. New capital cheated // *Cairns Post*. 1937. November 01. P. 7.
399. New China-Japan parleys // *The Straits Times*. 1937. March 16. P. 4.
400. New Chinese problem // *The West Australian*. 1933. October 19. P. 13.
401. New Government in Suiyuan // *The Times*. 1937. October 27.
402. New Jap «Adviser» For Mongolia // *Daily News*. 1941. November 28. P. 4.
403. New Mongol council in Suiyuan // *The Straits Times*. 1936. February 05. P. 8.
404. New Mongolian state // *Canberra Times*. 1937. October 21. P. 1.
405. New Mongolian state created // *Advertiser*. 1936. January 21. P. 19.
406. New Puppet State // *The Straits Times*. 1937. October 21. P. 11.
407. New puppet state // *The West Australian*. 1937. November 01. P. 15.
408. New puppet state. Japanese influence // *The Northern Standard*. 1936. January 21. P. 9.
409. New regime in Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1937. February 12. P. 11.
410. New state // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. September 20. P. 9.
411. New state formed // *Northern Star*. 1936. January 21. P. 7.
412. Newest Biographies of Important Figures in China // *Asahi Shimbun Company*. 1941. September 29. P. 28.
413. News is brief // *Western Star and Roma Advertiser*. 1936. January 22. P. 2.
414. North Charhar // *Malaya Tribune*. 1937. July 1. P. 18.
415. North China accepts half Japanese demands separate money policy // *Malaya Tribune*. 1936. February 10. P. 11.
416. North China peace parley suspended // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. August 11. P. 9.
417. North China-Manchukuo Air Services // *The Straits Times*. 1936. November 21. P. 9.
418. Northern campaign. steady Japanese advance // *The West Australian*. 1937. September 06. P. 15.



419. Northern fronts // *The West Australian*. 1937. October 21. P. 19.
420. Not to disintegrate Mongolia // *The Straits Times*. 1936. February 11. P. 9.
421. Only too glad to talk // *Sydney Morning Herald*. 1949. January 03. P. 3.
422. Organising Resistance in Shansi Province // *The Straits Times*. 1939. February 03. P. 16.
423. Paoshan falls // *Malaya Tribune*. 1937. September 07. P. 13.
424. Parley in North China // *Malaya Tribune*. 1936. February 25. P. 14.
425. Passes to be returned? // *The Straits Times*. 1933. October 24. P. 11.
426. Peace delegates // *Malaya Tribune*. 1934. January 02. P. 11.
427. Peilingmiao council reorganized // *The Straits Times*. 1936. March 23. P. 9.
428. Peitaiho threatened by huge bandit army // *The Straits Times*. 1933. September 23. P. 11.
429. Petroleum monopoly in Inner Mongolia // *The Times*. 1938. July 20.
430. Plan new Chahar regime // *The New York Times*. 1937. September 16.
431. Plots in the north // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. October 20. P. 9.
432. Political Divisions in China // *The Manchester Guardian*. 1936. June 12. P. 8.
433. Political Riot in China. Sequel to Unity Conference // *The Advertiser*. 1946. February 12. P. 4.
434. *Powell John*. Japan's troops seize capital of Inner Mongolia // *Chicago Daily Tribune*. 1936. March 10. P. 7–8.
435. *Powell John*. Mongolians declare independence // *Chicago Daily Tribune*. 1933. October 14. P. 13.
436. Premier's promise // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1934. February 12. P. 11.
437. Prince Teh calls a conference // *The Straits Times*. 1936. April 14. P. 11.
438. Prince Teh goes over to Manchukuo // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. January 20. P. 10.
439. Prince Teh sends pledge to Nanking // *The New York Times*. 1936. December 13. P. 39.
440. Prince Teh Suspends Mongol Invasion // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 19. P. 9.
441. Prince Wang // *Malaya Tribune*. 1933. October 04. P. 13.
442. Prince Yun arrested // *The Straits Times*. 1936. July 02. P. 12.
443. Problem for gen. Chiang // *The Straits Times*. 1936. August 14. P. 11.
444. Prompted by Japan // *The Straits Times*. 1936. January 20. P. 11.
445. Pro-Tokyo official slain in Shanghai // *The New York Times*. 1935. December 26. P. 1.
446. Punitive expedition to Inner Mongolia // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. January 01. P. 10.
447. Puppet state in Mongolia? // *The Straits Times*. 1936. June 30. P. 5.
448. Queues Still Common in Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1937. May 13. P. 23.
449. Racial minorities in China // *Malaya Tribune*. 1933. November 27. P. 2.
450. Rapid advance on capital // *Sydney Morning Herald*. 1937. November 24. P. 15.

451. Rebellion in Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1935. December 26. P. 12.
452. Rebels advance on Tientsin // *Sunday Tribune* (Singapore). 1935. December 29. P. 1.
453. Red army moving on Manchukuo // *The Straits Times*. 1937. June 16. P. 11.
454. Red leaders killed // *Malaya Tribune*. 1934. July 13. P. 11.
455. Reds in Shensi // *Morning Tribune*. 1937. February 02. P. 28.
456. Representative of Mr. Hu Han-Min // *The Straits Times*. 1936. February 17. P. 9.
457. Repulse of Japan's puppet invaders is claimed by Chinese // *Chicago Daily Tribune*. 1936. November 25. P. 15.
458. Resignation of gen. Ho // *The Straits Times*. 1933. October 10. P. 11.
459. Restive Mongolia // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. November 15. P. 2.
460. Revolt feared in Mongokuo puppet state // *The Washington Post*. 1937. March 18. P. 7.
461. Ridiculous Japanese plans to seize Siberia // *The Straits Times*. 1933. November 07. P. 11.
462. Rin Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1935. December 26. P. 12.
463. Rival autonomies in China // *The Times*. 1936. February 12.
464. *Robertson D.* Hard choice for Mongols // *The New York Times*. 1936. July 05. P. E5.
465. *Robertson D.* Japanese uphold Mongolian rebels // *The New York Times*. 1936. November 16. P. 4.
466. Rumored clash in Chahar // *The Straits Times*. 1936. October 16. P. 9.
467. Russian aegis // *Cairns Post*. 1946. February 13. P. 1.
468. Russian influence in Mongolia // *Central Queensland Herald*. 1946. February 14. P. 14.
469. Russian influence in Mongolia // *Morning Bulletin*. 1946. February 13. P. 1.
470. Russo-Japanese Rivalry in Asia-2 // *Courier-Mail*. 1939. July 28. P. 6.
471. Secret Yalta. Concessions to Russia // *The Canberra Times*. 1946. February 13. P. 1.
472. Semi-independence? // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. October 21. P. 2.
473. Separatist Regime in Inner Mongolia? // *The Straits Times*. 1936. May 12. P. 23.
474. Settlers for Mongolia // *The Straits Times*. 1933. September 30. P. 7.
475. Shanghai war hero // *Malaya Tribune*. 1934. March 19. P. 11.
476. «Gateway» Falls to Japanese // *The Straits Times*. 1937. October 28. P. 11.
477. Shansi goes to aid of Suiyuan // *The Straits Times*. 1936. August 11. P. 9.
478. Shantung to become autonomous state? // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. January 16. P. 1.
479. Sight Hussars Killed in Malayan Ambush // *Advertiser*. 1949. January 03. P. 3.
480. Sino-Japanese clash at the gates of peiping new crisis in China // *Malaya Tribune*. 1936. January 09. P. 11.

481. Sino-Japanese conference // *Malaya Tribune*. 1936. August 24. P. 16.
482. Sino-Japanese crisis // *The Straits Times*. 1937. June 15. P. 9.
483. Sino-Japanese talks break down // *The Straits Times*. 1936. January 02. P. 5.
484. Sino-Soviet Relations // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1932. December 23. P. 3.
485. Situation at Kalgan Much Worse // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. March 19. P. 9.
486. Situation Worsens in East Charhar // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1935. December 13. P. 10.
487. Soviet Advises China Not to Conclude Agreements with Japan or Manchukuo // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1935. December 30. P. 10.
488. Soviet and Japan increasing forces // *The New York Times*. 1936. December 14.
489. Soviet arms for outer Mongolia // *The Straits Times*. 1934. May 07. P. 19.
490. Soviet Mongols join N. China conflict // *The Straits Times*. 1937. October 13. P. 11.
491. Statement by Mr. H. Arita // *Malaya Tribune*. 1936. February 28. P. 14.
492. *Steele A.* North China alert to curb Japanese // *The New York Times*. 1937. May 09. P. 23.
493. *Steele A.T.* Hard task looms in Chahar region // *The New York Times*. 1933. December 17. P. 8.
494. *Steele A.T.* Mongols prepare for independence // *The New York Times*. 1933. November 05. P. E8.
495. *Steele A.T.* Self-rule sought by Inner Mongolia // *The New York Times*. 1933. October 16. P. 1.
496. Stop press // *The Straits Times*. 1936. November 06. P. 11.
497. Strange Events in Inner Mongolia // *Advertiser*. 1946. February 16. P. 4.
498. Strategic success in North // *Sydney Morning Herald*. 1937. September 06. P. 9.
499. Strife in Suiyuan // *The New York Times*. 1936. August 14. P. 4.
500. Struggle for mongolia // *Sydney Morning Herald*. 1936. August 14. P. 8.
501. Suiyuan border again tense // *The Straits Times*. 1936. September 16. P. 19.
502. Suiyuan invaders attack // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 18. P. 2.
503. Suiyuan invaders ultimatum to Chinese // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. December 04. P. 9.
504. Suiyuan reports Japanese threat // *The New York Times*. 1936. November 27. P. 17.
505. Suiyuan truce loyal message from bandit and prince // *The Times*. 1936. December 19.
506. Suiyuan's defences // *The Straits Times*. 1937. January 20. P. 19.
507. Surprise! Drive by Chinese // *The Manchester Guardian*. 1939. February 18. P. 15.
508. Szechuen «Reds» // *Malaya Tribune*. 1933. November 13. P. 10.

509. Ta Tung caves // *The Straits Times*. 1934. October 12. P. 16.
510. Tension in North China // *The Manchester Guardian*. 1936. November 04. P. 14.
511. Territorial Reshuffles in Mongolia // *Advocate*. 1936. January 21. P. 1.
512. The «Blue City». Inlier Mongolia's Capital // *Sunday Times*. 1937. October 31. P. 3.
513. The attack on Suiyuen // *Malaya Tribune*. 1936. February 11. P. 13.
514. The Far East. New development // *Townsville Daily Bulletin*. 1933. October 21. P. 7.
515. The Foreign horizon // *Argus*. 1937. October 22. P. 12.
516. The future of China // *The Manchester Guardian*. 1934. May 08. P. 11–12.
517. The invasion of Suiyuan // *The Manchester Guardian*. 1936. November 28. P. 17.
518. The Japanese in Mongolia // *The Straits Times*. 1936. November 21. P. 10.
519. The Mongolian question // *Malaya Tribune*. 1934. January 03. P. 16.
520. The Mongols proceed to Nanking shortly // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. November 20. P. 1.
521. The Panchan Lama // *The Straits Times*. 1934. August 13. P. 11.
522. The Suiyuan Campaign // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. November 25. P. 8.
523. The war in China. Major Offensive Towards Nanking // *Western Mail*. 1937. November 25. P. 61.
524. The Yellow River // *Australian Town and Country Journal*. 1888. March 10. P. 29.
525. Three Manchukuo regiments go over to Chinese // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. January 05. P. 9.
526. *Tillman Durdin F.* Chiang says Japan Imperils all East // *The New York Times*. 1940. January 24. P. 2.
527. *Tillman Durdin F.* Chinese attacking over a wide area // *The New York Times*. 1939. February 16. P. 7.
528. *Tillman Durdin*. 91, reporter in China during World War II // *The New York Times*. 1998. July 09. P. 25.
529. Today's News // *Courier-Mail*. 1936. January 20. P. 1.
530. Today's News in Brief // *Advocate*. 1937. October 30. P. 2.
531. Tokio's hand seen behind so-called nationalist revolt in Mongolia // *New York Post*. 1936. November 24.
532. Tokyo ultimatum reported in China // *The New York Times*. 1936. January 08. P. 9.
533. Trade follows the Jap. flag // *Northern Star*. 1936. October 29. P. 2.
534. Traveler finds yellow-haired blonde Chinese // *Brooklyn Daily Star*. 1924. May 22. P. 4.
535. Trouble feared in Mongolia // *Canberra Times*. 1933. November 21. P. 1.
536. Trouble feared in Mongolia // *The Straits Times*. 1937. November 01. P. 11.
537. U.S. will stay out of Chahar dispute // *The New York Times*. 1935. January 24. P. 4.
538. Uneasy peace reflected in Chinese riots // *Barrier Miner*. 1946. February 13. P. 4.

539. Unity Celebration at Chungking Ends in Bloodshed // Morning Bulletin. 1946. February 12. P. 5.
540. Unrest Among the Mongols // Argus. 1933. October 21. P. 6.
541. Untitled // The Straits Times. 1936. April 17. P. 11.
542. Untitled // The Straits Times. 1937. May 31. P. 11.
543. War in China // Kalgoorlie Miner. 1949. January 04. P. 5.
544. War may last a year // The Observer. 1937. October 24. P. 22.
545. War refugees from Mongolia flee into China // The Washington Post. 1936. November 30. P. X2.
546. War rumblings rise in new jap puppet state // Chicago Daily Tribune. 1937. March 18. P. 5.
547. Why Independence is Demanded // The Straits Times. 1933. November 17. P. 19.
548. Work of Japanese? // The Straits Times. 1933. September 20. P. 11.
549. Youth vs. age // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1933. November 23. P. 2.
550. [Внутренняя Монголия формирует народный трибунал: Приведение в исполнение смертного приговора в отношении предателя Шоу Минъя // Жэньминь Жибао. 1947. № 1. 07 декабря] = 内蒙翻身人民法庭”处决大蒙奸寿明阿.
551. [Новая газета Восточной Монголии. 1946. 13 марта] = 东蒙新报.

### Литература

1. Авдонин А.Н. В жерновах революции: Документальный очерк о комиссаре В.В. Яковлеве. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 224 с.
2. Алиев Н. Нагорно-Карабахский конфликт: Правовые аспекты урегулирования: [монография]. Тбилиси: Тбилисский гос. ун-т; Универсал, 2009. 245 с.
3. Андреев А.И. Новая Монголия глазами русского путешественника (По страницам дневников последней экспедиции П.К. Козлова) // Mongolika-V: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 157–163.
4. Аржанов М.А. Шпионаж, диверсии, интервенция как система внешних отношений фашистской диктатуры (на примере Германии) // Советское государство. 1938. № 1. С. 181–193.
5. Артуров О.А. Основы государственного права народного Китая (К утверждению Конституции Китайской Народной Республики) // Тр. ТГУ им. В.В. Куйбышева. Т. 137: V науч. конф. ТГУ им. В.В. Куйбышева, посвящ. 350-летию г. Томска. Томск: Изд-во ТГУ, 1957. С. 25–40.
6. Багинян К.А., Лазарев М.И. Международный договор исторического значения // Советское государство и право. 1950. № 4 (апрель). С. 68–78.
7. Базаров Б.В. Монгольские народы: Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XXI вв. // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. 2014. № 4(16). С. 40–53.
8. Базаров Б.В. Присоединение Северной Монголии к России // Российская история. 2017. № 1. С. 49–55.

9. *Базаров Б.В., Бадараев Д.Д., Курас Л.В. и др.* Монголия во Второй мировой войне (1939–1945 гг.). Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. 223 с.
10. *Базаров Б.В., Хишигжаргал Г.* Особенности военно-административной системы Внешней Монголии в цинский период // *Власть*. 2016. Т. 24. № 10. С. 120–126.
11. *Базаров Б.В., Хишигжаргал Г.* Правовые основы системы управления Внешней Монголией в период маньчжурского господства (XVII — начало XX в.) // *Власть*. 2016. Т. 24. № 11. С. 164–169.
12. *Байков Н.А., Козлов И.В.* Экскурсия в долину реки Муданьцзян // *Вестник Маньчжурии*. 1926. № 11–12. С. 1–17.
13. *Балакшин П.* Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. В 2 т. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк: Изд-во «СИРИУС», 1958. Т. 1. 430 с.
14. *Балдано М.Н.* Идея создания единого монгольского государства как проект национально-государственного строительства // *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 276–287.
15. *Балдано М.Н.* Трансграничные аспекты панмонголизма // *Вестн. БГУ*. 2008. № 7. С. 47–53.
16. *Балдано М.Н.* Панмонголизм: Идея государственного объединения монгольской историко-культурной общности как инструмент национально-государственного строительства // *Стабильность и конфликт в российском приграничье: Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х гг.* Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2005. С. 228–243.
17. *Балдано М.Н.* Трансформация политико-административного устройства территории Внутренней Монголии после Синьхайской революции // *Изв. Иркут. гос. ун-та*. 2015. Т. 13. С. 92–100. (История).
18. *Балдано М.Н., Варнавский П.К.* «Великая Монголия»: Концепция политического единства и попытка ее реализации (1900–1920 гг.) // *Вестн. ТГУ*. 2017. № 419. С. 99–108.
19. *Барабанов О.Н., Лузянин С.Г., Стрельцов Д.В.* Юбилей Халхин-Гола и политика исторической памяти в отношениях России с Монголией и Японией // *Доклад Междунар. дискуссион. клуба «Валдай»*. М., 2019. 33 с.
20. *Баранов А.М.* Состояние транспорта в Монголии // *Вестник Маньчжурии*. 1926. № 11–12. С. 46–55.
21. *Баранов А.М.* Урянхайский вопрос. Харбин: Типо-лит. Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, 1913. 48 с.
22. *Баранов А.М.* Халха. Аймакь Цецень-хана. Харбин, 1919. 52 с.
23. *Баранов И.Г.* Административное устройство Северной Маньчжурии // *Вестник Маньчжурии*. 1926. № 11–12. С. 5–26.
24. *Баранов И.Г.* Китайская пресса о русско-монгольском соглашении // *Вестник Азии*. 1913. № 13. С. 77–87.
25. *Батбаяр Ц.* Монголия и Япония в первой половине XX в. / *Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН*. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2002. 229 с.
26. *Бенфельд А.С.* Мынцзян (Внутренняя Монголия). Чита, 1944. Кн. 1. 312 с.

27. *Благов Ю.В.* Местное самоуправление в РФ в условиях муниципально-правовой реформы: [монография]. Омск. гос. ун-т им. Ф.М Достоевского. Омск: Проспект, 2017.
28. *Богословский В.А., Москалев А.А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М.: Наука, 1984. 263 с.
29. *Богословский В.А., Кузьмина А.М., Лхам Ж. и др.* Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М.: Политиздат, 1975. 126 с.
30. *Бойкова Е.В.* Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX — начало XX века) / Отв. ред. М.И. Гольман; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2014. 264 с.
31. *Болобан А.* Будущее Маньчжурии // Вестник Азии. 1911. № 9. С. 80–139.
32. *Болобан А.* Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии и Монголии // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 85–127.
33. *Болобан А.* Северо-Восточная Монголия и ее хлеба // Вестник Азии. 1910. № 5. С. 68–94.
34. *Болобан А.П. (Ирклеевский).* Земледелие и хлебопромышленность Северной Маньчжурии. Харбин: Русско-китайско-монгольская тип. газ. «Юань-дун-бао», 1909. 368 с.
35. *Болобан А.П.* Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении: Отчет агента М-ва торговли и пром-сти в Монголии А.П. Болобана за 1912–1913 гг. Пг., 1914. 207 с.
36. *Боронова Д.Ц.* Буряты Внутренней Монголии: К проблеме взаимосвязи внутрикультурных парадигм // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Матер. междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 297–301.
37. *Боронова Д.Ц.* Динамика пространственно-временной локализации бурят Внутренней Монголии КНР (Историко-культурологический анализ): Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 174 с.
38. *Боронова Д.Ц.* Миграция и сакрализация нового жизненного пространства в традиционной культуре: Опыт бурят Внутренней Монголии КНР // Вестн. БГУ. 2011. Вып. 6. С. 258–262. (Философия, социология, политология, культурология).
39. *Боронова Д.Ц.* Роль М.Н. Богданова в организации бурятской эмиграции во Внутреннюю Монголию // Вестн. БГУ. 2008. № 7. С. 31–35. (История).
40. *Василенко В.А., Кузьмин Ю.В., Куфтарева В.В.* Монголия и русско-монгольские отношения, характер правительственной политики Российской империи в оценках российских социал-демократов в начале XX в. // Сибирь в годы Великой Российской революции: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции) (г. Улан-Удэ, 7–8 июня 2017 г.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 9–14.
41. *Воеводин Л.Д.* О разрешении национального вопроса в государственном строительстве Китайской Народной Республики // Советское государство и право. 1953. № 6. С. 104–119.

42. *Воллосович М.* Письма из Монголии: Исследование Монголии // Вестник Азии. 1916. № 38–39. С. 34–50.
43. *Воллосович М.* Письма из Монголии: По улицам Урги // Вестник Азии. 1915. № 35–36. С. 62–69.
44. *Воллосович М.* Письма из Монголии: Преобразование Монголии // Вестник Азии. 1916. № 37. С. 44–50.
45. *Воллосович М.* Письма из Монголии: У соседей // Вестник Азии. 1915. № 34. С. 209–223.
46. *Воллосович М.* Россия и Монголия // Вестник Азии. 1914. № 31–32. С. 42–50.
47. Восстановление Чжеримского княжества // Вестник Азии. 1915. № 35–36. С. 114–115.
48. *Вышинский А.Я.* Вопросы теории государства и права. М.: Гос. изд-во юр. литературы, 1949. 424 с.
49. *Вэй Цзы-чу.* Капиталовложения империалистов в Китае (1902–1945) / Пер. с 3-го китайского изд. М.А. Киселева; Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 53 с.
50. *Г. П.* Наши торговые интересы в Восточной Монголии // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 122–135.
51. *Гальперин А.Л.* Англо-японский союз: 1902–1921 годы / Тихоокеанский ин-т АН СССР. М.: Госполитиздат, 1947. 448 с.
52. *Гапанович И.И.* Экспедиция Р. Эндрюса в Монголии // Вестник Маньчжурии. 1926. № 7. С. 24–25.
53. *Генкин Д.М., Богуславский М.М., Лантев В.В. и др.* Гражданское право стран народной демократии / Под ред. Д.М. Генкина. М.: Внешторгиздат, 1958. 552 с.
54. *Горохова Г.С.* Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX в.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1980. 132 с.
55. *Горшенин А.И.* Дайрен в цифрах // Вестник Маньчжурии. 1926. № 10. С. 36–42.
56. *Грайворонский В.В.* Кяхтинское соглашение 1915 г. и современные отношения между Россией, Монголией и Китаем // Россия и Монголия в первой половине XX в.: Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука): Сб. науч. тр. Иркутск, 2015. С. 94–98.
57. *Грайворонский В.В.* О торгово-экономических отношениях между Россией и Монголией в первой четверти XX в. // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: Экономика, дипломатия, культура. Улан-Батор; Иркутск, 2013. С. 48–54.
58. *Грайворонский В., Лузянин С.* Война на Халхин-Голе: Место в мировой истории // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1. С. 156–164.
59. *Гребенщиков А.* В Бутху и Мэргень по р. Нонни (продолжение) // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 174–193; № 4. С. 146–162.



60. Гребеничиков А. По Амуру и Сунгари. Путевые заметки // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 189–212.
61. Гурьев Б. К вопросу о сохранении Россией права беспошлинной внутренней сухопутной торговли с Монголией // Вестник Азии. 1910. № 5. С. 1–4.
62. Гурьев Б. Монголия и Китай и их политические взаимоотношения // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 21–40.
63. Гурьев Б. Экономическое положение Монголии // Вестник Азии. 1911. № 8. С. 74–89.
64. Гурьев Б.М. Политические отношения России к Монголии. СПб.: Изд-во С.Н. Черемхина, 1911. 21 с.
65. Гурьев Б. К пересмотру Русско-Китайского договора, заключенного в С.-Петербурге 12/24 февраля 1881 г. // Вестник Азии. 1910. № 6. С. 85–93.
66. Гурьев Б. Территориальная неприкосновенность Монголии по уложению Лифан-юаня // Вестник Азии. 1910. № 6. С. 6–13.
67. Давидов Д.А. Колонизация Маньчжурии и С.-В. Монголии (области Тао-Нань-Фу): С приложением сводной карты Чжеримского сейма, снятой с китайской оригинальной карты колонизационных районов Хэй-Лун-Цзяньской провинции и карты округа Ми-Шань-Фу. Владивосток: Восточный ин-т, 1911. VIII. 187 с.
68. Дацышен В.Г. Конфликт на КВЖД 1929 года. Материалы сибирских региональных архивов о ситуации в воинских частях и взаимодействии с местным населением // Военно-исторический журн. 2009. № 12. С. 22–28.
69. Дацышен В.Г. «Миссия Комацубары» из истории советско-японско-китайских отношений в начале 1930-х годов // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 3. С. 126–133.
70. Дацышен В.Г. Монголия в составе Цинской империи в начале XX века и Синьхайская революция // Россия и Монголия в начале XX в.: Дипломатия, экономика, наука. Иркутск, 2014. С. 25–47.
71. Дацышен В.Г. Монголия во время военного конфликта между Россией и Цинской империей 1900 г. // Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX в. Иркутск, 2013. С. 45–54.
72. Дацышен В.Г. Монголо-маньчжурское противостояние на границе накануне войны на Халхин-Голе // Народы России, Сибири и стран Востока: История и современность: Матер. междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию войны на Халхин-Голе (1939–2019 гг.). Иркутск, 2019. С. 8–17.
73. Дацышен В.Г. Советско-японские отношения во время конфликта на КВЖД 1929 г. // Японские исследования. 2016. № 1. С. 6–19.
74. Дацышен В.Г. СССР и Маньчжоу-Го: Проблемы советского признания квазигосударства // Eurasia: Statum et Legem. 2018. № 10. С. 38–52.
75. Дацышен В.Г., Модоров Н.С. Из истории становления маньчжурского государства Цин и его взаимоотношений с соседями в XVII — начале XVIII в. // Мир Евразии. 2009. № 1(4). С. 28–34.
76. Дацышен В.Г., Модоров Н.С. Расширение Маньчжурского государства в первой трети XVII в. Маньчжуро-корейская война 1636–1637 гг. // Мир Евразии. 2013. № 2(21). С. 26–36.

77. *Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л.* Империя Цин как Китай: Анатомия исторического мифа // Восток. Афро-Азиатские общества: История и современность. 2014. № 1. С. 5–17.
78. *Дугаров В.Д.* Генезис государственности народов монгольской этносферы в период революционных потрясений 1911–1924 гг. в современной отечественной историографии // Республике Бурятия — 95 лет: Сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 33–34.
79. *Дугаров В.Д.* Монгольские народы в транснациональных процессах Северо-Восточной Азии XIII–XXI вв. в региональной историографии // Монголоведение в современном мире: Опыт исследований, перспективы развития. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2019. С. 293–299.
80. *Дугаров В.Д., Курас Л.В.* Российское монголоведение в XVII–XXI веках // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. С. 576–584.
81. *Дудин П.Н.* Автономное государство как политическая категория и инструмент стратегического присутствия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2020. Т. 16, № 1. С. 40–57.
82. *Дудин П.Н.* Буферные государства как инструмент обеспечения стратегического присутствия в регионе Восточной Азии: Советский и японский опыт // Вестн. Моск. ун-та. 2018. № 6. С. 50–65. (Политические науки).
83. *Дудин П.Н.* Буферные зоны и их соотношение со схожими категориями территорий с особым режимом сквозь призму российского / советского и японского стратегического присутствия в регионе Восточной Азии // Вестн. Моск. ун-та. 2019. № 4. С. 44–62. (Политические науки).
84. *Дудин П.Н.* Становление государственности Монголии: Первая половина XX в.: Дис. ... канд. полит. наук / Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2012. 170 с.
85. *Дудин П.Н., Бешенцев А.Н., Базаров К.Ю.* Традиционные институты публичной власти на монгольских землях имперского и республиканского Китая на сломе эпох (первая четверть XX в.): Пространственная локализация и визуализация // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 293–312.
86. *Дылыков С.Д.* Демократическое движение монгольского народа в Китае: Очерк истории / Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 135 с.
87. *Дылыков С.Д.* История образования автономного района Внутренняя Монголия в Китае (1947–1957 гг.). М., 2022. 495 с.
88. *Дэмбэрэл К.* Влияние международной среды на развитие Монголии: Сравнительный анализ в историческом контексте XX века. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2002. 122 с.
89. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 1908. 539 с.
90. *Ермаченко И.С.* Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М.: Восточная литература, 1974. 196 с.
91. *Железняков А.С.* Монголия в цивилизационных схемах мировой истории // Историческая психология и социология истории. 2018. Т. 11, № 1. С. 39–62.

92. Железняков А.С. Монгольская цивилизация на весах истории // Вестн. КИГИ РАН. 2017. № 6(34). С. 37–42.
93. Железняков А.С. Монгольский узел: Недостающее звено цивилизационной теории // Власть. 2009. № 5. С. 33–36.
94. Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии: 1932–1945. М.: Наука, 1990. 260 с.
95. Захарова Н.В. Влияние социальной революции на силу международного договора. М.: Наука, 1966. 141 с.
96. Зверев П.Г. Законы оккупации и миротворчество ООН // Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. «Достижения и перспективы правовой науки», 10 октября 2014 г. Уфа: Аэтерна, 2014. С. 10–12.
97. Зеликман М. От Вашингтона к Генуе // От Вашингтона до Генуи. М.: Высший военный редакционный совет, 1922. С. 33–72.
98. Знаменчиков Р.В. Принципы федерализма в России и Германии: Сравнительное конституционно-правовое исследование: Дис. ... канд. юр. наук. Тюмень, 2003.
99. Зубок Л.И. Китай в 1918–1923 годах // Новейшая история (1918–1939 гг.): Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) / Л.И. Зубок, С.В. Захаров, А.Ф. Миллер, С.Н. Ростовский; Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). М.: Тип. Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), 1948. С. 223–236.
100. Зубок Л.И. Япония в 1924–1939 годах // Новейшая история (1918–1939 гг.): Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) / Л.И. Зубок, С.В. Захаров, А.Ф. Миллер, С.Н. Ростовский; Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). М.: Тип. Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), 1948. С. 647–671.
101. Иакинф. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов. В 2 т. Т. 2. Ч. 3–4. СПб., 1828. 241 с.
102. Иакинф. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1840. 442 с.
103. Ивановский В. Учебник государственного права. Казань, 1913. 500 с.
104. Игнатенко Г.В. Международное право и общественный прогресс / Уральский гос. юр. ун-т. Екатеринбург: Изд-во ООО «Сократ», 2011. 154 с.
105. Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 11–19.
106. Ильин М.В. Пределы государственной состоятельности стран мира // Политическая наука. 2011. № 2. С. 60–74.
107. Ильин М.В. Признание государства в контексте эволюции мировой системы // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 1. С. 18–27.
108. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги: 1896–1923 гг. / Сост. Е.Х. Нилус по поручению Правления Общества и под редакцией Специальной Комиссии. Т. 1. Харбин: Тип. КВЖД и Тов-ва «Озо», 1923. 690 с.

109. К вопросу об автономии Монголии // Вестник Азии. 1915. № 35–36. С. 115–119.
110. *Канторович А.Я.* Америка в борьбе за Китай / Под ред. П. Лапинского; Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики Комакад. М.: Соцэкгиз, 1935. 639 с.
111. *Кареева К.А.* Маньчжоу-Го (1931–1945): «Марионеточное» государство в системе международных отношений на Дальнем Востоке // Уральское востоковедение. 2005. Вып. 1. С. 75–89.
112. *Кейдун И.Б., Елисеева Я.А.* Общая характеристика системы высших государственных органов Маньчжоу-Го // Вестн. Амурского гос. ун-та. 2010. Вып. 48. С. 31–36. (Гуманитарные науки).
113. *Кирчанов М.В.* Японская оккупация Индонезии: Множественность исторических памятей в зарубежной историографии // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. 2016. № 30. С. 134–153.
114. *Козлов П.К.* Дневники Монголо-Сычуаньской экспедиции, 1907–1909 / Ред.-сост. Т.И. Юсупова; сост. Т.Ю. Гнатюк; отв. ред. А.И. Андреев. СПб.: Нестор-История, 2015. 424 с.
115. *Козыренко Н.Е., Ордынская Ю.В.* Этапы и методы колонизации округа Хулунбуир XVII–XIX вв. // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 4(86). С. 109–112.
116. *Кооль-Эстивенд Й.* О движении населения в Монголии // Вестник Азии. 1915. № 35–36. С. 3–13.
117. *Кормазов В.А.* Барга: Экономический очерк. Харбин, 1928. 281 с.
118. *Кормазов В.А.* Кочевая Барга // Вестник Маньчжурии. 1928. № 8. С. 50–59.
119. *Кормазов В.А.* Рыбные промыслы в Барге за 1923–1926 гг. / О-во изуч. Маньчжурского края. Секция торгово-промышленная. Харбин, 1926. № 6. 10 с. (Сер. Д).
120. *Кормазов В.А.* Хинганская провинция // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 31–73.
121. *Кузьмин С.Л.* Бавужав против Паппенгейма: Уничтожение немецкой диверсионной группы монгольскими повстанцами в 1915 году // Вост. архив. 2020. № 1(41). С. 38–52.
122. *Кузьмин С.Л.* Баргинское восстание 1928 г. // Вестн. Ин-та востоковедения РАН. 2020. Ч. 1: Причины и начало восстания. № 1(11). С. 100–114; Ч. 2: Переговоры, прекращение восстания и его последствия. № 2(12). С. 246–262.
123. *Кузьмин С.Л.* Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: Трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости: Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / ФГБУН, Ин-т востоковедения РАН. М., 2017. 584 с.
124. *Кузьмин С.Л.* Вассалитет на Западе и на Востоке: Проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом // Восток. Афро-Азиатские общества: История и современность. 2019. № 1. С. 39–54.
125. *Кузьмин С.Л.* О деятельности Панчен-ламы IX во Внутренней Монголии и Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 6. С. 132–142.

126. Кузьмин С.Л. Положение повстанцев Внутренней Монголии после смерти их лидера Бавужава в 1916 г. // *Oriental Studies*. 2018. № 6(40). С. 2–14.
127. Кузьмин Ю.В., Рачков М.П., Суходолов А.П. Военное монголоведение на рубеже XIX–XX веков // *Изв. Байкальского гос. ун-та*. 2016. Т. 26. № 3. С. 367–373.
128. Курас Л.В. «Три жизни» атамана Г.М. Семенова: Любовь и предательство (к вопросу о фронтире) // *Изв. Иркут. гос. ун-та*. 2014. Т. 7. С. 94–113. (История).
129. Курас Л.В. Внутренняя Монголия в составе империи Цин: Власть и общество (XVII — начало XX в.) // *Власть*. 2016. Т. 24. № 2. С. 173–179.
130. Курас Л.В. Геополитические амбиции атамана Семенова: Попытка создания федеративного «Велико-Монгольского государства» // *Гуманитарный вектор*. 2011. № 4(28). С. 255–262.
131. Курас Л.В. Монгольский мир в условиях революционного процесса в первой четверти XX в. // *Власть*. 2015. № 8. С. 190–195.
132. Курас Л.В. Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: Подготовка к агрессии: (К 75-летию событий на Халхин-Голе) // *Власть*. 2014. № 9. С. 143–147.
133. Курас Л.В., Цыбенков Б.Д. Антияпонская освободительная борьба дауров и баргутов в годы Второй мировой войны // *Иркутский историко-экономический ежегодник*. Иркутск, 2016. С. 411–419.
134. Курас Л.В., Цыбенков Б.Д. Новые данные о разведывательной деятельности Японии и СССР в Монголии и Хулунбуире в годы Второй мировой войны // *Власть*. 2016. Т. 24. № 11. С. 158–163.
135. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М.: Изд-во ИМО, 1962. 560 с.
136. Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор: Из истории отношений Японии с Россией и СССР: 1905–1945 гг. М.: Соцэкгиз, 1961. 292 с.
137. Кычанов Е.И. Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1986. 264 с.
138. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. В 2 т. Т. 1: Конституционное право. СПб., 1913. 672 с.
139. Ламанский В.В. Американские исследования в Монголии // *Вестник Маньчжурии*. 1925. № 1–2. С. 65–69.
140. Ландезен фон А. Новейшие данные для культурно-экономического описания городов Маньчжурии и Монголии // *Вестник Азии*. 1909. № 2. С. 152–164.
141. Лузянин С.Г. 65-летие окончания Второй мировой войны. Международное значение советско-китайского сотрудничества в годы антияпонской войны // *Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне: Сб. матер. науч. конф.* 2012. С. 8–17.
142. Лузянин С.Г. Восстановление правды. СССР и Китай в 1931–1945 гг. // *Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне: Тез. докл. российско-китайской науч. конф.* 2015. С. 12–16.

143. *Лузянин С.Г.* Китай в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) // Истoрия Великой Победы. М., 2020. С. 669–711.
144. *Лузянин С.Г.* Коминтерн, Монголия и китайская революция 1925–1927 гг. // Восток. Афро-Азиатские общества: История и современность. 1996. № 1. С. 65–75.
145. *Лузянин С.Г.* Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Огни», 2003. 320 с.
146. *Луковкин Е.* Государственные образования: Сравнительно-правовой анализ // Общие и комплексные проблемы естественных и точных наук. 2014. № 4–1. С. 37–42.
147. *М. Н. К.* Еще о Сунгари // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 4–12.
148. *Мажинский С.В.* Влияние ханьской миграции на национальную идентичность монголов Автономного района Внутренняя Монголия в середине XX в. // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: Методология, методика и практики исследования: Тез. междунар. науч. конф. (14–15 октября 2014 г.). Томск, 2014. С. 240–242.
149. *Мажинский С.В.* Китайская политика во Внутренней Монголии в XIII–XIX в.: Историко-политический экскурс // Вестн. ТГУ. 2012. № 358. С. 32–33.
150. *Мажинский С.В.* Особенности проведения аграрных преобразований Коммунистической партией Китая во Внутренней Монголии в период с 1947 по 1949 г. // Вестн. ТГУ. 2013. № 6(26). С. 100–102. (История).
151. *Мажинский С.В.* Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911–1976 гг.): Дис. ... канд. ист. наук / Том. гос. ун-т. Томск, 2014. 214 с.
152. *Маракуев А.В.* Внутренняя Монголия // Вестник Маньчжурии. 1927. № 8. С. 35–47; № 9. С. 46–55.
153. *Маргиев В.И.* Понятие международной правосубъективности // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. 2005. № 1. С. 134–137.
154. *Матусовский З.* Географическое обозрение Китайской империи. С картой на четырех листах и пятью приложениями в тексте. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1888. 358 с.
155. *Меньшиков П.* К русско-китайским отношениям // Вестник Азии. 1911. № 8. С. 106–117.
156. *Меньшиков П.* К русско-китайскому договору // Вестник Азии. 1911. № 8. С. 1–44.
157. *Меньшиков П.* Краткий исторический очерк Маньчжурии. Харбин, 1917. 44 с.
158. *Миягашева С.Б.* Баргуты Хулун-Буира: Путь из Баргуджин-Токума // Вестн. БГУ. 2012. Вып. 8. С. 214–217. (Востоковедение).
159. *Миягашева С.Б.* Военно-административная организация баргутов в период династии Цин // Вестн. БГУ. 2012. Вып. 8. С. 208–214. (Востоковедение).

160. *Миягашева С.Б.* К истории буддийских монастырей баргутов Хулун-Буира // *Культура Центральной Азии: Письменные источники.* 2017. № 10. С. 62–81.
161. *Молодин В.И., Лазаревич О.В.* Археологическое исследование культуры кочевников Азии Центрально-азиатской экспедицией под руководством Н.К. Рериха в 1924–1928 гг. // *Сб. науч. тр. по итогам конф. «Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова».* Омск. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского (Омск, 2–3 декабря 1997 г.). Омск, 1997. С. 111–116.
162. *Монгольские народы: Исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии / Отв. ред. Б.В. Базаров; науч. ред. Л.В. Курас.* Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2016. 624 с.
163. *Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX–XXI вв. / Б.В. Базаров, В.Б. Базаров, Д.Д. Бадараев и др.* Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 206 с.
164. *Н. С.* Порт Дайрен // *Вестник Маньчжурии.* 1927. № 11. С. 38–45.
165. *Наземцева Е.Н.* «То, чего добивалось дореволюционное русское правительство, в 1920-е гг. совершалось стихийно» (к истории заселения Трехречья) // *Исторический курьер.* 2019. № 4(6). С. 64–74.
166. *Наземцева Е.Н.* Деятельность российских общественных организаций в Китае в 1917 г. (на примере русской колонии в Маньчжурии и Синьцзяне) // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов.* 2019. Т. 18. № 4. С. 758–778. (История России).
167. *Наземцева Е.Н.* Деятельность русских общественных организаций по урегулированию прав русских эмигрантов в Китае (1917 — начало 1930-х гг.) // *Российская история.* 2015. № 4. С. 51–62.
168. *Наземцева Е.Н.* Специфика политико-правового положения русской эмиграции в Китае в период обострения международной ситуации на Дальнем Востоке (1931–1937 гг.) // *Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории.* 2016. № 4(12). С. 129–142.
169. *Наземцева Е.Н.* Японские оккупационные власти и российская эмиграция в Маньчжоу-Го в 30-е годы XX века // *Новая и новейшая история.* 2012. № 4. С. 163–170.
170. *Назатов Б.З., Содномпилова М.М., Балдано М.Н.* Монголы Южной Монголии и Северного Китая в позднеминский и раннецинский периоды // *Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН.* 2015. № 3(19). С. 28–35.
171. *Неру Дж.* Взгляд на всемирную историю. В 3 т. М.: Книга по требованию, 1981. Т. 3.
172. *Новейшая история Китая: 1928–1949 / Отв. ред. М.И. Сладковский.* М.: Наука, 1984. 439 с.
173. *Новицкий В.Ф.* Путешествие по Монголии в пределах Тушету-хановского и Цецен-хановского аймаков Халхи, Шилин-гольского чигулгана и земель Чахаров Внутренней Монголии, совершенное в 1906 году. СПб.: Военная тип., 1911. 400 с.

174. *Нольде Б.Э.* Далекое и близкое: Исторические очерки. Париж: Изд-во «Современные записки», 1930. 284 с.
175. *Нольде Б.Э.* Международное положение Монголии // Право. Еженедельная юридическая газета. 1915. № 34 (23 августа). Стб. 2155; № 35 (30 августа). Стб. 2230.
176. *Номтаева Е.В.* Харачинский вопрос в Барге (1917 г.) // Восточный архив. 2010. № 1(21). С. 43–48.
177. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. яз. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
178. *Овчинников В.А.* Из юридической литературы о международном положении Монголии // Изв. Юр. факультета в г. Харбин. 1926. Т. 3. С. 35–43.
179. Опасный курс: По поводу событий в Китае. М.: Политиздат, 1969. Вып. 1. 288 с.
180. *Оппенгейм Л.* Международное право. М.: Гос. изд-во иностранной литературы, 1948–1950. Т. 1: Мир. Полутом 1 / Пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лаутерпахтом; под ред. и с предисл. проф. С.Б. Крылова. 1948. 408 с.; Т. 2: Споры. Война. Полутом 1 / Пер. с англ. Я.И. Рецкера, А.А. Санталова; под ред. чл.-кор. АН СССР проф. С.А. Голунского., 1949. 440 с.
181. *Ордосец.* Национально-освободительное движение во Внутренней Монголии // Революционный Восток. 1927. № 2. С. 48–65.
182. *Орлов Н.* Бомба для Пекина может взорваться в Москве. Уйгурский сепаратизм угрожает тюркоязычным регионам России // Политический журнал. 2004. № 18(21).
183. От Вашингтона до Генуи. М.: Высший военный редакционный совет, 1922. 131 с.
184. Очерк заселения китайского Приамурья // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 34–58.
185. *Павлович М.* Вашингтонская конференция // От Вашингтона до Генуи. М.: Высший военный редакционный совет, 1922. С. 3–36.
186. *Палиенко Н.И.* Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Тип. губернского правления, 1903. 567 с.
187. *Панов П.В.* Политический порядок: Проблема концептуализации и институционализации: Дис. ... д-ра полит. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2011. 308 с.
188. *Пашуканис Е.Б.* Очерки по международному праву / Коммунистическая акад.; Ин-т советского строительства и права. М.: Советское законодательство, 1935. 224 с.
189. *Петелин И.* Поселковое управление в полосе Южно-Маньчжурской железной дороги // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 44–56.
190. По поводу экспедиции Андрюса в Монголию // Изв. О-ва изучения Маньчжурского края. 1922. № 1 (нояб). С. 28–31.
191. *Покотиллов Д.Д.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. 242 с.



192. *Полумордвинов М.* Историческая справка // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 1–20.
193. *Полумордвинов М.* Монастыри Чжеримского сейма Северо-Восточной Монголии // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 109–179.
194. *Полумордвинов М.* Эволюция местного административного управления в Китае (по декретам Президента Республики) // Вестник Азии. 1915. № 33. С. 3–43.
195. *Рапопорт М.Я.* Интервенция чужими руками и троцкистско-бухаринские наймиты фашизма // Советское государство и право. 1939. № 1. С. 106–121.
196. *Рапопорт М.Я.* Фашистская интервенция в Испании и современное международное право // Советское государство. 1936. № 6. С. 80.
197. *Рубаник В.Е.* История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Питер, 2010. 544 с.
198. *Рязановский В.А.* Монгольское право (преимущественно обычное): Исторический очерк. Харбин: Тип. Н.Е. Чинарева, 1931. 306 с.;
199. *Рязановский В.А.* Обычное право монгольских племен. Чита: Упр. Бурят. Монгольск. авт. обл., 1921. 120 с.
200. *С. Л.* Письмо из Монголии. Развал большого дела // Вестник Азии. 1916. № 40. С. 23–26.
201. *Свечников А.* Русская торговля в Северо-Западной Монголии по личным наблюдениям с 1905 по 1907 г. // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 61–93.
202. *Свечников А.* Русские в Монголии // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 158–173.
203. Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога. Харбин, 1922. 692 с.
204. *Сетницкий Н.А.* Очерки финансов Маньчжурии. Вып. 1. Харбин: Тип. КВЖД, 1934. 68 с.
205. *Синаева Е.В.* Хух-Хото в Синьхайской революции // Мир Евразии. 2010. № 4(11). С. 43–48.
206. *Синицын Ф.Л.* Международная деятельность тибетского иерарха Панчен-ламы IX и ее воздействие на положение МНР и Внутренней Монголии (1926–1937) // Mongolica. 2013. Т. 10. С. 90–96.
207. *Скворцов Б.В.* Растительность Малого Хингана в пределах Северной Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. 1931. № 7. С. 43–47.
208. *Судариков Н.Г.* Создание и укрепление местных органов власти Китайской Народной Республики // Советское государство и право. 1951. № 11 (ноябрь). С. 53–63.
209. *Сундуева Е.В.* Словообразовательный аспект терминологии административно-территориального деления в монгольских языках // Вопросы филологии. 2012. № 3(42). С. 35–42.
210. *Сундуева Е.В.* Титулы князей первой степени в «Правдивых записях о монголах Цинской империи» // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. 2019. № 2(34). С. 94–100.
211. *Сундуева Е.В., Тогтох О.* Названия военных чинов с компонентом ЕҮЕН в «Правдивых записях о монголах в империи» // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2018. № 2–3. С. 11–16.

212. *Сурин В.И.* Железные дороги в Маньчжурии и Китае: Материалы к транспортно-проблеме в Китае и Маньчжурии / Экономическое бюро КВЖД; предисл. М.Я. Михайлова. Харбин: Тип. КВЖД, 1932. LVIII. 393 с.
213. *Сурин В.И.* Лесное дело в Маньчжурии / Экономическое бюро КВЖД. Харбин: Тип. КВЖД, 1930. III. 297 с.
214. *Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В., Рачков М.П., Суходолов Я.А.* Внешняя политика Российской империи на рубеже веков и Восточный проект П.А. Бадмаева в 1893–1917 годы // Приграничный регион в историческом развитии: Партнерство и сотрудничество: Матер. междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Революции 1917 г., 80-летию со дня образования Читинской обл., 50-летию атомной промышленности в Забайкалье. В 3 ч. / Гл. ред. Е.В. Дроботушенко. Чита: ЗабГУ, 2017. Ч. 1. С. 45–54.
215. *Теслер Э.Л.* Уцзумучин // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 95–101.
216. *Титов А.С.* Борьба за единый национальный фронт в Китае 1935–1937 гг. М.: Наука, 1981. 214 с.
217. *Томиока Садаоки.* Политическая стратегия Японии до начала войны: [моногр.]. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 416 с.
218. *Торгашев Б.П.* Горная продукция и ресурсы Дальнего Востока: Китай. Маньчжурия. Русский Дальний Восток. Япония. Корея. Формоза. Индо-Китай. Филиппины: Запасы, современная продукция и рыночные возможности / Экономическое бюро КВЖД; предисл. П.И. Полевого. Харбин: Тип. КВЖД, 1927. XII. 444 с.
219. *Торгашев Б.П.* Угольные богатства Северной Маньчжурии (экономическая оценка) / Экономическое бюро КВЖД. Харбин: Тип. КВЖД, 1928. 124 с.
220. *Трайнин И.П.* Антиимпериалистические аванпосты на Дальнем Востоке // Советское государство. 1932. № 4 (апрель). С. 135–156.
221. *Трайнин И.П.* СССР — союз народов, строящих социализм // Советское государство. 1935. № 1–2. С. 34–50.
222. *Фердросс А.* Международное право / Пер. с нем. яз. Ф.А. Кублицкого, Р.Л. Нарышкиной; под ред. и с предисл. Г.И. Тункина. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 652 с.
223. *Франке О.* Земельные правоотношения в Китае / Пер. с нем.; под ред., с прим. и доп. Н.И. Кохановского. Владивосток: Типо-лит. при Вост. ин-те, 1908. 156 с.
224. *Фрозе Б.* Восточная Монголия и ее колонизация // Вестник Азии. 1911. № 10. С. 90–136.
225. *Хайд Ч.Ч.* Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950–1954. Т. 1. 1950. 524 с.; Т. 4. 1952. 595 с.; Т. 5. 1953. 618 с.; Т. 6. 1954. 503 с.
226. *Хайров Р.З.* Генезис и периодизация правового института военной оккупации // Право и образование. 2008. № 2. С. 153–159.
227. Хроника Дальнего Востока за сентябрь — декабрь. Монголия // Вестник Азии. 1913. № 19–22. С. 63–74.

228. Хроника. Монголия. Путевые впечатления от Монголии // Вестник Азии. 1914. № 23–24. С. 112.
229. *Цогту О. (Акира Оно)*. Трагедия степи: Внутренняя Монголия под властью Мао Цзэдуна. Свидетельства очевидцев / Пер. С.Л. Кузьмин; отв. ред.: С.Л. Кузьмин, С.В. Дмитриев. СПб.: ИП А.А. Терентьев, 2020. 334 с.
230. *Цыбенков Б.Д.* Вопросы истории даурского народа первой четверти XX в. // Сибирь в годы Великой Российской революции: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции). Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2017. С. 118–126.
231. *Цыбенков Б.Д.* Даурские роды в XVII в. // Вестн. БГУ. 2011. № 8. С. 238–246.
232. *Цыбенков Б.Д.* Дауры в маньчжурской системе восьми знамен // Мир Центральной Азии — 4: Сб. науч. ст. / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 108–110.
233. *Цыбенков Б.Д.* К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Байкальский гос. ун-т; Регион. центр науч. исслед. экономической истории России, 2017. С. 201–210.
234. *Цыбенков Б.Д.* Миграции даурского населения в XVII–XVIII веках // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: История и современность / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; отв. ред. Б.З. Нанзатов. Улан-Удэ, 2012. С. 191–201.
235. *Цыбенков Б.Д.* Национально-освободительное движение в Хулун-Буире в первой трети XX в. и визит в регион Панчен-ламы IX в 1931 г. // Изв. Иркут. гос. ун-та. 2017. Т. 21. С. 128–135. (История).
236. *Цыбенков Б.Д.* О родовом составе баргутов Хулун-Буира // Баргуты: История и современность: Сб. науч. ст.: Матер. междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2016. С. 40–46.
237. *Цыбенков Б.Д.* Олеты Хулун-Буира: Миграции и родовой состав // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: История и современность. Улан-Удэ, 2017. С. 143–156.
238. *Цыбенков Б.Д.* Повинности дауров в период правления Цинской династии // Власть. 2016. Т. 24. № 12. С. 206–210.
239. *Цыбенков Б.Д.* Участие в Бурятском съезде 1918 г. даурского деятеля Мэрсэ // Тармахановские чтения: Российская революция 1917 г.: Матер. Всерос. науч. конф., посвященной 100-летию Российской революции 1917 г. и 95-летию проф., исследователя индустриальных процессов послеоктябрьской Сибири Е.Е. Тармаханова. Улан-Удэ, 2017. С. 32–36.
240. *Цыбенков Б.Д., Содномцэрэн Р.* Политик и ученый в эпоху перемен: Страницы из биографии Мэрсэ // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. 2018. № 4(32). С. 52–59.
241. *Цыбенков Б.Д., Юй Шан.* Буддизм и национализм во Внутренней Монголии в первой четверти XX в. // Изв. Иркут. гос. ун-та. 2018. Т. 26. С. 109–118. (История).

242. *Цыбенков Б.Д., Юй Шан.* История создания даурского автономного хошуна Морин-Дава (1945–1958 гг.) // Изв. Иркут. гос. ун-та. 2017. Т. 22. (История).
243. *Цыбенков Б.Д., Курас Л.В.* Судьбы даурских офицеров — участников антияпонских мятежей в армии Маньчжоу-Го в августе 1945 г. // Иркут. историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2019. С. 380–388.
244. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М., 1910.
245. *Штейнфельд Н.* Местное купечество о последствиях закрытия 50-верстной полосы // Вестник Азии. 1913. № 13. С. 1–20.
246. *Штейнфельд Н.* Русская торговля в Монголии в характеристике местного купечества // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 112–129.
247. *Штейнфельд Н.* Русское дело в Маньчжурии: С XVII века до наших дней. Харбин: Русско-китайско-монгольская тип. газеты «Юань-дун-бао», 1910. 208 с.
248. *Штейнфельд Н.П.* Русские торговые интересы в Китае. Харбин: Тип. «Труд» В.И. Антупьева, 1913. 94 с.
249. *Штейнфельд Н.* Важная недомолвка в Ургинском договоре // Вестник Азии. 1913. № 15. С. 23–27.
250. *Эйдус Х.Т. [Хаяма У.]* Япония / Ин-т мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. 2-е изд., испр. и доп. М.: Соцэкгиз, 1939. 206 с.
251. *Энгельфельд В.В.* К вопросу о сношениях России с Китаем в XVII–XVIII вв. // Вестник Маньчжурии. 1929. № 3. С. 20–25.
252. *Энгельфельд В.В.* Очерки государственного права Китая // Изв. Юр. факультета. Paris: Société anonyme imprimerie de Navarre, 1925. Т. 2. 254 с.
253. *Энгельфельд В.В.* Политическая организация современной Монголии // Изв. Юр. факультета. Харбин: Тип. КВЖД, 1926. Т. 3. С. 169–190.
254. *Яновский М.В.* Проблема «приобретения» государственной территории в международном праве. Ташкент: Изд-во САГУ, 1956.
255. *Яинов Е.Е.* Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы / Предисл. Г.Н. Дикого; Экономическое бюро КВЖД. Харбин: Тип. КВЖД, 1928. VII. 292 с.
256. *Яинов Е.Е.* Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии: Экономический очерк / Предисл. Г.Н. Дикого; Экономическое бюро КВЖД. Харбин: Тип. КВЖД, 1926. VIII. 525 с.
257. *Яинов Е.Е.* Особенности истории и хозяйства Китая. Харбин: Тип. Н.Е. Чинарева, 1933. 120 с.
258. *Яинов Е.Е.* Очерки Китайского крестьянского хозяйства. Харбин: Тип. Н.А. Френкеля, 1935. XVI. 231 с.

#### На английском языке

1. American Archival Sources on Mongolia and the Mongols: Their Nature, Utility, and Availability // Researching Archival Documents on Mongolian History. Observations on the Present and Plans for the Future; ed. by Futaki Hiroshi and

- Demberel Ulziibaatar. Tokyo: Tokyo Foreign Language University, 2004. P. 9–18.
2. *Atwood Chr.* A Romantic Vision of National Regeneration: Some Unpublished Works of the Inner Mongolian Poet and Essayist Saichungga // *Inner Asia*. 1999. N 1. P. 3–43.
  3. *Atwood Chr.* Inner Mongolian Nationalism in the 1920s: A Survey of Documentary Information. Twentieth-Century. China, 2000. N 25(2) April. P. 75–113.
  4. *Atwood Chr.* State Service, Lineage and Locality in Hulun Buir // *East Asian History*. 2005. N 30. P. 5–22.
  5. *Bai Yunti.* Taiwan Historical Dictionary. Taipei: National Repository of Cultural Heritage, 2008. = 白雲梯. 臺灣歷史辭典.
  6. *Beasley W.G.* Japanese imperialism 1894–1945. Oxford: Oxford University Press, 1987. 304 p.
  7. *Black C.E., Dupree L., Endicott-West E. et al.* The Modernization of Inner Asia. New York; London: M.E. Sharpe, 1991. 405 p.
  8. *Boyd J.* Japanese-Mongolian Relations, 1873–1945: Faith, Race and Strategy. Adelaide. 2008. 354 p.
  9. *Brook T., Wakabayashi B.T.* Opium Regimes. China, Britain and Japan, 1839–1952. London: University of California Press, 2000. 458 p.
  10. *Coble Parks M.* Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931–1937. Cambridge: Harvard University Press, 1991. 492 p.
  11. Compellence and the strategic culture of imperial Japan: Implications for coercive diplomacy in the twenty-first century / Ed. by Forrest E. Morgan. Westport, Conn.: Praeger, 2003. 294 p.
  12. Digital Library: Sin Kuo Min Pao // NTS: Libraries. URL: <https://east.library.utoronto.ca/internet-resource/sin-kuo-min> (дата обращения: 30.10.2024 г.).
  13. *Elliott M.C.* The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // *The Journal of Asian Studies*. 2000. Vol. 59(3). P. 603–646.
  14. *Fenby J.* Modern China: The Fall and Rise of a Great Power, 1850 to the Present. New York: Ecco, 2008. 835 p.
  15. *Forbes A.D.W.* Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: A Political History of Republican Sinkiang 1911–1949. Cambridge, England: CUP Archive, 1986. 222 p.
  16. *Friters G.M.* Outer Mongolia and its International Position / Ed. by Eleanor Lattimore. Baltimore, Md.: John Hopkins Press, 1949. 358 p.
  17. *Hyer P., Sechin Jagchid.* A Mongolian living Buddha: Biography of the Kanjurwa Khutughtu // SUNY Press. 1983. P. 1–4.
  18. *Jackson R.H., Rosberg C.G.* Why Africa's Weak States Persist: The Empirical and the Juridical in Statehood // *World Politics*. 1982. Vol. 35. N 1. P. 1–24.
  19. *Jagchid S.* The Last Mongol Prince: The Life and Times of Demchugdongrob, 1902–1966. Bellingham, Washington: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1999. 479 p.

20. Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949 / Ed. Kaoru Sugihara. New York: Oxford University Press, 2005. 295 p.
21. Japan's Asianism 1868–1945. Dilemmas of Japanese modernization / Ed. Yukie Yoshikawa. Washington: Center for East Asian Studies. 2009. 152 p.
22. *Jin Hai*. Overview of Mongolian ethnic news publication activities during the Japanese occupation // Journal of the Central University for Nationalities, Philosophy and Social Sciences Edition. 2008. Vol. 35(4). P. 60–67.
23. *Jowett Ph., Andrew St.* Chinese Civil War Armies 1911–1949. Oxford: Osprey Publishing, 1997. 48 p.
24. *Kimpei Shiba*. Ex-TribuneWriter. URL: <https://www.chicagotribune.com/1996/10/27/kimpei-shiba-ex-tribune-writer/> (дата обращения: 08.10.2024).
25. *Kingsberg M.L.* The poppy and the acacia: Opium and imperialism in Japanese Dairen and the Kwantung leased territory, 1905–1945 / B.A. (Brandeis University): Dis. submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in History in the Graduate Division of the University of California at Berkeley University of California. Berkeley, Spring, 2009. 409 p.
26. *Kitamura Minoru, Lin Siyun*. The reluctant combatant: Japan and the Second Sino-Japanese war / Connie. Prener Publisher. Lanham, Maryland: University Press of America, 2014. 118 p.
27. *Lattimore O.* From China looking outward: An inaugural lecture. Leeds: Leeds University Press, 1964. 29 p.
28. *Lattimore O.* Nationalism and Revolution in Mongolia. Leiden: New York, 1955. 186 p.
29. *Lattimore O.* Nomads and Commissars: Mongolia Revisited. New York: Oxford University Press, 1962. 238 p.
30. *Lattimore O.* Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958. London, Oxford University Press, 1962. 565 p.
31. *Lattimore O.* The Historical Setting of Inner Mongolian Nationalism // Pacific Affairs. 1936. Vol. 9. N 3. P. 440–455.
32. *Lattimore O.* The Mongols of Manchuria: Their tribal divisions, geographical distribution, historical. London: George Allen & Unwin, 1935. 312 p.
33. *Lebold J.* Rethinking Guomindang National Minority Policy and the Case of Inner Mongolia // China Reconstructs / Ed. C.Y. Chu, R.K.S. Mak. Lanham, MD, 2003.
34. *Lin Hsiao-ting*. Modern China's Ethnic Frontiers: A Journey to the West. London; New York: Routledge, 2011. 192 p.
35. *Lin Hsiao-ting*. Tibet and Nationalist China's Frontier: Intrigues and Ethnopolitics, 1928–1949. Vancouver: University of British Columbia Press, 2003. 285 p.
36. *Liu Xiaoyuan*. A Partnership for Disorder: China, the United States, and Their Policies for the Postwar Disposition of the Japanese Empire, 1941–1945. Cambridge University Press, 2002. 364 p.
37. *Moise E.E.* Modern China: A History. London; New York: Longman, 1986. 272 p.
38. *Mote F.W.* Imperial China: 900–1800. Harvard University Press, 1999. 1107 p.

39. *Myers R.H.* Japanese Imperialism in Manchuria: The South Manchurian Railway Company, 1906–1933 // *The Japanese Informal Empire in China, 1895–1937* / P. Duus, R.H. Myers and M.R. Peattie (eds). Princeton University Press, 1989. 492 p.
40. *Narangoa L., Cribb R.B.* Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945 // Nordic Institute of Asian Studies Monograph Series. Routledge, 2003. P. 91–94.
41. *Newest Biographies of Important Figures in China* // Asahi Shimbun Company. 1941. OCLC 23310651. P. 97.
42. *Paine S.C.M.* The Wars for Asia, 1911–1949. New York: Cambridge University Press, 2012. 487 p.
43. *Pan-Asianism in Modern Japanese History: Colonialism, Regionalism, and Borders* / Ed. Sven Saaler and J. Victor Koschmann. New York: Oxan Routledge, 2007. 288 p.
44. *Pettibone Ch.D.* The Organization and Order or Battle of Militaries in World War II: Vol. 7: Germany's and Imperial Japan's Allies & Puppet States. Bloomington: Trafford Publishing, 2012. 504 p.
45. *Rahul R.* China's Other Boundaries // *Australian Journal of Politics and History*. 1963. Vol. 9. P. 150–166.
46. *Sechin Jagchid.* Prince Gungasangnorbu: Forerunner of Inner Mongolian Modernization // *Zentralasiatische Studien*. 1979. N 121. P. 147–158.
47. *Stephen R. MacKinnon and Oris Friesen, eds.,* China Reporting: An Oral History of American Journalism in the 1930s and 1940s. Berkeley: University of California Press, 1987. XXII. 230 p.
48. *The Cambridge History of China. Vol. 12: Republican China, 1912–1949.* London: Cambridge University Press. Pt 1 / Ed. by John K. Fairbank, Denis Twitchett. 1983. 1022 P.; Pt 2 / Ed. by John K. Fairbank and Albert Feuerwerker (The Cambridge History of China, General Editors: Dennis Twitchett and John K. Fairbank.). 1986. 1092 p.
49. *The fight for the republic in China* / By B.L. Putnam Weale [pseud.] [i.e. Bertram Lenox Simpson]. London: Hurst & Blackett, Ltd., 1918. VIII. 367 p.
50. *Tighe J.* Constructing Suiyuan: The Politics of Northwestern Territory and Development in Early Twentieth-Century China (Brill's Inner Asian Library). Leiden: Brill Academic Pub.; 1st Edition, 2005. 304 p.
51. *Tipton E.K.* Modern Japan: A social and political history. London; New York: Routledge, 2008. XVII. 297 p.
52. *Uradyн E. Bulag.* From Yeke-juu league to Ordos municipality: Settler colonialism and alter/native urbanization in Inner Mongolia // *Provincial China*. 2002. N 7. Vol. 2. P. 196–234.
53. *Uradyн E. Bulag.* Independence as Restoration: Chinese and Mongolian Declarations of Independence and the 1911 Revolutions // *The Asia-Pacific Journal*. 2012. Vol. 10. № 3(52). December 31.
54. *Uradyн E. Bulag.* Rethinking Borders in Empire and Nation at the Foot of the Willow Palisade // *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian,*

- Chinese and Mongolian Border / Ed. F. Billé, C. Humphrey, G. Delaplace. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 33–53.
55. *Uradyн E. Bulag*. The Nomonhan Incident and the Politics of Friendship on the Russia-Mongolia-China Border // *The Asia-Pacific Journal*. November 30. 2009. P. 1–15.
56. Who's Who in China. 3rd ed. // *The China Weekly Review*. Shanghai, 1925.
57. *Yagami Kazuo*. Konoe Fumimaro and the failure of peace in Japan, 1937–1941: A critical appraisal of the three-time prime minister. Jefferson, N.C.: McFarland & Co., 2006. 190 p.
58. *Yoshitake Oka*. Konoe Fumimaro: A Political Biography / Transl. by S. Okamoto, P. Murray. Tokyo: University of Tokyo Press, 1983. 214 p.
59. *Young Mongols and Vigilantes in Inner Mongolia Interregnum Decades, 1911–1931*. 2 vols. Leiden: E.J. Brill, 2002. 168 p.

### На китайском языке

- [Архивные исторические материалы по Внутренней Монголии. 1993. № 2] = 内蒙古档案史料.
- [Атлас истории Китая / Тань Цисян и др. Пекин: Изд-во картографии Китая, 1974. 456 с.] = 中國歷史地圖集. 北京: 中國地圖出版社.
- Ван Эньцзюнь, Ван Шиш*. [Исторические вехи национально-освободительного движения во Внутренней Монголии: Обзор совещания 3 апреля 1989 г. // Вестн. Пед. ин-та народностей Внутренней Монголии. 1989. № 4. С. 77–79. (Общественные науки)] = 汪恩郡, 王士一: 内蒙古民族解放的里程碑 — «四·三» 会议评述. 发表于 内蒙古民族师院学报 (社会科学汉文版).
- Дабан Пифан*. [Различные стороны жизни Гунсэннорова // Знания мира. 2010. № 2] = 大邦屏藩: 贡桑诺尔布的经边往事. «世界知识» 杂志中国论文网[引用日期].
- Дуу Интай*. [От атамана разбойников до премьер-министра марионетного государства Маньчжоу-Го: Чжан Цзинхуэй // Весна и осень Китайской Республики. 1998. № 1] = 窦应泰, 从土匪头目到伪满总理大臣的张景惠. 民国春秋.
- Дэлгэр Чаокэт*. [Все, что я знаю о Союзе революционной молодежи Народно-революционной партии Монголии // Исторические и литературные материалы по г. Улан-Цаб / Народный политический консультативный совет аймака. Улан-Цаб, 1984. Вып. 2] = 德力格尔朝克图. 我所了解的 «蒙古青年革命党». 载乌兰察布文史资料第二辑. 乌兰察布盟.
- Жи Яатай*. [Товарищ Ли Дачжао и ранняя революционная деятельность во Внутренней Монголии // Матер. по истории партии во Внутренней Монголии. Хух-Хото: Нар. изд-во Внутренней Монголии, 1988. Вып. 1. С. 254–268] = 吉雅泰 «李大钊同志和内蒙古初期的革命活动». «内蒙古党史资料» 第1辑. 内蒙古人民出版社. 1988年.



8. *Захчид Сэцэн*. [Мои воспоминания о Дэ Ване и Внутренней Монголии. Пекин: Изд-во китайской истории и литературы, 2005. 613 с.] = 札奇斯钦: «我所知道的德王和当时的内蒙古». 中国文史出版社. 2005年版.
9. [Исследования истории Монголии. Хух-Хото: Изд-во Ун-та Внутренней Монголии. 2005. № 8. 345 с.] = 蒙古史研究第8期. 内蒙古大学出版社. 2005年. 第345页.
10. [Исследования истории Монголии. Хух-Хото: Нар. изд-во Внутренней Монголии, 2007. 383 с.] = 蒙古史研究. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社. 2007年. 第383页.
11. [Историография Пекинского университета. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2003. Т. 9. 288 с.] = 北大史学第9卷. 北京: 北京大学出版社. 2003年. 第288页.
12. [Исторические и литературные материалы по Внутренней Монголии. Хух-Хото: Нар. изд-во Внутренней Монголии, 1979. 184 с.] = 日本侵华七十年史. 北京: 中国社会科学出版社. 1992年; 内蒙古文史资料. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社. 1979年. 第184页.
13. [Исторические материалы по Центральному банку марионеточного государства Маньчжоу-Го. Чанчунь: Нар. изд-во провинции Цилинь, 1985] = 吉林省金融研究所. 伪满洲中央银行史料. 长春: 吉林人民出版社. 1985年.
14. [История автономного района Внутренняя Монголия / Гл. ред. Хао Вэйминь. Хух-Хото: Изд-во Ун-та Внутренней Монголии. 1991. С. 84–135] = 郝维民主编《内蒙古自治区史》第. 内蒙古大学出版社. 1991年.
15. [История бэйяньских милитаристов / Лай Синься и др. Тяньцзин: Изд-во Нанькайского ун-та, 2000. Т. 2] = 来新夏等. 北洋军阀史下册. 南开大学出版社.
16. [История монголов в Китае с древнейших времен до наших дней / Акад. обществ. наук Внутренней Монголии. Хух-Хото: Нар. изд-во Внутренней Монголии, 2001] = 内蒙古社科院历史所《蒙古族通史》. 民族出版社. 2001年发行版.
17. [История монгольской конницы во времена Народно-освободительной войны китайского народа. Ляонин: Изд-во нац. меньшинств провинции Ляонин, 1997. 163 с.] = 中国人民解放战争时期内蒙古骑兵史. 辽宁民族出版社. 1997年. 第163页.
18. *Кацухико Танака*. [Номонганский инцидент: Монголия и Маньчжоу-Го. Токио: Изд-во «Иванами сэтэн», 2009. С. 114–115] = 田中克彦《诺门罕战役—蒙古国与满洲国》岩波书店(岩波神钢). 在2009年: 114–115.
19. [Краеведческий альманах по Внутренней Монголии. Хух-Хото: Нар. изд-во Внутренней Монголии, 2007. Т. 1. 197 с.] = 内蒙古通志第1卷. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社. 2007年. 第197页.
20. *Ли Бинь*. [Крутые повороты и большие перемены: Исследование социальных изменений времен поздней Цин. Чунцин: Изд-во Сычуаньского ун-та, 2006. 44 с.] = 李斌. 顿挫与嬗变: 晚清社会变革研究. 四川大学出版社. 2006年. 第44页.

21. *Лу Минхуэй*. [Полная история Дэ Вана и монгольской автономии. Хух-Хото: Изд-во Ин-та истории монгольского языка, 1977] = 陆明辉德旺和蒙古自治的全部故事-呼和浩特: 蒙古语言历史研究所出版社. 1977年.
22. *Лу Минхуэй*. [Полная история монгольского «автономного» движения. Пекин: Изд-во Чжунхуа, 1980] = 卢明辉, 蒙古《自治运动》始末. 北京: 中华书局. 1980年.
23. *Лю Чунь*. [В каком направлении должна двигаться китайская литература на текущем этапе // Ванчуань. 1936. № 1. 05 апреля. С. 23–33] = 刘春, 现阶段中国文学必然之倾向. 忘川第1期. 1936年4月15日.
24. *Лю Чунь*. [Мечта дочери // Университетская литература и искусство. 1936. Т. 1. № 2. С. 38–46] = 刘春. 女儿梦. 大学文艺第1卷第2号. 1936年6月1日.
25. *Лю Чунь*. [Ночь в древнем городе // Объединенная литература. 1937. № 2. С. 87–95] = 刘春, 古城一夜. 联合文学第2期. 1937年1月.
26. *Лю Чунь*. [Переход моста через реку Чэнцзян и есть начало моста // Университетская литература и искусство. 1936. Т. 1. № 1. С. 56–69] = 刘春. 过澄江桥就是桥头. 大学文艺第1卷第1号. 1936年5月1日.
27. [Материалы о современной истории. 1978. № 36–41. 144 с.] = 近代史资料 1978年第36–41期. 第144页.
28. [Обзор хошуна Хорчин-Цзоихоуци. Хух-Хото: Нар. изд-во Внутренней Монголии. 1995. 22 с.] = 科尔沁左翼后旗志. 内蒙古人民出版社.
29. [Образование: Обзор образования во всех провинциях // Восток. 1914. № 4. С. 75–85] = 东方杂志 第1年第4期. 教育·各省教育汇志.
30. [Общая история провинции Цинхай / Гл. сост. Цуй Юнхун. Синин: Нар. изд-во провинции Цинхай, 1999. С. 637–649] = 崔永红等主编《青海通史》. 青海人民出版社.
31. *Бо Хэ и др.* [Очерк жизни Баянмандаха. Хух-Хото: Изд-во Ун-та Внутренней Монголии, 1999] = 博和等《博彦满都生平事略》. 内蒙古大学出版社编印.
32. [Полные исторические материалы о Китайской Республике / Ред. Вань Жэньюань, Фан Цинцю. Нанкин: Изд-во Нанкинского ун-та, 1993] = 万仁元、方庆秋编《中华民国史史料长编》. 南京大学出版社.
33. *Сайнхан, Джинхай, Судбилэг*. [История Монголии в составе Китайской Республики. Хох-Хото: Изд-во Внутренней Монголии, 2007. 217 с.] = 赛航. 金海. 苏德毕力格, 民国内蒙古史. 呼和浩特: 内蒙古大学出版社.
34. [Сборник данных о даурах. Пекин: Изд-во нац. меньшинств, 1994. Т. 8. 1244 с.] = 达斡尔资料集第8卷. 北京: 民族出版社. 第页.
35. [Сборник лучших статей Чжао Пучу / Ред. Чжао Пучу. Пекин: Изд-во «Хуася», 2012. 250 с.] = 赵朴初著. 赵朴初大德文汇. 北京: 华夏出版社.
36. [Синьхайская революция: Сборник материалов о современной истории Китая. Шанхай: Шанхайский нар. изд. дом, 1981. С. 299–301] = 中国近代史资料丛刊《辛亥革命》(七). 上海人民出版社.
37. *Су Цинь, Сяньпин У*. [Анализ появления Управления по делам национальных окраин и значение этого явления // Вестн. Центр. ин-та социализма. 2008. № 6] = 苏钦、吴贤萍. 试析清末资政院少数民族议员的产生及其意义. 中央社会主义学院学报.

38. *Сюй Мяо*. [История становления политической системы Китайской Республики. Шанхай: Нар. изд-во Шанхая, 1992] = 徐矛. 中华民国政治制度史. 上海: 上海人民出版社.
39. *Ту Фэншю*. [Альманах людей с гор Шичэншань. Пекин: Изд-во ун-та Цинхуа, 2011] = 涂凤书. 石城山人文集. 清华大学出版社.
40. *Тун Цзяцзян*. [Исследование преждевременной смерти князя хошуна Бинту-вана Гончигсурэна // Журн. обществ. наук Внутренней Монголии. 2003. Вып. 2] = 佟佳江, 宾图王棍楚克苏隆卒年得年考. 内蒙古社会科学汉文版.
41. *Эньхэ У.* [Воспоминания о периоде Синьхайской революции. История Гунсэньнорова // Хроника Китайской Республики: Сб. ист. и литературн. матер. по городу Чифэн / Пер. Нагу Даньфу; гл. сост. Хань Синьфу, Цзян Кэфу. Пекин: Литературно-историческое изд-во Китая, 1997. Т. 1. Вып. 4. С. 218] = 吴恩和 «辛亥革命时期的回忆». «赤峰市文史资料选辑» 第4辑; 讷古单夫译 «贡桑诺尔布传»; 韩信夫、姜克夫主编 «中华民国大事记» 第1册. 中国文史出版社.
42. *Эньхэ У., Син Фули.* [Гунсэньноров. Исторические и литературные материалы по Внутренней Монголии. Нар. изд-во Внутренней Монголии. 1962. Вып. 1] = 吴恩和、邢复礼 «贡桑诺尔布». 内蒙古文史资料 第1辑. 内蒙古人民出版社.
43. *Фан Чжидэ*. [Воспоминания об участии в революционной работе в восточных районах Внутренней Монголии // Беседы о революционной истории Хингана. Хух-Хото, 1986. Вып. 1] = 方知达: «参加内蒙古东部地区革命工作的回忆» = «兴安革命史话» 第一辑.
44. *Фань Минфан.* [Отношения между правительством Китая и автономной Внешней Монголией после подписания «Кяхтинского договора» между Китаем, Россией и Монголией // Исследования истории и географии пограничных территорий Китая. 2011. № 2] = 樊明方. «中俄蒙协约» 签订后中国政府与自治外蒙古的关系. 中国边疆史地研究.
45. *Фанчжи Хоу.* [История военного сопротивления японским захватчикам в Северном Китае. Тайюань: Нар. изд-во Шаньси, 2005. Т. 1] = 樊吉厚 等编, 华北抗日战争史 第1卷. 太原: 山西人民出版社. 2005年.
46. *Фо Дин.* [Краткий обзор возникновения и развития революции во Внутренней Монголии: Воспоминания о революции. Хух-Хото: Нар. изд-во, 1983. (8)] = 佛鼎 «内蒙古革命的发生、发展简况» «命革回艺录» (八). 人民出版社.
47. *Фу Линьсян, Чжэн Баохэн.* [Общая история административного деления Китая. Шанхай: Изд-во Фуданьского ун-та, 2007. Т. 1] = 傅林祥. 郑宝恒. «中国行政区划通史中华民国卷». 复旦大学出版社.
48. *Хасы Мужэнь, Бу Хэ.* [Деятельность в Монголии Квантунской армии и создание марионеточного государства Мэнцзян // Вестн. Ун-та национальностей Внутренней Монголии. 2001. № 3. С. 61–65. (Общественные науки)] = 哈斯木仁、布和, 关东军的 «内蒙工作» 和伪蒙疆政权的建立. 内蒙古民族大学学报: 社科版 (通辽).

49. [Хроника автономного района Внутренняя Монголия: 1947–1987 гг. / Архивное управление АР Внутренняя Монголия. Хух-Хото: Нар. изд-во Внутренней Монголии, 1988. С. 38–41] = 内蒙古自治区档案局. «内蒙古自治区大事记. 1947–1987» = 内蒙古人民出版社.
50. [Хроника истории Китайской Республики / Гл. ред. Ли Синьцзун; Лаборатория по изучению истории Китайской Республики при Ин-те новой истории Китайской акад. обществ. наук; гл. ред. Хань Синьфу, Цзян Кэфу. Пекин: Книжн. комп. «Чжунхуа», 2011] = 李新總主編. 中國社會科學院近代史研究所中華民國史研究室編. 韓信夫、姜克夫主編 (編).
51. *Хуэй Шэн, Чэнь Чао*. [Синьцзян при Китайской Республике. Урумчи: Нар. изд-во СУАР, 1999. С. 383–452] = 慧生、陈超《民国新疆史》.
52. *Цуй Яньжу, Фэн Юнцян, Цуй Дэфэнь*. [Обзор памятников культуры города Инкоу. Шэньян: Изд-во нац. меньшинств провинции Ляонин, 1996] = 崔艳如. 冯永谦. 崔德文. 营口市文物志. 沈阳: 辽宁民族出版社.
53. *Цутому Айда*. [Нанива Кавасима и «Движение за независимость Маньчжурии и Монголии» // Нанива Кавасима. Материалы о современной истории. / Сокр. пер. Чэнь Чжунянь. 1982. № 2(48)] = 会田勉 川島浪速与《满蒙独立运动》, 陈仲言节译自《川島浪速翁》.《近代史资料》.
54. *Чао Ломэн*. [Воспоминания о демократической революции Шилин-Гола // Специальные материалы о демократических преобразованиях в скотоводческих районах автономного района Внутренняя Монголия. Хух-Хото, 1992] = 潮洛蒙《对锡盟民主革命的回忆》. 内蒙古自治区牧区民主改革专题资料 中共内蒙古党委党史研究室编印. 1992年.
55. *Чжан Цзысинь*. [Исследование работы Комиссии по вопросам Монголии и Тибета: Магистерская дис. при Центральном университете национальностей. Пекин, 2007] = 张子新. 蒙藏委员会涉藏事务研究. 中央民族大学硕士学位论文.
56. *Чжан Цэ, Ху Чжаохэн, Фан Чжидэ*. [Отдельные события на пути становления от Автономного правительства Восточной Монголии к Автономному району Внутренняя Монголия. До и после учреждения Автономного района Внутренней Монголии. Хух-Хото, 1992] = 张策、胡昭衡、方知达:《从东蒙自治政府到内蒙古自治政府成立的一些情况》.《内蒙古自治政府成立前后》.
57. *Чжан Цичжи и др.* [История поздней династии Цин и Китайской Республики. Пекин, Унань, 2000. 518 с.] 張豈之等. 晚清民国史. 五南圖書出版股份有限公司.
58. *Чжоу Сюэцзюнь*. [Исследования периода оккупации Внешней Монголией пастбищ населения Дариганга // Исследования по истории и географии пограничных территорий Китая. 2000. № 4. С. 38–46] = 周学军. 达里冈爱牧场被外蒙古占领时间考辨. 中国边疆史地研究.
59. *Чжоу Сюэцзюнь*. [Исследование учреждения должности премьер-министра при Джебдзун-Дамбе: Дискуссия с г-ном Люй Ижанем // Исследования истории и географии пограничных территорий Китая, 1999.

- № 3. С. 69–82] 周学军. 哲布尊丹巴政权内阁总理大臣设置考—兼与吕一燃先生商榷.
60. *Шань Дань*. [Изучение отдельных вопросов истории хошуна Хорчин-Юихоуци. Хух-Хото, 2006] = 山丹. 科尔沁右翼后旗历史若干问题研究.
61. *Шэнь Янь*. [Великолепные остатки построек марионеточного государства Маньчжоу-Го в Чанчуне. Чанчунь: Фотоиздательство провинции Цилинь, 2002] = 沈燕: 长春伪满遗址大观吉林摄影出版社.

### На монгольском языке

1. *Авирмэд Э., Дашцэдэв Д., Совд Г.* Монгол хууль: Уламжлал, шинэчлэл Монголын төр эрх зүйн түүхэн сэдэв // Education Company. Улаанбаатар, 1997. 107 х.
2. *Алтанцэцэг Н.* XIX зууны II хагас — XX зууны эхэн үеийн Өвөр Монгол. Улаанбаатар, 1981.
3. *Алтанцэцэг Н.* Монголын ард түмний манжийн эсрэг үндэсний эрх чөлөөний хөдөлгөөний түүхийг БНХАУ-ын түүх судлалд тусгаж байгаа нь. М., 1985.
4. *Батсайхан О., Лонжид З., Хажидсүрэн Ч.* Зарлигаар тогтоосон Монгол Улсын хууль зүйлийн бичиг. Улаанбаатар, 2005. Х. 130–134.
5. *Болдбаатар Ж., Лундээжанцан Д.* Монгол улсын төр эрх зүйн туухэн уламжлал. Улаанбаатар, 1997. 392 х.
6. *Гонгор Д.* Халх товчоон. Улаанбаатар, 1970. 340 х.
7. *Жамсран Л.* Ар, Өвөр буюу Гадаад, Дотоод Монгол гэдгийн учир // «Арга билэг» сонин. 1990. № 4.
8. *Доржийн З.* Дэ Ван. Улаанбаатар: Адмон, 2011. 222 х.
9. *Насанбалжир Ц.* Манж Чин улсад Ар Монголоос нийлүүлж байсан алба (1691–1911). Улаанбаатар, 1964. 184 х.
10. *Содовсүрэн Б.* Хувьсгалын өмнөх Монголын төр ба хууль цааз. Улаанбаатар, 1989. 96 х.
11. *Цэрэндорж Ц.* Ар, өвөр, гадаад, дотоод Монгол хэмээх нэрийн тухай // Нүүдэлчдийн өв судлал. 2010. № 10. Х. 197–211.

### На японском языке

1. *Ватанабэ Рюсаку.* [Разбойники. Страницы истории Японо-китайской войны Чюокоронсинся, 1964. 71 с.] = 渡辺竜策. 馬賊 — 日中戦争史の側面. 中公新書. 中央公論新社.
2. *Мияваки Джунко.* [Великая маньчжурская империя во всемирной истории. Токио: Пи Эйч Пи Кэнкюсё. 2006. 171 с.] = 宮脇淳子. 世界史のなかの満洲帝国. 新書. 研究所.
3. *Улантана.* [Меры по созданию правительства Богд Хана восточными внутренними монголами: На примере Шударга-Батор Бавуужава // Исследование Северо-Восточной Азии / Центр исслед. Северо-Восточной

Азии в ун-те Тохоку. 2008. Вып. 12. С. 97-118] = 烏蘭塔娜. Богд・ハーン政権成立時の東部内モンゴル人の動向: バボージャヴを例として. 東北アジア研究 (東北大学東北亞研究中心).

4. Цинь Юянь. [Основополагающие документы о конфликтах с участием японских сухопутных и военно-морских сил. 2-е изд. Токио: Изд. объедин. вузов, 2005. 213 с.] = 秦郁彦編 «日本陸海軍総合事典» 第2版、東京大學出版會. 2005年.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие .....	5
Введение .....	12
<b>Глава 1. Историографический и источниковедческий обзор материалов о Внутренней Монголии в конце XIX — первой половине XX в.</b> .....	24
1.1. Место исследований о Внутренней Монголии в отечественной и зарубежной историографии .....	24
<i>Отечественная историография</i> .....	25
<i>Зарубежная историография</i> .....	61
1.2. Источниковедческая база исследования .....	68
<b>Глава 2. Монгольский мир империи Цин и российско-цинского фронта в период республики (конец XIX в. — 1931 г.)</b> .....	81
2.1. Колонизационная политика цинских и республиканских властей и ее последствия для Внутренней Монголии и монгольских районов Маньчжурии. Дуальность государственных институтов управления монгольскими территориями .....	81
<i>Монгольская администрация</i> .....	81
<i>Механизмы китайской колонизации</i> .....	95
<i>Китайская администрация</i> .....	103
<i>Создание республики и интеграция в ее структуру монгольских территорий. Место центральной власти в управлении монгольскими землями</i> .....	109
<i>Место особых районов и хошунов на территории Внутренней Монголии в структуре китайской государственности</i> .....	113
2.2. Внутренняя Монголия после Синьхайской революции .....	120
<i>Цзаймутэз Мубилай, движение «индепендентов» и съезды «лоялистов»</i> .....	120
<i>Гунсэнноров и Комиссия по делам Монголии и Тибета</i> .....	130
<i>Японская политика в регионе</i> .....	142
<i>Народно-революционная партия Внутренней Монголии</i> .....	152

<b>Глава 3. Автономизация центральных сеймов Внутренней Монголии</b> .....	165
3.1. Монгольская автономия и ее место в структуре Китайской Республики .....	165
<i>Начало автономистского движения и первые съезды монгольской аристократии</i> .....	165
<i>Решающий раунд II Съезда 29 октября 1933 г. Провозглашение автономии и его последствия</i> .....	176
<i>Создание Политического совета Монгольской автономии 7 марта 1934 г. и последствия этого шага</i> .....	193
3.2. Военное правительство Внутренней Монголии. На пути к независимости .....	205
<i>Зимний кризис Монгольской автономии и первое провозглашение независимости (декабрь 1935 — январь 1936)</i> .....	205
<i>Создание Военного правительства Внутренней Монголии (25 апреля — 1 мая 1936)</i> .....	217
<b>Глава 4. Чахарские и суйюаньские земли. В орбите японских интересов</b> .....	231
4.1. Восточный Чахар и автономия района Чадун .....	231
<i>Предпосылки к формированию автономии</i> .....	231
<i>Институционализация режима</i> .....	237
<i>Политический фактор Хэбэйско-Чахарской автономии во главе с Сун Чжэюанем в судьбе Восточного Чахара</i> .....	241
<i>Объединение режимов Дэ Вана и Ли Шоусиня и его последствия</i> .....	254
4.2. Суйюаньские кампании 1936 и 1937 гг. в преддверии Второй японско-китайской войны .....	265
<i>Значение провинции Суйюань</i> .....	265
<i>Первая суйюаньская кампания и ее провал</i> .....	267
<i>Китайские маневры</i> .....	274
<i>Вторая суйюаньская кампания и ее результаты</i> .....	281
<b>Глава 5. Внутренняя Монголия между началом Второй японско-китайской войны и провозглашением КНР</b> .....	287
5.1. Объединение монгольских земель под японским контролем. Создание и падение Мэнцзяна .....	287
<i>Проект «Большая Монголия» и создание Объединенного комитета Мэнцзяна (сентябрь — ноябрь 1937)</i> .....	287
<i>Объединенное автономное правительство Мэнцзяна (1 сентября 1939) и автономное Монгольское государство в составе Китайской Республики (4 августа 1941)</i> .....	308



---

5.2. Государствоподобные образования в центральных и восточных районах Внутренней Монголии после окончания Второй мировой войны .....	314
<i>Монгольские земли в китайских послевоенных границах</i> .....	314
<i>Временное правительство Внутренней Монголии (9 сентября — 27 ноября 1945)</i> .....	320
<i>Народное автономное правительство Восточной Монголии (17 января — 26 мая 1946)</i> .....	323
<i>Движение за создание Федеративной автономии Внутренняя Монголия (27 ноября 1945 — 1 мая 1947)</i> ....	334
<i>Образование автономного района Внутренняя Монголия</i> .....	341
5.3. Монгольские национальные окраины Западного Китая.	
Создание и упразднение Алашаньской Республики .....	344
<i>Алашань как политическое пространство</i> .....	344
<i>Алашань под номинальной властью Гоминьдана и в сфере японских интересов</i> .....	346
<i>Ма Хункуй и его роль в сохранении относительной самостоятельности Алашани</i> .....	349
<i>Алашань после окончания Второй мировой войны. Начало движения за автономию региона</i> .....	352
<i>Алашаньская Республика как политический проект</i> ....	354
<b>Заключение</b> .....	362
<b>Примечания</b> .....	376
<b>Список источников и литературы</b> .....	429

*Научное издание*

**Павел Николаевич Дудин**

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ  
ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ**

**в конце XIX — первой половине XX века**

Редактор *Е.В. Цвеклинская*

Художник *П. Палей*

Корректор *И.Л. Мальшева*

Оператор электронной верстки *А.Н. Прокошенко*

Подписано в печать 11.11.2024.

Формат 60 × 88 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Уч.-изд. л. 30,39.

ФГБУ Издательство «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Е-mail: [info@naukapublishers.ru](mailto:info@naukapublishers.ru)

<https://naukapublishers.ru>, <https://naukabooks.ru>

Редакция гуманитарной литературы

ФГБУ Издательство «Наука».

630008, Новосибирск, ул. Тургенева, 167.

Е-mail: [rednauka@yandex.ru](mailto:rednauka@yandex.ru)

ФГБУ Издательство «Наука»

(Типография «Наука»)

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1